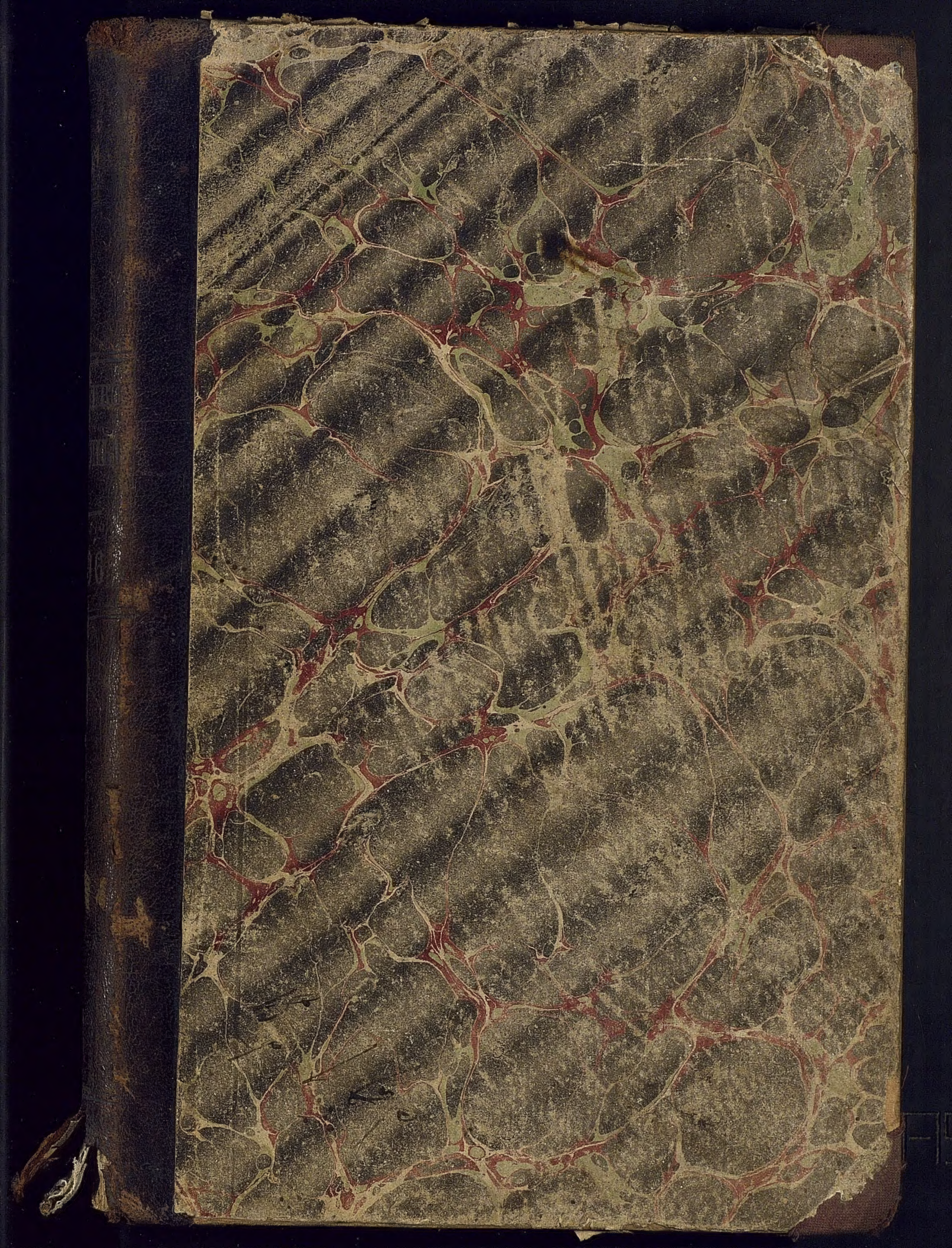
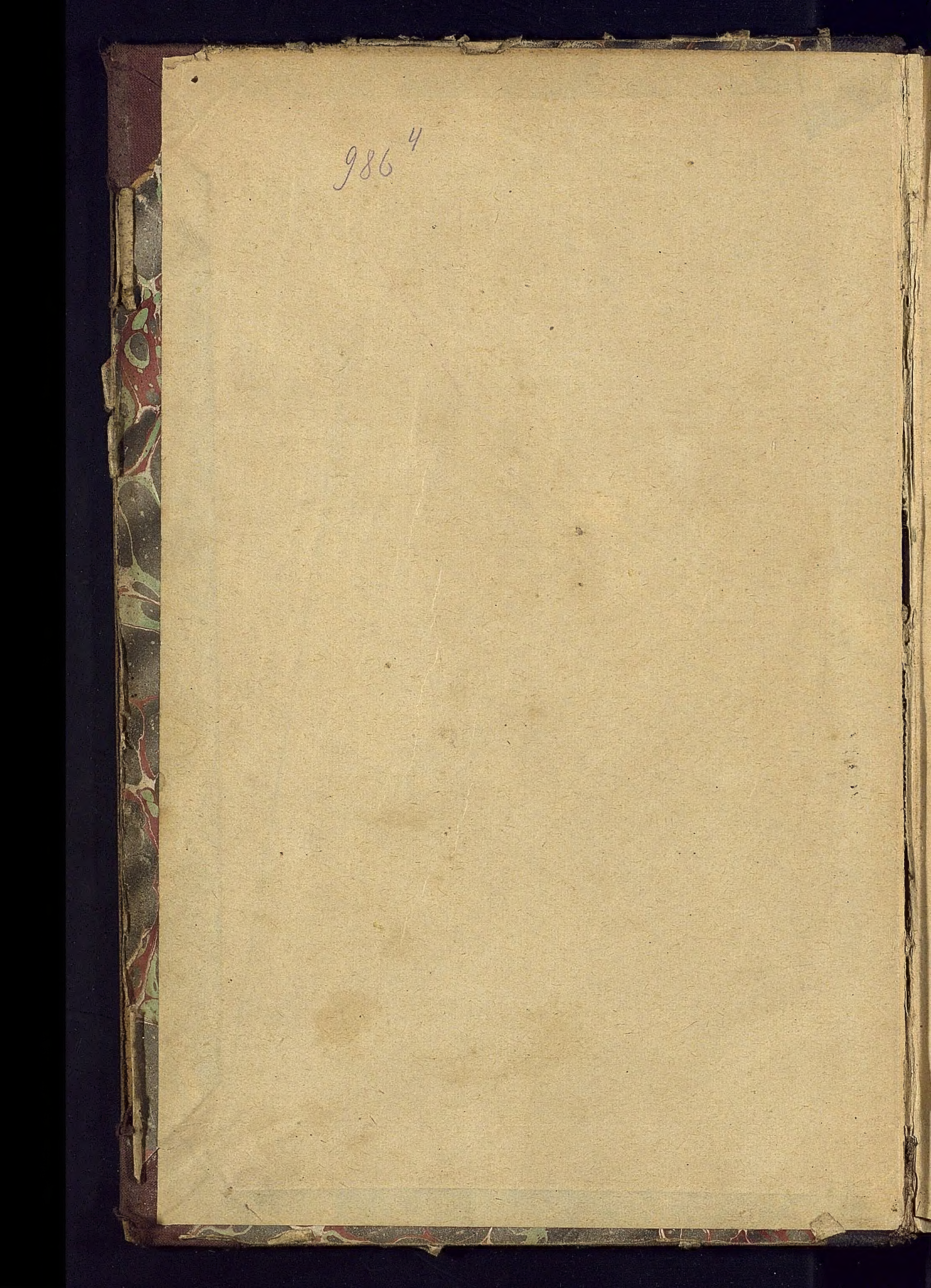
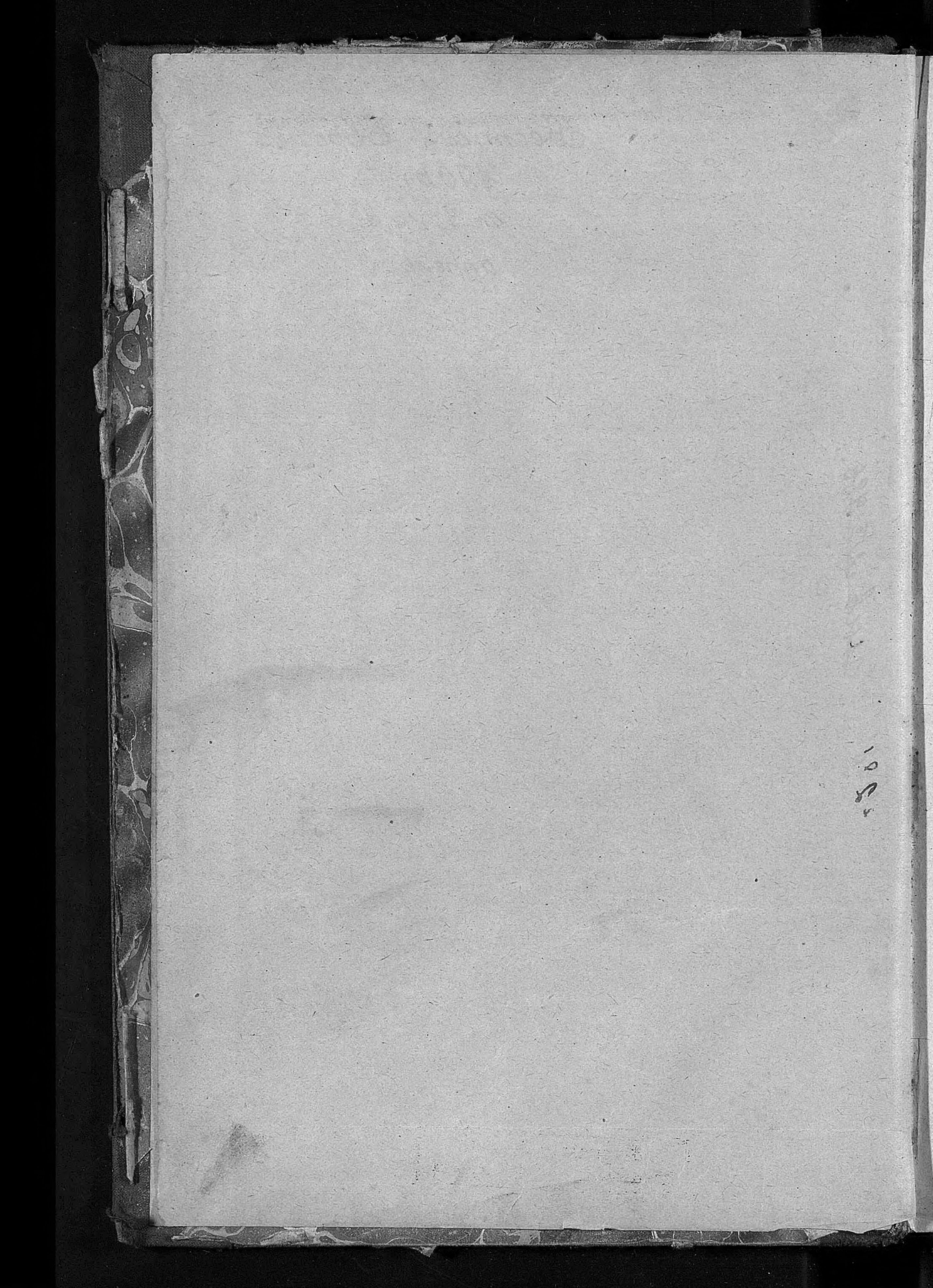

986 4

Вестник Европы.
1906 г.
т. 2, кн. 4.
апрель.

ВЕШНІЙ ПОТОКЪ

РОМАНЪ.

Окончаніе.

XXIX *).

Надъ столицей разгоралось свѣтлое январьское утро. Солнце ярко освѣщало покрытыя свѣжимъ, пока еще бѣлымъ снѣгомъ улицы. Морозъ крѣпчалъ.

Что-то тревожное стояло въ этомъ столичномъ воздухѣ, несмотря ни на удивительную прозрачность морознаго утра, ни на яркій свѣтъ зимняго солнца; тревожное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, бодрое и томительное, радостное и жуткое, вродѣ того чувства, которое испытываешь на войнѣ передъ рѣшительнымъ боемъ: и весело, и страшно, и оба эти чувства сливаются вмѣстѣ; то сердце радостно забьется отъ предвкушенія удачи, то сожмется мучительно отъ тягостной думы:—что будетъ? чѣмъ все это кончится?

Еще наканунѣ этого знаменательнаго дня, все было уже хмуро, сѣро, уныло.

Въ пустомъ пространствѣ кипѣли выспренніе разговоры, добровольческіе разговоры, которыхъ „старшіе“ не слушали, которые игнорировались, и обо всемъ этомъ было разрѣшено болтать дѣтямъ, потому что отчего дѣтямъ и не поболтать въ мѣру, и потому еще, что чѣмъ больше запрещай—тѣмъ больше будутъ болтать.

---

*) См. выше: мартъ, стр. 5.

Поэтому и разрѣшили, и рѣшили смотрѣть на эту, когда-то совсѣмъ непозволительную, болтовню сквозь пальцы.

Но это была болтовня. И несмотря на либеральныя слова и словечки, на мысли и робкія идейки, прорывавшіяся въ салонахъ и въ нарождавшихся изо дня въ день и запрещавшихся газетахъ, —казалось, что тяжелая пелена опустилась надъ русской жизнью, пелена, сотканная злой ткачихой, Исторіей, изъ скорбныхъ военныхъ неудачъ, изъ еще болѣе скорбныхъ военныхъ неурядицъ.

Все казалось такъ безнадежно, мрачно, такъ невыполнимо, сѣро и безцвѣтно.

Все было такъ принижено, такъ безсильно, такъ устало.

Возвѣщенная незадолго до этого дня „весна" среди глухой осени казалась злой шуткой плоскаго шутника, нелѣпостью, самообманомъ, выдуманнымъ для того, чтобы хотя призракомъ немного потѣшить пришедшее въ отчаяніе маразма общество, которое начало уже кричать: „такъ жить долѣе нельзя!"

Но весна или, вѣрнѣе, миражъ ея простоялъ недолго. Вызывали черезчуръ распоясавшихся людей въ управленія и внушали:

— Весна кончилась. И откуда вы только взяли, что весна бываетъ въ декабрѣ?

И это было естественно: не бываетъ, не можетъ быть весны въ декабрѣ, среди лютой зимы, когда сонно и вяло текутъ ручьи, скованные по верху тяжелымъ, толстымъ льдомъ, накопившимся за долгую и жестокую зиму.

Что-то какъ будто задвигалось подъ этой толстой корой, но потомъ все опять стихло, потому что ледяная струя воздуха, пронесшаяся въ высшихъ слояхъ атмосферы, сковала еще крѣпче оковы льда. „Но и подъ снѣгомъ иногда—бѣжитъ кипучая вода". И вода эта вдругъ забурлила, закипѣла.

Это только недальновиднымъ людямъ показалось, что „вдругъ". На самомъ дѣлѣ она давно уже рвалась наружу, отыскивала путь наименьшаго сопротивленія, искала выхода, силы въ себѣ, чтобы пробить брешь въ этой еще такъ недавно почитаемой несокрушимой оковѣ.

Въ Петербургѣ было мрачно.

Въ домахъ царили уныніе и трауръ. Театры и рестораны теперь пустовали.

Глухое броженіе шло на фабрикахъ и заводахъ. Забастовалъ, незадолго до памятнаго дня, Путиловскій заводъ. Забастовщики обходили другія фабрики и заводы и принуждали рабочихъ бастовать.

Слово „забастовка“ стало моднымъ. Союзы рабочихъ волновались; требованія ихъ росли; депутаціи являлись къ предпринимателямъ съ письменнымъ и спѣшнымъ изложеніемъ требованій. Предприниматели отвѣчали уклончиво. Впервые было произнесено въ публикѣ имя священника Гапона, демагога, организатора и вдохновителя рабочаго движенія.

Петербургъ сидѣлъ безъ газетъ. Уже нѣсколько дней ни одна газета не выходила. Свѣдѣній и новостей никакихъ не было, но чудовищные разсказы бродили по городу, распложались, какъ грибы послѣ дождя, и нарощались какъ катящійся снѣжный комъ.

Новости узнавали еще кое-какъ изъ московскихъ газетъ. Телеграфировали изъ Петербурга въ Москву, тамъ печатали и высылали въ Петербургъ.

Но потомъ и московскія газеты прекратились. Петербургъ сталъ походить на осажденный и плотно заблокированный городъ, отрѣзанный отъ всего міра.

Было что-то удивительно смутное и тревожное въ этомъ небываломъ и новомъ положеніи столицы. И вмѣстѣ съ тѣмъ что-то возбуждающее. Только немногіе трусы спѣшили покинуть Петербургъ.

И вотъ, насталъ день девятаго января. Памятный день!

Весь городъ былъ оцѣпленъ войсками, спѣшно вызванными наканунѣ изъ окрестностей. У мостовъ стояла пѣхота, на площадяхъ—кавалерія и казаки. Черезъ мосты пропускали только въ видѣ исключенія и то съ предъявленіемъ визитной карточки и паспорта.

Кое-гдѣ въ улицахъ, вокругъ костровъ, расположились бивуаками войска, составивъ ружья въ козлы.

По тревогѣ, они бросались къ ружьямъ, разбирали ихъ и строились въ боевой порядокъ.

Толпы рабочихъ, со священникомъ Гапономъ во главѣ, съ хоругвями, образами, портретомъ Государя, двинулись стройными массами, какъ ничѣмъ неудержимая лавина, на площадь Зимняго дворца.

И около трехъ часовъ дня столица услыхала глухіе выстрѣлы залповъ.

Жребій былъ брошенъ! Народная кровь пролита. Тамъ, за десятки тысячъ верстъ, проливали кровь врага; здѣсь, въ столицѣ Россіи,—кровь своего народа, того народа, братья котораго грудью стояли за честь родины.

Войска стрѣляли въ толпу, въ образа, въ хоругви, и это вызывало взрывы негодованія, одичалые взрывы озвѣренія и горя.

Гражданская война, до сихъ поръ немыслимая, казавшаяся въ Россіи совершенно невозможной, началась. Бѣлый покровъ снѣга на многихъ улицахъ столицы окрасился алымъ цвѣтомъ пролитой крови. Валялись трупы, раздавались мучительные стоны раненыхъ. Воздвигались баррикады, на которыя казаки ходили въ аттаку. Царило смятеніе, ужасъ, растерянное недоумѣніе, паника.

Залпы учащались. Они глухо долетали до слуха обывателей, заперевшихся отъ страха въ квартирахъ. И при каждомъ залпѣ вздрагивали сердца этихъ испуганныхъ людей.

Творилось на улицахъ что-то невозможное, небывалое.

Во многихъ мѣстахъ гасло электричество, и улицы погружались во тьму.

Войска пришли въ возбужденіе. Они ходили въ аттаку на толпу, иногда безъ достаточнаго повода.

Жюль Ферранъ, заграничный корреспондентъ, съ какимъ-то торжествующимъ видомъ объѣзжалъ и обходилъ улицы. Онъ поминутно поправлялъ pince-nez на своемъ сизо-красномъ мясистомъ носу и безстрашно появлялся на всѣхъ опасныхъ мѣстахъ.

Его веселила эта картина „революціи", которой онъ такъ давно ждалъ, повидимому тщетно, и которую онъ такъ давно съ упрямствомъ предсказывалъ.

Предсказаніе его исполнилось, и именно это политическое провидѣніе его веселило.

Пробираясь среди толпы, на углу Невскаго и Морской, работая локтями и плечами, онъ вдругъ столкнулся лицомъ къ лицу съ Мамаевымъ.

Ихъ раздѣляла толпа, прижатая къ стѣнамъ домовъ, и черезъ головы сотни людей Жюль Ферранъ крикнулъ Мамаеву:

— Eh bien! Quand je vous disais!

И въ голосѣ его звучало торжество.

Гдѣ-то, вдали, грянулъ выстрѣлъ, за нимъ—другой, третій. Пошла трескотня.

Толпа вздрогнула, заколыхалась, двинулась волною къ мѣсту событія. Раздались крики негодованія.

Однимъ изъ взводовъ на площади Зимняго дворца командовалъ Вадимъ Кардановъ. Лицо его было сосредоточено, угрюмо, сурово, но рѣшительно. Въ его глазахъ свѣтилась упрямая рѣшимость не отступать ни передъ чѣмъ, исполнить все до конца.

Мамаева, послѣ встрѣчи съ корреспондентомъ, вынесло толпою на площадь.

Онъ шелъ машинально, не пытаясь сопротивляться, пови-

нуясь этому теченію поневолѣ, потому что всякая борьба была невозможна.

Онъ былъ взволнованъ и блѣденъ. Губы его дрожали и раза два на глаза навертывались слезы; но онъ не чувствовалъ въ душѣ жалости къ жертвамъ этой политической катастрофы. Просто, нервы были сильно напряжены отъ созерцанія потрясающей и новой для него картины.

На окрикъ корреспондента онъ ничего не отвѣтилъ, а только лицо его приняло скорбное выраженіе.

Въ душѣ онъ подумалъ:

„Какой дуракъ! Чему радуется?“...

А тотъ исчезъ въ толпѣ, какъ фантомъ; онъ умѣлъ бороться съ теченіемъ и выплывать, хотя и съ неимовѣрными усиліями, въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ ему нужно было быть по его соображеніямъ.

Старыя картины всевозможныхъ émeutes и bagarres, картины народныхъ возмущеній и революцій, при которыхъ онъ присутствовалъ на родинѣ или которыя создались въ его воображеніи по изученіямъ историческихъ источниковъ, вставали теперь въ его воспоминаніяхъ и осуществлялись здѣсь, на яву, въ этой Россіи mystérieuse, которая еще такъ недавно была ужасно далека отъ этого.

— Mais, nom de Dieu! — говорилъ онъ себѣ. — J'ai un flair. Je m'y attendais... Enfin ça y est!

И онъ радовался, какъ ребенокъ.

Къ вечеру часть, которою командовалъ Вадимъ, перешла на Васильевскій-Островъ, куда перенеслось народное волненіе.

Здѣсь грабили магазины, били стекла, вытаскивали изъ лавокъ мебель, стойки, ящики и воздвигали баррикады.

Всюду были толпы неактивной, любопытствующей публики, насколько возможно спокойно стоявшей на троттуарахъ.

Вадимъ подошелъ къ толпѣ въ то время, какъ взводъ казаковъ ходилъ аттакой на баррикаду, и громко потребовалъ разойтись.

Никто не двинулся. Раздались возгласы:

— Оставьте насъ въ покоѣ! Вы бы лучше шли сражаться противъ японцевъ. Видно, насъ бить легче, безоружныхъ людей...

Потомъ посыпались ругательства. И офицеры, и войска были озлоблены,

Вадимъ, съ плотно-стиснутыми зубами, выносилъ стойко и мужественно эти ругательства, эти взрывы негодованія. Онъ обязанъ былъ дѣлать то, что̀ дѣлалъ, и онъ дѣлалъ это. Только

что-то въ лѣвой вѣкѣ его глаза судорожно билось и дрожало, и это безпокоило его.

На второе его требованіе разойтись раздались новыя ругательства. Какой-то оборванецъ протиснулся впередъ, съ неимовѣрными усиліями поднялъ руку и пустилъ поверхъ солдатъ камень. Глаза его горѣли лихорадочнымъ пламенемъ, лицо было возбуждено, но онъ былъ совершенно трезвъ.

Тогда Вадимъ приготовился къ стрѣльбѣ.

Глухимъ, сдавленнымъ голосомъ, разжавъ зубы, онъ приказалъ взводу стрѣлять.

Толпа шарахнулась. Около лица Вадима очутился чей-то кулакъ.

Вадимъ взмахнулъ шашкой, но во-время остановился.

Онъ узналъ Мишу.

Взоръ брата горѣлъ дикимъ пламенемъ ненависти. Губы его были блѣдны и тряслись, и самъ онъ походилъ на гальванизированнаго мертвеца.

— Подлецъ!—почти беззвучно прошепталъ Михаилъ своими побѣлѣвшими губами.

Густая краска залила лицо Вадима.

Онъ взмахнулъ шашкой, но тотчасъ же опустилъ ее, потомъ приказалъ взять „ружья къ ногѣ“ и хотѣлъ увезти взводъ.

Но шальная пуля вырвалась у кого-то изъ солдатъ, и пронеслась надъ толпой.

Баррикада уже была взята.

На обломкахъ баррикады, въ прилегающихъ къ ней улицахъ, куда бросились ее защищавшіе, преслѣдуемые войсками, происходилъ адъ.

Крики, рукопашныя схватки, свистъ казачьихъ нагаекъ, разсѣкавшихъ морозный ночной воздухъ, звонъ разбиваемыхъ стеколъ, стоны раненыхъ и въ отдаленіи—нестройное пѣніе революціонныхъ пѣсенъ, все это давало картину настоящей, несомнѣнной революціи, и вездѣсущій корреспондентъ, побывавшій уже на почтѣ, на телеграфѣ и поспѣвшій сюда, сновалъ тамъ и сямъ, имѣя хладнокровіе и выдержку закаленнаго корреспондента, чтобы записывать коснѣвшими на холоду руками въ записной книжечкѣ свои замѣтки: „Les étapes de la révolution“; „L'assaut d'une barricade“; „Une bagarre dans les rues voisines“...

Въ Маріинскомъ театрѣ шелъ въ этотъ достопамятный вечеръ бенефисъ балерины О. О. Преображенской.

Незадолго до спектакля проѣхала въ театръ въ каретѣ Стаховская. Она была взвинчена и взволнована съ утра. Она не

знала, какъ отнестись къ событію, но какое-то внутреннее чувство, еще для нея неуясненное, возмущало ее до глубины души. И это внутреннее чувство властно требовало выхода.

Увидя у подъѣзда одного изъ своихъ знакомыхъ офицеровъ, она, повинуясь этому чувству, высунулась изъ окна кареты, и почти безсознательно, неожиданно для самой себя, крикнула ему:

— Стыдно... стыдно!

Офицеръ ухаживалъ за ней, подносилъ ей цвѣты, относился къ ней прекрасно.

Но въ этотъ злосчастный день роли круто перемѣнились, отношенія становились новыми, прежніе друзья дѣлались врагами.

Онъ озлобленно, почти яростно взглянулъ на нее.

Она не узнала этого взгляда—столько было въ немъ ненависти, жестокости и злобы. Передъ нимъ уже была не балерина, не артистка, не хорошенькая женщина, а революціонерка. Онъ былъ на своемъ посту и обязанъ былъ подавлять всѣ признаки протеста.

Сколько уже разъ онъ слышалъ сегодня эти жестокія обвиненія по своему адресу—жестокія и несправедливыя по его мнѣнію,—потому что вѣдь если тѣ, кто производилъ смуту, думали, что исполняютъ свой долгъ, то вѣдь и онъ исполнялъ только свой долгъ.

Но публика бросала ему въ лицо рѣзкое осужденіе.

Онъ взялся за оконный край кареты, и трясущимися губами спросилъ Стаховскую:

— Что стыдно?

— Стрѣлять въ беззащитный народъ! Стыдно! Стыдно!—и она заплакала.

Но это его не тронуло.

— Я доложу о вашей выходкѣ директору,—сказалъ онъ и, не поклонившись, отошелъ отъ кареты.

Ей показалось, что ему, дѣйствительно, сдѣлалось стыдно, потому что голова его какъ-то поникла.

Ей сдѣлалось жаль его, и она сама не знала, какъ отнестись къ своей выходкѣ.

Спектакль, все-таки, состоялся.

Исполнители были въ крайне взволнованномъ состояніи. Среди танцовщицъ прошелъ слухъ, что театръ взорвутъ.

Какъ ни успокаивали ихъ, какъ ни объясняли имъ вздорность этого слуха, онѣ танцовали, въ буквальномъ смыслѣ слова, какъ на вулканѣ.

Сборъ на бенефисъ любимой балерины былъ полный, но пу-

блика не съѣзжалась. Только немногіе ряды креселъ наполнились обычными балетоманами — безстрашными, когда дѣло шло о балетѣ, и безстрастными ко всему остальному, кромѣ балета.

Впрочемъ, многіе явились сюда какъ въ общественное собраніе, чтобы узнать, что̀ дѣлается въ городѣ, чтобы обмѣняться впечатлѣніями, такъ какъ газетъ не было уже нѣсколько дней, а по городу разростались зловѣщіе слухи.

Такъ, на десятое января сообщалось прекращеніе освѣщенія, прекращеніе воды, нашествіе на столицу рабочихъ изъ всѣхъ окрестныхъ городовъ и даже изъ Москвы.

Но и въ театрѣ нельзя было ничего узнать. Всѣ были взволнованы событіями этого дня, возмущены сценами, происходившими на улицахъ, этой гекатомбой убитыхъ, точно Петербургъ былъ не столицей Россіи, а японскимъ городомъ, взятымъ вражескими войсками.

Наполнилось къ срединѣ спектакля нѣсколько ложъ. На сцену, на представленіе, никто не обращалъ вниманія. Публика, видимо, и не интересовалась спектаклемъ и была сконфужена своимъ присутствіемъ въ театрѣ, когда столько ужасовъ въ городѣ.

Распространились въ серединѣ вечера слухи, что въ Александринскомъ театрѣ спектакль прекращенъ по требованію самой публики, что тамъ были произнесены революціонныя рѣчи и пришлось опустить занавѣсъ. Балетная публика, болѣе сдержанная, не произвела такого насилія, но задолго до окончанія спектакля она начала разъѣзжаться, и залъ пустѣлъ.

Среди балетомановъ перваго ряда не было Зимницкаго. Прошелъ слухъ, что онъ арестованъ вмѣстѣ со многими другими, за то, что у него нашли прокламаціи и проектъ временнаго правительства.

Никто не хотѣлъ вѣрить этому, но слухъ настойчиво подтверждался, и потомъ оправдался.

XXX.

Передъ спектаклемъ Стаховскую вызвали по телефону въ дирекцію. Это былъ необыкновенный случай, и она очень испугалась. Въ казенной каретѣ поѣхала она въ зданіе дирекціи, гдѣ начальство встрѣтило ее очень сурово, но тотчасъ же смягчилось, увидя ея растерянный видъ.

И всѣ вообще въ этотъ день были разстроены, растеряны, не знали, чего держаться, что̀ говорить.

— Вы позволили себѣ выразить порицаніе офицеру у подъѣзда театра? — спросило ее начальство.

„Кончено!—подумала она:—меня уволятъ изъ балета...“

— Да, я сказала...

— Пріѣзжалъ офицеръ съ жалобой. Какъ же вы себѣ это позволили? — уже смягченнымъ, отеческимъ тономъ спросилъ ее администраторъ. — Вы рисковали многимъ. Всей карьерой, всей вашей будущностью...

Сказуемое, поставленное въ прошедшемъ времени, нѣсколько успокоило ее. „Рисковали“ —значитъ, теперь уже рискъ прошелъ.

— Я не знаю,—проговорила она.—Это вырвалось у меня невольно. Душа заговорила. Я была сильно потрясена, взволнована...

— Мы всѣ потрясены и взволнованы, но извѣстное положеніе обязываетъ къ извѣстной сдержанности. Вы на казенной службѣ. Хорошо, что мнѣ удалось уговорить обиженнаго не поднимать исторію... Это, къ счастью, останется между нами. Но я вамъ долженъ, все-таки, сдѣлать строжайшій выговоръ.

Съ тѣмъ Стаховская и уѣхала.

Въ театръ она уже не возвращалась. Улицы, по которымъ она проѣзжала, еще носили слѣды недавней битвы. Что-то зловѣщее было въ этихъ погруженныхъ во мракъ площадяхъ, въ этихъ разбитыхъ стеклахъ домовъ, въ этихъ остаткахъ баррикадъ.

По улицамъ разъѣзжали казачьи патрули, кавалерійскіе отряды, проходила пѣхота, конные жандармы и полиція верхомъ; иногда кавалеристы вдругъ мчались по неизвѣстному направленію и исчезали, какъ ночныя тѣни.

Кое-гдѣ, на перекресткахъ болѣе отдаленныхъ улицъ, горѣли костры и въ походныхъ кухняхъ солдаты варили себѣ пищу послѣ труднаго „боевого“ дня.

Все это было необыкновенно, удивительно для столицы, вдругъ неожиданно въ одинъ день сдѣлавшейся ареной гражданской войны.

Стаховская вернулась домой въ глубоко-нервномъ настроеніи.

Она знала, что большинство ея подругъ находятся въ такомъ же удрученномъ состояніи. При всей избалованности ихъ, при всемъ ихъ влеченіи пользоваться удобствами, комфортомъ свѣтской жизни, при всемъ томъ, что онѣ далеко отошли, по условіямъ своего существованія, отъ народа, отъ того народа, къ которому большинство изъ нихъ принадлежало по происхожденію, онѣ не потеряли окончательной связи съ нимъ, потому что у каждой изъ нихъ были родственники, которымъ онѣ всегда помогаютъ, хотя и держатъ ихъ въ тѣни.

И Стаховской было глубоко обидно это избіеніе народа на улицахъ столицы.

Именно обидно, горько, стыдно. И она болѣла душою, не будучи въ теченіе всей ночи въ состояніи сомкнуть глаза и нервно прислушиваясь къ чудившимся ей еще залпамъ и отдѣльнымъ выстрѣламъ.

Но все было спокойно въ эту ужасную ночь.

На утро распространились слухи, что столицѣ угрожаетъ поголовное разгромленіе магазиновъ, битье стеколъ въ домахъ и фонаряхъ, прекращеніе воды и свѣта. Посылали за керосиномъ, но керосинъ уже не продавали вслѣдствіе его израсходованія, или, можетъ быть, опасенія въ пожарномъ отношеніи. Свѣчи продавались по невѣроятной цѣнѣ.

Съ утра по городу опять разъѣзжали патрули и войсковыя части; уцѣлѣвшія окна магазиновъ задѣлывались досками и щитами.

Гостиный Дворъ былъ весь запертъ и оцѣпленъ желѣзными цѣпями. Вдоль него ходили патрули съ ружьями.

Городъ принялъ выморочный видъ съ его забитыми магазинами, сгорѣвшими газетными кіосками, битыми стеклами, вывороченными фонарными столбами, кострами, бивуаками пѣхоты, конными разъѣздами.

Жителей въ этотъ день очень мало было видно на улицахъ. Театры всѣ до одного закрылись. Газеты не выходили. Нервы у всѣхъ были напряжены ужасно въ ожиданіи грядущихъ событій.

Стаховская встала, послѣ короткаго предутренняго тревожнаго сна, съ головной болью, еще болѣе нервно настроенная, чѣмъ вчера.

Кое-какъ одѣвшись къ завтраку, она вышла въ столовую.

И въ это время пришелъ Мамаевъ.

Она его встрѣтила сухо, холодно, недружелюбно.

Вдругъ онъ ей показался противенъ своимъ изящнымъ, вылощеннымъ, чистенькимъ видомъ, своимъ невозмутимымъ спокойствіемъ, какъ будто все шло такъ, какъ прежде, и ничего особеннаго не случилось.

Она оглядѣла его съ головы до ногъ, и, сама подивившись своему новому чувству къ нему, которое такъ внезапно родилось въ ней, незамѣтно пожала плечами.

— Какъ ты спала, Женя?—спросилъ онъ своимъ обычнымъ невозмутимымъ голосомъ.

— Дикій вопросъ!—рѣзко оборвала она его.—Какъ можно было спать? А вы спали?

Онъ нѣсколько удивился, что она перешла съ нимъ на „вы“, но съ тѣмъ же спокойствіемъ отвѣтилъ:

— Отлично. Балетъ кончился рано. Я ждалъ тебя на подъѣздѣ, не зналъ, что ты уѣхала. Многіе уѣхали. Я досидѣлъ до конца. Преображенской подали много корзинъ цвѣтовъ. Но она, видимо, была разстроена и танцовала черезъ силу.

— Это васъ удивляетъ?!—съ ироніей въ голосѣ спросила она.

— Нѣтъ, конечно. Но я думаю, что въ театрѣ не было никакой опасности и никакого разумнаго основанія такъ разстраиваться.

Она начала нервно колотить пальцами по столу. Это было у нея всегда признакомъ сильнаго раздраженія, предвѣстникомъ бури.

— Само собой,—сказала она наружно спокойно.—За театромъ гибнутъ люди, свистятъ пули, льется кровь, а въ театрѣ танцовщицы, для услажденія толстокожихъ балетомановъ, должны дѣлать веселыя улыбки и танцовать подъ веселую музыку. Какъ же! Вы абоненты, вы заплатили за кресла, вамъ должны дать спектакль...

По мѣрѣ того, какъ она говорила, голосъ ея становился все нервнѣе и взвинченнѣе, все больше и больше восходилъ къ высокимъ нотамъ. Дѣланное спокойствіе не выдерживало.

Мамаевъ смотрѣлъ на нее съ возраставшимъ удивленіемъ. Онъ еще не понималъ ея. „Сцены“, конечно, давно уже не были для него новостью, и онъ даже привыкъ къ нимъ, умѣя обходить самыя опасныя „кульминаціонныя“ мѣста этихъ сценъ и постепенно сводить ихъ, къ общему благополучію, на нѣтъ.

Но это не было сценой. Это что-то новое: сцена на подкладкѣ политическихъ убѣжденій. День девятаго января перепуталъ всѣ отношенія, измѣнилъ всѣ взгляды. Прежде былъ мутный растворъ, въ которомъ ничего нельзя было разобрать, теперь вдругъ, въ одну ночь, этотъ растворъ сталъ кристаллизоваться въ опредѣленные кристаллы съ опредѣленными гранями.

Но Мамаевъ еще не понималъ этого, потому что душою былъ далекъ отъ политики, всецѣло погрузившись въ свѣтскій train жизни и въ убѣжденное какое-то исключительное балетоманство. Когда не говорили о балетѣ, когда говорили при немъ о чемъ угодно, кромѣ балета, онъ искренно, откровенно скучалъ.

Стаховская, тяжело дыша и какъ-то захлебываясь, продолжала говорить. Ей нужна была, послѣ перенесеннаго потрясенія и долгаго, вынужденнаго молчанія, диверсія, реакція.

— И вы сидѣли въ спектаклѣ и съ прежнимъ спокойствіемъ отсчитывали fouettés?..

— Позволь, пожалуйста, никакихъ fouettés въ этомъ балетѣ нѣтъ, какъ тебѣ извѣстно...

Она посмотрѣла на него уже съ нескрываемымъ презрѣніемъ.

— Вы продолжали критиковать танцовщицъ, ихъ тюники, прически, варіаціи. Сколько вчера было убитыхъ и раненыхъ, сколько осиротѣло бѣдныхъ трудовыхъ семей! Можетъ быть, пострадали и изъ родственниковъ нашихъ балетныхъ кто-нибудь. А вамъ какое дѣло! „Смѣйся, паяцъ"! „Пляши, танцовщица"!..

Она засмѣялась нервнымъ смѣхомъ.

— Вы пришли ко мнѣ и о чемъ же заговорили? О балетѣ?! И вамъ не стыдно? И вамъ не стыдно?!

Она заплакала.

— Но послушай, Женя...—началъ-было онъ.—Я въ первый разъ вижу тебя въ такомъ невозможномъ настроеніи. То, что произошло вчера, было естественно. Гдѣ бунтъ—тамъ кровь; гдѣ возмущеніе—тамъ жертвы. У тебя страшно разстроены нервы.

Она впилась въ него взоромъ. Въ немъ уже явно горѣла ненависть.

— Да, конечно!—взвизгнула она.—Все это естественно. Все это прекрасно. Васъ не ранили; театръ не провалился; балетъ существуетъ. Чего же больше? И вы оправдываете всѣ эти мерзости?

— Но позволь! Что же было дѣлать? Я жалѣю рабочихъ. Они—игрушка въ рукахъ предателей; но вѣдь фактъ остается фактомъ: они мятежной толпой пошли ко дворцу. Минута была критическая: правительство поступило твердо. Это была ужасная необходимость, но необходимость. Только благодаря этому, соціальная революція—въ которую я никогда не вѣрилъ для Россіи—не удалась. И слава Богу!

— Слава Богу, слава Богу!—передразнила она его.—Слава Богу, что тысячи человѣкъ убиты, что улицы обагрены ихъ кровью, что тысячи семей остались безъ куска хлѣба, что сотни матерей рыдаютъ надъ трупами своихъ убитыхъ кормильцевъ, что сотни сиротъ дѣтей остались на рукахъ вдовъ-матерей. Вы—человѣкъ безъ сердца! Вы—человѣкъ безъ порыва! Вы—сухой, черствый педантъ, и я ненавижу, ненавижу васъ! Слышите ли, я ненавижу васъ!

Онъ поблѣднѣлъ.

Въ послѣднее время имъ часто приходилось ссориться, но никогда Стаховская не выражалась такъ рѣзко и опредѣленно, и никогда въ ея тонѣ, въ ея голосѣ не звучала та нотка дѣйствительной ненависти, которую онъ почуялъ въ немъ теперь.

Любилъ ли онъ ее? Онъ и самъ не могъ бы отвѣтить на этотъ вопросъ. Она ему нравилась; она была красива, у всѣхъ на виду. Она была „первая“. Онъ всегда стоялъ за связь съ женщиной, которая бы непремѣнно считалась „первой“. Это его позировало, это ему льстило. Но ея маленькія горести не трогали его, не волновали. Онъ не умѣлъ показывать своего участія къ ея капризамъ, желаніямъ, не умѣлъ удовлетворять ихъ.

Онъ не былъ способенъ на вспышку, на экстазъ. Онъ былъ холоденъ, всегда ровенъ, выдержанъ, безъ темперамента. Онъ не страдалъ ея страданіями, и это всегда глубоко возмущало ее, потому что она была избалована, какъ маленькій ребенокъ, мужчинами.

И она жаловалась ему на недостатокъ мелочного вниманія его къ ней. А онъ ей говорилъ своимъ спокойнымъ, выдержаннымъ тономъ:

— Они... всѣ твои влюбленные могутъ исполнять твои капризы и выходки. Ихъ много: тягость распредѣляется поровну. Я одинъ не могу вынести на своихъ плечахъ все.

Но теперь, когда она такъ горячо выкрикнула ему волновавшія ее чувства, ему вдругъ сдѣлалось жутко. Неужели разрывъ? Неужели такъ много лѣтъ на завоеваніе этой женщины пропало даромъ? Такъ много времени! Пока еще найдешь новое... увлеченье... нѣтъ, новый романъ! Пока привыкнешь къ нему самъ и пріучишь къ нему общество. И изъ-за чего? Смѣшно сказать! Изъ-за „внутренней политики“.

Еще полгода тому назадъ, ни одна танцовщица не знала этихъ вопросовъ внутренней политики и не интересовалась ими. А теперь? Разрывъ изъ-за „революціи“, которой съ такимъ нетерпѣніемъ ждалъ этотъ „дуракъ Ферранъ“...

Онъ внимательно посмотрѣлъ на нее.

— Такъ это разрывъ?—спросилъ онъ ее.

— Да, именно.

— Ты хочешь, дѣйствительно, разойтись со мной?

— О, да, дѣйствительно.

— Но, Женя, подумай, что ты дѣлаешь! Ради чего это? Ради нѣсколькихъ убитыхъ рабочихъ? Но вѣдь не я же, наконецъ, убилъ ихъ.

— Это безчестно, это безчестно,—сказала она,—безчестно говорить о такихъ вещахъ, такимъ тономъ! Я просто до сихъ поръ васъ не знала. Среди темной ночи блеснетъ иногда яркая молнія и освѣтитъ всю мѣстность. Вотъ вчерашній день освѣтилъ мнѣ васъ. Я могу жить только съ человѣкомъ, котораго

уважаю. Я не уважаю васъ больше. Послѣ всѣхъ ужасовъ вчерашняго дня, вы пришли и заговорили... о балетѣ! Что же вы за человѣкъ послѣ этого? Какимъ тономъ вы говорили сейчасъ о нѣсколькихъ убитыхъ рабочихъ. Точно о моли! Но вы забываете, милый, что мы тоже дочери этого народа. Мы порвали съ нимъ внѣшнія связи, но того, что здѣсь,—она указала на сердце,—воспоминаній дѣтства, юности, молодости—этого никогда не забыть. Это чувствуешь... Да нѣтъ, вообще, оставимъ это! И вы сдѣлаете лучше, если уйдете.

— Вы нашли что-нибудь новое?—съ ироніей спросилъ онъ, скосивъ на нее глаза и рѣшивъ больше не сдерживаться, такъ какъ видѣлъ, что на нее „нашло". А когда на нее находило, ничего нельзя было уже съ ней подѣлать.

Это было всѣмъ извѣстно, а ему больше, чѣмъ кому-либо.

Она заплакала.

— Оставьте меня съ вашими гнусными вопросами!—сказала она сквозь слезы.—Уходите. Между нами все кончено...

Она вдругъ перестала плакать, подошла къ нему съ разгорѣвшимся отъ ненависти взоромъ и хрипло зашептала, обдавая его своимъ горячимъ дыханіемъ:

— Слушайте. Я—дочь горничной, крестьянки. Ее соблазнилъ вотъ такой же господинъ хорошей фамиліи, какъ вы, потому что она была красива... вотъ какъ я, можетъ быть лучше. Неимовѣрными трудами, лишеніями, жертвами, она воспитала меня, помѣстила въ училище, поставила на ноги. Во мнѣ кровь народа и кровь вашей аристократіи. Но мнѣ ближе моя мать, которая еще жива и которой я даю средства къ существованію, чѣмъ отецъ, который ограничился тѣмъ, что создалъ меня, а потомъ бросилъ и меня, и ее. А вы...—она задыхалась отъ волненія,—а вы, спросили ли вы хоть разъ о моей матери, хотя вы знали, что она существуетъ? Поинтересовались ли вы моей семьей?.. Вы всѣ считаете насъ какими-то свалившимися съ неба существами, у которыхъ нѣтъ прошлаго и не можетъ быть будущаго. И мы терпимъ все это. И мы страдаемъ и молчимъ. Вы покупаете насъ, вы владѣете нами, какъ дорого купленными вещами, а ни до чего другого вамъ дѣла нѣтъ. И мы терпимъ! У меня братъ—мастеровой въ гребномъ портѣ! Простой мастеровой. Можетъ быть, его убили. Что же такое: „всего нѣсколько мастеровыхъ"! Велика важность! Я хожу въ брилліантахъ, а онъ въ стоптанныхъ сапогахъ! А вамъ какое дѣло? Но довольно. Я не умѣю говорить и не знаю, поняли ли вы меня, или нѣтъ! Но я не хочу быть съ вами больше. Между нами и вами—пропасть!

Не хочу. Найду человѣка съ душой и сердцемъ—съ настоящими!—прекрасно. Не найду—не надо! Проживу и такъ!.. А такихъ, какъ вы—Господи! да ихъ десятками я могу найти. Только не хочу, не хочу, не хочу. Уходите...

Она заткнула уши, не желая слышать его возраженій, хотя онъ ничего не говорилъ.

Она ему и не давала возможности говорить—до того быстро лилась ея взволнованная, возбужденная рѣчь.

Онъ молча пожалъ плечами и ушелъ.

Въ его головѣ уже складывалось объясненіе для многочисленныхъ пріятелей, которые заинтересуются „разрывомъ".

Онъ имъ скажетъ съ усмѣшечкой:

— Нѣтъ, представьте себѣ: мы разошлись съ Стаховской изъ-за политическихъ убѣжденій!! Положительно, Россія, эта милая Россія, состоявшая изъ Петербурга и провинціи, изъ людей общества и неразгаданнаго сфинкса-народа, измѣнилась de fond en comble. Въ ней творится что-то новое. Вдругъ всѣ заговорили о политикѣ, о которой прежде никто и думать не хотѣлъ. И даже—horribile dictu!—танцовщицы стали революціонерками. C'est le comble... décidément, c'est le comble!

XXXI.

У Кардановой въ гостиной сидѣлъ отецъ Виѳанскій.

Этотъ молодой священникъ часто посѣщалъ домъ Кардановой. Онъ былъ передовымъ человѣкомъ своего сословія. Говорилъ обыкновеннымъ человѣческимъ языкомъ, избѣгалъ непонятныхъ, малоубѣдительныхъ цитатъ, носилъ всегда чистое бѣлье и элегантную рясу и держался самыхъ либеральныхъ взглядовъ, находя, что истинная, искренняя вѣра не только не препятствуетъ свободѣ и смѣлости мысли, но даже способствуетъ ей.

Онъ совершенно отсталъ отъ своей среды, рѣдко посѣщалъ священниковъ и ихъ семьи, но зато его принимали охотно въ обществѣ, гдѣ онъ чувствовалъ себя въ своей сферѣ.

Они говорили о событіи девятаго января, о роли Гапона, о роли правительства въ этомъ новомъ движеніи среди рабочихъ.

Отецъ Виѳанскій негодовалъ.

Онъ считалъ, что движеніе это вызвано самимъ правительствомъ, было поощряемо имъ учрежденіемъ союзовъ и организаціей ихъ, было какъ бы санкціонировано имъ поставленіемъ священника во главѣ этого движенія.

— Но тогда надо было идти до конца. Вѣдь надо же предположить, что эти господа знали, куда вели рабочихъ? Не къ чему было пугаться этого движенія! Выслушали бы ихъ записку, обѣщали бы разсмотрѣть—и дѣлу конецъ! Всѣ мирно разошлись бы по домамъ, и никакого кровопролитія не было бы. Но, видимо, растерялись.

— Можно войти?—раздался голосъ Михаила.

— Войди, конечно!—отвѣтила Карданова.

Миша вошелъ блѣдный, какой-то растерянный.

Ни съ кѣмъ не поздоровался, сѣлъ противъ отца Виѳанскаго и воспаленными глазами взглянулъ на него.

— Вѣдь это ужасъ, ужасъ! — проговорилъ онъ. — Березина убили. Березина, моего пріятеля, студента, — пояснилъ онъ.

Ему никто не возразилъ, но онъ раздраженнымъ тономъ прибавилъ:

— Ахъ, да ты знаешь его, мама. Ну, Березинъ, еще такъ чудно на балалайкѣ игралъ.

Карданова молча присматривалась къ нему, ничего не возразивъ.

Ну да, она знала Березина, и вотъ онъ убитъ. Это жаль, очень жаль! Но вѣдь могъ бы быть убитъ и Миша, который, несмотря на всѣ ея мольбы, провелъ это кровавое воскресенье на улицахъ города. Богъ спасъ его!

— Ты нездоровъ, Миша,—сказала она.

Онъ дикимъ взглядомъ посмотрѣлъ на нее.

— Нездоровъ? Ну, да. А кто же здоровъ теперь? Нервы натянуты до послѣдней степени. Зачѣмъ они убили его? Что̀ онъ имъ сдѣлалъ? Или для того, чтобы ничего не сдѣлалъ?

Онъ провелъ рукой по лбу, жестомъ, какимъ обыкновенно снимаютъ паутину, потомъ тряхнулъ головой и сказалъ:

— Я пойду. Я пойду спать. Я всю ночь не спалъ...

— Само собой, пойди,—сказала ему мать.—Ты утомленъ, нездоровъ. Отдохни. Говорила я тебѣ не выходить вчера на улицу. Пойди, Миша, пойди.

Но онъ не пошелъ.

Онъ придвинулъ стулъ къ дивану матери и, наклонившись къ ней, заговорилъ уже болѣе спокойнымъ голосомъ, въ которомъ были отзвуки горячаго чувства, волновавшаго его:

— Мама, что̀ ты говоришь! Не выходить на улицу! Да гдѣ же можно было оставаться вчера, куда идти? Сидѣть дома, спрятавшись за толстыми стѣнами, какъ трусъ? Или, по примѣру

моей сестрицы Ани, сидѣть въ балетѣ и наслаждаться танцами, какъ будто ничего не произошло?..

— Миша!—сказала она ему, указавъ глазами на отца Виѳанскаго.

Но онъ не обратилъ на это ни малѣйшаго вниманія.

— Батюшка знаетъ насъ и всѣ наши дѣла! — отвѣтилъ онъ, махнувъ рукой. — Но какъ ты могла отпустить Анну въ театръ?

— Ахъ, да что я могу и чего я не могу?! Развѣ я имѣю голосъ у своихъ дѣтей?—съ горечью возразила она.—Ты видишь, какое время? Время власти родителей надъ дѣтьми прошло...

— Ты жалѣешь объ этомъ?—съ насмѣшкой спросилъ онъ.

— Ничуть. Но надо быть справедливымъ. Если оно прошло, то прошло. Тогда незачѣмъ требовать отъ меня какихъ-то репрессивныхъ мѣръ и по отношенію къ Аннѣ.

— Но вѣдь она еще дѣвочка.

— Эта дѣвочка дѣлаетъ что только ей заблагоразсудится, какъ, впрочемъ, и ты, и всѣ...

Онъ, видимо, не слушалъ ее—и продолжалъ:

— А Ольга? Ольга возмущаетъ меня... Даже въ такіе дни она не прекращаетъ своего разнузданнаго и глупо-пошлаго романа. Да гдѣ же у этихъ женщинъ совѣсть, честь, порядочное чувство? Скажи же, ради Бога, гдѣ оно?

— Миша, я тебя прошу не говорить такъ о сестрѣ,—съ несвойственной ей строгостью сказала Карданова.—И что у тебя за манера быть какимъ-то судьей всѣхъ и каждаго, носиться со своими гражданскими чувствами? Я, право, не понимаю тебя иногда.

— Ты многаго не понимаешь. Ты не понимаешь, что настало новое время! Новое, мама! Новое время и новое дѣло. Пойми это. Такое дѣло, на которое надо смотрѣть какъ на отходящій поѣздъ. Нужно торопиться, чтобы поспѣть на этотъ поѣздъ, чтобы онъ не ушелъ безъ насъ: иначе время и билеты будутъ потеряны. Пойми, что вчера, девятаго января, прозвучалъ третій звонокъ, и поѣздъ двинулся въ путь къ конечной станціи, названіе которой—„Свобода“. Пойми, мама, нельзя въ такое время заниматься своими личными дѣлами и дѣлишками, своими личными романами, развлеченіями, увлеченіями и удовольствіями. Нужно сбросить съ себя ветхую шкуру равнодушія, безволія, трусости, лѣни. Женщины должны переродиться—матери, жены, сестры—чтобы дать новому времени новыхъ людей. Потому что новое дѣло потребуетъ и новыхъ людей, и новыхъ силъ.

Остальные погибнутъ,—кто будетъ жить прежнимъ отчужденіемъ отъ общихъ дѣлъ... Правду я говорю, батюшка?

Отецъ Виѳанскій кивнулъ головой.

— Да,—сказалъ онъ,—повидимому, Россія пробуждается къ новой жизни. И вы правы—нужны новые работники, сильные, здоровые, съ крѣпкой волей и твердой убѣжденностью. Но, милый, это не дѣлается сразу. И вы увлекаетесь, если думаете, что всѣ люди, вѣками воспитанные въ старомъ закалѣ, могутъ вдругъ, въ одинъ день переродиться. Огромное большинство ихъ останется въ сторонѣ отъ новаго движенія, за флагомъ. Одни—вслѣдствіе устарѣлости, другіе—вслѣдствіе въѣвшагося въ нихъ индифферентизма, третьи—отъ атрофіи воли. И такъ далѣе. Новое дѣло будетъ сдѣлано передовыми людьми и лучшими здоровыми элементами изъ народа. Остальные только будутъ приспосабливаться къ новому режиму или уничтожаться. Нужно политическое воспитаніе, а оно дается временемъ. Поэтому не волнуйтесь такъ. Если это движеніе не поверхностно, а серьезно, то оно не заглохнетъ и вынесетъ на поверхность новыя силы.

— Да, да, но это горько... что близкіе люди одного поколѣнія, одного воспитанія, одной семьи идутъ врозь въ такое время. Нѣтъ солидарности, нѣтъ сплоченности, нѣтъ единства. Отчего это? Отчего эта вѣчная славянская рознь?

Батюшка улыбнулся.

— А я иначе спрошу,—отвѣтилъ онъ.—Отчего этотъ славянскій деспотизмъ?

— Какъ деспотизмъ?

— О, да, конечно, деспотизмъ! Вы говорите, что начинаете дѣло свободы, а уже требуете подчиненія всѣхъ несогласно мыслящихъ, какой-то нивеллировки идей и убѣжденій. Зачѣмъ это? Гдѣ свобода—тамъ борьба. Предоставьте каждому жить и думать за свой страхъ... Изъ борьбы рождается свобода, и свобода, истина, новый свѣтъ рождаетъ борьбу. Будьте только ярки и не ослабѣвайте, если вы — свѣтъ. И тогда свѣтъ побѣдитъ тьму, и тьма его не объястъ, потому что свѣтъ и во тьмѣ свѣтитъ.

Михаилъ подумалъ надъ этими словами и возразилъ:

— Я не совсѣмъ согласенъ съ этимъ. Вы говорите о свѣтѣ истины. Свѣтъ истины, вообще свѣтъ, есть свѣтъ, и я не понимаю тѣхъ людей, которые думаютъ, что свѣтъ—тьма, и отворачиваются отъ него и тщетно силятся погасить его.

— Вы очень ошибаетесь, мой милый, — сказалъ ему батюшка.—Я врагъ цитатъ, но на сей разъ долженъ прибѣгнуть къ одной изъ нихъ. Христосъ внесъ въ міръ свѣтъ, который

долженъ былъ просвѣтить всѣхъ. „Огонь пришелъ Я низвесть на землю, — сказалъ Онъ, — и какъ желалъ бы Я, чтобы онъ уже возгорѣлся“. Вы знаете, Миша, какъ трудно возгарался этотъ огонь. „Думаете ли вы, — сказалъ Христосъ, — что Я пришелъ дать миръ землѣ? Нѣтъ, говорю вамъ, но раздѣленіе. Ибо отнынѣ пятеро въ одномъ домѣ станутъ раздѣляться, трое противъ двухъ и двое противъ трехъ. Отецъ будетъ противъ сына и сынъ противъ отца; мать противъ дочери и дочь противъ матери...“ Вотъ какъ рождается свобода и сколько горя приноситъ ея рожденіе міру. Ученіе Христа было нравственно-соціальное, а эти ученія никогда не проходятъ безъ борьбы. Въ борьбѣ, какъ видите — жизнь. А посему не унывайте, не падайте духомъ, не заботьтесь о мнѣніяхъ другихъ. Будьте сами сильны и не боритесь со зломъ насиліемъ, а высотою убѣжденности и сознаніемъ правоты. Остальное приложится.

Батюшка вынулъ папиросу и закурилъ ее.

Онъ съ наслажденіемъ затянулся послѣ своей длинной рѣчи. Глаза его, проникновенные и добрые, смотрѣли, улыбаясь, въ возбужденное лицо юноши.

Михаилъ сидѣлъ насупившись.

Его молодая, кипучая натура требовала активной, немедленной борьбы.

И онъ, и его сестры обладали темпераментомъ, и между ними было много общаго, только кипѣнье каждаго изъ нихъ было направлено въ иную сторону.

Бездѣйствіе и выжиданіе не были сильной стороной ихъ характеровъ.

Батюшка отложилъ папиросу въ сторону и сказалъ, улыбаясь:

— Такъ какъ пошло на тексты, то скажу вамъ и еще текстъ: „Человѣкъ съ двоящимися мыслями не твердъ во всѣхъ путяхъ своихъ“. Это изъ апостола Іакова; поэтому будьте только тверды въ своихъ убѣжденіяхъ, и остальное, повторяю, приложится.

Въ сосѣдней комнатѣ раздался звонъ шпоръ.

— Это Вадимъ, должно быть, — сказала Карданова.

Миша вздрогнулъ при этихъ словахъ и всталъ.

Дѣйствительно, въ комнату вошелъ Вадимъ.

Онъ былъ въ высокихъ сапогахъ и походной формѣ, съ лядункой, шашкой и револьверомъ.

— Здравствуйте, — сказалъ онъ. — Я тутъ былъ по близости и зашелъ позавтракать. Мнѣ опять надо на службу. Здравствуй, мама. — Онъ подошелъ къ матери и поцѣловалъ ее, потомъ про-

тянулъ руку батюшкѣ. — Здравствуй, Миша,—сказалъ онъ, подойдя къ брату и протягивая ему руку.

Глаза Михаила засверкали недобрымъ огонькомъ.

Не спуская взора съ брата, глядя ему прямо въ лицо, улыбаясь какой-то судорожной, больной улыбкой, онъ вдругъ отшатнулся отъ него и заложилъ руки за спину.

Офицеръ остался съ протянутой въ воздухѣ рукой. Густая краска залила его лицо.

— Что съ тобою, Михаилъ? — строго спросилъ онъ брата, нахмурившись.

Карданова дрожала мелкой дрожью.

Батюшка, не ожидавшій ничего подобнаго, послѣ только-что минувшаго разговора, поднялся съ кресла.

Мгновеніе длилось тревожное молчаніе.

И среди этого молчанія раздался отвѣтъ Михаила, каждое слово котораго негромко, но отчетливо раздалось въ этой большой комнатѣ:

— Я не подаю руки убійцамъ.

И онъ скрестилъ на груди руки.

Какой-то глухой стонъ ярости вырвался изъ груди Вадима, и онъ сдѣлалъ два шага по направленію къ брату.

Готовилось что-то грозное, тяжелое и печальное, какъ кошмаръ.

Вѣра Алексѣевна вскрикнула и схватилась за сердце. Она упала на диванъ въ полуобморочномъ состояніи.

Къ ней бросился батюшка.

— Дѣти, дѣти...—простонала она и закрыла глаза.

Вадимъ сталъ вплотную передъ Михаиломъ, лицомъ къ лицу, взоръ во взорѣ.

Онъ не зналъ еще, что онъ сдѣлаетъ.

Михаилъ неподвижно, какъ статуя, стоялъ передъ нимъ

И, наконецъ, Вадимъ сказалъ:

— Взгляни на мать... Только ради нея и ради твоей глупости, я не караю тебя. Но ты не братъ мнѣ больше.

Голосъ его звучалъ неспокойно, горькими нотами злой обиды.

Михаилъ отвѣтилъ вполголоса:

— О, ты давно не братъ мнѣ. И я давно—одинъ. Братъ, который стрѣляетъ въ безоружную толпу, который убиваетъ людей... не братъ мнѣ.

Офицеръ приходилъ понемногу въ себя.

— Еслибы ты полѣзъ на баррикаду,—твердо-отчетливо, хотя все еще вполголоса проговорилъ онъ,—я и тебя приказалъ бы разстрѣлять. Я исполнялъ свой долгъ. Я принималъ присягу. И

только твое недомысліе могло заставить тебя сказать такую гнусную вещь.

Батюшка давалъ Вѣрѣ Алексѣевнѣ нюхать спиртъ. Она приходила въ себя.

— Дѣти, дѣти!—шептала она.—Дѣти, дѣти...

Вадимъ подошелъ къ ней, обнялъ ее и, поцѣловавъ руку, вышелъ.

У него на глазахъ были слезы.

Михаилъ стоялъ въ глубинѣ комнаты, нѣсколько смущенный, но все еще суровый, мрачный, съ плотно-сдвинутыми бровями.

Вѣра Алексѣевна горестно взглянула на него, хотѣла что-то сказать, потомъ посмотрѣла на отца Виѳанскаго и расплакалась.

— Вы правы, батюшка, — усталымъ голосомъ проговорила она, придя въ себя. — „И возстанетъ братъ на брата, и въ каждомъ домѣ будетъ раздѣленіе“...

И она обратилась къ сыну.

— Всякій долженъ честно исполнять свое дѣло, Миша. Зачѣмъ ты оскорбилъ своего брата?

— Оставь, мама!—отвѣтилъ онъ.—Это тебя волнуетъ. Всякій долженъ исполнять честно свое дѣло, даже когда оно—нечестное дѣло? Ну, хорошо, оставимъ это! Вы меня, очевидно, никогда не поймете. И не надо!

Онъ вдругъ охватилъ голову обѣими руками, усталымъ движеніемъ опустился въ кресло и, закачавшись всѣмъ корпусомъ, проговорилъ, какъ бы отвѣчая своимъ мыслямъ:

— Ахъ, я и самъ иногда перестаю понимать себя!..

И уже совсѣмъ простымъ тономъ, точно уставшій ребенокъ, прибавилъ:

— Я спать хочу. Я очень спать хочу.

Съ усиліемъ поднялся онъ и, пошатываясь, вышелъ изъ комнаты.

XXXII.

На улицахъ Петербурга десятаго января было жутко.

Разъѣзжали войска; разбушевавшійся народъ разбивалъ окна магазиновъ. Кое-гдѣ грабили; кое-гдѣ жгли деревянные кіоски.

Газеты все еще не выходили. Къ четыремъ часамъ дня погасло во многихъ частяхъ города электричество, въ домахъ и на улицахъ, и все погрузилось во тьму. Петербургъ походилъ на Парижъ во время коммуны, съ его бивуаками войскъ, съ его

заколоченными деревянными щитами окнами, съ неспокойными толпами, пѣвшими марсельезу и другія революціонныя пѣсни.

Театры закрылись. Поѣзда съ нѣкоторыхъ станцій не уходили. Бастовали рѣшительно всѣ фабрики и заводы.

Какъ всегда, за отсутствіемъ газетъ, распространялись чудовищные слухи, одинъ невѣроятнѣе другого.

Жутко, мрачно было на улицахъ, и чуть ли не еще мрачнѣе въ домахъ, гдѣ люди окончательно растерялись, въ виду неожиданности и внезапности нагрянувшихъ безпорядковъ.

Забѣлинъ сидѣлъ у себя дома въ своемъ уютномъ, роскошно обставленномъ кабинетѣ. Ему было грустно. Грустно оттого, что онъ уже два полныхъ дня не видалъ Ольги и не могъ съ ней увидѣться.

Телефонъ не дѣйствовалъ, онъ даже не могъ переговорить съ ней. Онъ написалъ ей записку, въ которой было больше безумія и страсти, чѣмъ смысла, но отвѣта на эту записку не получилъ. Что съ ней? Отчего она не отвѣтила ему?

Въ эти дни неловко было ему идти въ домъ къ ней, въ качествѣ гостя. Вѣдь на него тамъ всѣ косятся: и студентъ, который уже почти не говоритъ съ нимъ и даже избѣгаетъ подавать ему руку, и офицеръ, и даже свободомыслящая маменька.

Больше всѣхъ его возмущалъ Михаилъ: „носится со своей честностью какъ настоящій идіотъ".

Грустно ему было и оттого, что онъ не понималъ Ольги.

То она говоритъ ему, что этому роману нѣтъ начала, слѣдовательно не будетъ и конца. То вдругъ, въ послѣдній разъ, сказала: „я такъ же скоро сумѣю все это развязать, какъ завязала", и въ этихъ словахъ ему почудилась угроза. Но если такъ, зачѣмъ, зачѣмъ она затѣяла съ нимъ это? Нельзя же человѣка вести за собой на высокую гору, показать ему свѣтъ солнца и потомъ безъ думъ, безъ сожалѣній столкнуть его въ пропасть, ради пустого каприза.

Но она ничего не хочетъ: не хочетъ развода, не хочетъ женитьбы, не хочетъ ménage à trois (прежде соглашалась и съ этимъ) и не хочетъ прямо и просто сказать, что она его отпускаетъ. Чего она хочетъ? Онъ не знаетъ, не можетъ понять. Что онъ, поглупѣлъ что-ли? Онъ дошелъ до того, что самъ просилъ ее не видаться, прекратить всякія съ нимъ отношенія, разомъ, отрѣзать эту нить, такъ крѣпко связавшую ихъ.

Но она сухо отвѣтила:

— Ты мнѣ нуженъ. И пока нуженъ, ты будешь дѣлать то, что я говорю.

И онъ дѣлалъ.

Онъ не зналъ ни дня, ни часа, когда она потребуетъ его къ себѣ или прикажетъ быть въ театрѣ или ресторанѣ.

Зачѣмъ онъ ей нуженъ? Любить—она его не любитъ. Онъ это зналъ, онъ это чувствовалъ, онъ въ этомъ былъ убѣжденъ. Она не любила его духовной, сердечной любовью—и сама говорила, что не понимаетъ такой любви.

Такъ, можетъ быть, онъ нуженъ ей какъ капризъ, какъ занятіе отъ бездѣлья, тревоги и скуки? Ахъ, да не все ли равно ему теперь! Она ему вѣдь тоже необходима. Онъ съ головой ушелъ въ эту больную страсть.

Зачѣмъ загадывать о будущемъ? Будь что будетъ! Всѣ живутъ теперь сегодняшнимъ днемъ, не думая о завтрашнемъ, въ который утрачена увѣренность. Чѣмъ онъ лучше другихъ? И онъ будетъ жить такъ же, какъ всѣ.

XXXIII.

У нихъ все еще шелъ прологъ къ роману, бурный, невѣроятный прологъ, точно написанный бульварнымъ романистомъ.

И каждый разъ, каждая глава, которую онъ думалъ довести до конца, до настоящаго конца, обрывалась ею на самомъ интересномъ мѣстѣ, безъ всякихъ видимыхъ причинъ и даже съ неизвѣстностью, когда будетъ продолженіе и будетъ ли?

Это его измучило нравственно и физически. Онъ поблѣднѣлъ, сталъ худѣть, страдать безсонницей и тупыми головными болями. А она все была такая же цвѣтущая, оживленная, нервная, какъ будто слегка опьяненная.

Наконецъ, кто она? Страстная, порывистая женщина, съ добрымъ, чуткимъ сердцемъ, или глубоко испорченная натура? Онъ разсуждалъ и такъ, и этакъ, и ни къ какому результату придти не могъ.

Она была красива особенной красотой. Не онъ одинъ находилъ это, но всѣ. И это одно ему, поэту, поклоннику красивыхъ формъ, было въ ней дорого.

Но у нея были порывы и душевной красоты. Какая-то удивительно нѣжная заботливость къ нему, какое-то, словно, материнское чувство къ его страданію.

Это бывало рѣдко, но такъ всегда искренно проявлялось, что сомнѣваться въ этой искренности онъ не могъ.

„Бѣдная, бѣдная Ольга! Кто искалѣчилъ тебя такъ, моя радость?“—шепталъ онъ, оставаясь одинъ и думая о ней.

А думалъ онъ о ней непрерывно.

Сегодня ему было грустно и оттого, что вотъ происходитъ что-то великое, грандіозное на Руси. Какая-то огромная волна нахлынула на сонное царство. Окунуться бы въ этой свѣжей, прозрачной волнѣ, почерпнуть въ ней силы, освѣжить свою затхлую жизнь, вынестись вмѣстѣ съ нею на общее дѣло!

Но онъ не можетъ. Ольга связала его по рукамъ и ногамъ. Онъ превратился въ раба ея, въ безмолвнаго и покорнаго раба, даже просто въ неодушевленное орудіе ея желаній и капризовъ.

Неужели же это нездоровое увлеченіе заставило его такъ низко пасть? Онъ забросилъ дѣла, онъ не интересовался больше общественными вопросами, и даже къ этому необыкновенному пробужденію Россіи онъ остался холоденъ. Такъ холоденъ, что ему стало грустно и жутко при мысли объ этомъ.

Но что же дѣлать? Онъ не чувствуетъ въ душѣ своей подъема. Онъ весь увялъ, весь опустился, какъ цвѣтокъ, изъ стебля котораго ушли соки.

И только мысль о ней пробуждаетъ его отъ индифферентизма и холодности.

Вотъ передъ нимъ лежитъ повѣстка.

Его приглашаютъ на совѣщаніе для обсужденія послѣднихъ событій. Его—блестящаго оратора, отъ котораго сословіе ожидаетъ многаго. Вотъ и политическая программа ихъ партіи.

Но холодными и скучающими глазами слѣдитъ онъ за строками, напечатанными на машинѣ. Ничто, ничто ему не интересно, кромѣ Ольги.

Ему хочется, по старой привычкѣ, написать стихи, что-нибудь великое, достойное ея, какой-нибудь „Гимнъ Красоты“.

Онъ быстро беретъ карандашъ. Но выходитъ все риторика. Скучно, вяло, блѣдно, и ему кажется, что его поэтическій даръ пропалъ, что она унесла его, что она вынула изъ его души все, что въ ней было цѣннаго. Для чего вынула? Для забавы? Какъ дѣти ломаютъ интересную игрушку, чтобы полюбопытствовать, что тамъ находится внутри? Почему, почему?

И вотъ, онъ чувствуетъ, что опять сталъ передъ глухой стѣной вопросовъ, на которые не находитъ отвѣтовъ, не можетъ ихъ найти.

Гдѣ-то вдали глухо грянулъ выстрѣлъ.

— Опять!—мучительно проносится въ его сознаніи, и сердце сжимается отъ тупой боли.—Опять! Вотъ еще!

Или это ему такъ кажется? Такъ напряжены за эти два дня нервы, что всѣмъ слышатся теперь въ Петербургѣ выстрѣлы.

Онъ обхватилъ голову руками и замеръ надъ столомъ въ этой позѣ.

И слезы закапали изъ глазъ его, и падали на листокъ съ начатымъ стихотвореніемъ.

И вдругъ онъ встрепенулся.

Что это? Да, несомнѣнно, звонокъ. Все въ немъ затрепетало. Точно электрическій токъ прошелъ по его организму.

Забѣлинъ всталъ, быстро подбѣжалъ къ зеркалу и поправилъ волосы и усы.

Вѣдь это же, несомнѣнно, она! Онъ не ждалъ ее, не предполагалъ возможности ея прихода. Но что-то въ немъ ликовало, и пѣло, и говорило ему, что это она. Она! Она! Онъ очутился у двери и отворилъ ее.

Онъ ощущалъ слабость въ ногахъ—какое-то томное, мучительное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пріятное, сладкое чувство. А если это не она? Онъ закрылъ глаза отъ страха при одной только мысли объ этомъ.

И когда онъ открылъ ихъ—она стояла передъ нимъ. Руки его дрожали. Скорбнымъ и радостнымъ, счастливымъ взоромъ, не будучи въ состояніи произнести слова, онъ смотрѣлъ на нее, вѣрилъ и не вѣрилъ своимъ глазамъ, своему счастью.

И въ ея взорѣ была радость отъ сознанія, что онъ такъ чувствуетъ.

Прибѣжала горничная, но Забѣлинъ сказалъ ей голосомъ, котораго не узналъ самъ:

— Не надо, Маша, не надо. Я помогу. Я самъ.

Маша исчезла.

Ольга, ничего не сказавъ, обняла его и, крѣпко прижавъ къ его лицу свое холодное отъ мороза лицо, поцѣловала его долгимъ, счастливымъ поцѣлуемъ.

— Замучился? Усталъ ждать? Безумствовалъ?

Вздохъ облегченія вырвался изъ его груди.

— Ахъ, если бы ты знала, если бы ты знала...

Онъ еще не могъ говорить отъ волненія. Онъ задыхался.

— Ну, что же ты не помогаешь мнѣ раздѣться?

Онъ принялся разстегивать ея барашковое пальто, но руки его дрожали, и, сознавъ полное свое безсиліе, онъ сказалъ:

— Не могу, я очень взволнованъ...

Она засмѣялась и принялась раздѣваться.

Потомъ вошла съ нимъ въ гостиную, сѣла на диванъ, посадила его рядомъ, вся прижалась къ нему.

— Тепло... тепло... — говорила она. — Такъ бы всегда...

Покажи мнѣ квартиру. Я хочу быть здѣсь какъ у себя дома... Не ожидалъ?

Онъ съ безвольнымъ восторгомъ смотрѣлъ на нее.

Да, вотъ она у него.

У него! Несомнѣнно у него, и несомнѣнно она. Но вѣдь, затѣмъ, настанетъ мгновенье, когда она уйдетъ.

А потомъ у нея перемѣнится настроеніе, и Богъ вѣсть, когда ей вздумается опять забраться къ нему.

Она ходила по комнатамъ и съ видомъ хозяйки и жены, которой все близко и дорого, кое-что хвалила, многое критиковала.

— Уменьши свѣтъ. Не люблю, когда такъ свѣтло.

И стала шарить по столу въ кабинетѣ. Разглядывала вещи, прочитывала записки, заглянула въ стихотвореніе, улыбнулась; распечатала одно письмо, еще невскрытое, но, не дочитавъ, бросила.

— Есть шампанское дома?

— Есть. Сколько хочешь.

— Правда? Прикажи подать.

Маша подала шампанское.

Выпивъ стаканъ, онъ почувствовалъ бодрость и сталъ какъ-то вдругъ владѣть собой.

— Какъ пришла тебѣ идея посѣтить меня, Оля?

— Да такъ, просто. Взяла и пріѣхала. Мнѣ хорошо здѣсь.

— Но въ такой день... ты не побоялась выѣхать?

— Въ такой день? — повторила она. — Въ какой же день? Ахъ, да, это! Я ничего не боюсь. Никогда. Я уже говорила тебѣ. Пріятно, радостно чувствовать смертельную опасность... Встрѣтила Мамаева. Онъ шелъ съ веселымъ лицомъ. Я остановила карету и поболтала съ нимъ. Я говорю: — „Что вы такъ веселы?“ И—знаешь, что онъ отвѣтилъ?

— Не знаю,—разсѣянно сказалъ Забѣлинъ, такъ какъ ему вовсе не было пріятно слушать про Мамаева.—А что?

— Онъ сказалъ интересную вещь: „У меня опять сорвалось: я разошелся съ Стаховской. Я всегда веселъ потому, что мнѣ ничто не удается. Люди, которымъ все удается, всегда скучны: имъ нечего желать“. Вотъ ты скученъ, потому что тебѣ удается. Ты добился всего.

— Всего?—съ удивленіемъ протянулъ онъ.

Она зажала ему ротъ рукою.

— Молчи!.. Развѣ въ этомъ—все? Это—финалъ, эпилогъ, высшая точка, съ которой начинается охлажденіе. Какъ можно дольше надо держаться отъ финала.

— Ольга!

— Да, да! Въ чемъ дѣло? И знаешь, когда охлажденіе настанетъ, никогда не пытайся возобновить чувство, прикрытое пепломъ. Никогда не нужно стремиться вновь видѣть покинутую страну и покинутую женщину. Онѣ уже покажутся въ другомъ свѣтѣ, увядшими, поблекшими...

Забѣлинъ выпилъ еще шампанскаго и впалъ въ меланхолическое настроеніе.

Красота Ольги, полусвѣтъ уютной гостиной, обставленной мягкой, глубокой и удобной мебелью, звукъ ея очаровательнаго голоса, все это дѣйствовало на него какъ прекрасное лирическое стихотвореніе.

— Такъ мало въ жизни красоты, Ольга! — сказалъ онъ, обнимая ее. — Красота — вѣдь это все. *Они* — онъ и самъ не зналъ, про кого собственно говорилъ,—они вотъ считаютъ, что главное — это гражданское чувство, форма правленія, новый режимъ, я не знаю что! Вздоръ это! Все проходитъ. Режимъ мѣняется, война переходитъ въ миръ, все исчезаетъ. Красота остается. Потому что все остальное — временное, красота— вѣчна.

Ольга смотрѣла на него молча.

Ей было пріятно слушать его, потому что она понимала, что онъ говорилъ это о ней, потому что красота воплощена для него въ ней одной.

— Красота во всемъ! — продолжалъ онъ. — Въ звукѣ, въ краскахъ, въ пластикѣ, въ женщинѣ, въ молодости, въ подвигѣ. Такъ мало настоящей красоты!

— Она — въ расцвѣтѣ. Я бы хотѣла умереть не старше сорока лѣтъ,—наконецъ проговорила Ольга, невольно заражаясь его настроеніемъ.

— Она есть и въ увяданьи. Но красота увяданья есть красота элегіи, а не гимна. Пусть будетъ все красиво, молодо и ярко. Вотъ и я бы хотѣлъ сейчасъ умереть. Я былъ бы счастливъ. Потому что греза не можетъ длиться вѣчно, а затѣмъ настанетъ тяжелое пробужденіе.

— Ты не хочешь жить? Что за вздоръ!

— Почему вздоръ? Ну, проживу еще лишній годъ, десять лѣтъ, потомъ все равно—одинъ конецъ.

— Да, но подумай, сколько за эти лишніе годы ты увидишь лишней красоты! Сколькими хорошенькими женщинами полюбуешься! Ахъ, нѣтъ, стоитъ жить! Ты самъ говоришь, красота— это сила.

— Да, такая, какъ твоя. Только ты, ты одна... Я хотѣлъ бы кричать urbi et orbi, что я тебя люблю... А приходится таиться, скрываться, какъ вору. Я укралъ, укралъ тебя. Знаешь, когда вернется Леон... твой мужъ, это будетъ такой ужасъ, такой ужасъ... Вы будете счастливы вдвоемъ... о, я это знаю, знаю! И я буду лишній. Но я бы хотѣлъ, чтобы, когда ты будешь вотъ такъ сидѣть съ нимъ вдвоемъ, когда ты будешь любить его, чтобы вдругъ ты вспомнила меня, грустнаго и печальнаго, и чтобы я сталъ мрачнымъ облакомъ, набѣгающимъ иногда среди яркаго дня и заслоняющимъ собою солнце...

Она вдругъ нахмурилась.

— Ты — странный. Зачѣмъ ты заговорилъ объ этомъ? Это уже драма. Я не хочу драмъ. Вездѣ драмы. На улицахъ, дома. У насъ всѣ ходятъ хмурые. Михаилъ оскорбилъ Вадима. Мама больна. Анна куксится: вотъ подай ей Мамаева, да и все тутъ. Въ особенности теперь, когда онъ свободенъ. Но его не прельщаетъ эта дѣвочка. А жаль! Говорятъ, Стаховская разошлась съ Мамаевымъ изъ-за девятаго января. Смѣшно! Политика въ модѣ, политика примѣнена ко всему. Но я не хочу знать ее. Миша ходитъ мрачнѣе тучи. Онъ „презираетъ“ меня. И сегодня онъ бросался на всѣхъ. Вадиму руки не подалъ. Мнѣ сказалъ: „Твой романъ съ Забѣлинымъ пошлъ вообще, а ныньче — особливо. Подумай, что дѣлается на войнѣ и дома, какое время переживаетъ родина, а у тебя любовная канитель... И она кажется такой мелкой и ничтожной, что вчужѣ противно глядѣть на нее“.

Ольга выпила еще шампанскаго.

— Вѣроятно, онъ правъ, — продолжала она оживленно. — Должно быть, правъ. Ты слышишь? — вдругъ, вся вздрогнувъ и схвативъ Забѣлина за руку, проговорила она. — Вѣдь это — выстрѣлы. Да, да! Это-то ужъ выстрѣлы.

Онъ поблѣднѣлъ.

— Да, это выстрѣлы. И недалеко отсюда. Какъ ты поѣдешь?

Она нагнулась къ самому его уху.

— Я не поѣду, — прошептала она. — Утромъ будетъ безопасно.

Онъ сжалъ ее въ объятіяхъ.

— А ты только-что говорила... объ эпилогѣ...

— А ты не вѣрь всему, что я говорю...—И она опять вернулась къ прежнимъ мыслямъ, подбодривъ себя шампанскимъ. — Да, онъ, конечно, правъ. Вонъ тамъ, гдѣ-то, во тьмѣ январь-

ской ночи, стрѣляютъ, и люди падаютъ, окровавленные, на снѣгъ, жертвуя жизнью за свои идеи и платя за нихъ смертью. А я здѣсь, въ уютномъ гнѣздышкѣ, съ тобой... Мы говоримъ о любви и пьемъ шампанское. Это—развратъ. Вѣдь да? Это—настоящій развратъ? Но что же дѣлать? Я жить хочу! Жить! Просто жизни хочу, а не подвиговъ...

Лицо ея раскраснѣлось, глаза блестѣли.

Вдали глухо раздался еще выстрѣлъ. Было что-то ужасное и тяжелое въ этихъ выстрѣлахъ въ глубинѣ ночи и въ этихъ рѣчахъ Ольги, обезумѣвшей отъ страсти, съ которой она и не пыталась, и не умѣла бороться.

Чудовищный контрастъ этотъ поразилъ и Забѣлина. Но онъ думалъ только объ Ольгѣ, о томъ счастьи, котораго такъ долго ждалъ и на которое не смѣлъ уже больше разсчитывать.

Все какъ-то спуталось, перемѣшалось въ эти тревожные дни. Всѣми овладѣло отчаяніе, многіе утеряли чувство границы между дозволеннымъ и преступнымъ. Воля разнуздалась. Новость положенія подняла нервы. И Забѣлину казалось нелѣпымъ упустить свое „счастье", когда завтра, можетъ быть, начнется общій разгромъ и избіеніе „интеллигенціи".

Онъ быстро вытянулъ по стѣнѣ руку, нащупалъ выключатель и повернулъ его.

Гостиная погрузилась во тьму. Ольга не протестовала противъ этого. Она взяла стаканъ и прижала его къ губамъ Забѣлина. И оба пили изъ одного стакана, такъ что губы ихъ соприкасались.

XXXIV.

Чуть брезжилъ сумеречный зимній разсвѣтъ, когда Ольга возвращалась домой.

Улицы были пустынны, но изрѣдка по нимъ проходили патрули. Окна магазиновъ, заколоченныя деревянными щитами, казались точно ослѣпленными и придавали улицамъ необычайный видъ.

Подъѣздъ въ домѣ уже былъ открытъ, и швейцаръ возился на лѣстницѣ.

Ольга юркнула мимо него, дрожащими руками вынула изъ мѣшечка ключъ и безшумно открыла двери. Быстро пробравшись къ себѣ, она стала раздѣваться, нетерпѣливо, лихорадочно освобождая себя отъ одежды и ювелирныхъ украшеній.

На душѣ ея было скверно.

То, чего она опасалась, случилось; то, чего она такъ не хотѣла, произошло. Больше всего она боялась банальнаго исхода романа, который ей казался вначалѣ такимъ оригинальнымъ, интереснымъ, необыкновеннымъ. Да, да, Миша былъ правъ, когда обозвалъ его „обыкновенной пошлостью“. Какъ жаль! Какъ жаль, что все въ жизни кончается пошлостью: страсть—успокоеніемъ и спокойной любовью, спокойная любовь—привычкой, интересный романъ—паденіемъ, поэзія—прозой... За каждымъ красивымъ словомъ стоитъ непремѣнно буржуазная банальная антитеза. Да, да, реакція началась; вершина достигнута—паденіе неизбѣжно.

Но такъ скоро! Да, такъ скоро! У нея такая ужъ натура: быстрое возникновеніе пламени и столь же быстрое потуханіе. Ея любовь—костеръ изъ соломы: легко загорается, ярко горитъ, и чѣмъ полнѣе пылаетъ, тѣмъ скорѣе прекращается пожаръ, и даже... пепла не останется...

„Mais... tu l'a voulu, Georges Dandin!“—подумала она о Забѣлинѣ.

Когда она ложилась въ постель, на ночномъ столикѣ она нашла телеграмму. Что-то кольнуло ее въ сердце.

Телеграмма была отъ товарища Леонида, который далъ ей передъ отъѣздомъ слово телеграфировать, если съ ея мужемъ что-либо случится.

Телеграмма была срочная.

„Сегодня, вечеромъ, убитъ въ рекогносцировкѣ Леонидъ выстрѣломъ въ грудь. Смерть мгновенная“.

Руки Ольги задрожали.

Широко раскрытыми глазами она уставилась въ потолокъ, и, казалось, всѣ мысли и чувства покинули ее.

Все вдругъ уплыло куда-то. Такъ пролежала она долго безъ движенія, и когда первые лучи зимняго солнца заглянули въ ея спальню, она точно очнулась отъ тяжелаго, мрачнаго кошмара. Что это было: сонъ? видѣніе? игра воображенія?

Нѣтъ! Вотъ телеграмма на столѣ.

Въ тотъ вечеръ, когда Леонидъ скончался, она сидѣла у Забѣлина и говорила съ нимъ о значеніи красоты въ жизни.

Леонидъ былъ уже убитъ, лежалъ холоднымъ трупомъ въ какой-нибудь фанзѣ, а она...

Ольга закрыла лицо руками и горько зарыдала.

Она плакала рѣдко и всегда умѣла удерживаться отъ слезъ. Но теперь она дала имъ волю.

И какъ только полились слезы, ей стало легче на душѣ. Не

было уже того подавленнаго состоянія души, того тупого отсутствія боли, которой жаждешь, ищешь и не находишь.

Теперь вся душа ея стонала и ныла.

— За что? За что? — шептала она, въ отчаяніи сжимая пальцы. — За что я оскорбила его, его, который меня такъ искренно, такъ тепло любилъ? Леня, милый! Прости, прости меня, если можешь! Но ты теперь все можешь. Ты кончилъ эту пошлость, которая называется жизнью...

Мысли гуляли у нея въ головѣ, переходя съ одного предмета на другой. Она думала теперь объ этомъ Леонидѣ, герое войны, заслужившемъ осенью крестъ за ляоянскіе бои, а теперь геройски скончавшемся.

Онъ любилъ ее; любилъ не той больной, вычурной любовью, какъ Забѣлинъ, а любовью простою, сотканною изъ горячей преданности, чувства взаимнаго уваженія и дружбы, привязанности...

Но эта любовь, съ тѣхъ поръ какъ она увлеклась Забѣлинымъ, уже не казалась ей поэтичной, достаточно пряной, а напротивъ—буржуазной и скучной.

Теперь увлеченіе Забѣлинымъ кажется ей уже обыкновенной пошлостью. Такъ любить, какъ любили они съ Забѣлинымъ, могутъ только глубокіе эгоисты. Каждый думаетъ лишь о доставленіи себѣ удовольствія, о своихъ чувствахъ, не справляясь съ чувствомъ другого.

Вотъ теперь, навѣрное, Забѣлинъ обрадуется въ глубинѣ души этой смерти, которая освободила ее отъ законныхъ узъ.

Но нѣтъ, нѣтъ! Ни за что, никогда она не сдѣлается женою Забѣлина. Онъ потерялъ для нея интересъ. Онъ былъ ея больной мечтой, ея кошмаромъ, и теперь она проснулась. Мечта развѣялась, кошмаръ исчезъ...

Осталось то, что всегда остается отъ такихъ бурныхъ увлеченій—горечь обиды отъ сознанія ненужности такой страсти...

Откуда, когда, зачѣмъ явился въ ея жизни этотъ странный эпизодъ? Какой въ немъ смыслъ? Она долго не находила отвѣта на эти вопросы. Но чѣмъ дольше она думала о нихъ, тѣмъ яснѣе становилась ей причина ея увлеченія.

Это—отъ тоски, отъ всеобщаго разброда, отъ окружающей безпросвѣтности, отъ унынія и мрака, окутавшихъ жизнь русскаго общества со времени неудачной войны и внутреннихъ неурядицъ.

Хотѣлось вырваться изъ этой атмосферы политическаго салона матери, гдѣ люди занимались преніями кто въ лѣсъ, кто по дрова; хотѣлось, кромѣ траура и слезъ, царившихъ во всѣхъ

домахъ по близкимъ людямъ, погибшимъ на войнѣ, еще и веселья, и смѣха, и любви, и развлеченія. Чего-нибудь яркаго, необыкновеннаго, изящнаго и, главное, далекаго-далекаго отъ этихъ современныхъ вопросовъ.

Ужъ очень было мрачно у всѣхъ на душѣ, ужъ очень много было пролито слезъ, и душа безсознательно запросила выхода изъ этой темницы, изъ этого каземата скорби и гнѣва. Ну, и вотъ! Ея душа сбросила съ себя эти цѣпи. За скорбью всегда слѣдуетъ радость—это волны жизни, ея обязательный приливъ и отливъ. А за радостью—опять печаль; это такъ обязательно и неизбѣжно, и понятно! Непонятно только одно, къ какому берегу стремятся эти волны...

Такъ она думала обрывками, картинами, разсужденіями, умомъ, сердцемъ, чувствами.

И потомъ плакала, и опять думала, и опять плакала.

Теперь она снова одна.

Ни Леонида, ни Забѣлина. Куда унесетъ ее новая волна жизни?

Новое настроеніе общества властно вмѣшивается теперь во всѣ функціи жизни, спутываетъ всѣ отношенія, примѣшивается къ личнымъ ощущеніямъ, всему мѣшаетъ, на все накладываетъ свою печать. Ее же влекутъ „иные берега, иныя волны"! Какія? Она не знаетъ. Она твердо убѣждена, что не человѣкъ управляетъ жизнью, а жизнь человѣкомъ, и ей всегда казалось смѣшнымъ, когда при ней говорили:—„Ну, наконецъ, этотъ человѣкъ устроилъ жизнь, какъ хотѣлъ".—Она не вѣрила этому. Есть какіе-то законы, по которымъ все дѣлается въ жизни. А можетъ быть и нѣтъ законовъ, а есть глупая, слѣпая судьба. Схватываетъ она человѣка за руку и ведетъ его, сама не зная, куда и за чѣмъ, то натыкаясь на стволъ дерева, то попадая съ нимъ въ болото, то становясь передъ глухою стѣной.

„Ну и пусть ведетъ!" — сказала себѣ Ольга, и начала вставать.

XXXV.

Часа въ два служили панихиду по Леонидѣ. Служилъ отецъ Виѳанскій какъ всегда, съ искреннимъ, горячимъ чувствомъ произнося молитвы, которыя въ его устахъ пріобрѣтали особый, таинственный смыслъ.

Вечеромъ, на панихидѣ, среди присутствующихъ, былъ и Забѣлинъ. Онъ былъ утомленъ, блѣденъ, но не могъ скрыть какого-то радостнаго чувства, овладѣвшаго имъ.

Онъ взглядывалъ искоса на Ольгу, стоявшую уже въ черномъ платьѣ, и въ его взглядѣ былъ жгучій, нѣмой вопросъ.

Ее раздражали эти взгляды и заключавшіеся въ нихъ нѣмые вопросы.

Сколько уже ихъ было! Молча и съ недоумѣніемъ смотрѣла на нее мать. Молча, съ оттѣнкомъ презрительной насмѣшливости, смотрѣлъ на нее весь день Михаилъ. Съ осужденіемъ смотрѣлъ на нее Вадимъ,— этотъ честный и суровый служака, для котораго исполненіе долга было выше всего.

Анна приняла извѣстіе равнодушно. Она, какъ глубокая молодая эгоистка, занята была своимъ чувствомъ.

Разрывъ Мамаева съ Стаховской доставилъ ей большое удовольствіе. Теперь у нея возникали надежды. Она понимала, что сразу, конечно, ничего не устроится, да и безтактно было бы предпринимать что-нибудь; надо дать ему успокоиться, забыть.

Но вотъ бѣда! Ей теперь придется носить траурное платье, а именно теперь ей нужно, ей хочется одѣваться во что-нибудь красивое, свѣтлое, яркое. Во всемъ и вездѣ стѣсненіе въ угоду кѣмъ-то для чего-то и когда-то установленному ритуалу. Какъ будто умершему не все равно, во что она одѣнется! А еще говорятъ о какой-то свободѣ. И вотъ завтра же здѣсь снова соберутся всѣ эти господа и начнутъ говорить о свободѣ совѣсти, вѣры, мысли, печати, союзовъ, забастовокъ. Какъ ей все это уже надоѣло! Когда нѣтъ свободы даже надѣть платье, какое хочется! Попробуй она надѣть новое, только-что присланное отъ портнихи платье rose thé, и эти же господа, толкующіе о всевозможныхъ свободахъ, сурово и безпощадно осудятъ ее...

Былъ на панихидѣ и Мамаевъ. У него было все прежнее, здоровое, самодовольное лицо, какъ будто съ нимъ ничего не случилось.

Онъ, видимо, скучалъ на панихидѣ, и на лицѣ его было написано, что онъ сюда больше не придетъ. Анны онъ явно избѣгалъ, да и она, соблюдая свою тактику, держалась поодаль отъ него.

Когда всѣ расходились, Забѣлинъ улучилъ мгновенье и подошелъ къ Ольгѣ.

— Мы увидимся сегодня?— съ тревогой и надеждой въ голосѣ спросилъ онъ.

— Нѣтъ,—отрывисто отвѣтила Ольга.

Тогда голосъ Забѣлина упалъ.

— А когда же?

— Никогда.

Онъ схватился за голову, губы его дрогнули, но она равнодушнымъ взоромъ взглянула на него и вышла.

На другой день Ольга получила письмо отъ Забѣлина.

„Дорогая Ольга,— писалъ онъ,— я провелъ безумно мучительную ночь и длинный, сѣрый, тоскливый день. Мнѣ необходимо васъ видѣть. Что вы со мной сдѣлали?! Умоляю васъ всѣмъ, что для васъ дорого, всѣмъ, что у васъ свято, дайте мнѣ возможность переговорить съ вами. Я не могу оставаться въ этой страшной неизвѣстности. Неужели все это былъ безумный бредъ, который исчезъ навсегда, и никогда, никогда не повторится? Мнѣ такъ больно, такъ больно! Пожалѣйте меня хоть немного...“

Она долго не отвѣчала ему.

Не потому, что это было ей тяжело или трудно, а просто потому, что ей было какъ-то все равно, страдаетъ онъ или нѣтъ.

Онъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ къ ней, но его не принимали. Онъ пробовалъ говорить по телефону, но ему не отвѣчали.

Вѣра Алексѣевна съ изумленіемъ, вопросительнымъ взглядомъ смотрѣла на Ольгу, но прямо спросить ее не посмѣла.

Вѣра Алексѣевна, вообще, вся какъ-то сжалась, принизилась, стушевалась послѣ событія девятаго января. Она испугалась послѣдствій этого дня, испугалась тѣхъ глубокихъ измѣненій, которыя этотъ день внесъ въ людскія сердца, въ человѣческія мысли, во взаимныя отношенія людей. Это было что-то неуловимое, но ощущаемое, невидимое, но грандіозное.

Въ ея семьѣ пошелъ очевидный разбродъ. Миша презиралъ Ольгу и ненавидѣлъ брата. Вадимъ сталъ отъявленнымъ реакціонеромъ: онъ предлагалъ объявить всю Россію на военномъ положеніи и безпощадно истреблять всѣми возможными, а „если будетъ нужно, то и невозможными способами—крамольниковъ“. Анна съ полнымъ равнодушіемъ относилась ко всѣмъ партіямъ безразлично. Когда входилъ въ комнату Вадимъ, Михаилъ демонстративно ее покидалъ. Онъ не здоровался съ братомъ, не говорилъ съ нимъ, какъ не здоровался и не говорилъ съ Ольгой.

А Вѣра Алексѣевна безконечное число разъ припоминала слова батюшки: „думаете ли вы, что Я пришелъ дать миръ землѣ? Нѣтъ, но раздѣленіе. Ибо отнынѣ пятеро въ одномъ домѣ станутъ раздѣляться: трое противъ двухъ и двое противъ трехъ“. И возстаютъ братъ на брата,—добавляла она.

Вотъ ихъ пятеро.

И всѣ они раздѣлены. Она, какъ насѣдка, мечется между разбѣгающимися цыплятами, и собрать ихъ воедино, въ одну дружную, цѣльную и добрую семью, у нея нѣтъ силъ,

Не она ли учила ихъ, что каждый долженъ дѣйствовать по силѣ и совѣсти своихъ убѣжденій; что каждый долженъ считаться со своей совѣстью, исполнять свой долгъ, принятыя на себя обязательства, не измѣнять товариществу ни ради какихъ благъ.

И вотъ они всѣ, каждый въ отдѣльности, жили какъ хотѣли и поступали по своимъ убѣжденіямъ, и она не вмѣшивалась въ ихъ личную, интимную жизнь.

И вотъ они всѣ разбѣжались; произошло предсказанное раздѣленіе, общій разбродъ. И такъ вездѣ, и такъ во всѣхъ семьяхъ, которыя она знала. Многіе ликуютъ и говорятъ, что наступило обновленіе Россіи, и что такъ всегда происходитъ при обновленіи: отдѣльные разрозненные элементы соединяются въ группы, мобилизуются интеллектуальныя силы общества, группируются, кристаллизуются, объединяются, складываются въ партіи; въ семьяхъ, союзахъ, учрежденіяхъ происходятъ отпаденія отдѣльныхъ членовъ и соединенія ихъ въ новыя кадры; прежнія общественныя ячейки распадаются, организуются новыя.

Ей все это говорили люди, посѣщавшіе ея салонъ, и она этому вѣрила въ теоріи; теперь вѣрила на практикѣ; но политическія разсужденія—одно, а сердце матери—другое.

И материнское сердце ея никакъ не могло еще помириться съ начавшимся распаденіемъ семьи, съ образовавшимся въ немъ разладомъ.

XXXVI.

Ольга рѣшилась, наконецъ, написать Забѣлину письмо.

„Юрій Андреевичъ! Вы правы, я должна дать вамъ объясненіе. Несчастье мое въ томъ, что я не знаю, какъ вамъ все это объяснить. То, на что мы съ вами пошли, было преступленіемъ. Вы вправѣ спросить, почему я раньше объ этомъ не подумала. Я не знаю. Я тоже могу спросить васъ, зачѣмъ вы, честный и порядочный человѣкъ, другъ покойнаго — тогда еще живого — пошли на это? Вы можете отвѣтить, что вами владѣла любовь. Я не могу сказать того же. Бываютъ въ жизни женщины моменты, которыхъ не понять мужчинѣ. Моменты, когда хочется сдѣлать что-нибудь чудовищно-скверное наперекоръ всему, бросить вызовъ—кому, чему? Я не знаю. Можетъ быть, внутреннему чувству порядочности, установленнымъ взглядамъ, словомъ, сдѣлать дерзкую выходку. А можетъ быть все это и не то. Было умопомраченіе, волшебный сонъ, о которомъ я вамъ говорила. Послѣ сна всегда бываетъ пробужденіе: я васъ предупреждала.

Вы захотѣли реализировать поэму, вы захотѣли учесть грезу; вы добились этого. Но я предупреждала васъ, что реализированная греза—уже не греза, а пошлая дѣйствительность. Пріятно идти въ гору въ прекрасный весенній день. Но когда дойдешь до вершины, чувствуешь усталость и разочарованіе. Вотъ все, что я могу сказать вамъ. Это непонятно? Можетъ быть! Но я ничего другого сказать не могу и объяснить иначе не умѣю. Прошлое не возвращается, умершіе не воскресаютъ. Не старайтесь видѣть меня. Я уѣзжаю заграницу. Будьте счастливы, займитесь дѣломъ и будьте мужчиной".

Она не подписала письма, и это недовѣріе къ его порядочности больше всего оскорбило его.

Какъ ни тяжело ему было, но онъ понялъ, онъ долженъ былъ понять, что все между нимъ и Ольгой кончилось.

И когда онъ понялъ это, настоящее отчаяніе овладѣло имъ.

„Злая, безсердечная, недобросовѣстная женщина!—выкрикивалъ онъ, расхаживая по кабинету.—Зачѣмъ она все это сдѣлала?! Для чего это ей нужно было?"

И онъ не находилъ отвѣта.

Онъ старался припомнить начальныя стадіи этого романа, но, начавъ думать объ одномъ эпизодѣ, переходилъ на другой и терялся въ мелкихъ подробностяхъ, не имѣвшихъ собственно отношеній къ существу дѣла. Потомъ онъ сталъ примѣнять синтетическій методъ мышленія, изъ мелочей складывать общее, но и тутъ онъ терялся и путался, не будучи въ состояніи уяснить себѣ смыслъ всего происшедшаго.

Онъ проходилъ нѣсколько разъ мимо дивана, стоявшаго въ уютномъ углу кабинета, и каждый разъ вспоминалъ тонкую, изящную фигурку Ольги. Когда-то, такъ еще недавно, она сидѣла здѣсь. Здѣсь, ночью, съ нимъ вдвоемъ. Да это вздоръ, да этого быть не можетъ! — увѣрялъ онъ себя. Но онъ ясно видѣлъ ея милое, красивое лицо, ея цѣломудренный, бѣлый лобъ, ея задумчивый, любящій воръ, которымъ она на него смотрѣла, ея тонкіе аристократическіе пальцы, ея улыбающіяся свѣжія, молодыя губы...

Да вѣдь она была, была здѣсь, это же не сонъ, наконецъ! И вотъ, ея уже не будетъ здѣсь, не будетъ никогда, никогда, несмотря на то, что именно теперь обстоятельства жизни такъ складываются, что не краденое, а настоящее счастье казалось бы такъ возможнымъ.

„Зачѣмъ, зачѣмъ сдѣлала она это?!—въ сотый разъ задавалъ онъ себѣ вопросъ.—Это грубо, это безсердечно, это... это подло!"

Онъ подошелъ къ столу, взялъ письмо и еще, и еще разъ перечиталъ его, отыскивая въ немъ новый смыслъ.

Но новаго смысла не было, а былъ одинъ смыслъ—разрывъ.

Онъ припоминалъ ихъ встрѣчи, ихъ страстные взоры, ихъ безумныя рѣчи. „Сонъ прошелъ! Волшебная мечта исчезла". Ей хорошо говорить! Ей, которая не понимаетъ, что̀ значитъ любить. А ему каково? Она его захватила всего, цѣликомъ, глубоко, потому что онъ былъ тѣмъ, что̀ французы называютъ un homme à femme, который любимую женщину ставилъ выше всѣхъ интересовъ жизни.

И на другихъ женщинъ эта самоотверженная, безпредѣльная любовь дѣйствовала сильно, властно. Онѣ заражались этимъ сильнымъ чувствомъ и реагировали на него.

Онъ бросился на диванъ и сжалъ голову обѣими руками; такъ онъ сидѣлъ долго.

Потомъ очнулся, позвонилъ и велѣлъ подать шампанскаго.

Въ передней раздался звонокъ. Пришелъ тотъ товарищъ—Никодимовъ, который недавно—все вѣдь было такъ недавно!—упрекалъ его въ его индифферентизмѣ къ политическимъ дѣламъ.

Сначала Забѣлинъ хотѣлъ при гостѣ выбранить горничную, впустившую его къ нему.

Потомъ вспомнилъ, что, напротивъ, онъ велѣлъ всѣхъ принимать, потому что каждый звонокъ—онъ зналъ это—покажется ему *ея* звонкомъ.

Онъ все еще думалъ, что это злая шутка съ ея стороны, что она одумается, придетъ въ себя отъ перваго припадка горя, что она такъ же просто придетъ, какъ ушла.

Вѣдь съ такими женщинами, какъ она, всего ожидать можно! Но было уже два звонка, и оба раза Забѣлинъ хватался за сердце—такъ сильно оно билось—въ ожиданіи ея появленія.

Но оба раза это были письма. Онъ даже не читалъ ихъ, а съ озлобленіемъ швырялъ на столъ.

Теперь онъ почти обрадовался приходу товарища.

— Хандришь?—спросилъ Никодимовъ, поздоровавшись.

Забѣлинъ хмуро протянулъ ему руку.

— Садись, Никодимовъ, — сказалъ онъ, не отвѣчая прямо на вопросъ.

Никодимовъ сѣлъ, обратилъ вниманіе на бутылку, крякнулъ многозначительно и неодобрительно, и сказалъ:

— Пьешь?

Забѣлинъ пожалъ плечами.

— Нѣтъ,—съ озлобленіемъ отвѣтилъ онъ.—Не пью.

Никодимовъ съ удивленіемъ поднялъ брови.

— А что же ты дѣлаешь?

— Вливаю вино въ свое горло,—чуть не закричалъ Забѣлинъ. — Что за идіотскій вопросъ! Видишь, человѣкъ сидитъ, передъ нимъ бутылка и стаканъ съ налитымъ виномъ. Что же онъ можетъ дѣлать въ такомъ случаѣ? Любоваться бутылкой что-ли?!

— Значитъ, пьешь.

— Очевидно.

— Съ какой стати?

— Я такъ думаю, что съ той стати, что пить хочется.

— Въ смыслѣ жажды?

— Угу!

— Но тогда пьютъ воду.

— Извини, пожалуйста, я воды не пью.

— Но я никогда не предполагалъ, что ты можешь сидѣть одинъ и пить въ одиночествѣ.

— Такъ ты предположи, и сразу успокоишься.

Ему хотѣлось побить Никодимова, и онъ радъ былъ, что тотъ пришелъ.

Побить онъ его не побьетъ, но наговоритъ ему рѣзкостей.

Никодимовъ, однако, не успокоился.

— Но, милый другъ, вѣдь это называется пьянствомъ. Ужъ ты не того ли?

Онъ пощелкалъ себя по воротнику.

„Идіотъ!—опять подумалъ Забѣлинъ. — Идіотъ! И всѣ они идіоты!—не зная собственно, про кого онъ такъ думаетъ.—Что можетъ быть идіотичнѣе и бездарнѣе этихъ уравновѣшенныхъ людей?“...

— Можетъ быть, и „того“, тебѣ что за дѣло?!—огрызнулся Забѣлинъ.—Я тебя нанималъ въ гувернеры? Если хочешь, пей, но, ради Господа, не читай рацей!

Тотъ мрачно и печально покачалъ головой.

— Я не зналъ за тобой этого, Юрій.

— Ты будешь пить или нѣтъ? — нажавъ кнопку звонка, спросилъ Забѣлинъ.—Я велю подать другую.

— А эта что же?

— А эту самъ выпью!—закричалъ онъ.—Понимаешь, самъ?

— Всю?

— До дна. И, можетъ быть, изъ твоей еще. Да что ты присталъ?

Горничная вошла, и Забѣлинъ велѣлъ ей подать еще бутылку.

Когда ее принесли, онъ налилъ стаканъ Никодимову, и съ озлобленіемъ сказалъ ему повелительнымъ тономъ:

— Пей! Пей, ходячая добродѣтель,—авось отъ шампанскаго ты станешь хоть съ виду порочнѣе, и тогда можно будетъ вынести съ грѣхомъ пополамъ твое присутствіе. Пропись ты каллиграфическая, больше ничего! Ты неспособенъ понять, что бываютъ мгновенія жизни, когда нужно, — понимаешь ты, прирожденный гувернеръ,—нужно напиться! Нѣтъ, не понимаешь?! Не понимаешь, что когда душа стонетъ и ноетъ, какъ больной зубъ, то надо заглушить боль? Не понимаешь, что бываютъ минуты, когда жизнь кажется такой подлой, что ее убить хочется; когда все становится такъ мрачно кругомъ, такъ безнадежно - уныло, такъ безпощадно зло, что хочется не жить, не видѣть, не думать, не чувствовать...

Лицо Никодимова просіяло.

Онъ взялъ стаканъ и, чокнувшись съ Забѣлинымъ, выпилъ залпомъ вино.

— Наконецъ и тебя проняло!—торжественнымъ тономъ проговорилъ онъ. — Я давно ждалъ отъ тебя этого! Ну, выпьемъ!

— Чего ждалъ?!—съ недоумѣніемъ спросилъ Забѣлинъ.

— Да вотъ этого подъема гражданскаго духа!—заявилъ Никодимовъ, осоловѣвшій отъ залпомъ выпитаго шампанскаго, котораго онъ никогда не пилъ.—Ты правъ, ты тысячу разъ правъ, Юрій Андреевичъ! Безнадежно - уныло было кругомъ! Стыдно, другъ! — вдругъ заявилъ онъ. — Стыдно было такъ равнодушно относиться къ движенію! Ты вотъ говоришь: „безнадежно-уныло“. Я прибавляю: „было“. Но не есть. Послѣ девятаго января— просвѣтъ, надежда. И я пью вмѣстѣ съ тобою за девятое января! Дата памятная и историческая. М-молодецъ!

— Дуракъ! — съ негодованіемъ проворчалъ вполголоса Забѣлинъ, и ему сталъ противенъ Никодимовъ съ его гражданскими чувствами, до которыхъ теперь, такъ же, какъ и раньше, ему было все равно, но не отъ равнодушія къ судьбѣ родины, а отъ того, что его личная судьба была ему ближе.

Ему вдругъ захотѣлось позлить Никодимова.

— Ты ошибся, мой другъ!—сказалъ онъ.—Я говорилъ вовсе не по поводу девятаго января, а по поводу личнаго горя!

Физіономія Никодимова вытянулась.

— Вотъ что! У тебя личное горе? Какое личное горе? Всякое личное горе теперь передъ грандіозными событіями ничтожно. Какое личное горе?

— Ну, хотя бы утрата любимой женщины, дорогой женщины.

Никодимовъ еще выпилъ шампанскаго.

— Вздоръ! — завопилъ онъ. — На свѣтѣ есть же еще что-нибудь болѣе цѣнное, чѣмъ женщина и любовь! Ты клевещешь на себя. И я не вѣрю. Я зашелъ именно за тобою. Сегодня вечеромъ у насъ собраніе. Всѣ члены нашего сословія будутъ. Ждутъ и тебя. Мы вырабатываемъ программу, резолюцію... А ты—„любимая женщина"! Вздоръ какой! Даже оскорбительно.

Забѣлинъ пожалъ плечами и рѣшилъ ничего не отвѣтить.

— Ты не пойдешь?—приставалъ къ нему Никодимовъ.— Ты, правда, не пойдешь?

— Не пойду.

— Такъ тебя забрала эта любовь?—съ насмѣшкой спросилъ Никодимовъ.

— Да, такъ забрала.

Никодимовъ еще налилъ себѣ стаканъ шампанскаго, и его вдругъ разобрало.

Онъ произнесъ грозную филиппику противъ Забѣлина „и ему подобныхъ".

— Эхъ, вы, господа Забѣлины и вамъ подобные! Слабняки вы, вотъ что! Ничтожные люди! Игрушечнаго дѣла людишки! „И цѣна сему сердцу—одна копѣйка!" Вспомни, это я изъ Щедрина. А я бы не далъ и ломанаго гроша. Вѣдь это все равно, какъ если бы вокругъ тебя на морѣ бушевалъ ураганъ или даже смерчъ, а ты бы сидѣлъ на плоту и читалъ французскій романъ, не желая помочь самому себѣ и своимъ ближнимъ, борющимся съ грозной стихіей. Родина зоветъ васъ, всѣхъ васъ, своихъ сыновъ! А вы ослабли отъ альковной любви! Эхъ, вы! Соль земли! Накипь вы—вотъ что! И когда повѣетъ новымъ воздухомъ послѣ пронесшейся бури, окажется, что васъ нѣтъ.

— Какъ нѣтъ?—подзадоривая его, спросилъ Забѣлинъ.

— Да такъ-таки нѣтъ. Исчезли... фью! Снесло васъ съ плота въ воду, и съ вашимъ французскимъ романомъ, и потопило. Да и на что вы нужны съ вашими воздыханіями о женщинѣ? Да и развѣ вы умѣете любить, знаете, что такое любовь? Вы похожи на людей, которые отъ здороваго стола бѣгутъ въ рестораны, чтобы наглотаться всякой испорченной дряни. Безъ перца для васъ не существуетъ пищи. И безъ нездоровыхъ эмоцій— любви. Но горе вамъ, книжники, фарисеи и лицемѣры! Вотъ настанетъ часъ, когда передъ вами закроются двери родины, которая скажетъ вамъ: „Я васъ не знаю. Я нуждалась въ васъ, а вы занимались флиртомъ. Мнѣ нужны были ваши силы, ваши знанія, вашъ духъ, а вы тратили все это на адюльтеры. По-

дите же отсюда! На что вы мнѣ теперь нужны, обезсиленные, духовно обездоленные! Мое дѣло будутъ дѣлать новые люди, свѣжіе люди, съ сильнымъ духомъ и сильными руками. Вы весь XIX вѣкъ или дремали, или раболѣпствовали, или пресмыкались. Вы отвыкли отъ работы, отъ думъ, отъ свободы. Вы—рабы. А свободное дѣло требуетъ свободнаго духа свободныхъ людей. А вы—рабы женщинъ. И женщины ваши—рабыни сытой жизни. Итакъ, вы—рабы рабынь. Титулъ не особенно лестный! Вы развратились въ рабствѣ, во всякомъ рабствѣ. Уйдите отъ меня, я не хочу знать васъ"...

XXXVII.

Забѣлинъ отъ души смѣялся.

Отъ выпитаго вина и отъ рѣчи Никодимова, который отъ непривычки къ шампанскому, видимо, опьянѣлъ, ему вдругъ сдѣлалось весело.

— Ты, кажется, воображаешь, что ты уже въ собраніи и говоришь рѣчь. Побереги свое цицеронство для вечера. Здѣсь ты мечешь бисеръ передъ свиньями. Ибо, хорошо, я согласенъ, я свинья... но тотъ, кто мечетъ бисеръ передъ свиньями, несомнѣнно, не умный человѣкъ. И родина скажетъ вамъ: „Пойдите отъ меня прочь, люди неумные, люди глупые!"—Забѣлинъ сталъ удачно копировать манеру и голосъ Никодимова.—„Мнѣ нужны люди свѣтлаго ума, свободнаго слова и сильнаго духа. А вы ограничены, вы—Балалайкины"... Это я изъ Щедрина. „И говорите вы, какъ поютъ соловьи, упиваясь, закрывши глаза, своими пѣснями. И за вашими выспренними фразами—обнаженный вздоръ. Вы будете собираться по вечерамъ и говорить рѣчи, и вырабатывать программы и требованія о всеобщей, равной, прямой и тайной подачѣ голосовъ. И будете говорить до тѣхъ поръ, пока квартальный не придетъ къ вамъ и не надѣнетъ на васъ намордника... Эхъ, вы! Фарисеи и лицемѣры, презирающіе любовь къ женщинѣ! Скопцы вы духомъ! Ибо если кто подвигалъ людей на гражданскіе подвиги, такъ это, несомнѣнно, женщины. Я понимаю людей девятаго и десятаго января. Они вышли на площадь, построили баррикады и запечатлѣли кровью свои идеи. Они не побоялись умереть за эту идею. А вы? Произносить съ оглядкой филиппики и сочинять резолюціи, которыя останутся у васъ въ карманахъ или подъ сукномъ у правительства? Пол-

ноте! Не вамъ обновить Россію, не вамъ, привыкшимъ продавать кліентамъ ваше слово, вдохнуть въ нее новую жизнь".

— А кому же?—совершенно охмелѣвшій и сбитый съ толку, спросилъ Никодимовъ.

Забѣлинъ засмѣялся.

— Тѣмъ, кто не потерялъ связи съ народомъ. А впрочемъ, можетъ быть, и это—фраза. И оставь ты меня въ покоѣ!—вдругъ обозлился онъ.—Пей и уходи. Я не пойду за тобой, милый другъ. Лѣзть на баррикады не чувствую силъ, а языкомъ болтать—неохота. И выпрашивать свободы какъ подаянія, какъ милостыни — тоже неохота. Пей, уходи и оставь меня въ покоѣ!

Онъ позвонилъ, приказалъ убрать пустую бутылку.

Никодимовъ всталъ, пошатнулся, взялъ шляпу и пробормоталъ:

— Без... безвременникъ ты—вотъ кто! Безпочвенникъ! Пустоцвѣтъ! Эфемерида...

И, слегка пошатываясь, вышелъ.

Забѣлинъ вдругъ упалъ головой въ подушки, въ изобиліи лежавшія на диванѣ, и, весь какъ-то сразу ослабѣвшій, зарыдалъ какъ ребенокъ.

— Ольга, Ольга, что ты со мной сдѣлала!—стоналъ онъ, жалкій, больной, замученный.

XXXVIII.

Въ февралѣ къ Кардановымъ пріѣхала Таиса Александровна.

Она ввалилась къ Вѣрѣ Алексѣевнѣ вся взволнованная, красная, и тотчасъ же ее прорвало цѣлымъ рядомъ крѣпкихъ ругательствъ.

— Это чортъ знаетъ что,—кричала она въ гостиной,—это безобразіе! Развѣ это правительство? Гдѣ оно? Куда оно уткнуло со страху свою голову?

— Да что такое? Что случилось?—приставали къ ней съ разспросами.

— Вы бы сунули свой носъ туда, къ намъ, въ глубь провинціи, къ помѣщикамъ! Тогда вы бы не спрашивали, какъ галки: что? что?

Она была сильно раздражена.

— У насъ чортъ знаетъ что: мужики подымаются, вотъ у насъ что! А у васъ—балетъ! У насъ грозятся все сжечь—а у васъ рауты! У насъ лѣсъ казенный среди бѣла дня рубятъ, и

власти это допускаютъ, а у васъ на всякій пустяковый вопросъ—особое совѣщаніе. У насъ помѣщиковъ убиваютъ. А у васъ—все льготы и послабленія даютъ тѣмъ, кто громче всѣхъ кричитъ.

— Позвольте-съ, однако, Таиса Александровна,—остановилъ ее Калитинъ.

— Не позволю!—закричала она и стукнула по столику такъ, что папиросы подпрыгнули въ пепельницѣ.

— Ничего-съ не позволю! И никому не позволю! Коли вы не хотите защищать мою собственность, я сама сумѣю защитить ее... Скажи пожалуйста, что мы имъ сдѣлали, что они хотятъ конституцію? Что за чепуха: жили вѣка безъ этой глупости, и вдругъ на! Откуда что загорѣлось?

— Я вамъ объясню,—началъ было Калитинъ.

— Не прошу васъ объяснять. Я не маленькая. Лучше бы шли читать лекціи вашимъ милымъ юношамъ—забастовщикамъ. Прежде такихъ юнцовъ сѣкли. А теперь, нако-сь, всѣ вокругъ нихъ похаживаютъ и спрашиваютъ: „Вы не желаете? А вы? И вы? И прекрасно! Какъ вамъ будетъ угодно-съ! Мы закроемъ! Намъ что-жъ? Плюнуть и только“. Ну ужъ и времечко!..

Она передохнула, помахала передъ носомъ платочкомъ, чтобы освѣжиться.

Всѣ вокругъ улыбались ея словамъ.

— Прежде бунтовщиковъ вѣшали, а теперь, нако-сь!—она кивнула въ сторону Бородиной, говорившей что-то собравшимся вокругъ нея.—А теперь Иларія Семеновна, какъ я слышу, изволитъ собирать на жертвы девятаго января. Каково?! Прежде устраивала вечера въ пользу неимущихъ и иныхъ порочныхъ дѣвицъ, потомъ на флотъ, на теплое исподнее солдатикамъ, а теперь на бунтовщиковъ—ей вѣдь все равно, лишь бы собирать. А у меня-съ дорогія вещи—серебро, золото и прочее! Весь домъ полонъ! Такъ я такъ и отдай этимъ Пугачевымъ? Я пріѣхала просить охраны. Да-съ! Собственную милицію заведу и сама предводительствовать буду. А что-жъ!? Того вѣдь и гляди, сожгутъ! Еще этого нѣтъ, но вы посмотрите и вспомните меня. Не безпокойтесь, я вѣдь до тѣхъ поръ не умру, потому что это будетъ на дняхъ. Ну, и посмотримъ. А тѣмъ временемъ, я уѣду.

Она опять помахала платкомъ, потому что отъ волненія и возмущенія ей сдѣлалось невыносимо жарко.

— У меня дорогія вещи, серебро и золото и прочее. Такъ вотъ такъ эти самыя дорогія вещи и отдать мужикамъ? Ужъ это аттанде-съ! Не дождутся! Все увезу. Все.

Она обвела всѣхъ торжествующимъ взглядомъ, и съ особенной ненавистью посмотрѣла на Калитина.

— Вамъ, батюшка, и терять-то нечего, поди! Брюки, развѣ, да и то—ношеные-переношеные. Потому вы и сосіаль-демократъ. У всѣхъ сосіаль-демократовъ брюки ношеные, и потому они и хотятъ чужой собственности.

Калитинъ взглянулъ на нее изъ-подъ очковъ, и вдругъ весело разсмѣялся.

— Да ну васъ!—махнувъ рукой, сказалъ онъ.

— Не махайте на меня руками! — обидѣлась Таиса Александровна.—Домахаетесь такъ, Донкихоты!

Она торжественно поднялась.

— Бѣжать надо!—съ рѣшительностью сказала она.

И вдругъ Михаилъ озлобленнымъ голосомъ остановилъ ее:

— Бѣжать безчестно, тетя, — рѣзко сказалъ онъ. — У насъ не французская революція, и вы не эмигрантка.

Она подперла бока руками, остановилась передъ нимъ, въ упоръ посмотрѣла на него.

— Ну, ты!—сказала она.—Скажи, пожалуйста, какой герой! Молодежь—и туда же учитъ! А самъ бѣжалъ изъ университета? Бѣжалъ вѣдь? Ну, и молчи. Прощайте всѣ!—кивнула она головой въ неопредѣленное пространство.—Завтра уѣзжаю, а послѣзавтра—заграницу.

— Скатертью дорога! — проворчалъ Калитинъ, но она его услыхала.

— И вамъ того же, бунтарь... Скатертью дорога... въ Петропавловскую крѣпость... Ужъ посадятъ васъ въ клоповникъ и заѣдятъ васъ блохи...

— Почему не клопы?

Она ничего не отвѣтила и вышла.

Толоконниковъ съ сочувствіемъ посмотрѣлъ на нее.

Онъ былъ изъ испуганныхъ, и рѣшилъ давно уже уѣхать отъ безпорядковъ въ Ниццу.

Но такъ какъ ему жаль было денегъ, то онъ рѣшилъ еще, въ послѣдній разъ, побывать у Кардановой, чтобы услышать „своды мнѣній“ о степени безопасности пребыванія на родинѣ.

Но изъ происходившихъ дебатовъ и разговоровъ онъ, отъ испуга и всеобщей безтолковщины, ничего не могъ взять въ толкъ.

Говорились такія смѣлыя рѣчи, за которыя, еще годъ тому назадъ,—онъ это ясно сознавалъ,—всѣ эти ораторы были бы немедленно отправлены въ далекое путешествіе. А теперь голоса

ихъ звучали громко, и во всѣхъ фигурахъ ихъ и жестахъ было столько энергіи, словно они стали настоящими демагогами.

Но всѣ эти ораторы были сами по себѣ, а члены Кардановской семьи—сами по себѣ. Очевидно, въ семьѣ что-то случилось, какой-то внутренній разладъ. Братья избѣгали встрѣчаться другъ съ другомъ. Ольга собралась уѣзжать заграницу; Анна лежала цѣлыми днями на диванѣ въ своей комнатѣ и ни съ кѣмъ не хотѣла разговаривать. Мамаевъ рѣшительно не обращалъ на нее никакого вниманія, а при рѣдкихъ встрѣчахъ съ нею выказывалъ нарочитую холодность. Къ тому же, до Анны дошли слухи, что Мамаевъ ухаживаетъ за новой танцовщицей изъ наиболѣе красивыхъ солистокъ.

Вѣра Алексѣевна присутствовала въ салонѣ, но всѣмъ ясно было, что она какъ бы отсутствовала. Ее уже не интересовали больше эти общегосударственные вопросы.

Она была подавлена, удручена, сбита съ позиціи семейными неурядицами и неудачами.

Крѣпко сплоченная, прочно сшитая, какъ ей казалось, семья вдругъ расползлась по всѣмъ швамъ. У дѣтей она утратила всякій авторитетъ; дѣти возненавидѣли другъ друга, и, одно время, она опасалась даже совершенно необычайной вещи—дуэли Михаила съ Вадимомъ.

И Вѣра Алексѣевна окончательно потеряла вкусъ къ своему салону.

Гости же попрежнему говорили, говорили и говорили, и все съ большимъ и большимъ воодушевленіемъ.

Къ этому времени Петербургъ принялъ уже свой обычный, чиновнически-дѣловитый видъ. На улицахъ было спокойно; періодически повторявшіеся слухи о предстоящихъ безпорядкахъ не оправдывались. Столица уже какъ будто стала забывать о кровавыхъ днихъ девятаго января.

Все было внѣшне спокойно; образовывались общества, организовались политическія партіи, вырабатывались програмы. Но зато буря подымалась тамъ, въ глубинѣ Россіи. Вспыхивали тамъ и сямъ аграрные безпорядки, и скоро чуть не вся провинція была охвачена ими.

Нѣсколько дней спустя послѣ отъѣзда изъ Петербурга Таисы Александровны, Вѣра Алексѣевна получила отъ тетки лаконическую телеграмму:

„Меня сожгли. Вывезти ничего не удалось. Эмигрирую заграницу“.

И много перетрухнувшихъ помѣщиковъ стали покидать свои

насиженныя гнѣзда и, какъ въ далекія времена французской революціи, начали покидать родину.

XXXIX.

Ольга вскорѣ уѣхала заграницу; Вадимъ, чтобы не встрѣчаться съ братомъ, почти не бывалъ въ домѣ матери. Михаилъ исчезалъ по цѣлымъ днямъ. Анна скучала. Вѣра Алексѣевна сильно постарѣла и опустилась. Теперь уже рѣдко кто бывалъ въ ея салонѣ, сыгравшемъ свою предварительную, примитивную роль частнаго дома, въ которомъ можно было толковать о текущихъ дѣлахъ.

Теперь каждый членъ этого салона вошелъ въ свою корпорацію, посѣщалъ свое общество и тамъ свободно разсуждалъ о государственныхъ дѣлахъ. Салонъ Кардановой утерялъ для нихъ всякій смыслъ, потому что не имѣлъ опредѣленной политической окраски, принимая въ свое лоно людей всѣхъ партій и мнѣній. И потому онъ такъ часто походилъ на базаръ, на которомъ никто ни до чего не могъ договориться.

И, выбитая изъ колеи, Карданова теперь очень скучала.

Однажды, вечеромъ, зашелъ къ нимъ Лубянскій. Онъ куда-то исчезалъ изъ ихъ дома, и они думали, что онъ принималъ какое-нибудь участіе въ безпорядкахъ или демонстраціяхъ и былъ арестованъ и высланъ.

Вообще, многіе объ эту пору исчезали изъ Петербурга невѣдомо куда, и потомъ оказывалось, что они „забраны".

Но Лубянскій посмѣялся этому предположенію.

— Ничего подобнаго,—отвѣтилъ онъ Кардановой.—Я, просто, забралъ самъ себя въ руки.

Анна какъ будто обрадовалась ему. Она уже стала уставать отъ тоски, которую напустила на себя, и реакція мало-по-малу начинала на нее дѣйствовать.

Она увела Лубянскаго въ свой излюбленный будуаръ съ декадентской обстановкой и сказала ему:

— А вѣдь я, Богъ знаетъ, сколько времени васъ не видала. Ну, разскажите, въ чемъ дѣло.

— Да ни въ чемъ. А впрочемъ, извольте.

Лубянскій казался гораздо серьезнѣе, выдержаннѣе, чѣмъ раньше.

— Гдѣ вы пропадали? Прятались отъ безпорядковъ? Испугались? Постарались исчезнуть? Или...—она замялась и замолчала.

— Что̀—или?

— Ну, все равно, скажу: или, можетъ быть, злоупотребляли... виномъ?

Онъ замахалъ руками.

— Да что̀ съ вами? Я это давно бросилъ.

— Такъ въ чемъ же дѣло?—повторила она.

— Условимся: былъ я въ васъ влюбленъ?—спросилъ онъ, возобновивъ прежнюю манеру съ ней говорить.

— Ахъ... „были"?! Теперь прошло?

— Не въ этомъ суть. Сначала—въ прошедшемъ времени. Итакъ... былъ. Чудесно. Вы отвѣчали мнѣ? Нѣтъ. Я къ вамъ—всей душой, а вы ко мнѣ—всей спиной. И даже не спиной, а просто влюбились въ это Мамаево побоище. Прекрасно. Ну, что̀ же мнѣ оставалось дѣлать?

— Пить, конечно,—съ полунасмѣшкой, полупрезрѣніемъ отвѣтила она.

— Вы угадали. Я это и дѣлалъ. Но потомъ забралъ себя въ руки, вотъ какъ городовой забираетъ въ руки пьяницу, и честью попросилъ себя это оставить: „Такъ нельзя, господинъ". И оставилъ. Сталъ опьяняться музыкой. Музыка, Аничка...

— Не смѣйте меня называть такъ!

— Музыка, Аничка,—не обращая вниманія на ея слова, продолжалъ онъ,—вещь опьяняющая, и я люблю ее—правду вамъ сказать—иногда больше васъ.

— Ахъ, меня вы все-таки же любите?

— Непремѣнно. Вотъ вамъ и „настоящее время"—présent. Я сталъ писать оперу и увлекся ею. „Не для житейскаго волненья, не для корысти, не для битвъ,—мы рождены для вдохновенья, для звуковъ сладкихъ и молитвъ". Въ Петербургѣ гремѣли выстрѣлы, а я писалъ музыку. Дефектъ въ моей гражданской организаціи, это несомнѣнно. Но что̀ же дѣлать?! Лекціи у насъ прекратились, свободнаго времени много, дѣлать нечего, вотъ я и сѣлъ за оперу. Небольшая, одноактная. Я сочувствую новому движенію, но новое движеніе требуетъ настоящихъ руководителей, съ призваніемъ. Остальные ему только помѣха. Suum cuique. Пусть каждый дѣлаетъ свое. Нельзя обвинять людей, которые не желаютъ дѣлать то, чего не умѣютъ. Гапонъ хорошъ на своемъ мѣстѣ, а я—на своемъ. Дѣло народнаго образованія ужъ на что почтенное, но еслибы я пошелъ въ народные учителя, то принесъ бы больше зла, чѣмъ пользы. Ну, вотъ.

— И все?—спросила она.

— Все.

— Все?—съ многозначительнымъ видомъ переспросила она.

— Ну, да.

— Вы сказали о прошедшемъ и о настоящемъ времени. А о будущемъ.

— Futurum exactum?

— Да.

— Оно зависитъ отъ васъ. Это вамъ говорить о будущемъ. Вы знаете, Аничка, что я васъ „безъ памяти люблю". Попрежнему, даже больше прежняго. Если вы ничего не имѣете противъ этого, я буду продолжать васъ любить, а тамъ видно будетъ...

— А тамъ видно будетъ, — съ задумчивымъ видомъ произнесла она.—Ну что-жъ? Пожалуй. Мы съ вами какъ-то остались въ сторонѣ отъ всего, что происходило, и, пожалуй, никогда не примкнемъ къ тому, что происходитъ...

Въ это время вошла въ будуаръ Вѣра Алексѣевна и сѣла съ удрученнымъ видомъ.

— Ахъ, вы говорите о современныхъ событіяхъ, — сказала она и присѣла.—Я вамъ не помѣшаю?

Она, видимо, скучала и не находила себѣ мѣста.

— Мой домъ опустѣлъ,—заговорила она, не дожидаясь отвѣта.—Вадимъ больше не приходитъ, Миша пропадаетъ Богъ знаетъ гдѣ. Ольга уѣхала. По пятницамъ почти никто не собирается. Кто уѣхалъ заграницу, спасаясь отъ безпорядковъ, кто арестованъ, кто спрятался... словомъ, все расползлось по швамъ. Тяжелое, тяжелое время. Въ провинціи грозное аграрное движеніе, въ Польшѣ смуты, на Кавказѣ—ужасы... всюду и вездѣ волнуются.

Старая привычка говорить о политическихъ дѣлахъ вдругъ, съ прежней силой, овладѣла ею.

— И я ничего во всемъ этомъ не понимаю. И не знаю, радоваться или печалиться? И не могу во всемъ этомъ разобраться. Люди гибнутъ, и я знаю одно, что это очень грустно.

Лубянскому не хотѣлось говорить о политикѣ, но онъ чувствовалъ себя счастливымъ въ этотъ вечеръ; а когда человѣкъ считаетъ себя счастливымъ, ему всегда хочется говорить.

Онъ перевелъ себя въ новое, требуемое обстоятельствами настроеніе и рѣшительно заговорилъ:

— Милая Вѣра Алексѣевна, въ политической жизни Россіи наступила, на мой взглядъ, весенняя пора, давно уже предвидѣнная и возвѣщенная. Весеннею порой таетъ ледъ и вскрываются потоки. Вешніе потоки бываютъ бурны. Видали вы, какъ

срывается вешній потокъ съ горы? Онъ бурно несется внизъ и тащитъ за собою стволы деревьевъ, осколки камней, комки земли, иногда и неосторожнаго человѣка,—но чѣмъ ближе онъ къ долинѣ, тѣмъ стремительность его дѣлается меньше, тѣмъ онъ становится спокойнѣе... и, наконецъ, войдя въ нормальное русло, течетъ уже широкой и глубокой рѣкой, омывая и оплодотворяя берега...

Онъ улыбнулся и посмотрѣлъ на Анну.

— Вотъ какъ я теперь красиво говорю! — сказалъ онъ.— Музыканты мыслятъ звуковыми образами, и я готовъ написать новую оперу „Вешній Потокъ".

— Это очень грустно, очень грустно! — вздохнула Вѣра Алексѣевна.

Лубянскій засмѣялся.

— Что именно? Что я хочу писать новую оперу?

— Ахъ, нѣтъ! Грустно то, что вотъ такой потокъ уноситъ иногда неосторожныхъ людей, а иногда сокрушаетъ и ломаетъ хижины... хижины семейнаго счастья. Вотъ сыновья мои превратились въ двухъ лютыхъ враговъ; вотъ, говорятъ, Стаховская разошлась съ Мамаевымъ по политическимъ причинамъ... Все это очень прискорбно.

Лубянскій быстро взглянулъ на Анну, и его взглядъ замѣтила Вѣра Алексѣевна.

Она поняла, что сказала безтактность.

Но лицо Анны было невозмутимо спокойно.

„Блажь прошла",—подумалъ Лубянскій, и ему сдѣлалось весело. И опять захотѣлось говорить.

— Вѣра Алексѣевна!—сказалъ онъ.—Путь къ свободѣ всегда скорбный путь, вѣрьте мнѣ! Христосъ тоже шелъ скорбнымъ путемъ къ воскресенью. Онъ отрицалъ рабство, фарисеевъ, лицемѣровъ, книжниковъ, форму, полумѣры. „Думаете ли вы, что Я принесъ съ собой миръ? Нѣтъ, говорю вамъ, но разрушеніе"...

— Ахъ, вы говорите какъ отецъ Виѳанскій,—сказала Вѣра Алексѣевна.

— Ну, да, потому что иначе нельзя говорить. Но вслѣдъ за разрушеніемъ, когда очистится мѣсто, воздвигнется новое, прекрасное зданіе. Труденъ и опасенъ путь восхожденія изъ долинъ, покрытыхъ тѣнью, къ вершинамъ горъ, залитыхъ солнцемъ. И много людей, совершающихъ восхожденіе, срывается въ пропасть и гибнетъ. Что дѣлать! Жизнь въ томъ, что одни рождаются, другіе умираютъ, а средніе живутъ. Умираютъ просто, умираютъ за идеалъ — и все для того, чтобы этимъ среднимъ было

лучше жить. И пусть живутъ. Я—средній. Я не созданъ, чтобы умирать за идеалъ. Я созданъ просто, чтобы жить, пока живется. L'Amour et la Mort — c'est la Vie. Это мой девизъ. Я хочу жить и любить. Хочу ли я умереть—объ этомъ меня не спросятъ. Но жить и любить позволено всякому. И я люблю...

Онъ вдругъ замолчалъ, пристально взглянулъ на Анну и съ необыкновенной стремительностью, какъ бы не желая дать себѣ возможность отступить, быстро прибавилъ:

— И я люблю Анну.

Она вскинула на него взоръ, полный изумленія отъ неожиданности.

Потомъ засмѣялась и вдругъ заплакала.

Вѣра Алексѣевна растерялась.

Онъ взялъ руку Вѣры Алексѣевны и поцѣловалъ ее.

— Ну, да,—просто сказалъ онъ.—Я люблю Анну и люблю давно. Что жъ тутъ предосудительнаго? Пока вы рѣшали въ вашемъ салонѣ государственныя дѣла, мы сидѣли здѣсь съ ней долгими вечерами, казавшимися мнѣ мимолетными мгновеніями. И я говорилъ о любви. Она слушала меня или издѣвалась надо мной. Вы рѣшали судьбы государства, а я—свою собственную. Повторяю—suum cuique. Все въ мірѣ тѣсно связано и объединено. Великое переплетается съ малымъ, малое идетъ на созданіе великаго. Все вѣдь только матеріалъ, изъ котораго строится какое-то невидимое зданіе. Гдѣ-нибудь умираютъ, гдѣ-нибудь женятся, гдѣ-нибудь сражаются и гдѣ-нибудь поютъ и веселятся, стонутъ и плачутъ. Да будетъ жизнь! Среди картины общаго разлива, смѣшенія всѣхъ понятій, разброда, неразберихи, вотъ въ этомъ декадентскомъ будуарѣ—картинка тихаго, элегическаго счастья! Потомъ, когда мы женимся и, состарившись, будемъ проходить мимо зданія нашего русскаго парламента, я скажу Аннѣ: „Помнишь, я сдѣлалъ тебѣ предложеніе послѣ ужасныхъ январьскихъ дней? И женились мы въ тотъ памятный годъ, когда вешній потокъ многое разрушилъ въ Россіи. Мы уцѣлѣли потому, что мы средніе люди, для счастья которыхъ несся потокъ"...

Онъ говорилъ много, безъ передышки, какъ будто желая защитить внутреннее волненіе или помѣшать женщинамъ сказать что-нибудь, что его низринуло бы съ облаковъ, на которыя онъ такъ самовластно забрался.

— Аня, — заговорилъ онъ снова, взявъ ее довѣрчиво за руку,—бросьте вы ваши мечты о Мамаевомъ побоищѣ и о всѣхъ этихъ снобахъ, которые видятъ счастье жизни въ позѣ и тще-

славіи! Вы не изъ тѣхъ женщинъ, которымъ нужно опьяненіе. Вы изъ трезвыхъ.

— Это вы говорите о трезвости?—улыбнувшись, остановила она его.

— Непремѣнно. Я изъ тѣхъ, у которыхъ есть сила воли. Я бросилъ пить и сталъ сочинять музыку. Я сказалъ себѣ: я себѣ все прощаю и ставлю крестъ на прошлой разнузданности.

— Почему прощаете?

— Не сказано ли: прощай врагу своему?

— Сказано. Такъ что жъ?

— Такъ я и былъ врагомъ себѣ. Вотъ и простилъ. Но теперь я уже не врагъ себѣ. Да здравствуютъ общество трезвости и любовь!

— Богъ васъ знаетъ, вы говорите такъ, что васъ никогда не поймешь: шутите вы или говорите серьезно?

— А вы попробуйте; скажите: „я согласна быть вашей женой“. И тогда обнаружится—шучу я или говорю серьезно. Попробуйте.

— Ну, извольте. Я согласна быть вашей женой.

— Ура!—вскрикнулъ онъ и, кинувшись къ ней, заключилъ ее въ свои объятія.—Я зналъ всегда, что вы дѣвушка съ крыльями, съ невидимыми бѣлыми крыльями.

Онъ выпустилъ ее и сталъ цѣловать Вѣру Алексѣевну, которая плакала.

— Сумасшедшій!—проворчала Анна.

— Да, пусть. Но только нѣтъ! Ошибаетесь. Вотъ вамъ предписаніе не сумасшедшаго, а трезваго человѣка: стать моей женой и осуществить добродѣтельный буржуазный идеалъ... Потому что мы—средніе, ради которыхъ несутся вешніе потоки. А буде не осуществите сего моего предписанія, съ вами будетъ поступлено по всей строгости... беззаконія.

— Какую вы чепуху говорите!

— Ну, да, чепуху! Такъ что жъ такое! Говорю потому, что намолчался...

Онъ вдругъ подошелъ къ піанино, открылъ крышку и заигралъ.

Онъ игралъ виртуозно. Это была симфоническая картинка разсвѣта: всходило утреннее весеннее солнце и разгоняло своими розовыми лучами синія тѣни ночи. Онѣ уходили въ даль съ глухимъ рокотомъ басовыхъ нотъ, которыя звучали все глуше и тише и наконецъ замерли, уступивъ мелодію свѣтлымъ и металлически-звонкимъ дискантовымъ нотамъ. Гдѣ-то, словно въ далекой рощѣ, запѣли, перекликаясь между собою, птицы...

Лубянскій игралъ съ увлеченіемъ и, казалось, забылъ и о своемъ такъ неожиданно завоеванномъ счастьѣ, и о присутствіи двухъ женщинъ въ комнатѣ.

Анна задумалась подъ звуки этого мелодичнаго вступленія къ новой оперѣ Лубянскаго, и ея широко-раскрытые, неподвижные глаза смотрѣли прямо въ какую-то ей одной видимую даль, гдѣ загоралось для нея новое солнце и гдѣ новыя птицы щебетали новыя пѣсни. И ей было хорошо на душѣ.

А Вѣра Алексѣевна все еще плакала и не знала, почему: отъ перенесенныхъ огорченій или отъ перспективы счастья хотя одной дочери?...

Валер. Свѣтловъ.

ИЗЪ
ДНЕВНИКА
НА ВОЙНѢ 1877—78 ГОДОВЪ *)

1878-ой годъ

1-ое января — 17-ое апрѣля.

II *).

9—20 января.

9 января.—Сегодня, въ 12 час. дня, Серверъ и Намыкъ-паши были оффиціально приняты Великимъ Княземъ. Переговоры продолжались ровно два часа. Присутствовали только Непокойчицкій и Нелидовъ. Послѣдній разсказывалъ мнѣ, что по поводу предъявленныхъ уполномоченнымъ главныхъ основаній мира Намыкъ-паша обратился къ Великому Князю со слѣдующею рѣчью: „Александръ Македонскій, лишивъ индійскаго царя Пора его владѣній, все-таки почтилъ его царскій санъ. Мы побѣждены вполнѣ, мы это сознаемъ, и пришли къ Вашему Высочеству заявить, что полагаемся на великодушіе и милосердіе русскаго Государя. Мы имѣемъ весьма широкія полномочія, но то, что вы требуете, почти равносильно уничтоженію турецкой имперіи. Я не могу взять на себя согласиться на подобныя условія. Позвольте просить васъ умѣрить ваши требованія“.

*) См. выше: мартъ, стр. 256.

Великій Князь отвѣчалъ, что никакихъ уступокъ сдѣлать не можетъ, даетъ имъ два часа на размышленіе, а затѣмъ, если они условій не примутъ,—будетъ энергически продолжать наступленіе и двинется впередъ.

Въ 4 часа дня уполномоченные пріѣхали къ Великому Князю вторично. Заявили, что вполнѣ понимаютъ, что намъ нѣтъ разсчета имъ уступать, и что съ каждымъ новымъ успѣхомъ нашего оружія мы имѣемъ полное основаніе даже усугубить тяжесть предлагаемыхъ условій. Тѣмъ не менѣе, они совершенно не вправѣ принять эти условія, а должны запросить Порту. „Если бы, прибавили они, мы имѣли прямыя телеграфныя сношенія съ Константинополемъ, то сообщили бы ваши условія и получили бы приказаніе по телеграфу. Но такъ какъ депеша наша можетъ придти туда не ранѣе какъ черезъ 36 часовъ (простыя, нешифрованныя телеграммы идутъ 18 часовъ), то можетъ пройти 4—5 дней, прежде чѣмъ мы получимъ отвѣтъ. Поэтому лучше намъ самимъ ѣхать въ Константинополь за инструкціями".

Великій Князь отвѣтилъ, что очень сожалѣетъ о недостаточности ихъ полномочій, считаетъ переговоры прерванными, будетъ телеграфировать объ этомъ Государю и продолжать наступленіе. Теперь, если уполномоченные даже передумаютъ, онъ, Великій Князь, уже не вправѣ принять ихъ согласіе на предложенныя условія, а испроситъ высочайшее повелѣніе: останутся ли прежнія, или будутъ поставлены новыя условія. Обстановка мѣняется въ нашу пользу ежедневно, и посему условія, которыя считаются достаточными сегодня, могутъ оказаться недостаточными уже завтра.

Такимъ образомъ, сегодняшніе переговоры кончились ничѣмъ, или, вѣрнѣе,—оборваны. Нелидовъ разсказывалъ мнѣ, что Серверъ и Намыкъ паши, а равно лица изъ свиты, въ частныхъ бесѣдахъ озлобленно ругаютъ Англію, которая втравила ихъ въ войну, а теперь бросила на произволъ судьбы. Серверъ-паша, кромѣ Англіи, ожесточенно порицалъ графа Игнатьева, называя его злѣйшимъ врагомъ не только Турціи, но и своего собственнаго отечества. Серверъ-паша, между прочимъ, выразился такъ: „Я всегда былъ сторонникомъ тѣснаго согласія и союза съ Россіей; я никогда бы отъ этой политики не отступился, еслибъ меня не вынудилъ къ этому Игнатьевъ. Но согласитесь сами, что мнѣ было дѣлать, когда онъ во всеуслышаніе началъ говорить всѣмъ: „je porte Server dans ma poche, c'est mon homme"? Мнѣ поневолѣ пришлось стать противъ соглашенія съ Россіей,—иначе мое правительство заподозрило бы, что я подкупленъ".

Въ томъ, что произошла задержка въ принятіи мирныхъ условій и, вслѣдствіе этого, отсрочка перемирія — бѣды никакой для насъ нѣтъ: это очень опасно для самихъ турокъ, ибо дальнѣйшее развитіе нашихъ успѣховъ можетъ повести къ низверженію султана и революціи въ Константинополѣ. Но и для насъ, по моему глубокому убѣжденію, такая катастрофа очень нежелательна. Сохраненіе турецкаго владычества въ Константинополѣ—нашъ прямой интересъ, ибо мы не въ силахъ замѣнить его своимъ. Хотя, благодаря безпримѣрнымъ подвигамъ нашихъ войскъ, мы и оказались достаточно сильны, чтобы разгромить турецкую имперію,—намъ, однако, совершенно не подъ силу удержать Константинополь за собой. Стоитъ намъ только овладѣть имъ—возгорится европейская война. Ни за что намъ не дозволятъ захватить Царьградъ и проливы.

Вслѣдствіе перерыва переговоровъ, Великій Князь уже назначилъ на 12-е января отъѣздъ отсюда, пославъ Государю сегодня вечеромъ слѣдующую шифрованную телеграмму:

„Послѣ двухъ новыхъ засѣданій сегодня, турки объявили, что не считаютъ себя уполномоченными принять пунктъ 1-й и послѣднюю половину 4-го. Я объявилъ имъ, что считаю поэтому условія непринятыми. Они просили позволенія телеграфировать султану. Я отвѣчалъ, что беру на себя разрѣшить имъ ожидать отвѣта, не выѣзжая изъ моей главной квартиры, но при этомъ предупредилъ ихъ, что военныя дѣйствія будутъ энергически продолжаться, и что теперь отвѣтъ Порты, даже вполнѣ удовлетворительный, въ виду быстро измѣняющихся событій, я не считаю себя болѣе вправѣ принять безъ предварительнаго на то разрѣшенія отъ тебя. А потому прошу увѣдомить меня возможно скорѣе: могу ли я, въ случаѣ принятія султаномъ предъявленныхъ нами условій, заключить на ихъ основаніи перемиріе, или долженъ ожидать новыхъ инструкцій.

„Кромѣ того, въ виду быстро совершающихся событій, неожиданно скораго движенія нашихъ войскъ, возможнаго въ эту уже минуту занятія нами Адріанополя и неоднократно высказаннаго тобою желанія о безостановочномъ движеніи впередъ нашихъ войскъ,—испрашиваю: какъ мнѣ поступить въ случаѣ подхода моего къ Царьграду, что легко можетъ случиться при паникѣ, которою объято турецкое населеніе отъ Адріанополя до Стамбула включительно; а также что дѣлать въ слѣдующихъ случаяхъ:

„1) если англійскій или другіе флоты вступятъ въ Босфоръ;

„2) если будетъ иностранный дессантъ въ Константинополѣ;

„3) если тамъ будутъ безпорядки, рѣзня христіанъ и просьба о помощи къ намъ; и —

„4) какъ отнестись къ Галлиполи—съ англичанами и безъ англичанъ?

„Жду съ нетерпѣніемъ неотлагательнаго отвѣта для принятія своевременныхъ мѣръ“.

Сегодня же, 9-го января, получены двѣ весьма важныя телеграммы:

1) Отъ Государя, поданная въ СПб., 6-го января, въ 4 ч. 30 м. дня:

„Всѣ телеграммы твои отъ 3-го и 4-го января до меня дошли вчера вечеромъ. Вижу съ удовольствіемъ, что наступленіе съ настойчивостью продолжается. Отвѣты на записки Нелидова и князя Черкасскаго тебѣ посланы. Нахожу присутствіе послѣдняго на мѣстѣ теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, необходимымъ“.

2) Отъ военнаго министра, подана въ Петербургѣ 4-го января въ 1 ч. 35 м. пополуночи (шифрованная):

„По Высочайшему повелѣнію довожу до свѣдѣнія Вашего Высочества, что Англіею сдѣланъ намъ запросъ: будутъ ли русскія силы направлены на Галлиполи, при чемъ высказано мнѣніе, что всякое дѣйствіе, могущее поставить Дарданеллы подъ вліяніе Россіи, затруднитъ окончательное мирное соглашеніе. На это данъ отвѣтъ, что мы вовсе не имѣемъ въ виду направлять наши дѣйствія на Галлиполи, если только турки не стянутъ туда свои силы.—Милютинъ“.

Начинается назойливое англійское вмѣшательство! И зачѣмъ имъ отвѣчаютъ? Какое право имѣютъ англичане указывать намъ? Возмутительно!

Сегодня же Великій Князь послалъ двѣ телеграммы Цесаревичу въ Брестовацъ:

1) „Прошу тебя направить 8-ю кавалерійскую дивизію черезъ Тырновъ, Твардицу или Старорѣку на Ямболи и далѣе черезъ Ваково къ Адріанополю, на присоединеніе къ 8-му корпусу“.

2) „Прошу тебя, чтобы омскій полкъ съ батареями 24-й артиллерійской бригады былъ двинутъ немедленно на присоединеніе къ своей дивизіи въ Тырновъ, а сумскій гусарскій—на Тырновъ, Старорѣку, Ямболи и Ваково къ Адріанополю на присоединеніе тоже къ своей дивизіи. Отдай соотвѣтствующія приказанія Дрентельну [1]) и сообщи ихъ мнѣ“.

---

[1]) Генералъ-адъютантъ Дрентельнъ былъ начальникомъ военныхъ сообщеній

10 января.—Сегодня въ 11 ч. утра получено донесеніе Струкова о занятіи Адріанополя. Великій Князь въ восторгѣ и приказалъ мнѣ немедленно составить слѣдующую телеграмму Государю.

„Только сію минуту получилъ донесеніе Струкова изъ Адріанополя. Лихой генералъ Струковъ занялъ городъ безъ выстрѣла 8-го января съ $5^1/_2$ эскадронами 1-й бригады 1-й кавалерійской дивизіи. Населеніе въ восторгѣ, горячо благодаритъ за спасеніе отъ шаекъ черкесовъ и башибузуковъ, нахлынувшихъ на городъ по уходѣ регулярныхъ войскъ, толпами убѣжавшихъ изъ Адріанополя. Такъ какъ власти всѣ бѣжали, то генералъ Струковъ установилъ временное правленіе изъ выборныхъ лицъ разныхъ націй, подъ предсѣдательствомъ высшаго духовнаго лица. 8-го января двинутъ изъ Херманли къ Адріанополю пѣхотный полкъ съ артиллеріею 30-й дивизіи. Полагаю, что теперь онъ уже прибылъ. Выѣзжаю отсюда въ Адріанополь 12-го и надѣюсь тамъ быть 15-го января“.

Подъ впечатлѣніемъ этого извѣстія, Великій Князь рѣшилъ ни въ какомъ случаѣ не принимать перемирія на тѣхъ условіяхъ, которыя турки не рѣшились принять вчера. Если не получитъ особаго высочайшаго повелѣнія, то и разговаривать съ уполномоченными больше не хочетъ, а намѣревается, пользуясь разгромомъ турецкихъ войскъ и всеобщею паникою, стремительно наступать не только на Константинополь, но и на Галлиполи. Великій Князь говоритъ, что въ телеграммѣ Милютина сообщается лишь о данномъ Англіи обѣщаніи не занимать Галлиполи условно, въ томъ только случаѣ, если тамъ не будетъ турецкихъ войскъ. А такъ какъ мы имѣемъ полное право предполагать тамъ эти войска и всегда можемъ сослаться на дошедшіе до насъ слухи объ этомъ, то и стѣсняться нечего: Галлиполи непремѣнно надо занять и поскорѣе, чтобы создать совершившійся фактъ прежде, чѣмъ получится запрещеніе. Съ англичанами церемониться нечего: они сами ни съ кѣмъ не церемонятся; надо пользоваться рѣдкимъ случаемъ имъ отплатить.

Съ горячимъ сочувствіемъ и восторгомъ слушалъ я эти разсужденія Великаго Князя. Не могъ удержаться, чтобъ не пожалѣть вслухъ о существованіи телеграфнаго сообщенія съ Петербургомъ. Великій Князь вполнѣ присоединился къ этому сожалѣнію.

арміи, находился въ Бухарестѣ, а упомянутыя въ телеграммѣ части войскъ находились на лѣвомъ берегу Дуная, въ его вѣдѣніи.

Весь день прошелъ въ горячкѣ полученія и отправки телеграммъ.

Великому князю Алексѣю Александровичу послано въ Петрошаны двѣ телеграммы слѣдующаго содержанія [1]):

1) „Перевези твой обозъ и тяжести на правый берегъ Дуная и только-что сдашь все прибывшее морскимъ командамъ и когда найдешь возможнымъ, то выступай самъ и дай мнѣ о томъ немедленно знать. Иди на Тырновъ,— теперь же вышли офицера къ Деллингсгаузену въ Сливно, чтобы онъ указалъ, гдѣ лучше пройти: черезъ Твардицу или Старорѣку. Если твои люди не будутъ въ состояніи пройти черезъ горы, то не задерживайся ими, а иди, не останавливаясь, прямо на Адріанополь. Чѣмъ скорѣе выступишь, тѣмъ лучше".

2) „Возьми съ собою всѣ снаряды, необходимые для устройства миноносныхъ лодокъ, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ лодки не пройдутъ черезъ горы, то возможно было бы приспособить ихъ къ другимъ судамъ, которыя найдемъ въ Мраморномъ морѣ. Адріанополь занятъ нами 8-го числа; поэтому чѣмъ скорѣе дойдемъ, тѣмъ лучше. Постараюсь для тебя приготовить поѣздъ желѣзной дороги въ Ямболи для перевозки въ Адріанополь. Не забудь взять съ собой мины и минную команду гвардейскаго сапернаго баталіона и гальванической роты".

Отъ Государя получена сегодня только одна телеграмма, а Его Величеству Великій Князь посылалъ одну телеграмму за другою.

Телеграмма Государя, отъ 4 ч. 30 м. дня 8-го января, была слѣдующая:

„Благодарю за письма отъ 29-го декабря и за телеграмму съ подробностями дѣлъ генераловъ Гурко и Струкова. Передай мое спасибо всѣмъ нашимъ молодцамъ и моимъ драгунамъ въ особенности. Выдай имъ кресты, по пяти на эскадронъ".

Государю посланы сегодня, одна за другою, слѣдующія телеграммы:

1) „Побѣда, одержанная генераломъ Гурко въ трехдневномъ бою подъ Филиппополемъ, 3, 4 и 5-го января, оказалась еще полнѣе и блистательнѣе, чѣмъ я сообщилъ сперва. Выяснилось, что Гурко имѣлъ дѣло не съ половиною, а со всею арміей Сулеймана-паши, подъ личнымъ его начальствомъ, въ числѣ отъ 80 до 90 таборовъ, всего болѣе 40 тысячъ. Только послѣ боя 5-го января армія была разрѣзана почти пополамъ окончательно. Одна половина, подъ начальствомъ Фуада-паши, потерявъ въ

[1]) Обѣ составлены самимъ Великимъ Княземъ.

бою 4-го и 5-го января 46 орудій, бѣжала, въ ночь на 6-е января, въ горы на Нарѣчинъ и Добролукъ, въ полномъ разстройствѣ, побросавъ по дорогѣ съ кручъ оставшіяся при ней орудія, числомъ около 12. Другая половина, около 40 таборовъ при 40 слишкомъ орудіяхъ, подъ начальствомъ самого Сулеймана, бѣжала въ ту же ночь, также горами, на Тахталы, Караджаларъ и Гюмюрджи, къ сторонѣ Хаскіоя. Генералъ Гурко поручилъ преслѣдовать ее генералу Скобелеву 1-му, усиливъ ее сводною драгунскою бригадою Краснова. Сулейманъ ночевалъ на 6-е въ Тахталы, а на 7-е въ Караджаларѣ, откуда выступилъ до разсвѣта: большая часть пѣхоты впереди, затѣмъ 40 орудій и въ арріергардѣ 5 таборовъ. Къ разсвѣту 7-го января кавалерія Скобелева 1-го подошла къ Караджалару. Шедшій въ головѣ 30-й донской Грекова полкъ, увидѣвъ артиллерію съ прикрытіемъ, мгновенно развернулся и бросился въ аттаку. Пять таборовъ, пораженные неожиданностью, бросились бѣжать, и всѣ 40 орудій были взяты казаками полка Грекова. Такимъ образомъ, армія Сулеймана лишилась почти всей артиллеріи: считая вмѣстѣ съ сброшенными съ кручи, которыя уже приказано вытащить, въ наши руки досталось 97 орудій. По показаніямъ плѣнныхъ, у Сулеймана осталось затѣмъ лишь небольшое число горныхъ орудій. Часть арміи, бѣжавшая съ самимъ Сулейманомъ, должна или наткнуться у Хаскіоя на отрядъ Скобелева 2-го, или бѣжать прямо на югъ, въ горы. Кромѣ отряда Скобелева 2-го, къ Хаскіою собралась еще къ 6-му января гвардейская кавалерія, которой приказано: идти туркамъ навстрѣчу, задержать ихъ и сообщить Скобелеву 2-му, дабы могъ ихъ перехватить. Наконецъ, отряду генерала Карцова приказано также идти отъ Чирпана черезъ Кояджи на Хаскіой".

2) „Какъ я уже телеграфировалъ, въ ночь съ 6-го на 7-е января, былъ открытъ петербургскими уланами на дорогѣ изъ Хаскіоя въ Херманли громадный обозъ подъ прикрытіемъ пѣхоты и вооруженныхъ жителей. Съ разсвѣтомъ 7-го января, генералъ Скобелевъ 2-й двинулъ туда полковника Панютина съ углицкимъ полкомъ, 11-мъ стрѣлковымъ баталіономъ и 2-мя орудіями. Въ 12 верстахъ отъ Херманли полковникъ Панютинъ настигъ непріятеля въ числѣ 6-ти таборовъ и массы вооруженныхъ жителей и послѣ двухчасового боя разбилъ и разсѣялъ турокъ и овладѣлъ всѣмъ обозомъ—около 20 тысячъ повозокъ. Наша потеря—4 офицера и 46 нижнихъ чиновъ. Къ величайшему сожалѣнію, здѣсь находилось нѣсколько тысячъ мусуль-

манскаго населенія, выведеннаго по распоряженію Сулеймана изъ Филиппополя и окрестностей. Эти несчастные съ началомъ боя въ ужасѣ разбѣжались, побросавъ въ обозѣ дѣтей. Пока шелъ бой, бо́льшая часть ихъ имущества была разграблена болгарами. Дѣти были призрѣны нашими войсками, грабежъ по окончаніи боя пріостановленъ, приняты мѣры для возвращенія дѣтей матерямъ, которыя мало-по-малу и начали возвращаться. Тѣмъ не менѣе, положеніе несчастныхъ мусульманскихъ жителей ужасное. Вслѣдствіе распоряженія Сулеймана и овладѣвшей ими неописанной паники, они бѣгутъ отовсюду безъ оглядки, уничтожая свои дома, забирая семейства и имущество, которое теряютъ по дорогѣ. Все это неизбѣжно погибнетъ, тогда какъ, оставаясь на мѣстѣ, они могли бы жить спокойно, подъ защитою нашихъ военныхъ властей. Глубоко скорблю, что блистательные успѣхи, нами достигнутые, помимо моей воли влекутъ за собой столь грустныя послѣдствія, которыхъ я не могъ предупредить и которыя теперь могу лишь съ большимъ трудомъ смягчить".

3) „8-го января къ Адріанополю подошелъ уже самостоятельный пѣхотный отрядъ съ артиллеріей. 9-го января разсчитывалъ прибыть туда уже по желѣзной дорогѣ самъ генералъ Скобелевъ 2-й, съ остальными войсками авангарда арміи. Обращаю вниманіе твое на то, что во вторую столицу турецкой имперіи первыми вступили полки, носящіе названія нашихъ обѣихъ столицъ: лейбъ-драгунскій московскій и петербургскій уланскій".

4) „Событія такъ быстро совершаются и опережаютъ всѣ возможныя предположенія, что если такъ Богъ благословитъ далѣе, то мы скоро можемъ быть невольно подъ стѣнами Царьграда. Въ виду этого, для твоихъ политическихъ соображеній сообщаю, что 15-го января надѣюсь быть въ Адріанополѣ. Къ тому времени войска Гурко могутъ быть по дорогѣ на Демотику, куда онъ мною направленъ отъ Хаскіоя. Часть пѣхоты Скобелева 2-го теперь уже въ Адріанополѣ.

„Радецкій будетъ тамъ около 15-го. Голова гренадеръ тоже 15-го у Херманли. Полагаю двинуть 17-го пѣхоту по дорогамъ отъ Адріанополя на Константинополь. Если не встрѣчу особыхъ препятствій, то къ концу мѣсяца могу быть у стѣнъ Константинополя. Вездѣ устраиваю хлѣбопеченіе, на что со стороны мѣстныхъ жителей имѣю много предложеній.—Казанлыкъ, 10-го января, 1 ч. дня".

5) „Турецкое населеніе, уничтожая все свое имущество, увозитъ семейства, которыя по дорогамъ гибнутъ тысячами.

Паника страшная, неописанная, равно и сопровождающія ее потрясающія событія. Въ виду всего этого долгомъ считаю высказать мое крайнее убѣжденіе, что при настоящихъ обстоятельствахъ невозможно уже теперь останавливаться, и въ виду отказа турками условій мира, необходимо идти до центра, т. е. до Царьграда, и тамъ покончить предпринятое тобою святое дѣло. Сами уполномоченные Порты говорятъ, что ихъ дѣло и существованіе кончены, и намъ не остается ничего другого, какъ занять Константинополь. При этомъ занятіе Галлиполи, гдѣ находится турецкій отрядъ, неизбѣжно, чтобы предупредить, если возможно, приходъ туда англичанъ и при окончательномъ разсчетѣ имѣть въ своихъ рукахъ самыя существенныя гарантіи для разрѣшенія вопроса въ нашихъ интересахъ. Вслѣдствіе этого не буду порѣшать съ уполномоченными до полученія отвѣта на эту депешу и съ Богомъ иду впередъ.—Казанлыкъ, 10-го января, 3 ч. дня".

Послѣднія двѣ телеграммы составлены самимъ Великимъ Княземъ, а мною только зашифрованы. Созрѣвшая въ Великомъ Князѣ рѣшимость идти безостановочно на Константинополь и Галлиполи одновременно—вполнѣ соотвѣтствуетъ необычайно и неожиданно благопріятной для насъ обстановкѣ. Такія историческія минуты очень рѣдки и никогда не повторяются: ихъ надо хватать на лету. Хотя мы идемъ впередъ почти съ голыми руками, но можно быть увѣренными, что даже ничѣмъ не рискуемъ: паника черезчуръ велика и сопротивленія ожидать нечего, если только не давать туркамъ времени опомниться. Великій Князь правъ: ужъ если турки оставили безъ боя хорошо укрѣпленный и вооруженный Адріанополь, то они безъ сопротивленія отдадутъ и Константинополь. Въ особенности же правъ Великій Князь, торопясь занять сверхъ того и Галлиполи: это единственный шансъ не допустить англичанъ до активнаго вмѣшательства въ наши дѣла. Нельзя пропускать ихъ черезъ Дарданеллы, это—главное. Конечно, у насъ нѣтъ не только флота, но даже и артиллеріи, которая почти вся еще за Балканами. Но ни англичане, ни турки этого еще не знаютъ; слѣдовательно, достаточно занять Галлиполи, чтобы англичане призадумались и замялись. Время выиграемъ, это главное, а что дѣлать дальше—видно будетъ.

Весьма возможно, что наше появленіе передъ Константинополемъ вызоветъ тамъ революцію, сверженіе или бѣгство султана на азіатскій берегъ. Возможно, что обстоятельства усложнятся

до того, что произойдетъ общій пожаръ и европейская война за турецкое наслѣдство. Придется тогда поневолѣ рѣшать восточный вопросъ, хотя мы къ этому вовсе не готовы. Что же дѣлать. Все-таки намъ выгоднѣе имѣть на этотъ случай въ своихъ рукахъ такіе два важныхъ залога, какъ Царьградъ и Галлиполи.

Будущее всегда загадочно. Но нельзя упускать такіе рѣдкіе случаи повернуть его въ нашу пользу. Или теперь, или никогда!

11 января. Сегодня, въ первый разъ за Балканами, чудный, теплый, солнечный день. Можно ходить безъ пальто.

Съ лихорадочною поспѣшностью заканчиваю отчетъ Государю: писалъ всю ночь до 5 ч. утра; завтра утромъ, передъ выступленіемъ, Великій Князь непремѣнно желаетъ его отослать. Завтра должны ночевать въ Эски-Загрѣ, 13-го перейти въ Трново-Сейменли, а оттуда, можетъ быть, — уже по желѣзной дорогѣ въ Адріанополь: Скобелевъ надѣялся возстановить по ней движеніе даже вчера. Намыкъ и Серверъ паши поѣдутъ съ нами; ихъ свита — днемъ позже. Сегодня къ нимъ пріѣхалъ флигель-адъютантъ султана—Иццетъ-бей, съ какимъ-то письмомъ.

Телеграммы изъ Петербурга стали страшно запаздывать.

Отъ Государя получена телеграмма, поданная 6-го января въ 3 ч. 58 м. дня! На Шипкѣ телеграфное сообщеніе было нѣкоторое время прервано снѣжною бурею, такъ что телеграмма была прислана оттуда только сегодня утромъ, вмѣстѣ съ другою, поданною въ Петербургѣ вчера 10-го января въ 10 ч. 41 м. вечера. Вотъ эти телеграммы:

1) „Чрезвычайно обрадованъ какъ занятіемъ Филиппополя, такъ и Херманли и Трново и молодецкими дѣйствіями моихъ драгунъ со Струковымъ. Извѣсти, когда получишь телеграмму, князя Горчакова отъ 5-го января. Да поможетъ намъ Богъ".

2) (Шифрованная). „При теперешнихъ обстоятельствахъ желаю, чтобы Саша и Владиміръ оставались при настоящемъ ихъ командованіи до заключенія перемирія".

Государю было немедленно телеграфировано Великимъ Княземъ:

„Въ стычкахъ съ башибузуками и небольшими кавалерійскими отрядами передъ занятіемъ Адріанополя Струковъ потерялъ двухъ офицеровъ ранеными, а нижнихъ чиновъ четыре убитыми и около пятнадцати ранеными. Несмотря на 10-ти-дневный непрерывный походъ по снѣжнымъ дорогамъ, при 10-тиградусномъ морозѣ съ вѣтромъ, при безпрестанныхъ стычкахъ,

въ постоянно напряженномъ состояніи—въ кавалеріи Струкова нѣтъ ни больныхъ, ни отсталыхъ. Адріанополь былъ поспѣшно очищенъ Ахмедъ-Эюбомъ съ 2.000 пѣхоты. Пороховой складъ, арсеналъ и старый султанскій сераль взорваны имъ. По выходѣ войскъ, арсеналъ и большая часть складовъ были разграблены еще до вступленія Струкова. Башибузуки и уходящіе турки начали рѣзать, грабить и жечь окрестныя селенія. Городъ былъ спасенъ отъ грабежа лишь благодаря энергіи и рѣшительности генерала Струкова, которому съ трудомъ удалось сдержать возбужденныя массы народа и внушить страхъ бродящимъ въ окрестностяхъ башибузукамъ. Вступивъ въ Адріанополь, Струковъ успѣлъ захватить 22 Крупповскихъ орудія и 4 орудія большого калибра. При арсеналѣ осталось два турецкихъ офицера съ 73 солдатами. Струковъ учредилъ для управленія городомъ временную коммиссію изъ представителей разныхъ націй, преимущественно духовнаго званія, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго архіепископа, бывшаго воспитанника кіевской академіи. Вчера, 10-го января, прибылъ въ Адріанополь генералъ Скобелевъ 2-й, утвердилъ всѣ сдѣланныя Струковымъ распоряженія, немедленно двинулъ его съ кавалеріей на Киркилиссу и Люле-Бургасъ, а гвардейской кавалеріи приказалъ направиться на Демотику. Общее руководство всею кавалеріею поручилъ генералу Дохтурову [1]. Около 2-хъ час. пополудни 10-го января долженъ былъ вступить въ Адріанополь владимірскій полкъ. Вчера же вступили туда шуйскій полкъ, 11-й стрѣлковый баталіонъ и 4 орудія. Войска помѣстились въ казармахъ и фортахъ внѣ города; Скобелевъ—въ конакѣ. Телеграфное сообщеніе между Адріанополемъ и Херманли установлено вновь, личный составъ остался на мѣстѣ. Скобелевъ прислалъ мнѣ телеграмму на французскомъ языкѣ изъ Адріанополя, которая получена въ Херманли въ 12½ ч. пополудни 10-го января, оттуда послана летучею почтою и сейчасъ мною получена. Австрійскій консулъ протестовалъ противъ установленія Струковымъ временнаго управленія, но какъ Струковъ, такъ затѣмъ и Скобелевъ, оставили протестъ безъ вниманія.

„Сейчасъ получилъ донесеніе Гурко, что число взятыхъ нами орудій не 97, а 110.—Казанлыкъ, 11-го января, 2 ч. пополудни".

Сегодня Великій Князь получилъ двѣ телеграммы отъ Цесаревича:

---

[1] Ген.-лейт. Дохтуровъ былъ начальникомъ 1-й кавалерійской дивизіи, но вслѣдствіе назначенія Струкова начальникомъ авангарда—остался ни при чемъ.

1) „Ведутся ли переговоры и какой оборотъ они принимаютъ; мнѣ рѣшительно ничего неизвѣстно. На что можемъ разсчитывать?“

2) „Въ отрядѣ все тихо и благополучно. Перебѣжчики болгары изъ Рущука показали, что въ Рущукѣ—до 12 тысячъ войска. Болгары жалуются, что черкесы обращаются съ ними жестоко и грозятъ ихъ всѣхъ перерѣзать. Не признаете ли Ваше Императорское Высочество возможнымъ повліять на уполномоченныхъ Турціи въ виду защиты болгаръ отъ звѣрствъ и угрозъ черкесовъ. 8-я кавалерійская дивизія выступаетъ сегодня изъ Раховицъ первымъ эшелономъ, а всѣхъ эшелоновъ три.—Генералъ-адъютантъ Александръ“.

Мнѣ неизвѣстно, что отвѣтилъ Великій Князь Цесаревичу.

12 января. — Прочитавъ вчера вечеромъ Великому Князю черновой отчетъ, я переписывалъ его набѣло всю ночь напролетъ и къ $5^{1}/_{2}$ ч. сегодняшняго утра представилъ его Великому Князю къ подписи. Великій Князь, еще вчера вечеромъ выражавшій опасеніе, что я не успѣю кончить переписку, — былъ въ восторгѣ, горячо благодарилъ и удивлялся моей выносливости. Подписавъ и отправивъ отчетъ Государю съ фельдъегеремъ, Великій Князь сталъ угощать меня чаемъ съ свѣжими булками и даже съ масломъ. Это было очень кстати, потому что всѣ вещи наши, да и кухня Великаго Князя, ушли еще съ вечера, и у насъ не было ровно ничего.

Въ $6^{1}/_{2}$ ч. утра мы выѣхали изъ Казанлыка верхомъ, въ совершенной темнотѣ. Около 8 ч. начался чудный разсвѣтъ. Отраженіе и переливы лучей восходящаго солнца на скатахъ горъ, окружающихъ казанлыкскую долину, представляли волшебное зрѣлище, тѣмъ болѣе, что освѣщеніе мѣнялось безпрерывно. Восторгались люди даже мало-впечатлительные къ красотамъ природы. Теперь нѣтъ ни снѣга на горахъ, ни зелени, и все-таки какъ чудно хорошо! Можно себѣ представить, какое чарующее зрѣлище представляетъ восходъ солнца зимою и лѣтомъ.

Проѣхавъ верстъ 12, мы вступили въ ущелье Малыхъ-Балканъ. Сперва шла довольно широкая дорога, но затѣмъ вдругъ съузилась и начала извиваться то по узкимъ карнизамъ, то по дну быстраго ручья. Это—Дербендкіойское ущелье. Изумительно, какъ здѣсь прошелъ нашъ обозъ, да еще ночью. Онъ выступилъ вчера въ 7 ч. вечера, и мы его уже застали въ Эски-Загрѣ, куда онъ благополучно прибылъ сегодня въ 11 ч. утра, отдѣлавшись лишь нѣсколькими поломанными дышлами и колесами.

Эски-Загру мы увидѣли въ развалинахъ. По словамъ участниковъ перваго забалканскаго похода, это былъ большой, богатый городъ, еще красивѣе Казанлыка. Теперь въ немъ уцѣлѣло счетомъ 29 домовъ, да и то совершенно опустошенныхъ, съ выбитыми стеклами. Даже каменныя стѣны разрушены до основанія. Это была месть турокъ болгарамъ послѣ сраженія 18-го іюля, за разрушеніе ими мусульманскихъ домовъ въ началѣ іюля, когда появился отрядъ Гурко. Надо правду сказать, что турки во время войны ни разу не начинали свирѣпствовать надъ болгарами сами, а всегда лишь въ отместку за болгарскія неистовства надъ мусульманами. Болгары такъ ненавидятъ турокъ, что тотчасъ начинаютъ ихъ грабить и рѣзать вездѣ, гдѣ только появятся наши войска. Ненависть страшная, и причина ея—400-лѣтнее безправное рабство. Но въ матеріальномъ отношеніи—болгарамъ могли бы позавидовать не только наши, но крестьяне и горожане всей Европы: такое у нихъ изобиліе и богатство. Только ужасна полная необезпеченность: сегодня богатъ, а завтра, по капризу любого мусульманина, не только нищъ, но и мертвъ. Этимъ вполнѣ объясняется и страстная ненависть къ туркамъ, и горячее стремленіе къ освобожденію отъ мусульманскаго ига.

Теперь, впрочемъ, и угнетатели, и угнетенные прониклись убѣжденіемъ, что турецкому владычеству пришелъ конецъ. Турки убѣждены въ этомъ, повидимому, еще больше болгаръ: не даромъ же они поголовно покидаютъ свои родныя села и уходятъ отовсюду, гдѣ ожидаются наши войска. Это даже не бѣгство: это—выселеніе цѣлаго народа.

Сегодня вечеромъ, за чаемъ, Великій Князь высказывалъ опасеніе, какъ бы Горчаковъ и его дипломатическіе подручные, вѣчно оглядывающіеся на Англію и Австрію, не затормазили наше наступленіе. Идея дойти до Константинополя и Галлиполи вполнѣ овладѣла Великимъ Княземъ; онъ только объ этомъ и думаетъ, и говоритъ, и ужасно боится, чтобы Государь его не остановилъ. Этимъ онъ объясняетъ и свое неудержимое стремленіе впередъ, безъ всякой заботы о своемъ тылѣ. Онъ говорилъ сегодня, что мало занять Константинополь и Галлиполи, а надо перебросить войска на азіатскій берегъ Босфора и Дарданеллъ и—уже укрѣпившись на обоихъ берегахъ—диктовать свои условія не только султану, но и Англіи съ Австріей.

Планъ величественный, но неисполнимый. Занять съ налету, конечно, все можно, пользуясь теперешней паникой, но удержаться нельзя. У насъ нѣтъ ни флота, ни артиллеріи, ни боевыхъ запасовъ, ни обозовъ. Артиллерію и боевые запасы еще

можно захватить у турокъ и подвезти моремъ изъ Одессы, но флотъ—взять неоткуда.

По моему мнѣнію, лучше меньше захватить, но ужъ за то все захваченное удержать. На сушѣ мы для англичанъ неуязвимы, а на морскомъ берегу—беззащитны передъ ихъ флотомъ. Я не разъ высказывалъ это Великому Князю. До занятія Адріанополя онъ съ этимъ соглашался. Но со времени нежданно-негаданнаго захвата Адріанополя онъ такъ проникся стремленіемъ въ Царьградъ, что объ осторожности и слышать не хочетъ. Непокойчицкій всецѣло раздѣляетъ всѣ его взгляды. Стало быть, и разговаривать нечего. Въ Эски-Загрѣ вечеромъ получена телеграмма Скобелева 2-го изъ Адріанополя, помѣченная сегодняшнимъ числомъ 1 ч. 10 м. дня и переданная латинскими буквами:

„Сегодня въ каѳедральномъ соборѣ отслужено торжественное молебствіе архіереемъ, въ присутствіи войскъ гвардіи и арміи. Башибузуки неистовствуютъ въ окрестностяхъ. Въ Константинополѣ, по вѣроятнымъ свѣдѣніямъ, паника: увозятъ архивы, и султанъ готовится бѣжать“.

Еще до полученія этой телеграммы (содержаніе которой, сколько мнѣ извѣстно, не было сообщено Государю), Великій Князь телеграфировалъ Государю слѣдующее:

„Прибылъ въ Эски-Загру, завтра переѣзжаю въ Сейменли. Отъ Скобелева 2-го получилъ увѣдомленіе, что порядокъ въ Адріанополѣ окончательно возстановленъ. Все пошло обыкновенной колеей, всѣ магазины открыты. Скобелевъ 2-й осмотрѣлъ, усилилъ и прочно занялъ укрѣпленія Адріанополя, обращенныя къ сторонѣ Царьграда. — Эски-Загра, 12-го января 8 ч. вечера“.

Кромѣ того была послана Великимъ Княземъ сегодня слѣдующая шифрованная телеграмма (зашифрованы были только *подчеркнутыя* слова):

„Николаевъ, генералъ-адъютанту Аркасу [1]).

„Прошу *собрать* елико возможно большее число *транспортныхъ паровыхъ судовъ* по твоему усмотрѣнію, переговоривъ съ *Чихачевымъ* [2]), *въ Одессѣ* или *Севастополѣ*, съ тѣмъ, чтобы, по первому моему требованію, можно было направить эти *суда* въ тѣ *порты*, которые *я укажу*, для *доставки провіанта и фуража* или для *обратной перевозки войскъ*. Увѣдомь, сколько *судовъ*, *гдѣ* и къ какому *сроку могутъ быть собраны. — Эски-Загра, 12 января*“.

[1]) Главный командиръ черноморскаго флота и портовъ.

[2]) Предсѣдатель „Русскаго Общества пароходства и торговли“.

Прежде чѣмъ перейти къ дневнику 13-го января, привожу упомянутый выше отчетъ Государю, отправленный Великимъ Княземъ сегодня, въ 6 час. утра, изъ Казанлыка:

„Со времени представленія послѣдняго моего донесенія, событія такъ быстро слѣдовали одно за другимъ, что я до сихъ поръ не могъ представить Вашему Величеству общій ихъ обзоръ, такъ какъ едва успѣвалъ справляться съ непрерывнымъ рядомъ спѣшныхъ распоряженій, которыя необходимо было сдѣлать вслѣдствіе этихъ событій. Лишь теперь, когда занятъ безъ выстрѣла столь важный во всѣхъ отношеніяхъ пунктъ, какъ Адріанополь, я могу представить Вашему Величеству хотя краткій, но законченный отчетъ обо всемъ, что произошло послѣ 28-го декабря. Краткій потому, что я завтра, 12-го января, выступаю въ Адріанополь самъ, дабы находиться въ центрѣ сдвигающихся къ нему отовсюду войскъ и дать каждому отряду надлежащее направленіе.

„Какъ извѣстно уже Вашему Величеству, я, тотчасъ же по полученіи извѣстія о славномъ боѣ 28-го декабря и о плѣненіи шипкинской арміи, двинулся безостановочно за Балканы, чтобы лично ускорить дальнѣйшее общее наступленіе и не дать туркамъ опомниться отъ нежданной для нихъ катастрофы на Шипкѣ. Разсчетъ мой оправдался даже свыше моихъ ожиданій. Плѣненіе шипкинской арміи и послѣдовавшее затѣмъ быстрое наступленіе наше повлекли за собой сперва отступленіе, а затѣмъ полный разгромъ и почти совершенное уничтоженіе всей арміи Сулейманa-паши. Въ то же время, занятіе Татаръ-Базарджика, Филиппополя, Карлова, Чирпана, Сейменли-Трнова, Херманли, Сливно, Ямболи, короче—всего пространства отъ Балканскихъ до Родопскихъ и Деспотодагскихъ горъ, и наконецъ—бѣгство турецкихъ войскъ и властей изъ Адріанополя и занятіе безъ выстрѣла древней столицы Оттоманской имперіи, на твердыни которой друзья Турціи возлагали столь пышныя надежды.

„Оглядываясь на эти міровыя событія, я горжусь тѣмъ, что предугадалъ волю Вашего Величества и не упустилъ ни одной минуты, чтобы воспользоваться результатами одержанныхъ побѣдъ.

„27-го декабря я выѣхалъ изъ Богота, 30-го былъ въ Габровѣ, а 31-го перевалилъ черезъ Балканы и вечеромъ прибылъ въ Казанлыкъ. Въ тотъ же день послалъ всѣ три полка 1-й кавалерійской дивизіи занять Эски-Загру (что и было исполнено 1-го и 2-го января), приказавъ идти оттуда дальше на Сейменли-Трново и Херманли.

„На другой день, 1-го января, я сдѣлалъ всѣ распоряженія для энергичнаго общаго наступленія (слѣдуютъ подробности)...

„Всѣ эти распоряженія частью уже приведены, частью приводятся въ исполненіе. Вотъ ихъ результаты (слѣдуютъ подробности о передвиженіи войскъ)...

„На этомъ я долженъ кончить мой отчетъ Вашему Величеству, такъ какъ сегодня, 12-го января, тотчасъ же выѣзжаю изъ Казанлыка въ Эски-Загру и буду слѣдовать безостановочно до Адріанополя.—Казанлыкъ, 22-го января 1878 г.“.

Составляя этотъ отчетъ, я невольно думалъ все время о томъ, до какой степени у насъ вошло въ привычку разстраивать постоянную организацію и замѣнять ее временными импровизаціями. Нѣтъ почти ни одной цѣлой дивизіи, не говоря уже о корпусахъ: все растрепано и разбросано. Вездѣ вмѣсто постоянныхъ соединеній—временныя; постоянные начальники замѣнены халифами на часъ: сегодня—одинъ, завтра—другой. Все перепуталось и перемѣшалось.

Примѣръ столь легкаго отношенія къ постоянной организаціи подалъ, конечно, Великій Князь, но и другіе высшіе начальники поступаютъ точно такъ же, особенно Гурко.

Нѣтъ дѣйствія безъ причины: отчего же такое пристрастіе къ замѣнѣ организаціи—импровизаціей?

Причинъ, по моему, двѣ: 1) недовѣріе къ военнымъ дарованіямъ и качествамъ нѣкоторыхъ старшихъ начальниковъ, и 2) стремленіе дать видныя назначенія лицамъ довѣреннымъ или просто своимъ любимцамъ. Тѣхъ, кому не довѣряютъ, не устраняютъ совсѣмъ, а только выдергиваютъ изъ-подъ ихъ команды войска, образуютъ временные сводные отряды и ввѣряютъ начальство надъ ними лицамъ довѣреннымъ.

Теперь, напримѣръ, 4-й корпусъ совсѣмъ изъятъ изъ-подъ начальства своего корпуснаго командира Зотова и ввѣренъ Скобелеву; самъ же Зотовъ и штабъ 4-го корпуса оставлены въ Тырновѣ. Дохтуровъ, начальникъ 1-й кавалерійской дивизіи, замѣненъ Струковымъ. Гвардейскія дивизіи не имѣютъ постоянныхъ начальниковъ. Кавалерійскія дивизіи разрознены всѣ, кромѣ находящихся въ составѣ восточнаго отряда Цесаревича. И т. д., и т. д.

13-го января. — Вчера, поздно вечеромъ, пріѣхалъ великій князь Николай Николаевичъ Младшій, употребившій на весь путь отъ Петербурга до Эски-Загры только 8 дней.

Сегодня выступили изъ Эски-Загры въ 6 час. утра и, сдѣлавъ 52 версты по снѣжной равнинѣ, прибыли въ Сейменли—болгарскую деревню на самомъ берегу рѣки Марицы. Отсюда, берегомъ, отходитъ желѣзнодорожная вѣтвь къ сѣверу, на Ямболи. На другомъ берегу Марицы—станція Трново на линіи желѣзной дороги Филиппополь—Адріанополь.

Расположились въ станціонныхъ домикахъ.

Сегодня, въ 6 час. утра, передъ отъѣздомъ изъ Эски-Загры, Великій Князь послалъ Государю слѣдующую телеграмму:

„Отъ всей души благодарю за письмо, привезенное сегодня, ночью Николашею. Счастливъ, что ты всѣмъ доволенъ, и благодарю за пожалованную съ алмазами саблю съ славною надписью. Также счастливъ, что исполнилъ и точно такъ дѣйствовалъ, какъ ты желалъ, что̀ увидишь изъ посланныхъ мною вчера донесеній. Сейчасъ выѣзжаю".

Вечеромъ, въ Сейменли, была получена телеграмма Государя отъ 2 час. 30 м. дня 11-го января:

„Очень радъ занятію Адріанополя и что ты самъ туда отправляешься. Радостную эту вѣсть получилъ по возвращеніи съ крестинъ внука Бориса. Дальнѣйшія мои приказанія получишь шифромъ".

Великій Князь отправилъ изъ Сейменли двѣ телеграммы Государю:

1) „Прибылъ въ Сейменли, завтра ѣду въ Херманли, и оттуда по желѣзной дорогѣ—въ Адріанополь, гдѣ завтра же увижу гвардію и лично поблагодарю ее отъ твоего имени.—Сейменли, 13-го января, 9 час. вечера".

2) „Скобелевъ 2-й доноситъ, что, осмотрѣвъ адріанопольскія укрѣпленія, нашелъ ихъ отлично устроенными. Всѣ долговременной профили, съ каменными эскарпами и контръ-эскарпами. Орудій найдено не 26, а гораздо больше: сколько именно, еще не сосчитано.

„По послѣднему донесенію Гурко, кавалерія Скобелева 1-го взяла 7-го января, кромѣ тѣхъ 40 орудій, которыя были захвачены донскимъ полкомъ Грекова, еще 13, такъ что всего 53.—Сейменли, 13-го января, 9 час. вечера".

14-го января, суббота. — Сегодня, въ 6 час. утра, послали впередъ, въ Херманли, нашихъ вторыхъ верховыхъ лошадей для заблаговременной постановки въ вагоны поѣзда, ожидающаго насъ для переѣзда въ Адріанополь. Въ $7^1/_2$ час. утра я уговорилъ Левицкаго ѣхать впередъ, захвативъ съ собой нашу по-

возку, чтобы успѣть лично поставить ее въ поѣздъ и не остаться въ Адріанополѣ совсѣмъ безъ вещей. Эта предосторожность оправдалась блистательно: еслибъ мы лично не конвоировали свою повозку, то она не дошла бы вовсе или опоздала бы на нѣсколько дней.

Прежде всего, черезъ Марицу пришлось переѣзжать по единственно уцѣлѣвшему желѣзнодорожному мосту, а затѣмъ — по длинной гати. Эта переправа была сравнительно нетрудна. Но когда пришлось спускаться съ гати—началась каторга. Только при помощи конвойныхъ казаковъ, ожидавшихъ въ этомъ мѣстѣ Великаго Князя для поддержки его экипажа, удалось спустить нашу легкую повозку невредимой. Далѣе, до Херманли, состояніе дороги было неописуемо. Достаточно сказать, что эти десять верстъ мы проѣхали, верхомъ, пять часовъ! А доѣхавши, удивлялись, какъ это Господь пронесъ! Невылазная грязь, глубокія ямы и рытвины, бурные разлившіеся ручьи, полное отсутствіе мостовъ. И при этомъ еще густой туманъ и мелкій, дробный дождь.

Доѣхали до Херманли—новая прелесть. Все мѣстечко завалено трупами, палыми лошадьми, буйволами, волами и овцами, изломанными повозками, всякою домашнею рухлядью и рванью. Встрѣченные нами очевидцы разсказывали, что это еще ничего, а вотъ дорога отъ Филиппополя до Херманли, въ особенности на послѣднемъ участкѣ отъ Хаскіоя, вся усѣяна трупами людей и падалью. Потребуются сверхъестественныя усилія, чтобы все это убрать и зарыть.

Проѣхавъ мѣстечко, попали на ужаснѣйшую дорогу, ведущую къ станціи Херманли. Тамъ сами распорядились внести въ товарный вагонъ необходимыя вещи, а повозку съ прочими вещами оставили для слѣдованія въ Адріанополь обыкновеннымъ походнымъ порядкомъ.

Вскорѣ прибылъ и Великій Князь съ Непокойчицкимъ и свитою, и мы всѣ вошли въ вагоны. Какъ дико было очутиться опять въ поѣздѣ: вѣдь съ мая мѣсяца мы не видали желѣзной дороги.

Турецкія желѣзныя дороги построены на англо-австрійскіе капиталы еврейскимъ банкиромъ Гиршемъ, бельгійскимъ подданнымъ, живущимъ въ Парижѣ, и построены гораздо лучше, чѣмъ румынскія (строитель Струсбергъ). Разсказываютъ, что Гиршъ, еще въ началѣ войны, просилъ Игнатьева похлопотать, чтобы мы, если желѣзная дорога попадетъ въ наши руки, не повреждали ее безъ крайней необходимости, а онъ за это обѣщается служить намъ еще усерднѣе, чѣмъ туркамъ. Правда это или

нѣтъ, но, дѣйствительно, служащіе на желѣзной дорогѣ (преимущественно нѣмцы) тотчасъ же предложили свои услуги начальникамъ нашихъ передовыхъ войскъ, какъ только они появились. Всѣ служащіе остались на своихъ мѣстахъ. Служатъ охотно и любезно. Къ сожалѣнію, подвижного состава мало: турки увезли въ Константинополь бо̀льшую часть локомотивовъ и вагоновъ. Предстоитъ также возобновить филиппопольскій желѣзнодорожный мостъ, разрушенный турками, и тогда будетъ сквозное движеніе до Татаръ-Базарджика.

По пути отъ Херманли до Адріанополя нашъ поѣздъ все время обгонялъ гвардейскія войска, шедшія вдоль полотна дороги. Великій Князь, стоя у открытаго окна, здоровался и благодарилъ войска, отвѣчавшія ему восторженными криками „ура“. Но въ какомъ обтрепанномъ видѣ шла гвардія! По костюмамъ, головнымъ уборамъ и обуви—настоящіе башибузуки. Шинели порыжѣлыя и дырявыя; погоны оборванные; вмѣсто фуражекъ—болгарскія овчинныя шапки, фески, чалмы, платки. А на комъ сохранились фуражки—нельзя распознать цвѣтовъ. Сапоговъ почти ни у кого нѣтъ—все опанки, опорки, какія-то подобія лаптей, суконки, обвязанныя веревочками, а то и просто босикомъ.

Къ 4 час. пополудни прибыли въ Адріанополь. На станціи былъ выстроенъ почетный караулъ отъ одного изъ полковъ Скобелевской (16-й пѣх.) дивизіи, со знаменемъ. На правомъ флангѣ—Гурко и Скобелевъ съ многочисленными свитами: всѣ начальствующія лица и штабы обоихъ отрядовъ.

Встрѣча была задушевно-трогательная. Великій Князь обнималъ, цѣловалъ и горячо благодарилъ героевъ.

У выхода со станціи сѣли верхомъ. Тутъ стоялъ второй почетный караулъ—отъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка, и за нимъ—весь полкъ шпалерами; далѣе, шпалерами же—почти вся Скобелевская дивизія. Великій Князь задушевно благодарилъ; войска встрѣчали его восторженно.

За шпалерами войскъ начались и тянулись до самаго Адріанополя (станція верстахъ въ двухъ отъ города) шпалеры мѣстнаго населенія, массами высыпавшаго встрѣчать Великаго Князя. Впереди шпалеръ стояли, одна за другою, депутаціи отъ обществъ: греческаго, армянскаго, болгарскаго и еврейскаго со значками и знаменами. При каждой депутаціи—многочисленное духовенство съ хорами пѣвчихъ, хоругвями и зажженными свѣчами, христіанское же духовенство—еще съ крестами. Греки и болгары привели хоры молодыхъ дѣвушекъ и дѣвочекъ, а армяне и евреи—хоры мальчиковъ. Еврейчики до такой степени громко

и пронзительно выводили свой привѣтственный гимнъ, что я сталъ опасаться за цѣлость моей барабанной перепонки. Христіанское хоровое пѣніе было тоже не много мелодичнѣе. Депутаціи по очереди произносили привѣтственныя рѣчи, которыхъ мы, конечно, не поняли, а только угадывали ихъ смыслъ. Рѣчи эти были, впрочемъ, поднесены потомъ на бумагѣ, съ приложенными къ нимъ русскими переводами.

По произнесеніи рѣчей, всѣ мы были забросаны букетами, вѣнками, миртовыми и лавровыми вѣтвями, и Великій Князь со свитою двинулся далѣе, шагомъ. Впереди пошло духовенство всѣхъ вѣроисповѣданій съ крестами, иконами, хоругвями; всѣ пѣли по своему, кто во что гораздъ. По сторонамъ тѣсною толпою сопровождалъ насъ народъ обоего пола, всѣхъ возрастовъ и разныхъ національностей. Тутъ были греки, болгары, куцовлахи, турки, цинцары, цыгане, армяне, евреи, арабы, персы. Необыкновенно пестрая и живописная, живая и возбужденная толпа.

Переѣхавъ рѣку Марицу по великолѣпному мосту, вступили въ городъ. Всѣ окна и балконы были заняты женщинами, а внизу, на улицахъ, толпились мужчины. Отовсюду сыпались все время лавровыя и миртовыя вѣтви и неслись неумолкаемые привѣтственные клики: „да жіе!“ и (по-гречески) „зито!“ Въ Адріанополѣ греки играютъ преобладающую роль, несмотря на то, что ихъ меньше, чѣмъ болгаръ. Послѣдніе сильно огречены по нравамъ, обычаямъ, костюму и даже языку; значительная часть грековъ, болгаръ и даже армянъ, составляющихъ мѣстную интеллигенцію, одѣвается по-европейски, исповѣдуетъ католицизмъ и почти отрекается отъ своей національности. Эти интеллигентные и зажиточные люди называютъ себя „католиками“ и держатся особнякомъ отъ своихъ православныхъ земляковъ.

Слѣдуя среди непрерывныхъ овацій по главной улицѣ, доѣхали, наконецъ, до конака, т.-е. губернаторскаго дома. Огромный каменный домъ съ обширнымъ дворомъ, по краямъ котораго—многочисленные отдѣльные флигеля. Въ верхнемъ этажѣ было отведено помѣщеніе для Великаго Князя изъ четырехъ комнатъ, рядомъ съ нимъ—двѣ комнаты Непокойчицкому, а слѣдующія двѣ, на томъ же широчайшемъ корридорѣ—Левицкому и мнѣ. Комнаты высокія, просторныя, съ большими окнами; полы устланы старыми, затоптанными коврами; стѣны уставлены дрянными, сильно-засаленными диванами; на плохо-запирающихся окнахъ—засаленныя штофныя портьеры. Посреди каждой комнаты—маленькая желѣзная печь, отъ которой поднимается труба вверхъ

до потолка, загибается подъ прямымъ угломъ по потолку и выходитъ наружу черезъ верхнее оконное стекло.

Такъ какъ обозъ Великаго Князя еще Богъ вѣсть гдѣ, то немедленно надо было позаботиться о пропитаніи, ибо Великій Князь могъ пригласить къ своему обѣду только самыхъ высшихъ чиновъ, не болѣе какъ на двѣнадцать кувертовъ всего. Я пошелъ по главной улицѣ и набрелъ на „Hôtel d'Amérique". Оказался—просто греческій трактиръ, очень просторный, но и очень грязный, переполненный нашими офицерами. Съ грѣхомъ пополамъ объяснился съ греческою прислугою, кое-что понимавшею по-французски и по-нѣмецки и даже успѣвшею заучить нѣсколько русскихъ словъ. Ѣда, конечно, весьма неважная: супъ и сильно проперченное мясо. Запилъ дряннымъ мѣстнымъ краснымъ виномъ и закончилъ чашкою отличнаго турецкаго кофе (очень крѣпкаго, съ гущей). Всѣ окна въ трактирѣ были настежь: тепло, несмотря на непрерывно моросившій дождь.

Только-что вернулся въ конакъ, какъ Великій Князь прислалъ за мной, для составленія телеграммы Государю. Только-что составилъ одну, какъ онъ приказалъ составить вторую, шифрованную. Вотъ эти телеграммы:

1) „Благополучно прибылъ въ Адріанополь, встрѣченъ депутаціями и духовенствомъ болгарскимъ, греческимъ, армянскимъ и еврейскимъ, съ пѣніемъ, хоругвями и знаменами. Шпалерами стояли преображенскій и владимірскій полки и 4-ая стрѣлковая бригада; глядѣли молодцами. Отъ Херманли до Адріанополя доѣхалъ по желѣзной дорогѣ, обогнавъ по дорогѣ всю гвардейскую пѣхоту съ артиллеріею; видъ блистательно-молодецкій, несмотря на то, что совсѣмъ оборваны. Гвардейцы встрѣтили меня восторженно: и офицеры, и солдаты кричали ура безъ конца, бросая шапки вверхъ. Помѣстился въ конакѣ. Невыразимо-странное чувство—сознавать, что находишься въ Адріанополѣ. Струковъ съ кавалеріей занялъ вчера Киркилиссу и Баба-Эски, подходитъ къ Люле-Бургасу. Пѣхота Скобелева заняла: 16-ая дивизія и 3-ья стрѣлковая бригада Хаскіони, а 30-ая дивизія Демотику.—Адріанополь, 14-го января, 8 ч. вечера".

2) [1]) „По теперешнимъ обстоятельствамъ, мнѣ кажется, было бы полезно приготовить къ отправкѣ изъ *Севастополя на судахъ Общества пароходства и торговли одну дивизію десятаго корпуса съ тремя девятифунтовыми баттареями* съ тѣмъ, чтобы по моему усмотрѣнію можно было *высадить ее на томъ мѣстѣ*,

---

[1]) Зашифрованы только подчеркнутыя слова.

которое найду необходимымъ и удобнымъ. Въ случаѣ твоего согласія прошу меня увѣдомить или приказать *Семекѣ*[1]) сообщить, около какого времени все можетъ быть готово *къ отплытію.*—Адріанополь, 14-го января, 9 ч. вечера".

За чаемъ Великій Князь много и оживленно разговаривалъ и дѣлился со мною своими мыслями. Онъ мечтаетъ высадить ту дивизію, о которой идетъ рѣчь въ телеграммѣ Государю,—на азіатскій берегъ Босфора, но не говоритъ этого прямо, изъ опасенія, что Государь отвергнетъ этотъ смѣлый планъ. Нужно замѣтить, однако, что мы уже слишкомъ двѣ недѣли ровно ничего не знаемъ, что̀ дѣлается на свѣтѣ, ибо ни газетъ, ни писемъ не получаемъ. Не знаемъ также, что̀ дѣлается у турокъ, питаясь только адріанопольскими слухами и сплетнями, которые вкратцѣ сводятся къ слѣдующему:

Султанъ будто бы бѣжалъ въ Бруссу; въ Константинополѣ—революція; англичане высадили 10.000-й отрядъ въ Галлиполи, и не сегодня—завтра займутъ Константинополь. Прибавляютъ еще, что Англія уже объявила намъ войну.

Сплошное ли это вранье, или тутъ есть доля правды, и какая именно — ничего неизвѣстно.

При такой полной неосвѣдомленности какъ будто и неудобно мечтать о высадкѣ на азіатскій берегъ Босфора, до котораго мы и сами-то не дошли.

19-го или 20-го января Великій Князь думаетъ двинуться дальше впередъ. О перерывѣ переговоровъ съ турецкими уполномоченными нимало не безпокоится—напротивъ, очень радъ, ибо чѣмъ больше пройдетъ времени до возобновленія переговоровъ, тѣмъ дальше впередъ продвинутся наши войска.

15-го января, воскресенье.—Въ 10 ч. утра отправились всѣ въ греческій соборъ къ обѣднѣ. Все духовенство, съ митрополитомъ во главѣ, вышло Великому Князю навстрѣчу и проводило его до особаго возвышеннаго мѣста рядомъ съ митрополичьимъ. На этомъ же мѣстѣ, въ 1829 г., слушалъ обѣдню Дибичъ.

Богослуженіе тянулось очень долго. Я подробно разсмотрѣлъ соборъ. По архитектурѣ и убранству кажется очень древнимъ, но ему всего 170 лѣтъ, и впечатлѣніе древности — отъ выдержанности византійскаго стиля. Полъ мраморный, мозаичный. Стѣны и потолокъ сплошь усажены небольшими квадратными

[1]) Командующій войсками одесскаго военнаго округа.

иконами. Иконостасъ рѣзной бронзы. Соборъ раздѣленъ по длинѣ балюстрадами на три части: въ средней части стояли мы, а за балюстрадами справа и слѣва—мѣстные жители. Съ правой стороны во всю длину церкви — женское отдѣленіе, отгороженное наглухо частою бронзовою рѣшеткою. Такое же помѣщеніе устроено для женщинъ и на хорахъ. По восточному обыкновенію—женщины должны быть невидимы для мужчинъ, что вполнѣ и достигнуто. Не знаю, видятъ ли онѣ что-нибудь сквозь рѣшетку, но мы ничего за нею разсмотрѣть не могли.

Церковное пѣніе — ниже всякой критики. Пѣли древне-греческимъ обычаемъ, т.-е. однотонно, пронзительно и гнусаво.

По окончаніи богослуженія, митрополитъ просилъ Великаго Князя осчастливить его своимъ посѣщеніемъ. Начался торжественный выходъ изъ собора въ митрополичій домъ. Впереди шли пѣвчіе, священники и діаконы съ иконами, хоругвями, крестами и зажженными свѣчами. За ними слѣдовалъ митрополитъ со своею духовною свитою, затѣмъ Великій Князь и мы. Перешли черезъ улицу и вошли въ митрополичій домъ. Тамъ, въ огромной пріемной залѣ, вся процессія остановилась и построилась лицомъ къ Великому Князю, съ митрополитомъ впереди. Пѣвчіе спѣли что-то божественное по-гречески, а затѣмъ вмѣстѣ съ духовенствомъ троекратно крикнули оглушительное „зито!“. Митрополитъ, здоровенный, коренастый брюнетъ, кричалъ громче всѣхъ. Между тѣмъ, по свѣдѣніямъ Скобелева, онъ только недѣли четыре тому назадъ получилъ отъ султана звѣзду ордена Османіэ съ бриллiантами, въ награду за усердіе, съ которымъ онъ угождалъ мусульманамъ, травилъ болгаръ и ругалъ русскихъ. Говорятъ, что онъ даже благословлялъ башибузуковъ. Лукавый и лживый народъ—греки: исподлились совсѣмъ еще въ византійскія времена.

По окончаніи церемоніальнаго пріема, митрополитъ пригласилъ Великаго Князя со свитою въ сосѣднюю большую и свѣтлую гостиную, устланную коврами, уставленную по стѣнамъ диванами и увѣшанную портретами разныхъ духовныхъ лицъ. Тамъ насъ прежде всего угостили папиросами, затѣмъ подали варенье нѣсколькихъ сортовъ и къ нему воду, а въ заключеніе обнесли чаемъ со сливками и бѣлымъ хлѣбомъ. Духовенство куритъ поголовно.

Послѣ чая мы вернулись домой, и я поспѣшилъ воспользоваться столь рѣдкимъ для меня свободнымъ временемъ, чтобы объѣхать верхомъ и осмотрѣть городъ. Внѣшній видъ—отвратителенъ: на улицахъ, хотя и мощеныхъ, грязь и вонь. Фасады

домовъ также мрачны и грязны; верхніе этажи (большая часть домовъ—въ три этажа) выступаютъ надъ нижними, и такимъ образомъ дома сближаются кверху. Въ каменныхъ нижнихъ этажахъ —конюшни, скотные дворы и амбары. Входныя ворота и калитки—толстаго дуба, окованнаго желѣзомъ. Верхніе этажи преимущественно деревянные. Оконъ на улицу очень немного, и всѣ съ частыми желѣзными или деревянными рѣшетками. Крыши почти всѣ черепичныя. Таковъ общій типъ домовъ христіанскихъ; мусульманскіе же дома преимущественно каменные въ полтора этажа и почти безъ оконъ на улицу, такъ что имѣютъ видъ глухихъ каменныхъ стѣнъ съ толстыми воротами и калитками. Внѣшній видъ всѣхъ домовъ угрюмъ и непригляденъ. Но это только съ улицы. Стоитъ заглянуть во дворъ, и впечатлѣніе совершенно мѣняется. На чистый, обширный, красивый дворъ весело смотрятъ большія окна и стеклянныя галереи, во дворахъ бассейны и фонтаны, а въ глубинѣ — прелестные, отлично содержимые сады. Иногда внутри двора стоятъ прелестныя виллы, утопающія въ зелени и окруженныя фонтанами.

Обиліе воды замѣчается, впрочемъ, и на улицахъ. Безпрестанно видишь краны съ чашками изъ грубаго мрамора, вдѣланные въ стѣны, и отводныя канавки, обдѣланныя камнемъ. Но улицы узкія, кривыя и перепутанныя,—оріентироваться въ городѣ нелегко. Христіанскихъ церквей совсѣмъ не видать, потому что всѣ онѣ запрятаны внутри дворовъ и невысоки, такъ что съ улицы не видно крестовъ, вѣнчающихъ куполы. Мечети высокія, величественныя, а минареты такъ высоки, что бросаются въ глаза издали прежде всего, когда подъѣзжаешь къ городу.

Объѣздивъ верхомъ городъ, я пообѣдалъ въ гостинницѣ и пошелъ пѣшкомъ на базаръ. По словамъ одного изъ чиновниковъ нашей дипломатической канцеляріи, Ульянова, который пробылъ здѣсь два года консуломъ,—зданіе базара сооружено еще при первыхъ византійскихъ императорахъ, а самый городъ построенъ еще римскимъ императоромъ Адріаномъ, со временъ котораго уцѣлѣли остатокъ каменной стѣны и башня въ видѣ усѣченнаго конуса. Къ этой башнѣ и припертъ сбоку базаръ. Это—крытый сводчатый корридоръ между двумя древними каменными стѣнами. Освѣщеніе сверху, узкими окнами, пробитыми въ сводчатомъ потолкѣ. Длина корридора—около полуверсты; главные входы съ обоихъ концовъ и сверхъ того боковые входы съ разныхъ улицъ. Лавки всѣ открытыя, безъ дверей: продается въ нихъ втридорога преимущественно разная дрянь. Есть, впрочемъ, много ковровъ, шалей и шолковыхъ матерій, но по сумасшед-

шимъ цѣнамъ: въ восточныхъ магазинахъ на Невскомъ проспектѣ все это и лучше, и дешевле. Очень можетъ быть, конечно, что цѣны неестественно вздуты по случаю нашего прихода, и что если поторговаться, то сильно уступятъ, но такъ какъ я ни торговаться не умѣю, ни масштаба для безобидной цѣны не знаю, то ничего и не купилъ, кромѣ двухъ-трехъ бездѣлокъ.

Кромѣ внутренняго базара, есть еще и наружный: такія же открытыя лавки съ внѣшней стороны обѣихъ стѣнъ. Въ наружныхъ лавкахъ торгуютъ мясомъ, зеленью и прочими съѣстными припасами. Какъ внутреннія, такъ и наружныя лавки не отличаются чистотою, а нѣкоторыя возмутительно-грязны.

Извозчиковъ въ Адріанополѣ мало: это крытые парные шарабанчики.

Народу на улицахъ—масса: все это громко галдитъ на разныхъ языкахъ. Турки, большею частью, въ чалмахъ; греки, болгары, армяне и проч.—въ красныхъ (краповыхъ) фескахъ съ черными кисточками. Женщины-мусульманки всѣ съ закрытыми лицами и большею частью въ зеленыхъ накидкахъ. Женщины-христіанки лицъ не закрываютъ, но покрой одежды тотъ же, что у мусульманокъ. Носятъ не юбки, а шальвары. Лишь немногія одѣты по-европейски, и тѣхъ я видѣлъ лишь при выходѣ изъ собора, а странствуя по городу—встрѣтилъ только одну такую, переходившую черезъ улицу изъ одного дома въ другой. Шляпокъ ни на одной женщинѣ не видалъ. Не замѣтилъ также европейской обуви: всѣ женщины въ деревянныхъ сандаліяхъ или, точнѣе, на деревянныхъ подошвахъ, притянутыхъ къ ногѣ ремешкомъ; каждая подошва съ двумя каблуками, переднимъ и заднимъ. Обувь необыкновенно неудобная, однако ходятъ быстро и ловко.

По разспросамъ, теперешняя теплая дождливая погода и означаетъ здѣсь зиму.

Весь вечеръ провелъ у Великаго Князя, преимущественно за разговорами, такъ какъ дѣла было очень немного. Телеграммы приходятъ съ весьма большимъ запозданіемъ, потому что непрерывное сообщеніе все еще не устроено, а извѣстія изъ передовыхъ отрядовъ тоже не могутъ приходить скоро. Отъ Государя получена лишь слѣдующая телеграмма, поданная 13-го января:

„Приказанія мои шифромъ отправилъ къ тебѣ вчера (т.-е. 12-го) утромъ. Съ большимъ любопытствомъ прочелъ я телеграммы твои съ подробностями о занятіи Адріанополя. Движеніе кавалеріи впередъ вполнѣ одобряю“.

На основаніи полученныхъ сегодня свѣдѣній вновь послана Государю телеграмма:

„Въ ночь съ 12-го на 13-ое января, Струковъ взялъ Люле-Бургасъ. Станція желѣзной дороги взята съ бою двумя сотнями донского № 1 полка, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника Кутейникова. Убитъ 1 и раненъ 1 казакъ. Взято много плѣнныхъ, задержано до 200 вагоновъ съ локомотивомъ. Струковъ, нагнавъ отъ 10 до 15 тысячъ повозокъ съ удаляющимся мусульманскимъ населеніемъ, числомъ около 50 тысячъ, которое все было вооружено, остановилъ его и приказалъ выдать оружіе, что̀ послѣ нѣкотораго сопротивленія и было исполнено. Всю эту массу Струковъ намѣренъ отправить подъ конвоемъ въ Родосто, откуда, по слухамъ, мусульманъ перевозятъ на азіатскій берегъ.

„Точныхъ свѣдѣній о непріятелѣ еще нѣтъ. По показаніямъ плѣнныхъ, войска отъ Сливны и Котла, около 25 тысячъ, подъ начальствомъ пашей Керима, Гассана и Хаджи-Гуссейна, шли къ Адріанополю. Но когда пришли, 6-го января, въ Ханлы-Енидже, то прибылъ Мехмедъ-Али-паша, который повернулъ ихъ на Киркилиссу и оттуда, 9-го января, на Царьградъ. Вчера, 14-го января, пѣхота генерала Шнитникова заняла безъ боя Демотику и Узунъ-Кепри. Жители, въ томъ числѣ и мусульмане, встрѣтили наши войска торжественно съ хлѣбомъ-солью, какъ избавителей отъ башибузуковъ и черкесовъ. Въ городѣ взятъ складъ сухарей и консервовъ.

„Сегодня подходитъ къ Адріанополю авангардъ колонны генерала Радецкаго.

„Сегодня слушалъ въ соборѣ торжественную обѣдню, отслуженную митрополитомъ соборне въ присутствіи многочисленнаго стеченія народа. Погода теплая, но безпрестанно льетъ сильный дождь и дуетъ сильный вѣтеръ. Адріанополь, 15-го января, 9 ч. вечера".

16 января.—Сегодня Великій Князь передалъ мнѣ нѣсколько телеграммъ, между ними и телеграмма Цесаревича изъ Брестовца отъ 10 ч. 40 м. утра 15-го января, адресованная въ Казанлыкъ.

„Очень удивленъ, что ждешь съ нетерпѣніемъ нашего движенія впередъ, когда самъ же приказалъ пріостановиться и никакого боя не предпринимать. Я получаю столько различныхъ и разнорѣчивыхъ приказаній, что не знаю, какъ ихъ исполнять".

Очевидно, это недовольный отвѣтъ на какую-то телеграмму Великаго Князя, мнѣ неизвѣстную. Я знаю только одно,—что еще изъ Казанлыка, но когда именно—не знаю, было послано приказаніе перейти въ общее наступленіе къ Рущуку, Разграду,

Эски-Джумѣ и Османъ-Базару, о чемъ, по личному указанію Великаго Князя, я и упомянулъ въ послѣднемъ его отчетѣ, отправленномъ 12-го января изъ Казанлыка передъ самымъ отъѣздомъ.

Какая и въ чемъ тутъ вышла путаница — не знаю, и отвѣтилъ ли Великій Князь на эту телеграмму — тоже не знаю. Жаль только, что отношенія Наслѣдника къ Великому Князю все болѣе и болѣе портятся, и что Великій Князь слишкомъ легко къ этому относится.

Пріѣхалъ графъ Шуваловъ; встрѣтилъ меня съ задушевною сердечностью. Очень постарѣлъ, оброс клочковатою сѣдою бородою. Много и подробно разговаривалъ со мной и дѣлился своими впечатлѣніями. Чрезвычайно доволенъ своею 2-ю гвард. пѣх. дивизіей вообще, а отъ командра л.-гв. московскаго полка Гриппенберга (моего стараго товарища по полку) въ совершенномъ восторгѣ и полкъ превозноситъ до небесъ. Очень доволенъ своимъ дивизіоннымъ адъютантомъ Энгельгардтомъ, а начальника штаба полковника Бальца называетъ „докторомъ Бальцомъ". Далъ ему весьма мѣткое опредѣленіе: усерднѣйшая и добросовѣстнѣйшая бездарность, никакой инипіативы и самостоятельности, но незамѣнимый исполнитель приказаній.

Съ л.-гв. московскимъ полкомъ случилось нынче ночью большое несчастіе: въ турецкой казармѣ вспыхнулъ пожаръ, отъ котораго сгорѣли знамя 4-го баталіона и 11 чел. нижнихъ чиновъ, и болѣе 100 чел. ушиблось или обгорѣло.

Полкъ только нынче ночью пришелъ въ Адріанополь, сдѣлавъ тяжкій переходъ по невылазной грязи и переправившись вбродъ черезъ разливъ р. Марицы. Разумѣется, всѣ были страшно утомлены. Помѣщеніе было отведено во 2-мъ этажѣ деревянныхъ турецкихъ казармъ, ибо въ нижнемъ этажѣ уже были расположены лейбъ-гренадеры и гвардейскіе саперы. Вмѣстѣ съ л.-гв. московскимъ полкомъ пришли также квартирьеры л.-гв. финляндскаго полка, которымъ отвели какой-то нежилой уголокъ внизу на ночь. Говорятъ, будто эти квартирьеры, чтобы согрѣться, развели огонь на земляномъ полу и около костра заснули. Какъ бы то ни было, но казармы загорѣлись снизу и пламя распространилось съ ужасающею быстротой. Изъ нижняго этажа успѣли выскочить всѣ, а разоспавшіеся съ устали въ верхнемъ этажѣ московцы очнулись лишь тогда, когда все зданіе было объято пламенемъ. Съ просонья многіе сами себя перекалѣчили въ суетѣ. Въ переполохѣ, вмѣсто того, чтобы спустить знамя изъ окна, понесли его къ выходу на лѣстницу, уже горѣвшую. Что было дальше — неизвѣстно, но только знамя погибло въ огнѣ вмѣстѣ съ карау-

ломъ. У многихъ офицеровъ и солдатъ сгорѣло рѣшительно все: нѣкоторые спаслись, буквально, въ однѣхъ рубашкахъ.

Объ этомъ печальномъ происшествіи было немедленно донесено Великимъ Княземъ Государю въ слѣдующей телеграммѣ: „Московскій полкъ, прибывшій въ 5 часовъ утра, помѣстился въ деревянныхъ казармахъ и только-что успѣлъ заснуть, какъ начался пожаръ, охватившій сразу все зданіе, такъ что люди, бывшіе во второмъ этажѣ, едва успѣли спастись, бросаясь изъ оконъ, причемъ до 100 человѣкъ сильно ушиблось, караулъ же изъ 11-ти человѣкъ при знамени 4-го баталіона, спасая свое знамя, сгорѣлъ вмѣстѣ съ нимъ. Полкъ въ отчаяніи. Все начальство и я свидѣтельствуемъ, что все было сдѣлано для спасенія знамени, и потому просимъ милости Вашего Величества къ этому полку, столь неоднократно блистательно отличавшемуся подъ предводительствомъ своего доблестнаго командира. 2-ая и 3-ья гвардейскія пѣхотныя дивизіи собрались сюда, промокнувъ до костей, вслѣдствіе проливныхъ дождей и глубокихъ бродовъ.—Адріанополь, 16-го января".

Вечеръ провелъ вмѣстѣ съ графомъ Шуваловымъ у Великаго Князя, въ оживленной бесѣдѣ.

17 января. — Сегодня утромъ Великій Князь произвелъ смотръ собравшимся въ Адріанополѣ частямъ гвардіи. Всѣхъ горячо благодарилъ, особенно л.-гв. московскій полкъ. По окончаніи смотра, я остался въ полку и бесѣдовалъ съ старыми товарищами. Около 2-хъ ч., вмѣстѣ съ Гриппенбергомъ (командиръ л.-гв. московскаго полка), отправился къ графу Шувалову, который пригласилъ насъ обоихъ остаться обѣдать. Къ обѣду пришли еще Любовицкій (командиръ л.-гв. гренадерскаго полка), Брокъ (командиръ 1-й бригады 2-й гв. пѣх. дивизіи), В. Д. Скалонъ (командиръ л.-гв. сапернаго баталіона) и весь штабъ дивизіи. Весело и оживленно, незамѣтно прошло время, такъ что я вернулся домой только въ 5 ч., и очень встревожился, узнавъ, что Великій Князь уже три раза присылалъ за мной. Сейчасъ же побѣжалъ къ нему, извинялся, но Великій Князь только забавлялся тѣмъ, что меня такъ долго не было на лицо, и цѣлый вечеръ поддразнивалъ меня тѣмъ, что я „загулялъ" по случаю пріѣзда графа Шувалова. Къ тому же и надобность во мнѣ миновала: онъ посылалъ за мной для дешифровки большой телеграммы, полученной отъ Государя. Когда я пришелъ, телеграмма уже была дешифрована, и онъ передалъ мнѣ ея текстъ en clair. Вотъ эта, чрезвычайной важности, телеграмма:

Подана въ Петербургѣ 12-го января, въ 10 ч. 40 м. утра.

Получена въ Адріанополѣ 17-го января, 2 ч. дня.

„Изложенныя въ трехъ твоихъ шифрованныхъ телеграммахъ 10-го января соображенія относительно дальнѣйшаго наступленія къ Константинополю я одобряю. Движенія войскъ отнюдь не должно быть останавливаемо до формальнаго соглашенія объ основаніяхъ мира и условіяхъ перемирія. При этомъ объяви турецкимъ уполномоченнымъ, что если, въ теченіе трехъ дней со времени отправленія ими запросной телеграммы въ Константинополь, не послѣдуетъ безусловнаго согласія Порты на заявленныя нами условія, то мы уже не признаемъ ихъ для себя обязательными. Въ случаѣ, если условія наши не приняты—вопросъ долженъ рѣшиться подъ стѣнами Константинополя. Въ разрѣшеніе поставленныхъ тобой на этотъ случай четыре вопросовъ предлагаю тебѣ руководствоваться слѣдующими указаніями:

„По 1-му. Въ случаѣ вступленія иностранныхъ флотовъ въ Босфоръ, войти въ дружественныя соглашенія съ начальниками эскадръ относительно водворенія, общими силами, порядка въ городѣ.

„По 2-му. Въ случаѣ иностраннаго дессанта въ Константинополѣ, избѣгать всякаго столкновенія съ нимъ, оставивъ войска наши подъ стѣнами города.

„По 3-му. Если сами жители Константинополя или представители другихъ державъ будутъ просить о водвореніи въ городѣ порядка и охраненіи спокойствія, то констатировать этотъ фактъ особымъ актомъ и ввести наши войска.

„Наконецъ, по 4-му. Ни въ какомъ случаѣ не отступать отъ сдѣланнаго нами Англіи заявленія, что мы не намѣрены дѣйствовать на Галлиполи. Англія съ своей стороны обѣщала намъ ничего не предпринимать для занятія Галлипольскаго полуострова, а потому и мы не должны давать ей предлогъ къ вмѣшательству, даже если бы какой-нибудь турецкій отрядъ находился на полуостровѣ. Достаточно выдвинуть наблюдательный отрядъ на перешеекъ, отнюдь не подходя къ самому Галлиполи.

„Въ виду твоего приближенія къ Царьграду, я призналъ нужнымъ отмѣнить прежнее распоряженіе о съѣздѣ уполномоченныхъ въ Одессѣ, а вмѣсто того приказалъ генералъ-адъютанту графу Игнатьеву немедленно отправиться въ Адріанополь, для веденія, совмѣстно съ Нелидовымъ, предварительныхъ переговоровъ о мирѣ при главной квартирѣ“.

Изъ этой телеграммы ясно, что въ день ея отправленія, 12-го января, существовало полное и точное соглашеніе съ

Англiей и разрывъ съ нею предотвращенъ, но дорогою цѣною: обѣщанiемъ не занимать ни Константинополя, ни Галлиполи. По словамъ Великаго Князя, турецкiе уполномоченные тоже получили сегодня какую-то очень важную депешу изъ Константинополя и черезъ Нелидова просили Великаго Князя дать имъ завтра аудiенцiю, такъ какъ они могутъ сдѣлать сообщенiе особой важности.

Какъ будто занимается заря близкаго мира. Дай Богъ! Достаточно ли надежно только соглашенiе съ Англiей: отъ нея всегда можно ожидать всякой подлости. По моему, лучше бы не входить съ ней ни въ какiя соглашенiя.

Вечеромъ, на основанiи полученныхъ сегодня свѣдѣнiй, была послана Великимъ Княземъ Государю слѣдующая телеграмма:

„Кавалерiя нижне-дунайскаго отряда, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Манзея, наступая къ Хаджи-Оглу-Базарджику, встрѣтила 10-го января, утромъ, у Чаиръ-Ормана турецкiй отрядъ изъ 3-хъ таборовъ низама, 6 орудiй, 1,000 чел. египетской конницы и черкесовъ, аттаковала пѣхоту, опрокинула и преслѣдовала ее вплоть до Базарджика. При этомъ взводъ бѣлорусскихъ гусаръ, подъ командою ротмистра Гернгроса, несмотря на сильный ружейный огонь, врубился въ роту низама, положилъ на мѣстѣ 25 чел., въ томъ числѣ баталiоннаго командира и адъютанта, и взялъ 18 чел. въ плѣнъ. Подъ вечеръ турецкая пѣхота съ 20-ю орудiями сдѣлала вылазку изъ Базарджика, но казаки генералъ-адъютанта Шамшева, поддержанные лейбъ-бородинскимъ полкомъ съ баттареею, подъ начальствомъ генерала Жукова, принудили непрiятеля отступить. При этомъ 2 казачьихъ офицера ранены, а нижнихъ чиновъ убито 3 казака и ранено 17, въ томъ числѣ 14 казаковъ.

„Отрядъ Цесаревича занялъ 12-го января Садину безъ боя.

„Передовой отрядъ Струкова сего 17-го января двинулся изъ Люле-Бургаса къ Чорлу. Струковъ доноситъ, что масса бѣгущихъ мусульманъ производитъ на всемъ пути пожары, грабежи, насилiя и убiйства. Близъ Люле-Бургаса онъ настигъ отъ 180 до 200 тысячъ турокъ, черкесовъ и цыганъ при 20.000 повозокъ, обезоружилъ ихъ насколько было возможно, и предложилъ имъ самимъ рѣшить: идти ли дальше, или вернуться домой? Бѣглецы были крайне удивлены: турецкiя власти понуждали ихъ выселяться, увѣряя, что русскiя войска ихъ разорятъ и перебьютъ. Если бы, говорили старшины, мы знали, что вы намъ не сдѣлаете зла, то всѣ остались бы спокойно дома. Затѣмъ часть бѣглецовъ вернулась обратно, а часть пошла далѣе на

Родосто. Кромѣ бѣглецовъ-жителей, Струковъ перехватилъ нѣсколько партій башибузуковъ, черкесовъ и регулярныхъ солдатъ при офицерахъ, съ обозомъ, въ которомъ нашелъ и забралъ 2 знамени. Сегодня смотрѣлъ гвардію, которой передалъ твое спасибо.—Адріанополь, 17-го января, 9 ч. вечера".

18 января. — Сегодня въ 12 часовъ къ Великому Князю явились турецкіе уполномоченные и безпрекословно приняли какъ предварительныя условія мира, такъ и условія перемирія. Намыкъ-паша сказалъ Великому Князю: „Vos armes sont victorieuses, votre ambition est satisfaite, mais la Turquie est perdue. Nous acceptons tout ce que vous voulez".

Завтра все будетъ окончательно оформлено и подписано.

Всѣ радуются близкому окончанію войны: на этотъ счетъ нѣтъ двухъ мнѣній. Съ помощью Божіей и заступничествомъ Николая Чудотворца, одолѣли Турцію, закончили кампанію съ трескомъ и блескомъ и можемъ вполнѣ удовлетвориться этимъ. Даже Скобелевъ 2-й сознаетъ и признаетъ, что намъ еще не подъ силу рѣшать восточный вопросъ окончательно. Наше побѣдное шествіе совершается теперь войсками въ рубищахъ, безъ сапогъ, почти безъ патроновъ, зарядовъ и артиллеріи, безъ обозовъ, безъ обезпеченнаго продовольствія, безъ всякаго сообщенія не только съ Россіей, но даже съ Румыніей и придунайской Болгаріей. Миръ необходимъ, пока еще наши европейскіе недруги не уяснили себѣ нашего положенія. Турція повержена въ прахъ, но англичане не дремлютъ.

Нелидовъ надѣется, что черезъ мѣсяцъ можетъ быть уже подписанъ окончательный миръ. Дай Богъ! Пора домой: это желаніе общее.

Подъ впечатлѣніемъ согласія турокъ на всѣ поставленныя имъ условія, Великимъ Княземъ уже овладѣлъ духъ непосѣдства. Вчера только начала собираться въ Адріанополь главная квартира, не раньше, какъ черезъ недѣлю, соберется вся, а уже Великій Князь заговорилъ о переѣздѣ въ Родосто, Эрекли или другой пунктъ на Мраморномъ морѣ. А между тѣмъ, всѣ дѣла по управленію арміей совершенно заброшены со дня выѣзда изъ Богота, никакихъ общихъ распоряженій нѣтъ, одно стихійное стремленіе впередъ, а въ тылу — невѣроятный хаосъ. Теперь слѣдовало бы, оставаясь въ Адріанополѣ, наверстать все упущенное, собрать и наладить сложную машину управленія арміей, упорядочить сообщенія, организовать тыловое управленіе въ придунайской и въ забалканской Болгаріи, устроить подвозъ бое-

выхъ запасовъ и продовольствіе мѣстными средствами, вывозъ больныхъ и раненыхъ, и т. д., и т. д. Работы пропасть и притомъ настоятельно-неотложной. Ничего этого Великій Князь не признаетъ, и только неудержимо стремится впередъ. Его ничѣмъ нельзя убѣдить, что главнокомандующему нельзя постоянно быть впереди. Какъ я ни люблю его, но долженъ сказать, что это не главнокомандующій, а только лихой начальникъ авангарда.

Сегодня онъ съ утра уже телеграфировалъ Государю:

„Депешу твою шифрованную получилъ вчера вечеромъ. Сегодня буду вести переговоры".

Только сегодня получена шифрованная депеша князя Горчакова, отъ 14-го января, слѣдующаго содержанія:

„Намъ сообщаютъ изъ Берлина [1]): Рейссъ [2]) телеграфируетъ отъ 12-го января, что Турція рѣшила принять наши условія и подписать перемиріе. Шуваловъ [3]) телеграфируетъ отъ 12-го: положеніе очень ухудшилось. Рѣчь идетъ уже не о вступленіи флота и не о Галлиполи, а о немедленномъ разрывѣ съ нами; отъ 13-го января: Дерби и Карнарвонъ подали въ отставку, вслѣдствіе требованія кредитовъ. Я исправилъ текстъ нашихъ условій, искаженный Лейярдомъ, въ особенности по вопросу о Дарданеллахъ, и возобновилъ увѣреніе, что мы не будемъ поднимать европейскіе вопросы изолированно. Отданный вчера вечеромъ приказъ флоту: вступить въ Дарданеллы, хотя бы даже вооруженною силою — отмѣненъ сегодня утромъ, но опасаются, что отмѣна уже запоздаетъ.

„Орловъ отъ 13-го: султанъ убѣдительно проситъ остановить флотъ. Онъ высказываетъ опасеніе, чтобы Россія не взглянула на это, какъ на угрозу, и не прервала переговоры. Если же Англія настоитъ на своемъ, султанъ проситъ заявить намъ, что это дѣлается противъ его воли.

„Отмѣна приказа флоту пришла своевременно. Дерби больше не появляется въ парламентѣ. Я сообщилъ ему наши условія, произведшія на него успокоительное впечатлѣніе.—Горчаковъ".

Эта чрезвычайно важная телеграмма составлена по свѣдѣніямъ, полученнымъ въ Петербургѣ послѣ отправки Государевой депеши отъ 12-го января 10 ч. 40 м. утра, полученной здѣсь вчера. Свѣдѣнія, сообщаемыя княземъ Горчаковымъ, на основаніи депешъ принца Рейсса и графа Шувалова, отъ 12-го,—

---

[1]) Очевидно, Бисмаркъ.

[2]) Германскій посолъ въ Константинополѣ.

[3]) Нашъ посолъ въ Лондонѣ, графъ Петръ Андреевичъ.

не могли быть въ виду Государя *до* отправки вышеупомянутой его телеграммы.

Сопоставляя всѣ свѣдѣнія отъ 12-го и 13-го января, сообщаемыя княземъ Горчаковымъ, можно сдѣлать слѣдующія заключенія:

1) Султанъ въ смертномъ страхѣ и боится англійскаго вмѣшательства больше, чѣмъ нашего наступленія.

2) Германія вполнѣ на нашей сторонѣ.

3) Австро-Венгрія ничѣмъ себя не заявляетъ.

4) Англія настроена непримиримо и не въ состояніи переварить нашихъ успѣховъ. Занятіе нами Константинополя и Галлиполи повлечетъ за собою неминуемый разрывъ и англійское вмѣшательство, а что изъ этого усложненія выйдетъ — это предвидѣть невозможно.

Но, съ другой стороны, англичанъ все равно никакими уступками не проймешь, напротивъ,—всякая уступка только усилитъ ихъ нахальную назойливость. Тѣмъ болѣе, что Лейярдъ—нашъ личный заклятый врагъ—неустанно будетъ подливать масла въ огонь и со свойственною ему настойчивостью добьется открыто-враждебныхъ дѣйствій своего правительства.

Хотя и мудрено судить о томъ, какъ поступить, ничего не зная, но, все-таки, кажется, что лучше не давать англичанамъ никакихъ обязательствъ, даже не стѣсняться и тѣми, которыя уже даны, а дѣйствовать такъ, какъ намъ самимъ выгоднѣе. Англичане сами всегда такъ дѣлаютъ, и намъ надо дѣлать то же самое.

Трудно только ожидать отъ нашей дипломатіи рѣшительныхъ разговоровъ съ Англіей. Да и самъ Государь уже старъ, нервенъ, впечатлителенъ и измученъ войной: у него слишкомъ изболѣлась душа, чтобы рисковать разрывомъ съ Англіей. Онъ самъ жаждетъ мира и пойдетъ на большія уступки, чтобы избѣжать новой войны. Миролюбивое настроеніе Государя ясно и изъ вчера полученной телеграммы: Великій Князь, однако, справедливо недоумѣваетъ, какъ исполнить данныя въ этой телеграммѣ указанія. Мудрено входить въ „дружескія“ соглашенія съ иностранными флотами и дессантами, которыя, если явятся въ Константинополь, то ужъ, конечно, не съ дружескими намѣреніями. Безусловное запрещеніе занимать Константинополь и Галлиполи тоже не обезпечитъ намъ „дружеское соглашеніе“. Наконецъ, запрещеніе вступать въ Константинополь даже въ случаѣ занятія его иностраннымъ (т.-е. англійскимъ) дессантомъ, поставитъ насъ самихъ въ положеніе до-нельзя обидное. Мы побѣдо-

носно прошли всю Турцію изъ края въ край, а столицу ея будутъ занимать англичане? Если ужъ намъ нельзя вступать въ Константинополь и Галлиполи, то пускать туда англичанъ и подавно нельзя.

Высочайшія повелѣнія даны въ такой категорической формѣ, что уклониться отъ ихъ исполненія нельзя, а исполнить ихъ, подойдя къ Константинополю вплотную—будетъ невозможно. По моему мнѣнію, выходъ изъ этого труднаго положенія одинъ: остановить передовыя войска, какъ приказано, т.-е. подъ стѣнами Константинополя и на Мраморномъ морѣ, не доходя Галлиполи, а самому Великому Князю оставаться въ Адріанополѣ. Но онъ на это ни за что не согласится: его неудержимо тянетъ впередъ, и онъ долго здѣсь не вытерпитъ.

Какъ жаль, что сохранилось телеграфное сообщеніе съ Петербургомъ! Не будь телеграммы Государя отъ 12-го января, мы заняли бы Константинополь и Галлиполи такъ же шутя, какъ Адріанополь. Тогда и съ Англіей былъ бы совсѣмъ другой разговоръ.

Это послѣднее мнѣніе Великій Князь вполнѣ раздѣляетъ. Пока не была получена сегодня телеграмма князя Горчакова, въ телеграмму Государя, вчера полученную, какъ-то не вдумались. Только сегодня, внимательно сопоставивъ содержаніе обѣихъ телеграммъ, мы вполнѣ поняли всю трудность настоящаго положенія. На самомъ интересномъ мѣстѣ намъ поставлена точка.

Безъ сомнѣнія, Государь, запрещая вступленіе наше въ Царьградъ, вполнѣ сознаетъ громадность этой жертвы, приносимой имъ ради сохраненія мира съ Англіей. Дай Богъ, чтобы жертва эта достигла своей цѣли и не помрачила обаяніе успѣховъ нашего оружія.

Получена отвѣтная телеграмма отъ главнаго командира черноморскаго флота (подана въ Николаевѣ въ 6 ч. 10 м. вечера, 16-го января):

„Телеграмму Вашего Высочества [1]) получилъ только 15-го вечеромъ. Спѣшу донести, что въ настоящее время въ Одессѣ и Севастополѣ могутъ быть приготовлены для указанной цѣли 11 большихъ пароходовъ и 14 малыхъ. Для собранія командъ и изготовленія потребуется 10 дней. Пять большихъ активныхъ пароходовъ, одинъ взятый и одинъ малый пароходъ могутъ слѣдовать немедленно по назначенію. 4 самыхъ большихъ парохода „Общества“ находятся въ Англіи и могутъ прибыть въ Черное

---

[1]) Была послана 12-го января.

море черезъ 22 дня по полученіи приказанія. Въ одинъ разъ, всѣ вмѣстѣ, могутъ поднять около двухъ милліоновъ пудовъ или до 25.000 десcанта. Съ открытіемъ навигаціи, въ портахъ, весною, число указанныхъ пароходовъ можетъ быть увеличено еще 10-ю большими и 5-ю малыми пароходами, имѣющими возможность поднять 600.000 пудовъ или до 10.000 десcанта. Ожидаю дальнѣйшихъ приказаній Вашего Высочества.—Генералъ-адъютантъ Аркасъ".

Вечеромъ Великій Князь послалъ Государю слѣдующую телеграмму:

„Вслѣдствіе занятія войсками Цесаревича Садины, турки очистили Соленикъ, Констанцу, Гагово, Хайдаркіой и Карахасанкіой, предавъ пламени всѣ попутныя деревни. Карахасанкіой занятъ нами 13-го, Соленикъ и Констанца—14 января. Въ небольшой стычкѣ ранено у насъ три человѣка. 14-го января турки окончательно очистили всю линію Чернаго и Бѣлаго Лома и стянули все къ Рущуку и Разграду.

„16-го января Струковъ получилъ отъ одного изъ вице-консуловъ Родосто письменную просьбу поспѣшить туда для огражденія города отъ насилій и разбоя черкесовъ. Посему приказано поспѣшить отъ Айроболя къ Родосто.

„Московцамъ удалось, къ величайшей ихъ радости, найти въ развалинахъ казармы орла отъ сгорѣвшаго знамени, хотя и сильно поврежденнаго.—18-го января, 8 ч. веч.".

19 января, четвергъ. — Всеобщая радость и ликованіе! Въ 6 часовъ вечера Великій Князь и паши Намыкъ и Серверъ, подписали главныя основанія мира, а около 7 ч.—Непокойчицкій, Левицкій, Неджидъ-паша и Османъ-паша—условія перемирія.

Къ 6 ч. вечера масса генераловъ и офицеровъ, какъ главной квартиры, такъ и войскъ, находящихся въ Адріанополѣ, уже толпилась въ большой пріемной залѣ, въ ожиданіи оффиціальнаго объявленія о перемиріи. Тутъ же были корреспонденты: „Новаго Времени"—Немировичъ-Данченко и Ивановъ, „Московскихъ Вѣдомостей"— князь Шаховской, и одесской газеты „Правда"—Гроссулъ-Толстой.

Я пошелъ къ Великому Князю около 6½ часовъ вечера и засталъ уже у него: великаго князя Николая Николаевича Младшаго, принца А. П. Ольденбургскаго и Д. А. Скалона. Вмѣстѣ со мною вошли командиръ батальона императорской фамиліи графъ Клейнмихель (бывшій адъютантъ Великаго Князя) и адъютанты Поповъ и Мухановъ, а немного погодя — графъ П. А.

Шуваловъ и Скобелевъ-отецъ. Всѣ мы поздравили Великаго Князя, который сіялъ радостью. Ровно въ 7 ч. пришелъ Непокойчицкій и доложилъ о подписаніи условій перемирія. Великій Князь крѣпко обнялъ и долго цѣловалъ его. Затѣмъ Великій Князь (а за нимъ и мы всѣ) вышелъ въ пріемную залу и громогласно объявилъ всѣмъ собравшимся о радостномъ событіи. Восторгъ былъ всеобщій и неописанный. Всѣ набросились на Великаго Князя и цѣловали его—кто куда могъ. Едва пробившись черезъ восторженную толпу, Великій Князь перешелъ въ сосѣднюю комнату, открылъ окно и объявилъ ту же радостную вѣсть стоявшимъ во дворѣ караулу, сводной гвардейской конвойной ротѣ и сводному конвойному баталіону. Началось совершенно оглушительное „ура", которое тотчасъ было подхвачено на улицахъ и пошло перекатываться по всему городу. А на дворѣ музыка конвойнаго баталіона заиграла „Боже Царя храни", которое затѣмъ повторялось, съ малыми перерывами, весь вечеръ.

Въ то же время, въ комнату, куда перешелъ Великій Князь, внесли аналой, пришли священникъ и діаконъ въ золотыхъ ризахъ, и начался благодарственный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ. Передъ началомъ молебна, Великій Князь приказалъ привести со двора наверхъ и построить въ большой пріемной залѣ хоръ музыки и конвойныя части войскъ.

Горячо и съ глубокимъ благоговѣніемъ помолились мы всѣ. По окончаніи молебна, Великій Князь перешелъ въ большую залу и провозгласилъ „ура" Государю Императору. Это „ура" продолжалось бы безъ конца, еслибъ Великій Князь не возстановилъ (съ трудомъ) тишину. Звонко, задушевно провозгласилъ онъ „ура" нашей доблестной, несравненной арміи. Новые восторженные крики, возобновившіеся съ еще большею силою, когда великій князь Николай Николаевичъ Младшій крикнулъ: „Ура нашему главнокомандующему!" Въ заключеніе Великій Князь провозгласилъ „ура" доблестному вождю, генералъ-адъютанту Гурко, котораго и не было въ числѣ присутствовавшихъ.

Всѣ эти восторги были, однако, довольно опасны. Тысячная толпа не только кричала, но и топала ногами по жидкому деревянному полу, который легко могъ и обрушиться, ибо покоился на деревянныхъ же столбахъ довольно сомнительной прочности. Всеобщее ликованіе могло бы завершиться страшнымъ несчастіемъ. Поэтому я да и многіе другіе вздохнули свободно, когда Великій Князь, наконецъ, ушелъ изъ залы въ свой кабинетъ. Непокойчицкій, графъ Шуваловъ, Нелидовъ, Левицкій, Скалонъ, Чингисханъ и я пошли вмѣстѣ съ нимъ. Остальные стали мало-

по-малу расходиться. Музыка продолжала играть сперва въ залѣ, потомъ на дворѣ.

Мы остались у Великаго Князя пить чай и сидѣли довольно долго, бесѣдуя по поводу совершившагося событія. Подъ конецъ остались только графъ Шуваловъ, Скалонъ и я: Великій Князь самъ удержалъ насъ, когда мы тоже хотѣли уйти по примѣру прочихъ. Затѣмъ пришелъ еще полковникъ Гальяръ, который обѣдалъ у французскаго консула и разсказалъ, что всѣ иностранные консулы поражены нашими подвигами и достигнутыми войною результатами.

Въ сегодняшнемъ разговорѣ Великій Князь упомянулъ, что окончательно рѣшилъ переѣхать отсюда на берегъ Мраморнаго моря въ Селиврію, ибо турецкіе уполномоченные указали на это мѣсто, какъ на наиболѣе подходящее. Изъ Одессы ему пришлютъ туда императорскую яхту „Ливадія", и на ней онъ собирается съѣздить не только въ Константинополь, но даже на Аѳонъ, гдѣ онъ уже былъ въ 1875 году. Сказалъ, что возьметъ туда съ собою и меня. Графа Игнатьева ожидаетъ не ранѣе 23-го января и не позже, какъ къ 1-му февраля. Мечтаетъ пригнать заключеніе окончательнаго мира къ 19-му февраля: Государь очень любитъ сближеніе достопамятныхъ числъ, а тутъ вышло бы очень кстати освободить христіанъ отъ ига мусульманскаго въ день освобожденія крестьянъ отъ рабства. Къ 25-му марта надѣется возвратиться въ Россію.

Все это, конечно, гаданія. Дай Богъ, чтобъ сбылось.

Около 10-ти часовъ вечера мы ушли отъ Великаго Князя.

О заключеніи перемирія отправлены были сегодня вечеромъ Великимъ Княземъ слѣдующія телеграммы:

1) Государю:

„Имѣю счастіе поздравить Ваше Величество. Предпринятое вами святое дѣло благополучно приведено къ концу. Основанія мира, предложенныя Вашимъ Величествомъ, приняты Портою, и протоколъ сію минуту подписанъ мною и уполномоченными султана. Перемиріе заключено и подписано, и приказанія о пріостановкѣ военныхъ дѣйствій немедленно отправляются во всѣ отряды и на Кавказъ. Всѣ дунайскія крѣпости, Разградъ и Эрзерумъ очищаются турецкими войсками. Подробности — съ курьеромъ, котораго отправляю на дняхъ.—Адріанополь, 19 января, 6 час. вечера".

2) Циркулярная:

„Сегодня, 19-го января, въ 6 часовъ вечера, я и турецкіе уполномоченные подписали предварительныя условія мира. Часъ спустя, подписаны условія перемирія.

„Вмѣстѣ съ симъ посылаю приказаніе нашимъ и всѣмъ союзнымъ войскамъ—немедленно прекратить военныя дѣйствія.— Адріанополь, 19 января, 8 час. вечера".

3) Тифлисъ. Великому Князю Михаилу Николаевичу:

„Основанія мира сію минуту подписаны мною и турецкими уполномоченными, также подписаны условія перемирія. Эрзерумъ, Виддинъ, Рущукъ, Силистрія и Разградъ очищаются турецкими войсками и занимаются нашими. О чемъ тебя увѣдомляю по приказанію Государя съ тѣмъ, чтобы ты, по соглашенію съ турецкимъ главнокомандующимъ, опредѣлилъ демаркаціонную линію".

20 января.—Телеграммы стали опять жестоко запаздывать. Сегодня только получена телеграмма Государя, поданная въ Петербургѣ 16-го января въ 12 ч. 40 м. ночи:

„Телеграммы твои отъ 12-го и 13-го января получилъ вчера. Жду съ нетерпѣніемъ извѣстія о прибытіи твоемъ въ Адріанополь. Правда ли, что турки приняли наши условія для перемирія, какъ заграничныя телеграммы увѣряютъ? Получилъ ли ты шифрованную телеграмму мою отъ 12-го января?"

Такимъ образомъ, до Государя гораздо быстрѣе доходятъ свѣдѣнія о насъ изъ-за-границы, чѣмъ отъ насъ самихъ. Изъ этой же телеграммы видно, какое значеніе придаетъ Государь своимъ повелѣніямъ, даннымъ въ телеграммѣ отъ 12-го января, полученной здѣсь только 17-го.

Не знаю, что отвѣчалъ Великій Князь на эту телеграмму: со мной по этому поводу ничего не говорилъ. Когда я, вечеромъ, по обыкновенію, былъ у него, онъ только подписалъ нижеприводимую телеграмму Государю, составленную мною заранѣе по свѣдѣніямъ, полученнымъ сегодня:

„17-го января кавалерійскій авангардъ Струкова взялъ съ боя Чорлу. Въ бою участвовали эскадронъ лейбъ-драгунскаго московскаго полка, эскадронъ петербургскаго уланскаго полка и двѣ сотни перваго донского полка. Турокъ было до 1.000 чел. регулярной конницы и черкесовъ. Послѣ рукопашной схватки турки стали отступать: сперва стройно, потомъ въ безпорядкѣ. Особенно отличились штабсъ-ротмистръ князь Дондуковъ-Корсаковъ, сотникъ Кареловъ и извѣстный художникъ Верещагинъ, который все время участвуетъ во всѣхъ авангардныхъ дѣлахъ охотникомъ. У насъ убито 4, ранено 9 нижнихъ чиновъ. Занятый городъ Чорлу оказался совершенно нетронутымъ. Командовавшій тамъ паша бѣжалъ, оставивъ въ конакѣ всѣ бумаги. Телеграфный аппаратъ захваченъ въ цѣлости.

„15-го января генералъ Эрнротъ занялъ Османъ-Базаръ, совершенно разоренный и разграбленный турками передъ уходомъ.

„Я вступилъ въ соглашеніе съ турецкими уполномоченными о немедленномъ открытіи международнаго телеграфнаго сообщенія между Адріанополемъ и Константинополемъ и по кабелю съ Одессой. Надѣюсь, что дня черезъ три сообщеніе установится. Точно также будетъ установлено желѣзнодорожное сообщеніе съ Константинополемъ.

„Въ ночь съ 15-го на 16-е скоропостижно скончался начальникъ 13-й кавалерійской дивизіи генералъ баронъ Раденъ.

„Сейчасъ получилъ донесеніе Циммермана о бывшемъ 14-го января жаркомъ дѣлѣ близъ Базарджика. Непріятель, выступивъ оттуда въ значительныхъ силахъ, аттаковалъ нашъ правый флангъ, бригаду Нильсона и казаковъ Шамшева. Генералъ Циммерманъ тотчасъ двинулся на поддержку съ бригадою Данаурова отъ Чаиръ-Ормана, а генералы Манзай и Жуковъ подошли слѣва отъ бальчикской дороги. Такимъ образомъ, въ дѣлѣ участвовалъ весь 14-й корпусъ. Послѣ четырехъ часовъ жаркаго боя непріятель былъ отброшенъ въ Базарджикъ, оставивъ на мѣстѣ болѣе 150 тѣлъ, въ числѣ которыхъ найденъ и трупъ египетскаго генерала Захаріи-паши. Наши преслѣдовали непріятеля до самыхъ укрѣпленій. Наиболѣе отличились генералъ Нильсонъ и полковникъ Елецъ съ тарутинскимъ полкомъ, который и пострадалъ больше другихъ. Нижнихъ чиновъ убито 30, ранено 166, контужено 20. Подъ генераломъ Нильсономъ убита лошадь.

„По соглашенію съ турецкимъ правительствомъ, приняты мѣры для немедленнаго возстановленія полной свободы торговли какъ на сушѣ, такъ и па морѣ. — Адріанополь, 20-го января, 9 ч. вечера“.

Сегодня ночью ожидается пріѣздъ принца Александра Баттенбергскаго изъ Петербурга. Такъ какъ это любимый племянникъ императрицы, то Великій Князь объ этомъ телеграфировалъ собственноручно. Кромѣ того, продиктовалъ мнѣ слѣдующую телеграмму генералъ-адъютанту Аркасу въ Николаевъ:

„Депешу твою отъ 16-го получилъ. Такъ какъ перемиріе заключено, и свобода торговли выговорена на сушѣ и па морѣ, то снесись съ морскимъ министерствомъ, дабы распорядилось немедленнымъ возвращеніемъ нашихъ четырехъ пароходовъ изъ Англіи, съ тѣмъ, чтобы, по заключеніи мира, они могли вмѣстѣ съ прочими судами служить для обратной перевозки войскъ“.

М. А. Газенкампфъ.

ПЕТРЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ

ЧААДАЕВЪ

ТРИДЦАТЫХЪ И СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ.

I.

П. Я. Чаадаевъ 30-хъ и 40-хъ годовъ (род. 1796 г.—ум. 1856 г.) во многомъ непохожъ на автора „Философическихъ писемъ", но такое несходство, прежде всего, внѣшнее. По словамъ его племянника, Жихарева [1]), Чаадаевъ до-нѣльзя надоѣлъ лечившему его проф. Альфонскому своей мнительностью и капризами, и такъ какъ онъ въ сущности былъ совершенно здоровъ, то Альфонскій кончилъ тѣмъ, что однажды чуть не насильно свезъ его въ Англійскій клубъ; здѣсь Чаадаевъ встрѣтилъ множество старыхъ знакомыхъ и былъ радушно принятъ ими. Это случилось въ маѣ или іюнѣ 1831 года; съ этого дня Чаадаевъ сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ клуба, сталъ бывать въ знакомыхъ домахъ, началъ и у себя принимать, словомъ—былъ возвращенъ обществу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и здоровье его замѣтно поправилось, хотя мнительность и нервозность, повидимому, никогда не оставляли его.

Въ эти годы жилъ въ Москвѣ и единственный его братъ Михаилъ, тоже рано потерпѣвшій крушеніе, ожесточенный и за-

---

[1]) Въ 1871—74 гг. у насъ были помѣщены „Воспоминанія" М. Жихарева о его дядѣ и неизданныя рукописи Чаадаева, доставленныя имъ же. - *Ред.*

мкнувшійся въ себѣ. А въ глухой усадьбѣ дмитровскаго уѣзда непрестанно томилась тревогою за нихъ старая воспитательница-тетка, княжна Щербатова, и усердно приходили въ Москву ея чудовищно-безграмотныя письма, въ которыхъ трогательно слиты наивность понятій, нѣжная заботливость и старомодная учтивость манеръ. Она матерински любитъ обоихъ, но Михаилъ ей ближе, съ нимъ она можетъ просто говорить, а Петръ внушаетъ ей какое-то суевѣрное почтеніе. Да онъ почти и не пишетъ; зато Михаилъ Яковлевичъ съ педантической аккуратностью отвѣчаетъ на каждое ея письмо: „Любезный мой другъ, Михайла Яковлевичъ!—обыкновенно пишетъ она [1]).—Давно не имѣю никакого свѣдѣнія о васъ, заключаю, что ты не имѣешь ничего сказать пріятнаго, потому и не пишешь“ и т. д.; „остаюсь съ искренней моей преданностью любящая тебя покорная услужница и тетка кн. А. Щербатова“. И онъ отвѣчаетъ примѣрно въ такомъ родѣ: „Милостивая Государыня, любезная тетушка. Письмо ваше отъ 22 ноября честь имѣлъ получить. Имѣю удовольствіе васъ увѣдомить, что здоровье брата Петра Яковлевича примѣтно поправляется, и кажется, можно надѣяться“, и т. д., а въ заключеніе неизмѣнно: „Впрочемъ, честь имѣю быть съ чувствами истиннаго почтенія и преданности, милостивая государыня любезная тетушка, вашъ покорнѣйшій слуга и племянникъ Михайло Чаадаевъ“. Цѣлые дни сидитъ старушка за пяльцами у окна, вышивая то „мамелюка“ для Михаила Яковлевича, то коверъ къ именинамъ для Петра,—„но немного не достало шерсти, всего 6 золотниковъ, но ни въ одной лавкѣ нѣту; къ 29-му ежели добуду, то будетъ кончено“; „а вечеромъ,—пишетъ она,—моя Анетка мнѣ читаетъ и потомъ мы играемъ въ шахъ и матъ, и она играетъ лучше меня“... „И теперь взяла я книгу у Норовыхъ, *Семейство Холмскихъ*, которую тебѣ рекомендую. Не можешь себѣ представить, какъ интересно, а кто авторъ, неизвѣстно“. Книги доставляетъ ей обыкновенно Михаилъ Яковлевичъ—французскіе романы изъ библіотеки Семена, гдѣ онъ держитъ для этого полугодовой абонементъ, и каждый разъ, когда кончается срокъ абонемента, она проситъ больше не присылать ей книгъ: „и такъ ужъ ты меня одолжилъ, что не знаю, какъ тебя и благодарить; въ скукѣ моей, конечно, великая отрада, но надо и совѣсть имѣть: въ годъ это дѣлаетъ сумму, а я знаю, что ты и самъ нуждаешься“. Она живетъ однообразно; изрѣдка

[1]) Всѣ письма, цитируемыя въ этой главѣ, воспроизводятся съ рукописныхъ подлинниковъ.

навѣщаютъ ее сосѣди, чаще другихъ (но больше для того, чтобы поѣсть)—Бахметевы, и сама она изрѣдка ѣздитъ къ Норовымъ, къ тѣмъ же Бахметевымъ, а весною и осенью распутица, зимою стужа и мятели надолго отрѣзываютъ ее отъ міра. Зато бываютъ у нея и банкеты. „Завтра у меня grand diner на случай дорогого моего имянинника, съ чѣмъ и тебя поздравляю и увѣрена, что сей день проведешь съ любезнымъ твоимъ братомъ, а я со своими сосѣдями, а именно Малиновскимъ, Норовыми и Бахметевыми, и твоимъ шампанскимъ будемъ пить за здравіе любезнаго моего племянника". Переписка съ Михаиломъ Яковлевичемъ, да рѣдкія свиданія съ нимъ и съ Петромъ Яковлевичемъ—ея единственная отрада, ихъ здоровье и дѣла—ея главная забота. Ее томятъ предчувствія, мучитъ неизвѣстность о нихъ: „Стараюсь какъ можно болѣе заняться. Нѣтъ минуты, чтобы я была не въ дѣйствіи, развлечь себя отъ мыслей, которыя во мнѣ производятъ такое біеніе въ сердцѣ. Только и въ головѣ, что вы". У нея, разумѣется, есть безконечная тяжба съ какою-то помѣщицей, и это дѣло часто фигурируетъ въ ея письмахъ; разъ тоже поинтересовалась она спросить о московскихъ балахъ, на что угрюмый Михаилъ Яковлевичъ отвѣчаетъ ей коротко: „Насчетъ здѣшнихъ увеселеній по случаю пребыванія здѣсь императорской фамиліи могу вамъ сказать только то, что нѣсколько дней тому назадъ, ѣхавъ отъ брата, видѣлъ, что по Петровкѣ горятъ плошки, а по какому случаю, мнѣ неизвѣстно". Обычно же ея письма исчерпываются вопросами о здоровьи Петра Яковлевича, выраженіями сочувствія, совѣтами и пр. Очень тревожатъ ее денежныя дѣла братьевъ, впрочемъ лишь смутно извѣстныя ей. „Дѣла его,—пишетъ она о Петрѣ Яковлевичѣ,—кажется, не такъ исправны, все нуждается въ деньгахъ, а куда проживаетъ, не вѣдаю, но, кажется, онъ очень разстроенъ въ своихъ финансахъ". Она узнала, что всѣ имѣнія Панова, которому Петръ Яковлевичъ ссудилъ изрядную сумму, давно заложены; „напрасно онъ вѣрилъ такому вертопраху; онъ судитъ по своей душѣ и всякому вѣритъ". Михаилъ Яковлевичъ пишетъ ей: „Изъ деревни меня увѣдомляютъ, что хлѣбъ совсѣмъ не родился, едва на сѣмена собрали и оброка платить нечѣмъ"; на это старушка отвѣчаетъ, что это-де несомнѣнно „предлогъ ихъ, чтобы не платить. Имѣвъ во владѣніи всю землю, какимъ же образомъ могутъ отказаться платить что слѣдуетъ? и неужели всѣ откажутся крестьяне платить своимъ господамъ? поэтому всѣ дворяне будутъ банкруты и всѣ имѣнія опишутъ". Въ своей материнской заботливости она усердно хлопочетъ, чтобы оба

брата жили въ любви и дружбѣ. Такъ, она пишетъ Михаилу Яковлевичу: „Братъ твой меня увѣдомляетъ о твоемъ здоровьи и между тѣмъ, что вы живете между собою въ совершенной дружбѣ, чему я истинно порадовалась. Вы оба намѣреваетесь перемѣнить квартиру по близости другъ отъ друга, что для васъ будетъ весьма пріятно". „Къ крайнему моему сожалѣнію,—пишетъ она въ другой разъ,—потеряла всю надежду васъ видѣть у себя, но истинно не сѣтую на тебя: присутствіе твое нужно брату твоему, въ его положеніи великое удовольствіе раздѣлять время съ тобою. Не можешь себѣ представить, сколько мнѣ пріятно ваше дружелюбіе"; и каждый разъ, поздравляя Михаила съ днемъ рожденія или именинами Петра, она не забываетъ прибавить: „и надѣюсь, что ты проведешь сей день съ нимъ; увѣрена, что ты ему сдѣлаешь большое удовольствіе".

А отношенія между братьями какъ разъ въ это время начали портиться и, повидимому, безъ всякой опредѣленной причины. Петръ былъ капризенъ, Михаилъ Яковлевичъ становился все болѣе нелюдимымъ и раздражительнымъ, оба съ годами черствѣли, а умственной связи между ними не было никакой. Еще осенью 1830 года братья обмѣнивались нѣжными письмами. Въ Москвѣ тогда была холера, и Михаилъ Яковлевичъ, гостившій у тетки, сильно тревожился за брата; вотъ нѣсколько строкъ изъ его письма отъ 12-го октября: „Ты пишешь, что всегда меня любилъ, что мы могли доставить другъ другу болѣе утѣшенія въ жизни, но любить болѣе другъ друга не могли. За эти мнѣ неоцѣненныя отъ тебя слова наградитъ тебя собственное твое чувство. Я не берусь тебѣ сказать, какое они на меня дѣлаютъ и всегда будутъ дѣлать дѣйствіе. Ты увѣренъ, что я тебя люблю, потому ты самъ можешь понять. Могу тебѣ только сказать, что это правда и что я это знаю, и что мнѣ это величайшее утѣшеніе". Охлажденіе началось, повидимому, особенно съ того времени, когда Петръ Яковлевичъ сталъ снова бывать въ обществѣ, и оно характерно отражалось въ письмахъ Михаила Яковлевича къ теткѣ.

Эти письма вообще недурно живописуютъ будничную физіономію П. Я. Чаадаева въ моментъ его перехода изъ мрачнаго затворничества въ свѣтскую жизнь. Въ февралѣ 1831 года М. Я. пишетъ Аннѣ Михайловнѣ: „Могу васъ увѣдомить, что братъ теперешнимъ состояніемъ здоровья своего очень доволенъ въ сравненіи съ прежнимъ, даже полагаетъ, что онъ отъ жестокихъ припадковъ (геморроидальныхъ), которыми страдалъ, совсѣмъ избавился. Аппетитъ у него очень, даже мнѣ кажется — слишкомъ

хорошъ, спокойствіе духа, снисходительность, кротость—какія въ послѣдніе три года рѣдко въ немъ видѣлъ. Цвѣтъ лица, нахожу, гораздо лучше прежняго, хотя все еще очень худъ, но съ виду кажется совсѣмъ старикомъ, потому что почти всѣ волосы на головѣ вылѣзли. Я живу очень отъ него близко и почти каждый день у него обѣдаю и провожу у него большую часть дня". Въ апрѣлѣ онъ извѣщаетъ тетку, что братъ здоровъ, собирается прожить лѣто у нея въ Алексѣевскомъ и даже думаетъ построить себѣ тамъ флигель по своему вкусу, на что старушка спѣшитъ отвѣчать: „Принимая искреннее участіе о васъ, можешь себѣ вообразить мое удовольствіе, что здоровье Петра Яковлевича поправляется, и прошу Бога, чтобъ совершенно возстановилось. О намѣреніи его пріѣхать пожить въ Алексѣевское почту себѣ за счастье, видя его, буду гораздо спокойнѣе. Что же касается до постройки флигеля для него, чтобъ онъ былъ увѣренъ, что я препятствовать не буду, его воля, какъ пожелаетъ, такъ и строить, а мнѣ будетъ удовольствіе его присутствіе. Ежели бъ получила свои деньги отъ Колтовской, то давно бы построила для вашего пріѣзда и не допустила бы его убыточиться. Но ты, любезный мой другъ, могу ли я надѣяться и тебя видѣть въ Алексѣевскомъ? то бы совершенно было для меня благополучіе при старости лѣтъ моихъ". 11 іюня М. Я. пишетъ: „О братѣ честь имѣю донести, что онъ, какъ говоритъ лѣкарь, не столько боленъ геморроидомъ, сколько воображеніемъ, хотя нельзя сказать, чтобы онъ былъ совершенно и здоровъ".

Тутъ-то и случилось упомянутое выше происшествіе: первый выѣздъ Чаадаева въ свѣтъ. Пушкинъ уѣхалъ изъ Москвы въ половинѣ мая, а 17 іюня Чаадаевъ пишетъ ему, что съ нѣкотораго времени началъ ѣздить, „куда бы вы думали?—въ Англійскій клубъ". Пора отшельничества, видно, прошла для него безвозвратно; стоило ему однажды снова вкусить общенія съ людьми, и оно сдѣлалось для него неодолимой потребностью: онъ съ перваго же дня, повидимому, сдѣлался ежедневнымъ посѣтителемъ клуба и остался на все лѣто въ Москвѣ, обманувъ надежды Анны Михайловны. Въ половинѣ августа П. В. Нащокинъ пишетъ Пушкину про Чаадаева, что онъ „нынѣ пустился въ люди—всякій день въ клубѣ", а въ концѣ сентября сообщаетъ: „Чаадаевъ всякой день въ клубѣ, всякій разъ обѣдаетъ; въ обхожденіи и въ платьѣ перемѣнилъ фасонъ, и ты его не узнаешь [1]).

[1]) Письмо Н. къ Пушкину 18 августа 1831 г.; И. А. Шляпкинъ, „Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина", Спб. 1903, стр. 150; письмо 30 сент. того же года въ „Русск. Арх.", 1904 г., № 11, стр. 440.

Тетка, узнавъ о перемѣнѣ, происшедшей въ образѣ жизни Петра Яковлевича, была чрезмѣрно довольна. 28 іюня она пишетъ Михаилу, что, долго не получая писемъ, начала уже безпокоиться о здоровьи П. Я.; „но къ моему счастію Норова была въ Москвѣ, и такъ какъ она любитъ твоего брата, то и освѣдомлялась о немъ; по возвращеніи ея увѣдомила меня, что слава Богу здоровъ, и тотъ день, который она посылала къ нему, онъ былъ въ Англійскомъ клубѣ, чему я очень порадовалась, что не убѣгаетъ людей, и успокоилась о его здоровьи".

Дѣйствительно, самочувствіе П. Я. подъ вліяніемъ этой внѣшней перемѣны, какъ и естественно, быстро улучшилось, но, очевидно, онъ уже такъ сжился съ мыслью о своихъ мнимыхъ недугахъ, что никакъ не рѣшался сразу признать себя здоровымъ, и обижался, если другіе объявляли его здоровымъ. Въ іюлѣ Мих. Яковл. пишетъ: „Хотя и давно мнѣ кажется изъ словъ лѣкарей и изъ всѣхъ обстоятельствъ, что братъ больше боленъ воображеніемъ, нежели чѣмъ другимъ, но его ипохондрія и меня сбивала. Теперь же я совершенно убѣжденъ, потому что лѣкаря и не-лѣкаря, и тѣ, у которыхъ та же самая болѣзнь бывала, утверждаютъ, что братнино состояніе здоровья едва ли и болѣзнью можно назвать, и что на его мѣстѣ всякій другой не обращалъ бы даже на это никакого вниманія... Теперь и братъ начинаетъ успокаиваться, и съ этимъ вмѣстѣ и здоровье его примѣтно поправляется, потому что нельзя не признаться, что отъ ипохондріи онъ дѣйствительно очень былъ разстроенъ. Аппетитъ, сонъ, лѣкаря говорятъ, что пульсъ и языкъ, онъ имѣетъ въ самомъ лучшемъ состояніи и всегда имѣлъ, но прежде почиталъ это все дурными знаками. Теперь, по крайней мѣрѣ, онъ видитъ, что нѣтъ причины безпокоиться". Однако, недолго спустя, очевидно, случился новый припадокъ ипохондріи. „Вы точно отгадали,—пишетъ М. Я. теткѣ 30 сентября,—что я вамъ потому не писалъ, что не имѣлъ сообщить ничего пріятнаго. Ипохондрія братнина, хотя уже недѣли двѣ или три какъ стала уменьшаться, но почему знать было, что это не промежутокъ. Но теперь, кажется, она совсѣмъ его оставила. Онъ безъ всякаго сравненія спокойнѣе прежняго. Самъ онъ полагаетъ, что оттого сталъ спокоенъ, что чувствуетъ облегченіе въ своей болѣзни, а мнѣ кажется, что болѣзнь его, которая сама почти ничего не значитъ, отъ того для него стала сноснѣе, что онъ объ ней меньше думаетъ. Какъ бы то ни было, достовѣрно то, что онъ много измѣнилъ прежній свой родъ жизни. Вы знаете, можетъ быть, что онъ съ нѣкотораго времени въ числѣ членовъ Англійскаго клуба. Тамъ онъ

бываетъ всякій вечеръ и два раза въ недѣлю обѣдаетъ. Онъ возобновилъ нѣкоторыя старыя и сдѣлалъ нѣкоторыя новыя знакомства, почти всякое утро выѣзжаетъ въ гости, часто въ гостяхъ обѣдаетъ или у него обѣдаютъ. Продолжится ли это,— кажется, можно надѣяться". Петръ Яковлевичъ, узнававшій объ этихъ успокоительныхъ бюллетеняхъ брата изъ писемъ къ себѣ тетки, повидимому, былъ ими недоволенъ, и М. Я., теряя терпѣніе, писалъ Аннѣ Михайловнѣ: „Если ему писать трудно, то лучше бы всего, если бы онъ мнѣ сообщалъ, что̀ именно донести вамъ о его здоровьѣ, и я бы это и дѣлалъ безъ всякой перемѣны. Теперь же о его здоровьѣ васъ увѣдомлять уже и потому мнѣ мудрено, что по большей части мнѣ кажется, что онъ здоровъ, а ему самому объ себѣ кажется, что онъ боленъ. Свое ли мнѣніе вамъ о его здоровьѣ сообщать, или его собственное, не знаю".

Это письмо было писано въ декабрѣ 1831 года; въ ближайшіе затѣмъ годы П. Я. окончательно акклиматизировался въ образованномъ московскомъ обществѣ, а М. Я. все больше уходилъ въ свою скорлупу. 1 марта 1834 г., М. Я. пишетъ Аннѣ Михайловнѣ: „Въ письмѣ вашемъ отъ 18 февраля вы изволите писать, что такъ какъ братъ меня посѣщаетъ, то я могу отъ него слышать о новостяхъ. На это могу вамъ донести, что я совершенно ничего не знаю, что̀ дѣлается, что̀ говорится, что̀ пишется новаго, а у брата я былъ 23 декабря прошлаго 1833-го года на новой его квартирѣ, и съ тѣхъ поръ, слѣдовательно теперь уже болѣе двухъ мѣсяцевъ, его не видалъ, но знаю, что онъ здоровъ и выѣзжаетъ". Это извѣстіе сильно опечалило старушку: „Я весьма огорчилась, что ты рѣдко видишь твоего брата; ежели между вами и было какое незначительное неудовольствіе, примиритесь и живите дружелюбно. Согласіе между столь ближнихъ родственниковъ есть самое благополучіе". Но въ серединѣ этого года Мих. Як., давно уже жившій съ дочерью своего камердинера, Ольгой Захаровной, окончательно переѣхалъ на жительство изъ Москвы въ наслѣдственное помѣстье Чаадаевыхъ, с. Хрипуново, ардатовскаго уѣзда, нижегородской губ. Здѣсь онъ нелюдимо и почти безвыѣздно прожилъ до смерти своей, въ 1866 году.

II.

Вернувшись въ общество, Чаадаевъ очень скоро выработалъ себѣ тотъ образъ жизни, которому оставался вѣренъ уже до

самой смерти, въ теченіе 25-ти лѣтъ. Въ концѣ 1833 года онъ переѣхалъ и на ту квартиру, гдѣ прожилъ затѣмъ до конца жизни, во флигель большого дома своихъ хорошихъ знакомыхъ, Левашовыхъ, на Новой Басманной; отнынѣ его жизнь—если не считать кратковременнаго и не оставившаго слѣдовъ перерыва, вызваннаго напечатаніемъ его статьи въ „Телескопѣ" 1836 года,—остается вполнѣ неизмѣнной. Онъ дѣлитъ свое время между кабинетнымъ трудомъ и обществомъ; онъ—завсегдатай Англійскаго клуба, почетный гость гостиныхъ и салоновъ; его можно видѣть всюду, гдѣ собирается лучшее московское общество,—на гуляньяхъ, первыхъ представленіяхъ въ театрѣ, на публичной лекціи въ университетѣ,—и разъ въ недѣлю онъ принимаетъ у себя. Его привычки ненарушимы; находясь въ гостяхъ, онъ ровно въ $10^1/_2$ час. откланивается, чтобы ѣхать домой.

Чаадаевъ быстро занялъ очень видное мѣсто въ образованномъ московскомъ обществѣ: уже въ половинѣ 30-хъ годовъ онъ былъ однимъ изъ его „львовъ". Когда въ 1836 году петербургскія власти заинтересовались Чаадаевымъ, начальникъ московской жандармеріи, генералъ Перфильевъ, такъ—не совсѣмъ грамотно, но за то художественно и вѣрно—характеризовалъ его положеніе въ свѣтѣ и личность: „Чеодаевъ (sic!) особенно привлекалъ къ себѣ вниманіе дамъ, доставлялъ удовольствіе въ бесѣдахъ и передавалъ все читаемое имъ въ иностранныхъ газетахъ и журналахъ и вообще вновь выходящихъ сочиненіяхъ—съ возможною отчетливостью, имѣя щастливую память и обладая даромъ слова. Когда нарождался разговоръ общій, Чеодаевъ разрѣшалъ вопросъ, при сужденіяхъ о политикѣ, религіи и подобныхъ предметахъ, со свойственнымъ уму образованному, обилующему матеріалами, убѣжденіемъ. Знакомство онъ имѣетъ большое; въ короткихъ же связяхъ замѣчается: съ. И. И. Дмитріевымъ, М. Ѳ. Орловымъ, Масловымъ, А. И. Тургеневымъ, княгинею С. С. Мещерскою... Чеодаевъ часто бываетъ: у Е. О. Муравьевой, Ушаковой, Нарышкиной, Пашковой, Раевской и у многихъ другихъ... Образъ жизни Чеодаевъ ведетъ весьма скромный, страстей не имѣетъ, но честолюбивъ выше мѣры. Сіе то самое и увлекаетъ его иногда съ надлежащаго пути, благоразуміемъ предписываемаго" [1]).

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ Чаадаеву было 36—37 лѣтъ. Онъ былъ высокаго роста, очень худъ, строенъ и безукориз-

[1]) М. К. Лемке, „Чаадаевъ и Надеждинъ" „Міръ Божій", 1905, октябрь, стр. 155—6.

ненно одѣтъ. Строгое изящество его костюма и изысканность манеръ вошли въ поговорку; графъ Поццо-ди-Борго, человѣкъ компетентный въ этомъ дѣлѣ, замѣтилъ однажды, что, будь на то его власть, онъ заставилъ бы Чаадаева безпрестанно разъѣзжать по Европѣ, чтобы показывать европейцамъ „un russe parfaitement comme il faut“ [1]). Въ его наружности была какая-то рѣзкая своеобразность, сразу выдѣлявшая его даже среди многолюднаго общества; такъ же оригинально было его лицо, нѣжное, блѣдное, какъ бы изъ мрамора, безъ усовъ и бороды, съ голымъ черепомъ, съ иронической и вмѣстѣ доброй улыбкой на тонкихъ губахъ, съ холоднымъ взглядомъ сѣро-голубыхъ глазъ. Въ неподвижности его тонкихъ чертъ было что-то мертвенное, говорившее о перегорѣвшихъ страстяхъ и о долгомъ навыкѣ скрывать отъ толпы пламенное волненіе духа; Тютчеву это лицо казалось однимъ изъ тѣхъ, которыя можно назвать медалями въ человѣчествѣ,—такъ старательно и искусно отдѣланы они Творцомъ и такъ непохожи на обычный типъ людей, эту ходячую монету человѣчества. Онъ былъ всегда холоденъ и серьезенъ, вѣжливъ со всѣми, сдержанъ въ жестахъ и выраженіяхъ, никогда не возвышалъ голоса и охотно бесѣдовалъ съ женщинами. Герценъ говоритъ о его прямо смотрящихъ глазахъ и печальной усмѣшкѣ. Хомякова удивляло въ немъ соединеніе бодрости живого ума съ какою-то постоянной печалью [2]). Въ дружескомъ кругу онъ, повидимому, не избѣгалъ ни легкой шутки, ни сарказма, и его необыкновенно мѣткія „крылатыя слова“, образчики которыхъ сохранилъ намъ Герценъ въ своихъ воспоминаніяхъ, переходили въ Москвѣ изъ устъ въ уста. Но обыкновенно его рѣчь была аподиктична и напыщена. На тѣхъ, кто слышалъ Чаадаева впервые, этотъ проповѣднический тонъ производилъ, видимо, отталкивающее впечатлѣніе; такъ, Надеждину, познакомившемуся съ Чаадаевымъ въ 1832 или 1833 году, онъ показался послѣ перваго разговора тяжелымъ и сухимъ человѣкомъ [3]). Но люди, хорошо знавшіе его и привыкшіе къ его манерѣ, прощали ему и эту напыщенность рѣчи, какъ прощали его тщеславіе, доходившее въ своей безмѣрности до ребяческой простоты.

Онъ сразу занялъ въ московскомъ обществѣ то своеобразное

---

[1]) Рукоп. копія Жихаревской біографіи Чаадаева: одно изъ мѣстъ, опущенныхъ при печатаніи въ „Вѣстн. Европы“.

[2]) См. „Библіограф. Зап.“ 1861 г., № 1, стр. 6; „Русск. Вѣстн.“ 1887 октябрь, стр. 697; „Русск. Арх.“ 1900, № 11, стр. 412; Сочин. А. И. Герцена, Спб. 1905 г., т. II, стр. 404, и т. I, стр. 84 (о Трензинскомъ ср. VI, 379).

[3]) М. К. Лемке, ibid., стр. 127.

положеніе, которое удержалъ до конца своихъ дней,—положеніе вполнѣ свѣтскаго человѣка и вмѣстѣ учителя; и если наиболѣе блестящій періодъ его дѣятельности приходится на 40-ые годы, то его учительная роль вполнѣ опредѣлилась уже теперь, въ первой половинѣ 30-хъ годовъ. Среди его бумагъ сохранилось два женскихъ письма къ нему (оба, повидимому, до 1836 г.), не свободныхъ отъ экзальтацій, но въ своей свѣжей непосредственности какъ нельзя лучше обрисовывающихъ и роль, которую онъ присвоилъ себѣ въ обществѣ, и отношеніе къ нему этого общества, и чувства, которыя онъ внушалъ отдѣльнымъ чуткимъ натурамъ, особенно изъ числа женщинъ. Первое письмо содержитъ въ себѣ совѣты, повидимому, насчетъ отношеній Чаадаева къ Норовой: „Вы живете среди людей,—пишетъ ему неизвѣстная корреспондентка [1]), —и этого не слѣдуетъ забывать. Большинство изъ нихъ безпрестанно слѣдятъ за малѣйшими вашими поступками и зорко наблюдаютъ всякое ваше движеніе въ надеждѣ подмѣтить что-нибудь, что хоть до нѣкоторой степени поставило бы васъ на одинъ уровень съ ними. Это печальный результатъ уязвленнаго самолюбія, какъ бы моральная лѣнь, предпочитающая унизить васъ до себя, нежели самой возвыситься по вашимъ слѣдамъ. Поэтому вы должны чрезвычайно внимательно взвѣшивать каждый вашъ поступокъ... Провидѣніе вручило вамъ безцѣнный кладъ: этотъ кладъ—вы сами. Вашъ долгъ—не только не дѣлать ничего недостойнаго, но и всѣми возможными способами внушать людямъ уваженіе къ той, если можно такъ выразиться, вполнѣ интеллектуальной добродѣтели, которою надѣлило васъ Провидѣніе. Вы не должны допускать, чтобы злословіе или клевета какимъ-либо образомъ запятнали ее“, и т. д. Другое письмо принадлежитъ перу Е. Г. Левашовой, близкаго друга Чаадаева, замѣчательной женщины, которой Герценъ посвятилъ теплыя строки въ „Быломъ и Думахъ“, и Огаревъ—задушевное стихотвореніе: „Искусный врачъ,—пишетъ она,—снявъ катаракту, надѣваетъ повязку на глаза больного; если же онъ не сдѣлаетъ этого, больной ослѣпнетъ навѣки. Въ нравственномъ мірѣ—то же, что̀ въ физическомъ; человѣческое сознаніе также требуетъ постепенности. Если Провидѣніе вручило вамъ свѣтъ слишкомъ яркій и слишкомъ ослѣпительный для нашихъ потемокъ, не лучше ли вводить его понемногу, нежели ослѣплять людей какъ бы Ѳаворскимъ сіяніемъ и заставлять ихъ падать лицомъ на землю? Я вижу ваше назначеніе въ иномъ; мнѣ кажется, что вы при-

[1]) Это и слѣдующія два письма—въ подлинникѣ по-французски; подлинники—въ Румянцевскомъ музеѣ.

званы протягивать руку тѣмъ, кто жаждетъ подняться, и пріучать ихъ къ истинѣ, не вызывая въ нихъ того бурнаго потрясенія, которое не всякій можетъ вынести. Я твердо убѣждена, что именно таково ваше призваніе на землѣ; иначе зачѣмъ ваша наружность производила бы такое необыкновенное впечатлѣніе даже на дѣтей? зачѣмъ были бы даны вамъ такая сила внушенія, такое краснорѣчіе, такая страстная убѣжденность, такой возвышенный и глубокій умъ? Зачѣмъ такъ пылала бы въ васъ любовь къ человѣчеству? Зачѣмъ ваша жизнь была бы полна столькихъ треволненій? Зачѣмъ столько тайныхъ страданій, столько разочарованій?... И можно ли думать, что все это случилось безъ предустановленной цѣли, которой вамъ суждено достигнуть, никогда не падая духомъ и не теряя терпѣнія, ибо съ вашей стороны это значило бы усомниться въ Провидѣніи? Между тѣмъ уныніе и нетерпѣніе — двѣ слабости, которымъ вы часто поддаетесь, тогда какъ вамъ стоитъ только вспомнить эти слова Евангелія, какъ бы нарочно обращенныя къ вамъ: будьте мудры какъ змій, и чисты, какъ голубь". Левашова кончаетъ свое письмо (оно посылалось тутъ же, изъ большого дома во флигель) слѣдующими трогательными словами: „До свиданія. Что̀ ждетъ васъ сегодня въ клубѣ? Очень возможно, что вы встрѣтите тамъ людей, которые поднимутъ цѣлое облако пыли, чтобы защититься отъ слишкомъ яркаго свѣта. Что̀ вамъ до этого? Пыль непріятна, но она не преграждаетъ пути".

На почвѣ такого преклоненія предъ личностью и призваніемъ Чаадаева разыгрался въ эти годы его единственный романъ, романъ односторонній, безъ страсти и безъ интриги. Повидимому, еще въ концѣ 20-хъ годовъ, когда, по возвращеніи изъ-за-границы, онъ жилъ временами у тетки Щербатовой въ дмитровскомъ уѣздѣ, сблизился онъ съ семьею Норовыхъ, чья усадьба Надеждино находилась по близости. Въ этой семьѣ было нѣсколько сыновей (одинъ изъ нихъ—Абрамъ Сергѣевичъ—позднѣе былъ министромъ народнаго просвѣщенія) и двѣ дочери: старшая дочь, Авдотья Сергѣевна, и полюбила Чаадаева. По словамъ Жихарева, это была болѣзненная дѣвушка, не думавшая о замужествѣ, но безотчетно и открыто отдавшаяся своему чувству, которое и свело ее въ могилу. Чаадаевъ отвѣчалъ ей, повидимому, дружескимъ расположеніемъ; можно думать, что онъ и вообще никогда не зналъ влюбленности, хотя и былъ безпрестанно окруженъ женскимъ поклоненіемъ [1]). Норова умерла лѣ-

[1]) Есть, кажется, основанія предполагать, что онъ страдалъ врожденной атрофіей полового инстинкта; сравн. Жихаревъ, „Вѣстн. Европы" 1871, іюль, стр. 183, прим.

томъ 1835 года [1]). Ея письма къ Чаадаеву сохранились. Въ нихъ дышатъ глубокая религіозность и самоотреченіе безъ границъ, при ясномъ и просвѣщенномъ умѣ. Въ ея любви къ Чаадаеву нѣтъ страсти, но ничего не можетъ быть трогательнѣе этого сочетанія безконечной нѣжности къ любимому человѣку съ благоговѣніемъ предъ его душевнымъ величіемъ. Вотъ на удачу конецъ одного ея письма, помѣченнаго 28 декабря:

„Уже поздно, я долго просидѣла за этимъ длиннымъ письмомъ, а теперь, передъ его отправкою, мнѣ кажется, что его лучше было бы разорвать. Но я не хочу совсѣмъ не писать къ вамъ сегодня, не хочу отказать себѣ въ удовольствіи поздравить васъ съ Рождествомъ нашего Спасителя Іисуса Христа и съ наступающимъ новымъ годомъ.

„Покажется ли вамъ страннымъ и необычнымъ, что я хочу просить вашего благословенія? У меня часто бываетъ это желаніе, и, кажется, рѣшись я на это, мнѣ было бы такъ отрадно принять его отъ васъ, колѣнопреклоненной, со всѣмъ благоговѣніемъ, какое я питаю къ вамъ. Не удивляйтесь и не отрекайтесь отъ моего глубокаго благоговѣнія — вы не властны уменьшить его во мнѣ. Благословите же меня на наступающій годъ, все равно, будетъ ли онъ послѣднимъ въ моей жизни, или за нимъ послѣдуетъ еще много другихъ; для себя я призываю на васъ всѣ благословенія Всевышняго. Да, благословите меня—я мысленно становлюсь предъ вами на колѣни—и просите за меня Бога, чтобы Онъ сдѣлалъ меня такою, какою мнѣ слѣдуетъ быть".

Въ іюлѣ 1835 года тетка писала М. Я. Чаадаеву въ его нижегородское уединеніе, что, по дошедшимъ до нея свѣдѣніямъ, Петръ Яковлевичъ былъ очень огорченъ смертью Норовой, „которая его очень любила". За то, что она его очень любила, онъ въ завѣщаніи, составленномъ двадцать лѣтъ спустя, просилъ, если возможно, похоронить его въ Донскомъ монастырѣ близъ могилы А. С. Норовой [2]). Его воля была исполнена.

III.

Начало 30-хъ годовъ отмѣчено въ жизни Чаадаева не только возвращеніемъ въ общество, но и другимъ, болѣе страннымъ его шагомъ: попыткою снова вступить въ службу. Эта мысль, безъ

---

[1]) „Русск. Архивъ", 1900, № 2, стр. 295.
[2]) „Русск. Мысль", 1896, № 4, стр. 153.

сомнѣнія, была внушена ему отчасти и прямой денежной нуждою: въ концѣ 1832 года опекунскій совѣтъ по третьему долгу пустилъ съ торговъ послѣднее имѣніе Чаадаева, какое еще числилось за нимъ послѣ раздѣла съ братомъ [1]), и теперь у него оставались на прожитокъ лишь тѣ 7.000 р. ассигн., которые ежегодно уплачивалъ ему братъ по раздѣльному акту. При его непрактичности и барскихъ привычкахъ (онъ держалъ, напримѣръ, собственныхъ лошадей) этихъ денегъ, конечно, не могло хватать, и тетка уже заранѣе сокрушалась, „что долженъ будетъ себя лишать въ своихъ удовольствіяхъ, что̀ для него очень тяжело“.

Но главной причиной было, разумѣется, не это. Съ того дня, когда Чаадаевъ впервые охотно покинулъ свое затворничество, процессъ его внутренняго роста можетъ считаться законченнымъ. Въ тишинѣ и уединеніи созрѣлъ его духъ, создалось и даже формулировалось его ученіе; теперь для него наступилъ тотъ моментъ, когда въ человѣкѣ съ элементарной силой просыпается жажда дѣятельности, жажда внѣшняго творчества по готовымъ уже внутреннимъ мѣриламъ; вотъ почему Чаадаева инстинктивно потянуло въ свѣтъ, и почему онъ сознательно рѣшилъ вступить въ службу. Мы увидимъ дальше, что въ это же самое время (1832 г.) онъ дѣлаетъ и другую аналогичную попытку: напечатать по-русски нѣкоторыя изъ своихъ „Философическихъ“ писемъ.

Но было бы наивно думать, что Чаадаевъ мечталъ о карьерѣ чиновника; нѣтъ, ему мерещилась иная роль, болѣе достойная его, — роль совѣтника власти, вдохновляющаго ея политику въ какой-нибудь одной области управленія. И съ этимъ-то Платоновскимъ предложеніемъ о союзѣ философіи съ правительственной силой онъ обращается — къ кому же? — къ имп. Николаю и Бенкендорфу. Отсюда завязывается переписка, смѣшная и типичная, какъ иной эпизодъ изъ „Донъ-Кихота“.

Рѣшивъ искать службы, Чаадаевъ въ началѣ 1833 г. написалъ объ этомъ своему бывшему начальнику, графу Васильчикову, съ которымъ оставался, повидимому, въ дружескихъ отношеніяхъ. 4-го мая Васильчиковъ отвѣчалъ ему [2]), что всѣ начальники вѣдомствъ, къ которымъ онъ обращался, вполнѣ признавая достоинства Чаадаева, затрудняются, однако, предо-

---

[1]) Онъ былъ долженъ въ опекунскій совѣтъ по займу 1827 г. — 61.000 руб., по займу 1828 г.—30.200, и по займу 1829 г.—15.250.

[2]) Французскій подлинникъ этого письма находится въ Румянцевскомъ музеѣ. Судя по письму, Чаадаевъ въ прешедствующемъ (1832) году видѣлся съ Васильчиковымъ, пріѣзжавшимъ въ Москву для леченія водами.

ставить ему подобающее мѣсто по причинѣ его невысокаго чина (онъ былъ всего только гвардіи ротмистромъ), но что Бенкендорфъ изъявилъ готовность всячески содѣйствовать ему, лишь только Чаадаевъ сообщитъ, какой службы онъ желалъ бы. Итакъ, 1-го іюня Чаадаевъ пишетъ Бенкендорфу; въ самыхъ вѣрноподданныхъ выраженіяхъ и нимало не подозрѣвая чудовищной дерзости своихъ строкъ, онъ заявляетъ о своихъ намѣреніяхъ [1]. „Прискорбныя обстоятельства,—пишетъ онъ,—заставили меня долго жить внѣ службы, и тѣмъ лишили права на вниманіе правительства; между тѣмъ, я имѣю все же смѣлость надѣяться, что если бы Его Величество удостоилъ вспомнить обо мнѣ, то, быть можетъ, онъ вспомнилъ бы также, что я не совсѣмъ недостоинъ его снисхожденія и предоставленія мнѣ возможности доказать свою преданность и употребить свои способности на службу Его Величеству". Прежде всего онъ считаетъ долгомъ заявить, что, будучи мало знакомъ съ условіями гражданской службы, онъ желалъ бы получить должность по дипломатической части; поэтому онъ и просилъ генерала Васильчикова „сообщить министру иностранныхъ дѣлъ нѣкоторыя соображенія, которыя, какъ мнѣ кажется, могли бы найти примѣненіе при теперешнемъ положеніи Европы, а именно: о необходимости особенно наблюдать за движеніемъ идей въ Германіи". Но онъ понимаетъ, что такое дѣло можетъ быть поручено лишь человѣку, достаточно зарекомендованному въ глазахъ правительства. Поэтому у него сейчасъ только одно желаніе,—чтобы Государь узналъ его. „Къ числу изумительныхъ вещей настоящаго достославнаго царствованія, въ которое осуществилось столько нашихъ надеждъ и было выполнено столько нашихъ желаній, принадлежитъ выборъ людей, призываемыхъ къ дѣламъ"; и если умѣніе находить людей есть одно изъ главныхъ качествъ монарха, то, съ другой стороны, каждый изъ подданныхъ вправѣ разсчитывать,—если только онъ стремится обратить на себя вниманіе своего государя,—что его усилія не останутся незамѣченными. Итакъ, онъ отдаетъ себя вполнѣ въ распоряженіе Его Величества.

---

[1]) Это и слѣдующія письма, относящіяся къ попыткѣ Чаадаева поступить на службу, найдены М. К. Лемке въ архивѣ III-го отдѣленія, и приведены въ его статьѣ „Чаадаевъ и Надеждинъ", „Міръ Божій", 1905 г., сентябрь, стр. 17—22; онѣ писаны частью по-русски, частью по-французски. Сравн. объ этомъ эпизодѣ „Изв. Отд. русск. языка и слов. Имп. Акад. Наукъ". 1896 г., т. I, кн. 2, въ статьѣ А. И. Кирпичникова, стр. 382 и сл., и „Неизд. Рукоп. П. Я. Чаадаева" въ „Вѣстн. Европы" 1871 г., ноябрь, стр. 325.

Такъ могъ писать какой-нибудь философъ въ отвѣтъ на предложеніе Екатерины II, переданное Гриммомъ, или, напротивъ, наскучивъ ждать приглашенія; но Бенкендорфъ и самъ имп. Николай, которому Бенкендорфъ въ подлинникѣ представилъ письмо Чаадаева, навѣрное еще никогда не читали такихъ „прошеній". Нетрудно представить себѣ, какъ покоробило ихъ отъ этого резонерскаго тона и самой готовности оригинальнаго просителя предоставить себя временно на пробу. Какъ бы то ни было, на первый разъ дѣло сошло Чаадаеву съ рукъ, и въ концѣ іюня Бенкендорфъ сухо сообщилъ ему, что царь изъявилъ согласіе принять его на службу по министерству финансовъ. Въ отвѣтъ на это извѣщеніе Чаадаевъ немедленно отправилъ Бенкендорфу запечатанное письмо на имя царя и въ сопроводительной запискѣ объяснялъ, что пишетъ государю по-французски вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ русскимъ языкомъ: „Это новое тому доказательство, что я въ письмѣ своемъ говорю Его Величеству о несовершенствѣ нашего образованія. Я самъ живой и жалкій предметъ этого несовершенства".

На этотъ разъ Николаевскій царедворецъ-чиновникъ не вынесъ дерзкой фамильярности просителя и рѣшилъ круто оборвать его. Возвращая Чаадаеву его письмо къ царю нераспечатаннымъ, онъ писалъ, что ради его собственной пользы не рѣшился представить это письмо государю, усмотрѣвъ изъ письма къ себѣ, что въ томъ обращеніи на Высочайшее имя онъ, Чаадаевъ, упоминаетъ о несовершенствѣ нашего образованія,— „ибо Его Величество конечно бы изволилъ удивиться, найдя диссертацію о недостаткахъ нашего образованія тамъ, гдѣ выроятно ожидалъ одного лишь изъявленія благодарности и скромной готовности самому образоваться въ дѣлахъ, вамъ вовсе незнакомыхъ. Одна лишь служба, и служба долговременная, даетъ намъ право и возможность судить о дѣлахъ государственныхъ, и потому я боялся, чтобы Его Величество, прочитавъ письмо, не получилъ о васъ мнѣніе, что вы, по примѣру легкомысленныхъ французовъ, принимаете на себя судить о предметахъ, вамъ неизвѣстныхъ".

Выслушавъ эту грубую нотацію на тему о „beschränkter Unterthanenverstand", Чаадаевъ все-таки еще не понялъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и, разсыпаясь въ благодарностяхъ, отвѣчалъ Бенкендорфу съ изысканной усмѣшкой (наивная тонкость философа передъ лицомъ русскаго жандарма!). Онъ тронутъ заботливостью графа, чьей благосклонностью сохраненъ отъ невыгоднаго Его Величества о немъ понятія, но рѣшается снова послать ему

свое письмо къ государю, чтобы графъ могъ убѣдиться, что это письмо не заключаетъ въ себѣ разсужденій о государственныхъ дѣлахъ, „и что въ особенности нѣтъ въ немъ ничего похожаго на преступныя дѣйствія французовъ, которыми болѣе кого-либо гнушаюсь“ (извѣстно, какъ вообще смотрѣлъ Чаадаевъ на революцію 1830 года). „Осмѣлюсь только сказать въ оправданіе свое нащетъ того выраженія, которое показалось вамъ предосудительнымъ, что мнѣ кажется, что состояніе образованности народной не есть вещь государственная, и что можно судить о образованности своего отечества не отваживаясь мѣшаться въ дѣла правительственныя, потому что всякой по собственному опыту знать можетъ, какіе способы и средства въ его отечествѣ для ученія употребляются, а глядя вокругъ себя—оцѣнить степень просвѣщенія въономъ“.—Онъ и теперь еще продолжаетъ разсуждать! Самая мысль о возможности простого окрика такъ чужда ему, что онъ спѣшитъ разъяснить происшедшее будто бы недоразумѣніе.

Это письмо Чаадаева къ имп. Николаю сохранилось. Пространно объяснивъ свою непригодность для службы по финансовой части, коснувшись попутно возвышенныхъ взглядовъ, которые вноситъ государь во всѣ отрасли администраціи, и опредѣливъ великую идею, проникающую все его царствованіе, онъ продолжаетъ: „Много размышляя о состояніи просвѣщенія въ Россіи, я пришелъ къ убѣжденію, что могъ бы именно въ этой области быть полезнымъ, выполняя обязанности, удовлетворяющія требованія Вашего правительства. Мнѣ кажется, что въ этой области можно сдѣлать многое именно въ духѣ той идеи, которая, какъ я думаю, является идеей Вашего Величества“; и затѣмъ онъ излагаетъ свои мысли объ общемъ направленіи, которое должно быть дано русской образованности,—приблизительно такъ, какъ это сдѣлалъ бы Лейбницъ въ письмѣ къ Петру Великому, или Дидро въ письмѣ къ Екатеринѣ II: „Я полагаю, что просвѣщеніе въ Россіи должно носить такой-то характеръ“, и т. д.; „я нахожу, что мы должны быть... и русская нація должна, какъ мнѣ кажется“, и т. д.—и въ заключеніе коротко и ясно: *„Если бы эти взгляды оказались отвѣчающими взглядамъ Вашего Величества*, то для меня было бы несказаннымъ счастьемъ, еслибъ я могъ содѣйствовать реализаціи ихъ въ нашей странѣ“.

Но на русскомъ престолѣ сидѣлъ не Петръ Великій, не Екатерина II, даже не Діонисій Старшій. Россійскаго Платона не пожелали и выслушать: ему просто не отвѣчали. Чаадаевъ еще разъ написалъ Бенкендорфу, но такъ же безуспѣшно.

Тогда онъ обратился къ министру юстиціи Дашкову, съ которымъ издавна былъ знакомъ, и, по докладѣ его просьбы царю, разрѣшено было принять его на службу въ этомъ министерствѣ. Почему Чаадаевъ не принялъ этого предложенія и, кажется, даже не отвѣчалъ на извѣщеніе Дашкова [1]), мы не знаемъ. Такъ кончилась эта классическая исторія о наивномъ философѣ и грубомъ капралѣ; но, надо думать, въ Петербургѣ уже теперь зародилось подозрѣніе насчетъ нормальности умственныхъ способностей Чаадаева.

IV.

А Чаадаевъ, дѣйствительно, чувствовалъ себя носителемъ нѣкоторой высокой и благодѣтельной истины; онъ былъ глубоко проникнутъ сознаніемъ своей миссіи. Еще въ 1831 году онъ заявлялъ, что хотя главная задача его жизни—вполнѣ уяснить и раскрыть эту истину въ глубинѣ своей души и завѣщать ее потомству, онъ, тѣмъ не менѣе, не прочь нѣсколько выйти изъ своей безвѣстности: „это помогло бы дать ходъ идеѣ, которую я считаю себя призваннымъ передать міру“ [2]). Онъ, безъ сомнѣнія, не разсчитывалъ на успѣхъ своей проповѣди въ полуобразованномъ и нравственно-равнодушномъ русскомъ обществѣ, и не понималъ даже, какъ можно писать для такой публики, какъ наша („все равно обращаться къ рыбамъ морскимъ, къ птицамъ небеснымъ“); но ему мерещилось „сладостное удовлетвореніе“—собрать вокругъ себя небольшое число прозелитовъ, „нѣсколько теплыхъ и чистыхъ душъ, чтобы вмѣстѣ съ ними призывать дары неба на человѣчество и на отчизну“ [3]). Этой цѣли онъ старался достигнуть неустанной устной пропагандой въ дружескомъ кругу, чему свидѣтельствомъ служатъ письма Пановой, Левашовой и пр.; вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ и естественно, у него рано должно было возникнуть желаніе дать огласку своимъ „Философическимъ письмамъ“.

Дѣйствительно, онъ сталъ распространять ихъ обычнымъ тогда рукописнымъ путемъ тотчасъ послѣ того, какъ они были написаны,—притомъ, кажется, не только среди ближайшихъ друзей, какимъ былъ, напримѣръ, Пушкинъ; по крайней мѣрѣ, По-

---

[1]) См. отрывокъ изъ письма Дашкова среди Чаадаевскихъ бумагъ въ Румянц. музеѣ.

[2]) Письмо къ Пушкину, „Бумаги А. С. Пушкина“, изд. „Русск. Арх.“, Москва, 1881 г., стр. 151.

[3]) Письмо къ М. Ѳ. Орлову, 1837 г., „Вѣстн. Европы“, 1874 г., іюль, стр. 87.

годинъ, тогда мало знакомый съ Чаадаевымъ, читалъ одно изъ нихъ (вѣроятно, первое), уже весною 1830 года [1]). Позднѣе, въ половинѣ 30-хъ годовъ, они ходили по рукамъ уже во многихъ спискахъ и иногда читались даже—повидимому, самимъ Чаадаевымъ—въ салонахъ знакомыхъ дамъ [2]).

Разумѣется, эта случайная и ограниченная публичность не могла удовлетворять его; какъ и всякій писатель, онъ стремился распространить свои идеи путемъ печати, и дѣйствовалъ въ этомъ направленіи съ большой настойчивостью. Съ половины 1831 года до катастрофы 1836 г. мы можемъ прослѣдить четыре такихъ попытки, всѣ четыре—неудачныхъ, и любопытно видѣть, къ какимъ разнообразнымъ средствамъ онъ прибѣгалъ съ цѣлью добраться, наконецъ, до печатнаго станка. Весною 1831 года Пушкинъ увезъ изъ Москвы въ Петербургъ „Философическое письмо" № 3; изъ писемъ къ нему Чаадаева видно, что поэтъ долженъ былъ пристроить это письмо въ печати, притомъ на французскомъ языкѣ (у французскаго книгопродавца Белизара), и что Чаадаевъ сгоралъ отъ нетерпѣнія напечатать его „вмѣстѣ съ другими своими писаніями" [3]).

Годъ спустя, онъ дѣлаетъ новую попытку: на этотъ разъ онъ пробуетъ издать у московскаго типографа Семена *по-русски* два законченныхъ отрывка изъ 2-го и 3-го писемъ, но духовная цензура Троицкой академіи отказывается разрѣшить ихъ къ печати [4]). Затѣмъ, въ 1835 или 1836 г., онъ отдаетъ цѣлыхъ два письма, составлявшихъ какъ бы продолженіе знаменитаго впослѣдствіи, въ только-что народившійся „Московскій Наблюдатель", но и здѣсь безуспѣшно; наконецъ, вѣроятно, въ 1836 г., онъ съ оказіей посылаетъ какую-то свою рукопись А. И. Тургеневу въ Парижъ, для напечатанія въ одномъ изъ французскихъ журналовъ [5]). Очень возможно, что этими четырьмя попытками, о которыхъ случайно сохранились указанія въ перепискѣ Чаадаева, дѣло и не ограничивалось. Только однажды, и совершенно безъ его вѣдома, проникла въ печать небольшая часть написаннаго имъ: въ 1832 году кто-то прислалъ Надеждину, для напечатанія

[1]) Соч. А. С. Пушкина, подъ ред. П. А. Ефремова, 1903, т. VII, стр. 347.

[2]) У Свербеевой. Oeuvres choisies, стр. 187.

[3]) „Бумаги А. С. Пушкина", стр. 150 и 151, Соч. Пушкина, VII, стр. 419.

[4]) Заключеніе духовной цензуры отъ 31-го янв. 1833 г., въ статьѣ проф. Кирпичникова, въ „Р. М." 1896 г., № 4, стр. 149—151. Это были конецъ 2-го письма (опроверженіе мнѣній протестантовъ о католицизмѣ, по изд. Гагарина, стр. 78—86) и часть 3-го (о Моисеѣ, стр. 96—105).

[5]) Ibid., стр. 188.

въ „Телескопѣ“, нѣсколько отрывковъ изъ „Философическихъ писемъ“, съ объясненіемъ, что это—отрывки изъ переписки одного русскаго, и что эта переписка „представляетъ развитіе одной полной, глубоко обдуманной системы“. Это было 4-е „Философическое письмо“ (объ архитектурѣ) и шесть небольшихъ выдержекъ-афоризмовъ, размѣромъ отъ 3 до 30 строкъ. Все это, включая сопроводительную записку, Надеждинъ и напечаталъ въ № 11 „Телескопа“ за 1832 годъ, подъ заглавіемъ: „Нѣчто изъ переписки NN (съ французскаго)“, и только послѣ этого, встрѣтившись съ Чаадаевымъ въ Англійскомъ клубѣ, узналъ отъ него, что онъ и есть авторъ напечатанныхъ отрывковъ [1]). По своей случайности и краткости они прошли, разумѣется, незамѣченными.

И вдругъ, послѣ столькихъ безплодныхъ стараній, безъ всякаго участія со стороны Чаадаева, появляется въ русскомъ журналѣ та часть его работы, которая имѣла всего меньше шансовъ пройти черезъ цензуру: въ 15-мъ нумерѣ того же „Телескопа“, вышедшемъ въ концѣ сентября 1836 года, было напечатано безъ имени автора первое „Философическое“ письмо,—единственное, гдѣ шла рѣчь о Россіи.

Извѣстно, при какихъ обстоятельствахъ появилось это письмо (переведенное на русскій яз. Н. Х. Кетчеромъ), и какую бурю оно вызвало и въ обществѣ, и въ правительственныхъ сферахъ. Починъ гоненія принадлежалъ, по всей видимости, министру народн. просвѣщ. Уварову [2]); но въ то время, какъ главное управленіе цензуры по его иниціативѣ высказалось лишь за прекращеніе „Телескопа“ съ 1-го января слѣдующаго года и за удаленіе цензора Болдырева, пропустившаго статью, царь лично измѣнилъ эту резолюцію въ томъ смыслѣ, чтобы журналъ запретить сейчасъ, отрѣшить отъ должности не только цензора Болдырева, который былъ ректоромъ московскаго университета, но и Надеждина, занимавшаго каѳедру въ этомъ университетѣ, и обоихъ вызвать въ Петербургъ къ отвѣту. При этомъ о самой статьѣ имп. Николай въ своей помѣткѣ выразился такъ: „Прочитавъ статью, нахожу, что содержаніе оной—смѣсь дерзостной без-

[1]) Показаніе Надеждина въ 1836 г., см. Лемке, „М. Бож.“, 1905, окт., стр. 126.

[2]) „Р. Стар.“ 1903, мартъ, стр. 582; утвержденіе г. Лемке, что дѣло было начато по доносу Строганова изъ Москвы, ни на чемъ не основано; сравн. запись въ дневникѣ Бодянскаго, „Р. Стар.“, 1889 г., окт., стр. 137.—Важнѣйшія данныя по дѣлу о запрещеніи „Телескопа“ см. въ „Р. Ст.“, 1903, мартъ, 580—584; М. К. Лемке въ „М. Бож.“, 1905, окт., 141 и сл.; ноябрь, 137 и сл.; „Р. Стар.“ 1903, III, 580 и сл.; „Р. Арх.“, 1884, № 4, стр. 457 и сл.; „Р. Стар.“, 1887, окт., 221; „Р. Стар.“, 1870, т. I, изд. 3, стр. 586—590; кромѣ того, въ біографіи Жихарева, въ письмахъ самого Чаадаева въ „В. Европы“ за 1891 г. и пр.

смыслицы, достойной умалишеннаго". Это случайно подвернувшееся слово показалось чрезвычайно удачнымъ, и 22-го октября Бенкендорфъ, будучи позванъ къ царю, получилъ приказаніе составить соотвѣтственное „отношеніе" къ московскому ген.-губ. кн. Голицыну. Проектъ, представленный въ тотъ же день, удостоился высочайшаго одобренія: государь собственноручно написалъ на немъ: „очень хорошо". Этотъ документъ, конечно, заслуживаетъ мѣста въ біографіи Чаадаева, какъ яркая черта эпохи: болѣе утонченнаго издѣвательства торжествующей физической силы надъ мыслью, надъ словомъ, надъ человѣческимъ достоинствомъ не видѣла даже Россія. „Въ послѣднемъ № 15 журнала „Телескопъ",—гласила бумага [1],—помѣщена статья подъ названіемъ Философическія Письма, коей сочинитель есть живущій въ Москвѣ г. Чеодаевъ. Статья сія, конечно уже вашему сіятельству извѣстная, возбудила въ жителяхъ московскихъ всеобщее удивленіе. Въ ней говорится о Россіи, о народѣ Русскомъ, его понятіяхъ, вѣрѣ и исторіи съ такимъ презрѣніемъ, что непонятно даже, какимъ образомъ Русскій могъ унизить себя до такой степени, чтобъ нѣчто подобное написать. Но жители древней нашей столицы, всегда отличающіеся чистымъ здравымъ смысломъ и будучи преисполнены чувствомъ достоинства Русскаго народа, тотчасъ постигли, что подобная статья не могла быть писана соотечественникомъ ихъ, сохранившимъ полный свой разсудокъ, и потому, какъ дошли сюда слухи, не только не обратили своего негодованія противъ г. Чеодаева, но напротивъ изъявляютъ искреннее сожалѣніе свое о постигшемъ его разстройствѣ ума, которое одно могло быть причиною написанія подобныхъ нелѣпостей. Здѣсь получены свѣдѣнія, что чувство сострадания о несчастномъ положеніи г. Чеодаева единодушно раздѣляется всею московскою публикою. Вслѣдствіе сего государю императору угодно, чтобы ваше сіятельство, по долгу званія вашего, приняли надлежащія мѣры къ оказанію г. Чеодаеву возможныхъ попеченій и медицинскихъ пособій. Его Величество повелѣваетъ, дабы вы поручили лѣченіе его искусному медику, вмѣнивъ сему послѣднему въ обязанность непремѣнно каждое утро посѣщать г. Чеодаева, и чтобъ сдѣлано было распоряженіе, дабы г. Чеодаевъ не подвергалъ себя вредному вліянію нынѣшняго сырого и холоднаго воздуха, однимъ словомъ, чтобъ были употреблены всѣ средства къ возстановленію его здоровья".

Какъ извѣстно, „Телескопъ" былъ тотчасъ запрещенъ, На-

---

[1]) „Р. Арх.", 1885, № 1, стр. 132.

деждинъ сосланъ въ Усть-Сысольскъ, Болдыревъ отставленъ отъ должности, журналамъ и газетамъ приказано не упоминать о Чаадаевской статьѣ. У самого Чаадаева былъ сдѣланъ обыскъ и взяты для отправки въ III-е отдѣленіе всѣ его бумаги, а 1-го ноября онъ былъ приглашенъ къ оберъ-полицеймейстеру для объявленія ему царскаго приказа о признаніи его умалишеннымъ. Чаадаевъ сначала, повидимому, растерялся и обнаружилъ большое малодушіе: бросился къ Строганову, потомъ еще написалъ ему, написалъ послѣ допроса и оберъ-полицеймейстеру, самъ послѣ обыска доставилъ ему двѣ свои рукописи, бывшія въ день обыска внѣ его квартиры,—и все это съ цѣлью доказать властямъ, „сколь мало онъ раздѣляетъ мнѣніе нынѣ бредствующихъ умствователей“. Но кару онъ встрѣтилъ съ достоинствомъ и, имѣя обширныя связи въ Петербургѣ, не пытался пустить ихъ въ ходъ [1]). Медико-полицейскій надзоръ за нимъ выражался въ запрещеніи выѣзжать, въ ежедневныхъ посѣщеніяхъ полицейскаго лекаря и обычномъ надзорѣ полиціи, причемъ Чаадаевъ могъ совершать прогулки и принимать у себя кого угодно. Ежедневные визиты врача, однако, скоро прекратились, а годъ спустя (въ октябрѣ 1837 г.), медико-полицейскій надзоръ и вовсе былъ снятъ съ Чаадаева, подъ условіемъ „не смѣть ничего писать“, т.-е. печатать [2]).

V.

Статья Чаадаева вызвала, какъ извѣстно, большой шумъ въ обществѣ. „Ужасная суматоха“, „такой трезвонъ, что ужасъ“, „остервенѣніе“, „большіе толки“: такими словами опредѣляютъ современники произведенное ею впечатлѣніе. Послѣдовавшій вскорѣ разгромъ „Телескопа“ особенно обострилъ интересъ къ преступной статьѣ; она распространилась во множествѣ рукописныхъ копій и, какъ показываетъ примѣръ Герцена, проникла даже въ глухіе провинціальные углы. Больше всего толковъ и споровъ было, конечно, въ московскихъ салонахъ, въ кругу ближайшихъ друзей Чаадаева. 26-го октября А. И. Тургеневъ писалъ изъ Москвы Вяземскому: „Ежедневно, съ утра до шумнаго вечера (который проводятъ у меня въ сильномъ и громогласномъ спорѣ Чаадаевъ, Орловъ, Свербеевъ, Павловъ и прочіе), оглашаемъ я преніями собственными и сообщаемыми изъ другихъ салоновъ

[1]) См. письма Ч. въ „В. Европы“, 1871 и 74 гг.; Жихаревъ въ „В. Европы“ 1871, сент., стр. 36; „Ост. Арх.“, III, 343, 345, 349, 354, 359.

[2]) „М. Бож.“, 1905 г., дек., стр. 94.

объ этой филиппикѣ" [1]); Баратынскій и Хомяковъ собирались печатно полемизировать съ Чаадаевымъ, и онъ самъ, вѣроятно, въ шутку хотѣлъ отвѣчать себѣ языкомъ и мнѣніями М. Ѳ. Орлова. Немногіе, какъ Герценъ и его вятскіе друзья, горячо рукоплескали Чаадаеву, но огромное большинство голосовъ было противъ него: „на автора возстало все и всѣ съ небывалымъ до того ожесточеніемъ", разсказываетъ современникъ; самъ Чаадаевъ свидѣтельствуетъ о томъ, что еще до кары нѣкоторые члены московскаго общества высказывались за высылку его изъ столицы, а его пріятель Тургеневъ по поводу этой кары писалъ Вяземскому: „Но чего же опасаться, если всѣ, особливо пріятели его, такъ сильно возстали на него?" [2])

За что̀ же рукоплескали одни, и за что̀ негодовали другіе?

Въ религіозно-исторической доктринѣ „Философическихъ писемъ" сужденіе Чаадаева о Россіи не играетъ никакой существенной роли: оно представляетъ собою лишь выводъ изъ его религіозно-философскаго догмата,—выводъ, который по существу стоитъ и падаетъ съ этимъ основнымъ положеніемъ. Этого не понялъ почти никто; почти никто не замѣтилъ его тезиса,—всѣмъ одинаково, и рукоплескавшимъ, и остервенившимся, бросился въ глаза только выводъ, касавшійся Россіи, и всѣ, не задумываясь, придали ему абсолютный смыслъ. Россія—пробѣлъ разумѣнія, наше настоящее ничтожно, прошедшаго у насъ совсѣмъ нѣтъ, намъ чужды руководящія идеи долга, порядка и права, мы равнодушны къ добру и истинѣ, намъ нужно переначать для себя воспитаніе рода человѣческаго, и т. п., и т. п.: вотъ все, что̀ вычитали въ Чаадаевской статьѣ ея читатели, и за это порицаніе Россіи одни привѣтствовали, другіе осуждали автора.

Молодой Герценъ, политическій ссыльный, рукоплескалъ потому, что услышалъ въ письмѣ Чаадаева „безжалостный крикъ боли и упрека Петровской Россіи", „мрачный обвинительный актъ противъ Россіи, протестъ личности, которая за все вынесенное хочетъ высказать часть накопившагося на сердцѣ" [3]). Очевидно, настроеніе автора совпало съ настроеніемъ читателя, и читатель даже не заподозрилъ, что настроеніе автора обусловлено совсѣмъ иными причинами, нежели его собственное. Герценъ говоритъ: „Это былъ выстрѣлъ, раздавшійся въ темную

---

[1]) „Ост. Арх.", III, стр. 337.

[2]) „Записки" Д. Н. Свербеева, II, 395; „В. Европы", 1874, іюль, стр. 84; „Ост. Арх.", III, 354.

[3]) Соч. Герцена, 1905, т. II, стр. 403. Сравн. его же „Du développ. des idées révolut. en Russie", Paris, 1851, стр. 109—110.

ночь"; да, но Герценъ, не справившись, кто и въ кого стрѣляетъ, мгновенно рѣшилъ, что это—союзникъ, и что выстрѣлъ направленъ противъ общаго врага. А общаго только и было, что настроеніе: боль и упрекъ.

Напротивъ, Вигель пришелъ въ негодованіе и поспѣшилъ съ доносомъ потому, что „многочисленнѣйшій народъ въ мірѣ, въ теченіе вѣковъ существовавшій, препрославленный, къ коему, по увѣренію автора статьи, онъ самъ принадлежитъ, поруганъ имъ, униженъ до невѣроятности" [1]); другой сикофантъ, Татищевъ, былъ возмущенъ статьею потому, что и подъ прикрытіемъ проповѣди въ пользу папизма авторъ излилъ на свое собственное отечество такую ужасную ненависть, что она могла быть внушена ему только адскими силами" [2]); наконецъ, Вяземскій, умный Вяземскій, съ непринужденностью свѣтскаго человѣка и царедворца какъ разъ въ это время сочинялъ доносъ (который Пушкинъ снабдилъ глубоко-печальными примѣчаніями), гдѣ писалъ: „Письмо Чаадаева не что иное, въ сущности своей, какъ отрицаніе той Россіи, которую съ подлинника списалъ Карамзинъ" (т.-е. основанной на трехъ Уваровскихъ началахъ) [3]).

Словомъ, и поклонники, и хулители вырвали изъ контекста средній членъ: „Россія, какъ она есть, равна нулю", отбросивъ все остальное; съ какой точки зрѣнія авторъ призналъ ее равной нулю, это никого не интересовало: утвержденію придали безусловный характеръ, или, вѣрнѣе, его наполнили обычнымъ публицистическимъ содержаніемъ. Современники окарнали мысль Чаадаева и грубо вульгаризировали ту часть ея, которая одна оказалась имъ по плечу.

Понялъ вполнѣ, повидимому, только одинъ человѣкъ: это былъ,

---

[1]) Доносъ Ф. Ф. Вигеля—„Русск. Стар.", 1870 г., т. I, изд., 3-е, стр. 586.

[2]) М. К. Лемке, ibid., стр. 145.

[3]) „Проектъ письма къ мин. нар. просв. гр. С. С. Уварову съ замѣтками А. С. Пушкина", Полн. собр. соч. кн. П. А. Вяземскаго, 1879 г., т. II, стр. 211 и дал. Тотъ же Вяземскій, въ частномъ письмѣ къ А. Тургеневу о „Философ. письмѣ", 28 окт. 1836 г., писалъ, что видитъ тутъ со стороны Чаадаева только „непомѣрное самолюбіе", раздраженную жажду театральной эффектности и большую неясность, зыбкость и туманность въ понятіяхъ". „Что за глупость пророчествовать о прошедшемъ!.. И думать, что народъ скажетъ за это спасибо, за то, что выводятъ по старымъ счетамъ изъ него не то что ложное число, а просто нуль! Такого рода парадоксы хороши у камина для оживленія разговора, но далѣе пускать ихъ нельзя, особенно же у насъ, гдѣ умы не приготовлены и не обдержаны преніями противоположныхъ мнѣній". На это Тургеневъ отвѣчаетъ: „Я совершенно согласенъ съ тобою во мнѣніи о Чаадаевѣ",—и разсказываетъ, что, прочитавъ письмо въ „Телескопѣ", при первомъ свиданіи такъ сильно напалъ на Чаадаева „за суетность авторскаго самолюбія", что они едва не поссорились („Остаф. Арх.", III, 341, 345).

какъ и слѣдовало ожидать, Пушкинъ. Если бы изъ всего, созданнаго Пушкинымъ, до насъ дошло только письмо, написанное имъ по полученіи отъ Чаадаева оттиска статьи изъ „Телескопа“,— этихъ трехъ страницъ было бы достаточно, чтобы мы признали его замѣчательнѣйшимъ человѣкомъ тогдашней Россіи: такъ много въ нихъ ума, такъ высоко и пламенно дышащее въ нихъ чувство. Онъ сразу уловилъ самую сердцевину ученія Чаадаева—идею имманентнаго дѣйствія духа Божія въ исторіи человѣчества—и возражаетъ ему, становясь на его собственную точку зрѣнія. Наша обособленность отъ Европы, вызванная религіозными причинами, не была,—говоритъ онъ,—несчастной исторической случайностью; но у насъ было особенное призваніе, которое только подъ этимъ условіемъ и могло осуществиться: Россіи было предназначено спасти христіанскую цивилизацію отъ татарскаго разгрома,—вотъ почему она *должна была* по волѣ Провидѣнія, исповѣдуя христіанство, жить отдѣльно отъ христіанскаго міра, „чтобы наше мученичество ни на минуту не нарушило энергическаго развитія католической Европы“. Какова бы ни была фактическая цѣнность этого довода, во всякомъ случаѣ, онъ билъ прямо въ цѣль. Такъ же мѣтки дальнѣйшія, частныя возраженія Пушкина касательно Византіи и ея вліянія на русскую церковь и касательно нашего историческаго ничтожества. Во всемъ, что относится къ характеристикѣ современнаго русскаго общества, онъ вполнѣ соглашается съ Чаадаевымъ, и эти строки поразительны по страстной горечи и силѣ языка; но этотъ пунктъ, какъ и слѣдовало, занимаетъ въ его отвѣтѣ лишь частное мѣсто, не застилая основной, несравненно болѣе широкой темы спора [1]).

VI.

Чаадаевъ, несомнѣнно, былъ вполнѣ правъ, утверждая позднѣе, что напечатаніе его письма въ „Телескопѣ“ было для него самого неожиданностью: Надеждинъ, раздобывъ гдѣ-то копію письма,

---

[1]) Соч. А. С. Пушкина, изд. подъ ред. П. А. Ефремова, 1903, т. VII, стр. 662—664 (сравн. чрезвычайно любопытный черновой набросокъ, ibid., стр. 664—5). Письмо писано 19 октября, и не было отправлено по назначенію, какъ думаютъ, потому, что Пушкинъ тѣмъ временемъ узналъ о карѣ, постигшей Чаадаева; на послѣдней страницѣ своего письма Пушкинъ написалъ шотландскую пословицу: „Воронъ ворону глаза не выклюетъ“. Объ исторіи этого письма см. „Русск. Арх.“, 1884, № 4, стр. 453, „Русск. Стар.“, 1903 г., октябрь, стр. 185—6; А. Н. Веселовскій, В. А. Жуковскій, СПб., 1904 г., стр. 395 и прим.

обратился къ нему за дозволеніемъ печатать только тогда, когда статья была уже разрѣшена цензоромъ и даже набрана, и онъ далъ согласіе—„увидя въ самой чрезвычайности этого случая какъ бы намекъ Провидѣнія“ [1]). И дѣйствительно, было бы болѣе чѣмъ странно, если бы онъ самъ вздумалъ напечатать это письмо; во-первыхъ, оно было писано не для публики и въ отдѣльности не имѣло смысла; во-вторыхъ—теперь, въ 1836 году, онъ на многое смотрѣлъ иначе, нежели шесть лѣтъ назадъ, когда оно писалось, особенно какъ разъ на тотъ предметъ, который былъ главной темою этого письма,—на характеръ и назначеніе Россіи. Эту перемѣну въ своихъ взглядахъ онъ самъ открыто удостовѣрилъ въ письмѣ къ гр. Строганову, писанномъ тотчасъ послѣ кары; да и со стороны она была настолько ясна, что, напримѣръ, А. И. Тургеневъ немало удивился, увидѣвъ въ „Телескопѣ“ Чаадаевскую статью,—потому что Чаадаевъ-де „уже давно *своихъ* мнѣній самъ не имѣетъ—и измѣнилъ ихъ существенно“ [2]). Мы теперь, имѣя въ рукахъ цѣлый рядъ писемъ Чаадаева за промежуточные годы, безъ труда можемъ возстановить ходъ развитія его мысли, приведшій къ этой перемѣнѣ.

Изъ этихъ писемъ прежде всего съ полной очевидностью явствуетъ, что апріорныя и историко-философскія убѣжденія Чаадаева остались неизмѣнными, какъ и вообще періодъ идейнаго творчества окончательно завершился для него къ тому моменту, когда онъ вернулся въ общество. Перемѣна коснулась (если не считать мелкихъ поправокъ) только частнаго пункта, какимъ былъ его прикладной выводъ относительно Россіи.

Когда въ „Философическихъ письмахъ“ Чаадаевъ утверждалъ, что исторія Россіи, стоявшей внѣ обще-христіанскаго единства, сдѣлалась вслѣдствіе этого какой-то чудовищной аномаліей и сама Россія представляетъ собою въ настоящую минуту unicum среди европейскихъ народовъ, то при тогдашнемъ его настроеніи это установленіе факта естественно приняло судебный характеръ, т.-е. превратилось въ осужденіе прошлаго Россіи и обличеніе ея настоящаго. Но при болѣе спокойномъ отношеніи къ дѣлу этотъ самый фактъ могъ быть истолкованъ и иначе: онъ допу-

---

[1]) „Вѣстн. Европы“, 1871 г., ноябрь, стр. 326. Сравн. противоположное показаніе Надеждина, сдѣланное на допросѣ („Міръ Божій“, 1905 г., ноябрь, стр. 138—139); оно не заслуживаетъ никакого довѣрія какъ по общему своему характеру, такъ и по сравненію съ показаніемъ Чаадаева въ нѣсколькихъ *частныхъ* письмахъ (къ брату и т. п.).

[2]) „Остаф. Арх.“, III, 354. Письмо къ гр. Строганову въ „Вѣстн. Европы“, 1874 г., іюль, стр. 85—86.

скалъ чисто-объективную оцѣнку, и телеологическая точка зрѣнія, на которой стоялъ Чаадаевъ, какъ разъ этого требовала. Мы видѣли, что именно такъ поступилъ Пушкинъ; естественно было сказать себѣ, что тысячелѣтняя исторія огромнаго народа не можетъ быть сплошной ошибкою, что, напротивъ, въ своеобразіи его судьбы—разгадка и залогъ его исключительнаго предназначенія. Характерно, что въ знаменитомъ „Философическомъ письмѣ" Чаадаевъ едва касается вопроса о будущемъ Россіи, поглощенный живописаніемъ ея прошлаго и настоящаго, тогда какъ его письма 30-хъ годовъ наполнены разсужденіями о будущности русскаго народа. Тогда угрюмый отшельникъ, выброшенный изъ жизни, онъ являлся судьею-обвинителемъ своей родины, а судить можно только прошлое и настоящее; теперь, успокоившись и вернувшись въ дѣйствительность, онъ почувствовалъ себя гражданиномъ, и его мысль направилась впередъ, на будущее. Если, такимъ образомъ, источникъ перемѣны, происшедшей во взглядахъ Чаадаева, былъ не столько логическаго, сколько психологическаго свойства, то, съ другой стороны, очень вѣроятно, какъ думаетъ П. Н. Милюковъ [1]), что содержаніе его новой мысли было до извѣстной степени опредѣлено тѣмъ умственнымъ теченіемъ, которое онъ встрѣтилъ по вступленіи въ московское общество. Не то чтобы на него оказалъ прямое вліяніе „московскій шеллингизмъ", но онъ попалъ здѣсь въ атмосферу, насыщенную историко-философскими идеями особаго рода: здѣсь съ живымъ увлеченіемъ дебатировались вопросы о всемірно-исторической роли народовъ, о провиденціальной миссіи, о понятіи національности и пр., и эти категоріи мышленія, нечуждыя ему и до сихъ поръ, но затмеваемыя его религіозно-исторической концепціей, не могли не отразиться на дальнѣйшемъ развитіи его ученія.

Новая мысль Чаадаева созрѣла не сразу, и, по счастью, мы можемъ прослѣдить ея послѣдовательные этапы. Первый изъ нихъ закрѣпленъ въ книгѣ, написанной не Чаадаевымъ. Въ 1833 году (цензурная помѣта—24 марта) вышло въ Москвѣ вторымъ, совершенно переработаннымъ изданіемъ сочиненіе д-ра Ястребцова: „О системѣ наукъ, приличныхъ въ наше время дѣтямъ, — назначаемыхъ къ образованнѣйшему классу общества". Въ этой книгѣ страницы, посвященныя характеристикѣ Россіи, представляютъ собою изложеніе мыслей Чаадаева, какъ о томъ добросовѣстно заявляетъ самъ авторъ. Когда позднѣе надъ Чаадаевымъ разразилась гроза изъ-за „Философическаго письма",

---

1) „Главныя теченія русск. ист. мысли", стр. 386 и сл.

онъ, чтобы оправдать себя, послалъ Строганову книгу Ястребцова, прося его прочитать „эти страницы, писанныя подъ мою диктовку, въ которыхъ мои мысли о будущности моего отечества изложены въ выраженіяхъ довольно опредѣленныхъ, хотя неполныхъ“ [1]).

Эти страницы, внушенныя Чаадаевымъ, представляютъ собою развитіе и обоснованіе тезиса, что „Россія способна къ великой силѣ просвѣщенія“. Исходная точка — та же, что и въ „Философическомъ письмѣ“, именно указаніе на полную историческую изолированность Россіи; но эта изолированность, служившая тамъ главной уликой противъ Россіи, теперь освѣщается совершенно иначе: она оказывается вѣрнѣйшимъ залогомъ грядущаго совершенствованія нашей родины.

Этотъ выводъ основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ. Культура, представляя собою плодъ коллективной работы всѣхъ предшествующихъ поколѣній, даромъ достается каждому новому пришельцу. Поэтому счастливъ народъ, родившійся поздно: онъ наслѣдуетъ всѣ сокровища, накопленныя человѣчествомъ; онъ безъ труда и страданій пріобрѣтаетъ средства матеріальнаго благосостоянія, средства умственнаго и даже нравственнаго развитія, добытыя цѣною безчисленныхъ ошибокъ и жертвъ, и даже самыя заблужденія прошедшихъ временъ могутъ служить ему полезными уроками. Таково положеніе Россіи: она во многихъ отношеніяхъ молода по сравненію со старой Европой и, подобно Сѣверной Америкѣ можетъ даромъ наслѣдовать богатства европейской культуры. Притомъ, молодость—возрастъ, наиболѣе благопріятствующій и усвоенію навыковъ и знаній, и быстрому развитію собственнаго духа,—такъ сказать, пластическій, по преимуществу.

Но въ наслѣдствѣ, которое досталось Россіи, истина смѣшана съ заблужденіемъ. Его нельзя принять безъ разбора; необходимо отдѣлить плевелы отъ истиннаго добра и воспользоваться только послѣднимъ. И здѣсь-то главное основаніе нашей патріотической надежды: великая выгода Россіи не только въ томъ, что она можетъ присвоить себѣ плоды чужихъ трудовъ, а въ томъ, что она можетъ заимствовать съ полной свободой выбора, что ничто не мѣшаетъ ей, принявъ доброе, отвергнуть

[1]) Письмо къ гр. Строганову отъ 8 ноября 1836 г., „Вѣстн. Европы“, 1874 г., іюль, стр. 85. Сравн. также въ письмѣ къ И. Д. Якушкину, ibid., 89. То же писалъ А. И. Тургеневъ Вяземскому, конечно со словъ Чаадаева: „Онъ (Чаадаевъ) писалъ третьяго дня къ графу Строганову и послалъ ему книгу Ястребцова, гдѣ о немъ и почти его словами говорится... и все въ пользу Россіи и въ надеждѣ ея быстраго усовершенствованія“ („Остаф. Арх.“, III, 359).

дурное. Народы съ богатымъ прошлымъ лишены этой свободы, ибо прошедшая жизнь народа глубоко вліяетъ на его настоящую жизнь. Пережитыя событія, страсти и мнѣнія образуютъ въ душѣ народа могучія пристрастія или наклонности, налагающія печать на все его существованіе, создающія въ немъ, такъ сказать, психическую атмосферу, изъ которой онъ не можетъ вырваться даже тогда, когда чувствуетъ ея вредъ. Эти „предубѣжденія“ дѣйствуютъ помимо сознанія, входятъ въ самое существо человѣка, отравляютъ кровь,—и даже умы наиболѣе сильные и независимые, несмотря на всѣ свои старанія, не могутъ совершенно избѣгнуть дѣйствія этой отравы. Разумѣется, преданіе имѣетъ и другую сторону: оно является, вмѣстѣ съ тѣмъ, могущественнымъ орудіемъ культурнаго развитія. Но оно равно служитъ и добру, и злу, и въ послѣднемъ случаѣ его вліяніе чрезвычайно вредно.

Россія свободна отъ пристрастій, потому что прошлое какъ бы не существуетъ для нея; живыхъ преданій у нея почти нѣтъ, а мертвыя преданія безсильны: „Какъ сердце отрока, не измученное еще и не воспитанное ни любовью, ни ненавистью, но къ той и другой готовое, она расположена ко всѣмъ впечатлѣніямъ. Разсудокъ ея не увлекается постороннею силою и имѣетъ, слѣдовательно, полную свободу принять одно полезное и отбросить все вредное. На все, свершившееся до нея и свершающееся передъ нею, она смотритъ еще безпристрастными, хладнокровными глазами, и можетъ устроить участь свою обдуманно,— въ чемъ и состоитъ назначеніе и торжество ума“.

Такова новая мысль Чаадаева. Очевидно, неизмѣннымъ осталось не только его представленіе о прошломъ Россіи, но и его представленіе объ ея будущемъ, увѣренность въ томъ, что ей предстоитъ пережить — можетъ быть, только въ болѣе стройной формѣ — все развитіе христіанскаго, т. е. западно-европейскаго міра. Новаго въ этой его новой мысли — только ея оптимистическая окраска, заставляющая его находить въ прошломъ опору для надежды на будущее; но отсюда возникаетъ новый взглядъ на настоящее состояніе Россіи: ея психическая необремененность выставляется какъ ея главная отличительная черта и важное преимущество.

Дальнѣйшій шагъ напрашивался теперь самъ собою. Чѣмъ болѣе Чаадаевъ вдумывался въ эту вновь открытую имъ особенность русскаго духа, тѣмъ неизбѣжнѣе было для него, по свойствамъ его мышленія, видѣть въ ней не просто эмпирическій продуктъ стихійныхъ историческихъ силъ, а нѣчто провиденці-

альное; и чѣмъ болѣе онъ убѣждался въ томъ, что эта необремененность—дѣйствительно, самая разительная черта нашей соціальной физіономіи, тѣмъ полнѣе должна была созрѣвать въ немъ увѣренность, что Россія — не чета западно-европейскимъ странамъ, что ей предначертана совершенно исключительная миссія, о чемъ-де ясно свидѣтельствуетъ исключительность ея развитія. Само собою разумѣется, что свое представленіе объ этой миссіи Чаадаевъ долженъ былъ почерпнуть изъ своей общей историко-философской концепціи; а назначеніемъ человѣчества онъ считалъ осуществленіе христіанскаго мистическаго идеала, или водвореніе на землѣ царствія Божія.

Такъ рисуется намъ мысль Чаадаева въ его письмахъ 1835—37 гг. [1]). Онъ исходитъ изъ стараго своего тезиса о прошломъ Россіи. Онъ повторяетъ, что въ то время, какъ вся исторія западно-европейскихъ народовъ представляла собою осуществленіе и развитіе нѣкоей единой идеи, ввѣренной имъ съ самаго начала, и потому ихъ жизнь была полна движенія и смысла, богата творчествомъ и открытіями,—нашей исторіи чуждъ самый принципъ ихъ культуры, да чужда и вообще всякая руководящая идея, и потому наше прошлое безплодно и пустынно. Но теперь онъ видитъ въ этомъ различіи прямое проявленіе Божьей воли. Онъ говоритъ себѣ: недаромъ Провидѣніе ведетъ Россію особеннымъ путемъ; очевидно, Оно готовитъ русскій народъ къ иному служенію, нежели прочіе христіанскіе народы.

Отсюда съ логической необходимостью вытекаетъ рядъ чрезвычайно важныхъ послѣдствій. Прежде всего, разъ наша изолированность отъ остальныхъ европейскихъ націй есть не печальная историческая случайность или результатъ человѣческихъ ошибокъ, а органически входитъ въ планъ нашихъ судебъ, предначертанный Верховнымъ Разумомъ, то совершенно ясно, что всякая попытка съ нашей стороны ассимилироваться съ Европой, подражать ей или усвоивать ея цивилизацію, идетъ въ разрѣзъ съ нашимъ назначеніемъ—и потому нелѣпа и вредна. Напротивъ, нашъ долгъ—какъ можно глубже и яснѣе опредѣлить наше *я*, проникнуться сознаніемъ нашего національнаго своеобразія, честно и безъ иллюзій отдать себѣ отчетъ въ нашихъ достоинствахъ и недостаткахъ, словомъ—выйти изъ лжи и стать на почву истины. Только тогда мы сознательно и быстро дви-

---

[1]) См. особенно „Oeuvres choisies", стр. 172—184, и „Вѣстн. Европы" 1874, іюль, стр. 85—88.—Эти же мысли выражены уже въ цитированномъ выше письмѣ Чаадаева къ имп. Николаю отъ 1833 г., хотя возможно, что здѣсь національный элементъ выдвинутъ на первый планъ отчасти и въ угоду адрессату.

немся по предназначенному намъ пути. Спрашивается: какова же наша миссія, отличная отъ общей миссіи западныхъ христіанскихъ народовъ?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, Чаадаевъ выставляетъ три посылки. Изъ нихъ двѣ уже намъ знакомы. Первая — это указаніе на дѣвственность русскаго духа. Старое европейское общество несетъ на себѣ бремя всего своего прошлаго; былыя страсти и волненія оставили глубокіе слѣды въ его психикѣ, и донынѣ властвуютъ надъ нимъ въ видѣ пристрастій, предразсудковъ, косныхъ навыковъ, не дающихъ ему свободно слѣдовать внушеніямъ разума. Оттого его жизнь далеко отстаетъ позади его сознанія. Россія, напротивъ, чужда страстямъ, обуревающимъ тамъ умы, ея взглядъ не затуманенъ вѣковыми предразсудками и эгоизмами; русскій умъ безличенъ по существу, абсолютно свободенъ отъ предвзятости; онъ можетъ, слѣдовательно, спокойно и безпристрастно разобраться въ вопросахъ, болѣзненно задѣвающихъ душу западнаго человѣка.

Второе преимущество Россіи передъ западными народами заключается, какъ мы видѣли, въ томъ, что она родилась позже ихъ, и что, слѣдовательно, къ ея услугамъ весь ихъ опытъ и вся работа вѣковъ. Третьей же и главной посылкой является указаніе на особенный характеръ православія: въ Россіи,—говоритъ Чаадаевъ,—христіанство осталось чистымъ отъ соприкосновенія съ людскими страстями и земными интересами; здѣсь оно, подобно своему божественному основателю, только молилось и смирялось.

Эти три соображенія приводятъ Чаадаева къ мысли, что Россіи суждено раньше всѣхъ странъ на свѣтѣ провозгласить тѣ великія и святыя истины, которыя затѣмъ должна будетъ принять вся вселенная—послѣднія истины христіанства. Ея юный, непредубѣжденный умъ отвѣтитъ на всѣ вопросы, раздирающіе европейскій міръ, и рѣшитъ загадку всемірной исторіи; и это будетъ результатомъ не вѣковыхъ исканій, а одного могучаго порыва, который сразу вознесетъ ее на вершину, пока еще недосягаемую для европейскихъ народовъ. Настанетъ день, когда мы займемъ въ духовной жизни Европы такое же важное мѣсто, какое мы сейчасъ занимаемъ въ ея политической жизни, и въ той сферѣ наше вліяніе будетъ еще несравненно могущественнѣе, нежели въ этой. Таковъ будетъ естественный результатъ нашего долгаго уединенія, ибо все великое зрѣетъ въ одиночествѣ и молчаніи. Итакъ, Россія совершенно откалывается отъ Европы. Конечная цѣль остается у нихъ одна: это—осуществле-

ніе христіанскаго завѣта; но теперь Чаадаевъ уже не скажетъ (какъ говорилъ еще такъ недавно, въ книгѣ Ястребцова), что Европа показываетъ путь къ этой цѣли, и что Россіи остается только обдуманно слѣдовать ей. Нѣтъ, въ его доктринѣ явилось дѣйствительно новое звено. По смыслу „Философическихъ писемъ“, путь осуществленія христіанскаго идеала ведетъ черезъ раскрытіе всѣхъ матеріальныхъ потенцій, чрезъ проникновеніе духа въ отдаленнѣйшіе закоулки плотскаго бытія. Это и есть путь, которымъ идетъ Европа. Теперь Чаадаевъ какъ будто говоритъ: Россіи незачѣмъ продѣлывать для себя эту работу сначала; Европа исполнила уже значительную часть задачи, и Россія должна — и, благодаря своей свѣжей воспріимчивости, *можетъ* — просто взять готовый плодъ ея усилій; это дастъ намъ возможность, затѣмъ, съ такой быстротой приблизиться къ конечной цѣли, что мы далеко опередимъ исторически-прогрессивную Европу.

Теперь Чаадаевъ еще съ бо̀льшей доказательностью, чѣмъ раньше, настаиваетъ на важности яснаго національнаго самосознанія. Попытки зарождающагося славянофильства возсоздать по даннымъ исторіи русскій національный обликъ, повергаютъ его въ уныніе. Онъ видитъ тутъ двойную опасность: эта узкая патріотическая идея не только противорѣчитъ общехристіанскому идеалу слiянія народовъ, но и въ корнѣ искажаетъ понятіе нашей миссіи. Залогъ нашего будущаго—не въ нашемъ прошломъ, которое безжизненно и пустынно, а въ современной нашей позиціи по отношенію къ окружающему насъ міру. Національный эгоизмъ намъ не присталъ—для этого Россія слишкомъ могущественна. Она призвана вести общечеловѣческую политику; слава Александру I, понявшему это! Россіи, разъ она сознала свое призваніе, надлежитъ брать на себя починъ всѣхъ благородныхъ идей, потому что она свободна отъ страстей, предразсудковъ и корыстей Европы. Намъ надо понять, что Провидѣніе поставило насъ внѣ игры національныхъ интересовъ и ввѣрило намъ интересы всего человѣчества, что къ этому фокусу должны сходиться и изъ него исходить всѣ наши идеи въ практической жизни, въ наукѣ и искусствѣ, что мы—чудо въ этомъ мірѣ, лишенное тѣсной связи съ его прошлымъ и сейчасъ стоящее въ немъ особнякомъ; наконецъ, что въ этой задачѣ—вся наша будущность, и что если мы не признаемъ своей миссіи, если будемъ ее игнорировать, то обречемъ себя на уродливое и безсмысленное существованіе.

Письмо къ А. И. Тургеневу, гдѣ высказаны изложенныя сей-

часъ мысли Чаадаева, кончается тѣмъ же молитвеннымъ возгласомъ, который стоитъ въ эпиграфѣ его знаменитаго (перваго) „Философическаго письма“: „Adveniat regnum tuum! Да пріидетъ царствіе Твое!“ Его вѣра осталась та же, измѣнился только его взглядъ на роль Россіи въ осуществленіи царствія Божія.

Мы видѣли, какъ послѣдовательно развивалась его мысль о Россіи: „Философическое письмо“ писано въ 1829 году, книга Ястребцова—въ 1832-мъ, письмо къ Тургеневу—въ 1835-мъ. Послѣднимъ его этапомъ на этомъ пути является „Апологія сумасшедшаго“, написанная, безъ сомнѣнія, въ 1837 году.

Эта блестящая по формѣ „Апологія“ осталась неоконченной, вѣрнѣе—едва начатой; по крайней мѣрѣ, то, что дошло до насъ, представляетъ не что иное, какъ предисловіе pro domo sua, за которымъ, судя по его заключительнымъ строкамъ, должно было слѣдовать систематическое разсужденіе по существу. „Апологія“ писана, какъ показываетъ самое ея заглавіе, тотчасъ послѣ объявленія Чаадаева сумасшедшимъ; онъ преслѣдовалъ здѣсь двойственную задачу: оправдаться предъ высшей властью—и разбить своихъ теоретическихъ противниковъ. Случайность обѣихъ этихъ цѣлей—виною въ томъ, что „Апологія“ по содержанію устарѣла гораздо больше „Философическихъ писемъ“. Здѣсь много полемики противъ взглядовъ, теперь уже давно забытыхъ, много детальныхъ поправокъ къ письму, напечатанному въ „Телескопѣ“, много мѣстъ—какъ замѣтилъ уже А. Н. Пыпинъ,—написанныхъ въ намѣренно-охранительномъ тонѣ; основныя же идеи Чаадаева о Россіи выступаютъ лишь попутно и, разумѣется, безъ всякой послѣдовательности. Все это течетъ въ непринужденномъ монологѣ однимъ плавнымъ потокомъ; но мы не будемъ излагать „Апологію“ въ цѣломъ, предпочитая для ознакомленія съ нею отослать читателя къ ея подлинному тексту. Насъ занимаетъ здѣсь только ея положительная историко-философская часть: разсѣянныя въ ней мысли Чаадаева о Россіи.

Въ общемъ онѣ не измѣнились по сравненію съ письмомъ къ Тургеневу 1835 года. На первомъ планѣ—тѣ же три тезиса: 1) прошлое Россіи равно нулю; 2) въ настоящемъ у нея два громадныхъ преимущества предъ западной Европой: незасоренность психики и возможность использовать опытъ старшихъ братьевъ; 3) въ будущемъ ея призваніе—указать остальнымъ народамъ путь къ разрѣшенію высшихъ вопросовъ бытія. Условія для осуществленія этой миссіи—ясно сознать исключительность своего призванія и въ полной мѣрѣ усвоить умственное богатство Запада. Только вполнѣ отрѣшившись отъ нашего прошлаго

и воспринявъ своимъ свѣжимъ разумомъ послѣднее слово западной цивилизаціи, мы можемъ достигнуть предуказанной намъ цѣли. Итакъ, намъ, по мысли Чаадаева, грозятъ двѣ великія опасности: одна—если мы пойдемъ не своимъ особымъ, еще невиданнымъ путемъ, этой горной тропинкой народа, не имѣющаго исторіи, а захотимъ идти торной дорогой западныхъ народовъ; они правы, когда выводятъ каждый свою идею изъ своего прошлаго, но насъ, чья исторія—пустое мѣсто, этотъ путь можетъ привести лишь къ фикціямъ и самообману; другая опасность—если мы будемъ игнорировать западный опытъ, ибо этимъ мы лишаемъ себя драгоцѣннаго подспорья.

Мысль Чаадаева, оставаясь въ существѣ тою же, достигла, очевидно, гораздо бо̀льшей опредѣленности. Центральное мѣсто въ ней занялъ вопросъ объ отношеніи Россіи къ западной Европѣ. Чаадаевъ строго-логически вывелъ изъ своихъ посылокъ такой отвѣтъ: жить на свой манеръ, не подражая Европѣ, но непрерывно пользуясь плодами ея долгаго опыта, какъ научилъ насъ Петръ Великій; иными словами—твердое сознаніе нашей національной самобытности и тѣсное культурное общеніе съ западными народами. Съ этой точки зрѣнія Петровская реформа получала новый, неожиданный смыслъ: Петръ, именно, понялъ, что путь нормальнаго, *историческаго* развитія, какимъ шли западные народы,—не нашъ путь; онъ и отрѣзалъ Россію отъ ея прошлаго, прививъ ей западную образованность, не для того, чтобы она стала похожа на Западъ, а какъ-разъ съ обратной цѣлью,—чтобы она, наконецъ, начала жить своей особой, не-исторической жизнью; такъ что не обезличить насъ могла его реформа, не стереть нашу національную идею, а именно только открыть ей путь къ осуществленію.

VII.

Этимъ убѣжденіямъ Чаадаевъ остался вѣренъ уже до конца своей жизни. Десять лѣтъ спустя послѣ того, какъ была написана „Апологія“, въ 1847 году, онъ формулировалъ ихъ совершенно такъ же, безъ малѣйшихъ измѣненій. „Пути наши,—писалъ онъ Вяземскому,—не тѣ, по которымъ странствуютъ прочіе народы; въ свое время мы, конечно, достигнемъ всего благого, изъ чего бьется родъ человѣческій, а можетъ быть, руководимые святою вѣрою нашею, и первые узримъ цѣль, Богомъ ему предназначенную; но по сію пору мы еще столь мало содѣйствовали къ общему дѣлу человѣческому, смыслъ значенія

нашего въ мірѣ еще такъ глубоко таится въ сокровеніяхъ Провидѣнія, что безумно было бы намъ величаться предъ старшими братьями нашими. Они не лучше насъ, но они опытнѣе насъ" [1]).

Въ эти годы на глазахъ Чаадаева складывалось и формулировалось славянофильство. Исходя изъ иныхъ основъ, оно выставило тѣ же два положенія—о полномъ своеобразіи русскаго народа и о его провиденціальной роли; но это совпаденіе между обѣими доктринами осталось совершенно формальнымъ. Ученіе Чаадаева съ ученіемъ славянофиловъ роднитъ не эта внѣшняя черта сходства, а тотъ общій имъ обоимъ духъ, которымъ, между прочимъ, было обусловлено и это совпаденіе: общность навѣяннаго съ Запада умозрительнаго направленія, тождество философско-историческихъ категорій, опредѣлявшихъ самую постановку вопросовъ (всемірно-историческая точка зрѣнія, *идея* націи и пр.). И точно такъ же ни въ одномъ изъ частныхъ, хотя бы принципіальныхъ разногласій между Чаадаевымъ и славянофильствомъ нельзя видѣть корень спора: онъ глубже ихъ и всѣ ихъ обусловливаетъ.

Мы видѣли: сужденіе Чаадаева о Россіи—послѣднее звено строго-логической цѣпи, прикладной выводъ изъ общаго принципа. Въ 1847 году, какъ и въ 1829-мъ, это сужденіе во всѣхъ своихъ частяхъ обусловливалось основной религіозно-исторической точкой зрѣнія Чаадаева; это былъ первый силлогизмъ, гдѣ первая, общая посылка опредѣляла религіозную идею человѣчества; вторая, частная, устанавливала фактическое состояніе Россіи въ прошломъ и настоящемъ по отношенію къ той идеѣ, и гдѣ, наконецъ, умозаключеніе опредѣляло шансы и условія служенія Россіи той же идеѣ въ будущемъ. Онъ въ 1829 году проклиналъ Россію за то, что она никогда не жила религіозной жизнью, и въ 1837-мъ благословлялъ, потому что сталъ видѣть въ ней благодатную, нетронутую почву для Христовой жатвы; ея прошлое казалось ему безотрадной пустыней, потому что оно не было одухотворено постепеннымъ раскрытіемъ религіозной идеи, и въ этой же пустынности прошлаго онъ видѣлъ ея преимущество опять-таки ради интересовъ религіи; и т. д., и т. д.

Какъ извѣстно, тотъ же фундаментъ подвели подъ свою систему и славянофилы—правда, довольно поздно, только въ концѣ 40-хъ годовъ: православіе, какъ истинная вѣра, должно было оправдывать ихъ поклоненіе русскому народу, какъ носителю этой вѣры, и Хомяковъ оперировалъ умозаключеніемъ, аналогич-

[1]) „Вѣстн. Европы" 1871, ноябрь, стр. 339.

нымъ Чаадаевскому, — что если вѣра, вложенная промысломъ Божьимъ въ русскій народъ, одна только вмѣщаетъ въ себѣ всю полноту истины, то мы должны дорожить бытомъ и мыслью нашего народа, которые неизбѣжно хотя бы отчасти истекли изъ этого высшаго начала. Таково было логическое построеніе славянофильства въ его окончательномъ видѣ; но психологическій процессъ, приведшій къ нему, несомнѣнно шелъ какъ разъ въ обратномъ направленіи. Дѣло началось съ чувства — „по̀милу хорошъ", и кончилось, какъ всегда, доказательствомъ, что-де „по̀-хорошу милъ". Неотразимая критика Влад. Соловьера окончательно рѣшила вопросъ о взаимномъ отношеніи религіознаго и національнаго элементовъ въ славянофильствѣ. „Та доктрина, которая сама себя опредѣлила какъ *русское направленіе* и выступила во имя *русскихъ началъ*, тѣмъ самымъ признала, что для нея всего важнѣе, дороже и существеннѣе національный элементъ, а все остальное, между прочимъ и религія, можетъ имѣть только подчиненный и условный интересъ. Для славянофильства православіе есть аттрибутъ русской народности; оно есть истинная религія, въ концѣ концовъ, лишь потому, что его исповѣдуетъ русскій народъ. Для однихъ изъ славянофиловъ требованіе быть православнымъ или „жить въ церкви" прямо входило какъ составная часть въ болѣе общее и основное требованіе: слиться съ жизнью русской земли. Въ умѣ другихъ эта зависимость религіозной истины отъ факта народной вѣры принимала болѣе тонкій и сложный, но, въ сущности, столь же нерелигіозный образъ". И конечный выводъ Соловьева гласитъ: „въ *системѣ* славянофильскихъ воззрѣній нѣтъ законнаго мѣста для религіи *какъ таковой*, и если она туда попала, то лишь по недоразумѣнію и, такъ сказать, съ чужимъ паспортомъ" [1]).

Вотъ гдѣ корень разногласій между Чаадаевымъ и славянофилами. Это были два разныхъ міровоззрѣнія и два патріотизма, основанныхъ на разныхъ началахъ: тамъ—сознательная любовь къ своему лишь поскольку оно хорошо, здѣсь—любовь къ своему безпричинная и безусловная. Чаадаева не могло не раздражать въ славянофилахъ это неосмысленное хвастовство своей народностью, только для вида прикрывавшееся религіозной санкціей, а славянофиловъ естественно возмущалъ его разсудочный и условный патріотизмъ. Когда въ половинѣ 40-хъ годовъ поэтъ Языковъ вздумалъ отъ имени всего славянофильскаго круга изобличить

---

[1]) „Національный вопросъ въ Россіи", вып. II, Собр. соч. Вл. С. Соловьева, т. V, стр. 167.

Чаадаева, оказалось, что за подсудимымъ числится одно только, но страшное преступленіе: предпочтеніе чужого своему, родному:

Вполнѣ чужда тебѣ Россія,
Твоя родимая страна;
Ея преданія святыя
Ты ненавидишь всѣ сполна.
Ты ихъ отрекся малодушно,
Ты лобызаешь туфлю папъ...
Почтенныхъ предковъ сынъ ослушный,
Всего чужого гордый рабъ!
Ты все свое презрѣлъ и выдалъ,
И ты еще не сокрушенъ...

—и т. д. въ томъ же духѣ. Легко понять, какъ безсмысленно должно было казаться это обвиненіе человѣку, писавшему, что любовь къ отечеству—вещь прекрасная, но есть нѣчто еще болѣе высокое, именно—любовь къ истинѣ.

При такой разности міровоззрѣній обѣ стороны должны были, очевидно, далеко расходиться въ своихъ историко-философскихъ взглядахъ. Оцѣнка нашей до-Петровской старины и оцѣнка Петровской реформы, — сравнительное опредѣленіе славянскаго и западно-европейскаго духа,—характеристика современнаго состоянія Европы, — указаніе пути, на который слѣдуетъ отнынѣ перевести Россію,—таковы были конкретные пункты разногласія между Чаадаевымъ и славянофилами. Ни съ той, ни съ другой стороны здѣсь не было ни случайности, ни произвола: это были двѣ органически-цѣльныя системы, непреложно обусловленныя— одна религіозно-исторической идеей Чаадаева, другая—пламеннымъ національнымъ чувствомъ славянофиловъ. Если въ одномъ пунктѣ обѣ системы совпадали, именно въ признаніи всемірно-исторической миссіи русскаго народа, то это была та точка сліянія, въ которой пересѣкаются двѣ линіи, чтобы затѣмъ снова разойтись подъ прежнимъ угломъ. Чаадаевъ говорилъ: Россія не дала еще никакихъ доказательствъ своего высокаго призванія, но, судя по ея нынѣшнему состоянію, она *способна* современемъ стать во главѣ человѣчества, если будетъ исполнено такое-то условіе; славянофилы, напротивъ, утверждали, что прошлое Россіи представляетъ такихъ доказательствъ съ избыткомъ, и что она *уже*—и искони—владѣетъ той силой, которая имѣетъ освободить родъ людской (гармоническимъ сочетаніемъ разума и чувства въ противоположность западному раціонализму), такъ что все дѣло только въ одномъ отрицательномъ условіи; и ихъ условіе (отказъ отъ пути, на который вывелъ Россію Петръ Великій) было, какъ мы знаемъ, діаметрально-противоположно Чаадаевскому.

Письма Чаадаева за послѣднія пятнатцать лѣтъ его жизни показываютъ его намъ всецѣло поглощеннымъ борьбою съ славянофильствомъ. Онъ говоритъ о немъ всегда, по всякому поводу и совсѣмъ безъ повода, во всѣхъ тонахъ, отъ трагическаго и кончая шутливымъ. Пишетъ ли онъ Шеллингу, его выспренняя рѣчь тотчасъ сбивается на жалостное повѣствованіе объ этомъ „умственномъ кризисѣ", объ этомъ „пагубномъ ученіи" русскихъ націоналистовъ. По поводу Шевыревскаго курса исторіи русской литературы онъ пишетъ Сиркуру пространное (въ пять убористыхъ печатныхъ страницъ) письмо, гдѣ тонко отточеннымъ сарказмомъ препарируетъ всю нелѣпость славянофильскаго ученія, какъ студентъ-медикъ — мускулатуру руки. Нѣтъ надобности цитировать эти письма: въ нихъ нѣтъ ничего существенно-новаго; Чаадаевъ скорбитъ о національномъ самообманѣ, высмѣиваетъ *ретроспективную утопію* славянофиловъ, ихъ пренебрежительное отношеніе къ западной Европѣ, и пр.,—словомъ, все, что мы знаемъ. Иронія была, вѣроятно, его излюбленнымъ полемическимъ средствомъ и въ прямомъ, т.-е. устномъ спорѣ съ ними. О тонѣ его полемики мы можемъ догадаться по немногимъ сохранившимся его запискамъ къ Хомякову и Кирѣевскому. Вотъ что, напримѣръ, онъ писалъ Хомякову, благодаря за присылку его статьи о Ѳеодорѣ Іоанновичѣ: „Спасибо вамъ за клеймо, положенное вами на преступное чело царя, развратителя своего народа (т.-е. Іоанна Грознаго), спасибо за то, что вы въ бѣдствіяхъ, постигшихъ послѣ него Россію, узнали его наслѣдіе. Я увѣренъ, что на просторѣ вы бы нашли слѣды его нашествія и въ дальнѣйшемъ отъ него разстояніи. Въ наше, народною спѣсью околдованное время, утѣшительно встрѣтить строгое слово объ этомъ славномъ витязѣ славнаго прошлаго, произнесенное однимъ изъ умнѣйшихъ представителей современнаго стремленія. Разногласіе ваше въ этомъ случаѣ съ вашими поборниками подаетъ мнѣ самыя сладкія надежды. Я увѣренъ, что вы современемъ убѣдитесь и въ томъ, что точно также, какъ кесари римскіе возможны были въ одномъ языческомъ Римѣ, такъ и это чудовище возможно было въ той странѣ, гдѣ оно явилось. Потомъ останется только показать прямое его исхожденіе изъ нашей народной жизни, изъ того семейнаго, общиннаго быта, который ставитъ насъ выше всѣхъ народовъ въ мірѣ и къ возвращенію котораго мы всѣми силами должны стремиться. Въ ожиданіи этого вывода,— не возврата,—благодарю васъ еще разъ за вашу статью", и т. д. [1]).

[1]) „Вѣстн. Европы", 1871, ноябрь, стр. 340.—Упомянутое выше письмо къ Сир-

Это было очень зло, но и очень мѣтко.

Однако, главной мишенью его нападокъ были не историческія ошибки и реакціонныя вожделѣнія славянофиловъ: его ужасала больше всего та атмосфера національнаго самодовольства, въ которую они погрузили общество. Онъ, любившій въ Россіи только ея будущее, т.-е. ея возможный прогрессъ, не могъ безъ боли смотрѣть на эту духовную сытость, въ корнѣ враждебную всякому прогрессивному движенію и искажавшую народный характеръ. Это настроеніе умовъ кажется ему смертельной болѣзнью, грозящей подкосить всю будущность русскаго народа, и онъ не устаетъ слѣдить за ея проявленіями, за ея гибельнымъ дѣйствіемъ на все общество въ цѣломъ и на отдѣльныхъ членовъ его. „Не повѣрите, до какой степени люди въ краю нашемъ измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ облеклись этой народною гордынею, невѣдомой боголюбивымъ отцамъ нашимъ": эта жалоба двадцать лѣтъ не умолкаетъ въ его письмахъ. Потому что въ прошломъ—это надо замѣтить—онъ не находитъ у насъ даже признаковъ національной кичливости: „Мы искони были люди смирные и умы смиренные", — говоритъ онъ; — и этому смиренію „обязаны мы всѣми лучшими народными свойствами своими, своимъ величіемъ, всѣмъ тѣмъ, что отличаетъ насъ отъ прочихъ народовъ и творитъ судьбы наши" [1]). Самодовольствомъ отравили насъ уже только славянофилы.

Среди нѣсколькихъ замѣчательныхъ писемъ Чаадаева, которыми отмѣчены для насъ послѣдніе годы его жизни, первое мѣсто безспорно принадлежитъ тому письму 1847 года, гдѣ онъ изложилъ свои мысли о „Перепискѣ съ друзьями". Историко-литературная оцѣнка, которую Чаадаевъ даетъ здѣсь книгѣ Гоголя, остается непревзойденной и донынѣ, какъ по вѣрности въ цѣломъ, такъ и по тонкости психологическихъ наблюденій. Основная мысль этого разбора—та, что въ недостаткахъ книги виноватъ не самъ Гоголь, а окружающая его среда, другими словами—славянофилы.

„Какъ вы хотите, чтобъ въ наше надменное время, напыщенное народною спѣсью, писатель даровитый, закуренный ладаномъ съ ногъ до головы, не зазнался, чтобъ голова у него не закружилась? Это просто невозможно. Мы нынче такъ довольны всѣмъ своимъ роднымъ, домашнимъ, такъ радуемся своимъ прошедшимъ,

куру.—„Вѣстн. Европы" 1874, іюль, стр. 91 и сл. (или 1900 г., дек., 472), письмо къ Шеллингу—въ „Oeuvres ch.", стр. 203, и въ другой, болѣе пространной редакціи—у Лонгинова, „Русск. Вѣстн.", 1862, ноябрь, стр. 159 и сл.

[1]) Письмо къ Вяземскому, „Вѣстн. Европы", 1871, ноябрь, стр. 339.

такъ потѣшаемся своимъ настоящимъ, такъ величаемся своимъ будущимъ, что чувство всеобщаго самодовольства невольно переносится и къ собственнымъ нашимъ лицамъ. Коли народъ русскій лучше всѣхъ народовъ въ мірѣ, то само собою разумѣется, что и каждый даровитый русскій человѣкъ лучше всѣхъ даровитыхъ людей прочихъ народовъ. У народовъ, у которыхъ народное чванство искони въ обычаѣ, гдѣ оно, такъ сказать, по неволѣ вышло изъ событій историческихъ, гдѣ оно въ крови, гдѣ оно вещь пошлая, тамъ оно по этому самому принадлежитъ толпѣ и на умъ высокій никакого дѣйствія имѣть уже не можетъ; у насъ же слабость эта вдругъ развернулась, наперекоръ всей нашей жизни, всѣхъ нашихъ вѣковыхъ привычекъ и понятій, самымъ неожиданнымъ образомъ, такъ что всѣхъ застала врасплохъ, и умныхъ, и глупыхъ: мудрено ли, что и люди, одаренные дарами необыкновенными, отъ нея дурѣютъ! Стóитъ только посмотрѣть около себя, сейчасъ увидишь, какъ это народное чванство, намъ доселѣ чуждое, вдругъ изуродовало лучшіе умы наши, въ какомъ самодовольномъ упоеніи они утопаютъ съ тѣхъ поръ, какъ совершили свой мнимый подвигъ, какъ открыли свой новый міръ ума и духа" (т.-е. міръ до-Петровской Руси) [1]).

VIII.

Литературное наслѣдство, оставленное намъ Чаадаевымъ, представляетъ собою торсъ безъ головы и ногъ: пропали первыя его письма, гдѣ были изложены его апріорныя утвержденія о Богѣ и человѣкѣ, и пропали, очевидно, многія письма 40-хъ и 50-хъ годовъ, напримѣръ къ Тютчеву или И. Кирѣевскому, по которымъ мы могли бы ближе опредѣлить характеръ его основныхъ практическихъ пожеланій въ связи съ его окончательнымъ взглядомъ на Россію. Не дошли до насъ и письма славянофиловъ къ нему [2]). Между тѣмъ, если не считать устныхъ бесѣдъ, письма представляли собою, по цензурнымъ условіямъ того времени, единственную форму, въ которую могла облекаться его полемика съ славянофилами. Такимъ образомъ, вопросъ о его прямомъ вліяніи на славянофильство и обратно можетъ быть рѣшенъ только въ самомъ общемъ видѣ, да и то лишь предположительно. Именно, исходя отъ сущности того и другого ученія,

[1]) Тамъ же, стр. 336.

[2]) Исключая четырехъ писемъ Ѳ. И. Тютчева, напечатанныхъ въ „Русск. Арх." за 1900 г., № 11.

можно предполагать, что на развитіе славянофильскихъ идей должна была повліять универсальная постановка религіозной проблемы у Чаадаева, тогда какъ Чаадаеву естественно было усвоить нѣкоторыя обобщенія славянофиловъ въ области русской исторіи. Первую догадку высказалъ П. Н. Милюковъ, говоря, что Чаадаевъ „едва ли не первый открылъ славянофиламъ глаза на общую связь идей христіанской исторической философіи, а только въ этой связи православная религіозная идея получала всемірно-историческое значеніе [1]). Мы не будемъ останавливаться на этой догадкѣ; насъ ближе касается вторая.

Откуда взялось у Чаадаева цитированное выше и многократно встрѣчающееся въ его письмахъ 40-хъ годовъ разсужденіе о „смиреніи", какъ отличительномъ свойствѣ „нашихъ боголюбивыхъ предковъ"? Этимъ историческимъ аргументомъ онъ безпрестанно колетъ глаза славянофиламъ; но едва ли онъ не заимствовалъ его у нихъ же. Вотъ полностью одна изъ такихъ тирадъ, каждымъ словомъ свидѣтельствующая о своемъ славянофильскомъ происхожденіи: „Странное дѣло! Никогда не видано было у насъ менѣе смиренія, какъ съ той поры, какъ стали у насъ многоглагольствовать про тотъ уставъ христіанскій, который болѣе всѣхъ прочихъ христіанскихъ уставовъ учитъ смиренію, который весь не что иное, какъ смиреніе. Такъ разумѣли его благочестивые наши предки; такъ разумѣли его святые наставники наши, воспитавшіе землю Русскую" [2]).

Это, очевидно, не случайное заимствованіе: тутъ цѣлая характеристика православнаго вѣроученія. Въ другомъ мѣстѣ—въ письмѣ къ Шеллингу—Чаадаевъ прямо приписываетъ эту „стыдливость сознанія—лучшій завѣтъ нашихъ отцовъ"—вліянію ихъ религіи, „глубоко пропитанной созерцаніемъ и аскетизмомъ" [3]). Очевидно, взглядъ Чаадаева на православіе измѣнился, и измѣнился, надо думать, подъ вліяніемъ славянофильскихъ идей. Къ сожалѣнію, здѣсь не все для насъ ясно, такъ какъ сохранившіяся въ уцѣлѣвшихъ письмахъ замѣчанія Чаадаева объ этомъ предметѣ отрывочны и случайны.

Онъ остался при старомъ своемъ убѣжденіи, что католичество съ лежащимъ въ его основѣ дѣйственнымъ, соціальнымъ началомъ, представляетъ собою наиболѣе, такъ сказать, цѣлесообразную форму христіанства: оно лучше всѣхъ другихъ хри-

---

[1]) „Главныя теченія", etc., стр. 394.

[2]) Къ В. А. Жуковскому, отъ 27 мая 1851 г., „Извѣстія Отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ", 1896 г., т. I, кн. 2; стр. 388.

[3]) Сравн. письмо къ Вяземскому „Вѣстн. Европы", 1871, ноябрь, 339.

стіанскихъ исповѣданій поняло человѣческую природу, въ которой нераздѣльно слиты внѣшнее съ внутреннимъ, вещественное съ духовнымъ, форма съ сущностью, какъ тому учитъ насъ Евангеліе, обоготворяющее тѣло человѣческое въ тѣлѣ Христовомъ, предсказывающее воскресеніе нашихъ тѣлъ и устами апостола гласящее, что тѣло наше — храмъ живого Бога. Католицизмъ понялъ, что для того, чтобы онъ могъ исполнить свою задачу — цивилизовать христіанскій міръ, ему необходимо было войти въ соціальную жизнь и овладѣть ею; ударься онъ въ фанатическій спиритуализмъ или узкій аскетизмъ, замкнись онъ наглухо въ святилищѣ, — онъ былъ бы пораженъ безплодіемъ и никогда не совершилъ бы своего дѣла. Такимъ образомъ, только въ нѣдрахъ католической церкви, какою мы ее знаемъ, христіанство могло расцвѣсти и формулироваться, только она могла завоевать ему міръ [1]).

Все это — мысли, знакомыя намъ уже по „Философическимъ письмамъ". Но теперь въ представленіи Чаадаева рядомъ съ католицизмомъ стало, какъ равноправная форма, православіе, какъ рядомъ съ дѣйствіемъ созерцаніе: „Наша церковь по существу — церковь аскетическая, какъ ваша, — пишетъ онъ Сиркуру, — по существу соціальная: отсюда равнодушіе одной ко всему, что совершается внѣ ея, и живое участіе другой ко всему на свѣтѣ. *Это-то и есть два полюса христіанской сферы, вращающейся вокругъ оси своей безусловной, своей дѣйствительной истины*". Больше того: Чаадаевъ теперь, какъ мы видѣли, склоненъ даже отдавать преимущество православію, которое, благодаря своей отрѣшенности отъ міра, сохранило духъ христіанства болѣе чистымъ, нежели трудившееся въ міру католичество, не вступало въ компромиссъ съ людскими страстями, не сочеталось съ земными интересами, а только „молилось и смирялось" [2]). Представленіе вполнѣ славянофильское, хотя сразу видно и различіе: по ученію славянофиловъ, православіе *изначала* выше прочихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, потому что оно одно содержитъ въ себѣ истинное христіанство; „намъ, — писалъ Хомяковъ, — по милости Божіей дано было христіанство во всей его чистотѣ, въ его братолюбивой сущности". Чаадаевъ какъ разъ въ цитированномъ сейчасъ письмѣ къ Сиркуру ѣдко осмѣиваетъ эти притязанія православныхъ публицистовъ на монопольное обладаніе истиной.

---

[1]) „Oeuvres ch.", 184, 199—201; „Вѣстн. Европы" 1871, ноябрь, 333.
[2]) Письмо къ М. Ѳ. Орлову, 1837 г., „Вѣстн. Европы" 1871, іюль, 86.

Мечталъ ли онъ теперь о соединеніи обѣихъ церквей? Онъ нигдѣ не говоритъ объ этомъ; но, исходя отъ общаго смысла его идей, можно думать, что идеальная церковь, церковь будущаго,—та, которая и создастъ на землѣ царство Божіе, „всѣ прочія царства въ себѣ заключающее“, — представлялась ему именно какъ сочетаніе этихъ двухъ необходимыхъ элементовъ христіанской религіи: соціальнаго и аскетическаго. Могучая централизованность католической церкви и ея чудесно налаженный *практически-религіозный* механизмъ съ одной стороны, чистый духъ христіанства, сохранившійся въ православіи, съ другой,—эти два фактора должны слиться и взаимно проникнуть другъ друга, чтобы повести человѣчество къ осуществленію его послѣднихъ судебъ. И ему кажется, какъ мы знаемъ, что солнце вселенской правды впервые озаритъ нашу землю: такъ какъ здѣсь христіанство, подобно самому Христу, только смирялось и молилось, то вѣроятно, говоритъ онъ, „что за это именно здѣсь оно и будетъ осѣнено своими послѣдними и самыми могущественными вдохновеніями“ [1]).

IX.

Намъ остается досказать исторію личной жизни Чаадаева [2]).

Приключеніе 1836 года было послѣднимъ событіемъ этой жизни. Нарушенное имъ равновѣсіе скоро возстановилось и больше уже ничѣмъ не было нарушено до смерти Чаадаева, въ 1856 году. Эти двадцать лѣтъ онъ прожилъ жизнью мудрыхъ, жизнью Канта и Шопенгауэра, въ размѣренномъ кругу однообразныхъ интересовъ, привычекъ и дѣлъ. Левашовы давно продали свой домъ какому-то обрусѣлому нѣмцу; флигель, гдѣ жилъ Чаадаевъ, съ годами пришелъ въ полную ветхость, осѣлъ и покосился снаружи, но Чаадаевъ продолжалъ жить въ немъ до смерти, и все не могъ собраться перекрасить у себя полы и стѣны, поправить печи. Онъ и лѣто проводилъ въ Москвѣ, и, говорятъ, за тридцать лѣтъ ни разу не переночевалъ внѣ города, хотя родные и друзья настойчиво приглашали его въ свои подмосковныя. Его обычное распредѣленіе дня было, вѣроятно,

---

1) Тамъ же, стр. 88.

2) О жизни Чаадаева въ 40-хъ и 50-хъ годахъ см. у Жихарева, Лонгинова, Свербеева, въ „Быломъ и Думахъ“ Герцена, гл. XXX, въ „Собр. соч. П. А. Вяземскаго“, т. VIII, стр. 287 и сл., въ воспоминаніяхъ Ольги N., „Русск. Вѣстн.“, 1887, октябрь.

то же въ 1855 году, что и въ 1840-мъ. За день до смерти онъ обѣдалъ въ томъ же ресторанѣ Шевалье, о которомъ Герценъ за десять лѣтъ до этого острилъ, что тамъ сегодня подавали супъ printanière, котлеты, спаржу и Чаадаева. И такъ во всемъ: та же вѣрность Англійскому клубу, тѣ же споры и поученія въ салонахъ Свербеевой, Елагиной, Орловой, тотъ же обширный кругъ знакомыхъ, тѣ же пріемы у себя на Новой-Басманной по понедѣльникамъ отъ часа до четырехъ. А жизнь понемногу уходила, какъ песокъ изъ стклянки песочныхъ часовъ.

Чаадаевъ, безъ сомнѣнія, глубоко таилъ горечь своей неудавшейся жизни, этой „смѣшной" жизни, какъ онъ однажды обмолвился уже незадолго до смерти; но нельзя сомнѣваться и въ томъ, что минутами ему казался яснымъ провиденціальный смыслъ его существованія,—и тогда освѣщалось и то странное дѣло, которое онъ дѣлалъ. Онъ разговаривалъ и спорилъ—можно ли это назвать дѣломъ? Но любопытно, что современники, говоря о его словоохотливой праздности, незамѣтно для самихъ себя характеризуютъ ее какъ *дѣятельность* и даже какъ *призваніе*; Вяземскій называетъ Чаадаева „преподавателемъ съ подвижной каѳедры, которую онъ переносилъ изъ салона въ салонъ"; Лонгиновъ говоритъ по поводу изящества его личности, одежды и манеръ: „Это изящество во всемъ было необходимо для той роли, оригинальной и трудной, которую суждено было ему играть въ обществѣ, обращающемъ такъ много вниманія на внѣшность".

Здѣсь сказалось инстинктивное впечатлѣніе, какое производила фигура Чаадаева на фонѣ московскаго образованнаго общества. Онъ не смѣшивался, не сливался съ этимъ обществомъ—это сразу чувствовалъ всякій. Онъ былъ въ немъ какъ рѣка, которая, вливаясь въ море, сохраняетъ особый цвѣтъ своей воды. И каждый понималъ, что это—не внѣшнее своеобразіе, а естественная замкнутость чрезвычайно оригинальнаго и личнаго міровоззрѣнія, продуманнаго до конца и принятаго безповоротно. Чаадаевъ былъ не просто человѣкъ съ убѣжденіями, а человѣкъ, безъ остатка слившій свою личность со своимъ убѣжденіемъ. Эта-то сознательная цѣльность съ одной стороны давала ему власть надъ обществомъ, съ другой—сообщала его разговорамъ ту цѣлесообразность и то единство, которыя превращали ихъ изъ салонной causerie въ пропаганду. Самъ Чаадаевъ игралъ свою роль не только серьезно, но даже торжественно, что дало поводъ Вяземскому сказать о немъ: „Онъ былъ гораздо умнѣе того, чѣмъ онъ прикидывался. Природный умъ его былъ чище

того систематическаго и поучительнаго ума, который онъ на него нахлобучилъ" [1]).

Герценъ картинно изобразилъ Чаадаева, какъ онъ долгіе годы „стоялъ, сложа руки, гдѣ-нибудь у колонны, у дерева на бульварѣ, въ залахъ и театрахъ, въ клубѣ,—и воплощеннымъ veto, живой протестаціей смотрѣлъ на вихрь лицъ, безсмысленно вертѣвшихся около него... Старикамъ и молодымъ было неловко съ нимъ, не по себѣ; они, Богъ знаетъ отчего, стыдились его неподвижнаго лица, его прямо смотрящаго взгляда, его печальной насмѣшки, его язвительнаго снисхожденія". И все-таки вся образованная и свѣтская Москва ухаживала за нимъ, усиленно зазывала къ себѣ и по понедѣльникамъ наполняла его скромный кабинетъ. Кто не бывалъ здѣсь, начиная отъ *американца* Толстого и кончая Гоголемъ? Здѣсь на нейтральной почвѣ встрѣчались Грановскій и Шевыревъ, Хомяковъ и Герценъ, Тютчевъ и Н. Ф. Павловъ; здѣсь перебывали всѣ извѣстные иностранцы, за двадцать лѣтъ посѣтившіе Москву,—Кюстинъ, Могень, Мармье, Сиркуръ, Мериме, Листъ, Берліозъ, Гакстгаузенъ,—и ему самому еще довелось читать, что писали о немъ за границей Кюстинъ и Гакстгаузенъ, Жюльвекуръ и Мишле. Говорить нечего, что въ Россіи среди образованныхъ круговъ его имя было широко извѣстно. Это была невольная дань большой и, что не менѣе важно, сосредоточенной духовной мощи. Какъ велико воспитательное дѣйствіе такой силы, понятно само собою. Она не только импонируетъ, но и влечетъ за собою; она воспитываетъ, можно сказать, однимъ своимъ присутствіемъ. Это и хотѣлъ засвидѣтельствовать Жихаревъ, говоря, что Чаадаевъ былъ въ высшей степени anregend, что „его разговоръ и даже одно его присутствіе дѣйствовали на другихъ, какъ дѣйствуетъ шпора на благородную лошадь. При немъ какъ-то нельзя, неловко было отдаваться ежедневной пошлости".

Мы говорили уже, что характеръ Чаадаева былъ не изъ пріятныхъ. Лесть, которую ему расточали, сознаніе своей власти въ обществѣ и своего значенія, а съ другой стороны, сознаніе мизерности этого общества и безсильный стыдъ за свою все-таки вѣдь праздную жизнь,— все это въ соединеніи съ нервозностью

[1]) Денисъ Давыдовъ высмѣялъ эту торжественность въ своей „Современной пѣснѣ", изобразивъ появленіе Чаадаева:

Всѣ кричатъ ему привѣтъ
Съ оханьемъ и пискомъ,
А онъ важно имъ въ отвѣтъ:
„Dominus vobiscum"!

чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе питало въ немъ эгоизмъ, тщеславіе и капризность. Онъ былъ чрезвычайно обидчивъ, зорко слѣдилъ за тѣмъ, не манкируетъ ли кто изъ знакомыхъ его понедѣльниками, и т. п. А. И. Тургеневъ то-и-дѣло жаловался Вяземскому, что Чаадаевъ „все считается визитами и мѣстничествомъ за обѣдами и на канапе“, и что вообще „les petitesses Чаадаева мѣшаютъ наслаждаться его рѣдкими и хорошими качествами“ [1]). За эти рѣдкія качества ему легко прощали и притязательность, и капризы. Онъ былъ изъ тѣхъ, которые „für die Besten ihrer Zeit gelebt“, и это — на протяженіи всей своей зрѣлой жизни, т.-е. 40 слишкомъ лѣтъ. Его любили лучшіе люди двухъ или трехъ поколѣній: И. Д. Якушкинъ, Муравьевы, Н. Тургеневъ, Пушкинъ, Грибоѣдовъ, И. Кирѣевскій, Хомяковъ и Герценъ. Ѳ. И. Тютчевъ, споровшій съ нимъ до ярости, говорилъ, что любитъ его „больше всѣхъ“. Баратынскій, навѣстивъ его разъ на Страстной недѣлѣ, сказалъ ему, что въ эти святые дни не находитъ болѣе достойнаго употребленія времени, какъ общеніе съ нимъ [2]).

Сороковые годы были разгаромъ славянофильства и разгаромъ его борьбы съ этимъ, какъ онъ выражался, „возвратнымъ“, т.-е. реакціоннымъ движеніемъ. Онъ уважалъ всякую мысль, потому что зналъ цѣну своей; при такой широкой умственной терпимости ему нетрудно было поддерживать самыя теплыя личныя отношенія со своими противниками. Онъ былъ друженъ со многими изъ славянофиловъ, и даже готовъ былъ сходиться съ ними на почвѣ совмѣстной культурной работы, такъ что, напримѣръ, Погодинъ, возобновляя „Москвитянинъ“, счелъ возможнымъ обратиться къ нему съ просьбой о сотрудничествѣ, а въ 1846 году, когда вышелъ первый „Московскій Сборникъ“, Н. М. Языковъ писалъ брату, что сборникъ всѣ хвалятъ, и даже Чаадаевъ хочетъ дать статью въ него [3]).

Чаадаевъ былъ хорошъ и съ Филаретомъ, и запросто бывалъ у него; одну его бесѣду онъ даже перевелъ на французскій языкъ, и этотъ переводъ былъ помѣщенъ Сиркуромъ въ журналѣ „Le Semeur“ [4]).

---

[1]) „Остаф. Арх.“ 1842 г., IV, 161 и 167.

[2]) Жихаревъ, въ „Вѣстн. Европы“ 1871, сент., стр. 52.

[3]) „Русск. Стар.“ 1903, мартъ, стр. 538.

[4]) Лонгиновъ въ „Современникѣ“ 1856 г., т. 58, отд. V, стр. 6. По словамъ Лонгинова, Чаадаевъ и самъ сочинилъ въ 1849 году проповѣдь подъ заглавіемъ: „Воскресная бесѣда сельскаго священника Пермской губерніи, села Новыхъ Рудниковъ“, рукопись которой подарилъ ему, Лонгинову („Русск. Вѣстн.“, т. 42, 1862 г., № 11, стр. 155, прим.).

Если въ концѣ 30-хъ годовъ онъ стоялъ одинъ на защитѣ европейской культуры, то теперь у него явились въ Москвѣ соратники: кружокъ Герцена—Огарева и молодые профессора, съ Грановскимъ во главѣ. Но эти союзники были частью хуже враговъ. Славянофилы, по крайней мѣрѣ, формально признавали суверенитетъ религіозной проблемы, а молодые западники были позитивисты насквозь: что общаго между религіозно-исторической концепціей Чаадаева и матеріализмомъ „Писемъ объ изученіи природы“ или даже гуманитарной телеологіей Грановскаго? Эта молодежь бывала у него и чтила въ немъ какъ бы ветерана; но Грановскому у него „скучно“, а Герцену его сужденія о католицизмѣ и современности кажутся голосомъ изъ гроба, и послѣ одного такого разговора онъ записываетъ въ дневникъ, что ему даже было жаль „употреблять всѣ средства“, потому что въ Чаадаевѣ все-таки „какъ-то благородно воплотилась разумная сторона католицизма“.

Потомъ и этотъ кругъ распался, Герценъ уѣхалъ заграницу, борьба съ славянофилами стала вялѣе, да и бо́льшая часть изъ нихъ разбрелась — кто въ сумракъ Оптиной пустыни, кто на хозяйственную работу въ деревнѣ; наступили пятидесятые годы. Въ 1851 году Чаадаевъ жалуется Жуковскому: „Ни въ печатномъ, ни въ разговорномъ кругѣ не осталось никого болѣе изъ той кучки людей почетныхъ, которые недавно еще начальствовали въ обществѣ и имъ руководили, а если кто и уцѣлѣлъ, то дряхлѣетъ въ одиночествѣ ума и сердца“ [1]). Онъ самъ дряхлѣлъ въ одиночествѣ ума и сердца. Съ 1847 года, когда ему пришлось одно время лечиться отъ нервнаго разстройства, говорятъ даже—близкаго къ сумасшествію [2]), онъ, кажется, ничѣмъ больше не болѣлъ до самаго конца. Его денежныя обстоятельства были очень плохи. Онъ попрежнему (по крайней мѣрѣ, еще до 1852 года) получалъ отъ брата каждую треть года по 2.334 руб. 50 коп. (667 руб. сер.), но этой суммы ему, конечно, не хватало. Самъ онъ уже ничего не имѣлъ. Когда, въ январѣ 1852 года, умерла тетка Анна Михайловна, братъ отказался въ его пользу отъ своей доли наслѣдства; но унаслѣдованныя отъ тетки деревни, повидимому, цѣликомъ ушли на уплату долговъ, и четыре года спустя, его дѣла опять были уже настолько запутаны, что, по свидѣтельству Свербеева, только

[1]) „Извѣстія Отд. русск. языка и слов. Имп. Акад. Наукъ“, 1896 г., т. I, кн. 2-ая, стр. 387.

[2]) Письмо Хомякова, „Русск. Арх.“, 1884 г., кн. 4-ая, стр. 282; ср. „Русск. Арх.“, 1900 г., кн. 11, стр. 414.

помощь издавна расположеннаго къ нему графа А. А. Закревскаго, московскаго генералъ-губернатора, вывела его передъ самой смертью изъ безнадежнаго положенія. Его денежныя отношенія вообще и къ брату въ особенности, какъ ихъ изобразилъ Жихаревъ, рисуютъ Чаадаева въ крайне непривлекательномъ свѣтѣ.

До какого самозабвенія онъ могъ доходить въ эгоизмѣ, показываетъ другой эпизодъ изъ исторіи его послѣднихъ лѣтъ, разсказанный тѣмъ же Жихаревымъ. Въ 1851 году вышла въ Парижѣ извѣстная брошюра Герцена (на французскомъ языкѣ) „О развитіи революціонныхъ идей въ Россіи“. Герценъ, глубоко уважавшій Чаадаева и гордившійся его расположеніемъ, отвелъ знаменитому „Философическому письму“ видное мѣсто въ исторіи русскаго освободительнаго движенія. О выходѣ этой книжки Чаадаеву сообщилъ всемогущій тогда гр. А. Ѳ. Орловъ, бывшій проѣздомъ въ Москвѣ и, по обыкновенію, навѣстившій его; кромѣ того, онъ, вѣроятно, слышалъ о ней и отъ другихъ. Въ тотъ же или на слѣдующій день онъ обратился съ письмомъ къ Орлову, гдѣ писалъ, что такъ какъ, по слухамъ, въ книгѣ Герцена ему приписываются „мнѣнія, которыя никогда не были и никогда не будутъ“ его мнѣніями, то онъ желалъ бы представить ему, графу, опроверженіе этой наглой клеветы, а можетъ быть и всей книги; но для этого ему нужна самая книга, которую онъ можетъ получить, разумѣется, только черезъ графа. „Каждый русскій, — писалъ онъ дальше, — каждый вѣрноподданный царя, въ которомъ весь міръ видитъ Богомъ призваннаго спасителя общественнаго порядка въ Европѣ, долженъ гордиться быть орудіемъ, хотя и ничтожнымъ, его высокаго священнаго призванія; какъ же остаться равнодушнымъ, когда наглый бѣглецъ, гнуснымъ образомъ искажая истину, приписываетъ намъ собственныя свои чувства и кидаетъ на имя наше собственный свой позоръ?“

Что Герценъ исказилъ правду, приписавъ Чаадаеву свои собственныя чувства и мнѣнія ему чуждыя, это была, какъ мы знаемъ, совершенная правда; безъ сомнѣнія также, Чаадаевъ вполнѣ искренно сочувствовалъ политикѣ имп. Николая въ отношеніи къ революціоннымъ движеніямъ на Западѣ и его поведенію въ венгерскомъ мятежѣ 1849 года. И при всемъ томъ, это письмо Чаадаева, конечно, ложится пятномъ на его память. Правда, время было крутое, а Чаадаевъ никогда не отличался большимъ *физическимъ* мужествомъ. Надо замѣтить, что въ томъ же 1851 году Чаадаевъ единственный разъ писалъ Герцену за-

границу [1]),—и съ такой нѣжностью, съ такой теплой любовью, какъ бы старшій братъ. Въ этомъ письмѣ онъ благодаритъ Герцена „за извѣстныя строки“; „можетъ быть, придется вамъ скоро сказать еще нѣсколько словъ объ томъ же человѣкѣ“, добавляетъ онъ, разумѣя, очевидно, самого себя и свою близкую смерть. За какія строки онъ благодарилъ Герцена? Неужели за тѣ самыя страницы въ „Du développement“, которыми было вызвано его письмо къ гр. Орлову? — Трудно повѣрить, а доказать въ этомъ дѣлѣ ничего нельзя; письмо къ Герцену писано въ іюлѣ, но мы не знаемъ ни даты письма къ Орлову, ни даже времени появленія брошюры Герцена.

Передъ нами синій листокъ почтовой бумаги (Чаадаевъ почти всегда писалъ на бумагѣ этого цвѣта), исписанный странными клиновидными письменами, которыя съ перваго взгляда можно принять за грамоту VI-го вѣка. Наверху надпись по-русски: „Выписка изъ письма неизвѣстнаго къ неизвѣстной. 1854“; затѣмъ слѣдуетъ текстъ письма по-французски, все его собственной рукой. Это—послѣднія строки Чаадаева, дошедшія до насъ. Рѣчь идетъ о Крымской войнѣ. Сенаторъ К. Н. Лебедевъ разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ, что въ 1855 году въ Петербургѣ, среди другихъ политическихъ памфлетовъ, ходила по рукамъ записка „О политической жизни Россіи“, которую приписывали Чаадаеву [2]).

„Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ,—писалъ Чаадаевъ,—не такъ мы въ молодости любили нашу родину. Мы хотѣли ея благоденствія, мы желали ей хорошихъ учрежденій и подчасъ осмѣливались даже желать ей, если возможно, нѣсколько больше свободы; мы знали, что она велика и могущественна и богата надеждами; но мы не считали ее ни самой могущественной, ни самой счастливой страною въ мірѣ. Намъ и на мысль не приходило, чтобы Россія олицетворяла собою нѣкій отвлеченный принципъ, заключающій въ себѣ конечное рѣшеніе соціальнаго вопроса,— чтобы она сама по себѣ составляла какой-то особый міръ, являющійся прямымъ и законнымъ наслѣдникомъ славной восточной имперіи, равно какъ и всѣхъ ея правъ и достоинствъ,— чтобы на ней лежала нарочитая миссія вобрать въ себя всѣ славянскія народности и этимъ путемъ совершить обновленіе рода человѣческаго; въ особенности же мы не думали, что

---

[1]) Это письмо напечатано въ „Пол. Зв.“, кн. 5, стр. 221. Сравн. „Сочин. Герцена“, женев. изд., VII, 263.

[2]) „Русск. Арх.“ 1893 г., № 3, стр. 285—6.

Европа готова снова впасть въ варварство, и что мы призваны спасти цивилизацію посредствомъ крупицъ этой самой цивилизаціи, которыя недавно вывели насъ самихъ изъ нашего вѣкового оцѣпенѣнія. Мы относились къ Европѣ вѣжливо, даже почтительно, такъ какъ мы знали, что она выучила насъ многому, и между прочимъ—нашей собственной исторіи. Когда намъ случалось нечаянно одерживать надъ нею верхъ, какъ это было съ Петромъ Великимъ, — мы говорили: этой побѣдой мы обязаны вамъ, господа. Результатъ былъ тотъ, что въ одинъ прекрасный день мы вступили въ Парижъ, и намъ оказали извѣстный вамъ пріемъ, забывъ на минуту, что мы въ сущности — не болѣе, какъ молодые выскочки, и что мы еще не внесли никакой лепты въ общую сокровищницу народовъ, будь то хотя бы какая-нибудь крошечная солнечная система по примѣру подвластныхъ намъ поляковъ, или какая-нибудь плохонькая алгебра по примѣру этихъ нехристей-арабовъ, съ нелѣпой и варварской религіей которыхъ мы боремся теперь. Къ намъ отнеслись хорошо, потому что мы держали себя какъ благовоспитанные люди, потому что мы были учтивы и скромны, какъ приличествуетъ новичкамъ, не имѣющимъ другихъ правъ на общее уваженіе, кромѣ стройнаго стана. Вы повели все это по иному, — и пусть; но дайте мнѣ любить мое отечество по образцу Петра Великаго, Екатерины и Александра. Я вѣрю, недалеко то время, когда, можетъ быть, признаютъ, что этотъ патріотизмъ не хуже всякаго другого.

„Замѣтьте, что всякое правительство, безотносительно къ его частнымъ тенденціямъ, инстинктивно ощущаетъ свою природу, какъ сила одушевленная и сознательная, предназначенная жить и дѣйствовать; такъ, напримѣръ, оно чувствуетъ или не чувстуетъ за собою поддержку своихъ подданныхъ. И вотъ, русское правительство чувствовало себя на этотъ разъ въ полнѣйшемъ согласіи съ общимъ желаніемъ страны; этимъ въ большой мѣрѣ объясняется роковая опрометчивость его политики въ настоящемъ кризисѣ. Кто не знаетъ, что мнимо-національная реакція дошла у нашихъ новыхъ учителей до степени настоящей мономаніи? Теперь уже дѣло шло не о благоденствіи страны, какъ раньше, не о цивилизаціи, не о прогрессѣ въ какомъ-либо отношеніи; довольно было быть русскимъ: одно это званіе вмѣщало въ себѣ всѣ возможныя блага, не исключая и спасенія души. Въ глубинѣ нашей богатой натуры они открыли всевозможныя чудесныя свойства, невѣдомыя остальному міру; они отвергали всѣ серьезныя и плодотворныя идеи, которыя со-

общила намъ Европа; они хотѣли водворить на русской почвѣ совершенно новый моральный строй, который отбрасывалъ насъ на какой-то фантастическій христіанскій Востокъ, придуманный единственно для нашего употребленія, нимало не догадываясь, что, обособляясь отъ европейскихъ народовъ морально, мы тѣмъ самымъ обособляемся отъ нихъ и политически; что разъ будетъ порвана наша братская связь съ великой семьей европейской, ни одинъ изъ этихъ народовъ не протянетъ намъ руки въ часъ опасности. Наконецъ, храбрѣйшіе изъ адептовъ новой національной школы не задумались привѣтствовать войну, въ которую мы вовлечены, видя въ ней осуществленіе своихъ ретроспективныхъ утопій, начало нашего возвращенія къ хранительному строю, отвергнутому нашими предками въ лицѣ Петра Великаго. Правительство было слишкомъ невѣжественно и легкомысленно, чтобы оцѣнить, или даже только понять эти ученыя галлюцинаціи. Оно не поощряло ихъ, я знаю; иногда даже оно наудачу давало грубый пинокъ ногою наиболѣе зарвавшимся или наименѣе осторожнымъ изъ ихъ блаженнаго сонма; тѣмъ не менѣе, оно было убѣждено, что какъ только оно броситъ перчатку нечестивому и дряхлому Западу, къ нему устремятся симпатіи всѣхъ новыхъ патріотовъ, принимающихъ свои неоконченныя изысканія, свои безсвязныя стремленія и смутныя надежды за истинную національную политику, равно какъ и покорный энтузіазмъ толпы, которая всегда готова подхватить любую патріотическую химеру, если только она выражена на томъ банальномъ жаргонѣ, какой обыкновенно употребляется въ такихъ случаяхъ. Результатъ былъ тотъ, что въ одинъ прекрасный день авангардъ Европы очутился въ Крыму"...

Свербеевъ разсказываетъ, что событія 1853—55 г.г. ложились на Чаадаева тяжелымъ бременемъ, что ему были горьки и начало, и конецъ этой войны. Вѣсть о мирѣ онъ принялъ съ живѣйшей радостью. „Послѣдними его любимыми мыслями были,— говоритъ Свербеевъ, — радость о заключенномъ мирѣ, надежда на прогрессъ Россіи и вмѣстѣ опасеніе, наводимое на него противниками благодатнаго мира. Народная и религіозная нетерпимость извѣстныхъ мыслителей, какъ грозная тѣнь, преслѣдовала его всюду"...

Онъ умеръ, какъ предчувствовалъ, скоропостижно. Еще за три дня до смерти онъ былъ въ клубѣ, наканунѣ обѣдалъ у Шевалье. Дѣло было на Страстной недѣлѣ; онъ собирался говѣть, и не успѣлъ, но, почувствовавъ себя плохо, въ по-

слѣдній день пригласилъ священника, исповѣдался и пріобщился Св. Тайнъ. Послѣ ухода священника, онъ сталъ пить чай, а тѣмъ временемъ велѣлъ заложить пролетку, чтобы выѣхать; онъ сидѣлъ въ креслѣ, разговаривая съ хозяиномъ дома, и среди бесѣды умолкъ навѣки; была Страстная суббота, 14-го апрѣля 1856 года, четвертый часъ дня. Хоронили его на Пасхѣ, 18-го, въ чудный весенній день; его могила—въ Донскомъ монастырѣ, рядомъ съ могилою А. С. Норовой. Завѣщаніе—„на случай скоропостижной смерти"—онъ составилъ еще въ августѣ предшествовавшаго года [1]). Всѣ они ушли какъ-то цѣлою толпой, онъ и люди смежные съ нимъ по жизни или духу: въ октябрѣ 1855 года умеръ Грановскій, въ мартѣ 1856-го — Вигель, въ апрѣлѣ—Чаадаевъ, въ іюнѣ—И. Кирѣевскій, въ октябрѣ—П. Кирѣевскій, и т. д.

Памятникъ на могилѣ Чаадаева поставленъ Жихаревымъ (какъ видно изъ его письма къ М. Я. Чаадаеву) въ маѣ 1861 года.

М. Гершензонъ.

Москва.

---

[1]) Оно напечатано въ статьѣ проф. Кирпичникова, въ „Русской Мысли", 1896 г., № 4, стр. 153—4.

РАЗБИТОЕ СЧАСТЬЕ

ПОВѢСТЬ.

Окончаніе.

XIII *).

Когда Константинъ Александровичъ Покровскій пришелъ къ Грузинскому послѣ объясненія съ Вѣрой Васильевной, онъ, несмотря на ранній часъ, засталъ его уже за работой.

Низко наклонившись надъ верстакомъ, старикъ отдѣлывалъ какую-то шкатулочку изъ чернаго дерева съ серебромъ и перламутромъ.

— А, Костюша!—весело вскричалъ Андрей Андреичъ, разглядѣвъ вошедшаго гостя.—Давненько не бывалъ! Я ужъ думалъ, не забылъ ли меня?

— Простите, дѣдуся! Дѣла такъ сложились, что сначала урваться никакъ не могъ, а потомъ, къ стыду моему, и дѣйствительно немножко о васъ забылъ.

— Ну, ну, не бѣда, дружокъ! Но что же такое тебя задерживало?

— Да сперва, видите ли, готовилъ одного князька къ экзамену на вольноопредѣляющагося. Почти полгода съ нимъ занимался каждый вечеръ. Ну, понимаете, утромъ уроки въ городскихъ школахъ, вечеромъ—съ нимъ; просто минуты не было свободной, чтобы васъ навѣстить. Потомъ, когда мой ученикъ благополучно выдержалъ испытаніе, онъ затащилъ меня въ кафе-

---

*) См. выше: мартъ, стр. 131.

шантанъ, и я познакомился тамъ съ одной пѣвицей, началъ у нея бывать, и тутъ вотъ, каюсь, рѣже сталъ о васъ вспоминать.

Андрей Андреичъ отложилъ шкатулку въ сторону и пытливо посмотрѣлъ на молодого человѣка.

— Да вы, дѣдуся, не подумайте чего!—горячо заговорилъ тотъ.—Она дѣвушка хорошая, скромная, воспитанница одного здѣшняго священника.

И Константинъ Александровичъ разсказалъ старику все, что зналъ про Вѣру Васильевну и ея нареченную мать.

Старый діаконъ слушалъ весьма внимательно и съ каждымъ словомъ разсказчика становился, видимо, спокойнѣй и веселѣй.

Покровскій, наоборотъ, все сильнѣй и сильнѣй волновался, и къ концу разсказа въ его голосѣ уже слышались слезы.

— Что же мнѣ дѣлать теперь, дѣдуся? Какъ спасти мою милую Вѣрочку? Научите, я затѣмъ къ вамъ и пришелъ такъ рано.

— Ты говоришь, что любишь ее?—спросилъ старикъ, немного подумавъ.

— Да, дѣдуся! Люблю. Больше всего на свѣтѣ люблю.

— А она тебя?

— И она тоже. Мы еще не говорили объ этомъ, но вѣдь это видно и безъ объясненій.

— Ну, такъ и женись на ней, если вы любите другъ друга.

— Дѣдуся! Милый! Да я съ радостью бы это сдѣлалъ, еслибъ не законъ. Вы знаете, апостольскія правила прямо запрещаютъ принимать въ священный санъ женатыхъ на актрисахъ. Можно бы, конечно, отказаться отъ священства, но мнѣ не позволитъ этого совѣсть. Я никогда не забуду, что я четырнадцать лѣтъ ѣлъ, пилъ, одѣвался и учился на деньги, собранныя съ церквей. Я обѣщался за это посвятить себя на службу церкви, и долженъ сдержать обѣщаніе, во что бы то ни стало.

— Да никто тебѣ и не мѣшаетъ. Женись на Вѣрочкѣ, иди въ священники и служи себѣ съ Богомъ!

— Но законъ, дѣдуся!.. правила?..

Старикъ нетерпѣливо махнулъ рукой.

— Эхъ, Костюша, Костюша!—съ легкимъ упрекомъ въ голосѣ сказалъ онъ.—Дивлюсь я на васъ. Учитесь вы полтора десятка лѣтъ, слушаете тамъ разныя патристики да герминевтики, а самаго-то важнаго, духа Христова, все никакъ понять не можете. Дай-ка мнѣ Новый Завѣтъ!

Константинъ Александровичъ всталъ и, доставъ съ полочки растрепанную книжку, подалъ ее Грузинскому.

Старикъ быстро перевернулъ нѣсколько листовъ, отчеркнулъ одно мѣсто ногтемъ и, возвращая Покровскому, сказалъ:

— Читай!

— „Братіе!—прочелъ Покровскій.—Аще кто въ васъ заблудитъ отъ пути истины, и обратитъ его кто, да вѣсть, яко обративый грѣшника отъ заблужденія пути его, спасетъ душу отъ смерти и покрыетъ множество грѣховъ“.

— Вотъ тебѣ отвѣтъ на твои сомнѣнія!—торжественно сказалъ Андрей Андреичъ.—Ты говоришь, что Вѣрочка стоитъ на скользкомъ пути и не сегодня—завтра можетъ пасть. Твоя обязанность—поддержать ее. Если для этого нужно жениться на ней, смѣло веди ее къ алтарю: ты спасешь этимъ свою душу и покроешь множество грѣховъ.

— Но законъ, правила...—нерѣшительно началъ молодой человѣкъ.

— Читай посланіе къ Титу, глава первая, со стиха тринадцатаго!—рѣзко прервалъ его Грузинскій.

Константинъ Александровичъ отыскалъ указанное мѣсто и сталъ читать:

— „Обличай ихъ нещадно, да здрави будутъ въ вѣрѣ, не внемлюще іудейскимъ баснемъ, ни заповѣдемъ человѣкъ, отвращающихся отъ истины. Вся убо чиста чистымъ“.

— Понялъ?—строго спросилъ старикъ.

— Кажется, понялъ,—задумчиво отвѣчалъ Покровскій.

— Иди же и твори по глаголу сему!

Старый діаконъ наклонился, нѣжно поцѣловалъ своего гостя и тихонько толкнулъ его къ дверямъ.

XIV.

Чуть ли не за часъ до назначеннаго срока, Константинъ Александровичъ уже ходилъ взадъ и впередъ вблизи дома Смирновыхъ.

Разрѣшивъ свои сомнѣнія, онъ почувствовалъ небывалый приливъ бодрости и положительно не могъ дождаться Вѣры Васильевны, чтобы „начать дѣйствовать“.

Онъ то-и-дѣло посматривалъ на часы, и въ нетерпѣніи ему стало казаться, что стрѣлки совсѣмъ не двигаются.

Онъ поднесъ часы къ уху, и сразу же убѣдился, что тѣ идутъ исправно.

Вздохнувъ, онъ положилъ ихъ въ карманъ и вновь принялся за прогулку.

— Ну, вотъ и я!—услышалъ онъ наконецъ за собою знакомый голосъ, и радостно обернулся.

— Придумали ли что-нибудь?—спросила Вѣрочка, когда они поздоровались и пошли рядомъ.

— Придумать-то придумалъ, но не знаю, понравится ли вамъ мой планъ?

— Ахъ, Боже мой! Я всякому выходу рада, лишь бы онъ былъ для меня не унизителенъ. Ну, говорите же скорѣй, что вы надумали?

— Видите ли, Вѣра Васильевна, по моему мнѣнію, у васъ единственный исходъ—покинуть сцену и выйти замужъ.

— Замужъ?—разочарованнымъ тономъ переспросила дѣвушка.—Да кто же меня возьметъ съ такимъ приданымъ, какъ моя несчастная мама?

— Вѣра Васильевна! Я знаю одного человѣка, который за счастье бы счелъ назвать Надежду Ѳедоровну матерью, а васъ—женой,—съ легкимъ смущеніемъ произнесъ Покровскій.

— Это для меня неожиданность! — возразила Смирнова.— Назовите же мнѣ имя этого прекраснаго незнакомца!

— Вы его знаете, Вѣра Васильевна! Знаете и то, что онъ любитъ васъ. А если я ошибся, если это вамъ неизвѣстно, то лучше я не буду его и называть.

— Ну, предположимъ, что я знаю,—серьезно сказала Вѣрочка:—но почему же онъ молчалъ, если дѣйствительно чувствуетъ ко мнѣ любовь?

— Боялся помѣшать вашей карьерѣ, считалъ себя не парой.

— Вотъ глупости! Вѣдь я же говорила ему, что онъ во всѣхъ отношеніяхъ завидный женихъ.

— И вы не перемѣнили о немъ мнѣнія?

— Я, кажется, не изъ вѣтреныхъ, Константинъ Александровичъ! Пора бы вамъ это замѣтить.

— Простите, я обидѣлъ васъ. Но я, право, все еще не вѣрю своему счастью.

— Ахъ, Боже мой, какой вы „невѣроятный“! — кокетливо пошутила молодая дѣвушка.

Не обращая вниманія на проходящую публику, Покровскій схватилъ ее за руки и страстно прошепталъ:

— Вѣрочка! скажите мнѣ безъ шутокъ, неужели вы, дѣйствительно, любите меня?

— Я, когда угодно, готова вамъ поклясться въ томъ... передъ алтаремъ,—тѣмъ же шутливымъ тономъ откликнулась Вѣра Васильевна:—только не забывайте, ради Бога, что мы на улицѣ и не одни.

— Извините!—сконфуженно пролепеталъ Константинъ Александровичъ и отпустилъ ея руки.

Нѣсколько минутъ они шли молча, погруженные каждый въ свою думу. Потомъ молодой человѣкъ остановился, взглянулъ на спутницу полными счастья глазами и, наклонившись къ ней, тихо спросилъ:

— Значитъ, вы разрѣшаете мнѣ переговорить съ Надеждой Ѳедоровной?

— Да,—просто отвѣчала дѣвушка.

— Въ такомъ случаѣ, не будемъ терять золотого времени! Идемте къ ней!

XV.

Трудно описать ту радость, съ которой встрѣтила старушка Смирнова предложеніе Покровскаго.

Несмотря на мучительныя усилія, она долго не могла сказать ни слова. Она радостно кивала головой, что-то быстро бормотала, но изъ всей ея рѣчи нельзя было понять ни одного звука.

Молодые люди испугались. Имъ показалось, что потрясенная неожиданной новостью Надежда Ѳедоровна окончательно потеряла способность говорить.

Старушка, однако, успокоила ихъ знакомъ и, напрягши всѣ силы, довольно внятно произнесла:

— Слава Богу! слава Богу! Услышалъ Господь мои молитвы.

Она велѣла принести изъ спальни небольшую старинную икону, предъ которой молилась еще ея прабабушка, и благословила ею опустившихся на колѣни жениха и невѣсту...

Вѣрочка не выдержала и зарыдала.

— Берегите ее!—сказала Надежда Ѳедоровна Покровскому, ласково гладя дочь по головѣ.—Это—золотое сердечко! Она всю себя отдастъ, чтобы устроить ваше счастье.

Когда первое волненіе улеглось, начались безконечные толки о томъ, когда будетъ свадьба, гдѣ вѣнчаться, какъ устроить дальнѣйшую жизнь.

Надежда Ѳедоровна очень удивилась, услышавъ, что Покровскій думаетъ просить мѣста священника въ какое-нибудь село.

— Что это вамъ вздумалось? — съ недоумѣніемъ спросила она:—кандидатъ богословія—и вдругъ въ деревню! Да вѣдь тамъ глушь, бѣдность, безлюдье! Вы умрете тамъ отъ скуки.

— Ну, зачѣмъ же умирать?—весело засмѣялся Константинъ Александровичъ. — Я—деревенскій уроженецъ, и сельской жизни не боюсь. Не знаю, какъ вотъ Вѣрочка?

— О, милый! мнѣ вездѣ будетъ хорошо съ тобою, — перебила дѣвушка, крѣпко прижимаясь къ нему.

— Ну, дѣло ваше! Вамъ виднѣе, — замѣтила старушка и, желая дать нареченнымъ побесѣдовать на свободѣ, попросила отвезти ее въ спальню.

— Да вѣдь рано еще, мамочка! Посидите съ нами!—сказала Вѣра Васильевна.

— Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ! Я сильно взволновалась, и мнѣ надо отдохнуть,—стояла на своемъ Надежда Өедоровна, и, нѣжно поцѣловавъ жениха и невѣсту, отправилась съ Аннушкой къ себѣ.

— Ты понимаешь, моя дорогая, почему я непремѣнно хочу уѣхать въ деревню?—спросилъ Покровскій Вѣрочку, когда они остались вдвоемъ.

— Не совсѣмъ,—чистосердечно отвѣчала та.

— Видишь ли, птичка моя: если остаться въ городѣ, то мы ежеминутно рискуемъ встрѣтиться съ этими Маловыми, Маметъ-Чильдѣевыми и прочими посѣтителями „Фоли-Бержера“, гдѣ ты столько перенесла униженій. А развѣ тебѣ будутъ пріятны эти встрѣчи?

— О, нѣтъ, нѣтъ! — Вѣрочка въ ужасѣ закрыла лицо руками.

— Я такъ и предполагалъ, и потому рѣшилъ проситься священникомъ въ какое-нибудь отдаленное село, гдѣ бы ничто не напоминало тебѣ тяжелаго прошлаго.

Вѣрочка порывисто обняла жениха и горячо поцѣловала.

— Спасибо тебѣ, мой славный, мой добрый! Повѣрь, я вѣчно буду помнить твою внимательность.

— Постой, постой! — усмѣхнулся Константинъ Александровичъ. — Ты, пожалуйста, не считай этого какимъ-то подвигомъ съ моей стороны! Нѣтъ, голубка, я не для тебя только стремлюсь въ деревню. Меня влечетъ туда и кое-что другое. Мнѣ хочется отдать свои силы и знанія не разжирѣвшимъ купцамъ и чваннымъ дворянамъ, а простому люду. Когда ты увидишь этихъ темныхъ, забитыхъ людей, бѣдныхъ, невѣжественныхъ, жалкихъ, когда познакомишься съ ихъ руководителями, служащими только своему чреву и мамонѣ, ты поймешь мое стремленіе внести хоть каплю истиннаго свѣта въ окружающій ихъ мракъ, и сама станешь помогать мнѣ. И сколько добра и пользы принесемъ мы имъ тогда!

Покровскій увлекся и съ жаромъ началъ излагать свои планы.

Прежде всего онъ обратитъ вниманіе на просвѣщеніе народа. Онъ приложитъ всѣ силы, чтобы прихожане его были не только грамотными, но и развитыми, образованными. Если не найдется другого исхода, онъ будетъ собирать ихъ въ своемъ домѣ и самъ лично учить. Онъ постарается, чтобы всѣ способныя дѣти въ его приходѣ получили полное образованіе. Онъ разыщетъ для этого необходимыя средства—и доведетъ ихъ даже до высшей школы. Потомъ онъ займется самосознаніемъ народнымъ. Онъ искоренитъ въ народѣ эту рабскую приниженность—пережитокъ крѣпостного права. Онъ научитъ его смотрѣть на себя съ достоинствомъ и требовать къ себѣ уваженія и отъ другихъ. Онъ разъяснитъ этимъ темнымъ простецамъ, что они—опора и надежда матушки-Руси.

Долго говорилъ Константинъ Александровичъ.

Вѣрочка никогда еще не слыхала отъ него такихъ пламенныхъ, страстныхъ рѣчей и молча любовалась вдохновеннымъ лицомъ его.

Она съ изумленіемъ увидѣла, что въ этомъ тихомъ и скромномъ молодомъ человѣкѣ таится огромный запасъ того невещественнаго огня, который не разъ уже обновлялъ обветшавшее человѣчество и велъ его на самые невѣроятные подвиги.

И впервые къ чувству любви присоединилось у нея и глубокое уваженіе къ своему жениху.

XVI.

По обоюдному желанію Вѣрочки и Покровскаго свадьба ихъ была отпразднована въ тѣсномъ семейномъ кружкѣ.

Кромѣ четырехъ шаферовъ, изъ числа сослуживцевъ Константина Александровича, да двухъ-трехъ дальнихъ родственницъ Вѣрочки, на торжествѣ этомъ не было никого.

Надежда Ѳедоровна предполагала послать приглашеніе всѣмъ своимъ прежнимъ знакомымъ, но Вѣрочка горячо возстала противъ этого.

— Къ чему это, мамочка?—ласково, но твердо сказала она:—когда мы были въ горѣ да въ нуждѣ, отъ насъ всѣ почти отвернулись. Не будемъ же звать ихъ и на нашу радость!

Константину Александровичу со своей стороны даже и приглашать было некого. Кромѣ дьякона Грузинскаго и его сыновей, у него не было близкихъ людей, ни родныхъ, ни знакомыхъ.

Но молодые Грузинскіе всѣ были въ отлучкѣ по дѣламъ службы, а старикъ наотрѣзъ отказался посѣтить брачный пиръ.

— Спасибо, дорогіе мои!—сказалъ онъ жениху и невѣстѣ, пришедшимъ пригласить его лично:—благодарю, что не забыли меня, старика; но только ужъ какой я гость? У меня и одѣть-то нечего, кромѣ стараго подрясничишка да этой куцавейки.

Андрей Андреичъ указалъ на ветхую безрукавую тѣлогрѣйку, въ которой принималъ своихъ гостей.

— Помилуйте, дѣдуся! вы намъ нужны, а не ваши наряды!—съ жаромъ замѣтилъ Покровскій.

— Вѣрю, вѣрю, голубчикъ, но все же не хочу тебя конфузить. Вотъ, скажутъ, какого еще нищаго притащилъ!

Константинъ Александровичъ хотѣлъ что-то возразить, но старикъ остановилъ его знакомъ.

— Оставь! — сказалъ онъ, добродушно улыбаясь: — я вѣдь упрямъ, какъ быкъ, меня не переспоришь. На свадьбу къ вамъ я не пойду,—это рѣшено и подписано. А вотъ что невѣсту свою ты привелъ мнѣ показать, за это спасибо! И вамъ, милая барышня, спасибо, что не побрезговали старикомъ! Богъ знаетъ, придется ли мнѣ еще когда-нибудь васъ увидѣть? Вы поженитесь, уѣдете отсюда, а я уже стою одной ногой въ могилѣ...

— Полно, дѣдуся, вы еще поживете!—весело перебила его Вѣрочка.

— Ахъ, милая, и она ужъ меня „дѣдусей" зоветъ!—растрогался старикъ, отирая навернувшуюся слезу.—Ну, вижу я теперь, что у тебя, дѣйствительно, сердце золотое. Значитъ, пара васъ съ Костюшей. У того вѣдь тоже внутри одна любовь да ласка.

— Нѣтъ, нѣтъ, дѣдуся! я—злая, нехорошая. Костя въ тысячу разъ лучше меня.

— Ну, и пусть будетъ такъ. И это не худо. Коли вы сердитая, такъ и побранитесь съ нимъ кое-когда! Это въ семейной жизни куда какъ полезно.

— Вотъ странно, дѣдуся! Всѣ желаютъ мнѣ съ Костей прожить въ любви да совѣтѣ, а вы желаете, чтобъ изрѣдка у насъ были и ссоры.

— Эхъ, милая барышня! Много, много видѣлъ я на своемъ вѣку, и знаю, что полнаго мира и счастья нигдѣ не бываетъ. Да и надоѣдятъ они, эти вѣчно ясные, безоблачные дни. А гроза вѣдь всегда освѣжаетъ воздухъ.

XVII.

На другой же день послѣ свадьбы Константинъ Александровичъ принялся подыскивать себѣ мѣсто священника.

Вопреки обыкновенію, ему пришлось хлопотать объ этомъ очень недолго.

Одинъ изъ товарищей его по академіи занималъ въ консисторіи должность столоначальника и, по первому же слову, выдалъ ему подробный списокъ праздныхъ священнослужительскихъ вакансій.

— Вотъ тебѣ наши дойныя коровушки!—не безъ ироніи подшутилъ молодой канцеляристъ:—выбирай любую!

Внимательно пробѣжавъ глазами довольно длинный перечень, Покровскій остановился на селѣ Антоновкѣ, лежавшемъ на самой границѣ епархіи, въ глухомъ, медвѣжьемъ углу.

— Въ благочинные хочешь попасть поскорѣе?—съ тонкой улыбкой спросилъ его товарищъ.

— Съ чего ты взялъ?—вспыхнулъ Константинъ Александровичъ.

— Помилуй, да зачѣмъ же иначе кандидату богословія идти въ грязную, заброшенную деревушку? Тамъ могутъ служить и недоучившіеся семинаристы, а тебѣ и въ городѣ мѣсто дадутъ.

Покровскій съ грустью посмотрѣлъ на бывшаго однокашника и не сказалъ ему ни слова.

„Не пойметъ! захлебнулся ужъ въ канцелярской трясинѣ“,— не безъ горечи подумалъ онъ.

Написавъ тутъ же, въ консисторской пріемной, прошеніе, Покровскій отправился съ нимъ къ архіерею.

Къ великому его изумленію, владыка взглянулъ на его просьбу почти такъ же, какъ и товарищъ-столоначальникъ.

— Быстрой карьеры ищете?—сухо произнесъ онъ, пристально осматривая просителя.

— Вовсе нѣтъ, ваше преосвященство! — смѣло отвѣчалъ тотъ:— никакихъ честолюбивыхъ цѣлей у меня нѣтъ. Просто хочу послужить народу. Я родился и выросъ въ деревнѣ, и знаю, какъ нуждается она въ болѣе или менѣе образованныхъ людяхъ.

Лицо владыки прояснилось.

— Ну, положимъ, нынче и въ селахъ много интеллигентныхъ людей, — добродушно усмѣхнулся онъ: — теперь, вонъ, что ни жалоба на священника, все отъ лица „мѣстной интеллигенціи“.

— Да вѣдь какая это интеллигенція, владыка? Выгнанные поручики и корнеты, проворовавшіеся чиновники, дворяне-недоучки да разные кулачки изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Это не интеллигенція, а скорѣе отбросы ея.

— Ужъ будто бы въ деревнѣ и нѣтъ хорошихъ людей? — совсѣмъ уже весело спросилъ архіерей, любуясь горячностью молодого человѣка.

— Какъ не быть, владыка? Есть. Да только они стоятъ не у дѣлъ. Къ работѣ ихъ не подпускаютъ, а въ доносахъ они и сами участвовать не хотятъ.

— Я вижу, вы наблюдали и знаете сельскую жизнь и, пожалуй, дѣйствительно можете принести пользу въ деревнѣ, — раздумчиво произнесъ преосвященный. — Извольте же, я исполню ваше желаніе и зачту за вами мѣсто въ Антоновкѣ. Постарайтесь сдѣлать что-либо для этого бѣднаго села, а мы будемъ васъ имѣть въ виду.

И съ этими словами владыка быстро написалъ что-то на прошеніи Покровскаго и, подавая ему, сказалъ:

— Отнесите въ консисторію!

Принявъ напутственное благословеніе, Константинъ Александровичъ вышелъ изъ владычнихъ покоевъ и поспѣшилъ заглянуть въ бумагу.

На пустомъ пространствѣ надъ титуломъ красивымъ старческимъ почеркомъ было написано:

„Тысяча такого-то года, октября 21-го дня. Вакансія священника при Троицкой церкви села Антоновки предоставляется кандидату богословія Константину Покровскому. Консисторія имѣетъ немедленно представить мнѣ о немъ справки“.

XVIII.

Товарищъ-столоначальникъ очень быстро исполнилъ всѣ канцелярскія формальности, и дней черезъ десять Константинъ Александровичъ ходилъ уже въ рясѣ.

Поучившись съ недѣльку на практикѣ требоисправленію, вновь посвященный батюшка получилъ „ставленническую“ грамоту съ наставленіемъ быть „не бійцей, не пьяницей, не корыстолюбцемъ“, и уѣхалъ къ мѣсту новаго служенія.

Слѣдомъ за нимъ отправилась и Вѣра Васильевна съ матерью и хорошенькой Аннушкой, ни за что не хотѣвшей оставить свою „барыню“.

Весело, со спокойнымъ сердцемъ уѣзжала молодежь изъ города, и только одна Надежда Ѳедоровна, разставаясь съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ прошла вся ея жизнь, потихоньку всплакнула.

Впрочемъ и она очень скоро утѣшилась.

Пріѣхавъ въ Антоновку и очутившись въ давно знакомой обстановкѣ священническаго дома, она сразу же воспрянула духомъ и повеселѣла.

— Слава Тебѣ, Господи!— радостно перекрестилась она, почуявъ тотъ специфическій запахъ кипариса, ладана и деревяннаго масла, которымъ обыкновенно пропитаны жилища всѣхъ духовныхъ лицъ:—привелъ Богъ опять ладанку понюхать.

А черезъ недѣлю старушка ужъ окончательно забыла покинутыя мѣста и не могла нахвалиться своимъ новымъ положеніемъ.

— Ну, и хорошо же здѣсь, въ деревнѣ,— часто говорила она Аннушкѣ: — тишина-то какая! Снѣжинка, кажется, пролетитъ, и то услышишь. А воздухъ-то, воздухъ! Даже меня, полумертваго человѣка, пьянитъ.

— Что говорить? благодать! —соглашалась Аннушка, у которой отъ привольной деревенской жизни щечки уже начинали покрываться цвѣтущимъ румянцемъ.

Не меньше старушки Смирновой довольны были и молодые супруги.

Съ беззаботностью здоровой молодости они не обращали вниманія на дивныя гигіеническія условія, такъ восторгавшія больную Надежду Ѳедоровну, и радовались исключительно тому, что могутъ наконецъ поработать на пользу народа.

А работы, дѣйствительно, было немало.

За послѣднее столѣтіе въ селѣ Антоновкѣ смѣнилось только два священника.

Одинъ прослужилъ шестьдесятъ-пять лѣтъ и, сдавъ мѣсто внучкѣ, умеръ на сто-второмъ году отъ рожденія.

Преемникъ его послужилъ чуть-чуть поменьше, лѣтъ такъ около сорока, и скончался семидесятилѣтнимъ старцемъ.

Оба эти пастыря прекрасно помнили доброе старое время и словно не замѣтили великой освободительной реформы.

Для нихъ прихожане-крестьяне были не свободными, равноправными гражданами, а все тѣми же крѣпостными рабами.

Мужички въ свою очередь боялись своихъ духовныхъ отцовъ, какъ огня, обходили ихъ за версту, стояли передъ ними безъ шапокъ и низко кланялись, а за глазами всячески издѣвались и вышучивали ихъ.

Батюшки прижимали свою паству епитимьями да разными

канцелярскими строгостями; пасомые норовили при всякомъ удобномъ случаѣ обсчитать и обмануть ихъ.

О взаимной любви, довѣріи, разумѣется, не было и рѣчи.

Это были скорѣе два врага, которые подъ личиною дружбы скрываютъ истинныя чувства и терпѣливо ожидаютъ подходящаго момента, чтобы нанести противнику ударъ поглубже и побольнѣе.

Никогда еще не наблюдавшій такихъ отношеній между духовными отцами и чадами, Константинъ Александровичъ былъ возмущенъ до глубины души.

„Гдѣ я нахожусь?—съ горестью думалъ онъ:—въ христіанской ли общинѣ, гдѣ всѣ—братья о Христѣ и должны носить тяготы другъ друга, или среди язычниковъ, у которыхъ каждый преслѣдуетъ только свои собственные узенькіе интересы?"

И молодой батюшка рѣшилъ прежде всего попытаться сблизиться со своими прихожанами.

— Мы ни за что не можемъ приняться, пока они намъ не вѣрятъ, — сказалъ онъ женѣ: — самое полезное для нихъ дѣло они разрушатъ своей подозрительностью и недовѣріемъ. Постараемся сначала расположить ихъ къ себѣ!

Хорошо знакомый съ крестьянской натурой, Покровскій отлично понималъ, что проповѣдями и наставленіями онъ врядъ ли добьется успѣха.

Мужички внимательно прослушаютъ краснорѣчивое поученіе, вздохнутъ разъ-другой, можетъ быть, даже и прослезятся, но, выходя изъ церкви, непремѣнно подумаютъ про себя:

„Славно поешь, да гдѣ-то сядешь?"

Поэтому Константинъ Александровичъ не сталъ терять даромъ словъ, а принялся сближаться съ паствой дѣломъ.

— Накройтесь, накройтесь, братцы!—говорилъ онъ крестьянамъ, когда при разговорѣ съ нимъ они подобострастно снимали рваныя шапчонки:—что вы въ храмъ пришли? или передъ иконой стоите? Я—такой же грѣшный человѣкъ, какъ и вы".

— Никакъ эфто, батюшка, невозможно,—пробовали возражать мужички:—какъ вы есть нашъ духовникъ, то должны мы вашу милость уважать.

Но Покровскій тоже былъ упоренъ и твердо стоялъ на своемъ.

— Ну, и уважайте меня въ сердцѣ!—съ легкой насмѣшечкой въ голосѣ замѣчалъ онъ,—а головки-то прикройте: отъ этого мнѣ не велика честь. Вы предо мною хоть никогда шапки не ломайте, да и за глаза не поносите; это вотъ будетъ лучше всего.

Видя себя разгаданными, крестьяне конфузились и надѣвали шапки.

Мало-по-малу всѣ привыкли, поздоровавшись со священникомъ, тотчасъ же накрывать голову.

Тогда Константинъ Александровичъ началъ отучать ихъ отъ другой рабской привычки—цѣлованія рукъ.

— Что вы къ моимъ рукамъ-то прикладываетесь? Что я, святой что-ли?—добродушно шутилъ онъ.

— Да какъ же, батюшка? — изумлялись мужики:—вѣдь ты у престола служишь и къ Богу насъ ведешь. Значитъ, ты насъ святѣе.

— Нѣтъ, братцы, — отвѣчалъ священникъ: — я такой же грѣшный, какъ и вы. И даже грѣшнѣе васъ. Потому вы только за свои грѣхи предъ Богомъ отвѣтите, а съ меня и за ваши взыщется. Давайте-ка здороваться за руку!

Понемножку и къ этому привыкли мужички.

Но Константину Александровичу всего этого было еще мало.

Это была внѣшняя, показная сторона, а онъ стремился къ сближенію духовному.

Ему хотѣлось проникнуть въ домъ своихъ прихожанъ, сдѣлаться ихъ другомъ, совѣтникомъ, руководителемъ.

Добиться этого было не такъ-то легко.

Предшественники Покровскаго гнушались своими духовными чадами и ни къ себѣ ихъ не принимали, ни сами къ нимъ не заходили безъ особенной нужды.

Волей-неволей молодому батюшкѣ пришлось насильно навязаться въ гости.

— Эхъ, ты!—сказалъ онъ одному состоятельному крестьянину, собиравшемуся женить сына:—мужикъ богатый, а не хочешь священника на свадьбу пригласить.

— Да я, батюшка, всей душой бы радъ, только не смѣлъ потревожить вашу милость,—радостно отвѣчалъ оторопѣвшій мужичокъ, которому очень льстило видѣть у себя на пиру такого почетнаго гостя.

— А радъ, такъ и высылай лошадку! Мы съ матушкой пріѣдемъ.

Въ назначенный день Константину Александровичу подана была пара лошадей, и онъ отправился съ Вѣрочкой на свадьбу.

По случаю прибытія такихъ небывалыхъ гостей, въ просторную избу новобрачныхъ натискалась куча народа.

Всѣ боязливо переглядывались и перешептывались, и, видимо, недоумѣвали, какъ держать себя въ присутствіи священника.

Константинъ Александровичъ рѣшилъ придти имъ на помощь.

— Что же вы не попляшете? — обратился онъ къ „молодымъ“, сидѣвшимъ на пышной пуховой подушкѣ за уставленнымъ дессертомъ столомъ.

— А развѣ эфто, батюшка, можно? — солидно спросилъ отецъ новобрачной, низенькій, широкоплечій мужикъ, съ окладистой бородой и крошечными, хитрыми глазками.

— Отчего же нельзя? — отвѣчалъ Покровскій: — самъ царь Давидъ плясалъ передъ ковчегомъ завѣта.

— А вотъ старые батюшки намъ не дозволяли. И проповѣди объ эфтомъ говорили. Все на дщерь Иродіадину, — плясавицу, — указывали.

— Ну, и что же? вы слушались ихъ? не плясали?

Мужичокъ сначала замялся, потомъ весело встряхнулъ головой и сказалъ:

— Что грѣха таить? плясали.

— То-то вотъ и есть, — засмѣялся батюшка: — значитъ, вы творили два грѣха: плясали — это разъ, своего пастыря не слушали — два. Ну, а я, чтобы не вводить васъ въ лишній грѣхъ, плясать не запрещаю. Пляшите на здоровье!

Всѣ оживились, заговорили, и Константинъ Александровичъ понялъ, что крѣпкая стѣна, стоявшая межъ нимъ и приходомъ, слегка ужъ пошатнулась.

Съ этого дня „батюшку“ и „матушку“ стали наперерывъ приглашать на разныя торжества.

Они не отказывались, охотно ѣздили и къ богатымъ, и къ бѣднымъ, и старались держаться со всѣми какъ можно проще и доступнѣе.

Со своей стороны Вѣра Васильевна нашла и еще одинъ путь къ сближенію съ народомъ.

Ей очень не нравилось гнусливое пѣніе стараго дьячка и нѣсколькихъ любителей, стоявшихъ на правомъ клиросѣ Антоновской церкви, и она задумала создать правильный хоръ.

Желающихъ принять участіе въ этомъ хорѣ она приглашала къ себѣ въ домъ на спѣвки, и тутъ-то вотъ, въ минуты отдыха, заводила разговоры „по душѣ“.

Все это повело къ тому, что крестьяне перестали, наконецъ, дичиться своего священника и толпами начали обращаться къ нему во всѣхъ своихъ нуждахъ.

Одинъ шелъ къ нему съ недоумѣніемъ религіознаго свойства; другой просилъ совѣта въ тяжебномъ дѣлѣ; третій жаловался на жену и дѣтей.

Бабенки въ свою очередь прибѣгали съ жалобами на „тиранства“ мужей, показывали выдранныя ими косы и разорванные повойники и приносили на сохраненіе лишніе холсты, когда владыкамъ дома случалось загулять.

Константинъ Александровичъ и Вѣрочка по возможности старались удовлетворять всѣ просьбы, и вскорѣ прихожане села Антоновскаго не могли нахвалиться своимъ негордымъ, услужливымъ священникомъ и его ласковой, внимательной женой.

— Ну, и батьку намъ Господь послалъ! — хвастались они сосѣднимъ мужикамъ:—одно слово—рубаха! У прежнихъ-то поповъ мы, бывало, не знали, куда и дверь въ дому отворяется, а къ этому идемъ смѣло, какъ въ свою избу. И никогда это онъ на тебя не закричитъ, не облаетъ. Сначала все выслушаетъ, разспроситъ по-хорошему, ну, а потомъ, значитъ, и наставленье дастъ и напишетъ, что̀ требуется. Прямо сказать: не человѣкъ—услуга!

Видя такую перемѣну отношеній, Покровскій, конечно, радовался и подумывалъ уже приняться за осуществленіе своихъ завѣтныхъ плановъ, какъ вдругъ произошло одно приключеніе, которое перевернуло всѣ его намѣренія.

XIX.

Въ приходѣ Антоновской церкви находилась чудная барская усадьба „Долгино“, принадлежавшая уже болѣе ста лѣтъ роду князей Рокоткиныхъ.

Во времена крѣпостного права Рокоткины жили въ Долгинѣ почти безвыѣздно, но съ освобожденіемъ крестьянъ они немедленно же сдали имѣніе въ аренду, заколотили роскошный каменный домъ и уѣхали куда-то заграницу.

Съ тѣхъ поръ, въ теченіе сорока почти лѣтъ, антоновцы ни разу не видѣли своихъ бывшихъ владѣльцевъ и даже хорошенько не знали, гдѣ они находятся.

Отъ бывшей княжеской ключницы Минодоры, глухой и на половину уже выжившей изъ ума столѣтней старухи, они слышали, что послѣдній ихъ „господинъ“, „молодой“ князь Алексѣй Ивановичъ, которому по расчисленіямъ мужиковъ было ужъ за семьдесятъ, волею Божіею скончался отъ какой-то новомодной болѣзни, какою въ старину князья Рокоткины никогда и не страдали.

Послѣ него остался „ребеночекъ“, такъ, тоже лѣтъ за со-

рокъ, Иванъ Алексѣевичъ, который женился на „французинкѣ“ и прижилъ съ нею дочку Варвару Ивановну.

Вскорѣ послѣ рожденія княжны, супруга Ивана Алексѣевича скончалась, а самъ онъ, „чтобы разогнать кручину“, пустился въ веселую свѣтскую жизнь и, не умѣя ни въ чемъ соблюдать мѣру, веселился до того, что нажилъ себѣ размягченіе мозга, и теперь „какъ есть совершеннѣйшій дурачокъ“.

Года черезъ два по поступленіи Константина Александровича въ Антоновку, пришло извѣстіе, что княжна Варвара Ивановна, которой только-что исполнилось восемнадцать лѣтъ, вышла замужъ тоже за какого-то князя, молодого и богатаго, и собирается провести лѣто въ родовомъ своемъ гнѣздѣ.

Весь отданный заботамъ о своихъ мужичкахъ, Покровскій не предполагалъ вести знакомство съ этими представителями великосвѣтскаго круга, и даже не полюбопытствовалъ узнать фамилію новаго владѣльца Долгина.

Впослѣдствіи онъ и совсѣмъ забылъ о юной княжеской четѣ, и потому совершенно искренно удивился, когда въ одинъ изъ воскресныхъ дней увидѣлъ за обѣдней незнакомую красивую барыню и рядомъ съ ней... своего бывшаго ученика Маметъ-Чильдѣева, въ формѣ корнета самаго аристократическаго изъ гвардейскихъ полковъ.

— Какъ вы попали сюда, князь? — спросилъ Константинъ Александровичъ, возвратясь изъ церкви и заставъ у себя Чильдѣева и его нарядную спутницу.

— А вотъ пріѣхали съ женой погостить въ ея имѣніе, — отвѣчалъ спрошенный, крѣпко пожимая хозяину руку. — Позвольте васъ познакомить: моя жена, Варвара Ивановна, урожденная Рокоткина. Она — ваша мѣстная землевладѣлица, но, представьте, первый разъ въ здѣшнихъ мѣстахъ.

Завязался общій, оживленный разговоръ.

Маметъ-Чильдѣевъ очень интересовался, почему Покровскій не остался въ городѣ, а пошелъ священникомъ въ село; подробно разспрашивалъ объ ихъ житьѣ-бытьѣ, о томъ, какъ они проводятъ время, не скучаютъ ли, съ кѣмъ ведутъ знакомство?

Варвара Ивановна разсказывала Вѣрочкѣ, какъ пріятно была она поражена, услышавъ сегодня такое стройное пѣніе въ ихъ церкви, и, узнавъ, что это дѣло рукъ „матушки“, непритворно изумилась, какъ могла она такъ облагородить эти грубые мужицкіе голоса.

Поболтавъ съ полчаса, Чильдѣевы стали прощаться.

— Мнѣ о многомъ бы хотѣлось еще переговорить съ вами, —

сказалъ князь Константину Александровичу,—но, къ сожалѣнію, намъ необходимо сдѣлать сегодня еще нѣсколько визитовъ. Поэтому мы будемъ просить васъ съ Вѣрой Васильевной пожаловать къ намъ въ четвергъ откушать. Посидимъ, побесѣдуемъ, вспомнимъ старину. Передъ обѣдомъ попрошу васъ отслужить въ домѣ молебенъ. Кстати, вы ничего не будете имѣть противъ, если я приглашу къ молебну вашего благочиннаго, отца Николая? Варенька говоритъ, что онъ оказывалъ кое-какія услуги ея отцу: негласно наблюдалъ за арендаторомъ, слѣдилъ за исправностью построекъ, доносилъ о лѣсныхъ порубкахъ. Ну, знаете ли, и неловко не позвать старика.

— Помилуйте!—улыбнулся Покровскій:—развѣ вы въ своемъ домѣ не полный хозяинъ. Да и лично противъ отца Николая я ничего не имѣю. Держится онъ со мной безукоризненно, хотя въ душѣ, кажется, недолюбливаетъ меня.

— Почему?

— Должно быть, подозрѣваетъ, что я хочу занять его должность.

— Неужели?

— Не смѣю увѣрять, но весьма на это похоже. Впрочемъ, повторяю, это нисколько не должно вліять на ваше намѣреніе пригласить его.

— Ну, очень вамъ признателенъ за это! Не пригласить старика на первый званый обѣдъ было бы прямо непозволительно. А на будущее время я приму мѣры, чтобы вы у меня не встрѣчались.

Молодые супруги уѣхали.

— Вотъ ужъ кого совсѣмъ не ожидалъ здѣсь видѣть!—сказалъ Константинъ Александровичъ женѣ, когда коляска Чильдѣевыхъ скрылась за поворотомъ.

— Да, мой другъ, нигдѣ, должно быть, не скроешься отъ судьбы!—грустно отвѣчала Вѣрочка.

— Что съ тобой, голубка?—спросилъ Покровскій, слегка обезпокоенный ея тономъ.

— Ничего особеннаго. Просто, эта встрѣча меня взволновала, и мнѣ кажется, что она принесетъ намъ какую-то непріятность.

— Полно, голубка! Неужели ты вѣришь въ предчувствія? Ну, если хочешь, не поѣдемъ къ нимъ въ четвергъ,—вотъ и конецъ.

— Ахъ, милый, милый! Развѣ можно бѣжать отъ бѣды, которой не знаешь? Нѣтъ, по моему, ужъ лучше идти ей навстрѣчу, чтобы поскорѣе столкнуться съ ней и развязаться.

— Ахъ, ты, философка моя дорогая!—усмѣхнулся священникъ и нѣжно поцѣловалъ жену.

XX.

Въ четвергъ, въ обширной столовой Рокоткинскаго дома, собрался небольшой кружокъ ближайшихъ сосѣдей Чильдѣевыхъ.

Почетное мѣсто, рядомъ съ хозяйкою, занималъ какой-то захудалый графчикъ съ тройной нѣмецкой фамиліей, бѣдная отрасль богатой семьи.

Это былъ низенькій, довольно толстый господинъ, лѣтъ сорока-пяти, въ пестромъ, безвкусномъ костюмѣ, по виду очень напоминавшій приказчика изъ хорошаго мануфактурнаго магазина.

И вопреки установившемуся мнѣнію, наружность на этотъ разъ была необманчива.

Въ погонѣ за презрѣннымъ металломъ, графъ, дѣйствительно, занимался тайкомъ разными коммерческими предпріятіями, начиная отъ барышничанья лошадьми и кончая выдачею мелкихъ ссудъ подъ залогъ хлѣба крестьянамъ и окрестнымъ землевладѣльцамъ.

Несмотря на громкій титулъ, графъ былъ человѣкъ мало образованный; по-русски писалъ безграмотно, исторію и географію зналъ лишь по путешествіямъ и романамъ, и въ совершенствѣ владѣлъ лишь французскимъ и нѣмецкимъ языками.

Благодаря, однако, высокому положенію своихъ родственниковъ и широкимъ великосвѣтскимъ связямъ, графъ вездѣ былъ принятъ охотно и пользовался даже нѣкоторымъ вліяніемъ среди своихъ деревенскихъ знакомыхъ.

Получивъ приглашеніе князя, онъ пріѣхалъ къ обѣду съ огромнымъ букетомъ дешевенькихъ цвѣтовъ, который и поставилъ торжественно предъ приборомъ княгини.

Очень довольный тѣмъ, что наконецъ-то и въ деревнѣ можетъ быть въ „своемъ кругу“, графъ разсыпался въ любезностяхъ предъ молоденькой хозяйкой, выискивалъ общихъ знакомыхъ, приводилъ о нихъ самыя точныя геральдическія справки, разсказывалъ кое-какія сплетни изъ ихъ домашней жизни, и въ то же время жадно поглощалъ тонкія блюда, искусно приготовленныя прибывшимъ съ Чильдѣевыми поваромъ-французомъ.

По лѣвую руку Варвары Ивановны сидѣлъ другой почетный гость, отставной гвардейскій полковникъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Клы-

ковъ, довольно уже ветхій, но бодрящійся старикашка, съ расчесанной на двѣ стороны небольшой сѣдой бородкой.

Лѣтъ пятьдесятъ назадъ, Клыковъ считался очень остроумнымъ и интереснымъ молодымъ человѣкомъ, „душою общества", и употреблялъ всѣ силы, чтобы поддержать эту славу.

Онъ неизмѣнно повторялъ однѣ и тѣ же шутки и остроты, которыя имѣли такой успѣхъ во дни его зеленой юности, ухаживалъ за всѣми молоденькими дамочками и барышнями и, повидимому, не замѣчалъ, что молодежь давно уже смѣется надъ нимъ за спиною и дала ему неособенно лестное прозвище „мышинаго жеребчика".

Видя, что хозяйка всецѣло занята болтовнею графа, Ѳедоръ Ѳедоровичъ обратилъ вниманіе на другую свою сосѣдку, Вѣру Васильевну, и началъ, выражаясь его языкомъ, „строить ей куры".

Вѣрочка съ глубокимъ сожалѣніемъ посматривала на этого сѣдовласаго любезника и съ великими усиліями принуждала себя изрѣдка отвѣчать ему.

Отъ томительно-однообразныхъ, пошловатыхъ любезностей Ѳедора Ѳедоровича Вѣрочкѣ стало нестерпимо скучно.

Чтобы хоть чѣмъ-нибудь развлечь себи, она принялась разсматривать остальныхъ гостей князя, которыхъ знала по наслышкѣ.

Прямо насупротивъ нея сидѣла единственная дочь Клыкова— Липочка, тридцати-восьмилѣтняя барышня, тощая какъ палка, съ блѣднымъ, изможденнымъ лицомъ.

Липочка считалась дѣвицей очень скромной и набожной, и потому, должно быть, больше молчала и поглядывала украдкой на молоденькаго Чильдѣева, мысленно разбирая его по статьямъ со вкусомъ знатока.

Рядомъ съ Липочкой помѣщался какой-то мѣстный дѣятель, Александръ Митрофановичъ Деспотовъ, не то членъ управы, не то податной инспекторъ, плотный, лысый мужчина, съ рѣденькой, клочковатой бородкой, тонкимъ, загнутымъ книзу носомъ и сильно глуповатымъ лицомъ.

Напечатавъ однажды въ „Земскомъ Вѣстникѣ" что-то вродѣ „письма въ редакцію" или „опроверженія", Деспотовъ не на шутку мнилъ себя писателемъ и говорилъ съ большимъ апломбомъ.

„Литературныя заслуги" Александра Митрофановича признавались, кажется, и всѣми его знакомыми, и потому къ самоувѣреннымъ рѣчамъ его всѣ старались прислушиваться внимательно.

Одна только супруга Деспотова — Анна Васильевна, трехъобхватная дама съ темно-краснымъ отъ затянутаго корсета ли-

цомъ, не раздѣляла, какъ видно, общаго поклоненія литературнымъ талантамъ мужа и поминутно обрывала послѣдняго безцеремонными словами:

— Александръ! Ты путаешь!

Слѣва отъ Вѣрочки, между нею и княземъ, сидѣлъ высокій, худощавый протоіерей, съ длинной, совершенно бѣлой бородой-лопатой и пышными изжелта-сѣдыми волосами.

На груди его красовались золотой, осыпанный бриллiантами, крестъ и нѣсколько красныхъ орденскихъ ленточекъ съ разноцвѣтными краями.

Это былъ мѣстный благочинный, отецъ Николай Синицынъ.

Подобно графу, совсѣмъ заговорившему Варвару Ивановну, благочинный старался овладѣть исключительнымъ вниманіемъ хозяина.

Слегка склонившись въ его сторону и немного понизивъ голосъ, почтенный протоіерей съ участіемъ началъ разспрашивать Маметъ-Чильдѣева, все ли нашелъ онъ въ исправности въ своемъ имѣніи, не открылъ ли какихъ недочетовъ у арендатора, не оказалось ли „шалостей“ и со стороны мужиковъ?

Узнавъ, что князь не имѣлъ еще времени подробно ознакомиться съ хозяйствомъ, онъ посовѣтовалъ ему пересчитать что-то въ амбарахъ, посѣтить какую-то заповѣдную рощу и потребовать отъ арендатора расходныя книги за такіе-то годы.

— Вотъ тогда сами все увидите-съ,—съ хитрою улыбочкою закончилъ онъ.

Чильдѣеву были очень непріятны эти рѣчи, и онъ нѣсколько разъ пытался перевести разговоръ на другой предметъ, но остановить расходившагося протоіерея было трудно.

Покончивъ съ хозяйственными дѣлами князя, Синицынъ началъ „раскрывать послѣднему глаза“ на сидѣвшихъ за столомъ гостей.

Понизивъ голосъ почти до шопота, онъ сообщилъ, что Деспотова не сегодня—завтра посадятъ на скамью подсудимыхъ за растрату казенныхъ денегъ и разныя преступленія по должности.

Въ сущности, это давно бы уже должно было случиться, да супруга Деспотова была доселѣ въ очень короткихъ отношеніяхъ съ тѣмъ лицомъ, отъ котораго зависитъ судьба ея мужа, и потому Александру Митрофановичу все сходило съ рукъ.

На дняхъ, однако, между Анной Васильевной и ея „другомъ“ пробѣжала черная кошка, и Деспотову уже приказано немедленно пополнить недостающія суммы.

Графъ, конечно, этому радуется, такъ какъ мечтаетъ самъ

занять мѣсто Александра Митрофановича, но только врядъ ли его выберутъ: всѣ еще слишкомъ хорошо помнятъ, что года два назадъ его сіятельство публично былъ избитъ какимъ то цыганомъ, которому онъ подсунулъ слѣпую и разбитую на ноги лошадь.

Обязанности Деспотова, вѣрнѣе всего, перейдутъ къ Клыкову, этому старому сластолюбцу, отъ котораго ни одна горничная не уйдетъ „въ порядкѣ".

Перебравъ присутствующихъ мужчинъ, почтенный протоіерей хотѣлъ уже подѣлиться „съ дорогимъ княземъ" и своими „свѣдѣніями" о дамахъ, но не привыкшій къ подобнымъ бесѣдамъ Чильдѣевъ рѣшилъ положить конецъ дальнѣйшимъ сплетнямъ.

Услышавъ, что Варвара Ивановна заговорила съ графомъ о музыкѣ, князь безцеремонно прервалъ Синицына на полусловѣ и обратился къ женѣ:

— Ахъ, кстати, Barbe! — сказалъ онъ:—ты не забыла, что хотѣла попросить Вѣру Васильевну спѣть что-нибудь послѣ обѣда?

— Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ, я помню! — отвѣчала княгиня.

— А развѣ матушка поетъ? — спросила Анна Васильевна, обладавшая жиденькимъ сопрано и потому слывшая въ округѣ первой пѣвицей.

— Какъ истинная артистка! — съ жаромъ откликнулся князь.

— Вотъ какъ! — недовѣрчиво протянула Деспотова и чуть замѣтно улыбнулась.

— Вотъ, голубушка, и конкуррентка тебѣ нашлась, — поддразнилъ жену Александръ Митрофановичъ:—будетъ тебѣ одной лавры-то пожинать!

Толстуха сердито вскинула на мужа маленькими, заплывшими жиромъ, глазками и ядовито прошипѣла:

— Ахъ, что ты, Александръ! Какіе лавры? Я вѣдь пою попросту, не артистически.

— Простите! Вы, кажется, не повѣрили мнѣ, что Вѣра Васильевна — артистка? — обратился къ ней Маметъ-Чильдѣевъ.

— Помилуйте! какое же я имѣю основаніе...—начала оправдываться Деспотова, но молодой князь перебилъ ее:

— Нѣтъ, нѣтъ, я замѣтилъ, что вы отнеслись къ моимъ словамъ съ недовѣріемъ. Но завѣряю васъ, чѣмъ угодно, что Вѣра Васильевна была артисткой не только въ переносномъ, но и буквальномъ смыслѣ слова. Она не только пѣла артистически, т.-е. мастерски и съ большимъ чувствомъ, но и играла на театрѣ.

Всѣ съ удивленіемъ подняли глаза на Вѣру Васильевну и молча принялись разсматривать ее, какъ нѣчто никогда невиданное.

— Это—очень пріятный сюрпризъ!—сказалъ наконецъ графъ и, галантно наклонившись въ сторону „матушки“, прибавилъ:—Надѣюсь, вы не откажетесь спѣть когда-нибудь и на нашихъ любительскихъ спектакляхъ?

— Ну, понятно, понятно!—отвѣчалъ за свою сосѣдку старый Клыковъ, взоръ котораго заблестѣлъ вдругъ какимъ-то гаденькимъ, маслянистымъ свѣтомъ.

Хозяева и гости наперерывъ стали просить Вѣру Васильевну „исполнить что-либо изъ своего репертуара“.

Всѣ оживились, заговорили о музыкѣ, объ оперѣ, о театрахъ, и никто не замѣтилъ того злобно-торжествующаго взгляда, который бросилъ на своего подчиненнаго старый благочинный.

XXI.

Протоіерей Синицынъ достигъ званія благочиннаго уже на склонѣ жизни, прослуживъ на пользу церкви и отечества лѣтъ тридцать слишкомъ.

Человѣкъ довольно ограниченный и недалекій, онъ былъ обязанъ назначеніемъ на эту должность единственно тому, что въ число наиболѣе вліятельныхъ членовъ мѣстной консисторіи попалъ и его шуринъ, старавшійся, конечно, при всякомъ удобномъ случаѣ порадѣть своему родственнику.

Добившись первенствующаго положенія среди окрестнаго духовенства, отецъ Николай началъ прилагать всѣ силы, чтобы какъ можно дольше удержать его за собою.

Для этого онъ прибѣгъ къ простой, но очень дѣйствительной мѣрѣ. Аттестуя ежегодно своихъ подчиненныхъ, онъ давалъ о нихъ такіе отзывы въ послужныхъ спискахъ, которые, не причиняя имъ существеннаго вреда, накидывали все-таки легкую тѣнь на поведеніе ихъ или образъ мыслей.

„Поведенія отлично хорошаго, но склоненъ къ свѣтскости“,—писалъ онъ объ одномъ.

О другомъ отзывался такъ:

„Въ поведеніи безукоризненъ, но проявляетъ иногда наклонности къ свободомыслію“.

Эти—съ виду невинныя—прибавочки прекрасно достигали цѣли и, не вызывая кары на подвѣдомственныхъ Синицыну священнослужителей, дѣлали ихъ совершенно непригодными къ занятію почетнаго благочинническаго поста.

Обезпечивъ себя такимъ образомъ отъ „происковъ“ подчи-

ненныхъ, отецъ Николай собирался уже насладиться „непоколебимою“ властью и почетомъ, какъ вдругъ узналъ, что въ село Антоновку, принадлежавшее къ его округу, поступилъ священникомъ кандидатъ богословія Покровскій.

„Академистъ, и вдругъ — въ деревню! Зачѣмъ? Что ему здѣсь надо? — взволновался протоіерей. — Очевидно, хочетъ поскорѣе выслужиться, нахватать крестовъ и орденовъ, да и перебраться опять въ городъ, на мѣстечко повиднѣе. Что-жъ, это очень возможно: среди насъ, семинаровъ, онъ будетъ человѣкъ замѣтный, — быстро въ гору пойдетъ“.

Синицыну очень живо представилось, какъ молодому антоновскому священнику дадутъ къ Рождеству набедренникъ, къ Пасхѣ — скуфью, черезъ годъ или два — камилавку, а тамъ сдѣлаютъ и благочиннымъ.

„А меня, значитъ, можно тогда и колѣномъ въ спину! — ѣдко усмѣхнулся старикъ: — будетъ, дескать, съ тебя. Давай дорогу ученымъ! Ну, да мы еще посмотримъ! Я, братъ, обстрѣлянный воробей, и всякому молокососу подчиняться не намѣренъ“.

И, тщательно затаивъ непріязнь, старый протопопъ терпѣливо сталъ поджидать удобнаго времени, чтобы выжить изъ своего округа опаснаго конкуррента.

Какъ ни старательно скрывалъ Синицынъ свои истинныя чувства, Константинъ Александровичъ сразу же почуялъ ихъ.

— Ну, съ благочиннымъ мнѣ, кажется, придется воевать, — сказалъ онъ Вѣрочкѣ, послѣ перваго же посѣщенія отца Николая.

— Почему ты такъ думаешь? — спросила та: — онъ далъ тебѣ какой-нибудь поводъ? Сказалъ что-нибудь?

— Нѣтъ, онъ былъ со мною очень любезенъ, но въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ взглядѣ такъ и сквозило скрытое нерасположеніе. Онъ, повидимому, тоже считаетъ меня карьеристомъ и опасается за себя.

— Такъ ты объяснился бы съ нимъ на чистоту. Открылъ бы ему свои планы и цѣли, которыя привели тебя въ деревню. Вотъ всѣ бы недоразумѣнія и распались.

— Ну, милая моя, съ этими людьми никакія объясненія не помогутъ. Они въ самыхъ искреннихъ рѣчахъ твоихъ будутъ видѣть заднія мысли и не повѣрятъ ни одному слову. Столкновенія тутъ не избѣжишь. Пожелаемъ только, чтобы оно не причинило никому изъ насъ существеннаго вреда.

Покровскій оказался правъ.

Благочинный съ настойчивостью ищейки слѣдилъ за каждымъ

его шагомъ и уже нѣсколько разъ пытался возстановить противъ него консисторію и архіерея.

По счастью, служебные промахи Константина Александровича, о которыхъ Синицынъ неопустительно доводилъ до свѣдѣнія епархіальныхъ властей, были незначительны и вполнѣ естественны въ молодомъ еще священникѣ, и все дѣло оканчивалось обыкновенно простымъ разъясненіемъ ему допущенныхъ ошибокъ.

Протоіерей былъ въ отчаяніи.

Ему уже начинало казаться, что у Покровскаго есть сильная „заручка вверху“, и что его, пожалуй, и не одолѣешь.

Цѣлыми днями ломалъ онъ голову, какъ бы „подловить“ ненавистнаго сосѣда, но ничего „неотразимаго“ придумать не могъ.

У него уже зарождалась мысль примириться съ неизбѣжностью и постараться вступить въ дружбу съ „будущимъ благочиннымъ“.

Трудно было самолюбивому Синицыну переломить себя, но онъ уже почти рѣшился на это, какъ вдругъ, на обѣдѣ у Чильдѣевыхъ, въ рукахъ у него совершенно неожиданно очутился новый крупный козырь для борьбы съ Покровскимъ.

Услышавъ, что Вѣра Васильевна играла до свадьбы на сценѣ, благочинный мигомъ смекнулъ, какую пользу для себя можетъ извлечь онъ изъ этого факта, и глазки его вспыхнули злобнымъ торжествомъ.

Онъ быстро, однако, овладѣлъ собою и съ невозмутимымъ попрежнему видомъ выслушивалъ горячія похвалы князя таланту Вѣрочки.

Онъ даже поощрялъ разсказчика и, какъ будто сочувствуя ему, нѣсколько разъ произнесъ:

— Ахъ, какъ это пріятно-съ!

Когда, уступая настойчивымъ просьбамъ присутствующихъ, Вѣрочка спѣла какой-то романсъ, онъ похвалилъ и ее.

Ласково кивнувъ головой, онъ сказалъ ей старчески-добродушнымъ тономъ:

— Превосходно-съ, государыня моя, превосходно-съ!

Послѣ пѣнія онъ заспѣшилъ, однако, домой и, прощаясь съ Покровскими, пронзилъ ихъ опять полнымъ злой радости взглядомъ.

И молодые супруги поняли этотъ взглядъ, и у нихъ обоихъ пронеслась одна и та же мысль:

— Все кончено! Мы пропали!

XXII.

Покровскіе не ошиблись.

Недѣли черезъ двѣ послѣ обѣда у Чильдѣевыхъ, Константинъ Александровичъ вызванъ былъ къ архіерею „по экстренному дѣлу“.

Когда онъ вошелъ въ пріемный залъ владыки, послѣдній уже принималъ посѣтителей, стоя у какого-то не то налоя, не то конторскаго стола, надъ которымъ висѣла огромная икона Богоматери съ горящей предъ нею лампадой.

Увидавъ антоновскаго священника, архіерей тотчасъ же поманилъ его къ себѣ худенькой ручкой и, къ великому удивленію присутствующихъ, удалился съ нимъ въ кабинетъ, плотно притворивъ за собою двери.

— Ко мнѣ поступило отъ благочиннаго Синицына очень серьезное донесеніе относительно васъ,—сказалъ владыка, опускаясь въ потертое кожаное кресло и жестомъ приглашая Покровскаго садиться.—Фактъ, о которомъ онъ сообщаетъ, такъ мало вѣроятенъ, что я счелъ долгомъ, прежде чѣмъ давать дѣлу законный ходъ, лично переговорить съ вами. Протоіерей Синицынъ обвиняетъ васъ въ томъ, что, вопреки каноническимъ правиламъ, вы состоите въ бракѣ съ актрисой. Правда ли это?

Константинъ Александровичъ съ минуту колебался, потомъ смѣло поднялъ глаза на владыку и заговорилъ рѣшительнымъ тономъ:

— Что-жъ, владыка, я не стану запираться! Да, я женатъ на дѣвушкѣ, которая ради куска насущнаго хлѣба нѣсколько мѣсяцевъ пѣла на сценѣ, но осталась чистой и непорочной. Я вступилъ съ ней въ бракъ, потому что горячо полюбилъ ее и не хотѣлъ дать ей погибнуть.

И онъ откровенно разсказалъ архіерею всю исторію своей свадьбы.

Внимательно выслушавъ разсказъ, владыка задумался.

— Да, случай интересный!—сказалъ онъ, помолчавъ.—Говоря по совѣсти, я не вижу особеннаго грѣха въ вашемъ поступкѣ, но вы нарушили требованія каноновъ церковныхъ, а съ этимъ нужно будетъ считаться. По смыслу закона вамъ придется отпустить жену отъ себя.

— Простите, владыка, я не въ силахъ сдѣлать это: мы слишкомъ привязаны другъ къ другу.

— Ну, въ такомъ случаѣ консисторія извергнетъ васъ изъ священнаго сана. Тутъ выбора быть не можетъ.

— Но развѣ вы лично, владыка, не можете прекратить этого дѣла? Вѣдь вы продолжатель дѣла Христова на землѣ. Вамъ передалъ Онъ свою власть вязать и рѣшить. Если вы не находите въ моемъ поступкѣ ничего грѣховнаго, то покройте его своею любовью!

— Ахъ, что вы говорите?!—въ ужасѣ замахалъ руками старенькій епископъ.—Развѣ это возможно? Вѣдь это въ добрыя, стародавнія времена мы, епископы, были непосредственными преемниками власти Христовой и могли вязать и рѣшить, какъ подсказывала намъ совѣсть. А теперь между Нимъ и нами стали канцелярскіе чиновники въ вицъ-мундирахъ. И если они пронюхаютъ, что я потушилъ ваше дѣло, то и васъ не помилуютъ, да и мнѣ не сдобровать. Вѣрьте, мнѣ себя не жаль: я уже старикъ, и никого не боюсь, кромѣ Господа Бога, но вѣдь это будетъ совершенно безполезная жертва.

— Что же мнѣ дѣлать, владыка?—уныло спросилъ его Покровскій.

— А вотъ поѣзжайте теперь домой и посовѣтуйтесь хорошенько съ женою. А я недѣльки на двѣ положу донесеніе благочиннаго подъ сукно. Что придумаете, сообщите мнѣ! Тогда мы такъ дѣло и направимъ.

XXIII.

— Ну, что, Костя? Зачѣмъ тебя требовали къ архіерею?—спросила Вѣра Васильевна мужа, когда тотъ вернулся домой.

Константинъ Александровичъ сначала замялся, потомъ осторожно, со всякими оговорками и отступленіями, сталъ передавать о доносѣ Синицына и о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыми онъ грозитъ.

Къ великому удивленію его, Вѣра Васильевна нисколько не взволновалась и слушала разсказъ совершенно равнодушно, какъ нѣчто хорошо уже извѣстное.

— Ты, Вѣрочка, кажется, нисколько не поражена всѣмъ этимъ?—спросилъ ее мужъ.

— Я давно уже ожидала этого, мой другъ!—грустно отвѣчала Вѣра Васильевна.—Шила въ мѣшкѣ не утаишь. Рано или поздно тайна наша должна была открыться, и я готовилась къ этому. Потому-то я такъ спокойно и выслушивала тебя. Но, скажи мнѣ, что же ты думаешь теперь дѣлать?

— Вѣрочка! меня удивляетъ этотъ вопросъ!—пожалъ плечами Константинъ Александровичъ.—Ты, я думаю, сама не хуже меня знаешь, что нужно дѣлать. Придется отказаться отъ службы и перебраться въ городъ. А тамъ, Богъ дастъ, найду уроковъ, еще какой-нибудь работки, и заживемъ опять попрежнему. Съ этой стороны я совершенно покоенъ. Меня, признаюсь, волнуетъ только то, что твое честное, незапятнанное имя будетъ трепаться по разнымъ консисторскимъ канцеляріямъ. Я, кажется, ничего бы не пожалѣлъ, чтобы избѣжать этого, но—увы!—это невозможно!

— А прихожанъ своихъ тебѣ не жаль нисколько?

— Ну, какъ не жаль?! Жалко и прихожанъ. Они только-что начали пробуждаться отъ вѣковой спячки, и имъ необходимъ преданный и любящій руководитель. А кто можетъ поручиться, таковъ ли будетъ мой намѣстникъ? Болѣе вѣроятности, что будетъ изъ лагеря Синицыныхъ и ихъ единомышленниковъ. А оттуда, выражаясь словами Евангелія, можетъ ли что доброе быть?

— То-то вотъ и есть,—раздумчиво произнесла Вѣра Васильевна и, немного помолчавъ, спросила:—А когда же ты думаешь посылать заявленіе объ отказѣ отъ должности?

— Да завтра же и пошлю. Медлить нечего. Развязаться поскорѣе со всей этой исторіей, да и зажить опять въ мирѣ и тишинѣ.

— Ну, къ чему такъ спѣшить? Вѣдь тебѣ дано двѣ недѣли на размышленіе. Вотъ и воспользуемся этимъ временемъ, пообдумаемъ, пообсудимъ все хорошенько. Можетъ быть, найдемъ и еще какой-нибудь выходъ.

— Не знаю, что тутъ можно придумать?—опять пожалъ плечами Покровскій:—архіерей, кажется, ясно поставилъ вопросъ: либо разойтись съ тобою, либо выйти изъ духовнаго званія. Чего же еще ждать? Сколько ни медли, а не выдумаешь ничего. Такъ не лучше ли покончить дѣло разомъ, а не откладывать въ долгій ящикъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, не торопись! Дай мнѣ подумать хоть дней десять, а потомъ можешь послать и заявленіе.

Константинъ Александровичъ согласился.

Грустные дни настали въ домѣ Покровскихъ.

Примолкло веселое щебетанье Вѣрочки, прекратились задушевныя бесѣды за обѣдомъ и ужиномъ, не стало слышно ни смѣха, ни шутокъ.

Хозяинъ ходилъ сумрачный, унылый. Личико Вѣры Васильевны слегка осунулось, и въ глазахъ засвѣтилась глубокая, мучительная скорбь.

Грусть хозяевъ передалась и жизнерадостной Аннушкѣ, тоже смолкшей и притихшей.

— Да что у насъ случилось такое?—спрашивала нѣсколько разъ старушка Смирнова, отъ которой Покровскіе рѣшили до времени скрывать грозящую бѣду:—ужъ не умеръ ли кто изъ родныхъ?

— Нѣтъ, мамочка, всѣ, слава Богу, живы и здоровы,— а такъ скучно мнѣ что-то стало. Ну, и на Костю, конечно, это подѣйствовало, и онъ захандрилъ.

— Да что же такое съ тобой? Ужъ не хочешь ли ты подарить меня внукомъ?

— Ахъ, что вы, мамочка!—вспыхивала Вѣрочка:—просто, тоска, вотъ и все!

Надежда Ѳедоровна пристально смотрѣла на нее и недовѣрчиво качала головой.

Каждое утро, выходя въ столовую къ чаю, Константинъ Александровичъ тоже взглядывалъ на жену, какъ бы задавая ей безмолвный вопросъ:

— Ну, что, придумала ли что-нибудь?

Подъ этимъ упорнымъ взглядомъ Вѣрочка опускала обыкновенно глазки и суетливо начинала перетирать стаканы и раскладывать по нимъ сахаръ.

Такъ длилось цѣлую недѣлю.

Наконецъ, на восьмой день, Вѣра Васильевна встрѣтила мужа значительно повеселѣвшей.

„Придумала",—прочелъ онъ въ ея взорѣ.

Наскоро напившись чаю, супруги удалились въ кабинетъ.

Константинъ Александровичъ сѣлъ въ свое любимое кресло у письменнаго стола, Вѣрочка стала рядомъ и положила свою красивую, маленькую ручку на плечо мужа.

— Ну, что же ты надумала, голубка моя?—спросилъ Покровскій, ласково поглаживая руку жены.

— Ахъ, дорогой мой! Я, право, не знаю, какъ тебѣ и сказать. Боюсь, что ты разсердишься и не послушаешься меня.

— Вотъ еще что выдумала! Развѣ я такой ужъ грозный мужъ? Да и наши отношенія устроены, слава Богу, не по „Домострою". Ты должна бы, кажется, знать, что я не только тебя люблю, но и уважаю, и потому очень дорожу твоимъ мнѣніемъ.

— Знаю, голубчикъ, знаю!—просто отвѣчала Вѣра Васильевна и нѣжно обняла мужа.

— Ну, говори же скорѣй, что ты придумала?

— Видишь ли, голубчикъ: за это время я обсудила дѣло со

всѣхъ сторонъ и пришла къ заключенію, что мы не вправѣ заботиться о нашемъ личномъ счастьи, когда на тебѣ лежитъ болѣе высокая и священная обязанность.

— То-есть, какъ это? Что ты хочешь этимъ сказать?

— А то, что ты долженъ привести въ порядокъ этотъ заброшенный приходъ, просвѣтить этихъ забитыхъ людей. И ради этого мы обязаны пожертвовать нашей любовью. Оставайся же ты здѣсь, а меня отпусти!

Покровскій съ гнѣвомъ стукнулъ кулакомъ по столу.

— Ну, нѣтъ, этому не бывать!—крикнулъ онъ, сверкая глазами.—Извини меня, но я не могу послѣдовать твоему совѣту. Для пользы церкви Христовой я съ радостью отдалъ бы свое счастье, но въ угоду разной отжившей византійщинѣ я не поступлюсь даже тѣнью его. Я чувствую, что предъ Богомъ союзъ нашъ святъ и безгрѣшенъ и не нарушу его для всѣхъ консисторій въ мірѣ, со всѣми ихъ правилами и постановленіями. Я слишкомъ тебя люблю, и не для того принялъ подъ свою защиту, чтобы при первой же житейской неудачѣ бросить на произволъ судьбы. Нѣтъ, мы пойдемъ съ тобой рука объ руку до конца жизненнаго пути и либо завоюемъ себѣ счастье, либо вмѣстѣ погибнемъ.

— Хорошо, хорошо, дорогой мой! Я вѣрю, что ты меня любишь и отдаюсь на твою волю: поступай, какъ найдешь лучше!— поспѣшила успокоить мужа Вѣра Васильевна.

— Вотъ за это спасибо!—съ чувствомъ произнесъ Покровскій и крѣпко поцѣловалъ ей руку.

— Что же ты думаешь предпринять?—послѣ небольшой паузы задала вопросъ Вѣрочка.

— Я поѣду сейчасъ къ владыкѣ и буду опять умолять его потушить это дѣло. Я соглашусь перейти въ другой приходъ, даже въ другую губернію, лишь бы не разлучаться съ тобой. Если же онъ не рѣшится исполнить моей просьбы, то я подамъ заявленіе о выходѣ изъ духовнаго званія и вернусь за вами.

Константинъ Александровичъ быстро собрался въ дорогу.

Когда онъ зашелъ къ женѣ проститься, она долго смотрѣла на него, потомъ поцѣловала, перекрестила и вдругъ горько-горько зарыдала, припавъ головой къ его груди.

— Радость моя! Что съ тобой? Ты словно прощаешься со мной на вѣки,—испуганно заговорилъ Покровскій, стараясь заглянуть ей въ лицо.

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего, не безпокойся!—Вѣрочка поспѣшила отереть слезы:—просто, нервы расходились съ этой передряги.

Вотъ ужъ все и прошло. Ну, прощай же еще разъ и поѣзжай съ Богомъ!

Она снова поцѣловала его и пошла провожать на крыльцо, у котораго уже стояла рогожная кибитка, запряженная парой невзрачныхъ крестьянскихъ лошадокъ.

XXIV.

Поѣздка Константина Александровича не увѣнчалась успѣхомъ.

Преосвященный наотрѣзъ отказался заминать дѣло.

— Боюсь! чистосердечно вамъ говорю, — боюсь, — отвѣчалъ онъ на всѣ просьбы Покровскаго: — я человѣкъ старый, больной, а съ нашими чиновниками связаться спаси, Боже, и молодого. Васъ я, все равно, не выручу, а себя погублю. Ну, какая же изъ этого польза? А я бы лучше вотъ вамъ что̀ посовѣтовалъ: жену-то вы отпустите, да и поселите ее гдѣ-нибудь по близости. А поелику она для васъ все-таки Богомъ вѣнчанная супруга, то и навѣщайте ее время отъ времени! Этого никто ужъ вамъ запретить не можетъ. Вотъ и будутъ у васъ и волки сыты, и овцы цѣлы.

— Владыка! Да вѣдь это ложь, обманъ?

— Что̀ дѣлать, другъ мой, что̀ дѣлать? На что̀ не пойдешь страха ради іудейска? Недаромъ и святый царь и пророкъ Давидъ говоритъ: „ложь есть конь во спасеніе“.

— Нѣтъ, владыка, на это я не пойду. Это противъ моихъ взглядовъ и убѣжденій.

— Ну, это дѣло ваше, другъ мой! Я сказалъ вамъ по человѣчеству, снисходя къ вашему возрасту, а далѣе и поступайте, какъ хотите. „Могій вмѣстити, да вмѣститъ“.

— Въ такомъ случаѣ, владыка, благоволите принять отъ меня прошеніе объ увольненіи изъ духовнаго званія, — сказалъ Покровскій, подавая зараиѣе приготовленную „бумагу“.

Архіерей взялъ вчетверо сложенный документъ, быстро пробѣжалъ его глазами и вдругъ привѣтливо взглянулъ на молодого священника.

— Усматриваю въ васъ характеръ твердый и послѣдовательный, — задушевнымъ тономъ произнесъ онъ, кладя руку на плечо собесѣдника: — искренно сожалѣю, что вамъ не удалось подольше поработать на пользу своей паствы. Увѣренъ, что ваши прихожане были бы не по имени только христіанами, а и на дѣлѣ. Скорблю и за себя: такіе помощники попадаются намъ

рѣдко. Среди тѣхъ льстецовъ, низкопоклонниковъ, карьеристовъ и искателей, которые меня окружаютъ, вы могли бы быть мнѣ незамѣнимымъ слугой и даже другомъ. Господь, однако, судилъ, какъ видите, иначе. Ну, что жъ дѣлать? Его святая воля. Несите крестъ свой твердо, не ропщите. Помните: „претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ".

— Благодарю васъ, владыка, на добромъ словѣ. Видитъ Богъ, какъ я глубоко огорченъ, что не могу отдать силъ своихъ на служеніе церкви. Я всегда къ этому стремился, долго и старательно готовился и никакъ не предполагалъ, что найдутся законы, которые воспрепятствуютъ мнѣ поработать Господу со страхомъ и трепетомъ. Я ошибся. Я забылъ, что „льстивіи" греки оставили намъ свое тяжелое наслѣдіе, въ видѣ разныхъ правилъ, постановленій и толкованій, которыя еще долго-долго будутъ затемнять для насъ чистое и свѣтозарное ученіе Христово. Жизнь довольно жестоко напоминаетъ мнѣ объ этомъ. Ну, что же? Я не ропщу. Хвала и благодареніе Богу за все.

И онъ съ глубокимъ чувствомъ облобызалъ руку престарѣлаго епископа.

— Аминь! — отвѣчалъ владыка и тихо прикоснулся губами къ склонившейся головѣ Покровскаго.

Крупная слеза неожиданно набѣжала на глаза старика, быстро скатилась по худой, изможденной щекѣ и скрылась въ кудрявыхъ волосахъ бывшаго священника село-антоновской церкви.

XXV.

Не весело возвращался домой Константинъ Александровичъ. Мысли, одна грустнѣе другой, всю дорогу угнетали его.

Онъ не тужилъ о потерянномъ мѣстѣ, не горевалъ и о томъ, что отнынѣ предстоитъ ему тяжелая ежедневная борьба за кусокъ насущнаго хлѣба.

Онъ скорбѣлъ и плакалъ объ одномъ, что не сбылись его завѣтныя мечты, не оправдались и погибли надежды и стремленія.

Тоскливое настроеніе Константина Александровича усиливалось еще и начавшейся непогодой.

Послѣ непродолжительной оттепели повалилъ мелкій, сухой снѣгъ.

Внезапно появившійся рѣзкій сѣверный вѣтеръ закружилъ, завертѣлъ эту снѣжную массу, закрывая горизонтъ плотной бѣлой пеленой.

Все кругомъ завыло, затрещало, застонало.

Гнулись и скрипѣли могучія деревья. Мелкіе кустарники спѣшили спрятаться подъ снѣгомъ, а плотно сколоченные человѣкомъ изгороди и плетни своимъ упорствомъ раздражали вѣтеръ до бѣшенаго свиста.

Заморившіяся лошаденки съ трудомъ тащили неуклюжій возокъ, то-и-дѣло сбиваясь съ дороги.

— Послушай, Семенъ, поѣзжай скорѣе!—крикнулъ кучеру Покровскій, сильно продрогшій въ своемъ жиденькомъ, старомъ тулупчикѣ.

Мужичокъ обернулъ къ нему красное, обвѣтренное лицо, съ длинными ледяными сосульками вмѣсто бороды и усовъ.

— Никакъ, батюшка, невозможно,—степенно сказалъ онъ:— ежели теперича коней погнать, они мигомъ со слѣда собьются и завезутъ насъ и нивѣсть куда. А вѣдь въ полѣ-то грѣхомъ недолго и замерзнуть въ этакую метелицу. Долго мы, кормилецъ, стыли, такъ ужъ и еще часокъ-другой позябнемъ: авось не помремъ отъ эфтого. А лошадки пущай шажкомъ идутъ да сами дорожку выбираютъ. Этакъ-то мы скорѣе дома будемъ.

Семенъ оказался правъ.

Менѣе чѣмъ черезъ часъ умныя животныя привезли ихъ къ подъѣзду церковнаго дома села Антоновскаго и остановились, какъ вкопанныя.

Войдя въ теплую прихожую, Константинъ Александровичъ сбросилъ на руки Аннушкѣ тулупчикъ и закоченѣвшими пальцами принялся распутывать длинный гарусный шарфъ, обмотанный въ нѣсколько разъ вокругъ шеи.

— А гдѣ же Вѣрочка?—спросилъ онъ горничную, удивленный тѣмъ, что, вопреки обыкновенію, жена не вышла его встрѣтить.

— Да матушка ужъ съ часъ будетъ, какъ ушедчи,—отвѣчала Аннушка, тщательно очищая намерзшія льдинки съ воротника тулупа.

— Ушедчи? — съ изумленіемъ переспросилъ Покровскій:— куда?

— Не могу знать. Онѣ вамъ письмо тамъ оставили, въ кабинетѣ, на столѣ.

— Письмо?!

Сердце Константина Александровича тревожно забилось.

Онъ сорвалъ съ себя шарфъ и бросился въ кабинетъ.

На синемъ суконѣ небольшого письменнаго стола ярко бѣлѣлъ плотный, толстый конвертъ безъ всякаго адреса.

Дрожащей отъ волненія рукой Покровскій распечаталъ па-

кетъ и вынулъ изъ него клочокъ обыкновенной писчей бумаги, на которомъ ровнымъ, четкимъ почеркомъ Вѣры Васильевны было написано:

„Милый, дорогой, славный мой Костя! Послѣ твоего отъѣзда я долго раздумывала о нашемъ дѣлѣ, и въ концѣ концовъ рѣшила, что я обязана покинуть тебя даже вопреки твоему желанію. Я знаю, ты любишь меня не меньше, чѣмъ я люблю тебя, и все принесешь мнѣ въ жертву, но я не могу этого допустить. Вступивъ въ священный санъ, ты принялъ на себя задачи болѣе высокія, чѣмъ обязанности ко мнѣ, и ты долженъ ихъ довести до конца. Я не хочу быть этому помѣхой, и потому удаляюсь. Быть можетъ, я и не поступила бы такъ, еслибъ не видѣла своими глазами, какую пользу можешь ты принести приходу. Но я разсмотрѣла все это, и считаю положительно грѣхомъ стѣснять тебя собою. Вѣрь мнѣ, наше личное счастье—ничто, въ сравненіи съ тѣмъ благомъ, которое можешь дать ты нѣсколькимъ тысячамъ темныхъ, погрязшихъ въ невѣжествѣ людей. Я поняла это—и ухожу. Не ищи меня: я увѣрена, что сумѣю отъ тебя скрыться. Побереги за меня маму! Оставляю тебѣ свою карточку, которую только-что нашла въ своихъ вещахъ. Она напомнитъ тебѣ нашу первую сладкую встрѣчу. Да сохранитъ тебя Господь милосердый и подастъ тебѣ силу перенести разлуку. Вспоминай безъ злобы и огорченія всегда любившую и любящую тебя Вѣру“.

Константинъ Александровичъ машинально опрокинулъ конвертъ, и изъ него выпала маленькая фотографическая карточка, изображающая Вѣру Васильевну въ костюмѣ Периколы.

На оборотной сторонѣ портрета тѣмъ же ровнымъ и четкимъ почеркомъ Покровской были написаны двѣ строчки:

„О, другъ мой, тебя до могилы
Я буду любить всей душой!

„В. П.“

— Верните, верните ее!—въ изступленіи закричалъ Покровскій.

— Что такое, батюшка? Что случилось? — высовываясь въ дверь кабинета, спросила перепуганная Аннушка.

— Бѣги скорѣй! Бѣги къ Вѣрочкѣ!—бросился къ ней священникъ, хватая ее за руку. — Вороти, вороти ее, ради всего святого!

— Да куда же я пойду, батюшка, дорогой мой? Вѣдь я, ей Богу, не знаю, куда ушла Вѣра Васильевна?!

— А, ты не хочешь! не хочешь! Вы всѣ противъ меня! Я самъ найду ее, мою жизнь, мою радость!

И, оттолкнувъ Аннушку, онъ выскочилъ на улицу, и черезъ минуту уже скрылся изъ глазъ въ густомъ туманѣ снѣжнаго вихря.

XXVI.

Прошло три дня.

Ни Константинъ Александровичъ, ни Вѣрочка домой не возвращались.

— Что же, братцы, намъ теперича дѣлать? — спрашивалъ антоновскій старшина мужиковъ, собравъ ихъ на сходку:—объявку ли подавать, али самимъ поискать спервоначалу?

— Оно, вѣстимо, можно бы и самимъ, да какъ бы, опосля, отъ начальства не „влетѣло", — опасливо отозвалось нѣсколько стариковъ, уже вкусившихъ на своемъ вѣку всю прелесть такихъ столкновеній. — Не лучше ли обождать, покель урядный прiѣдетъ?

Молодежь, однако, съ этимъ не согласилась.

— Дозвольте замѣтить, господа обчественники, что влетѣть намъ завсегда можетъ,—убѣдительно заговорилъ высокій, красивый крестьянинъ, Кондратій Ивановъ, мѣстный философъ и ораторъ: — ежели мы не дождемся распоряженія и сами начнемъ искать, влетитъ за самовольство, — это ужъ какъ пить дать. Не будемъ искать—опять влетитъ: зачѣмъ, во-время помощи не подали. Такъ не все ли равно, за что отдуваться?

— Эфто онъ, братцы, правильно сказываетъ,—загудѣли голоса: — и такъ попадетъ, да и этакъ не миновать. А души-то христіанскія сгибнуть могутъ.

Покричавши часа два, рѣшили наконецъ такъ: на слѣдующій день выйти всѣмъ „міромъ" на поиски, а къ начальству теперь же отправить особаго гонца „съ объявкой".

Розыски долго не имѣли успѣха.

Солнце перевалило уже за-полдень, а никакихъ слѣдовъ исчезнувшихъ супруговъ все еще не находилось.

Старички начали поговаривать, что больше, пожалуй, и искать не стоитъ, а лучше самимъ засвѣтло „вертаться" домой.

Молодые мужички, тоже значительно утомившіеся, совсѣмъ уже готовы были согласиться съ этими доводами, какъ вдругъ съ опушки ближайшаго лѣса раздался пронзительный женскій крикъ:

— Здѣсь! здѣсь! нашла я, желанные мои!

Всѣ разомъ бросились на голосъ, и на самомъ краю небольшой рощи, подъ низенькой, раскидистой елочкой замѣтили фигуру сидящаго человѣка, болѣе чѣмъ на половину засыпаннаго снѣгомъ.

Это былъ Константинъ Александровичъ или, вѣрнѣе, его трупъ. Онъ сидѣлъ на невысокомъ пригоркѣ, закрывъ голову подоломъ своего подрясника и глубоко засунувъ за пазуху окоченѣвшія руки.

На лицѣ его застыла блаженнѣйшая улыбка, какъ будто бы предъ смертью онъ увидѣлъ или услышалъ что-то неземное.

Крестьяне сдернули шапчонки и принялись усердно креститься.

— Замерзъ, касатикъ нашъ! солнышко наше красное!—завыли старухи, утирая глаза мокрыми, заледенѣвшими передниками.

— Ну, будетъ вамъ, коровы!—прикрикнули на нихъ старики.

Изъ двухъ свѣже-вырубленныхъ жердей, переплетенныхъ еловыми вѣтками, сдѣлали носилки и понесли на нихъ усопшаго священника.

XXVII.

Константина Александровича очень торжественно похоронили за алтаремъ антоновской церкви.

На погребеніе прибыло десять священниковъ, съ благочиннымъ Синицынымъ во главѣ.

Послѣдній совершалъ обрядъ съ особенной умилительностью, и всѣ присутствовавшіе видѣли на глазахъ его слезы.

— Отъ радости плачетъ. Доволенъ, что отъ конкуррента избавился,—шепнулъ одинъ изъ іереевъ своему сосѣду, и началъ быстро креститься, бормоча:—Прости мнѣ, Господи, мое согрѣшеніе!

Никого изъ близкихъ на отпѣваніи Покровскаго не было.

Вѣра Васильевна все еще не отыскивалась, а старушка Смирнова, перепуганная внезапнымъ исчезновеніемъ дочери и неожиданной гибелью зятя, окончательно лишилась языка и лежала въ постели.

Земскій врачъ, посѣтившій по просьбѣ Аннушки больную, нашелъ положеніе ея очень опаснымъ и высказалъ предположеніе, что она врядъ ли проживетъ больше пяти-шести дней.

Предсказанія доктора оправдались.

На восьмой день по погребеніи Покровскаго, рядомъ съ его

могилой появился новый, свѣжій бугорокъ земли, на которомъ водруженъ былъ простой деревянный крестъ съ коротенькой надписью:

„Вдова священника Надежда Өедоровна Смирнова. Скончалась на 75-мъ году отъ рожденія".

Не успѣло еще занести снѣгомъ могилу доброй старушки, какъ въ сосѣди къ ней принесли и ея дочь.

Вѣру Васильевну нашли совершенно случайно.

Два антоновскихъ мужичка — Семенъ и Кондратій Ивановъ — были страстными рыболовами.

Какъ только выдавалась у нихъ свободная минутка, они бѣжали на свою не особенно широкую, но глубокую и быструю рѣчонку и всякими способами принимались добывать оттуда и хитрыхъ, вертлявыхъ ершей, и глуповатыхъ карасей, и сердитыхъ, зубастыхъ щукъ, и юркихъ, пронырливыхъ налимовъ.

Весной, въ половодье, ходя чуть не по горло въ холодной водѣ, они перегораживали рѣчку длинными, узенькими мережками; лѣтомъ по цѣлымъ часамъ сидѣли съ удочками и жерлицами; осенью „лучили" рыбку съ острогой, а зимой ставили невода и верши.

— Что-то, братъ, пошлетъ намъ сегодня Господь?—говорилъ красный отъ натуги Семенъ:—больно тяжелы сѣти-то.

— Щуки, поди, эфтой подлой много,—отвѣчалъ Кондратій, утирая рукавомъ шубенки струившійся по лицу потъ:—столько времени невода стоятъ. Ну, и сожрутъ всю остальную рыбешку. Стой! эфто что такое?

Въ сѣтяхъ виднѣлся какой-то не то узелъ съ платьемъ, не то мѣшокъ, который мѣшалъ выходу невода.

Кондратій Ивановъ наклонился и проворно началъ разрубать ледъ.

— Эге, братецъ ты мой! Да никакъ эфто упокойникъ?—воскликнулъ онъ, подтаскивая сѣть.

— О, Господи, спаси насъ, грѣшныхъ!—пугливо отозвался Семенъ.

— Ну, ну, не бойся! Мало-ль въ рѣкѣ утопленниковъ бываетъ. Ну-ка, берись дружнѣй! Разъ—два!

Неводъ выскочилъ на ледъ.

— Бабенка, никакъ! — замѣтилъ Кондратій, вглядываясь въ сѣти.

— О, Господи!.. — началъ-было Семенъ.

— Да перестань ты! — крикнулъ на него товарищъ: — Ишь, старая баба! Причитать еще начни!

Семенъ примолкъ.

— Ну, что же всталъ-то? Давай распутывать!

Семенъ присѣлъ на корточки, и они молча принялись разбирать неводъ.

Когда запутавшіяся сѣти были мало-по-малу сняты, мужички увидѣли лежащее внизъ лицомъ женское тѣло, одѣтое въ нарядную суконную шубку и бѣлую вязаную шерстяную косынку.

— Переверни-ка ее рыломъ-то вверхъ! — боязливо сказалъ Семенъ, трясясь какъ въ лихорадкѣ.

Кондратій Ивановъ осторожно взялъ покойницу за плечи, перевернулъ тихонько на спину, и вдругъ въ ужасѣ отскочилъ.

— Матушка! Вѣра Васильевна! — только и могъ онъ прошептать.

Это, дѣйствительно, была Вѣра Васильевна.

Какъ попала она въ прорубь—осталось неизвѣстнымъ.

Въ полицейскомъ протоколѣ было сказано, что она, по всей вѣроятности, провалилась туда случайно, не замѣтивъ за страшной вьюгой полыньи...

М. Ѳ. Лубинскій.

АМЕРИКАНСКАЯ „ЗЛОБА ДНЯ"

I.

Испано-американская война, породившая „имперіалистскую" политику Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, несомнѣнно, оказала громадное вліяніе на всю ихъ современную политическую жизнь. До этой войны американскіе государственные люди всѣхъ партій и оттѣнковъ ограничивали сферу американскихъ интересовъ и воздѣйствія американскимъ континентомъ; провозглашеніе въ 1823 году доктрины Монроэ, включившей въ эту сферу и центральную, и южную Америку, служило въ то же время строго изолирующимъ элементомъ въ политикѣ Союза относительно какихъ бы то ни было дѣлъ всѣхъ остальныхъ частей свѣта. Установляя свою, такъ сказать, исключительную политическую гегемонію на своемъ континентѣ, Союзъ въ то же время безмолвно отказывался отъ какого бы то ни было вмѣшательства въ распри Стараго свѣта. Принципъ этотъ хотя и не былъ никогда признанъ открыто европейскимъ международнымъ правомъ, не былъ однако и оспоренъ формально ни въ теоріи, ни на практикѣ,—и въ теченіе всего прошлаго столѣтія Союзъ строго придерживался своего изолированнаго положенія, и, несмотря на частыя искушенія, ни разу не вмѣшался въ европейскія международныя столкновенія. Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что доктрина Монроэ, за три четверти столѣтія своего существованія въ первоначальномъ видѣ — 1823 — 1898 гг.,— хотя и въ неодинаковой степени, болѣе или менѣе существенно

не одобрялась почти всѣми европейскими государствами, и что только взаимныя между ними пререканія и недовѣріе другъ къ другу помѣшали имъ такъ или иначе отвергнуть ее оффиціально; даже коалиція четырехъ державъ въ 1863 году, выразившаяся попыткой учрежденія Мексиканской имперіи, имѣла своимъ формальнымъ предлогомъ не ниспроверженіе доктрины Монроэ, а взысканіе фиктивныхъ долговъ, и развалилась весьма быстро, окончившись самымъ пагубнымъ фіаско во всѣхъ отношеніяхъ. Эта постыдная, предпринятая исключительно въ династическихъ видахъ, бонапартистская попытка только утвердила и подкрѣпила доктрину Монроэ; извѣстно, что именно Сѣверо-Американскій Союзъ настоялъ изъ-за ширмъ на разстрѣляніи несчастнаго Максимиліана, „дабы и другимъ неповадно было“. Немудрено, что, съ теченіемъ времени, массы американскаго народа привыкли считать эту доктрину неоспоримымъ народнымъ своимъ достояніемъ, и что въ будущемъ она должна была неизбѣжно такъ или иначе расшириться, — это исторія всѣхъ существовавшихъ и существующихъ политическихъ доктринъ, разъ онѣ поддерживаются растущей и энергичной національностью. Междоусобная война 1861—1865 гг. совершенно уничтожила американскій торговый флотъ; теперь многіе лучшіе знатоки исторіи этого періода уже согласны въ томъ, что Англія потому только и воздержалась отъ болѣе открытой активной помощи конфедератамъ, что разсчитывала, что это уничтоженіе надолго подорветъ торговую и промышленную конкурренцію Союза на всемірномъ рынкѣ; —тѣмъ не менѣе, конкурренція эта быстро возродилась и росла не по днямъ, а по часамъ, такъ что къ концу столѣтія самоустановленныя Союзомъ политическія рамки стали, очевидно, слишкомъ тѣсными для его собственной торговли и промышленности. Доктрина Монроэ стала помѣхой, и борьба за иностранные рынки сдѣлалась политико-экономической необходимостью; испано-американская война подвернулась какъ нельзя болѣе кстати. Ошеломляюще быстрый и совершенный успѣхъ этой войны вызвалъ бездонную самоувѣренность, а въ молодежи — шовинизмъ и самохвальство. Американскій народъ вообще не отличается смиреніемъ, — это крайній оптимистъ во всемъ, что касается его національныхъ способностей и особенностей, а со времени войны стремленіе „закидать весь міръ шапками“ стало проскальзывать вездѣ и всюду — больше, чѣмъ когда-либо прежде. Осторожный, консервативный и тактичный Макъ-Кинлэй съ успѣхомъ сдерживалъ этотъ шовинизмъ; экспансивный и сильный своею личной популярностью Рузевельтъ пересталъ стѣ-

сняться и уже нѣсколько разъ открыто вмѣшивался въ международныя дѣла, имѣвшія только самое отдаленное касательство къ прямымъ интересамъ Сѣверо-Американскаго Союза. Самымъ рѣзкимъ и послѣднимъ его шагомъ въ этомъ направленіи было, конечно, его участіе въ заключеніи русско-японскаго мира. Конечно, только исторія, и много лѣтъ спустя, будетъ въ состояніи опредѣлить болѣе или менѣе точно дѣйствительное значеніе и размѣры вліянія этого участія, — тѣмъ не менѣе, въ настоящій моментъ, въ глазахъ свѣта, ему лично принадлежитъ ореолъ наиболѣе активнаго и, можетъ быть, даже наиболѣе вліятельнаго фактора въ достиженіи успѣха. Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что успѣхъ, успѣхъ во что бы то ни стало, есть господствующій девизъ нашего времени,—особенно какъ motto и подавляюще доминирующій принципъ всей современной американской жизни. Слабые протесты теоретическихъ сторонниковъ неприкосновенности доктрины Монроэ и дальнѣйшаго изолированія американской государственной политики совершенно заглушены успѣхомъ вмѣшательства Рузевельта; оглушительно громкій хоръ его личныхъ почитателей, основанный на достигнутомъ имъ осязательномъ успѣхѣ, заставляетъ покуда молчать всѣ сомнѣнія, всѣ предостереженія. Даже скромное указаніе несомнѣнной опасности такого прецедента для будущаго вызываетъ неизбѣжно только нетерпѣливое отмахиваніе рукой, какъ отмахиваются отъ назойливаго комара. Для спокойнаго, безпристрастнаго анализа возможныхъ результатовъ еще не настало время, хотя и имѣются уже на лицо различные серьезные симптомы сомнительности пользы вмѣшательства президента Союза для самого Союза. Газетныя извѣстія оповѣстили о той апатіи, съ которой было встрѣчено извѣстіе о заключеніи мира Россіей, апатіи покуда непонятной въ виду той страстности, съ которой осуждали эту войну всѣ передовые ея элементы. У насъ думаютъ, что стремленіе поправить русско-американскія отношенія, сильно поколебленныя японофильствомъ Союза въ теченіе войны, было однимъ изъ главныхъ мотивовъ предложенія американскаго посредничества. Въ Японіи же миръ былъ встрѣченъ не только почти поголовнымъ осужденіемъ, но и открытыми бунтами, сопровождавшимися разрушеніемъ казеннаго имущества и резиденцій тѣхъ государственныхъ людей, которыхъ населеніе считало наиболѣе виновными въ заключеніи мира. Было немало случаевъ нападенія толпы на американцевъ: партію Гарримана, одного изъ нашихъ желѣзнодорожныхъ магнатовъ, путешествовавшую по Японіи, забросали камнями на одной изъ улицъ Токіо, и только

вмѣшательство полиціи и войска спасло нѣкоторыхъ ея членовъ отъ увѣчья и даже смерти. Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что новоиспеченная японо-американская дружба, съ такимъ трудомъ и съ такими расходами подогрѣваемая въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ геркулесовскими усиліями британско-японской коалиціи, подверглась самому серьезному расхоложенію; возможно, что вмѣшательство Рузевельта нанесло этой дружбѣ непоправимый ударъ. Все это, конечно, еще не вполнѣ опредѣлилось, еще не успѣло оформиться,—тѣмъ не менѣе, многіе серьезнѣйшіе органы нашей печати съ какимъ-то недоумѣніемъ все чаще и чаще останавливаются на этихъ проявленіяхъ. Покуда же торжество Рузевельта, какъ успѣшнаго миротворца и признанной силы въ дѣлахъ всего міра, остается еще непомраченнымъ; но насколько торжество это прочно и насколько оно окажется полезнымъ самому Союзу — остается вопросомъ далеко не доказаннымъ и начинающимъ привлекать здѣшнее общественное мнѣніе.

II.

Поразительная развращенность современныхъ американскихъ дѣловыхъ нравовъ и обычаевъ была ярко доказана за послѣдніе полгода удивительными разоблаченіями въ сферѣ дѣятельности самыхъ большихъ нашихъ страховыхъ обществъ. За послѣдніе полвѣка общества эти успѣли сконцентрировать въ своихъ рукахъ огромнѣйшіе капиталы, служащіе обезпеченіемъ страхователей и контролирующіе въ настоящее время значительнѣйшіе банки, желѣзнодорожныя системы, цѣлыя отрасли промышленности и торговли и даже поземельную собственность въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. До послѣдняго времени общества эти пользовались абсолютнымъ довѣріемъ здѣшнихъ массъ,—страхованіе жизни, доходовъ, пожизненной ренты сдѣлалось достояніемъ всего населенія, и итоги принятыхъ на себя въ этомъ направленіи страховыми обществами обязательствъ поражаютъ читателя своей многомилліардностью. Вычисляютъ, что одни только акціонерныя общества страхованія жизни, не считая взаимныхъ и ремесленно-союзныхъ, имѣютъ въ настоящій моментъ въ силѣ болѣе пяти милліоновъ страховыхъ полисовъ страхованія жизни, и что ихъ годовой доходъ превышаетъ сумму въ шестьсотъ милліоновъ долларовъ. Существуетъ многое множество самыхъ разнообразныхъ системъ страхованія жизни, доходовъ, всевозможныхъ контрактовъ и частныхъ условій; многіе годы деньги лились широкой

волной въ казначейства этихъ обществъ, помѣщались ими, по ихъ усмотрѣнію, въ поземельную собственность, въ различныя финансовыя, торговыя и промышленныя предпріятія, безъ какого бы то ни было контроля страхователей, безъ знанія ими о барышахъ обществъ, объ ихъ дѣловыхъ методахъ и внутреннихъ порядкахъ. Они, повидимому, процвѣтали, считались образцами финансоваго консерватизма и честности: тогда какъ страхованіе отъ огня давно уже подлежитъ дѣйствительному общественному контролю, и злоупотребленія въ немъ возможны только съ вѣдома и по попущенію наблюдающихъ чиновъ,—страхованіе жизни и доходовъ искусно избѣгало до сихъ поръ этого контроля и никогда прежде не вызывало никакихъ сомнѣній. Тѣмъ острѣе, тѣмъ чувствительнѣе оказались настоящія разоблаченія. Начались они нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, благодаря распрѣ между двумя контролировавшими общество „Эквитэбль" богатѣйшими нью-іоркскими семействами, Хайда и Александера. Распря эта перешла, съ теченіемъ времени, въ слѣпую вражду, въ публичную борьбу за контроль надъ управленіемъ общества, попала, наконецъ, въ руки общественныхъ учрежденій и раскрыла глаза публикѣ: оказались не только самыя вопіющія дѣловыя злоупотребленія, но и открытый грабежъ капиталовъ и имущества общества, практиковавшійся цѣлыя десятилѣтія. Вслѣдъ за „Эквитэблемъ" ревизія обнаружила совершенно то же положеніе и въ нью-іоркскомъ обществѣ страхованія жизни—„New-York Life"— и въ нью-іоркскомъ же обществѣ взаимнаго страхованія жизни— „New-York Mutual Life". Эти три общества — самыя крупныя во всемъ Союзѣ, со многими милліардами стоимости страховыхъ полисовъ въ силѣ и, по книгамъ, съ громадными имущественными и денежными активами. Открылись подлоги, дутыя оцѣнки, завѣдомо безнадежныя ссуды, самое безцеремонное расхищеніе принадлежащаго обществамъ имущества ихъ важнѣйшими исполнительными чинами. Президентъ общества „Mutual Life" получаетъ 150 тысячъ долларовъ въ годъ жалованья; его сынъ и зять получаютъ около 400 тысячъ долларовъ въ годъ коммиссіоннаго вознагражденія. Сотни тысячъ долларовъ издерживаются ежегодно на подкупъ мѣстныхъ законодательныхъ собраній и разныхъ правительственныхъ чиновъ, обязанныхъ наблюдать за правильнымъ теченіемъ дѣлъ въ этихъ обществахъ. Федеральный сенаторъ отъ штата Нью-Іорка въ сенатѣ Соединенныхъ Штатовъ, Дипью, получалъ двадцать тысячъ долларовъ въ годъ отъ общества „Эквитэбль", какъ одинъ изъ его юрисконсультовъ, хотя уже много лѣтъ общество ни разу къ нему не обращалось. Въ столицѣ

штата Нью-Iорка, Албани, содержалось цѣлое бюро „для наблюденія за законодательствомъ“, бюро, стоившее ежегодно огромныхъ денегъ, и обязанности котораго состояли въ томъ, чтобы препятствовать посредствомъ подкупа всякому, почему-либо невыгодному для общества законодательству. У общества „New-York Life“ такія же бюро были заведены и въ столицахъ другихъ штатовъ; сотни тысячъ расходовались президентомъ безконтрольно ежегодно на то, чтобы руководить народной волей во всемъ, что касалось благосостоянія общества. Выяснено, что страхованіе обходится страхователямъ крайне дорого, что, въ среднемъ, не болѣе 45% страховыхъ премій возвращается страхователямъ, и что издержки по управленію, не превышающія 9% въ Англіи и 7% въ Германіи, обходятся въ Америкѣ отъ 20 до 42%. Страхованіе жизни и доходовъ стоитъ американцу почти вдвое дороже, чѣмъ европейцу, хотя число полисовъ въ силѣ per capita во много разъ больше въ Америкѣ, чѣмъ въ Европѣ.

Хотя разслѣдованія эти ведутся обстоятельно и энергично, хотя въ уголовныхъ сводахъ законовъ штата Нью-Iорка нѣтъ преступленія противъ чужого имущества, не совершоннаго тѣмъ или инымъ чиномъ этихъ обществъ, но до сихъ поръ не послѣдовало ни одного привлеченія къ суду, ни одного ареста. Дѣло въ томъ, что вся финансовая знать Союза замѣшана въ нихъ такъ или иначе, прямо или косвенно; дѣловыя развѣтвленія и связи этихъ обществъ такъ обширны, такъ всеобъемлющи, что пришлось бы засадить на скамью подсудимыхъ не только весь нью-iоркскій финансовый бомондъ, всю капиталистическую олигархію Союза, но и многихъ главъ американской торговли и промышленности. Капиталы размѣщены во всѣхъ штатахъ, во всѣхъ крупныхъ городахъ; всюду имѣются агенты и представители и всюду царятъ тѣ же дѣловые методы, та же распущенность, тотъ же грабежъ. Бумажные активы и пассивы такъ велики, такъ разбросаны, во многихъ случаяхъ такъ спорны, что правительство отдѣльнаго штата не имѣетъ никакой возможности составить хоть сколько-нибудь правильное представленіе о ихъ общемъ дѣйствительномъ значеніи: можетъ быть, общества эти все еще богаты, несмотря на всю эту распущенность и преступность, а можетъ быть они давно безнадежные банкроты и живутъ только по инерціи, благодаря своимъ размѣрамъ и искусному пользованію свободными рессурсами. У всѣхъ ихъ имѣются огромныя заграничныя агентства во всѣхъ частяхъ свѣта; положеніе дѣлъ этихъ агентствъ также загадочно, также не-

опредѣленно, и, благодаря всему этому, до настоящаго момента публика все еще недоумѣваетъ, хотя и несомнѣнно, что дѣятельность этихъ обществъ за послѣднее время чрезвычайно сократилась, а нѣкоторые штаты уже воспретили имъ работать въ ихъ предѣлахъ. Чѣмъ все это кончится—нѣтъ ни малѣйшей возможности предсказать; возможенъ очень острый общій финансовый кризисъ, если хоть одно изъ этихъ обществъ не выдержитъ настоящаго давленія и будетъ вынуждено прекратить платежи.

III.

Я уже имѣлъ случай [1]) остановить вниманіе читателя на нашемъ новомъ словѣ „graft“ и на поразительномъ усиленіи взяточничества и другихъ преступленій по должности въ здѣшнемъ современномъ государственномъ, штатномъ и городскомъ самоуправленіи. Къ сожалѣнію, опять приходится констатировать не уменьшеніе этихъ золъ, но даже ихъ положительное увеличеніе и распространеніе. Страна еще не успѣла опомниться отъ впечатлѣнія, произведеннаго разоблаченіемъ преступленій въ почтовомъ вѣдомствѣ и осужденіемъ федеральнаго сенатора Бартона, какъ начался скандалъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ по поводу мошенническихъ продѣлокъ по завладѣнію большими пространствами государственной земли по всему сѣверо-западу, въ особенности же въ штатахъ Орегонѣ, Вашингтонѣ, Монтанѣ и Калифорніи. Въ городѣ Портлэндѣ недавно окончился судъ надъ федеральнымъ сенаторомъ Митчелемъ и членомъ федеральной палаты представителей Вильямсономъ, присужденными къ пенитенціарному тюремному заключенію за ихъ участіе въ этихъ мошенничествахъ. Оказалось, что всѣ мѣстные федеральные чины замѣшаны въ нихъ, а теперь нѣсколько ихъ десятковъ находится подъ судомъ;—нѣтъ въ сущности предѣла тѣмъ уловкамъ, тѣмъ подлогамъ, фальшивымъ клятвеннымъ показаніямъ и другимъ преступленіямъ, которыя практиковались регулярно въ мѣстныхъ земельныхъ правительственныхъ конторахъ, прежде чѣмъ ссора соучастниковъ не раскрыла всего дѣла. Сенаторъ Митчель—маститый старецъ 75-ти лѣтъ отъ роду, состоящій сенаторомъ отъ штата Орегона въ федеральномъ сенатѣ въ Вашингтонѣ уже 20 лѣтъ, служа четвертый шестилѣтній срокъ подрядъ, и пользовавшійся и національной извѣстностью, и значительнымъ влія-

---

[1]) См. „Вѣстникъ Европы“, октябрь, 1904 г., стр. 851.

ніемъ въ государственныхъ дѣлахъ Союза. Въ то же время не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ уже много лѣтъ пользовался своимъ оффиціальнымъ положеніемъ, дабы надувать правительство, и что десятки тысячъ акровъ государственной земли были пріобрѣтены имъ мошенническимъ образомъ и перепроданы съ огромнымъ барышомъ частнымъ лицамъ. Митчель—„бонвиванъ“ безъ средствъ, которому не хватало его сенаторскаго жалованья на его широкую жизнь, и онъ устроилъ себѣ систематическую доходную статью изъ расположеннаго въ его штатѣ громаднаго государственнаго земельнаго богатства; завѣдывавшіе имъ федеральные чины были всѣ поголовно назначены имъ самимъ, согласно обычаю, предоставляющему этотъ федеральный патронажъ штатнымъ федеральнымъ сенаторамъ, и дѣйствовали по его указаніямъ; все шло какъ по маслу долгое время, и не перессорься воры между собою—продолжалось бы безнаказанно и до настоящей минуты. Всего характернѣе то, что никто, повидимому, и не подозрѣвалъ объ этихъ преступленіяхъ, и даже, когда они открылись, мѣстная прокурорская власть дважды прекращала разслѣдованіе, прежде чѣмъ дѣло дошло до суда, благодаря заносчивости и излишней самоувѣренности самого Митчеля. Систематическая кража государственныхъ земель практиковалась около десяти лѣтъ подрядъ, была отлично организована въ томъ смыслѣ, что всѣ причастные къ ней правительственные чины были тщательно подтасованы заблаговременно, и организація эта была устроена и поддерживалась для удовлетворенія алчности представителей штата въ обѣихъ палатахъ федеральнаго конгресса.

Казалось бы, что дальше этого даже американская изобрѣтательность идти не можетъ,—тѣмъ не менѣе, въ теченіе предпрошлаго года выплылъ наружу и произвелъ огромную сенсацію новѣйшій методъ обкрадывать почтеннѣйшую публику—посредствомъ фальсификаціи отчетовъ министерства земледѣлія о состояніи урожаевъ. На хлопковомъ рынкѣ методъ этотъ вызвалъ цѣлую бурю и огромныя банкротства, разоривъ въ конецъ тысячи людей. Отчеты эти, публикуемые во всеобщее свѣдѣніе въ извѣстные опредѣленные сроки, всегда играли самую значительную роль на нашихъ товарныхъ биржахъ, болѣе или менѣе регулируя спекуляцію и вліяя на цѣны всѣхъ важнѣйшихъ нашихъ земледѣльческихъ продуктовъ—хлопка, пшеницы, маиса, табака и т. д. Посредствомъ надежныхъ мѣстныхъ агентовъ министерство земледѣлія устанавливало состояніе урожая въ данную минуту во всѣхъ главныхъ центрахъ производства извѣстнаго

продукта, и своимъ авторитетомъ уничтожало неосновательные слухи и извѣстія, истекавшіе отъ заинтересованныхъ въ искусственномъ повышеніи или пониженіи рынка торговыхъ и въ особенности спекулятивныхъ элементовъ. За прошлый сезонъ эти правительственные отчеты о состояніи урожая хлопка были очень пессимистичны, тогда какъ въ дѣйствительности урожай былъ не только выше средняго, но и прямо хорошъ. Цѣна на хлопокъ поднималась и поднималась, дойдя, наконецъ, до 15 центовъ за фунтъ, тогда какъ дѣйствительное состояніе урожая, въ связи съ имѣвшимися на лицо старыми запасами, отнюдь не соотвѣтствовало такой цѣнѣ; 10 центовъ за фунтъ было бы совершенно достаточно, и это искусственное повышеніе на цѣлые 50% было основано исключительно на плохихъ отчетахъ правительства въ интересахъ шайки спекулянтовъ, свирѣпо игравшихъ на повышеніе и подкупавшихъ чиновъ министерства, составлявшихъ эти отчеты. Нѣкто Сюлли за нѣсколько мѣсяцевъ постояннаго повышенія успѣлъ ограбить скупщиковъ хлопка на цѣлые 40 милліоновъ долларовъ; никакъ нельзя, хотя бы и приблизительно, опредѣлить тѣ огромныя суммы, которыя были захвачены его соумышленниками во всемъ этомъ дѣлѣ. Когда, благодаря неосторожности одного изъ соучастниковъ, все дѣло раскрылось и цѣна на хлопокъ почти сразу упала до дѣйствительно соотвѣтствовавшей положенію, на хлопковомъ рынкѣ произошла небывалая по своимъ размѣрамъ и развѣтвленіямъ паника, поглотившая сотни милліоновъ и разорившая массу совершенно неповинныхъ ни въ чемъ людей, особенно между хлопковыми фабрикантами, запасшимися сырымъ матеріаломъ по высокой цѣнѣ. Одно время манчестерскіе заводчики въ Англіи даже серьезно грозили международными осложненіями. Уличенные въ фальсификаціи чины были преданы суду, но довѣріе къ правительственнымъ отчетамъ теперь подорвано надолго, и спекулятивной лихорадкѣ, ничѣмъ не обуздываемой, будетъ легче справляться съ легковѣрной публикой. Въ штатѣ Калифорніи два сенатора мѣстнаго сената только-что осуждены судомъ на каторжную работу за взяточничество, и трое другихъ ожидаютъ суда за то же. Оказалось, что эти почтенные пять законодателей стакнулись и получили по триста долларовъ наличными за то, что провалили на послѣдней сессіи легислатуры билль противъ дозволенія публичныхъ призовыхъ кулачныхъ побоищъ въ предѣлахъ штата. Любители этого рода спорта сложились и подкупили ихъ,—и все дѣло выплыло наружу и было доказано на судѣ внѣ всякихъ сомнѣній. Такія же

грязныя дѣла идутъ теперь въ цѣломъ десяткѣ другихъ штатовъ—взяточничество самое открытое, самое нахальное.

Всѣ эти преступленія и разоблаченія, быстро слѣдующія одно за другимъ какъ въ разныхъ отрасляхъ федеральнаго управленія, такъ и штатнаго и городского самоуправленія, выдвинули на первый планъ вопросъ о современныхъ нормахъ жалованья чинамъ разнаго рода, состоящимъ на правительственной и общественной службѣ. Чины эти, по своей численности, въ сравненіи съ числомъ лицъ, состоящихъ на частной службѣ, составляютъ незначительное меньшинство, и едва ли подлежитъ сомнѣнію, что, при настоящей системѣ распредѣленія патронажа государственныхъ и общественныхъ мѣстъ, полученіе ихъ неизмѣнно сопряжено и съ значительной политической работой при каждыхъ выборахъ, и съ неизбѣжными денежными расходами. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ каждый такой чинъ прямо обложенъ опредѣленнымъ налогомъ въ пользу организаціи своей партіи. Всякое такое мѣсто нужно и заработать, и купить въ одно и то же время. Несмотря на эти требованія отъ чиновъ всякаго рода, ихъ жалованье за послѣднее время нисколько не увеличилось. Какъ въ федеральномъ, такъ и въ штатныхъ управленіяхъ, жалованье и законодателей-членовъ конгресса и штатныхъ легислатуръ,—и исполнителей—министровъ, губернаторовъ, чиновъ разныхъ коммиссій, судей, шерифовъ и т. д.—осталось неизмѣннымъ за послѣдніе полвѣка, даже дольше. Федеральные сенаторы и члены федеральной палаты представителей получаютъ и теперь тѣ же пять тысячъ долларовъ въ годъ, что ихъ предшественники получали цѣлое столѣтіе тому назадъ; министры—восемь тысячъ въ годъ, губернаторы многихъ штатовъ—всего по двѣ, по три тысячи въ годъ; только штатъ Нью-Іоркъ платитъ своему по десяти тысячъ; Калифорнія, одинъ изъ самыхъ большихъ и богатыхъ штатовъ Союза, платитъ своему всего пять тысячъ. Только жалованье президента Соединенныхъ Штатовъ, лѣтъ двадцать тому назадъ, было удвоено: вмѣсто 25 тысячъ въ годъ онъ получаетъ теперь 50. Четверть вѣка тому назадъ, это было огромное содержаніе, внѣ всякихъ сомнѣній самое большое, получаемое отдѣльнымъ лицомъ во всемъ Союзѣ; но времена существенно измѣнились,—деньги подешевѣли, талантъ вздорожалъ,—и теперь эта сумма оказывается мизерной въ сравненіи съ тѣмъ, что получаютъ выдающіеся люди на частной службѣ. Теперь годовое жалованье въ 50, 75, 100, даже 200 тысячъ долларовъ никого не удивляетъ. Швабъ, президентъ стального трёста, получалъ даже милліонъ долларовъ въ годъ; президенты и главно-

управляющіе страховыхъ компаній, большихъ банковъ и желѣзнодорожныхъ системъ, торговыхъ и промышленныхъ трёстовъ получаютъ цѣлыя сотни тысячъ, и дѣйствительно способные дѣльцы переманиваются съ мѣста на мѣсто, несмотря ни на какія издержки. Тогда какъ заработная плата ремесленника или чернорабочаго поднялась, въ среднемъ, всего на 25, maximum на 50%, жалованье управляющихъ и завѣдующихъ дѣлами возросло во много разъ. Люди съ выдающимися исполнительными способностями цѣнятся теперь въ Америкѣ очень высоко; конкурренція на торговомъ и промышленномъ рынкѣ все усиливается, всестороннее пониманіе дѣла, дѣловая гибкость, быстрота сообраafженія и рѣшительность становятся все болѣе и болѣе существенными для успѣха, и совмѣщеніе этихъ качествъ цѣнится все дороже. Четверть вѣка тому назадъ, во всемъ штатѣ Калифорніи не было человѣка, получавшаго десять тысячъ долларовъ въ годъ жалованья,—теперь я лично знаю десятки людей, получающихъ 15, 25, даже 50 тысячъ долларовъ въ годъ. Когда, года три тому назадъ, умеръ президентъ нашей южной тихоокеанской желѣзной дороги, на его мѣсто былъ приглашенъ человѣкъ съ востока на жалованье въ 55 тысячъ въ годъ, и онъ пробылъ у насъ меньше года, когда его переманили на востокъ на жалованье въ 75 тысячъ въ годъ; теперешній же президентъ получаетъ 100 тысячъ въ годъ. А вѣдь штатъ Калифорнія—глухая, отдаленная провинція; въ Чикаго, Санъ-Луисѣ, Филадельфіи, Бостонѣ и, въ особенности, въ Нью-Іоркѣ такія содержанія считаются сотнями. Среднія способности и рутинная дѣловая аккуратность приведутъ теперь къ неизбѣжному разоренію всякое крупное предпріятіе; для успѣха необходима дѣловая талантливость, прозорливость, чуткая отзывчивость ко всякому новому симптому,—и этотъ спросъ на талантливыхъ дѣльцовъ все больше и больше превышаетъ предложеніе и гонитъ кверху ихъ вознагражденіе. Тогда какъ четверть вѣка тому назадъ правительственная и общественная служба оплачивалась соотвѣтственно требованіямъ отъ мѣста не хуже любой частной, теперь на высшихъ ступеняхъ она оплачивается несравненно хуже, и способные люди, само собой разумѣется, предпочитаютъ частную службу. Не только второстепенные и мелкіе чиновники, но и важнѣйшіе, какъ судьи и прокуроры, министры и ихъ товарищи, бѣгутъ съ правительственной службы, пользуясь ею только для полученія извѣстнаго престижа и какъ быстрой промежуточной ступенью для повышенія на торговомъ или промышленномъ поприщѣ. Тогда какъ прежде личный составъ кабинета президента

и начальниковъ отдѣльныхъ управленій оставался обыкновенно неизмѣннымъ на весь его четырехлѣтній срокъ службы, теперь составъ этотъ постоянно мѣняется, и министры наши выслуживаютъ полный свой срокъ только какъ исключеніе. Тотъ или другой изъ министровъ Рузевельта уходитъ въ отставку почти каждый мѣсяцъ, и въ каждомъ случаѣ причиной ухода оказывается предложеніе ему несравненно болѣе выгодныхъ условій какимъ-нибудь крупнымъ частнымъ дѣломъ. Карьера правительственнаго чиновника все больше и больше утрачиваетъ свою привлекательность для способныхъ людей, и личный персоналъ федеральной, штатной и городской службы, въ особенности высшій, постепенно утрачиваетъ свою эффективность.

Совершенно невозможно отрицать значеніе всѣхъ этихъ соображеній и вліяніе этого новаго порядка вещей на честность въ исполненіи долга современной американской бюрократіей. Работа чиновника недостаточно оплачивается при настоящемъ положеніи дѣлъ; процентъ способныхъ и честныхъ людей между ними быстро понижается, и служащіе легче и чаще поддаются искушеніямъ хорошо оплачиваемыхъ преступленій по службѣ.

По моему крайнему разумѣнію, быстрое усиленіе „grafting“ и взяточничества въ управляющихъ сферахъ далеко не имѣетъ того же значенія въ здѣшней современной жизни, какъ частое появленіе того же и въ средѣ нашего рабочаго союзнаго труда. Примѣръ правительственной, финансовой и дѣловой деморализаціи не остался безъ самыхъ печальныхъ послѣдствій и для нашихъ рабочихъ классовъ. Повидимому, всякая власть, правительственная, денежная или союзная, имѣетъ быстрое развращающее вліяніе на тѣхъ, у кого она въ рукахъ. Съ пріобрѣтеніемъ болѣе широкаго, болѣе всесторонняго вліянія на дѣла своихъ районовъ, вожаки нашихъ рабочихъ союзовъ не въ состояніи избѣжать тѣхъ же искушеній. До послѣдняго времени эти искушенія ограничивались попытками къ безусловному господству, къ диктаторству надъ дѣломъ и даже личностями предпринимателей. Эти попытки приводили къ настоящей анархіи, къ террору даже, какъ въ штатахъ Айдахо и Колорадо. Какъ ни пагубны были до сихъ поръ результаты такихъ попытокъ для общаго благосостоянія тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ онѣ происходили, онѣ все-таки были борьбой принципіальной, имѣвшей въ основаніи извѣстные идеалы и теоріи. Далеко не то приходится, къ сожалѣнію, констатировать относительно главныхъ проявленій дѣятельности рабочихъ союзовъ за самое послѣднее время. Доказано внѣ всякихъ сомнѣній, что упорная, кровавая стачка кучеровъ, имѣвшая самое пагубное

вліяніе на всю торговую и промышленную дѣятельность города Чикаго за все прошлое лѣто и окончившаяся совершеннымъ пораженіемъ и распаденіемъ союза, была вызвана исключительно отказомъ предпринимателей платить дань вожакамъ этого союза, прямыя взятки въ ихъ личную пользу подъ угрозой немедленной стачки. Послѣдовавшія за взрывомъ разоблаченія раскрыли позорнѣйшую картину самаго наглаго шантажа, которому многіе предприниматели вынуждены были долгое время подчиняться подъ постоянной угрозой конечнаго разоренія. Оказалось, что какъ только фабрикантъ или подрядчикъ заключали какой-нибудь большой срочный контрактъ, вожаки работавшихъ на него союзовъ немедленно вынуждали его дѣлиться съ ними барышами, безъ вѣдома и согласія самихъ союзовъ. Взятки эти достигали въ нѣкоторыхъ случаяхъ огромныхъ, сравнительно, суммъ, цѣлыхъ десятковъ тысячъ долларовъ. Были случаи, когда не знаешь, чему больше удивляться—позорной ли трусости хозяевъ, или наглой жадности рабочихъ вожаковъ. Особенную извѣстность по всему Союзу получило дѣло делегата союза сборщиковъ стальныхъ скелетовъ въ постройкахъ, Сама Паркса. Онъ былъ уличенъ на судѣ въ самомъ безобразномъ взяточничествѣ съ фабрикантовъ, подрядчиковъ и хозяевъ, которымъ онъ, безъ вѣдома союза, грозилъ немедленной стачкой на ихъ работахъ, если требуемая взятка не будетъ немедленно ему уплачена. Деньги эти Парксъ неизмѣнно присвоивалъ себѣ, и судъ присудилъ его къ десятилѣтней каторжной работѣ. Онъ же растратилъ до 70 тысячъ долларовъ союзныхъ денегъ.

Пока ремесленные союзы управляются выборными чинами безъ жалованья, управленіе это обыкновенно честно и безпристрастно; но какъ только заводятся вожаки-профессіоналы, уже не работающіе, а живущіе на счетъ союзовъ, такъ очень часто заводятся сначала интриги, а затѣмъ и растрата союзныхъ капиталовъ и даже взяточничество. Дѣло Сама Паркса и разоблаченія въ Чикаго заставили крѣпко призадуматься всѣхъ искреннихъ друзей трэдъ-юніонизма. Ошибки и увлеченія быстро прощаются и забываются, — не то съ организованной, систематичной развращенностью, которая была безусловно доказана въ этихъ случаяхъ.

IV.

Панамскій каналъ оказывается безнадежно завороженнымъ. Закулисное вліяніе въ современной Америкѣ большихъ корпо-

рацій, въ данномъ случаѣ трансконтинентальныхъ желѣзнодорожныхъ системъ, сказывается въ исторіи этого канала чрезвычайно осязательно. По показаніямъ компетентныхъ безпристрастныхъ лицъ, за весь истекшій годъ постройка канала не только не подвинулась впередъ, но и то, что уже сдѣлано, постепенно засоряется и затягивается тропическими дождями и частыми наводненіями. Задача состоитъ не только въ томъ, чтобы сдѣлать выемку, но и въ томъ, чтобы охранить ее отъ заноса иломъ и пескомъ. Союзъ заплатилъ сорокъ милліоновъ долларовъ наличными французской панамской компаніи, десять милліоновъ республикѣ Панамѣ, и уже извелъ семь милліоновъ на администрацію и содержаніе канала,—а до настоящаго момента дѣйствительная работа по прорытію только отодвинулась назадъ. Постановленіемъ конгресса была организована семичленная исполнительная коммиссія для постройки канала; коммиссія эта ничего не дѣлала, такъ что съ теченіемъ времени президентъ Рузевельтъ пришелъ къ заключенію, что она слишкомъ неповоротлива, главнымъ образомъ, благодаря ея многочисленности, и, съ годъ тому назадъ, въ одинъ прекрасный день онъ рѣшилъ реорганизовать ее. Прямое постановленіе конгресса, опредѣлившее число ея членовъ, стояло на пути; смѣняя ея персоналъ, онъ своей властью организовалъ въ средѣ самой коммиссіи особый исполнительный комитетъ изъ трехъ лицъ, которому и поручилъ всю власть. Комитетъ этотъ состоитъ изъ президента всей коммиссіи, нѣкоего Шонтса, человѣка совершенно новаго на этомъ поприщѣ, хотя и болѣе или менѣе извѣстнаго своими административными способностями, затѣмъ губернатора всей уступленной Союзу территоріи канала, и главнаго инженера. Остальнымъ членамъ коммиссіи было оставлено только право совѣщательнаго голоса на общемъ годичномъ ея собраніи. Предполагалось, что такая реорганизація исполнительнаго органа по постройкѣ придастъ ему бо̀льшую подвижность, энергію и единодушіе. Главнымъ инженеромъ былъ назначенъ нѣкто Волласъ, довольно извѣстный спеціалистъ по всяческимъ крупнымъ сооруженіямъ, съ жалованьемъ въ 30 тысячъ долларовъ въ годъ. Ушло слишкомъ полгода времени, прежде чѣмъ этотъ новый комитетъ собрался и ознакомился съ положеніемъ дѣлъ на мѣстѣ. Нельзя, конечно, отрицать, что географическое положеніе Панамскаго канала и его климатическія, топографическія и санитарныя особенности таковы, что требуютъ спеціальныхъ, даже исключительныхъ методовъ и мѣръ, и что люди, берущіеся за руководство работами, должны всесторонне и основательно ознакомиться

со всѣми деталями. Когда это ознакомленіе было окончено, Волласъ совершенно неожиданно подалъ въ отставку, ничѣмъ ее не мотивируя. Одни говорятъ, что, ознакомясь съ предпріятіемъ на мѣстѣ, онъ усомнился въ возможности успѣха; другіе—что трансконтинентальныя желѣзнодорожныя компаніи подкупили его, предложивъ ему 60 тысячъ долларовъ въ годъ жалованья, вмѣсто 30-ти. Какъ бы то ни было, онъ ушелъ, и на его мѣсто былъ назначенъ главнымъ инженеромъ Стивенсъ, спеціалистъ по труднымъ горнымъ желѣзнодорожнымъ сооруженіямъ, но совершенно незнакомый съ канальнымъ дѣломъ. Конечно, опять понадобилось полгода и на его ознакомленіе съ предпріятіемъ, чѣмъ онъ, повидимому, и занимается и до настоящаго момента. Тѣмъ временемъ президенту Рузевельту пришло на умъ, какой именно родъ канала выгоднѣе и предпочтительнѣе—каналъ на уровнѣ моря или со шлюзами? И была организована новая коммиссія изъ спеціалистовъ-инженеровъ, въ которую были приглашены и европейскія знаменитости, вродѣ строителей Манчестерскаго морского канала въ Англіи и Кильскаго въ Германіи. Коммиссія эта, наконецъ, собралась въ Вашингтонѣ и ѣздила затѣмъ въ Панаму, опять-таки дабы на мѣстѣ ознакомиться съ дѣломъ, но ея рѣшеніе все еще не опубликовано. Активная же работа по прорытію все еще не начата; — покуда все еще только строятъ помѣщенія для служащихъ и рабочихъ, оздоравливаютъ мѣстность и т. д. Газеты только-что оповѣстили, что нѣсколько тысячъ рабочихъ, законтрактованныхъ на Вестъ-Индскихъ островахъ, взбунтовались и поспѣшно отправляются назадъ, подъ присмотромъ конвоирующихъ ихъ американскихъ войскъ; составъ этихъ войскъ постепенно усиливается, такъ какъ „населеніе неспокойно“. Успѣли уже получить оглашеніе два очень крупныхъ скандала: одинъ—по поводу покупки исполнительнымъ комитетомъ разныхъ машинъ и припасовъ въ Союзѣ по двойнымъ и даже тройнымъ цѣнамъ—противъ тѣхъ, которыя были предложены иностранными конкуррентами; другой—по поводу контракта на содержаніе служащихъ и рабочихъ, контракта на сумму свыше 50 милліоновъ долларовъ; было доказано, что контрактъ этотъ былъ заключенъ недобросовѣстно, такъ что Рузевельту пришлось уничтожить его своею властью, вопреки постановленію исполнительнаго комитета.

Сущность положенія заключается въ томъ, что работы по прорытію канала все еще не начаты, хотя текущія издержки превышаютъ милліонъ долларовъ въ мѣсяцъ, безслѣдно поѣдаемый администраціей и „ознакомленіями“, такъ что всѣ ассиг-

новки издержаны, и до новыхъ апропріацій каналъ долженъ содержаться въ долгъ. А тѣмъ временемъ трансконтинентальныя желѣзнодорожныя компаніи скупили за безцѣнокъ не только всѣ права на каналъ въ Никарагвѣ, но и обратили въ крѣпостную зависимость всю эту картонную республику. Самая возможность прорытія Панамскаго канала до сихъ поръ оспаривается многими чрезвычайно компетентными авторитетами—и наше общественное мнѣніе начинаетъ недоумѣвать. Неужели Панамскому каналу, дѣйствительно, суждено навѣки остаться только фарсомъ, только предлогомъ къ обиранію добродушной публики ловкими мошенниками? До настоящаго времени верховное завѣдываніе всѣми дѣлами по Панамскому каналу принадлежало военному министерству. Бывшій военный министръ, теперь министръ иностранныхъ дѣлъ, Рутъ, былъ тѣмъ активнымъ лицомъ, которое орудовало всѣми махинаціями по пріобрѣтенію канала американскимъ Союзомъ, хотя, конечно, все дѣло велось отъ имени президента. Рутъ—человѣкъ чрезвычайно способный и энергичный; извѣстно, что прежде, чѣмъ назначить президентомъ исполнительной коммиссіи Шонтса, Рузевельтъ предлагалъ это мѣсто Руту, съ жалованьемъ въ 100 тысячъ долларовъ въ годъ. Рутъ тогда былъ въ отставкѣ, покинувъ постъ военнаго министра, такъ какъ его адвокатская практика въ Нью-Іоркѣ давала ему въ десять разъ больше денегъ, чѣмъ жалованье министра. За смертью Гэя, ему пришлось принять портфель министра иностранныхъ дѣлъ. Теперь въ высшихъ сферахъ идетъ рѣчь о немедленной передачѣ завѣдыванія Панамскимъ каналомъ изъ военнаго министерства въ министерство иностранныхъ дѣлъ, такъ какъ Рутъ знакомъ со всѣми его деталями болѣе чѣмъ кто-либо. Если эта передача состоится,—что крайне вѣроятно,—то завѣдывать верховнымъ управленіемъ канала будетъ человѣкъ, получающій 8 тысячъ долларовъ въ годъ и отказавшійся отъ подчиненнаго завѣдыванія имъ съ жалованьемъ въ 100 тысячъ долларовъ въ годъ. Таковы яркія несообразности новаго современнаго положенія дѣлъ въ Америкѣ по вопросу о вознагражденіи ея государственныхъ и общественныхъ чиновъ.

V.

Мнѣ будетъ очень прискорбно, если настоящая статья покажется читателю слишкомъ односторонней, зараженной излишнимъ пессимизмомъ, такъ какъ въ дѣйствительности я лично не ощущаю ничего подобнаго. Описывая наши современныя общественныя язвы, я въ то же время не думаю, чтобъ онѣ были неизлечимы и не встрѣчали на своемъ пути энергичнаго, болѣе или менѣе эффективнаго противодѣйствія. Я глубоко убѣжденъ, что народная мудрость свободной страны въ концѣ концовъ всегда сумѣетъ справиться успѣшно со всяческими прорѣхами въ своихъ общественныхъ дѣлахъ, какъ бы некрасивы и зіяющи на первый взглядъ онѣ ни были. Жестокая безпринципность нашей современной финансовой олигархіи несомнѣнно велика,—но угнетеніе ею народныхъ массъ возможно только до извѣстныхъ предѣловъ, и свободная самодѣятельность этихъ массъ реагируетъ постоянно. Такъ, въ то же время, когда первый нашъ богачъ и иниціаторъ финансовой развращенности, Джонъ Рокфеллеръ, повидимому, опуталъ своими милліардами всю страну,—молодая дѣвушка и очень талантливая писательница, Айда Тарбелль, въ цѣломъ рядѣ статей въ очень распространенномъ ежемѣсячномъ журналѣ „Mc Clure's", съ удивительной послѣдовательностью и знаніемъ дѣла разоблачаетъ самые сокровенные секреты его неслыханнаго доселѣ успѣха въ стяжаніи, приковываетъ его методы къ позорному публичному столбу и вызываетъ то броженіе, которое предшествуетъ взрыву. Національный совѣтъ заграничныхъ миссій торжественно отказывается отъ предложеннаго ему тѣмъ же Рокфеллеромъ дара въ сто тысячъ долларовъ, называя эти деньги зараженными преступленіемъ — „tainted money", — и это выраженіе безповоротно клеймитъ всѣ его дары на народное образованіе и церкви, и встрѣчаетъ бурное одобреніе по всей странѣ. За послѣднее десятилѣтіе Рокфеллеръ „пожертвовалъ" на общественныя нужды свыше 50-ти милліоновъ долларовъ — и въ первый разъ получилъ такой рѣзкій, такой грубый отпоръ, причемъ страна оказывается цѣликомъ на сторонѣ оскорбителя. Выраженіе „tainted money" сразу получаетъ значеніе всенароднаго лозунга противъ всего того, что представляютъ собою милліарды Рокфеллера. Оппозиція современнымъ методамъ стяжанія и царящей дѣловой морали кристаллизуется, принимаетъ опредѣленныя формы и намѣчаетъ путь предстоящей великой борьбы.

Въ городѣ Нью-Іоркѣ прокуроръ Джеромъ, уже три года съ большимъ успѣхомъ преслѣдующій преступленія выбравшей его партіи, смѣло бросаетъ ей въ лицо перчатку вызова на борьбу и объявляетъ себя независимымъ, народнымъ кандидатомъ на тотъ же постъ на слѣдующій срокъ,— и партійная продажность вынуждена сдаться передъ всеобщимъ бурнымъ одобреніемъ Джерома массами избирателей. Въ виду идущихъ теперь въ Нью-Іоркѣ сенсаціонныхъ разоблаченій и разслѣдованій финансовой развращенности страховыхъ компаній, постъ прокурора получилъ особое значеніе, и вся страна заинтересована борьбой Джерома. Все независимое стеклось подъ его знамена, — и лучшіе люди страны ѣдутъ въ Нью-Іоркъ, дабы работать въ его пользу на предстоящихъ выборахъ. Хотя выборы эти чисто мѣстные, они уже успѣли вызвать по всему Союзу большую агитацію и интересъ, чѣмъ вся прошлая президентская кампанія.

Въ городѣ Филадельфіи мэйоръ Виверъ, человѣкъ честный, независимый и энергичный, разобравшись въ городскихъ дѣлахъ и убѣдившись въ развращенности почти всѣхъ своихъ сослуживцевъ, совершенно неожиданно для своей же, выбравшей его на мѣсто мэйора, партіи, отставилъ отъ службы безъ прошенія нѣсколькихъ начальниковъ разныхъ департаментовъ и объявилъ партійной организаціи свирѣпую войну, которую и ведетъ единолично вотъ уже около полугода. Война эта привлекла къ себѣ вниманіе всего Союза почти въ такой же степени, какъ и борьба Джерома въ Нью-Іоркѣ, такъ какъ къ политической развращенности Нью-Іорка всѣ давно привыкли, а квакерская Филадельфія до сихъ поръ считалась однимъ изъ немногихъ „честныхъ“ городовъ Союза. Кромѣ того, большинство все-таки считаетъ Джерома профессіональнымъ политиканомъ, то-есть принадлежащимъ къ тому классу людей, которому наше общественное мнѣніе привыкло приписывать скрытые личные мотивы, что бы они ни дѣлали; — Виверъ же — обыкновенный дѣловой человѣкъ, никогда прежде не служившій, не искавшій мѣста и выбранный мэйоромъ, благодаря напору общественнаго мнѣнія.

Въ штатѣ Висконсинѣ губернаторъ Ля-Фоллетъ, молодой человѣкъ съ незапятнаннымъ прошлымъ, выбранный республиканской партіей, своею независимостью и энергіей въ искорененіи общественныхъ злоупотребленій въ три года успѣлъ сплотить вокругъ себя новую партію, разбившую въ конецъ формальную партійную республиканскую организацію и съ тріумфомъ выбравшую Ля-Фоллета въ федеральный сенатъ, вопреки желаніямъ и сильнѣйшему давленію національной организаціи партіи. Ля-Фоллетъ—

не только талантливый и честный реформаторъ, но и ловкій и стойкій организаторъ; вожаки федеральнаго сената, несомнѣнные главные руководители всей современной американской политической грязи, и теперь уже не стѣсняются выражать серьезнѣйшія опасенія относительно той роли, которую онъ будетъ играть, когда займетъ въ немъ мѣсто въ будущемъ декабрѣ.

Фолькъ, бывшій прокуроръ въ городѣ Санъ-Луисѣ, въ штатѣ Миссури, былъ выбранъ демократической партіей на прошлыхъ выборахъ губернаторомъ своего штата, и огромнымъ большинствомъ, хотя выборщики въ президентскую избирательную коллегію и всѣ остальные штатные чины были выбраны республиканцами. Фолькъ составилъ себѣ національную репутацію своими успѣшными преслѣдованіями штатныхъ и городскихъ общественныхъ злоупотребленій, преслѣдованіями, которыя онъ велъ нѣсколько лѣтъ съ замѣчательнымъ безстрашіемъ и энергіей. Въ настоящую минуту онъ представляетъ собою одного изъ самыхъ видныхъ представителей демократической партіи, которая прочитъ его въ свои кандидаты въ президенты на 1908 годъ. Хотя вышеупомянутый мэйоръ города Филадельфіи принадлежитъ къ республиканской партіи, Фолькъ нарочно ѣздилъ помогать ему въ его войнѣ, и произнесенныя имъ по этому поводу рѣчи весьма укрѣпили его репутацію во всемъ Союзѣ. На него возлагаются огромныя надежды; онъ уменъ, краснорѣчивъ, обладаетъ большимъ тактомъ и до сихъ поръ на его политической репутаціи нѣтъ ни малѣйшаго пятнышка.

Однимъ изъ наиболѣе оригинальныхъ реформаторовъ минуты является Томъ Джонсонъ, мэйоръ большого города Кливелэнда въ штатѣ Охайо. Это человѣкъ, никогда до сихъ поръ не принимавшій участія въ штатныхъ или національныхъ политическихъ дѣлахъ, а работающій исключительно въ пользу своего родного города. Онъ—милліонеръ-соціалистъ, вѣрящій въ поземельную теорію Джорджа и въ неизбѣжность общественнаго владѣнія всѣми необходимостями жизни. Начавъ свою карьеру босоногимъ уличнымъ мальчишкой, онъ составилъ себѣ огромное состояніе постройкой уличныхъ электрическихъ дорогъ и пріобрѣлъ обширную извѣстность во всей странѣ успѣхомъ обращенія ихъ въ городское имущество въ своемъ городѣ. Его единственная публичная программа—„golden rule“, то-есть положеніе: поступай съ другими такъ, какъ бы ты желалъ, чтобъ они поступали съ тобой. Онъ не говоритъ рѣчей, не печатаетъ платформъ, совершенно игнорируетъ партійную организацію, а работаетъ неустанно съ утра до ночи, и пользуется поразительной популяр-

ностью во всѣхъ классахъ населенія. Джонсонъ—совершенно новый типъ, покуда только чисто мѣстнаго дѣятеля; знатоки нашей политической жизни думаютъ, что его методъ возможенъ только при условіи личнаго знакомства съ избирателями, и что въ штатныхъ и національныхъ дѣлахъ онъ непримѣнимъ,—тѣмъ не менѣе, политическіе вожаки всѣхъ партій боятся Джонсона. Во всякомъ случаѣ, его искренность, безупречная честность и, главное, успѣхъ дѣлаютъ его однимъ изъ самыхъ видныхъ современныхъ нашихъ общественныхъ работниковъ, дѣятельностью которыхъ особенно занята наша пресса.

П. А. Тверской.

Лосъ-Анжелесъ,
Калифорнія.

СВЯТОЙ

РОМАНЪ.

Antonio Fogazzaro. Il Santo. Romanzo. Milano, 1906.

Окончаніе.

XI *).

Часы на площади св. Петра пробили восемь. Бенедетто отдалился отъ нѣсколькихъ сопровождавшихъ его людей на углу via di Porta Angelica, вошелъ одинъ подъ колоннаду Бернини, медленно направился къ большимъ бронзовымъ дверямъ и остановился, чтобы послушать плескъ фонтановъ и поглядѣть на огни четырехъ свѣтильниковъ вокругъ обелиска.

Черезъ четверть часа онъ увидитъ папу. Площадь была пустынна. Никто не увидитъ, какъ онъ вошелъ въ Ватиканъ, кромѣ призрачнаго ряда святыхъ, статуи которыхъ высились въ колоннадѣ. И святые, и фонтаны говорили ему, что этотъ часъ, который кажется ему такимъ торжественнымъ и важнымъ, минуетъ, что и онъ, и папа исчезнутъ навсегда въ царствѣ забвенія, и только фонтаны будутъ продолжать свою однообразную жалобу, а святые будутъ попрежнему стоять въ молчаливомъ созерцаніи. Но онъ чувствовалъ, что слова истины, съ которыми онъ приходитъ, не канутъ безслѣдно, что это слова вѣчности; онъ еще разъ глубоко сосредоточился, закрылъ глаза и сталъ молиться о томъ, чтобы у него хватило силы и умѣнья высказать папѣ все, что у него накопилось въ груди.

---

*) См. выше: мартъ, стр. 194.

Ему сказано было явиться сюда между восемью и четвертью девятаго. Но четверть пробило, и никто не приходилъ. Онъ обернулся и сталъ смотрѣть на бронзовую дверь; въ ней открыта была только маленькая дверца, въ которую входили отъ времени до времени, какъ беззаботныя мошки въ пасть льва, группы людей низшаго класса. Наконецъ оттуда вышелъ священникъ и сдѣлалъ ему знакъ. Бенедетто подошелъ къ нему; тотъ спросилъ:

— Вы изъ монастыря св. Ансельма?

Это былъ условленный вопросъ. Такъ какъ Бенедетто отвѣтилъ утвердительно, то священникъ сдѣлалъ ему знакъ войти.

— Пожалуйте, — сказалъ онъ.

Бенедетто пошелъ за нимъ. Они прошли мимо солдатъ папской гвардіи, которые отдали честь священнику. Свернули налѣво, во дворъ, гдѣ опять встрѣтили солдатъ; они тоже отдали честь, а священникъ что-то приказалъ имъ вполголоса; Бенедетто не разслышалъ словъ. Они прошли черезъ дворъ, оставляя слѣва дверь библіотеки, справа — дверь, ведущую въ покои папы. Вверху стекла лоджій блестѣли при лунѣ. Бенедетто, который имѣлъ однажды аудіенцію у прежняго папы, удивился, что его ведутъ такимъ страннымъ путемъ. Пройдя дворъ по прямой линіи, священникъ направился къ узкому входу, ведущему къ лѣстницѣ Мозаикъ; онъ остановился передъ входомъ направо, откуда поднимается лѣстница Треугольника.

— Вы знаете Ватиканъ? — спросилъ онъ.

— Знаю музей и лоджіи, — отвѣтилъ Бенедетто. — Меня также принималъ у себя предмѣстникъ нынѣшняго папы. Въ другихъ частяхъ Ватикана я не бывалъ.

— Вы никогда здѣсь не жили?

— Никогда.

Священникъ сталъ первый подниматься по лѣстницѣ, блѣдно освѣщенной электрической лампочкой. Вдругъ, тамъ, гдѣ первый поворотъ лѣстницы заканчивался площадкой, свѣтъ потухъ. Бенедетто поставилъ одну ногу на площадку, и услышалъ, какъ его проводникъ бѣгомъ поднялся по лѣстницѣ направо. Потомъ все затихло. Онъ думалъ, что, можетъ быть, случайно потухъ свѣтъ, и что священникъ побѣжалъ, чтобы снова его зажечь. Онъ сталъ ждать. Ни свѣта, ни шаговъ, — полная тишина. Онъ поднялся на площадку, ощупалъ въ темнотѣ стѣну съ правой стороны, сталъ пробираться ощупью влѣво, и наткнулся ногой на два развѣтвленія лѣстницы, начинавшіяся съ площадки. Онъ еще подождалъ, не сомнѣваясь, что священникъ долженъ вернуться. Но прошо пять, десять минутъ, и онъ не возвращался. Бенедетто

не понималъ, что случилось, но не допускалъ, чтобы его хотѣли намѣренно обмануть. Что же ему теперь дѣлать? Спуститься обратно было бы смѣшно; ждать дольше—безсмысленно. Значитъ, нужно подняться — но по какой изъ двухъ лѣстницъ? Онъ сначала поднялся-было по одной, но она оказалась короткой и привела сейчасъ же на другую площадку. А между тѣмъ Бенедетто слышалъ, что когда его проводникъ пошелъ вверхъ, онъ долго не останавливался, и шумъ его шаговъ потерялся очень высоко. Онъ поэтому спустился внизъ и поднялся по другой лѣстницѣ. Она была длиннѣе. Священникъ, очевидно, поднимался именно по ней, и Бенедетто рѣшилъ идти по его слѣдамъ.

Дойдя до верху, онъ попалъ черезъ дверь въ лоджію, освѣщенную луной, и оглянулся вокругъ себя: справа была рѣшетка другой лоджіи, встрѣчавшейся съ этой подъ прямымъ угломъ. Справа лоджія кончалась въ глубинѣ закрытой дверью. Бенедетто посмотрѣлъ направо и налѣво и сталъ припоминать, что когда-то былъ здѣсь съ однимъ своимъ знакомымъ, который показывалъ ему эту часть Ватикана. Онъ вспомнилъ, что дверь направо ведетъ въ комнаты кардинала статсъ-секретаря. Лоджія за рѣшеткой вела въ аппартаменты Борджіи. Тогда у рѣшетки стоялъ солдатъ швейцарской гвардіи. Теперь не было никого; вокругъ царило молчаніе.

Нечего было и думать о томъ, чтобы постучать въ дверь статсъ-секретаря. Бенедетто подошелъ къ рѣшеткѣ, — она оказалась открытой. Онъ очутился передъ закрытой дверью въ галерею и сталъ опять прислушиваться къ молчанію. Наконецъ, онъ отважился войти. Онъ почувствовалъ, что находится въ самомъ сердцѣ огромнаго Ватикана, и ему сдѣлалось страшно. Онъ подошелъ къ большому окну, откуда виденъ былъ замокъ Св. Ангела и далекіе огни Квиринала, потомъ сталъ оглядываться въ комнатѣ и пошелъ дальше. На пути онъ наткнулся на что-то; оказалось, что это было большое кресло съ ручками. Съ этой минуты онъ успокоился. Ему все стало казаться знакомымъ;— онъ смутно вспомнилъ, что все это представлялось ему въ томъ памятномъ видѣніи, частью котораго была именно бесѣда съ папой. Онъ сразу вспомнилъ, какъ направлялся къ нему по комнатамъ Ватикана, и твердо пошелъ впередъ, увѣренный теперь, что найдетъ въ глубинѣ галереи выходъ и свѣтъ. Онъ шелъ, касаясь рукой стѣны, для большей увѣренности, и среди стѣны ощупалъ вдругъ деревянную дверь. Онъ остановился. Изъ глубины раздались шаги, въ замкѣ повернулся ключъ, показался лучъ свѣта, и появилась черная фигура патера, который покинулъ Бенедетто

на лѣстницѣ. Онъ быстро вошелъ, закрылъ дверь и сказалъ Бенедетто спокойно, точно ничего не произошло.

— Вы предстанете сейчасъ передъ его святѣйшествомъ.

Онъ впустилъ его и закрылъ за нимъ дверь, оставшись снаружи.

Войдя, Бенедетто увидѣлъ только столикъ, лампу подъ зеленымъ абажуромъ и у стола бѣлую фигуру. Онъ упалъ на колѣни.

Бѣлая фигура протянула руку и сказала:

— Встань! Какъ ты пришелъ сюда?

Лицо, окаймленное сѣдыми волосами, необычайно кроткое, выражало изумленіе. Голосъ, говорившій съ сильнымъ южнымъ акцентомъ, былъ взволнованный. Бенедетто поднялся и сказалъ, что до лѣстницы его довелъ его проводникъ, а дальше онъ пошелъ самъ, не зная, гдѣ найдетъ его святѣйшество. Папа выслушалъ его съ задумчивымъ видомъ, потомъ ласково сказалъ ему:

— Садись, сынъ мой.

Если бы Бенедетто не былъ такъ погруженъ въ созерцаніе аскетическаго и добраго лица папы, онъ бы, можетъ быть, воспользовался тѣмъ, что папа собиралъ разбросанныя по столу бумаги, и осмотрѣлъ бы съ изумленіемъ странную пріемную, гдѣ онъ очутился; это была пыльная комната, заваленная старыми книгами и картинами, нѣчто вродѣ передней какой-нибудь библіотеки или музея, гдѣ происходитъ уборка. Но онъ ничего не видѣлъ, устремивъ взоръ на лицо папы, худое, блѣдное, выражавшее большую чистоту и большую доброту. Онъ приблизился, склонилъ колѣни и поцѣловалъ руку, которую папа протянулъ ему, говоря кротко и торжественно:

— Non mihi, sed Petro.

Когда онъ опять сѣлъ, папа протянулъ ему исписанный листокъ бумаги и спросилъ, узнаетъ ли онъ почеркъ? Бенедетто взглянулъ и не могъ удержать горестнаго восклицанія:

— Конечно, узнаю,—сказалъ онъ:—это почеркъ святого священника, котораго я глубоко любилъ; онъ уже умеръ,—его звали Джузеппе Флоресъ.

— Прочти вслухъ,—сказалъ папа, и Бенедетто сталъ читать:

„Монсиньоръ, — я ввѣряю епископу запечатанный пакетъ, вложенный вмѣстѣ съ этимъ листкомъ въ конвертъ, адресованный на ваше имя. Какъ видно по надписи на пакетѣ, онъ оставленъ мнѣ синьоромъ Пьеро Майрони съ просьбой открыть пакетъ только послѣ его смерти. Вы хорошо знали синьора Майрони. Онъ оставилъ мнѣ этотъ пакетъ прежде, чѣмъ скрылся изъ міра. Живъ ли онъ еще, или умеръ, я не знаю и не имѣю

возможности узнать. Въ этомъ пакетѣ, вѣроятно, заключается описаніе видѣнія, которое было у Майрони, когда онъ вернулся къ Богу, раскаявшись въ своей преступной страсти. Я думалъ тогда, что Господь, дѣйствительно, избралъ его для выполненія высокихъ дѣлъ, и надѣялся, что святость его миссіи подтвердится послѣ смерти Майрони этимъ документомъ, имѣющимъ пророческій характеръ. Я долго питалъ эти надежды, скрывая ихъ, впрочемъ, изъ осторожности отъ самого Майрони. Два года прошли съ того дня, какъ онъ исчезъ, и я ничего больше не слыхалъ о немъ. Когда вы, монсиньоръ, прочтете то, что я вамъ пишу, я уже не буду въ живыхъ. Я прошу васъ взять отъ меня этотъ пакетъ на храненіе и поступить, какъ вамъ укажетъ ваша совѣсть. И прошу также помолиться за душу вашего бѣднаго слуги дона Джузеппе Флореса".

Бенедетто положилъ письмо на столъ и посмотрѣлъ на папу выжидательнымъ взглядомъ.

— Ты Пьеро Майрони? — спросилъ онъ.

— Да, святой отецъ.

Папа улыбнулся доброй улыбкой.

— Я прежде всего радуюсь, — сказалъ онъ, — что ты живъ. Епископъ думалъ, что ты умеръ, открылъ пакетъ и счелъ своимъ долгомъ передать его намѣстнику Христа. Это случилось съ полгода тому назадъ, при жизни моего святого предшественника, который говорилъ объ этомъ нѣсколькимъ кардиналамъ, въ томъ числѣ и мнѣ. Потомъ узнали, что ты живъ и гдѣ ты находишься. А теперь я долженъ спросить тебя кое о чемъ, и я требую, чтобы ты говорилъ правду. Разскажи мнѣ о твоемъ видѣніи.

Бенедетто сказалъ, что многое уже затмилось въ его памяти, тѣмъ болѣе, что покойный донъ Флоресъ совѣтовалъ ему не думать о видѣніи, но что теперь, когда онъ шелъ по заламъ Ватикана, онъ сталъ ясно припоминать, что все здѣсь уже знакомо ему по видѣнію, и потому шелъ съ какой-то внутренней увѣренностью. На вопросъ папы, каково было его состояніе души послѣ видѣнія, онъ сказалъ, что испытывалъ глубокое раскаяніе въ своемъ временномъ отчужденіи отъ Бога и жажду вернуться къ Нему. Затѣмъ папа спросилъ его, не возгордился ли онъ послѣ своего видѣнія, и Бенедетто, склонивъ голову, покаялся: да, одинъ разъ, въ Св. Схоластикѣ, когда его учитель отъ имени настоятеля предложилъ ему надѣть платье послушника, отнятое у него потомъ въ Дженнэ, онъ на минуту возгордился, увидѣвъ въ этомъ подтвержденіе послѣдней части сво-

его видѣнія; онъ вѣдь видѣлъ себя умирающимъ въ монашескомъ платьѣ. Онъ возмнилъ себя поэтому избранникомъ божіимъ, призваннымъ выполнить высшую миссію.

— Я теперь глубоко раскаиваюсь, и прошу прощенія у вашего святѣйшества,— сказалъ Бенедетто.

Папа ничего не возразилъ, но сдѣлалъ рукой прощающій и благословляющій жестъ; потомъ онъ сталъ разбирать бумаги на столѣ, выбралъ одну изъ нихъ и, отложивъ ее въ сторону, снова заговорилъ:

— Сынъ мой,— сказалъ онъ,— я долженъ спросить у тебя еще кое о чемъ. Ты назвалъ Дженнэ. Знаешь ли ты, что тамъ многіе дурно относились къ тебѣ? Тебя обвиняютъ въ томъ, что ты предпринималъ чудесныя исцѣленія, что по твоей винѣ одинъ несчастный больной умеръ у тебя въ домѣ, что ты его чуть ли не отравилъ, давъ ему выпить что-то. Говорятъ также, что ты проповѣдывалъ скорѣе какъ протестантъ, нежели какъ католикъ, и кромѣ того...

Папа запнулся. Ему тяжело было даже повторять нѣкоторыя обвиненія.

— Тебя обвиняютъ въ недозволенной связи,—сказалъ онъ,— съ мѣстной учительницей. Что ты на это отвѣтишь, сынъ мой?

— Святой отецъ,— спокойно отвѣтилъ Бенедетто,— за меня отвѣчаетъ Духъ Святой въ вашемъ сердцѣ.

Папа взглянулъ на него удивленный и нѣсколько смущенный,—ему казалось, что Бенедетто читаетъ у него въ душѣ. Легкій румянецъ показался у него на щекахъ.— Объясни, что ты хочешь сказать,— проговорилъ онъ.

— Господь мнѣ далъ прочесть въ вашемъ сердцѣ, что вы не вѣрите ни одному изъ этихъ обвиненій. Но не думайте, святой отецъ,—прибавилъ онъ, видя, что папа нахмурилъ брови,— что я считаю себя ясновидцемъ, умѣющимъ читать въ сердцахъ. Нѣтъ, я просто вижу по выраженію вашего лица и слышу въ вашемъ голосѣ, что вы мнѣ довѣряете.

— Можетъ быть, ты знаешь,—воскликнулъ папа,—кто на этихъ дняхъ былъ у меня?

Папа призвалъ въ Римъ священника изъ Дженнэ и разспрашивалъ его о Бенедетто. Священникъ, увидя, что папа близокъ ему по духу и непохожъ на непримиримыхъ фанатиковъ, которые запугали его дома, воспользовался случаемъ, чтобы успокоить свою собственную совѣсть, и. сталъ всячески хвалить Бенедетто. О всемъ этомъ послѣдній не имѣлъ понятія.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ,—я ничего не знаю.

Папа помолчалъ, но видно было, что онъ сильно взволнованъ. Послѣ короткаго молчанія онъ обратился къ Бенедетто съ вопросомъ:

— Вѣришь ли ты,—сказалъ онъ,—что у тебя есть миссія, которую ты долженъ выполнить?

Бенедетто отвѣтилъ смиреннымъ и убѣжденнымъ тономъ:

— Да, я въ это вѣрю.

— Что̀ же побуждаетъ тебя вѣрить?

— Святой отецъ, всякій рождается на свѣтъ для того, чтобы выполнить свое назначеніе. Не будь у меня никакихъ видѣній, природное влеченіе мое къ Богу доказало бы мнѣ, что я призванъ къ дѣйствію въ области религіи.

— И ты чувствуешь, что твой долгъ—вызвать здѣсь, теперь же, религіозное движеніе?

Бенедетто сложилъ руки, моля выслушать его.

— Да,—сказалъ онъ,—здѣсь, теперь же.

И съ этими словами онъ опустился на одно колѣно.

— Поднимись,—сказалъ папа,—и скажи свободно то, что̀ у тебя на душѣ.

Но Бенедетто не поднимался.

— Простите,—сказалъ онъ,—я могу сказать то, что̀ у меня на душѣ, только папѣ наединѣ, а меня теперь слушаетъ не только папа...

Папа вздрогнулъ и строго взглянулъ на него вопросительнымъ взглядомъ. Бенедетто указалъ движеніемъ головы на большую дверь за спиной папы. Тогда папа взялъ серебряный колокольчикъ со столика, сдѣлалъ знакъ Бенедетто, чтобы онъ поднялся, и позвонилъ. У дверей галереи показался священникъ, который привелъ Бенедетто. Папа велѣлъ ему позвать въ галерею дона Теофила, вѣрнаго слугу, котораго онъ привезъ съ собой съ юга, и сказалъ, чтобы когда явится Теофилъ, священникъ прошелъ въ библіотеку и ждалъ его тамъ.

Прошло нѣсколько минутъ въ молчаливомъ ожиданіи священника, который долженъ былъ вернуться. Бенедетто стоялъ, закрывъ глаза. Онъ ихъ открылъ, когда снова вошелъ священникъ, позвавшій слугу. Только когда священникъ ушелъ затѣмъ въ библіотеку, папа сдѣлалъ знакъ рукой, и Бенедетто заговорилъ тихимъ голосомъ:

— Святой отецъ,—сказалъ онъ,—церковь больна. Ею овладѣли четыре злыхъ духа и борются въ ней противъ Духа Святого. Первый изъ нихъ—духъ лжи. Онъ притворяется иногда ангеломъ свѣта и вводитъ въ обманъ многихъ вѣрующихъ.

Многіе служители церкви, даже изъ числа вѣрныхъ и благочестивыхъ, не понимаютъ ученія Христа объ истинѣ и раздѣляютъ ее на-двое въ сердцѣ своемъ; они принимаютъ только ту истину, которая кажется имъ соотвѣтствующей духу церкви, и отвергаютъ другую. Они преклоняются передъ буквой священнаго писанія и питаютъ взрослыхъ пищей, пригодной лишь для дѣтей; этимъ они искажаютъ и умаляютъ ученіе Христа. Святой отецъ, лишь очень немногіе христіане знаютъ, что религія заключается не въ томъ главнымъ образомъ, чтобы примыкать разумомъ къ опредѣленнымъ догматамъ, а въ томъ, чтобы жить согласно истинѣ,—что суть вѣры — не въ соблюденіи запретовъ и не въ исполненіи обязанностей относительно церковныхъ властей. А тѣ, которые это знаютъ, которые не раздѣляютъ истину въ сердцѣ своемъ на-двое, — подвергаются преслѣдованіямъ; ихъ объявляютъ еретиками, ихъ принуждаютъ молчать,—и все это—дѣло духа лжи, который вѣками умножаетъ обманъ въ церкви. Я знаю такихъ преслѣдуемыхъ людей, служителей истины, вѣрныхъ духу Христову. И вотъ о чемъ я молю ваше святѣйшество...

Бенедетто опустился на одно колѣно. Папа сидѣлъ не двигаясь, и только еще ниже опустилъ голову. Бѣлая шапочка на его головѣ была вся озарена свѣтомъ лампы.

— Скажите одно слово,—продолжалъ Бенедетто,—возвеличьте этихъ слугъ Христовыхъ, которыхъ преслѣдуетъ духъ лжи, возвысьте нѣкоторыхъ изъ нихъ въ епископскій санъ, привлеките ихъ къ совѣту кардиналовъ. И еще молю васъ, святой отецъ, пусть не подвергаютъ запрещенію труды людей, которые стремятся къ истинѣ и борются за вѣру. И пусть также служители церкви меньше проповѣдуютъ внѣшнее благочестіе, пусть поучаютъ внутреннему—вы, ваше святѣйшество, сами говорили, что Господь открываетъ истину въ тишинѣ души.

Бенедетто остановился, задыхаясь отъ возбужденія. Папа поднялъ лицо, взглянулъ въ его скорбные свѣтящіеся глаза и на его дрожащія, молитвенно сложенныя руки, и почувствовалъ глубокое волненіе; онъ только знакомъ попросилъ Бенедетто сѣсть на кресло противъ него. Бенедетто повиновался его настойчивымъ знакамъ, поднялся съ колѣнъ, сѣлъ на кресло, оперся на его ручки руками и продолжалъ говорить.

— А второй злой духъ, проникающій своимъ пагубнымъ вліяніемъ жизнь и ученіе церкви—это духъ властолюбія. Служители церкви не хотятъ, чтобы души вѣрующихъ прямо общались съ Господомъ; они требуютъ, чтобы это происходило черезъ ихъ посредничество. Имъ нужно, поэтому, чтобы души ста-

новились робкими, слабыми, рабски покорными. Они поэтому возводятъ повиновеніе въ высшую добродѣтель, въ первый долгъ христіанина, и стараются подчинить своему властолюбію весь міръ, распространить свою власть не только на церковныя, но и на мірскія дѣла. Ихъ властолюбіе распространится и на васъ, святой отецъ. Не уступайте имъ—не отдавайте власть въ ихъ руки. Пусть въ выборѣ епископовъ участвуетъ народъ, призывая на служеніе тѣхъ, которые пользуются любовью и почетомъ. Пусть епископы показываются народу не только при торжественномъ звонѣ колоколовъ, а живутъ среди народа и заботятся о его нуждахъ.

— Третье зло, тяготѣющее надъ церковью,—продолжалъ Бенедетто,—духъ корысти и стяжательства. Служители Христа снисходительны къ богатымъ и сами любятъ роскошь. Требуйте отъ нихъ, святой отецъ, равнодушія къ богатству и къ имущимъ. Сразу этого сдѣлать нельзя, но пусть хоть подготовляется день, когда служители церкви будутъ подавать примѣръ смиренія и бѣдности и будутъ жить неимущіе и чистые, воплощая на дѣлѣ ученіе Христа. И тогда Господь окружитъ ихъ такой славой и такимъ почетомъ, какимъ не пользуются теперь и князья церкви. Ихъ будетъ немного, такихъ праведниковъ, но они будутъ свѣточами. А развѣ теперь они таковы?

Тутъ въ первый разъ папа съ печалью кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— И четвертое зло, — продолжалъ Бенедетто, — косность церкви. Зло это носитъ маску добра. Злой духъ является въ образѣ ангела свѣта. Католики, одержимые этимъ духомъ, подобны древнимъ фарисеямъ: они поклоняются прошлому, стоятъ за неизмѣнность церковныхъ традицій, отстаивая столь неразумныя правила, какъ, напримѣръ, запретъ кардиналамъ выходить пѣшкомъ и навѣщать бѣдныхъ въ ихъ домахъ. Духъ косности навлекаетъ на церковь насмѣшки невѣрующихъ, а это — великій грѣхъ передъ Господомъ.

Въ лампѣ выгорѣлъ керосинъ, и она потухала; кругъ тѣни все расширялся, и въ узкомъ пятнѣ свѣта вырисовывались только одна противъ другой бѣлая фигура сидящаго папы и темная— стоящаго передъ нимъ Бенедетто.

— Возставая противъ духа косности,—сказалъ Бенедетто,— я умоляю васъ, святой отецъ, воспротивьтесь запрещенію книги Джіованни Сельва.

Сказавъ это, Бенедетто снова опустился на одно колѣно, протянулъ съ мольбой руки къ папѣ и опять заговорилъ еще болѣе горячо и убѣжденно:

— Еще съ одной просьбой обращаюсь я къ намѣстнику Христа. И хотя я недостойный грѣшникъ, все же устами моими, я увѣренъ, говоритъ Господь... Я умоляю ваше святѣйшество— выйдите изъ Ватикана. На первый разъ выйдите для того, чтобы исполнить долгъ милосердія. Каждый день страдаетъ и умираетъ Лазарь—пойдите къ Лазарю! Христосъ требуетъ, чтобы шли на помощь страждущимъ. Наступитъ страшный часъ, и что скажете вы, когда Христосъ призоветъ къ отвѣту за неисполненіе Его завѣта?

Свѣтъ лампы становился все слабѣе, и среди тьмы видны были только протянутыя впередъ руки Бенедетто и правая рука папы, который взялся за колокольчикъ. Когда Бенедетто кончилъ говорить, папа велѣлъ ему подняться, дважды позвонилъ, и при появленіи слуги, дона Теофила, спросилъ, зажженъ ли свѣтъ въ галереѣ.

— Да, ваше святѣйшество.

— Такъ пройди въ библіотеку,—сказалъ ему папа,—и скажи монсиньору, чтобы онъ ждалъ меня въ галереѣ. А потомъ зажги здѣсь свѣтъ.

Сказавъ это, папа поднялся. Онъ былъ маленькаго роста; спина у него была согбенная. Онъ направился къ дверямъ галереи, позвавъ Бенедетто знакомъ руки за собой. Донъ Теофилъ вышелъ черезъ другую дверь. Грустное предзнаменованіе: въ комнатѣ, гдѣ раздавались столь пламенныя слова, остался теперь только слабый, потухающій свѣтъ.

Въ галереѣ, куда вошли папа и Бенедетто, былъ полумракъ. Папа медленно и молча подошелъ къ окну и остановился у него. Бенедетто внутренно спрашивалъ себя, смотритъ ли онъ на огни Квиринала, и съ волненіемъ ждалъ его словъ. Но папа молча прошелъ дальше, заложивъ руки за спину и опустивъ голову на грудь. Въ глубинѣ галереи открывалась дверь; нѣсколько ступенекъ вели внизъ, въ лоджію, освѣщенную луной. Папа прошелъ туда. Бенедетто не послѣдовалъ за нимъ, боясь выказать непочтеніе своимъ нетерпѣливымъ выжиданіемъ отвѣта. Онъ задумался о томъ, слѣдовало ли ему такъ открыто высказывать свои мысли, и закрылъ глаза, погруженный въ мысли и молясь о просвѣтленіи. Черезъ нѣсколько времени, плеча его коснулась рука. Онъ вздрогнулъ и, открывъ глаза, увидѣлъ передъ собой папу. По лицу папы видно было, что онъ продумалъ нахлынувшія на него мысли. Бенедетто склонилъ голову и сталъ благоговѣйно слушать его.

— Сынъ мой,—сказалъ папа,—многое изъ того, что ты го-

ворилъ, я тоже слышалъ въ глубинѣ сердца. Но ты—да благословитъ тебя Господь!—можешь внимать только гласу Господню, а я долженъ сообразовать мои совѣты и приказанія съ различными способностями милліоновъ людей. Я подобенъ бѣдному школьному учителю, у котораго изъ семидесяти учениковъ двадцать ниже средняго уровня, сорокъ посредственностей и только десять дѣйствительно хорошихъ учениковъ. Онъ не можетъ управлять школой, имѣя въ виду только этихъ десять хорошихъ учениковъ,—и я не могу управлять церковью, имѣя въ виду только тебя и подобныхъ тебѣ. Вотъ, напримѣръ, Христосъ отдавалъ кесарю кесарево. Я, какъ гражданинъ, тоже охотно бы исполнялъ свой долгъ по отношенію къ дворцу, огни котораго видны отсюда, если бы не боялся оскорбить и потерять хотя бы одну душу—столь же драгоцѣнную для меня, какъ и всѣ другія. И то же произошло бы, если бы я отмѣнилъ запрещеніе нѣкоторыхъ книгъ, или призвалъ въ совѣтъ кардиналовъ не строго ортодоксальныхъ католиковъ—и въ особенности если бы я вдругъ пошелъ навѣщать больныхъ въ госпиталяхъ.

— Святой отецъ!—воскликнулъ Бенедетто:—вѣдь взамѣнъ этихъ маловѣрныхъ душъ церковь обрѣла бы много другихъ, болѣе достойныхъ.

— И кромѣ того,—продолжалъ папа, какъ бы не слыша его,—я старъ, утомленъ; кардиналы не знаютъ, кого они избрали. Я вѣдь не соглашался на избраніе. Я боленъ, и чувствую, что долженъ скоро предстать предъ лицомъ моего Судьи. Тобою, сынъ мой, руководитъ воля Господня, но для выполненія того, о чемъ ты говоришь, едва ли хватило бы силы у молодого и сильнаго папы. Кое-что и я могу сдѣлать съ помощью Божіей,—а другое, болѣе трудное, да внушитъ Господь въ свое время достойному и способному выполнить такія задачи. Вѣдь если бы я вздумалъ съ сегодняшняго вечера создавать новый Ватиканъ,—гдѣ бы я нашелъ Рафаэля для украшенія его?

Папа не далъ времени Бенедетто возразить на эти слова, и снова обратился къ нему съ вопросомъ:

— Ты знаешь Сельва?—спросилъ онъ.—Что это за человѣкъ въ частной жизни?

— Праведникъ!—поспѣшилъ отвѣтить Бенедетто.—Истинный праведникъ. Книгамъ его угрожаетъ запрещеніе—совѣту уже сдѣланъ доносъ на нихъ. Въ нихъ, быть можетъ, и можно найти много спорнаго, но по глубинѣ души и пламенности вѣры онѣ стоятъ безконечно выше всего, что создается холоднымъ догматизмомъ правовѣрныхъ католиковъ. Запрещеніе этихъ книгъ

было бы ударомъ для наиболѣе жизненныхъ силъ католичества. Церковь допускаетъ обращеніе тысячи книгъ, написанныхъ тупыми фанатиками, умаляющими понятіе о живомъ Богѣ. Такъ пусть же она не осуждаетъ тѣ рѣдкія сочиненія, которыя возвеличиваютъ ее.

Вдали пробило половину десятаго. Папа молча взялъ Бенедетто за руку и долгимъ пожатіемъ выразилъ ему безмолвно сочувствіе и согласіе, котораго изъ осторожности не хотѣлъ высказать словами. Потомъ онъ только тихо сказалъ:

— Помолись за меня. Помолись, чтобы Господь просвѣтилъ меня.

Со слезами на глазахъ онъ благословилъ Бенедетто, сказавъ ему, что въ скоромъ времени опять призоветъ его для бесѣды. Потомъ онъ быстро удалился. Бенедетто продолжалъ стоять на колѣняхъ, проникнутый торжественностью минуты. Онъ поднялся, услышавъ шаги въ галереѣ. Черезъ нѣсколько минутъ, онъ спускался внизъ, въ сопровожденіи дона Теофила, и вышелъ изъ Ватикана черезъ большую бронзовую дверь.

XII.

Бенедетто стоялъ въ маленькой комнаткѣ четвертаго этажа, у постели больного старика. Его привела туда старая женщина, сосѣдка больного, принявшая въ немъ участіе. Она знала, что больной старикъ—бывшій монахъ, что онъ въ тридцать лѣтъ убѣжалъ изъ монастыря, женился, но былъ неудачникомъ; жена умерла, дочери пошли по дурному пути, самъ онъ умиралъ теперь нищимъ и одинокимъ. Старуха помогала ему, хотя сама едва могла заработать себѣ на жалкую жизнь, и молилась за него, считая, однако, что ей не отмолить его тяжкихъ грѣховъ.

Въ этотъ день больной нѣсколько разъ говорилъ, что былъ бы счастливъ, еслибы могъ получить нѣсколько розъ. Старуха тогда рѣшила по какому-то наитію пойти къ „святому изъ Дженнэ“, который жилъ недалеко, въ виллѣ доктора Майда, въ качествѣ садовника, и попросить у него цвѣтовъ. Она застала Бенедетто въ саду, и тотъ, выслушавъ ея разсказъ, самъ пошелъ къ больному и понесъ ему розы. Больной безконечно обрадовался приходу Бенедетто и цвѣтамъ. Онъ разсказалъ, что былъ сыномъ садовника, и что ему приснился въ эту ночь садъ, гдѣ онъ провелъ дѣтство; розы какъ бы звали его обратно къ себѣ, и потому ему такъ мучительно захотѣлось цвѣтовъ. Бене-

детто положилъ ему на постель пучокъ розъ, и больной поглядѣлъ на цвѣты и на Бенедетто глазами, полными слезъ благодарности. Бенедетто наклонился къ нему и заговорилъ съ нимъ кротко и ласково, утѣшая его и отвѣчая словами надежды на нѣмой вопросъ больного, отчаявшагося въ возможности спасти свою душу.

Въ это время передъ домомъ собралась цѣлая толпа, въ ожиданіи выхода святого. Одна торговка увидѣла его, когда онъ входилъ, и поспѣшила извѣстить объ этомъ всю улицу. У дверей, въ ожиданіи его выхода, собралось человѣкъ пятьдесятъ, большей частью женщинъ, жаждавшихъ видѣть его, услышать отъ него хоть слово. Всѣ терпѣливо ждали, разговаривая тихо, какъ въ церкви, о чудесахъ, сотворенныхъ Бенедетто, о милостяхъ, которыя онъ оказывалъ. Черезъ нѣсколько времени, къ этой группѣ подъѣхалъ велосипедистъ, сошелъ съ велосипеда, спросилъ, кого здѣсь ждутъ, точно освѣдомился о томъ, гдѣ теперь находится святой изъ Дженнэ, и, сѣвъ обратно на велосипедъ, быстро умчался. Черезъ короткое время, у дверей дома остановилась наемная коляска, за которой слѣдовалъ тотъ же велосипедистъ. Изъ коляски вышелъ господинъ, прошелъ черезъ толпу и вошелъ въ домъ. Велосипедистъ остался у коляски. Пріѣхавшій господинъ поговорилъ съ привратникомъ и поднялся, въ его сопровожденіи, въ комнату больного, у дверей которой стояла старуха и молилась. Несмотря на ея просьбы не мѣшать бесѣдѣ больного со святымъ, онъ постучалъ. Ему открылъ дверь Бенедетто.

— Простите,—сказалъ вошедшій очень учтиво.—Вы синьоръ Пьеро Майрони?

— Я не ношу болѣе этого имени,—спокойно отвѣтилъ Бенедетто.—Но прежде я его носилъ.

— Я крайне сожалѣю, что долженъ обезпокоить васъ. Но я все-таки попрошу васъ послѣдовать за мной. Я потомъ скажу вамъ—куда.

Больной услышалъ слова незнакомца и сталъ умолять Бенедетто не оставлять его.

— Будьте любезны сказать мнѣ ваше имя и объяснить, почему я долженъ идти съ вами?—спросилъ Бенедетто.

— Я агентъ департамента полиціи,—сказалъ незнакомецъ, понизивъ голосъ.

Больной и женщина, которая привела Бенедетто, заволновались. Бенедетто тоже не могъ сдержать изумленнаго взгляда, и полицейскій агентъ поспѣшилъ прибавить съ улыбкой, что онъ

пришелъ не арестовать синьора Майрони, а только передать ему приглашеніе пожаловать въ департаментъ полиціи. Но Бенедетто зналъ, что такого рода приглашенія имѣютъ обязательный характеръ, и сказалъ, что готовъ явиться на зовъ. Онъ только шепнулъ нѣсколько словъ на ухо больному, который кивнулъ ему головой со слезами на глазахъ, потомъ сказалъ старухѣ, отведя ее въ сторону, что больной согласенъ исповѣдаться и причаститься, и что пусть она приведетъ священника. Онъ обѣщалъ, что зайдетъ самъ, когда будетъ свободенъ, затѣмъ направился съ своимъ провожатымъ къ выходу. Толпа заволновалась, понимая, въ чемъ дѣло, стала осыпать агента ругательствами и наступать на него, съ явнымъ намѣреніемъ отбить жертву насилія. Но Бенедетто успокоилъ своихъ защитниковъ, выступивъ впередъ и объяснивъ, что онъ по собственной волѣ уѣзжаетъ съ этимъ господиномъ. Въ эту минуту раздались удары грома,—разразилась гроза. Толпа вздрогнула и пустилась бѣжать въ разныя стороны. Агентъ далъ какой-то приказъ велосипедисту, и самъ сѣлъ въ коляску рядомъ съ Бенедетто.

Они поѣхали по направленію къ Тибру. Бенедетто старался узнать отъ своего провожатаго, зачѣмъ его вызываютъ, но тотъ давалъ уклончивые отвѣты, больше распространяясь о томъ, какъ онъ его долго искалъ, прежде чѣмъ нашелъ у постели больного. Бенедетто понялъ, что онъ и самъ не знаетъ, въ чемъ дѣло, и только для пущей важности напускаетъ на себя таинственность. Наконецъ, они въѣхали во дворъ большого зданія и остановились у темной лѣстницы, окруженной колоннами. Бенедетто поднялся со своимъ провожатымъ во второй этажъ, на площадку, гдѣ открывались двѣ двери. Агентъ открылъ дверь направо и вошелъ вмѣстѣ съ Бенедетто въ маленькую переднюю. Дремавшій на стулѣ сторожъ лѣниво поднялся. Агентъ оставилъ Бенедетто и прошелъ въ другую комнату. Тогда сторожъ наклонился, точно хотѣлъ поднять что-то съ полу, и сказалъ Бенедетто, подавая ему закрытое письмо:

— Посмотрите, это вы уронили!—Онъ повторилъ то же самое болѣе настойчиво, видя, что Бенедетто удивленъ и не беретъ письма:—Письмо, навѣрное, ваше. Берите скорѣе.

Взять скорѣе? Бенедетто посмотрѣлъ на сторожа, который опять сѣлъ на свой стулъ. Онъ кивнулъ головой, давая понять Бенедетто, что все это, дѣйствительно, не спроста. Бенедетто посмотрѣлъ на конвертъ. На немъ было написано: „Младшему садовнику изъ виллы Майда". Подъ этимъ написано было большими буквами: „*Прочесть немедленно*".

Почеркъ былъ женскій, но Бенедетто не узналъ его. Онъ распечаталъ письмо и прочелъ:

„Знайте, что директоръ департамента полиціи сдѣлаетъ все, что можетъ, чтобы побудить васъ добровольно уѣхать изъ Рима. Не соглашайтесь. Остальное можно прочесть потомъ, на досугѣ“.

Бенедетто торопливо засунулъ письмо въ карманъ, но такъ какъ никто не являлся и вокругъ него была глубокая тишина, онъ снова вынулъ письмо и прочелъ дальнѣйшее:

„Въ Ватиканѣ очень возбуждены противъ васъ послѣ вашей бесѣды съ святымъ отцомъ, который послѣ того потребовалъ дѣло Сельва для личнаго просмотра. Вы не можете себѣ представить, какія интриги ведутся противъ васъ, какія клеветы доходятъ до вашихъ друзей. Все это дѣлается съ цѣлью удалить васъ изъ Рима и помѣшать вторичному свиданію съ папой. Заручились содѣйствіемъ правительства, обѣщая за это не назначать туринскимъ епископомъ никого изъ нежелательныхъ для правительства кандидатовъ. Не уступайте, не отказывайтесь отъ своей миссіи, отъ воздѣйствія на святого отца. Угрозы относительно Дженнэ не серьезны. Вамъ ничего не могутъ сдѣлать, и это хорошо извѣстно самимъ обвинителямъ. Все это узнала та, которая не можетъ вамъ писать сама, и поручила мнѣ увѣдомить васъ.— Ноэми д'Арксель“.

Бенедетто невольно взглянулъ на сторожа, думая о томъ, сознательно ли онъ передалъ ему предупрежденіе. Но сторожъ дремалъ и отряхнулъ сонъ только тогда, когда снова вернулся агентъ и велѣлъ провести Бенедетто къ начальнику.

Бенедетто ввели въ большую комнату, почти совершенно темную. Только въ одномъ углу горѣла электрическая лампа, и при свѣтѣ ея сидѣлъ у стола старый, лысый господинъ и читалъ газету. Столъ былъ заваленъ бумагами. Надъ столомъ виднѣлся въ полутьмѣ большой портретъ короля. Старый господинъ не сразу поднялъ голову. Наконецъ онъ взглянулъ на приведеннаго къ нему простого смертнаго и сказалъ холодно, съ необыкновенно важнымъ видомъ:

— Возьмите стулъ и сядьте. Вы синьоръ Пьетро Майрони?— спросилъ онъ, когда Бенедетто сѣлъ.

— Да.

— Простите, что я обезпокоилъ васъ, но это было необходимо.

Подъ его учтивыми словами чувствовались жесткость и сарказмъ.

— Кстати,—сказалъ онъ,—почему вы не хотите называться своимъ именемъ? Впрочемъ, это не важно,—сказалъ онъ, видя, что Бенедетто стѣсняется сразу отвѣтить. — Мы вѣдь здѣсь не на судѣ. Мнѣ казалось бы, что если хочешь дѣлать добро, то слѣдуетъ дѣлать его подъ собственнымъ именемъ. Но я не хожу въ церковь и держусь другихъ убѣжденій, чѣмъ вы. Повторяю, это не важно. Я—чиновникъ, занятый охраной общественной безопасности и облеченный нѣкоторой властью. Но я хочу доказать вамъ, что при всемъ томъ я принимаю въ васъ нѣкоторое участіе. Я долженъ вамъ сказать, что вы очутились въ очень непріятномъ положеніи, дорогой синьоръ Майрони—или синьоръ Бенедетто—какъ желаете. Противъ васъ имѣются у судебныхъ властей обвиненія, которыя не только подвергаютъ опасности репутацію вашей святости, но могутъ повлечь за собой лишеніе свободы и остановить вашу проповѣдническую дѣятельность.

— О моей славѣ и святости я прошу васъ не говорить,— рѣзко прервалъ его Бенедетто, весь вспыхнувъ.

— Напрасно вы обижаетесь, — спокойно отвѣтилъ представитель полицейской власти. — Ваша репутація, дѣйствительно, подвергается большимъ опасностямъ. Противъ васъ выставляются разныя обвиненія—не уголовнаго свойства, не безпокойтесь,—но которыя противорѣчатъ католической морали. Меня это, конечно, не касается, и я, къ тому же, вообще не вѣрю въ святость. Вернемся, однако, къ дѣлу. Я вамъ сказалъ непріятныя вещи, но теперь постараюсь загладить это. Правительство, отъ имени котораго я дѣйствую, относится далеко не враждебно къ религіи и ея служителямъ, тѣмъ болѣе, что религія—одинъ изъ элементовъ общественной безопасности. Мы поэтому рады помочь вамъ противъ вашихъ многочисленныхъ враговъ. Мы знаемъ къ тому же, что вы близки къ папѣ и часто съ нимъ видаетесь. Правительство же вовсе не желаетъ дѣлать непріятностей папѣ, затрогивая близкихъ ему людей. Я предлагаю вамъ поэтому спасти васъ отъ непріятностей; но это возможно при одномъ условіи—чтобы вы уѣхали изъ Рима. Здѣсь у васъ могущественные враги въ католической средѣ. Можетъ быть, они и правы съ своей узко-католической точки зрѣнія. Вы въ вопросахъ морали католикъ съ болѣе широкими воззрѣніями,—я васъ понимаю. Но мы опять отвлеклись,—вернемся къ дѣлу. На васъ донесли прокурору. Мы, собственно, уже должны были бы арестовать васъ, синьора Майрони, заочно осужденнаго уголовнымъ судомъ въ Бресчіи за неисполненіе обязанностей присяжнаго засѣдателя. Но это еще пустяки. Серьезнѣе то, что васъ обви-

няютъ въ незаконномъ занятіи медицинской практикой и въ томъ, что вы отравили одного паціента—ни болѣе, ни менѣе. Теперь у насъ еще есть возможность спасти васъ,—можно замять дѣло. Но если вы останетесь въ Римѣ, ваши враги поднимутъ такой шумъ, что мы не сможемъ притвориться глухими. Вамъ необходимо уѣхать подальше. Поѣзжайте во Францію—тамъ недостатокъ въ святыхъ... или поѣзжайте въ Лугано—тамъ есть монахини. Святые и монахини отлично всегда уживаются вмѣстѣ. Поѣзжайте къ монахинямъ и дайте улечься бурѣ.

Онъ продолжалъ говорить медленно и пространно, прикрывая насмѣшку саркастически-равнодушнымъ тономъ. Бенедетто поднялся и сказалъ твердо и строго:

— Я находился,—сказалъ онъ,—у постели больного, который очень нуждался въ моей незаконной медицинской помощи. Почему вы не оставили меня тамъ? Вы и правительство дѣйствуете какъ мои злѣйшіе враги, предлагая мнѣ бѣжать. Исполните свой долгъ и велите меня арестовать за неисполненіе долга присяжнаго засѣдателя. Я вамъ докажу, что не получилъ и не могъ получить повѣстки. Пусть прокуроръ тоже исполняетъ свой долгъ и возбудитъ противъ меня дѣло по доносу изъ Дженнэ—меня всегда можно найти въ виллѣ профессора Майда. Скажите это своему начальству. Скажите, что я не уѣду изъ Рима, и что я боюсь только одного судьи, котораго и они боятся, потому что двоедушіе будетъ строже караться, чѣмъ всякое другое преступленіе.

Неподготовленный къ такой отповѣди, чиновникъ весь позеленѣлъ отъ злости, и уже готовъ былъ разразиться градомъ ругательствъ, какъ вдругъ на дворѣ раздался шумъ колесъ. Онъ сталъ прислушиваться. Потомъ взгляды его и Бенедетто снова встрѣтились, и онъ сказалъ съ угрожающимъ жестомъ:

— Я велю васъ арестовать.

Бенедетто твердо посмотрѣлъ ему въ глаза и отвѣтилъ:

— Хорошо. Я жду.

Но въ эту минуту на порогѣ показался сторожъ, который уже нѣсколько разъ стучался въ дверь, не получая отвѣта. Онъ поклонился чиновнику, ничего не говоря. Тотъ поспѣшно сказалъ: „иду“—и быстро ушелъ. Съ лица его исчезли всякіе признаки гнѣва, смѣнившись выраженіемъ приниженной покорности.

Сторожъ тотчасъ же вернулся и сказалъ Бенедетто, чтобы онъ подождалъ.

Прошло четверть часа. У Бенедетто разгоралась голова; начинался приступъ лихорадки. Онъ откинулся на стулѣ, и на него нахлынулъ потокъ несвязныхъ мыслей:

„Богъ да проститъ ихъ всѣхъ! Какъ это узнала обо всемъ та, которая не можетъ мнѣ писать? Чего они отъ меня хотятъ? Зачѣмъ заставляютъ ждать? Какой ужасъ, если въ жару я не смогу владѣть собой и своими мыслями! Какое отвращеніе, какой позоръ—эти компромиссы и взаимныя одолженія церкви и бюрократіи! Почему никто не приходитъ? Тѣ двѣ женщины думаютъ обо мнѣ теперь, а мнѣ нельзя о нихъ думать, нельзя. Буду думать о тебѣ, ватиканскій старецъ. Ты спишь и не знаешь, что теперь дѣлается со мной. Больше уже я не поднимусь по той лѣсенкѣ, не увижу твоего кроткаго лица. Но, слава Богу, я не напрасно видался съ нимъ. Что я здѣсь дѣлаю? Почему я не ухожу? Какъ я уйду? Какая мучительная лихорадка!“

Онъ поднялся, увидѣлъ на часахъ, бѣлѣвшихъ въ полумракѣ, что сейчасъ пробьетъ одиннадцать. Гроза продолжала бушевать, и жаръ у Бенедетто все усиливался. Еслибы хоть открыть окно и освѣжиться, подставивъ лицо подъ дождь...

Послышался электрическій звонокъ, раздались торопливые шаги въ передней. Вошелъ чиновникъ въ пальто и шляпѣ. Закрывъ за собой дверь, онъ собралъ бумаги на столѣ и сказалъ Бенедетто пренебрежительнымъ тономъ:

— Такъ помните. Вамъ дается три дня на то, чтобы уѣхать изъ Рима. Поняли?—И, не дожидаясь отвѣта, онъ нажалъ кнопку звонка. Вошелъ сторожъ, которому онъ сказалъ:

— Проводите.

Выйдя со своимъ проводникомъ на лѣстницу, Бенедетто считалъ, что теперь уже онъ свободенъ и можетъ идти, и попросилъ дать ему сначала немного воды.

— Я никакъ не могу пойти теперь за водой,—отвѣтилъ сторожъ.—Его превосходительство ждетъ. Пожалуйте сюда.

И онъ ввелъ его, къ его удивленію, въ лифтъ.

— Даже не его, а ихъ превосходительства,—прибавилъ онъ, и въ то время, какъ лифтъ поднималъ ихъ во второй этажъ, онъ смотрѣлъ на Бенедетто съ особымъ выраженіемъ лица,—какъ на человѣка, который не достоинъ оказываемой ему чести. Поднявшись во второй этажъ, они вышли и прошли черезъ большую полутемную залу. Затѣмъ Бенедетто провели въ другую комнату, освѣщенную такъ ярко, что въ первую минуту онъ былъ почти совершенно ослѣпленъ. Въ комнатѣ его ждали два человѣка. Они сидѣли на двухъ концахъ широкаго дивана. Младшій изъ нихъ засунулъ руки въ карманы и небрежно перекинулъ ногу на ногу. Старшій подался впередъ и поглаживалъ рукой свою сѣдую бороду. У перваго было саркастическое выра-

женіе лица, у второго — грустное и доброе. Старшій и, очевидно, болѣе высокопоставленный изъ двухъ, пригласилъ Бенедетто сѣсть въ кресло противъ него.

— Не думайте, милый синьоръ Майрони, — сказалъ онъ звучнымъ и сдержанно-грустнымъ голосомъ, — что мы собираемся говорить съ вами, какъ представители государственной власти. Въ настоящую минуту передъ вами два государственныхъ человѣка, которые хорошо знаютъ свое ремесло и знаютъ ему цѣну. Мы — два идеалиста, и умѣемъ идеально лгать, говоря съ людьми, которые ничего другого не заслуживаютъ; мы — демократы, но преклоняемся передъ той скрытой истиной, которой не касались потныя руки стараго демоса.

Сказавъ это, онъ снова сталъ поглаживать рукой свою сѣдую бороду и устремилъ свои зоркіе, улыбающіеся глаза на Бенедетто, ища на лицѣ его выраженія удивленія.

— Мы отчасти также люди вѣрующіе, — сказалъ онъ. И когда другой изъ сидѣвшихъ на диванѣ сдѣлалъ отстраняющій жестъ и сказалъ: „Подожди, не преувеличивай!“ — старшій продолжалъ свое: — Оставь, милый другъ. Мы оба вѣрующіе, только разно. Я вѣрю въ Бога всѣми силами, которыхъ у меня много, и поэтому Богъ всегда со мной. А ты вѣришь въ Бога всей своей слабостью, и потому Онъ будетъ съ тобой только въ часъ твоей смерти. Къ тому же, — продолжалъ онъ звучнымъ голосомъ, — я христіанинъ, но не католикъ. Я даже анти-католикъ, и разумъ у меня протестантскій. Я вижу ясные признаки разложенія въ католичествѣ и знаю, что все, что въ немъ есть жизненнаго и молодого, отходитъ отъ него. Я знаю, что вотъ вы католикъ радикальнаго лагеря, что вы другъ дѣйствительно сильнаго человѣка. Онъ самъ считаетъ себя католикомъ, но правовѣрные католики считаютъ его еретикомъ, и онъ, конечно, еретикъ. Мнѣ говорили, что вы ученикъ этого благороднаго еретика, что вы проповѣдуете реформы въ церкви и надѣетесь вліять на папу. Я не вѣрю въ возможность обновить современное папство, и потому хотѣлъ бы услышать отъ васъ, какіе у васъ планы реформъ католичества. Скажите мнѣ.

Бенедетто продолжалъ молчать.

— Говорите, — снова сказалъ старшій изъ сидѣвшихъ на диванѣ властнымъ тономъ. — Мой другъ не Иродъ, и я не Пилатъ. Быть можетъ, мы сдѣлаемся двумя апостолами вашего ученія.

Его другъ снова протянулъ впередъ руки, не поднимая головы, и опять сказалъ:

— Не увлекайся!—и прибавилъ, обращаясь къ своему другу: —Мнѣ кажется, милый мой, что твое краснорѣчіе впервые потерпѣло фіаско. Знаменитое „nihil respondit“ здѣсь примѣняется съ полной строгостью.

Бенедетто вздрогнулъ, придя въ ужасъ отъ сопоставленія съ божественнымъ учителемъ и боясь казаться подражателемъ ему. Онъ забылъ о лихорадкѣ, о жаждѣ, о головной боли.

— О, нѣтъ!—воскликнулъ онъ:—я буду отвѣчать. Вы говорите, что вы не Пилатъ, а именно обращаетесь ко мнѣ съ вопросомъ Пилата: „quid est veritas?“... А между тѣмъ вы не способны воспринять истину, какъ не былъ способенъ Пилатъ.

— Вотъ какъ!—воскликнулъ его собесѣдникъ.—Почему же?

Другъ его сталъ громко смѣяться.

— Потому что кто способствуетъ сгущенію мрака, тотъ гаситъ свѣтъ и для себя. Вы создаете мракъ. Мнѣ не трудно сообразить, что вы министръ внутреннихъ дѣлъ,—я васъ знаю потому, что о васъ говорятъ. Вы не созданы для мрака, въ вашихъ дѣйствіяхъ есть много свѣтлаго, въ душѣ вашей много доброты и истины. Но теперь вы содѣйствуете темному дѣлу. Я въ эту ночь здѣсь только потому, что вы согласились на постыдную сдѣлку. Вы говорите, что преклоняетесь передъ истиной, вы спрашиваете у брата, обладаетъ ли онъ истиной, а сами не говорите, что уже продали его.

Въ то время, какъ говорилъ Бенедетто, другъ и младшій сотрудникъ министра поднялъ наконецъ голову со спинки дивана. Только теперь, казалось, онъ удостоилъ своего вниманія Бенедетто и его слова. Его, видимо, забавляло, что начальникъ его нарвался на рѣзкій отвѣтъ. Онъ очень высоко цѣнилъ умъ министра, но высмѣивалъ въ то же время про себя его идеалистическія стремленія. Министръ въ первую минуту былъ ошеломленъ, потомъ вскочилъ и сталъ кричать:

— Вы лжете! Какъ вы смѣете говорить такія дерзости? Вы не заслуживаете моей доброты. Я васъ не продавалъ, вы ничего не стоите, я васъ даромъ отдамъ. Уходите, уходите прочь!

Онъ сталъ искать кнопку электрическаго звонка, и, не находя ее, въ ослѣпленіи гнѣва сталъ громко звать сторожа.

Товарищъ министра привыкъ къ такимъ вспышкамъ своего очень добраго въ сущности начальника и посмѣивался, слушая его. Но когда министръ сталъ звать сторожа, онъ сталъ его успокаивать; ему не хотѣлось, чтобы явились свидѣтели этой сцены и вышли бы потомъ какія-нибудь непріятности. Онъ сурово сказалъ Бенедетто:—Уходите!—Министръ гнѣвно шагалъ

по комнатѣ, съ трудомъ сдерживаясь, чтобы не топать ногами, какъ взбѣшенный ребенокъ.

Бенедетто не послушался. Онъ продолжалъ стоять, выпрямившись, съ строгимъ и властнымъ видомъ; министръ невольно обернулся къ нему и посмотрѣлъ ему прямо въ глаза.

— Господинъ министръ, — сказалъ онъ, — я скоро уйду не только изъ этого дворца, но, кажется, и изъ этого міра. Я васъ больше не увижу; выслушайте же меня въ послѣдній разъ. Будетъ время, когда вы отвѣтите за свои дѣла, — приготовьтесь къ отвѣту добрыми дѣлами. Каковы бы ни были ваши заблужденія, въ душѣ вашей есть вѣра — направьте ее на добро. Я не буду защищать передъ вами католичество, когда вы объявляете себя протестантомъ. Я говорю съ вами, какъ съ представителемъ свѣтской власти, и не прошу васъ быть защитникомъ католической церкви. Я требую только, чтобы во имя того, что вы называете свободой мысли и слова, вы не служили ложнымъ богамъ, допуская компромиссы совѣсти, добиваясь расположенія папы, въ котораго вы не вѣрите. Я говорю именно о васъ и о другихъ подобныхъ вамъ, которые считаютъ себя честными людьми только потому, что они не присвоиваютъ себѣ государственныхъ суммъ, и считаютъ себя людьми нравственными, потому что не предаются чувственнымъ наслажденіямъ. Но вы потворствуете гораздо болѣе развращеннымъ вкусамъ. Вы поклоняетесь самимъ себѣ, наслаждаетесь своей властью и своими почестями, приносите этимъ кумирамъ человѣческія жертвы и взаимно поклоняетесь кумиру власти другъ друга въ цѣляхъ самовозвеличенія. Самые чистые изъ васъ виновны, по меньшей мѣрѣ, въ такомъ попустительствѣ. Вы потворствуете интригамъ, считаете себя неподкупными и подкупаете другихъ, раздаете даромъ общественныя деньги людямъ, продающимъ вамъ свою совѣсть. Вы презираете низость и развиваете ее въ подчиненныхъ вамъ. И вторая ваша вина — ложь, которую вы считаете необходимымъ зломъ. Вы лжете народу, лжете парламенту, лжете врагамъ и друзьямъ. Я знаю, что многіе изъ васъ никогда не солгутъ въ частной жизни; они съ отвращеніемъ надѣваютъ одежду лжи — только при исполненіи своихъ общественныхъ обязанностей. Вы вѣрите въ Бога и думаете, вѣроятно, что наибольшій вашъ грѣхъ передъ Богомъ — борьба съ церковью во имя государственныхъ интересовъ. Но не это — самое худшее. Еслибы въ парламентѣ и во главѣ правительства были убѣжденные атеисты, которые возставали бы противъ того, что имъ кажется ложью во имя своей истины, они были бы угоднѣе Богу, чѣмъ вы, для

которыхъ Богъ — идолъ, а не духъ истины, — чѣмъ вы, которые смѣете говорить о разложеніи католичества въ то время, какъ вы сами изъѣдены ложью, гніете во лжи. Вы заражаете воздухъ вокругъ себя, такъ что трудно дышать въ вашей близости. А между тѣмъ у васъ вѣрующая душа, господинъ министръ, и не говорите мнѣ, что въ этомъ дворцѣ нельзя служить Богу...

— Знаете-ли...—гнѣвно воскликнулъ министръ и скрестилъ руки на груди. Но его другъ протянулъ руку, останавливая его.

— Тише, тише!—сказалъ онъ.— Позвольте мнѣ поговорить съ нимъ; мнѣ это интересно.

Товарищъ министра, маленькій, кругленькій человѣкъ, преисполненный сознаніемъ своей важности, пришелъ только изъ любезности къ министру; онъ не раздѣлялъ его интеллектуальной любознательности. Министръ любилъ озарять лучами своего блестящаго ума окружающихъ, а его подчиненный и другъ умѣлъ отражать сіяніе министерскаго ума, за что министръ въ свою очередь не отказывалъ ему въ признаніи его умственной силы. Министръ желалъ, чтобы онъ присутствовалъ при этой бесѣдѣ, не предполагая, что этотъ маленькій Меркурій его планетной системы питаетъ настоящую глубокую злобу ко всему высокому, ко всему духовному, мѣшающему предаваться съ полнымъ спокойствіемъ и убѣжденностью мелкимъ матеріальнымъ интересамъ. Теперь эта ненависть сказалась въ его отповѣди Бенедетто.

— Зачѣмъ вы такъ распространяетесь, милый мой, — сказалъ онъ снисходительно-пренебрежительнымъ тономъ, — объ истинныхъ и ложныхъ богахъ? Не знаю, насколько истиненъ вашъ богъ, но во всякомъ случаѣ онъ не разуменъ, создавъ міръ такимъ, какъ онъ есть, и внушивъ намъ потомъ желаніе сдѣлать его инымъ. Вы позволили себѣ осыпать обвиненіями и клеветами политическихъ дѣятелей. Ваши обвиненія становятся клеветами въ особенности въ примѣненіи къ этому синьору и ко мнѣ. Но я согласенъ съ вами, что политика—не подходящее занятіе для святыхъ. Это уже такъ устроено тѣмъ, кто создалъ міръ,— предъявляйте претензіи къ нему. Но вѣдь нужно, чтобы кто-нибудь исполнялъ и это дѣло. Вотъ мы и исполняемъ его, такъ какъ мы не святые. Но вы видите, по крайней мѣрѣ, что мы относимся очень терпимо къ святымъ.

Онъ взглянулъ на часы.

— Уже поздно,— сказалъ онъ,— и святымъ опасно ходить ночью по римскимъ улицамъ. Я совѣтую вамъ скорѣе отправиться домой.—Онъ протянулъ руку къ звонку, чтобы позвать сторожа.

— Господинъ министръ,—воскликнулъ Бенедетто такъ громко

и властно, что товарищъ министра остановился съ протянутой рукой.—Вы считаете, что наибольшую опасность для государства представляютъ анархисты. Но бойтесь гораздо больше своихъ товарищей, презирающихъ Бога. Если анархисты—лихорадка въ государственномъ организмѣ, то глумители Бога—гангрена.—Что касается васъ,—прибавилъ онъ, обращаясь къ товарищу министра,—то вы смѣетесь надъ Тѣмъ, Кто молчитъ. Бойтесь Его молчанія!

Ни одинъ изъ двухъ сановниковъ не произнесъ ни слова и не сдѣлалъ ни одного жеста. Бенедетто вышелъ изъ комнаты.

Онъ спустился съ лѣстницы, весь дрожа отъ волненія, среди котораго у него вырвались изъ глубины сердца грозныя обвиненія. У него былъ сильный жаръ, дрожали ноги, и онъ долженъ былъ держаться за перила, чтобы не упасть. Дойдя до низу лѣстницы, онъ прижалъ лобъ къ колоннѣ, чтобы освѣжиться, но отшатнулся, чувствуя ненависть къ камнямъ этого дворца, гдѣ заключался низкій торгъ между служителями церкви и свѣтскими властями. Онъ сѣлъ у входа на ступеньку, не глядя на зажженные фонари коляски, которая стояла въ двухъ шагахъ отъ него; это была, очевидно, коляска министра. Онъ вздохнулъ нѣсколько свободнѣе на воздухѣ и почувствовалъ, что ему хочется плакать надъ грустной ослѣпленностью міра и надъ своимъ собственнымъ одиночествомъ. Только она, женщина изъ его грѣшнаго прошлаго, думала о немъ, охраняла его и дѣйствовала. Другіе друзья его, преданные его религіозному ученію, спали и спятъ. Онъ чувствовалъ острое наслажденіе, думая о томъ, какъ его забыли друзья. Ему пріятно было хоть одинъ разъ испытать до конца жалость къ себѣ и представлять себѣ свою участь еще болѣе печальной и горькой, чѣмъ она была въ дѣйствительности. Всѣ были противъ него. Онъ одинъ, одинъ... И дѣйствительно ли такъ крѣпка его внутренняя опора, какъ онъ полагаетъ? Что если тотъ человѣкъ наверху, тотъ умный министръ, правъ, и католичество, дѣйствительно, неисцѣлимо? Неужели же Господь, которому онъ служилъ, и который теперь каралъ его тѣло и отдалъ его во власть его враговъ, покинетъ и душу его? Смертельная мука! Ему хотѣлось умереть и успокоиться.

Онъ услышалъ сверху голоса министра и его товарищей, спускавшихся внизъ по лѣстницѣ. Бенедетто сдѣлалъ усиліе и поднялся, добрался кое-какъ до улицы и увидѣлъ тамъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ воротъ, еще одну карету. При свѣта газа онъ узналъ ливрею слугъ Десалей, и въ его больномъ мозгу

мелькнула мысль, что, быть можетъ, Жанна ждетъ его въ каретѣ. Онъ отступилъ на шагъ назадъ.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ.

Карета подъѣхала къ нему. Бенедетто показалось, что онъ видитъ Жанну, что его приглашаютъ сѣсть рядомъ съ нею, и что онъ не имѣетъ силы сопротивляться; у него закружилась голова, и онъ навѣрное упалъ бы, еслибы его не поддержалъ лакей. Самъ не зная какъ, онъ очутился въ каретѣ, гдѣ его слѣпилъ свѣтъ и оглушалъ шумъ въ ушахъ. Придя въ себя, онъ увидѣлъ, что онъ одинъ, и что прямо передъ нимъ горитъ ацетиленовая лампочка. Дверца справа была открыта, и слуга спрашивалъ его, куда его везти? Конечно, въ виллу профессора Майда. Онъ попросилъ затушить свѣтъ. Слуга тушитъ и говоритъ ему о какомъ-то письмѣ. Бенедетто не понимаетъ. Слуга говоритъ, что синьора положила записку въ мѣшечекъ въ каретѣ и велѣла сказать объ этомъ синьору. Слуга беретъ какое-то письмо и кладетъ Бенедетто въ карманъ. Потомъ онъ спрашиваетъ, исполняя отданное ему распоряженіе, какъ здоровье синьора? Вѣроятно, если бы онъ увидѣлъ Бенедетто мертвымъ, то все же съ добросовѣстностью исполнилъ бы приказаніе и спросилъ о его здоровьи. Бенедетто проситъ воды; слуга приноситъ стаканъ воды изъ сосѣдняго кафе, и наконецъ они ѣдутъ. Бенедетто пріятно ѣхать на мягкихъ резиновыхъ шинахъ въ тишинѣ и темнотѣ. Отъ времени до времени, справа и слѣва, на него падаютъ яркіе лучи; онъ страдаетъ отъ ихъ свѣта — ему кажется, что эти огни враждебны ему. Потомъ опять наступаетъ темнота, и Бенедетто смотритъ съ облегченіемъ во мракъ. Ему лучше. Жаръ, усилившійся отъ переутомленія и волненій бурной ночи, спалъ. Теперь только онъ чувствуетъ, что карета пропитана запахомъ любимыхъ духовъ Жанны. Онъ живо вспоминаетъ возвращеніе съ нею изъ Праліи, особенно съ того момента, какъ она ушла и онъ остался одинъ въ коляскѣ, пропитанной ея запахомъ.

Взволнованный живостью воспоминаній, онъ прижалъ руки къ груди, стараясь внутреннимъ усиліемъ воли вырвать изъ сердца воскресшій въ немъ образъ. Но онъ не въ силахъ бороться съ воспоминаніями. Онъ чувствуетъ, что только она, Жанна, дѣйствительно любитъ его и страдаетъ его страданіями. Онъ слышитъ ея голосъ, ея жалобы на то, что онъ не любитъ ее, слышитъ, какъ она поетъ одну пѣсню Сенъ-Санса,—ту, про которую она говорила когда-то, что никто бы не отказалъ ни въ чемъ, если бы его молили звуками такой пѣсни. Ему захо-

тѣлось убѣжать далеко и навсегда изъ языческаго, лицемѣрнаго Рима. Ему рисовались мирныя, чистыя бесѣды съ женщиной, которую онъ надѣялся обратить къ истинной вѣрѣ. Ему страстно хотѣлось сказать Господу: „слишкомъ грустенъ этотъ міръ; позволь поклоняться Тебѣ въ тиши!“ Ему думалось, что онъ не виноватъ въ томъ, что отказывается отъ своей миссіи, очутившись передъ лицомъ столькихъ враговъ, и въ немъ возникло сомнѣніе, дѣйствительно ли есть у него миссія, и не жертва ли онъ иллюзій и грезъ? Передъ нимъ возникали лица его друзей и послѣдователей въ странно искаженномъ видѣ, и онъ чувствовалъ, что на нихъ нельзя возлагать никакихъ надеждъ... И опять онъ сталъ чувствовать безконечную жалость къ себѣ, и сталъ нѣжно и кротко жаловаться Богу и жалѣть всѣхъ, кто любитъ и страдаетъ на землѣ.

Карета остановилась у перекрестка; слуга сошелъ съ козелъ и подошелъ къ калиткѣ. Ни онъ, ни кучеръ, повидимому, не знали съ точностью, гдѣ находится вилла профессора Майда. Справа спускалась между двумя стѣнами маленькая дорожка. Слуга спросилъ, сойдетъ ли здѣсь синьоръ, чтобы пройти пѣшкомъ въ виллу Майда? Нѣтъ, эта дорожка не вела туда, но Бенедетто хотѣлъ во всякомъ случаѣ выйти поскорѣй изъ этой отравленной кареты. Онъ пошелъ, едва держась на ногахъ, и дошелъ до монастыря св. Ансельма, думая попросить пріюта у монаховъ; но потомъ онъ раздумалъ, со вздохомъ прошелъ мимо дверей тихой обители и кое-какъ дотащился до рѣшетки виллы Майда.

Садовникъ вышелъ открыть ему, уже полу-раздѣтый, и сильно удивился при видѣ его. Онъ предполагалъ, что Бенедетто въ тюрьмѣ, потому что въ девять часовъ явился полицейскій и спрашивалъ, гдѣ онъ. Синьора, невѣстка профессора, узнавъ объ этомъ, велѣла не впускать его, если онъ вернется; но потомъ, къ великой радости садовника, который любилъ Бенедетто и хозяина, и терпѣть не могъ его невѣстки, профессоръ отмѣнилъ приказаніе синьоры. Услышавъ все это, Бенедетто хотѣлъ сейчасъ же уйти дальше, но у него не хватило силъ; онъ не могъ бы сдѣлать и сотни шаговъ дальше.

— Я останусь только на эту ночь,—сказалъ онъ.

Онъ занималъ комнатку въ домѣ садовника и надѣялся, что къ нему вернется душевное спокойствіе, когда онъ войдетъ къ себѣ въ комнатку. Но онъ ошибся. Онъ сталъ съ горечью думать о томъ, что его уже гонятъ и отсюда. Онъ съ печалью посмотрѣлъ на свою скромную постель, на книги и кое-какія

вещи, устремилъ глаза на висѣвшее надъ постелью Распятіе и простоналъ, дѣлая усиліе воли:

— Почему я такъ жалуюсь, Господи, на тяжесть креста?

Напрасно; въ душѣ его не было живого чувства Христа и любви къ крестной ношѣ. Онъ сидѣлъ въ отчаяніи, не хотѣлъ лечь въ постель въ такомъ состояніи, и все ждалъ смиренія, которое не приходило.

Рѣзкій порывъ вѣтра заставилъ его повернуть голову къ открытому окну. Онъ увидѣлъ ясное небо, черную верхушку пирамиды Цестія и верхушки кипарисовъ, окружавшихъ могилу Шелли. Вѣтеръ ревѣлъ вокругъ маленькаго домика. Онъ вспомнилъ ночь въ сумасшедшемъ домѣ, гдѣ умерла его жена.

Откинувъ печально голову на спинку, онъ вдругъ вспомнилъ про письмо, которое ему далъ слуга, и вынулъ его изъ кармана. Это былъ большой конвертъ съ темной каймой. Онъ открылъ его и прочелъ извѣщеніе о смерти своей старой тещи, маркизы Ненны Скреминъ, и въ концѣ два слова: „In pace“.

Онъ долго держалъ раскрытое извѣщеніе въ рукахъ, глядя на два конечныхъ слова. Потомъ руки его стали дрожать, дрожь поднялась выше, къ груди, къ горлу, и разразилась рыданіями. Онъ плакалъ, вспоминая все связанное съ именемъ старой маркизы, которая навѣрное умерла съ твердой вѣрой въ Христа,—какъ и его бѣдная Элиза. Онъ плакалъ отъ благодарности къ той, которая наполняла нѣжностью его сердце и послѣ своей смерти, и потомъ, успокоенный, подошелъ къ открытому окну и поднялъ глаза къ небу, на которомъ сіяла луна.

XIII.

Жанна.

Маленькая группа рабочихъ шла около полудня съ постройки на via Galvani по направленію къ via della Marmorata. Подъ деревьями, а также у дверей и оконъ въ двухъ послѣднихъ домахъ направо и налѣво, толпились люди, и одинъ рабочій, который шелъ позади другихъ, сказалъ громко своимъ спутникамъ:

— Сколько дураковъ на одного мошенника!

Бородатый человѣкъ, стоявшій у порога одной лавки, услышалъ его и разсердился. Они обмѣнялись ругательствами и полѣзли въ драку. Къ нимъ присоединились другіе, поднялся крикъ,

прибѣжала полиція, и въ одну секунду улица наполнилась невообразимымъ гамомъ. Толпа, собравшаяся изъ-за происшествія, не понимала, въ чемъ дѣло, и ругала всѣхъ — рабочихъ, полицію, прохожихъ. Вдругъ раздался слухъ, пущенный ради шутки кондукторомъ проѣзжавшаго трамвая, что святой изъ Дженнэ теперь на via Galvani. Всѣ кинулись туда, но оказалось, что это не вѣрно. Вдругъ кто-то увидѣлъ людей, быстро спускавшихся изъ монастыря св. Ансельма. Опять стали кричать, что это люди изъ виллы Майда, и что они знаютъ, гдѣ Бенедетто. Но оказалось, что и отъ нихъ ничего нельзя узнать. Прошелъ отрядъ солдатъ, и вслѣдъ за ними раздались свистки и возбужденные крики: „Они навѣрное знаютъ, они его увели!" — „Нѣтъ,—крикнула торговка фруктами на углу, — его забрала полиція". Вокругъ торговки собралась кучка людей и возмущалась тѣмъ, что свидѣтели ареста не отбили Бенедетто у полиціи, а разбѣжались, испугавшись грозы. Тутъ была и старуха, которая привела Бенедетто къ больному. Она въ сотый разъ разсказывала исторію ареста, умиляясь каждый разъ заново поведеніемъ Бенедетто, тѣмъ, что онъ принесъ розы больному, и говорила о томъ, какое у него кроткое лицо и какой онъ на видъ больной. Слушатели въ свою очередь разсказывали каждый цѣлыя исторіи, выхваливая святого. Говорили о случаяхъ чудеснаго исцѣленія, совершеннаго имъ, о его взглядѣ, который трогаетъ самъ по себѣ больше всякихъ словъ, о томъ, какъ онъ дѣлится послѣднимъ съ бѣдными. Скопленіе народа все увеличивалось. Любопытствующіе подходили, спрашивали, въ чемъ дѣло, и опять кто-нибудь разсказывалъ о дженнэнскомъ святомъ, который творилъ чудеса, всѣхъ исцѣлялъ — и котораго теперь полиція забрала неизвѣстно почему. Говорили, что его потомъ выпустили, что онъ вернулся въ домъ, гдѣ жилъ садовникомъ, но что тамъ не даютъ теперь никакихъ свѣдѣній о немъ. Все это, какъ передавалось въ толпѣ, волнуетъ народъ, и хотятъ даже... Но вотъ проходитъ трамвай, и нѣсколько пассажировъ дѣлаютъ знаки толпѣ. Кучка людей бѣжитъ къ слѣдующей стоянкѣ, — такъ какъ оказывается, что въ трамваѣ вернулась депутація изъ шести человѣкъ, поѣхавшая узнать въ полиціи о судьбѣ святого. Толпа тѣснится вокругъ депутатовъ, но у нихъ печальный видъ. Въ отвѣтъ на вопросы со всѣхъ сторонъ они просятъ успокоиться, обѣщая все разсказать — только не здѣсь, не на улицѣ. Толпа требуетъ объясненій, слышатся гнѣвные возгласы; главный изъ депутатовъ, табачникъ, обращается къ толпѣ, взобравшись на плечи своихъ товарищей, и старается успокоить общее волненіе;

узналъ двухъ переодѣтыхъ полицейскихъ агентовъ, которые прогуливались передъ домомъ. Можетъ быть, онъ ошибся,—можетъ быть, это простая случайность,—но во всякомъ случаѣ онъ отмѣчаетъ это. Какъ только онъ вошелъ, сенаторъ попросилъ его пройти къ нему въ кабинетъ. Тамъ онъ очень учтиво, но, видимо, сильно смущенный, выразилъ желаніе видѣть кого-нибудь изъ друзей своего дорогого гостя. Онъ сказалъ затѣмъ, что Бенедетто, къ счастью, теперь уже не въ жару и, повидимому, находится на пути къ выздоровленію. Онъ же, сенаторъ, получилъ телеграмму о пріѣздѣ своей старшей сестры. У него въ домѣ нѣтъ другихъ комнатъ, кромѣ его спальни и комнаты служанки, а помѣстить сестру въ гостинницѣ невозможно. Сестра уже въ дорогѣ, такъ что телеграфировать, чтобы она подождала, онъ не можетъ, и поэтому...

Сенаторъ предоставилъ ди-Лейни самому сдѣлать выводъ изъ его словъ. Ди-Лейни, освѣдомленный объ интригахъ, которыя велись противъ Бенедетто, былъ ошеломленъ. Что отвѣтить? Что сенаторъ—хозяинъ въ своемъ домѣ, и можетъ поступать по своему усмотрѣнію. Въ сущности, это былъ единнственный возможный отвѣтъ. Ди-Лейни попытался высказать опасеніе, что переѣздъ можетъ сильно повредить больному, но сенаторъ твердо увѣрялъ въ противномъ, утверждая, что, напротивъ того, перемѣна воздуха можетъ только послужить больному на пользу. Онъ совѣтовалъ увезти Бенедетто въ Сорренто. Такъ какъ ди-Лейни не зналъ, что отвѣтить, и не двигался съ мѣста, то сенаторъ попрощался съ нимъ, попросивъ его зайти въ „Грандъ-Отель", спросить синьору Десаль, по просьбѣ которой сенаторъ пріютилъ у себя Бенедетто, и попросить ее, чтобы она позаботилась о немедленномъ перемѣщеніи больного, такъ какъ сестра сенатора должна пріѣхать въ тотъ же вечеръ около одиннадцати часовъ.

Ди-Лейни прошелъ затѣмъ къ Бенедетто. Боже, въ какомъ состояніи онъ нашелъ его! Можетъ быть, температура и понизилась, но видъ у него былъ какъ у умирающаго. У юноши были слезы на глазахъ, когда онъ передавалъ свои впечатлѣнія. Бенедетто не зналъ, что долженъ уѣхать, и ди-Лейни сказалъ ему объ этомъ только какъ о предположеніи. Бенедетто молча взглянулъ на него, и потомъ сказалъ съ улыбкой: „Меня отправятъ въ тюрьму?"— Тогда ди-Лейни понялъ, что человѣку съ такой сильной и ясной душой можно сразу все сказать, и передалъ ему весь разговоръ съ сенаторомъ.

— Онъ взялъ меня за руку,—продолжалъ разсказывать юноша дрожащимъ отъ волненія голосомъ,—и, гладя ее своей рукой, про-

говорилъ: „Изъ Рима я не уѣду. Но, если хочешь, я поѣду умереть къ тебѣ“. Я такъ растерялся, что у меня не хватило силы отвѣтить ему. Я самъ не зналъ, нѣтъ ли дѣйствительно опасности ареста, и не объясняется ли поведеніе сенатора тѣмъ, что Бенедетто не хотѣли арестовать у него въ домѣ. Я не зналъ, какъ перевезти его въ другое мѣсто незамѣтно отъ полиціи. Я обнялъ Бенедетто, что-то пробормоталъ и поскорѣе побѣжалъ сюда, поговорить съ синьорой Десаль. Можетъ быть, она можетъ поѣхать къ сенатору и переубѣдить его. Сельва нѣсколько разъ прерывали ди-Лейни возгласами изумленія и возмущенія. Когда онъ кончилъ свой разсказъ, они долго не могли сказать ни слова. Первая прервала молчаніе синьора Марія.

— И почему это Жанна не возвращается? — тихо проговорила она.

Она сдѣлала незамѣтный знакъ своему мужу и предложила ему пойти посмотрѣть, не вернулась ли Жанна незамѣтно для нихъ. Проходя черезъ зимній садъ, она сказала Джіованни, что слѣдуетъ объяснить ди-Лейни, кто такая синьора Десаль. Они вернулись въ салонъ и сказали, что Жанны еще нѣтъ. Джіованни отвелъ въ сторону молодого человѣка и сталъ говорить съ нимъ въ полголоса. Марія видѣла, какъ ди-Лейни поблѣднѣлъ и въ свою очередь сталъ что-то спрашивать. Въ эту минуту вошла Жанна Десаль, вся запыхавшись, съ довольнымъ, улыбающимся видомъ. Ей вручили при входѣ въ отель записку отъ доктора слѣдующаго содержанія: „Кажется, я не успѣю еще разъ заѣхать. Сегодня утромъ жара не было. Будемъ надѣяться, что припадокъ не повторится“.

Жанна поцѣловала Марію и протянула руку Сельва, который представилъ ей ди-Лейни. Она извинилась, что должна оставить ихъ всѣхъ на пять минутъ, такъ какъ ее ожидаетъ братъ. Когда она вышла, обѣщая скоро вернуться, ди-Лейни опять отошелъ въ сторону съ Сельва. Марія видѣла, что съ лица его сглаживается прежнее выраженіе ужаса. Онъ предлагалъ вопросы ея мужу, и отвѣты Джіованни его видимо успокаивали. Наконецъ мужъ ея положилъ ему руки на плечи и сказалъ ему что-то, о чемъ она догадалась и что еще было тайной для Жанны. Она увидѣла въ глазахъ юноши сильное волненіе.

Пришелъ слуга и сказалъ, что синьора Десаль проситъ пройти въ ея комнаты. Въ гостинницѣ становилось очень шумно. По корридорамъ непрерывно раздавались шаги и голоса, и видъ этихъ равнодушныхъ людей, занятыхъ суетой жизни, былъ почти невыносимъ въ этотъ печальный день для Сельва и ди-Лейни.

Они прошли за слугой въ салонъ Жанны, рядомъ съ комнатой Карлино, гдѣ онъ сидѣлъ за роялемъ и аккомпанировалъ віолончелисту Чіеко. Жанна поднялась навстрѣчу друзьямъ съ улыбкой, отъ которой также, какъ отъ звуковъ простой и ясной старой итальянской музыки, у нихъ сжалось сердце. Она, видимо, нѣсколько удивилась, увидавъ ди-Лейни; она не ожидала, что онъ сдѣлаетъ ей визитъ. Сельва думали, что она проситъ ихъ на верхъ, чтобы можно было свободнѣе говорить у нея въ комнатахъ, она же предложила имъ послушать Чіеко. Правда, онъ не позволяетъ открыть дверь въ комнату, гдѣ онъ играетъ, но и при закрытой двери хорошо слышно. Джіованни тотчасъ же сказалъ ей, что ди-Лейни имѣетъ порученіе къ ней отъ сенатора.

— Поговорите съ нимъ,—сказалъ онъ,—а мы будемъ слушать музыку.

Съ этими словами онъ отошелъ отъ Жанны вмѣстѣ съ женой. Жанна поблѣднѣла отъ волненія. Сѣвъ рядомъ съ нею, ди-Лейни заговорилъ вполголоса.

Віолончель и рояль играли варіаціи на нѣжную пасторальную тему, и подъ эти полуигривые, нѣжные звуки Жанна слушала, опустивъ глаза, своего собесѣдника. Когда онъ кончилъ, она подняла безконечно-скорбный взглядъ на Сельва и его жену, безмолвно спрашивая ихъ, знаютъ ли также и они,—и прочла въ ихъ печальномъ взглядѣ утвердительный отвѣтъ. Въ музыкѣ послышался переходъ къ ясной радости, и Марія воспользовалась громкими звуками и шепнула мужу:

— Какъ ты полагаешь, передалъ ли онъ ей слова Бенедетто о его желаніи умереть въ Римѣ?

Джіованни отвѣтилъ, что онъ все-таки надѣется на благополучный исходъ болѣзни. Жанна подозвала къ себѣ Сельва и спокойно сказала, подъ звуки музыки изъ сосѣдней комнаты, что сенаторъ, вѣроятно, хотѣлъ извѣстить ихъ, а не ее, и что пусть они сообразятъ, что теперь слѣдуетъ сдѣлать.

Музыка замолкла, и послышался громкій разговоръ Карлино съ Чіеко. Ди-Лейни, продолжая разговоръ, предложилъ перевести больного къ себѣ. Но что если туда явятся арестовать его,—можетъ быть, ждутъ только удаленія Бенедетто изъ сенаторскаго дома, для того, чтобы арестовать его? Жанна спокойно отвергла предположеніе объ арестѣ. Сельва поражались ея искусственнымъ спокойствіемъ. Жанна, конечно, знала, что они знаютъ правду о ея отношеніи къ Бенедетто,—потому что Ноэми, навѣрное, не могла соблюсти полную тайну. И когда она обмѣня-

лась съ ними за нѣсколько минутъ до того печальными нѣмыми взглядами, она открывала имъ этимъ свою душу. Они поняли, что она геройски сдерживаетъ себя изъ за ди-Лейни, — и имъ сдѣлалось непріятно, что они посвятили молодого человѣка въ ея тайну. Это было какъ бы предательствомъ относительно нея.

Они были увѣрены, что Жанна имѣетъ твердыя, хотя и неизвѣстныя основанія, опровергая съ такой увѣренностью возможность ареста, и сказали, что въ такомъ случаѣ Бенедетто можно было бы перевезти къ нимъ. Но Жанна тотчасъ же поспѣшила возразить, что нужно сообразоваться съ выраженнымъ самимъ Бенедетто желаніемъ, и что мѣстность, въ которой жилъ ди-Лейни,—онъ сказалъ Жаннѣ, гдѣ живетъ,—болѣе тихая, чѣмъ та, гдѣ живутъ Сельва, и что это—предпочтительнѣе для больного. Но все-таки она настаивала, что нельзя перевозить больного безъ разрѣшенія доктора. Съ этимъ всѣ были согласны. Сельва поручили ди-Лейни сообщить сенатору, что друзья Бенедетто найдутъ для него другое мѣстопребываніе, но увезутъ его только подъ тѣмъ условіемъ, что пользующій его врачъ найдетъ это безопаснымъ въ его состояніи. Въ то время какъ Джіованни говорилъ это, изъ сосѣдней комнаты раздались бурные музыкальные звуки, полные криковъ и рыданій. Джіованни остановился и далъ пронестись порыву звуковъ, и трагичны были мысли, которыми обмѣнялись въ безмолвныхъ взглядахъ его глаза съ глазами молодого человѣка, въ то время какъ уста ихъ молчали.

Ди-Лейни поспѣшилъ проститься, потому что времени терять было некогда. Ему хотѣлось, чтобы съ нимъ пошелъ кто-нибудь изъ друзей Бенедетто, могущій повліять на сенатора, поведеніе котораго совершенно непонятно. Джіованни Сельва что-то пробормоталъ о тщетномъ желаніи старика добиться вице-президентства въ сенатѣ,—ему тяжело было открыть низменныя побужденія у человѣка, отъ котораго онъ этого менѣе всего ожидалъ. Марія поднялась и предложила ди-Лейни поѣхать съ нимъ. Жанна поспѣшила удержать Сельва, чтобы онъ не вздумалъ тоже пойти съ ними,—ей еще нужно было поговорить съ нимъ, разсказать ему о разговорѣ съ министромъ. Джіованни остался. Проводивъ до дверей Марію и ди-Лейни, Жанна еще подошла къ двери въ комнату брата и перекинулась съ нимъ нѣсколькими шутливыми словами, чтобы убѣдиться, что онъ еще долго будетъ играть и не отзоветъ ее,—чего она такъ боялась.

Она вернулась въ залу и обратилась къ Сельва, который только-что появился на порогѣ... Онъ проводилъ жену, чтобы поручить ей вызвать телеграммой дона Клементія. Жанна пошла

ему навстрѣчу, протянула ему обѣ руки и заговорила со слезами на глазахъ.

— Сельва,—прошептала она, задыхаясь отъ слезъ,—вы все знаете, отъ васъ я не могу таиться. Есть еще что-то болѣе страшное,—скажите мнѣ правду.

Сельва взялъ ея руки, безмолвно пожалъ ихъ, въ то время, какъ віолончель отвѣчала за него скорбными, торжественными звуками:—„Плачь, плачь, потому что нѣтъ болѣе скорбной любви, чѣмъ твоя"... Онъ сжималъ ея холодныя руки, не будучи въ силахъ произнести ни слова. Онъ понялъ, что ди-Лейни не рѣшился передать ей страшныхъ словъ Бенедетто: „Я приду умирать къ тебѣ".

Джіованни пришлось нанести ей страшный первый ударъ.

— Дорогая,—сказалъ онъ кроткимъ отеческимъ голосомъ,—онъ вѣдь сказалъ вамъ при вашемъ послѣднемъ свиданіи, что призоветъ васъ въ торжественный часъ своей жизни. Теперь этотъ часъ наступилъ,—онъ васъ призываетъ.

Жанна вся вздрогнула. Ей казалось, что она не такъ его поняла.

— Что вы? Не можетъ быть.—Но изъ молчанія Сельва и его скорбнаго взгляда она поняла все. Сельва еще крѣпче сжалъ ея руки и не могъ открыть судорожно сжатыхъ губъ; грудь его разрывалась отъ сдерживаемыхъ рыданій. Она ни слова не сказала, но упала бы, еслибы онъ не поддержалъ ее. Онъ усадилъ ее въ кресло.

— Нужно идти сейчасъ?—проговорила она.—Неужели уже неотвратимо?..

— Нѣтъ, онъ призываетъ васъ на завтра. Онъ думаетъ, что завтра—послѣдній день, но, можетъ быть, онъ ошибается; будемъ надѣяться, что онъ ошибается.

— Боже, Сельва! вѣдь докторъ писалъ, что жаръ у него спалъ?

Сельва жестомъ показалъ, что самъ не понимаетъ, какъ случилось страшное, но оно несомнѣнно. Музыка замолкла, и онъ продолжалъ говорить вполголоса. Бенедетто ему написалъ письмо. Онъ писалъ, что докторъ засталъ его въ лучшемъ состояніи, что жаръ спалъ, но что онъ предчувствуетъ наступленіе новаго приступа, за которымъ уже послѣдуетъ конецъ. Господь даруетъ ему милость, посылаетъ ему спокойный и тихій конецъ. Онъ писалъ затѣмъ, что у него есть просьба къ другу. Онъ знаетъ, что синьора Десаль, подруга синьорины Ноэми, теперь въ Римѣ. Онъ обѣщалъ этой синьорѣ, передъ алтаремъ въ монастырѣ Священнаго Грота, призвать ее къ себѣ для бесѣды передъ смертью.

Сельва остановился. Письмо было у него съ собой въ карманѣ, и онъ хотѣлъ вынуть его. Но Жанна, замѣтивъ его движеніе, судорожно вся задрожала.

— Нѣтъ, я не покажу вамъ,—сказалъ онъ.—Повторяю, что онъ, быть можетъ, ошибается.

Подождавъ, чтобы она успокоилась, онъ передалъ ей конецъ письма на память, вмѣсто того, чтобы прочесть его.

— „Припадокъ повторится сегодня вечеромъ или ночью,— пишетъ Бенедетто,—и послѣ-завтра, утромъ, наступитъ конецъ. Я желаю видѣть синьору Десаль завтра, чтобы сказать ей нѣсколько словъ во имя Господа, къ Которому иду. Я просилъ сенатора сообщить ей о свиданіи, но онъ отказался передать ей мое желаніе. Я обращаюсь поэтому къ вамъ".

Жанна закрыла лицо руками и молчала. Сельва считалъ себя вправѣ внушить ей надежду на возможность перемѣны къ лучшему. Приступъ могъ не повториться, или же съ нимъ можно будетъ справиться. Но она отрицательно качала головой, и онъ не рѣшался настаивать. Вдругъ ей показалось, что Чіеко прощается. Она вздрогнула и отняла руки отъ помертвѣвшаго лица. Но снова раздались звуки,—веселая музыка одной неаполитанской мелодіи, которую Чіеко всегда игралъ подъ конецъ. Она поднялась и сказала судорожнымъ голосомъ, но безъ слезъ:

— Сельва, я знаю, что Пьеро умираетъ, что онъ не ошибается. Если возможно, устройте, чтобы онъ остался тамъ, гдѣ онъ теперь. Но проведите туда его друзей; поклянитесь, что сдѣлаете это, что доставите ему это утѣшеніе. Разскажите все про меня, скажите всю правду, скажите, какой святой и чистый человѣкъ Пьеро. Я буду ждать здѣсь и не тронусь съ мѣста. Я пойду, когда вы скажете и куда скажете. Я сильна. Вы видите, я уже не плачу. Телеграфируйте дону Клементію, чтобы онъ пріѣхалъ къ своему умирающему ученику. Сдѣлаемъ все, что должны сдѣлать. Теперь поздно,—идите. Вы во всякомъ случаѣ увидите сегодня вечеромъ Пьеро. Скажите ему...

Тутъ ее остановило судорожное рыданіе, и она не могла продолжать. Вошелъ Чіеко, весело хлопая въ ладоши по своей привычкѣ, и Сельва быстро вышелъ изъ комнаты. Жанна выбѣжала за нимъ въ корридоръ, взяла его руку и горячо поцѣловала ее.

Черезъ нѣсколько часовъ, около десяти, Жанна сѣла читать „Фигаро" Карлино, сидѣвшему въ глубокомъ креслѣ. Ноги его были укутаны одѣяломъ, и онъ держалъ на колѣняхъ большую чашку съ молокомъ. Жанна читала такъ невозможно, не соблю-

дая даже знаковъ препинанія, что братъ нѣсколько разъ прерывалъ ее и сталъ обнаруживать нетерпѣніе. Черезъ пять минутъ вошла горничная и доложила о приходѣ синьорины Ноэми. Жанна бросила газету и выскочила въ одну секунду изъ комнаты. Ноэми поспѣшно разсказала, что во время визита Джіованни и Маріи въ „Грандъ-Отелѣ" вернулся изъ Неаполя профессоръ Майда и прибѣжалъ, взбѣшенный, къ Сельва требовать объясненій по поводу исчезновенія Бенедетто изъ его дома. Ноэми разсказала ему все, и Майда тотчасъ отправился въ домъ сенатора. Тамъ онъ засталъ Марію, ди-Лейни, сенатора и доктора. Послѣдній былъ того мнѣнія, что Бенедетто можно увезти. Майда поспорилъ съ докторомъ о способѣ леченія больного, сказалъ, что ни за что не оставитъ его здѣсь, и поздно вечеромъ пріѣхалъ съ коляской и увезъ Бенедетто къ себѣ. Переѣздъ, кажется, совершился благополучно.

Жанна выслушала Ноэми, безмолвно обняла ее и крѣпко прижала къ груди.

И Ноэми, вся въ слезахъ, прошептала:

— Завтра, Жанна. Ты помолишься?

— Да,—отвѣтила Жанна. Поборовъ приступъ душившихъ ее рыданій, она прибавила: — Я не умѣю молиться Богу. Знаешь, кому я молюсь? Дону Джузеппе Флоресу.

Ноэми склонила лицо на ея плечо и сказала, задыхаясь:

— Я хотѣла бы, чтобы потомъ, послѣ свиданія съ нимъ, ты примкнула къ его вѣрѣ.

Жанна ничего не отвѣтила, и Ноэми ушла.

Жанна вернулась къ Карлино, чтобы продолжать чтеніе, но онъ ее встрѣтилъ очень сурово. Онъ объявилъ ей, что такая жизнь ему надоѣла, и что завтра же они уѣдутъ въ Неаполь. Жанна возразила, что это было бы безуміе, и что она не поѣдетъ. Тогда Карлино сталъ раздражаться и настаивалъ на отъѣздѣ. Онъ сказалъ, что отлично знаетъ, изъ-за чего она постоянно исчезаетъ изъ дому, почему у нея красные глаза, почему она не можетъ даже прочесть ему, какъ слѣдуетъ, газеты, и почему не хочетъ уѣзжать изъ Рима. Онъ освѣдомленъ обо всемъ этомъ анонимными письмами. Горе ей,—говорилъ Карлино, все болѣе выходя изъ себя,—если она не порветъ съ этимъ безумцемъ, если станетъ сторонницей его идей и поддастся вліянію церковниковъ, ихъ суевѣріямъ и глупостямъ. Онъ откажется отъ нея, потому что какъ жилъ свободомыслящимъ, такъ и желаетъ умереть. Нужно порвать со всѣмъ, уѣхать подальше—въ Неаполь, въ Палермо, въ Африку.

„Свободомыслящимъ? А что же относительно моей свободы?“ — подумала Жанна безъ всякаго гнѣва. Она только вспомнила о своемъ правѣ, но вовсе не съ тѣмъ, чтобы воспользоваться имъ. Карлино же подумалъ, что она именно хочетъ воспользоваться своимъ правомъ на свободу, чтобы дѣйствовать противъ его желаній, и это окончательно вывело его изъ себя. Жанна была поражена, что этотъ нервный человѣкъ, котораго она все-таки считала добрымъ и милымъ, сталъ осыпать ее такимъ потокомъ попрековъ и ругательствъ. Она ничего не отвѣтила, вся дрожа, ушла къ себѣ въ комнату и написала ему нѣсколько словъ, говоря, что чувство собственнаго достоинства не дозволяетъ ей оставаться у него въ домѣ, пока онъ не откажется отъ своихъ обидныхъ словъ. Она написала, что уходитъ, и что если онъ хочетъ написать ей пару словъ, то пусть пошлетъ къ Сельва. Затѣмъ она взяла съ собой только немного денегъ и ушла въ сопровожденіи своей вѣрной служанки, оставивъ письмо на письменномъ столѣ.

Выйдя изъ отеля, она направилась къ трамваю. Служанка съ ужасомъ послѣдовала за нею, спрашивая:

— Куда это мы идемъ, синьора?

Жанна ничего не отвѣтила и продолжала идти. Ей казалось, что какія-то волны невѣдомаго ей моря несутъ ее къ нему.

Къ нему,—можетъ быть, къ его Богу? Слова Ноэми, слова Карлино раздавались въ ея душѣ, терзая ее. Къ его Богу? Какъ знать? Во всякомъ случаѣ, она спѣшила къ нему.

XIV.

Послѣдній часъ.

Въ два часа пополудни на слѣдующій день Жанна ждала въ домѣ Сельва вмѣстѣ съ Маріей и Ноэми извѣстій съ виллы Майда; отъ времени до времени они вспоминали о „Грандъ-Отелѣ“ и удивлялись отсутствію извѣстій оттуда. Джіованни отправился на виллу Майда еще утромъ, въ семь часовъ, и вернулся въ девять. Бенедетто ему не удалось видѣть. Профессоръ Майда не позволилъ пройти къ больному ни ему, ни кому-либо другому. Онъ узналъ, что больной причастился, но скорѣе изъ благочестія, чѣмъ въ виду непосредственной опасности. Впрочемъ, ночью опять стала подниматься температура. Профессоръ надѣялся, что сможетъ остановить приступъ. Можетъ быть, впро-

чемъ, Джіованни передалъ всѣ эти извѣстія въ болѣе оптимистическомъ свѣтѣ. Бенедетто лежалъ въ комнатѣ самого профессора, который ухаживалъ за нимъ съ поразительной для этого суроваго человѣка заботливостью.

Джіованни вернулся около полудня. Отъ Карлино не было никакихъ извѣстій, и Жанна, при всей своей тревогѣ о Бенедетто, не могла не думать о братѣ. Друзья ее успокаивали, и она уже собиралась послать узнать, какъ вдругъ, въ третьемъ часу, въ комнату быстро вошелъ Джіованни, въ пальто и шляпѣ, и по его лицу Жанна поняла, что моментъ наступилъ. Она поднялась, блѣдная какъ смерть, вмѣстѣ съ Маріей и Ноэми, которыя не могли выговорить ни слова, глядя на ея помертвѣвшее лицо.

— Пора идти, — сказалъ Джіованни, и никто изъ нихъ не сказалъ больше ни слова.

Дамы пошли одѣть шляпы, и Джіованни послѣдовалъ за женой и Ноэми, чтобы сказать имъ, что жаръ сильно поднялся и что нѣтъ больше надежды. Ноэми вошла къ Жаннѣ, но та молчала, не спрашивая никакихъ подробностей. Такъ они вышли и сѣли въ коляску. Жанна только тихо спросила Джіованни, телеграфировалъ ли онъ дону Клементію? Джіованни отвѣтилъ, что донъ Клементій въ половинѣ второго былъ уже въ виллѣ Майда. За всю дорогу Жанна не проговорила ни слова, несмотря на попытки двухъ сестеръ облегчить ея горе хотя бы обмѣномъ словъ. Коляска остановилась, подошелъ слуга, и сказалъ, что профессоръ проситъ пожаловать въ виллу. Тогда только Джіованни Сельва сказалъ своимъ спутницамъ, что Бенедетто уже не въ виллѣ, что, по его просьбѣ, его перенесли въ комнатку въ домѣ садовника. Они вышли вчетверомъ изъ коляски и направились къ домику между двумя рядами пальмъ. Шелъ дождь, но никто не обращалъ на это вниманія. Народъ толпился у рѣшетки и слѣдилъ теперь за приближавшейся къ домику садовника группой. Ди-Лейни, который шелъ за Сельва, остановилъ его и заговорилъ съ нимъ вполголоса.

Сельва вошелъ въ вестибюль и потомъ сейчасъ же вышелъ оттуда съ женою. Они всѣ вмѣстѣ отправились къ толпѣ, собравшейся на дорожкѣ подъ апельсинными деревьями, въ ожиданіи извѣстій о больномъ. Вслѣдъ за Сельва вышелъ и самъ профессоръ Майда, велѣлъ открыть ворота и впустить всѣхъ въ садъ. Люди съ улицы входили медленно и тихо, спрашивая профессора со слезами на глазахъ:

— Неужели это правда, господинъ профессоръ, — неужели онъ умретъ?

И онъ грустно отвѣтилъ имъ:

— Ничего нельзя подѣлать. Я не могу ничего вамъ сказать утѣшительнаго.

Бенедетто любилъ профессора Майда и обрадовался, когда его перевезли къ нему. Онъ любилъ также садъ, и ему отрадна была мысль, что онъ умретъ среди цвѣтовъ и зелени, подъ деревьями, какъ ему представлялось въ видѣніи. Но онъ зналъ, что невѣстка профессора не любитъ его, и ему тяжело было доставить кому-нибудь непріятность. Онъ поэтому предложилъ профессору перевезти его въ монастырь св. Онуфрія; но Майда твердо настоялъ на своемъ. Бенедетто съ улыбкой сказалъ ему, что вѣдь онъ беретъ тяжелую обязанность присутствовать при смерти въ своемъ домѣ: онъ намекалъ на присутствіе священника, которое могло быть непріятно для атеиста-профессора, но Майда только сказалъ ему: „Переѣзжайте съ миромъ ко мнѣ, дорогой. Я не такой вѣрующій, какъ вы, но охотно открою дверь, кому вы захотите".

Переѣздъ совершился благополучно, и Бенедетто все время улыбался. Тотчасъ послѣ пріѣзда, онъ на минуту потерялъ сознаніе отъ слабости, очнулся уже въ большой постели въ комнатѣ профессора, и попросилъ, чтобъ его перенесли въ его комнату. Онъ на минуту обезпокоился, не найдя своего Распятія, и думалъ, что оставилъ его въ домѣ сенатора. Когда же оказалось, что они взяли его съ собой, ему стало непріятно, что память начинаетъ измѣнять ему, между тѣмъ какъ онъ хотѣлъ съ полнымъ сознаніемъ сказать послѣднія слова друзьямъ и той, невидимое присутствіе которой онъ такъ ясно чувствовалъ въ послѣднее время. Онъ попросилъ, чтобы позвали къ нему священника. Профессоръ сообщилъ ему, что послана телеграмма дону Клементію, который будетъ на слѣдующее утро въ Римѣ. „Развѣ не будетъ поздно?" —спросилъ Бенедетто, но профессоръ увѣрилъ его, что никакой непосредственной опасности нѣтъ, и счелъ долгомъ дать ему надежду на возможность выздоровленія. Когда профессоръ вышелъ изъ комнаты, Бенедетто, нѣсколько успокоенный, забылся во снѣ, и ему представилось странное видѣніе: среди блестящаго мраморнаго зала появились шесть молодыхъ, красивыхъ женщинъ, которыя протягивали ему блестящіе кубки. Онъ понималъ, что онѣ предлагаютъ ему напитокъ жизни, здоровья и радости. Онъ чувствовалъ страшную душевную муку, но не могъ отвести глазъ отъ кубковъ, не могъ призвать Бога на помощь. Потомъ все исчезло, и онъ увидѣлъ передъ собой

Жанну, и въ ея строгомъ печальномъ взглядѣ прочелъ страшныя слова: „Бѣдный, теперь ты знаешь свое страшное заблужденіе, знаешь, что нѣтъ Бога“. Бенедетто испытывалъ во снѣ страшное физическое чувство небытія Божія; холодъ сковывалъ все его тѣло. Онъ задрожалъ и проснулся. Надъ нимъ стоялъ профессоръ съ термометромъ. Потомъ все опять смѣшалось; онъ дѣлалъ усиліе сосредоточиться на мысли о Богѣ, и внутренняя мука настолько отражалась на его лицѣ, что даже профессоръ потерялъ свое обычное присутствіе духа отъ жалости къ больному... Такъ проходила ночь; Бенедетто попросилъ потушить свѣтъ, мѣшавшій ему смотрѣть на звѣздное небо. Профессоръ исполнилъ его просьбу, и Бенедетто обратилъ мирный взоръ изъ окна на небо, и сталъ вспоминать всю свою жизнь, всю свою борьбу и все стремленіе къ познанію божественной истины. Сомнѣнія оставляли его, уступая мѣсто успокоенію. Когда Майда опять наклонился къ нему черезъ нѣсколько времени, онъ прошепталъ, глядя на него съ выраженіемъ сосредоточеннаго желанія:

— Профессоръ, вы тоже туда придете, куда иду и я.

— Но развѣ ты знаешь, куда ты идешь?

— Знаю,—отвѣтилъ Бенедетто,—что ухожу отъ всего тяжелаго и преходящаго.

Въ шесть часовъ его причастилъ призванный изъ монастыря священникъ. Жаръ усиливался.

Въ девять часовъ утра, къ Бенедетто пришелъ ди-Лейни, и, кромѣ того, сидѣлка неосторожно сообщила больному, что передъ виллой толпятся люди, которымъ хотѣлось его видѣть. Тогда явилось у него желаніе перейти въ маленькую комнатку въ домѣ садовника. Просьбу его исполнили, и его перенесли туда садовникъ и слуги; онъ былъ завернутъ въ одѣяло и держалъ въ рукахъ крестъ. Ему было такъ отрадно очутиться снова въ своей маленькой комнаткѣ, что ему показалось, что ему сдѣлалось лучше. Но жаръ поднимался. Послѣ полудня у него было 39 градусовъ. Донъ Клементій пріѣхалъ въ половинѣ одиннадцатаго.

Сельва и ди-Лейни подошли къ двери передъ домомъ. Тамъ собрались ученики Бенедетто, въ томъ числѣ много рабочихъ, а также лицъ интеллигентнаго класса. При приближеніи Сельва, всѣ они молча сняли шляпы. Онъ попросилъ ихъ войти. На порогѣ домика ихъ встрѣтилъ Майда и провелъ въ комнату Бенедетто.—Пришли твои друзья,—сказалъ онъ больному, впустилъ ихъ и самъ всталъ за ними у дверей.

Бенедетто лежалъ съ возбужденнымъ лицомъ, сверкающими глазами и тяжело дышалъ. Онъ поблагодарилъ друзей и, услышавъ невольно вырвавшееся у нѣкоторыхъ изъ нихъ рыданіе, поднялъ руку, прося ихъ успокоиться. У него было свѣтло на душѣ. Онъ попросилъ ихъ приблизиться, и всѣ, сдерживая слезы, подошли къ его постели, чувствуя, что онъ обратится къ нимъ съ поученіями и совѣтами. Голосъ Бенедетто раздался среди глубокаго молчанія окружающихъ:

— Молитесь безъ принужденія и научите другихъ молиться также. Это главное. Когда человѣкъ дѣйствительно любитъ любовью другого человѣка, или свою собственную мысль, духъ его постоянно занятъ этимъ, чѣмъ бы онъ ни занимался въ жизни. Онъ можетъ при этомъ все исполнять, и нѣтъ надобности выражать во множествѣ словъ свою любовь. Носите всегда въ душѣ мысль о Богѣ, и вся ваша жизнь будетъ проникнута духомъ истины. Живите въ чистотѣ, не ищите суетныхъ почестей, соединяйтесь для дѣлъ истины и любви. Приходите на помощь всѣмъ человѣческимъ страданіямъ, будьте терпѣливы къ врагамъ и помогайте другъ другу. Если вы будете жить по иному, вы не сможете служить духу истины. Только если вы будете слѣдовать этому, люди придутъ къ вашей истинѣ, и поймутъ, что вы живете во Христѣ.

Донъ Клементій нагнулся къ нему, прося его отдохнуть. Но онъ взглянулъ на учителя блестящими глазами, сказалъ, что нужно торопиться, и продолжалъ:

— Пусть каждый изъ васъ исполняетъ долгъ, предписанный церковью. Не принимайте никакого внѣшняго имени для своего союза, не постановляйте никакихъ правилъ,—только любите, больше ничего не надо. Многіе изъ тѣхъ, которые находятся въ церкви, тоже стремятся къ исполненію нравственнаго долга, который я вамъ завѣщаю, тоже стремятся очистить вѣру и жить согласно чистой вѣрѣ. Объединяйтесь съ ними, но не навязывайте имъ своихъ мыслей. Они сами придутъ къ вамъ, и это будетъ знакомъ, который Господь пошлетъ вамъ.

Тутъ Бенедетто остановился, подозвалъ къ себѣ Джіованни Сельва и сказалъ ему, что всѣ эти мысли внушилъ ему главнымъ образомъ онъ. Взявъ затѣмъ руку дона Клементія, онъ сталъ говорить о братствѣ людей, основанномъ на любви къ Богу, и давалъ наставленія ученикамъ, какъ любовью и кротостью осуществить это братство.

— Дѣти мои,—сказалъ онъ въ заключеніе,—я не обѣщаю вамъ, что вы обновите міръ. Вы будете работать среди мрака,

не видя ясно плодовъ своей работы, какъ Петръ и его спутники на морѣ Галилейскомъ, но Христосъ васъ увидитъ, и тогда торжество ваше будетъ велико.

Онъ замолчалъ, сталъ молиться за своихъ учениковъ, вздыхая при мысли о страданіяхъ, которыя его ожидаютъ, и произнесъ послѣднія слова:

— Потомъ будете молиться, — теперь я прошу вашего поцѣлуя.

Умирающій еще благословилъ каждаго по очереди и опять поучалъ ихъ не гнаться за внѣшними почестями, не насиловать ничьихъ душъ, не бояться быть немногочисленными. Онъ благословилъ и Марію Сельва, говоря, что считаетъ ее частью души ея мужа и уже благословилъ ее въ его лицѣ.

Ученики ушли. Издали доносился шумъ людей, которые рвались къ умирающему, и Бенедетто просилъ всѣхъ впустить. Среди людей, наполнившихъ комнату, Бенедетто узналъ много знакомыхъ лицъ; всѣ просили его благословенія, а иные просили прощенія въ томъ, что на минуту вѣрили его клеветникамъ. Онъ каждому сказалъ нѣсколько словъ утѣшенія. Наконецъ всѣ вышли, и Майда открылъ окно, чтобы освѣжить воздухъ въ комнатѣ. Бенедетто попросилъ, чтобъ ему подняли немного голову, такъ какъ ему хотѣлось посмотрѣть на высокое дерево въ саду, и онъ долго глядѣлъ въ окно. Сдѣлавъ знакъ дону Клементію, чтобы тотъ нагнулся къ нему, онъ сказалъ ему на ухо:

— Когда меня несли сюда изъ виллы, у меня было сильное желаніе попросить, чтобъ меня снесли подъ большое дерево, которое видно изъ окна, и чтобы я умеръ тамъ, подъ нимъ. Но я сейчасъ же подумалъ, что это было бы слишкомъ преднамѣренно, и потому не сказалъ. И кромѣ того, — прибавилъ онъ съ улыбкой, — все-таки, недоставало бы монашескаго платья.

Донъ Клементій шепнулъ ему, что привезъ съ собой изъ Суббіака его монашеское платье. Бенедетто почувствовалъ глубокое волненіе, борясь между желаніемъ, чтобы исполнилось до конца видѣніе, и мыслью, что оно все-таки исполнилось бы не само собой. Онъ рѣшилъ отдаться на волю Божію.

— Господь желаетъ, чтобы я умеръ здѣсь, — сказалъ онъ, — но, быть можетъ, позволитъ мнѣ, чтобы монашеское платье лежало на моей постели, прежде чѣмъ я умру.

Донъ Клементій нагнулся къ нему и поцѣловалъ его въ лобъ.

Бенедетто подозвалъ Сельва и Майда, сказалъ имъ, что приметъ синьору Десаль черезъ полчаса, но проситъ, чтобы она

явилась не одна, а съ ними. Сельва вышли, и Бенедетто попросилъ еще дона Клементія передать папѣ, что конецъ видѣній не осуществился, что, значитъ, внѣшняго чуда въ его жизни не было, и что онъ чувствуетъ передъ смертью благословеніе папы.

Бенедетто слабѣлъ, и донъ Клементій, подержавъ его за руку, поднялся, чтобы пойти за монашескимъ платьемъ.

— Уже пора? — спросилъ съ улыбкой Бенедетто. — Уже сейчасъ?

— Нѣтъ, еще есть время. Но я хочу, чтобы тебѣ сейчасъ было радостно.

Въ залѣ виллы Майда, Джіованни Сельва, взглянувъ на часы, сказалъ своей женѣ:

— Идите.

Рѣшено было, что Жанна пойдетъ къ Бенедетто съ Маріей и Ноэми. Послѣдняя сжала руку Жанны.

— Я должна сказать тебѣ, — проговорила она, вся дрожа, — нѣчто касающееся души моей. Не гнѣвайся, что я скажу это раньше ему, чѣмъ тебѣ.

Жанна поняла, съ какой вѣстью Ноэми идетъ къ умирающему: она ему скажетъ о своемъ переходѣ въ католичество. Тогда вся сила духа Жанны покинула ее, и она разрыдалась. Сельва невѣрно поняли причину ея слезъ. Она стала просить ихъ, чтобы они шли безъ нея. Одна Ноэми поняла ее. Жанна не хотѣла пойти къ Бенедетто потому, что не могла придти къ нему съ тѣмъ, съ чѣмъ придетъ Ноэми.

Ноэми стала умолять подругу пойти, но Жанна повторяла, что не можетъ; Марія и Ноэми ушли, и Жанна осталась одна... Въ первую минуту она хотѣла броситься вслѣдъ за ними, чтобы тоже пойти сказать ему радостную вѣсть. Но она упала на колѣни и, рыдая, говорила: — Я не могу тебя обмануть, дорогой! — Она знала, что не можетъ обѣщать ему своего обращенія.

— Почему ты не хотѣлъ говорить со мной наединѣ? — шептала она: — вѣдь я не могу передъ другими сказать, что у меня на душѣ. Почему ты, добрый, не захотѣлъ видѣть меня наединѣ?

Она вскочила, увѣренная, что если бы Пьеро услышалъ ее, онъ отвѣтилъ бы: „хорошо, приходи“. Она простояла съ минуту, вся застывшая, а потомъ прошла черезъ залу и вышла въ садъ...

Шелъ дождь и было уже темно, хотя еще не было шести часовъ, въ этотъ пасмурный февральскій вечеръ. Жанна вышла

съ непокрытой головой подъ дождь, прошла по дорожкѣ мимо большого дерева, направляясь къ домику садовника. Тамъ она остановилась. Въ одномъ окнѣ былъ свѣтъ—это было навѣрное окно Пьеро. Мелькнула тѣнь; можетъ быть, это Ноэми? Опять мелькнули тѣни. Можетъ быть, Марія и Ноэми уходятъ, но все-таки Пьеро не останется одинъ. Тамъ будетъ Майда и бенедиктинскій монахъ. Послышались быстрые шаги,—кто-то шелъ къ домику. Жанна, уже поднявшаяся, опять сѣла. Незнакомый человѣкъ вошелъ. У окна опять замелькали тѣни. Раздался голосъ профессора и Джіованни Сельва. Они съ кѣмъ-то говорили. Кто-то опять вышелъ изъ дома подъ зонтиками. Это были, навѣрное, Марія и Ноэми. Жанна снова поднялась и пошла по направленію къ дому.

Она вошла въ домикъ и, увидѣвъ въ кухнѣ садовника дѣвочку, попросила ее подняться къ больному и посмотрѣть, кто тамъ. Дѣвочка пошла, и, вернувшись, сказала, что тамъ священникъ и сидѣлка. Жанна попросила бумаги, карандашъ и стала писать.

„Падре, я прошу"...—Она остановилась и стала прислушиваться. Кто-то спускался по деревянной лѣстницѣ. Это были мужскіе шаги,—значитъ, падре. Она съ нимъ поговоритъ. Она выходитъ на лѣстницу. Тамъ темно, и донъ Клементій принимаетъ ее за Марію Сельва.

— Онъ спокоенъ,—говоритъ донъ Клементій, прежде чѣмъ она успѣваетъ открыть ротъ.—Онъ, кажется, спитъ. Слова вашей сестры принесли ему радость. Профессоръ думаетъ, что онъ доживетъ до утра. Скажите, чтобы и та синьора пришла. Онъ просилъ. Онъ думаетъ, что вы пошли за нею.

Жанна молчитъ, и онъ проходитъ мимо нея въ кухню за водой. Жанна дрожитъ какъ листъ. Онъ звалъ ее. Эти слова, эта неожиданная милость отуманиваетъ ее. Она тихо поднимается по лѣстницѣ и входитъ въ дверь. Сидѣлка ее видитъ, хочетъ подняться, но она дѣлаетъ ей знакъ, чтобы та не трогалась, и подходитъ къ постели. На одѣялѣ лежитъ что-то странное и черное. Она не можетъ понять, что это. Раздается легкій стонъ. Умирающій чего-то ищетъ рукой. Сидѣлка поднимается, но Жанна предупреждаетъ ее и наклоняется къ больному, который снова стонетъ и двигаетъ рукой.

Жанна спрашиваетъ его; онъ не отвѣчаетъ, качаетъ головой, когда она даетъ ему воду. Жанна въ отчаяніи, что не можетъ его понять. Ахъ, да, онъ проситъ крестъ. Сидѣлка поднимаетъ свѣчу, стоящую на полу; Жанна подноситъ крестъ Пьеро, который прижимается къ нему губами и глядитъ на нее большими

стеклянными глазами. Въ глазахъ его уже смерть. Сидѣлка съ крикомъ бѣжитъ за дономъ Клементіемъ. Пьеро глядитъ на Жанну, пытается взять крестъ обѣими руками, подняться къ ней; губы его шевелятся, но изъ нихъ не исходитъ звука. Жанна беретъ крестъ изъ рукъ Пьеро и страстно цѣлуетъ его. Тогда онъ закрываетъ глаза, лицо его озаряется улыбкой; онъ слегка склоняетъ голову на правое плечо и остается безъ движенія.

Съ итальян. З. В.

ИЗЪ

ДРУЖЕСКОЙ ПЕРЕПИСКИ

ГР. А. К. ТОЛСТОГО

1851 — 1875 гг.

Письма къ А. П. Бахметеву.

1866 — 1872 г.г.

Спустя двадцать лѣтъ послѣ смерти гр. Алексѣя Константиновича Толстого, мы помѣстили въ журналѣ, въ 1895 году, первую серію его писемъ къ друзьямъ, въ числѣ *58* писемъ (отъ 1859 г. до 1875 г.): октябрь, стр. 628 и слѣд.; ноябрь, стр. 158 и слѣд.; декабрь, стр. 618 и слѣд.; послѣднія восемь писемъ были адресованы къ гр. Зайнъ-Виттгенштейнъ, между 1867 и 1875 г.— годомъ смерти А. К. Толстого. Вскорѣ затѣмъ, въ 1897 г., эта первая серія писемъ была дополнена новою серіею, въ числѣ *254* писемъ (отъ 1851 г. до 1875 г.): май, стр. 261 и слѣд.; іюнь, стр. 606 и слѣд.; іюль, стр. 93 и слѣд. Всего = 312 писемъ.

Кромѣ того, у насъ были помѣщены также и письма друзей къ гр. А. К. Толстому: такъ, въ 1905 г. (окт., стр. 441 и слѣд.) явились письма Ив. Аксакова и Вл. Соллогуба; наконецъ, въ январьской книгѣ текущаго года (стр. 154 и слѣд.)— письма Каролины Виттгенштейнъ (между 1868—1875 г.). Ны-

нѣшній разъ, все это собраніе писемъ гр. А. К. Толстого и къ нему, за истекшее десятилѣтіе, мы заключаемъ одиннадцатью его письмами къ А. П. Бахметеву, племяннику графини Софьи Андреевны Толстой и брату Софьи Петровны Хитрово, которой мы обязаны, какъ доставленіемъ намъ текста самыхъ писемъ, такъ и сообщеніемъ свѣдѣній о ея братѣ, къ которому были адресованы эти письма между 1866 и 1872 г., когда переписка окончилась, за смертью этого юноши, не достигшаго и 20-ти лѣтъ отъ роду. При всей молодости корреспондента, письма къ нему (1866—1872 г.г.) гр. А. К. Толстого не лишены значенія для біографіи послѣдняго, дополняя нѣсколькими новыми, весьма симпатичными чертами внутренній обликъ поэта въ его отношеніяхъ къ молодёжи.

„А. П. Бахметевъ, — сообщаетъ намъ С. П. Хитрово, — воспитывался въ домѣ гр. А. К. Толстого и графини Софьи Андреевны, съ пятилѣтняго возраста до опредѣленія въ морской кадетскій корпусъ. Какъ видно изъ писемъ, гр. А. К. съ малыхъ лѣтъ пріучалъ своего питомца къ собственному любимому занятію—къ охотѣ. До какой степени ребенокъ составлялъ предметъ его заботъ, это видно изъ восторженныхъ отзывовъ о его „Андрейкѣ“ въ письмахъ къ друзьямъ, гдѣ онъ выражаетъ свое удовольствіе при видѣ развивающейся въ немъ физической ловкости. Такъ, въ письмѣ къ женѣ, Софьѣ Андреевнѣ, А. К. сравниваетъ шумъ мелкихъ морскихъ волнъ, набѣгающихъ на песчаный берегъ, съ быстрымъ бѣгомъ, мелкими шажками, ножекъ „милаго Андрейки“. Письма А. К. пріобрѣтаютъ особый интересъ съ того времени, когда А. П. началъ жаловаться на трудность для него выносить режимъ корпусной жизни и просилъ взять его домой. Не понимая настоящей причины тѣхъ жалобъ, гр. А. К. убѣждалъ его окончить разъ начатое дѣло,—и онъ исполнилъ его желаніе, кончилъ курсъ, но вскорѣ затѣмъ, въ 1872 году, скончался и былъ погребенъ въ Красномъ-Рогѣ; три года спустя, въ 1875 году, вблизи этой могилы былъ погребенъ и самъ гр. А. К. Толстой“.

1.

Римъ, 1866 г. [1])

...Помнишь, когда ты вынулъ изъ торбы твоего перваго глухаря? Это—одно изъ моихъ самыхъ лучшихъ воспоминаній въ Красномъ-Рогу, и я теперь еще вижу твою добрую довольную скромную мордочку. Мнѣ очень весело думать, что мы будемъ и въ Пустынькѣ охотиться съ тобою и съ Фоксомъ [2]); только, я боюсь, тамъ не будетъ такъ весело, какъ въ Красномъ-Рогу, и глухарей, говорятъ, тамъ не было нынѣшній годъ. Только вотъ что въ Пустынькѣ хорошо: тамъ можно будетъ осенью ѣздить на лодкѣ, ночью, съ огнемъ и ловить рыбу острогой.

Ты мнѣ не пишешь, ходите ли вы на вальдшнеповъ? Вѣдь это одна изъ самыхъ хорошихъ охотъ, чуть ли не лучшая послѣ глухарей? Скажи мнѣ, какую охоту ты любишь больше всего?

Не правда ли, Андрейка, что нѣтъ ничего лучше на свѣтѣ, какъ жить въ деревнѣ, да еще въ лѣсу? Давай съ тобой и съ m-r Fox уходить, въ свободное время, дня на два или на три въ лѣсъ!

Построимъ себѣ въ Пустынькѣ, гдѣ-нибудь въ лѣсу, прочный и удобный шалашъ и давай тамъ иногда угощать Софу [3]) и другихъ. Помнишь, какъ разъ ты угощалъ ихъ въ палаткѣ на Сотницкомъ? Тогда меня не было съ вами, и я очень жалѣлъ объ этомъ. Мы можемъ такъ устроить шалашъ, чтобы при немъ была и землянка, въ которой мы могли бы зимой поджидать волковъ.

Можно будетъ провести отъ падали проволоку въ землянку къ маленькому колокольчику. У насъ тамъ будутъ свѣчи и чай, а когда волкъ начнетъ ѣсть падаль, колокольчикъ зазвенитъ, мы и вылѣземъ изъ шалаша, а до того будемъ пить чай и играть въ шахматы.

Андрейка, какъ мнѣ было пріятно читать въ твоемъ письмѣ названія разныхъ красногорскихъ цвѣтовъ: медуницы, сона, барашковъ! А желтые болотные цвѣты—это или купавки, или ирисы; не знаю—про которые ты говоришь: купавки похожи на чашечки и плаваютъ на водѣ, а ирисы растутъ высоко, между тростниками. Вообрази себѣ, Андрейка, что здѣсь, еще въ апрѣлѣ, на лугахъ цвѣли тацеты [4]) въ такомъ огромномъ множествѣ, что

[1]) А. П. Бахметеву было тогда 13 лѣтъ.

[2]) Англичанинъ-гувернеръ.

[3]) Графиня Софья Андреевна Толстая.

[4]) Римскіе полевые нарциссы.

почти травы не было видно. Это тѣ самые тацеты, которые въ Петербургѣ продаютъ въ горшкахъ, по пятнадцати копѣекъ за штуку.

Я скоро буду писать Бирюковичу, чтобы онъ отправилъ обозъ въ Пустыньку, а ты, смотри, не забудь прислать окно, которое я заказалъ Максиму, и рамку новую на Софинъ образъ; а самый образъ вы можете привезти сами.

Андрейка, здѣсь вездѣ очень много разбойниковъ, и никто не ѣздитъ гулять безъ пистолета. Разбойники, кого могутъ, того хватаютъ и уводятъ въ горы, а потомъ требуютъ выкупа, и если не получатъ, то убиваютъ или рѣжутъ носъ и уши.

Ты, вѣрно, уже знаешь, что бѣдная Софа, съ мѣсяцъ тому назадъ, вывихнула руку изъ плеча вонъ, и теперь еще не совсѣмъ поправилась.

Прощай, милый Андрейка, кланяйся всѣмъ: и тетѣ, и Нинѣ, и m-r Fox, и Бирюковичамъ, и Шинкоренкѣ, и священнику, и Ульянѣ Степановнѣ.

Цѣлую тебя!

2.

Красный-Рогъ, 17 декабря 1869 г.

Милый мой Андрей, посылаю тебѣ письмо къ К... [1])

Я хотѣлъ приготовить тебѣ охоту на двухъ медвѣдей, но они тебя не дождались и ушли.

Дастъ Богъ, будутъ другіе. Христосъ съ тобой.

Обнимаю тебя и жду на праздники. Смотри, одѣнься потеплѣе, особенно ноги; послѣ болѣзни ты долженъ беречься.

3.

Красный-Рогъ, 27 декабря 1869 г.

Милый ты мой Андрей, жаль мнѣ очень, что ты не довольно здоровъ, чтобы къ намъ пріѣхать на праздники.

Я телеграфировалъ А. К., но онъ отвѣчалъ мнѣ, что докторъ рѣшительно не беретъ на себя тебя отпустить.

Что же дѣлать? Снеси эту непріятность съ терпѣніемъ, какъ если бы тебя затерло льдомъ въ Сѣверномъ океанѣ. Я пишу С. [2]), чтобы доставилъ тебѣ отъ меня какую-нибудь книгу по

[1]) А. П. былъ въ морскомъ корпусѣ: ему было уже 16 лѣтъ.

[2]) С.—главный управляющій.

твоему выбору, а я на тебя полагаюсь, что ты выберешь какую-нибудь дѣльную и хорошую. Я тебя скоро увижу,—я въ январѣ буду въ Петербургѣ, къ Святой; дастъ Богъ, пострѣляемъ съ тобой глухарей.

Богъ съ тобой, обнимаю тебя, пиши къ намъ почаще.

4.

Карлсбадъ, 17 (29) августа, 1870 г.

Мой милый другъ Андрей, Софа мнѣ пишетъ, что ты не получилъ моихъ писемъ въ отвѣтъ на твои.

Это мнѣ очень жаль, но ты уже теперь въ Красномъ-Рогу, и уже знаешь, что и Софа, и тетя, и Соня, мы всѣ *одного* мнѣнія насчетъ того, что ты мнѣ писалъ: ты не можешь и не долженъ бросать начатой службы.

Твоя честь требуетъ, чтобы ты продолжалъ начатое.

Въ одномъ только случаѣ мы согласились бы взять тебя изъ училища: если тамъ происходитъ что-нибудь, *что мѣшаетъ тебѣ оставаться честнымъ человѣкомъ.*

Но и тутъ, Андрей, намъ надо хорошенько понять другъ друга.

Если твои товарищи невполнѣ совѣстливы, если они даже развратны, т.-е. если они кутятъ, какъ кутятъ многіе молодые люди—это нехорошо, это скверно, но это еще не причина оставлять училище, потому что во всякомъ другомъ училищѣ непремѣнно найдутся развратные и безсовѣстные товарищи,— и вездѣ, *куда бы ты ни поступилъ, ты долженъ зависѣть отъ самого себя, а не отъ другихъ.*

Но если ихъ развратъ такого рода, что онъ прямо задѣваетъ тебя, и что тебѣ приходится не только не принимать въ немъ участія, но защищаться отъ него — тогда нечего думать, тогда мы возьмемъ тебя изъ училища и опредѣлимъ въ другое. Трудно говорить объ этомъ издали. Если бы я былъ съ тобой, ты бы мнѣ все разсказалъ, и все бы тотчасъ разъяснилось. Но и теперь, Андрей, *ты долженъ* все сказать Софѣ. Что бы такое ни было, скажи ей *все,*—она тебя пойметъ, и чего ты не съумѣешь *договорить,* она *это отгадаетъ.* Но я надѣюсь, что въ училищѣ нѣтъ ничего подобнаго, и что твое желаніе выйти основано на боязни дѣлать долги. На это я тебѣ отвѣчалъ подробно въ двухъ письмахъ, и Софа и тетя повторятъ тебѣ все то, что я сказалъ!

Ты слабъ, но душа твоя въ высшей степени честна. Я не боюсь за тебя, я вѣрю тебѣ; ты можешь по слабости поступить дурно, но ты не сдѣлаешься равнодушенъ къ добру и уму, къ правдѣ и неправдѣ.

Итакъ, если ты не провинился, не отчаявайся, но употреби всѣ усилія, чтобы не впадать въ ту же тину. Если ты провинился иначе чѣмъ долгами, признайся и въ этомъ Софѣ, и она тебя подыметъ и утѣшитъ тебя, и ободритъ тебя на будущее время.

Ты долженъ знать, что ты слабъ, но не долженъ думать, что нельзя превозмочь своей слабости.

На то есть у человѣка *честь*. Слабость характера—все равно, что трусость.

Я тебя всегда любилъ за твою честность и *деликатность*; я не знаю, какъ это послѣднее слово переводится по-русски, но постараюсь тебѣ растолковать. Если ты, напримѣръ, гуляешь въ чьемъ-нибудь саду, и хозяинъ позволитъ тебѣ сорвать у него цвѣтовъ, и ты сорвешь два-три цвѣтка, то это деликатно; если же ты оборвешь у него всѣ цвѣты, то это неделикатно; а если ты сверхъ того еще напакостишь у него въ саду, то это не только неделикатно, но и безчестно.

До этакой гадости, конечно, доходятъ не вдругъ, а понемногу, но надобно быть очень строгимъ къ себѣ самому, и не позволять себѣ ни малѣйшей неделикатности—иначе, какъ разъ выйдетъ изъ тебя самый гадкій человѣкъ.

А если ты далъ въ чемъ-нибудь слово, то держи свое слово, хотя бы тебя изрѣзали въ куски.

У тебя, Андрейка, есть все, что̀ нужно, чтобы быть честнымъ человѣкомъ; стало быть, тебѣ былъ бы страшный грѣхъ, еслибъ ты свихнулся. Все зависитъ отъ тебя; но если ты когда-нибудь почувствуешь, что можешь свихнуться, помолись хорошенько Богу, и ты увидишь, какъ ты сдѣлаешься силенъ, и какъ тебѣ сдѣлается легко идти по честной дорогѣ. Вообще, Андрейка, ты теперь уже большой, и все хорошее и дурное, что̀ можетъ въ тебѣ родиться, зависитъ болѣе отъ тебя, чѣмъ отъ другихъ... Я готовъ сдѣлать для тебя все, что̀ отъ меня зависитъ, если оно, по моему убѣжденію, для тебя полезно.

Въ этомъ ты можешь всегда на меня разсчитывать; я скорѣе самъ стѣснюсь, чѣмъ лишу тебя того, что̀ должно вести тебя къ добру. Но когда я увѣренъ, что ты желаешь чего-нибудь для себя вреднаго, я на это не соглашусь ни за что.

И потому я теперь говорю тебѣ рѣшительно: *я не согласенъ взять тебя изъ училища, отложи всякую на это надежду.*

Обнимаю тебя отъ всего сердца и надѣюсь на твою добросовѣстность. Отвѣчай мнѣ сейчасъ. Христосъ съ тобой, мой милый другъ!

5.

Карлсбадъ, 20-го августа (1-го сентября) 1871 г.

Милый мой и любезный Андрей, я сейчасъ получилъ твое письмо отъ 15-го августа, и сейчасъ же написалъ обо всемъ къ А. К., и поручилъ Ивану Константиновичу доставить письмо лично.

Къ К. я писалъ объ тебѣ еще прежде полученія твоего письма. Будь совершенно спокоенъ, думай только объ экзаменѣ и выдержи его *непремѣнно*. Я не могу ѣхать теперь въ Петербургъ. Мнѣ докторъ приказываетъ остаться здѣсь еще одну недѣлю, а потомъ я поѣду къ Софѣ, во-первыхъ, потому, что у нея продолжаютъ очень болѣть глаза, а во-вторыхъ потому, что у меня въ Красномъ-Рогу нужныя дѣла. Я послѣ пріѣду въ Петербургъ. А если ты выдержишь экзаменъ, то, вѣроятно, мы увидимся въ Красномъ-Рогу. Смотри, мой милый Андрей, я на тебя надѣюсь, не торопись на экзаменѣ, не конфузься, пройди до экзамена нѣсколько разъ то, въ чемъ ты нетвердъ, а послѣднюю ночь выспись хорошенько, чтобы быть свѣжимъ и твердымъ, и во всемъ положись на Бога. Если, какъ я увѣренъ, ты выдержишь экзаменъ, не торопись ѣхать въ Красный-Рогъ, а исполни всѣ обязанности, которыя на тебѣ будутъ лежать въ отношеніи къ начальникамъ. Если К. будетъ добръ къ тебѣ, не забудь его поблагодарить, и знай, что ты уже на службѣ и что твой point d'honneur въ томъ, чтобы быть изо всѣхъ товарищей самымъ аккуратнымъ. Христосъ съ тобой, мой другъ, обнимаю тебя отъ всей души. Напиши тотчасъ послѣ экзамена, на всякій случай— мнѣ въ Дрезденъ — Hôtel de l'Europe.

6.

Карлсбадъ, 23-го августа (4-го сентября) 1871 г.

Милый мой другъ Андрей, послѣ твоего экзамена, въ тотъ самый день, когда онъ кончится, пришли мнѣ телеграмму въ Дрезденъ, Hôtel de l'Europe, по-французски, — и скажи въ короткихъ словахъ, какъ ты его выдержалъ?

Посылаю тебѣ пять рублей; что останется отъ телеграммы— употреби какъ хочешь.

7.

Венеція, 14-го (26-го) февраля 1872 г.

Милый мой другъ Андрей, очень намъ горестно, что ты занемогъ! Теперь не думай ни о чемъ другомъ, какъ только беречь себя и лечиться, и окрѣпнуть, чтобы при *теплой погодѣ* уѣхать изъ Россіи на югъ, въ Венецію или въ Аѳины, смотря по твоему здоровью. О службѣ своей не безпокойся, все будетъ устроено, и о твоей просрочкѣ,—какъ бы она ни была длинна,—тебѣ въ вину ее не поставятъ.

Я уже написалъ о тебѣ ***. Мы пишемъ К., прося его ѣхать съ тобою или найти тебѣ кого-нибудь, кто бы могъ тебя беречь дорогой, потому что когда ты оправишься, ты еще будешь слабъ.

Главное, не безпокойся ни о чемъ, а только скорѣй выздоравливай *и береги себя* во всѣхъ отношеніяхъ. Милый мой, у меня сильно болитъ голова, я тебѣ буду послѣ писать.

Письма твоего изъ Витебска мы не получили.

8.

Венеція, 26-го февраля (9-го марта) 1872 г.

Милый ты мой маленькій, хорошій мой!

Какъ мнѣ грустно, что тебѣ не лучше,—и какъ мнѣ тяжело, что я не могу пріѣхать къ тебѣ, хотя, по всѣмъ вѣроятіямъ, докторъ не позволилъ бы мнѣ взять тебя съ собой. Съ твоей болѣзнью слишкомъ опасно предпринять путешествіе въ холодъ.

Мы писали сегодня тетѣ, чтобы она перевела тебя въ большой домъ,—разумѣется, когда его хорошенько вытопятъ; я думаю, тебѣ будетъ лучше и больше будетъ воздуха.

Писали мы также, чтобы взяли къ тебѣ, если нужно, Шинкоренку [1]), или Дениса.

Не знаю, Андрейка, въ чемъ ты сидишь, т.-е., въ какомъ платьѣ, и есть ли у тебя покойное. Ты знаешь, что у меня есть разныя платья въ Красномъ-Рогу; они всѣ для тебя слишкомъ широки, но тѣмъ будетъ покойнѣе; выбери себѣ, какое будетъ удобнѣе, а еще лучше, чтобы тетя сшила тебѣ мягкій и покой-

---

[1]) Камердинеръ гр. Толстого.

ный халатикъ. Что-жъ дѣлать, лучше тебѣ до совершеннаго выздоровленія остаться въ Красномъ-Рогу и дождаться насъ, чтобы ѣхать вмѣстѣ съ нами.

Милый мой, какъ бы мнѣ хотѣлось выдумать что-нибудь, чтобы тебѣ было лучше, но тетя выдумаетъ это лучше меня, и все, что она для тебя устроитъ, я заранѣе утверждаю и благодарю ее за это впередъ.

9.

Венеція, 28-го февраля (11-го марта) 1872 г.

Милый мой Андрей, завтра твое рожденіе,—дай Богъ, чтобы въ это время, когда я пишу, ты чувствовалъ себя легче, и чтобы это было начало твоего совершеннаго выздоровленія. Но тетя пишетъ, что ты ѣздилъ гулять. Это неосторожность, хотя бы ты ѣздилъ и съ тѣмъ намордникомъ, который я велѣлъ Сол—чу тебѣ прислать.

Поцѣлуй тетю и поклонись Ольгѣ Ѳеодоровнѣ.

Полагаю, что Донъ проводитъ большую часть времени съ тобой. А здѣсь есть одна сѣрая собака по имени Diane, напоминающая своимъ характеромъ Бѣлку. Она свидѣтельствуетъ тебѣ свое почтеніе.

Христосъ съ тобой, мой милый другъ, погладь Дона отъ меня и дай ему косточку отъ Софы, а главное береги себя.

Цѣлую тебя и обнимаю.

10.

Willa d'Este, 15-го (27-го) апрѣля 1872 г.

Другъ мой, милый мой! Еслибы ты зналъ, какъ бы мнѣ хотѣлось быть съ тобой! Это наша зима тебя такъ ослабила, и когда я подумаю, что здѣсь такъ тепло, мнѣ дѣлается совѣстно и кажется, что я укралъ у тебя хорошую погоду.

Я и сердцемъ, и душою съ тобой!

Дней десять у насъ было холодно и всякій день шелъ дождь, и право мнѣ было какъ-то легче и менѣе совѣстно. Соня теперь или уже съ тобой, или скоро пріѣдетъ,—она писала, что выѣзжаетъ 15-го, только не знаю, новаго или стараго стиля.

Бѣдный ты! И на „капелкій-зелевъ“ [1]) не удалось тебѣ поѣхать. Развѣ, если будетъ теплѣе и ты окрѣпнешь, докторъ

---

[1]) По-шотландски—глухарь.

позволитъ тебѣ поѣхать на вальдшнеповъ; они долго тянутъ, до начала іюня.

А я, Андрей, хотя и плохо дышу, хочу взбунтоваться и заболтать ногами, и, вмѣсто Карлсбада, пріѣхать съ Софой къ тебѣ.

Только если ты будешь такой, какъ теперь, намъ нельзя будетъ плясать какъ угорѣлыя кошки. Поправляйся же скорѣе, сиди и молчи, и собирай силы.

Надѣюсь, что у тебя есть вдоволь молока.

Я всѣхъ коровъ, козъ и быковъ велѣлъ доить для тебя; а если этого мало, пусть доятъ и собакъ.

Помнишь, какъ тебя Н. хотѣлъ купать въ молокѣ?

Что ты думаешь? Можетъ быть, это въ самомъ дѣлѣ было бы тебѣ полезно. Спроси у доктора.

Тетя пишетъ, что ты иногда сидишь на балконѣ; стало быть, и у васъ иногда бываетъ тепло, я этому радъ. Я увѣренъ, что тебѣ будетъ легче, когда настанутъ настоящіе теплые дни.

Мнѣ кажется, тебѣ было бы хорошо тогда цѣлый день сидѣть въ березовомъ или въ сосновомъ лѣсу, и только на ночь возвращайся домой.

Это навѣрно укрѣпляетъ и къ тому же очень пріятно.

Я увѣренъ, докторъ тебѣ это позволитъ.

Вели себѣ выстроить сосновый шалашъ, постлать коверъ и подушки, да и переселяйся въ лѣсъ.

Вотъ тебѣ портретъ моей гостинницы. Справа, во второмъ этажѣ четвертое окошко. Это—крошечная комнатка съ четырьмя дверями и огромнымъ каминомъ; очень неловко и все-таки хорошо,—точно въ каретѣ живешь.

А вотъ тебѣ orchys [1]), похожій на пчелу. Я сорвалъ его въ саду. Христосъ съ тобой, мой милый! Поцѣлуй тетю и Нину. До свиданія!

11.

Wiesbaden, 21-го апрѣля (3-го мая) 1872 г.

Милый, добрый, хорошій Андрей! Какъ мнѣ тяжело отложить мой пріѣздъ въ Красный-Рогъ! Я совсѣмъ рѣшился отвязаться отъ Карлсбада и ѣхать съ Софой къ тебѣ, но, какъ нарочно, простудился на дорогѣ изъ Италіи,—вѣроятно, при переѣздѣ черезъ Альпы. Еслибы я теперь поѣхалъ, то навѣрно

---

[1]) Орхидея.

бы занемогъ серьезно и задержалъ бы Софу на дорогѣ. Я рѣшился остаться дня три здѣсь, а потомъ на нѣсколько дней ѣхать въ Дрезденъ и полечиться тамъ пассивной гимнастикой, и тогда уже пріѣхать къ тебѣ молодцомъ. Я радъ за тебя и за Софу, что вы скоро увидитесь, и радъ, что Соня будетъ съ тобой, бѣдный ты мой! Хотѣлось мнѣ прислать тебѣ одну книгу: „Huit jours sous l'équateur", которую я читалъ въ Villa d'Este, но мы здѣсь никакъ не могли достать ее; можетъ быть, Софа достанетъ на какой-нибудь станціи.

До свиданія, мой милый другъ! Дай Богъ, чтобы тепло и лѣто тебя укрѣпили, а мнѣ совѣстно смотрѣть на здѣшнюю весну,—такая она теплая и цвѣтистая. Христосъ съ тобой, мой Андрейка, люблю тебя, обнимаю и цѣлую тебя.

Это послѣднее письмо могло быть получено почти наканунѣ смерти А. П. Бахметева, послѣдовавшей 7-го мая 1872 года.

НЕПОКОРНЫЙ

L'indocile, par Edouard Rod. Paris. 1905.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ *).

I.

Валентинъ и Дезире не останавливались въ Миланѣ и Флоренціи; они ловили на лету отблескъ поэзіи, наложенный вѣками на эти два знаменитыхъ города. Весна расцвѣтала въ садахъ, золотила своими лучами древнія стѣны памятниковъ, мраморъ церквей, статуи героевъ и боговъ; тосканскія масличныя деревья обрамляли долины, въ которыхъ скрываются полныя розъ виллы и наполненные произведеніями искусства монастыри.

Очарованные первымъ знакомствомъ съ Италіей, молодые люди прибыли въ Римъ, восхищенные дивными очертаніями долины Арно, по которой они проѣзжали днемъ, и дикою грустью Тразимены, видѣнной ими при закатѣ солнца. До окрестностей Porta Maggiore они, при свѣтѣ полускрывавшейся за тучами луны, созерцали урывками мрачное великолѣпіе Кампаньи, развалины вѣчныхъ укрѣпленій, фантастическій профиль Латерана.

Урбэнъ ожидалъ ихъ на вокзалѣ. Въ другое время Валентинъ съ радостью привѣтствовалъ бы стоявшаго рядомъ съ нимъ Клода, но именно въ эту минуту онъ былъ непріятно удивленъ его появленіемъ, смутно угрожавшимъ его планамъ.

— Ты здѣсь? Какимъ образомъ?

---

*) См. выше: мартъ, стр. 283.

Пріѣхавъ въ Римъ въ числѣ паломниковъ изъ „Борозды“, Клодъ не былъ въ состояніи вернуться вмѣстѣ съ ними; Римъ такъ захватилъ его, что онъ оставилъ на нѣкоторое время свою работу, свою пропаганду, и весь отдался своимъ впечатлѣніямъ.

При словѣ „паломники“ Дезире сразу насторожилъ уши.

— Вы видѣли папу?—воскликнулъ онъ.

— Конечно. Святой отецъ трижды принималъ насъ.

Несмотря на шумъ и толпу, Клодъ уже собирался изложить подробности пріема, но, недовольный такимъ началомъ, Валентинъ обратился къ Урбэну съ вопросами практическаго свойства. Тотъ уже нанялъ для нихъ помѣщеніе въ старомъ городѣ въ улицѣ Botteghe Oscure, въ двухъ шагахъ отъ гостинницы Клода. Дорогою Клодъ указалъ имъ на выступавшую среди развалинъ ярко освѣщенную Траянову колонну, и это было какъ бы первымъ откровеніемъ античнаго города, безсмертнаго среди современныхъ теченій и до сихъ поръ навязывающаго міру свои законы и свою исторію. Нѣсколько далѣе вырисовывалась зубчатая громада венеціанскаго дворца, прорѣзаннаго узенькими дверями и полукруглыми окнами. Когда фіакръ повернулъ на площадь Gesù, Луртье, протянувъ руку, сказалъ:

— Вотъ Капитолій.

Фіакръ остановился передъ дворцомъ съ темными стѣнами, рѣшетчатыми окнами и низкой дверью—бывшимъ палаццо Гаэтани. Болтливая, любопытная, услужливая итальянская семья повела ихъ вверхъ по лѣстницамъ и отворила дверь въ ихъ помѣщеніе. Клодъ самодовольно объяснилъ, что здѣсь имъ будетъ лучше, чѣмъ въ отелѣ, хотя, быть можетъ, и не такъ удобно, но каждому полагается по комнатѣ; есть кромѣ того общая гостиная, а главное они здѣсь—въ старомъ Римѣ, и притомъ это обойдется имъ вдвое дешевле.

Разсчетливость Урбэна сказалась и тутъ. Хотя они не стѣснялись деньгами, Валентинъ поблагодарилъ друга. Имъ будетъ здѣсь очень хорошо. Не правда ли, Дезире?

Привыкшій къ роскоши и комфорту отцовскаго дома, юноша оглядѣлъ высокія сырыя комнаты съ роскошными потолками, желѣзныя кровати, картинки духовнаго содержанія надъ изголовьемъ, маленькіе умывальники, высокія, съ рѣзною спинкою и жесткимъ сидѣньемъ кресла.

— Намъ будетъ отлично,—весело отвѣтилъ онъ.

За ужиномъ Дезире захотѣлъ возобновить съ Клодомъ разговоръ о пріемѣ у папы; Валентинъ снова неловко перебилъ его и, встрѣтивъ изумленный взглядъ Дезире, смутился. Урбэнъ сталъ

разспрашивать друга о Луртье, которыхъ Валентинъ видѣлъ передъ отъѣздомъ. Ему не удалось поговорить съ дѣвушкою наединѣ, но, судя по трепету ея ручки, по взгляду, какимъ она встрѣчала его, онъ могъ думать, что Паула-Андреа не измѣнилась къ нему. Вопросы Урбэна его смущали; онъ боялся выдать себя. Да, онъ видѣлъ ихъ, всѣ они здоровы, кланяются Урбэну.

— Благодарю. А что, кузиночка все такая же хорошенькая?

Вопросъ былъ сдѣланъ вскользь, но Валентинъ покраснѣлъ и поспѣшилъ отвѣтить:

— Кажется, ты совсѣмъ не пишешь имъ? Они на это жалуются.

— И она тоже?—спросилъ Урбэнъ и лукаво засмѣялся.

— M-lle Паула-Андреа не говорила со мною о тебѣ.

— M-lle Паула-Андреа вообще мало говоритъ.

Оба они вдругъ сдѣлались разсѣяны, и, благодаря этой озабоченности, Дезире удалось услышать отъ Клода разсказъ о „паломничествѣ“: благосклонное отношеніе кардинала Вивеса, рѣчь святого отца въ тронной залѣ, смотръ „молодой гвардіи“ во дворѣ св. Марты, банкетъ, поѣздки. Онъ такъ увлекся, что на этотъ разъ уже не позволилъ Валентину дать бесѣдѣ другое направленіе.

На слѣдующій день Дезире пожелалъ отправиться прежде всего въ соборъ св. Петра, но Валентинъ уже заранѣе составилъ планъ: онъ намѣревался сперва поразить его воображеніе величіемъ языческаго Рима и затѣмъ воспользоваться этимъ впечатлѣніемъ для того, чтобы унизить, уменьшить въ его глазахъ католическій Римъ. Поэтому онъ предложилъ пойти безъ опредѣленной цѣли и самъ какъ бы случайно повелъ своего воспитанника къ Капитолію.

Долго они созерцали лежавшія у ихъ ногъ трагическія развалины форума, разрушенные палатинскіе дворцы, зіяющую громаду Колизея: изумительное зрѣлище, при видѣ котораго мысль охватываетъ всю исторію античнаго города, отъ легендъ объ его основаніи съ ихъ героями-полубогами и до кроваваго великолѣпія послѣднихъ цезарей. Дезире весь отдался чарамъ воспоминаній.

— Сойдемъ на форумъ. Хотите?

Среди обломковъ колоннъ, разрушенныхъ капителей, развалинъ храмовъ и портиковъ—возставали классическія воспоминанія. Валентинъ, прочитавшій книгу Ферреро, увлекся, говоря о великихъ римлянахъ, предвозвѣстникахъ нашей борьбы и нашихъ страданій: имена Гракховъ, Марія, Красса, Цезаря—сыпались

съ его устъ, словно это были имена современниковъ. Дезире слушалъ его съ нѣсколько тупымъ отъ напряженія видомъ: казалось, что онъ среди извилинъ исторіи искалъ твердую точку опоры для своей мысли. Наконецъ онъ медленно проговорилъ со своей обезкураживающей серьезностью:

— Я смотрю на эти развалины. Слушая васъ, я допрашиваю эти камни. Но—нѣтъ, они принадлежатъ чужой почвѣ, въ которой я не пустилъ корней; они—остатки другой, чуждой мнѣ цивилизаціи.

— Я васъ не понимаю!—изумленно отозвался Валентинъ.

— Между всѣмъ этимъ и нами—есть свѣтъ, озарившій и преобразившій міръ. Я чувствую здѣсь, что наши предки—не римляне съ форума; это—римляне изъ катакомбъ.

Онъ говорилъ со странною смѣсью робости и силы; Валентинъ возразилъ ему въ примирительномъ, нѣсколько дидактическомъ духѣ, приводя примѣры, указывавшіе на аналогичность нашихъ общественныхъ столкновеній съ тѣми, которыя разыгрывались здѣсь двадцать вѣковъ тому назадъ, когда Цицеронъ обличалъ Катилину.

— И вы еще говорите, что это—не наши предки!—воскликнулъ Валентинъ.

Дезире не возражалъ, но слова учителя скользили по немъ, не смягчая его спокойнаго упорства, на которое факты не могли имѣть никакого вліянія.

Усталость и голодъ прогнали ихъ изъ развалинъ; они позавтракали въ „тратторіи“ и къ четыремъ часамъ отправились вмѣстѣ съ Клодомъ и Урбэномъ на чай къ директору. Урбэнъ занималъ одну изъ комнатъ второго этажа въ великолѣпномъ зданіи палаццо Фарнезе, постройку котораго началъ Антоніо ди-Санъ-Галло и закончилъ Микель-Анджело. Окна его выходятъ во дворъ, замѣчательный строгимъ великолѣпіемъ своихъ дорическихъ колоннъ и темныхъ фризовъ. Презиравшій всякія „финтифлюшки“, Урбэнъ ограничился казенною меблировкой. Гости его очень удивились, заставъ у него маленькаго, въ очень заплатанной рясѣ, священника, съ очень черными глазами и очень темнымъ цвѣтомъ лица. Представляя его, Урбэнъ подмигнулъ.

— Донъ Аббондіо, дающій для меня выписки изъ архивовъ Ватикана. Донъ Аббондіо говоритъ немного по-французски; вы поймете другъ друга.

Попикъ поклонился, улыбнулся, сверкнувъ своими огненными глазами. Онъ былъ родомъ изъ Калабріи, прихода не имѣлъ и влачилъ убогое существованіе, пробиваясь случайною работою,

требами, исполняемыми за половинную цѣну, даже—прелатскими подаяніями. У него было длинное лицо, прекрасный лобъ, плохо выбритыя щеки, тонкія руки съ черными ногтями. Хотя онъ велъ жизнь, полную превратностей, и на старости лѣтъ ему угрожала нищета, но онъ отличался беззаботностью ребенка и невозмутимо ровнымъ нравомъ. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ сопровождалъ Луртье въ архивы Ватикана, гдѣ медленно и спокойно переписывалъ прекраснымъ закругленнымъ почеркомъ указанныя ему бумаги, между тѣмъ какъ его временный хозяинъ отправлялся работать въ библіотеку. Урбэнъ находилъ злобное удовольствіе въ сознаніи, что ему доставляетъ оружіе для борьбы не кто иной, какъ служитель церкви, опустившійся, но въ сущности честный человѣкъ, вѣрующій и суевѣрный, попрошайка и готовый отдать болѣе голодному, чѣмъ онъ самъ, свой необезпеченный кусокъ хлѣба. Урбэнъ прозвалъ его: „донъ-Курато“ или „Пококурато“, и постоянно дразнилъ, но ему никогда не удавалось вывести его изъ себя.

Донъ Аббондіо разговаривалъ съ Клодомъ, единственнымъ оказывавшимъ ему вниманіе человѣкомъ, и потому весь сіялъ, но не зная, какъ отнесутся гости къ его внѣшности и поношенной сутанѣ, онъ принялъ свойственный ему смиренный, отчасти робкій, отчасти угодливый видъ. Урбэнъ не пожелалъ, однако, оставить его въ тѣни, и потребовалъ, чтобы тотъ разсказалъ случившійся сегодня поутру эпизодъ, дававшій обильную пищу пересудамъ въ кружкѣ ученыхъ и туристовъ.

Не заставляя себя просить, попикъ засмѣялся, показывая ослѣпительно бѣлые зубы, похлопалъ себя по губамъ, словно предупреждая, что онъ плохо говоритъ по-французски, и принялся разсказывать свою исторію, мѣшая французскія слова съ итальянскими и сопровождая ихъ соотвѣтствующею мимикою.

— Già!—синьоръ Луртье, если вамъ угодно?... Это происходило въ архивахъ, синьоры, сегодня поутру... Тамъ былъ ученый... великій ученый... съ сѣдыми длинными-длинными, вотъ такими волосами... И глаза у него... ахъ, что за глаза! (Донъ Аббондіо постарался придать грозное выраженіе своимъ прекраснымъ бархатистымъ глазамъ.) И очки, синьоры!.. Онъ работалъ, работалъ, работалъ... (Донъ Аббондіо разставилъ локти и подперъ ими голову), какъ вдругъ... входитъ святой отецъ! Всѣ преклонили колѣна, всѣ, кто былъ тамъ. Но онъ... (Разсказчикъ снова продѣлалъ ту же мимику.) Святой отецъ взглянулъ на него. (Донъ Аббондіо придалъ лицу выраженіе недоумѣнія.) А онъ продолжалъ работать, работать, работать...

Урбэнъ расхохотался, словно онъ впервые слышалъ этотъ разсказъ. Они увидятъ, что за сплетня выростетъ изъ этого! Но можно себѣ представить, до чего изумился папа! Въ его собственномъ царствѣ и вдругъ—такое отношеніе. Ахъ, донъ Курато, то ли еще предстоитъ ему увидѣть!

— Già, синьоръ Луртье,—онъ уже многое видѣлъ на своемъ вѣку, и все-таки онъ до сихъ поръ здѣсь.

— Въ самомъ дѣлѣ? Вы увѣрены, что онъ еще здѣсь, что онъ существуетъ?

Эти ироническіе вопросы, сопровождаемые вызывающимъ смѣхомъ, оскорбили Клода, который серьезно сказалъ, что во всякія времена могутъ явиться Ногареты.

— Ну, милый мой,—насмѣшливо возразилъ Урбэнъ,—теперь нѣтъ надобности въ желѣзныхъ перчаткахъ, пощечинахъ и насиліи. Полное пренебреженіе—вотъ что грозитъ Ватикану. Оно разрушитъ его стѣны, какъ это случилось съ Авиньонскимъ дворцомъ. Какъ вы полагаете, monsieur Дезире?

Валентинъ отвѣтилъ за своего ученика, что они пріѣхали сюда именно для того, чтобы все видѣть и составить обо всемъ свое собственное мнѣніе.

— Независимо отъ всякихъ внушеній,—сказалъ Клодъ.

— Отъ обмановъ исторіи и собственнаго воображенія,—докончилъ Урбэнъ его фразу.

Донъ-Аббондіо, пытаясь примирить ихъ, воскликнулъ, что онъ еще никогда не встрѣчалъ двоихъ французовъ, которые не спорили бы о религіи и политикѣ.

— Ну, милѣйшій мой Пококурато, не всѣ обладаютъ вашею покладливостью въ убѣжденіяхъ,—сказалъ Урбэнъ, и снова обратился къ Дезире:

— Если вы еще не были въ соборѣ св. Петра, подождите до воскресенья. Въ этотъ день папа совершаетъ канонизацію какого-то новаго святого, и вы увидите парадный спектакль. Я достану вамъ мѣсто, и мы отправимся вмѣстѣ. А теперь—идемъ къ директору.

Въ эту минуту Валентинъ замѣтилъ на столѣ любительскую фотографію въ кожаной съ золотымъ тисненіемъ рамкѣ, изображавшую семью Луртье за столомъ—съ толстою Анжеликою на заднемъ планѣ и съ Паулою-Андреа—на первомъ. Фигура дѣвушки явственно выдѣлялась изъ группы.

— Узнаёшь?—воскликнулъ Урбэнъ.—Не правда ли, какъ она мила? Идемъ же.

Въ салонѣ директора, убранномъ, несмотря на золоченую

мебель и красный цвѣтъ обивки, въ строгомъ стилѣ, собралось человѣкъ тридцать: ученыхъ, историковъ, археологовъ всѣхъ національностей, дамъ, носившихъ звучныя, древне-римскія имена. Урбэнъ принялся сообщать Валентину ихъ краткія біографіи, но тотъ разсѣянно слушалъ его, встревоженный контрастомъ между плохою фотографіей и красивою рамкой. Онъ усматривалъ въ этомъ признаки возможнаго соперничества, мысль о которомъ не приходила ему раньше въ голову. Урбэнъ спокойно продолжалъ называть ему фамиліи герцогинь и ученыхъ. Высокій, аскетическаго вида, съ длинными волосами старикъ разсказывалъ тѣмъ временемъ, окруженный группою слушателей, утренній инцидентъ въ папскомъ архивѣ.

— Если бы я подозрѣвалъ о его присутствіи, я, конечно, не отказался бы выказать ему свое уваженіе, но я былъ всецѣло погруженъ въ работу. Мною овладѣла та лихорадка изысканій, которая хорошо знакома присутствующимъ. Забываешь о мѣстѣ и времени, стремясь внести свою крупицу въ сокровищницу исторіи. А теперь всюду говорятъ, пожалуй еще напишутъ, что такой-то сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ папы — изъ нежеланія преклонить передъ нимъ колѣна. Это — ложь. Я уважаю этого добраго старца и то, что онъ собою представляетъ. Не находите ли вы, что это — маленькій урокъ всѣмъ намъ, черезчуръ увлекающимся людямъ?

На мгновеніе его суровое лицо озарилось невыразимо кроткою, почти дѣтскою улыбкою. Слова его вызвали сочувственный откликъ среди окружающихъ.

— Вотъ еще одинъ человѣкъ, не рѣшающійся громко отстаивать свои мнѣнія, — сказалъ Урбэнъ друзьямъ.

Онъ увлекъ ихъ на балконъ, гдѣ амфоры, барельефы, остатки колоннъ — исчезали подъ массою зелени. У ногъ ихъ катились желтыя воды Тибра. Увѣнчанный соснами, кипарисами, зелеными дубами, надъ всѣмъ царилъ Яникульскій холмъ; неподалеку выдѣлялся изящный профиль Фарнезины, далѣе — громада палаццо Корсини. Колоссальная статуя Гарибальди грозно поднималась на горизонтѣ.

— Ватиканскій узникъ не можетъ сдѣлать шага въ своемъ саду безъ того, чтобы не видѣть ее передъ собою, — сказалъ Урбэнъ; — итакъ, послѣднее слово — за побѣжденнымъ при Ментанѣ.

Онъ собирался продолжать, но къ нему подходила, разговаривая съ бѣлокурымъ господиномъ въ очкахъ, какая-то дама — еще молодая и очень элегантная. Урбэнъ сразу оборвалъ и сдѣлался нервенъ.

— Это—мой другъ, баронесса фонъ Кальвицъ. Какъ ты ее находишь?

У нея были пріятныя черты, прекрасные глаза, и, несмотря на худобу, она обладала не лишенною привлекательности своеобразною граціей, но волосы она красила, румянила щеки и мазала губы.

— Немолода и—главное—слишкомъ накрашена.

Урбэнъ воскликнулъ:

— Какъ можно! Ей нѣтъ тридцати-пяти лѣтъ,—очаровательная, очень развитая женщина. Хочешь, я представлю тебя?

Не ожидая отвѣта, онъ подвелъ его къ незнакомкѣ. Баронесса улыбнулась Валентину и, оставивъ руку своего кавалера, заговорила объ этрусскихъ могилахъ. Валентинъ сначала прислушивался, но, видя, что вниманіе Урбэна оказывалось, повидимому, достаточнымъ для баронессы, онъ послѣдовалъ примѣру господина въ очкахъ и отошелъ. Онъ долго простоялъ съ Дезире на балконѣ, между тѣмъ какъ новые ученые и новыя герцогини прибывали въ красный салонъ.

II.

Задолго до начала церемоніи, Урбэнъ, Валентинъ и Дезире—всѣ, какъ полагалось, въ бѣлыхъ галстукахъ — отправились въ храмъ святого Петра. Дивная мечта въ камнѣ, задуманная Браманте и освященная Микель-Анджело, захватила Валентина и Дезире: перваго—мощью религіознаго духа, отъ нея исходящаго, второго — величіемъ созданія. Они безмолвно остановились на углу улицы Рустикуччи.

Со всѣхъ концовъ сюда спѣшили прелаты, семинаристы, монахи, офицеры, женщины въ накидкахъ, мужчины въ пальто, и всѣ эти безчисленные, уменьшенные разстояніемъ силуэты — кишѣли на паперти собора, въ галереяхъ, на площади вплоть до подножья желтой громады Ватикана.

Недовольный такимъ оживленіемъ, Урбэнъ шепнулъ Валентину:

— Чортъ побери! Кажется, мы ошиблись... Бываютъ дни, когда храмъ Петра походитъ на громадный катафалкъ,—твой ученикъ скорѣе бы почувствовалъ его запустѣніе и смерть.

Но они уже были невластны устранить впечатлѣніе, которое охватывало ихъ самихъ. Безмолвный, съ горящими глазами, Дезире отдавался своему волненію. Мысль его, освободясь отъ обычнаго гнета враждебной воли, сковывавшей ея полетъ, братски

стремилась къ этимъ невѣдомымъ людямъ, сливалась съ ними, подобно отдѣльной нотѣ, уносимой волнами гармоніи.

— Войдемъ, — предложилъ Валентинъ, прерывая Урбэна, уже начавшаго предсказывать „конецъ всей этой комедіи", причемъ онъ обращался преимущественно къ Валентину.

Они подошли къ обозначеннымъ на ихъ билетахъ дверямъ. Публика входила въ полномъ порядкѣ, и они пробрались къ своимъ мѣстамъ такъ же свободно, какъ если бы никого не было въ храмѣ. Мѣста ихъ оказались налѣво отъ трансцепта, нѣсколько подальше балдахина Урбана VIII, позади отведеннаго для духовныхъ лицъ пространства. Даже Урбэнъ, разыгрывая безпристрастіе, сказалъ, что все совершается въ большомъ порядкѣ.

Фіолетовые, мягко скользящіе прелаты, офицеры съ плюмажемъ, проходили мимо, отдавая вполголоса приказанія. Казалось, что всѣ ждутъ праздника, и это ожиданіе прекраснаго зрѣлища объединяло собравшихся здѣсь людей, принадлежащихъ къ различнымъ слоямъ общества. Блескъ затканныхъ золотомъ тканей, золота балдахина и кистей — сливался съ волнами струившихся изъ оконъ солнечныхъ лучей, въ которыхъ тонуло сіяніе безчисленныхъ зажженныхъ вокругъ главнаго алтаря огней.

При изобиліи свѣта, соборъ, будучи истиннымъ чудомъ архитектуры, не подавлялъ взора своими громадными размѣрами. Въ немъ, какъ въ безконечности, не чувствовалось ни времени, ни пространства.

Урбэнъ заговорилъ о безумной и безвкусной роскоши украшеній, купленной на лепту бѣдняка, вызванную подъ угрозою кары за грѣхи... Никто ему не отвѣчалъ, но онъ все болѣе и болѣе возбуждался.

— Папа будетъ канонизировать какого-то священника, голодавшаго при жизни въ Абруццахъ... Грязный, оборванный, суевѣрный, ограниченный, вродѣ нашего донъ-Аббондіо, этотъ попикъ творилъ при жизни маленькія чудеса, и вдругъ послѣ смерти попалъ въ святые! Весь христіанскій міръ сбѣгается посмотрѣть на его черепъ и голени...

На этотъ разъ Дезире побѣдилъ свою робость; глядя прямо въ глаза Урбэну, онъ твердо проговорилъ:

— Развѣ вамъ неизвѣстно, г. Луртье, что я — католикъ и вѣрующій?

Удивленный Урбэнъ пробормоталъ:

— Простите, я не зналъ... Я не былъ увѣренъ...

Глухой шумъ, похожій на рокотъ вѣтра въ лѣсу, послы-

шался позади балдахина, и въ глубинѣ собора показалось шествіе. Оно медленно двигалось между двухъ рядовъ тѣсно сплоченной толпы; издали можно было разглядѣть только яркіе цвѣта, переливавшіеся вокругъ чего-то бѣлаго. Затѣмъ оно развернулось вдоль балдахина, на подобіе пестрыхъ колецъ гигантской змѣи, и тогда оказалось возможнымъ различить кирасы, плюмажи, мундиры четырехъ гвардейцевъ, черныя одежды, золотыя цѣпи и фрезы церемоніймейстеровъ, бѣлые и сѣрые мѣха бенефиціевъ, грозелевые камзолы „буссоланти" и позади „sedia" папы—яркій пурпуръ кардинальскихъ облаченій.

Друзья преклонили колѣна; Дезире едва осмѣливался поднять глаза. Когда „sedia" приблизилась къ нимъ, онъ опустилъ голову на руки, между тѣмъ какъ его товарищи съ любопытствомъ разглядывали могучую фигуру папы, его немного полное румяное лицо, благожелательное и серьезное подъ вѣнчавшею его тяжелою тіарой. Кардиналы прослѣдовали одинъ за другимъ, и Урбэнъ шопотомъ называлъ имена, хорошо всѣмъ знакомыя по послѣднему конклаву.

— Вотъ этотъ высокій брюнетъ, идущій со сложенными руками, не глядя ни направо, ни налѣво,— Маріано Рамполла. Вамъ извѣстно, что если бы не пустячная помѣха, онъ былъ бы... Вотъ Готти, худой, прозрачный, похожій на ощипанную птицу... А этотъ съ суровымъ надменнымъ лицомъ—Орелья... Вонъ тотъ съ пріятными чертами — Винченцо Ванутелли. А вотъ этотъ — молодой, стройный, сильный, оглядывающійся вокругъ — Мерри дель Валь, страшный фанатикъ.

Цѣпь жандармовъ замкнула шествіе, и теперь трое пріятелей могли видѣть только стальныя спины ихъ кирасъ, образовавшихъ стѣну, сверкавшую на солнцѣ. Когда порою стѣна раздвигалась, ихъ взорамъ на мгновеніе являлся папа, совершавшій обрядъ, но затѣмъ снова все исчезало за толпою колѣнопреклоненныхъ сутанъ и неподвижныхъ, обращенныхъ въ одну сторону головъ.

— Стоило изъ-за этого безпокоиться!—ворчалъ Луртье.

Церемонія совершалась гдѣ-то вдали отъ нихъ. Порою глухой ропотъ отдаленной толпы — внимательной или разочарованной, любопытной или набожной—достигалъ до ихъ слуха, какъ гулъ невидимаго моря, доносимый порывомъ вѣтра. Но вотъ стѣна кирасъ раздвинулась, шествіе въ томъ же порядкѣ двинулось обратно, также заколебалась „sedia"; бѣлая фигура папы, все уменьшавшаяся по мѣрѣ удаленія, совсѣмъ исчезла; наконецъ и самая процессія, достигшая противоположнаго конца собора, превратилась въ линію пестрыхъ точекъ. Она еще не успѣла

окончательно скрыться изъ виду, какъ соборъ уже сталъ очищаться отъ публики, выходившей въ томъ же порядкѣ. Дезире вздохнулъ:

— Уже!

— Не хотѣлъ ли онъ, чтобы это продолжалось двѣнадцать часовъ?—шепнулъ Луртье Валентину.

При выходѣ, они столкнулись съ двумя знакомыми Урбэна, и во время краткаго обмѣна впечатлѣній Валентинъ замѣтилъ исчезновеніе Дезире. Онъ хотѣлъ сейчасъ же отправиться на поиски, но Урбэнъ удержалъ его. Гдѣ его найдешь въ такой толпѣ? Не потеряется: не маленькій...

Дезире дозволилъ толпѣ оттѣснить его отъ его спутниковъ. Онъ хотѣлъ уберечь свое благоговѣйное настроеніе отъ насмѣшекъ Луртье. Дезире шелъ наугадъ, самъ не зная куда, и, дойдя до San-Spirito, уже намѣревался вернуться, какъ вдругъ кто-то слегка дотронулся до его плеча.

Онъ обернулся. Донъ-Аббондіо улыбался ему всѣмъ своимъ смуглымъ, свѣжевыбритымъ лицомъ, своимъ большимъ ртомъ, черными глазами, даже безчисленными дырами и заплатами своей сутаны.

— Вы одни, эччеленца, совсѣмъ одни? Già! Потеряли друзей?

— Я вернусь домой въ экипажѣ.

Въ эту минуту Дезире опасался общества донъ-Аббондіо почти столько же, сколько встрѣчи съ Луртье. Лишенный достоинства, плохо одѣтый, угодливый попикъ казался ему каррикатурою на величественныхъ князей церкви, которыми онъ только-что восхищался,—негодною вѣтвью великолѣпнаго вѣкового дерева. Не смущаясь холодностью юноши, донъ-Аббондіо продолжалъ:

— Нѣтъ, эччеленца, пойдемте лучше со мною... Недалеко, нѣтъ... Вотъ туда... Увидите такое... такое зрѣлище, какое не часто приходится видѣть... Ужъ я вамъ говорю...

Онъ безъ дальнѣйшихъ церемоній взялъ Дезире подъ-руку и потащилъ его, не умолкая ни на минуту.

— Синьоры были съ вами? Да?.. Добрые синьоры... Оба—добрые... Но!..

Онъ выпустилъ руку спутника, сложилъ руки на груди и вздохнулъ, поднявъ глаза къ небу.

— Много есть такихъ, какъ они... Много! А почему? Потому что они слишкомъ много учились. Люди учатся, учатся, и затѣмъ у нихъ заходитъ умъ за разумъ. А вы знаете ли, отчего, эччеленца? Отъ гордыни. Да!

Лицо его выразило испугъ, ужасъ, отвращеніе, словно онъ увидѣлъ дьявола.

— Гордыня эта—самъ дьяволъ. И она къ тому же—ложь. Что мы такое, эччеленца? Черви... Земляные черви. А хотимъ все извѣдать, все понять. Пфа!

Онъ презрительно плюнулъ.

— Надо быть смиреннымъ, эччеленца... Смиренные духомъ дѣлаютъ что могутъ, идутъ себѣ потихоньку, piano, piano...

Онъ вдругъ засѣменилъ осторожною трусцою, держась у самыхъ стѣнъ.

— Синьоръ Луртье — добрый синьоръ... Mà! Совсѣмъ не смиренный, нѣтъ, нѣтъ...

Онъ съ сокрушеніемъ покачалъ головою и вдругъ, словно примирившись съ этимъ, заключилъ снисходительнымъ тономъ:

— Peccato!

Онъ продолжалъ цитировать евангельскія слова о смиренныхъ духомъ, прерывая свою рѣчь для того, чтобы указать спутнику на какія-нибудь подробности народной жизни: выставленныя на вѣтру тыквенныя сѣмена, зерна бобовъ и „pinoli“, драку мальчишекъ, которыхъ разгоняетъ старуха, группу оборванцевъ, окружающихъ живописца, укрывшагося подъ зонтикомъ. Онъ продолжалъ говорить, и по временамъ Дезире улавливалъ въ его тарабарщинѣ своеобразное краснорѣчіе и подъемъ мысли.

На Яникульскомъ холмѣ донъ-Аббондіо не забылъ указать юношѣ на старый дуплистый дубъ, подъ сѣнью котораго когда-то сидѣлъ кающійся великій поэтъ.

— Эта гордыня загубила его, эччеленца,—ничто другое... Онъ былъ добръ, онъ былъ геніаленъ... До чего геніаленъ! Вспомните его „Іерусалимъ“. Но!.. Онъ хотѣлъ, чтобы всѣ имъ восхищались: дамы, синьоры, кардиналы... И голова у него закружилась. И онъ пришелъ сюда въ монастырь бѣднякомъ. Молиться, плакать, умереть... Povero Torquato!

Глаза его наполнились слезами, онъ протягивалъ руку къ старому, больному дереву, и когда Дезире хотѣлъ-было повернуть къ городу, онъ кинулся удержать его.

— Нѣтъ еще, эччеленца, взойдемъ туда.

Онъ повелъ его на террасу, возвышающуюся надъ дубомъ. У ихъ ногъ разстилался городъ, золотистый какъ поле пшеницы, а надъ нимъ — небо, похожее на расплавленное золото и прорѣзанное пурпурово-кровавыми полосами на западѣ. На фонѣ его рѣзко выдѣлялись очертанія памятниковъ, деревьевъ и холмовъ.

— Вотъ, синьоръ, взгляните... и поймите...

Онъ сталъ называть церкви, развалины, дворцы, пригорки— начиная съ Monte-Mario, вѣнчаннаго кипарисами и соснами и

кончая громаднымъ лѣсомъ Montecavo, но онъ путался въ названіяхъ, принималъ одно за другое, и, замѣтивъ это, извинился.

— Вы понимаете, эччеленца, я не знаю... Я—бѣдный невѣжда, я ничего не знаю... Вы все здѣсь видите, эччеленца, все!.. Всю міровую исторію, языческіе храмы и дворцы, палаты цезарей, базилику Константина, Пантеонъ и Капитолій, термы и акведуки, — всѣ лучшія созданія рукъ человѣческихъ... Вы стоите, какъ Христосъ на горѣ, когда діаволъ хотѣлъ искусить его. Всѣ царства міра—тамъ!

Онъ указалъ на куполъ святого Петра, который какъ будто рѣялъ надъ кровлями и стѣнами домовъ; онъ казался выше отдаленныхъ вершинъ Соранты и Раццано; онъ царилъ надъ всею окрестностью, тянувшеюся къ морю или уходившею въ безконечность.

— Вы видите, онъ высится надо всѣмъ, онъ уходитъ въ небо, эччеленца... Синьоръ Луртье можетъ говорить и то, и се, ученые могутъ писать книги, министры и короли властны издавать законы, но я говорю: это сильнѣе всего! А вы знаете, почему, эччеленца?

Изумленный этимъ вопросомъ, Дезире обернулся къ попику, который ударилъ себя въ грудь.

— Потому что онъ вмѣщаетъ въ себѣ все остальное. Онъ больше государствъ, престоловъ, цѣлаго міра,—онъ...

Донъ-Аббондіо остановился, пріискивая слово, образъ, которые могли бы выразить его мысль. Не найдя для нея выраженія, онъ покачалъ головою въ сознаніи своей безпомощности, и проговорилъ съ серьезностью, почти торжественной, между тѣмъ какъ его фигурка словно выростала среди сгущавшихся сумерекъ.

— Въ немъ—путь, истина, жизнь...

И осѣнивъ себя крестомъ, онъ замолкъ.

Небо начинало блѣднѣть. Вечернія тѣни окутывали городъ, горы таяли, исчезали на горизонтѣ. Пора было уходить. Донъ-Аббондіо, словно истощивъ весь свой запасъ вдумчивости, снова дѣлался смиреннымъ и жалкимъ по мѣрѣ того, какъ они спускались въ долину. Въ тратторіи улицы della Longara, онъ даже спросилъ стаканъ бѣлаго вина и пилъ его съ ужимками монаха изъ новеллъ Боккачіо, причемъ сидѣвшіе подъ навѣсомъ рабочіе подсмѣивались надъ нимъ.

III.

Въ слѣдующее воскресенье было рѣшено отправиться пикникомъ на Montecavo. Пригласили и донъ-Аббондіо, радовавшагося возможности отдохнуть на одинъ день отъ папскихъ архивовъ. Насмѣшки Урбэна не могли помѣшать его наслажденію природой.

Они отправились въ коляскѣ впятеромъ до Rocca di Papa, оттуда поднялись пѣшкомъ въ гору и сѣли завтракать въ деревенской тратторіи. Нѣсколько крестьянъ въ пестрыхъ лохмотьяхъ придавали мѣстности живописный колоритъ. За завтракомъ подали душистое мѣстное вино, особенную честь которому оказалъ опять-таки донъ-Аббондіо, причемъ Луртье, наполняя его стаканъ, грубовато пошутилъ на тему о томъ, какимъ бы онъ былъ желаннымъ гостемъ въ Канѣ Галилейской, а попикъ, снисходительно улыбаясь своей собственной слабости, виновато поглядывалъ на другихъ, словно умоляя ихъ о поддержкѣ.

Послѣ закуски они поднялись, хотя уже не столь бодрымъ шагомъ, до старинной Тріумфальной арки, и долго любовались дивными видами на далекую цѣпь Апеннинскихъ горъ, албанскія озёра, усѣянную развалинами лѣсистую долину, на Римъ, еле видимый, но все же золотистый, окутанный легкимъ туманомъ, какъ покрываломъ.

— Нельзя разглядѣть ни Палатина, ни Квиринала,—сказалъ Клодъ, напрягая зрѣніе.

— Но хорошо виденъ куполъ св. Петра? — воскликнулъ Дезире, посмотрѣвъ на донъ-Аббондіо.

— Его отовсюду видно,—сказалъ Клодъ.

— Ты станешь утверждать, что это чудо?—сказалъ Урбэнъ.

— Не чудо, но быть можетъ—символъ.

— Еще бредни! Символъ чего? Быть можетъ, сутана донъ-Аббондіо—тоже символъ? Она свидѣтельствуетъ, что церковь нуждается въ реставраціи...

Попикъ благосклонно улыбнулся, чтобы показать, что онъ не обиженъ, и отвѣчалъ:

— Э, синьоръ Луртье, ряса у меня дырявая, и самъ я—жалкій грѣшникъ, но на всякихъ поляхъ попадаются сорныя травы, а пятна имѣются и на солнцѣ.

Дезире съ Клодомъ пошли впередъ; къ нимъ присоединился и донъ-Аббондіо, который сначала, въ качествѣ доброй собаки, не зналъ, къ кому пристать.

— Не слѣдовало бы оставлять Дезире съ Клодомъ,—сказалъ Валентинъ: — онъ имѣетъ на него большое вліяніе, а мы пріѣхали сюда не для того, чтобы сдѣлать изъ него ревностнаго католика.

— Будь спокоенъ, — возразилъ Урбэнъ: — у него имѣется противовѣсъ въ лицѣ донъ-Аббондіо. Это—живой аргументъ противъ католицизма. Очень забавенъ, впрочемъ, если его подпоить...

Урбэнъ радовался возможности остаться наединѣ съ Валентиномъ; онъ чувствовалъ, что тотъ втайнѣ больше любилъ Клода, и это его огорчало; онъ радовался ихъ прогулкѣ еще изъ эгоизма, такъ какъ желалъ подробно поговорить съ нимъ о своихъ планахъ, работахъ, идеяхъ. Его знаменитая монографія была окончена, и онъ переписывалъ ее для отправки въ Институтъ. Урбэнъ принялся расхваливать ее, цитируя труды Сегмюллера, Гёллера, Виллани, Альвареца Пелайо, изслѣдованія которыхъ о неправедно-нажитыхъ богатствахъ папы Іоанна XXII онъ дополнилъ и развилъ. Нельзя нагляднѣе изобразить нищету народа, котораго съ одной стороны обдираетъ папа, а съ другой —стрижетъ король.

Валентинъ слушалъ его не безъ разсѣянности. Онъ предпочелъ бы отдаться очарованію этой прогулки по лѣснымъ тропинкамъ, съ которыхъ по временамъ открывался среди зелени чудный видъ на равнину или на море. Ему желательнѣе было бы слышать изліянія другого рода, которыя опровергли бы или подтвердили его подозрѣнія, но Урбэнъ продолжалъ распространяться о своихъ работахъ, одну изъ которыхъ онъ надѣялся пристроить въ „Соціалистическое Обозрѣніе“.

Когда они сворачивали съ тропинки на большую дорогу, имъ встрѣтилась коляска парою. Они посторонились, чтобы пропустить экипажъ, въ которомъ сидѣла утопавшая въ воздушныхъ тканяхъ баронесса фонъ-Кальвицъ, рядомъ съ красивымъ офицеромъ-брюнетомъ, крутившимъ свои усы съ видомъ побѣдителя.

— Однако она не стѣсняется, твоя дама-археологъ!—смѣясь, воскликнулъ Валентинъ, но, обернувшись къ другу, увидѣлъ, что тотъ стоитъ весь блѣдный, съ искаженнымъ лицомъ, среди поднятаго экипажемъ облака пыли.

— Что съ тобою?

Урбэнъ погрозилъ кулакомъ коляскѣ, уже скрывшейся изъ виду.

— Чортъ! Развѣ ты не замѣтилъ, что между нами что-то есть?..

Эти слова были для Валентина лучомъ свѣта. Къ его изу-

мленію примѣшалось чувство облегченія и внезапный приливъ дружбы къ Урбэну.

— Ты ничего мнѣ не сказалъ!

— Да развѣ о такихъ вещахъ говорятъ? Но ударъ слишкомъ неожиданъ, слишкомъ жестокъ... Тѣмъ хуже...

И онъ все разсказалъ: ихъ первую встрѣчу въ салонѣ, на раскопкахъ въ форумѣ, въ катакомбахъ. Сначала онъ былъ равнодушенъ, но она сумѣла завлечь его. Романъ длился шесть мѣсяцевъ.

Валентинъ, болѣе взволнованный этимъ разсказомъ, чѣмъ папскими хищеніями, прерывалъ его вопросами, цѣль которыхъ Луртье не понималъ:

— Такъ ты ее не любилъ?

— Ничуть... Я даже находилъ ее педанткою. Но что подѣлаешь? Такая шикарная женщина... Большое состояніе и до чего элегантна!..

— Итакъ, ты въ концѣ концовъ къ ней привязался?

— До нѣкоторой степени—да... Она говоритъ, что ей тридцать-пять... Вотъ нахальство! Ей всѣ — сорокъ-пять, если не пятьдесятъ.

— Но все же она тебѣ нравилась?

— Потому что я — дуракъ.

— Такъ почему же ты ревнуешь?

— Любишь или нѣтъ, но быть обманутымъ не желаешь. Я считалъ ее своею, своею собственностью...

Они шли въ гору, и у Луртье вырывались отрывочныя признанія, истинный смыслъ которыхъ оставался непонятенъ Валентину.

— Да, я страдаю,—всегда страдаешь изъ-за этого... Но ты еще не понимаешь, ты холоденъ, какъ ледъ. Для этого нужно пожить, испытать на себѣ власть инстинктовъ... Когда я увидѣлъ этого молодца рядомъ съ нею, я ощутилъ чисто физическое страданіе: точно чья-то рука сжала мнѣ горло, а передъ глазами у меня былъ кровавый туманъ.. Я понимаю, что въ такія минуты люди хватаются за ножъ.

— Надѣюсь, что ты не вздумаешь?..

Урбэнъ захохоталъ.

— Убить его? О, нѣтъ! Убиваютъ только въ первую минуту. Притомъ я—человѣкъ многосторонній. У меня есть разумъ, сила воли, я владѣю собою. Но урокъ хорошъ: пора покончить съ этими глупыми похожденіями. Достаточно ихъ было на моемъ вѣку. Всякому овощу—свое время. Я бросаю якорь и вхожу въ

тихую пристань. Мнѣ нуженъ семейный очагъ, добрая жена, изъ нашего круга, не очень кокетливая, но которая принадлежала бы мнѣ одному — безъ раздѣла.

Прежнія опасенія овладѣли Валентиномъ. Неужели—Паула-Андреа?

— Я считалъ тебя сторонникомъ свободныхъ союзовъ?

— Да, въ будущемъ, конечно, когда общество созрѣетъ для этого. Но теперь, когда буржуазные предразсудки такъ сильны, приходится идти на компромиссъ въ видѣ законнаго брака, если желаешь взять за себя честную дѣвушку. Гражданскій бракъ—конечно.

— Но ты выберешь женщину съ независимымъ образомъ мыслей? Вѣдь дѣвушка изъ буржуазной среды, а тѣмъ болѣе— ея семья, никогда не откажутся отъ церковнаго брака.

— Кто тебѣ сказалъ, что я женюсь на дѣвушкѣ изъ буржуазной среды? Притомъ — всегда можно настоять на своемъ.

— Скоро же ты, однако, утѣшаешься!—замѣтилъ Валентинъ послѣ краткаго молчанія.— Можно подумать, что у тебя уже имѣется въ виду замѣстительница?

— Быть можетъ.

Друзья ожидали ихъ у стариннаго водоема. Донъ-Аббондіо, сильно раскраснѣвшійся, храпѣлъ въ тѣни.

— Вы повздорили?—воскликнулъ Клодъ, замѣтивъ ихъ нервность.

— Нисколько; ты знаешь, что мы съ Валентиномъ думаемъ одинаково,— отвѣтилъ Урбэнъ съ ничѣмъ не вызванною рѣзкостью.

Пчелы кружились надъ цвѣтами, въ лѣсу щебетали птицы, обвалившіяся стѣны водоема пробуждали буколическія воспоминанія, и появленіе козлоногаго фавна, скрывавшагося въ глубинѣ чащи, показалось бы естественнымъ. Все манило къ отдыху, но Урбэнъ настоялъ на томъ, чтобы идти въ обратный путь, и разбудилъ донъ-Аббондіо.

— Будетъ вамъ потягиваться, донъ-Курато! Идемъ.

Онъ пошелъ впередъ, размахивая тросточкой. Клодъ велъ донъ-Аббондіо, дремавшаго на ходу; Валентинъ цитировалъ стихи Виргилія. При выходѣ изъ лѣса имъ открылось озеро, напоминавшее пурпуровую влагу въ изумрудной чашѣ. Заходящее солнце бросало широкую золотую полосу на лазурь моря; въ его лучахъ рдѣли окна и кровли домовъ Нэми и Дженцано. Валентинъ, догнавшій Урбэна, остановился съ нимъ, чтобы подождать остальныхъ, и услышалъ отрывокъ фразы Клода, говорившаго о нарождающемся новомъ деспотизмѣ.

— Онъ и здѣсь занимается пропагандой,—сказалъ, пожавъ

плечами, Урбэнъ, а Валентинъ обернулся къ Клоду, прося его не говорить съ Дезире о политикѣ и религіи.

— Какъ ты боишься моихъ доводовъ!—весело сказалъ Клодъ: —а вотъ я ничьихъ не опасаюсь.

По счастію, они уже входили въ городъ,—всѣмъ хотѣлось пить; они зашли въ низенькую залу-тратторію, выходившую окнами на озеро и заказали чай, въ ожиданіи котораго Урбэнъ выбралъ carte postale и, надписавъ адресъ, предложилъ Валентину также подписаться на ней. Письмо предназначается „кузиночкѣ". Смущенный Валентинъ поставилъ свое имя рядомъ съ именемъ Урбэна на карточкѣ, изображавшей тотъ самый видъ, который разстилался передъ ними.

— Прекрасное изобрѣтеніе, — сказалъ Луртье, наклеивая марку: — избавляетъ тебя отъ лишней переписки.

Когда подали чай, лицо донъ-Аббондіо вытянулось.

— Декоктъ?.. Декоктъ изъ сухихъ листьевъ?.. Что же это, синьоръ?

Урбэнъ расхохотался и велѣлъ принести бѣлаго вина. Попикъ плохо выспался послѣ возліянія за завтракомъ; ему было жарко, и онъ однимъ духомъ осушилъ стаканъ. Урбэнъ налилъ ему второй, поощрительно замѣтивъ, что только духовныя лица и умѣютъ пить. Глаза донъ-Аббондіо загорѣлись; онъ покачивалъ головою и рѣчь его становилась все непонятнѣе. Да, вино Дженцано—лучшее изъ винъ Шато, а Шато—лучшее вино въ мірѣ... Его пили великіе римляне: Сципіонъ, Цезарь, Марій и Гракхъ, и tutti quanti...

Онъ ударилъ кулакомъ по столу, заключивъ:

— Sissignori!..

— Вы правы, донъ Аббондіо,—злорадствовалъ Урбэнъ, наливая ему третій стаканъ:—тѣ, что пьютъ — становятся владыками міра. Выпейте еще, и вы станете Константиномъ или... Юліаномъ Отступникомъ!

Онъ шепнулъ Валентину:

— Вотъ наглядный урокъ для твоего питомца.

Онъ сдѣлалъ знакъ слугѣ принести другой полъ-литра, но Клодъ воспротивился.

— Не надо: г. аббатъ не желаетъ больше пить.

— Не желаетъ? Что ты говоришь? Нельзя останавливаться на полъ-пути,—не правда ли, донъ-Курато?

Клодъ обратился къ донъ-Аббондіо.

— Г-нъ аббатъ, скажите, пожалуйста, этимъ господамъ, что вы не станете больше пить. Вы и такъ достаточно выпили.

Донъ-Аббондіо, раскраснѣвшійся, съ мутными глазами, пробормоталъ что-то о ходьбѣ, большой усталости, отъ которой у него „все внутри пересохло“,— и онъ погладилъ себя по желудку, что вызвало смѣхъ у Луртье.

— Г-нъ аббатъ, подумайте о вашей рясѣ.

— Объ ея остаткахъ,— ввернулъ Урбэнъ.

Попикъ, съ тѣмъ же видомъ покорности и добродушія, продѣлъ палецъ въ дырку на рукавѣ и не отвѣчалъ. Подали вино, и Клодъ, не выдержавъ, поднялся съ мѣста.

— Урбэнъ, обращаюсь къ тебѣ, такъ какъ ты здѣсь распоряжаешься, а этотъ несчастный — не въ своемъ умѣ. Неужели ты не понимаешь, что происходящее здѣсь — гнусно?

Дезире, очень взволнованный, также всталъ, словно желая поддержать Клода.

— Почему же не посмѣяться, если представляется случай? Это такъ рѣдко случается.

— Вы слышите, г-нъ аббатъ,— обернулся Клодъ къ донъ-Аббондіо:—развѣ вы не понимаете, что надъ вами потѣшаются?

Попикъ похлопалъ глазами, прижалъ лѣвую руку къ сердцу и протянулъ стаканъ. Клодъ проговорилъ шопотомъ:

— Если ты, Урбэнъ, не положишь конецъ этой буржуазной сценѣ, я сейчасъ же ухожу, и мы никогда больше не увидимся.

Въ другой разъ Луртье, безъ сомнѣнія, понялъ бы чувство своего друга и сдался бы. Но сегодня онъ былъ разстроенъ, и его злоба искала выхода. Онъ разсердился.

— Ого! Это—ультиматумъ? Ты не стѣсняешься... Ну, донъ-Курато, покажемъ имъ, что мы — люди свободные.

Онъ наполнилъ стаканъ донъ-Аббондіо, который жадно осушилъ его, бормоча:

— Ахъ, ужъ это винцо... винцо изъ Дженцано...

— Кто остается свидѣтелемъ подобнаго скандала, тотъ дѣлается его сообщникомъ,—сказалъ Клодъ;—надѣюсь, что вы послѣдуете за мною?

Валентинъ остановилъ своего питомца.

— Нѣтъ, Дезире, такъ нельзя. Клодъ преувеличиваетъ. Если это — демонстрація, мы не должны къ ней присоединяться.

— Я думаю такъ же, какъ г. Бреванъ,—сказалъ Дезире,— я хотѣлъ бы слѣдовать за нимъ.

— Мы останемся,— заявилъ Валентинъ.

Дезире съ минуту колебался, взвѣшивая свое желаніе и лежавшія на немъ обязательства.

— Отецъ мой приказалъ мнѣ вамъ повиноваться. Если вы этого требуете, я останусь.

Валентинъ смутился; онъ видѣлъ, что теряетъ сразу довѣріе Дезире и дружбу Клода, но, тѣмъ не менѣе, онъ сказалъ:

— Да, я этого требую.

Дезире медленно сѣлъ на свое мѣсто. Клодъ, не говоря ни слова, вышелъ. Урбэнъ подошелъ къ окну и, увидѣвъ, что онъ удаляется быстрыми шагами, проговорилъ:

— Клодъ никогда не понималъ шутки. Это фанатикъ. Тѣмъ хуже для него.

Они послали за экипажемъ. По дорогѣ они нагнали Клода и окликнули его. Онъ даже не взглянулъ въ ихъ сторону.

На слѣдующій день донъ-Аббондіо убивался, клялся не брать вина въ ротъ и все порывался бѣжать къ Клоду, но Урбэнъ, сожалѣвшій о вчерашней сценѣ, тѣмъ не менѣе чувствовалъ, что она съиздавна подготовлялась, и что рано или поздно этимъ должно было кончиться. Валентинъ также былъ печально настроенъ и подводилъ итоги вчерашнему дню: онъ потерялъ друга —единственнаго, искренно любимаго имъ—и сохранилъ другого, которому суждено стать его соперникомъ или врагомъ; самая дорогая надежда его — поколеблена, и довѣріе Дезире — вновь утрачено. Но хуже всего было то, что онъ оказывался во власти противорѣчій: онъ осуждалъ грубыя шутки Урбэна, котораго поддерживалъ, и восхищался твердостью Клода, котораго оттолкнулъ. Въ теченіе дня они встрѣтились на улицѣ; судя по открытому взгляду Клода, видно было, что онъ ожидалъ со стороны Валентина попытки къ примиренію, но тотъ, изъ ложнаго стыда, прошелъ мимо, а когда рѣшился обернуться,—Клода уже не было. Нѣсколько дней спустя, Валентинъ, поборовъ свое самолюбіе, пошелъ къ нему въ отель, но Клодъ уже покинулъ Римъ.

Дезире, попрежнему послушный и безукоризненный, замкнулся въ себѣ; онъ не спорилъ и выслушивалъ Урбэна, слегка хмуря брови, но его молчаніе было краснорѣчиво. Однажды, когда Валентинъ, раздраженный какою-то выходкой Луртье, довольно рѣзко отвѣтилъ ему, и тотъ ушелъ, Дезире, проводивъ его глазами, сказалъ въ порывѣ откровенности:

— Если бы вы знали, до какой степени онъ укрѣпляетъ меня въ моихъ вѣрованіяхъ!

Валентинъ согласился съ тѣмъ, что иногда фанатики достигаютъ подобныхъ результатовъ. Онъ уже не ожидалъ благотворныхъ послѣдствій отъ поѣздки въ Римъ, и мысль о неудоволь-

ствіи Фрюмзеля все чаще начинала его преслѣдовать, хотя онъ и пытался всѣми силами отгонять ее.

Дни проходили, ихъ пребываніе въ вѣчномъ городѣ подходило къ концу, и оба они чувствовали, что покинутъ эту колыбель латинской расы уже другими людьми.

Наканунѣ отъѣзда они совершили вдвоемъ послѣднюю прогулку въ священную дубовую рощу — одно изъ ихъ любимыхъ мѣстъ, неподалеку отъ грота Эгеріи. Отсюда широко развертывается глава прошедшаго. Съ востока поднимается снѣжная линія Апеннинъ, съ юга — дивные изгибы албанскихъ горъ, потонувшее въ зелени Фраскати, Rocca di Papa — на своей скалѣ. Въ рамкѣ горъ вырисовывается волнообразная долина, усѣянная развалинами акведуковъ, храмовъ, колоннъ, осѣненныхъ величественными соснами, свидѣтелями хода исторіи и ея катастрофъ. Солнце закатывалось, и въ золотистомъ туманѣ царилъ, какъ всегда, надъ городомъ и окрестною страною, куполъ св. Петра.

— Увидимъ ли мы все это когда-нибудь?—прошепталъ Валентинъ.

Чѣмъ, кромѣ этой обычной фразы, могъ онъ выразить свое безумное желаніе — увѣковѣчить убѣгающій мигъ, запечатлѣть образы, которые скоро смѣнятся другими?

— Кто знаетъ! — повторилъ Дезире.

Вѣтеръ унесъ ихъ слова. Вечерѣло. Мимо прошелъ пастухъ, и по равнинѣ, населенной великими призраками прошлаго, медленно двигалось стадо, поднимая облако бѣлой пыли.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Валентинъ остановился на нѣсколько часовъ въ Парижѣ, чтобы передать Паулѣ-Андреа свои путевыя впечатлѣнія, а также — шолковый шарфъ, подарокъ Урбэна, и бюваръ изъ гофрированнаго сафьяна, выбранный имъ самимъ для нея. Передъ отъѣздомъ онъ получилъ отъ Фрюмзеля письмо, въ которомъ тотъ поручалъ ему повидаться съ Романешемъ и пригласить его прочесть рефератъ на празднествѣ союза реймскихъ свободомыслящихъ, ежегодно справлявшемся въ началѣ іюля. Фрюмзель желалъ, чтобы Дезире сопровождалъ Валентина и также передалъ его просьбу „великому оратору“, но юноша, подъ предлогомъ усталости съ дороги, остался въ отелѣ.

Послѣ часового ожиданія въ редакціи „Равенства", Валентинъ сподобился трехъ-минутной аудіенціи. Депутатъ выслушалъ его, опустилъ вѣки, подумалъ секунды четыре и сказалъ:

— Дѣло полезное и хорошо идетъ. Скажи Фрюмзелю, что я съ удовольствіемъ приму въ немъ участіе.—Больше тебѣ ничего отъ меня не надо?

Валентинъ, сильно волнуясь, отправился къ Луртье, но тамъ его приняли такъ, какъ будто онъ никуда не уѣзжалъ; хозяинъ дома зѣвалъ въ ожиданіи покупателей; хорошенькіе глазки дочери заискрились отъ удовольствія. Валентинъ передалъ подарки; родители обратили вниманіе на шарфъ — немного яркій, на его добротность: жаль, что дѣвушки не носятъ подобныхъ вещей... Паула-Андреа разсматривала бюваръ съ видами Рима, и у нея вырвалось восклицаніе:

— Какое счастье путешествовать!

На это Луртье замѣтилъ, что и они съ женою поѣдутъ заграницу,—послѣ того, какъ ликвидируютъ дѣла, конечно. Дочь къ тому времени будетъ уже замужемъ, и ее повезетъ мужъ; только на это нужны средства: всѣ эти отели, билеты, экипажи, дороговько обходятся. Вотъ monsieur Валентинъ подтвердитъ. Онъ, навѣрное, не работалъ въ Италіи?

Валентинъ сознался. Дѣйствительно, хотя онъ и взялъ съ собою книги, но почти не занимался; его утомляли длинныя прогулки, видъ лазурнаго неба навѣвалъ лѣнь, хотѣлось все видѣть, всѣмъ насладиться. Но теперь онъ съ жаромъ примется за работу.

— По диссертаціи?—спросила Паула-Андреа, и въ тонѣ ея ему почудился упрекъ.

Луртье освѣдомился объ Урбэнѣ, и вытаращилъ глаза, узнавъ, что тотъ представляетъ свою работу въ Институтъ и готовитъ статьи для журналовъ. Да, онъ—малый благоразумный, *онъ* непропадетъ. Валентинъ вспомнилъ о баронессѣ фонъ-Кальвицъ исдержалъ улыбку. Съ Паулою ему не удалось перемолвиться ни словечкомъ, но она улыбнулась ему на прощанье, и этого былосъ него достаточно.

Валентинъ надѣялся, что согласіе Романеша быть на праздникѣ отчасти вознаградитъ Фрюмзеля за неудачу ихъ путешествія. Дѣйствительно, Фрюмзель принялъ извѣстіе съ большимъ удовольствіемъ; онъ радовался пріѣзду такого „первокласнаго борца, одного изъ рѣдкихъ политическихъ дѣятелей, которыхъ не смѣетъ коснуться клевета".

Онъ омрачился, узнавъ объ отказѣ Дезире поѣхать къ Романешу и о его непоколебимости въ убѣжденіяхъ. Однако, будучи оптимистомъ, онъ спросилъ:

— Но все же мы добились хотя маленькаго успѣха, я полагаю?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Валентинъ со своею обычною прямотою:—я скорѣе опасаюсь, что Римъ произвелъ на него впечатлѣніе, обратное тому, на которое мы разсчитывали.

— Да что вы!

— Одинъ изъ моихъ друзей увѣряетъ, что каждое наше впечатлѣніе, книга, разговоръ — лишь укрѣпляютъ въ насъ тѣ взгляды, которые свойственны нашей истинной природѣ.

Онъ говорилъ свободно, въ качествѣ юнаго теоретика, отвлеченно обсуждающаго жизненныя явленія.

— Что вы разсказываете? Поповскія идеи свойственны истинной природѣ Дезире — моего сына? Онѣ привиты ему,—я уже объяснялъ вамъ, какимъ образомъ; ихъ слѣдуетъ исторгнуть, и мы исторгнемъ ихъ съ корнемъ.—Валентинъ вспомнилъ ихъ послѣднюю прогулку съ Дезире и подумалъ, что эти корни съ длинными развѣтвленіями уходятъ далеко въ глубь прошедшаго, питающаго своими соками юные побѣги.

— Это пожалуй окажется труднѣе, чѣмъ мы думаемъ. Его идеи коренятся очень глубоко.

Фрюмзель былъ человѣкъ неглупый; онъ доказывалъ это цѣлую четверть вѣка смѣлостью своихъ предпріятій, своимъ процвѣтаніемъ, умѣньемъ добиться прочнаго успѣха, и даже своими воззрѣніями, очень твердыми и послѣдовательными. Но его исключительно практическій умъ былъ воспріимчивъ лишь къ осязательнымъ результатамъ, и отказывался принимать на вѣру тѣ причины нравственнаго свойства, которыя вліяютъ на образованіе характера. Кромѣ того, привыкнувъ распоряжаться покорными его приказаніямъ людьми, которыхъ онъ могъ, по усмотрѣнію, лишить куска хлѣба, Фрюмзель, въ качествѣ хозяина и главы, не признавалъ препятствія, могущаго остановить его энергію.

— Увидимъ!—воскликнулъ онъ.

Его лицо утратило обычное, смягчавшее суровость чертъ, добродушное выраженіе; онъ сдвинулъ брови и, словно сдѣлавъ въ умѣ разсчетъ, проговорилъ:

— Если путешествіе не помогло, попробуемъ другое средство: рѣшительное. Вы не понимаете? Я говорю о рѣшительныхъ средствахъ; назовите это силою, если хотите.

При словѣ „сила“—въ Валентинѣ закипѣла кровь, словно онъ былъ свидѣтелемъ грубаго насилія. Этотъ человѣкъ, котораго онъ считалъ до сихъ поръ симпатичнымъ, теперь по-

казался ему грубѣйшимъ деспотомъ, способнымъ на всякое проявленіе жестокости. Неужели онъ будетъ сообщникомъ тирана? И въ то же время онъ ощущалъ безконечную симпатію къ Дезире, словно этотъ сынъ богача былъ послѣднимъ изъ гонимыхъ.

— Поведеніе Дезире безукоризненно, — произнесъ онъ, выпрямляясь и уже готовясь его защищать.

— Дѣло не въ поведеніи, милѣйшій Делемонъ. Если бы онъ выкинулъ какую-нибудь штуку — я былъ бы въ восторгѣ. Рѣчь идетъ о его идеяхъ.

— Онъ ихъ не высказываетъ.

— Но онъ не отказывается отъ нихъ.

— Онъ даже подчиняется многимъ непріятнымъ для него обязанностямъ.

— Однако, вы сказали, что онъ не поѣхалъ съ вами къ вашему дядѣ?

— Онъ былъ утомленъ съ дороги.

— Утомленъ? Пустяки! Это—упрямство, возмущеніе.

— То, что̀ онъ чувствуетъ—касается его одного.

— Полагаю, что оно касается и меня: вѣдь я его отецъ.

— Да, но какъ хотите вы силою подчинить мысль?

Фрюмзель нетерпѣливо отмахнулся.

— Мой сынъ вступилъ на ложный путь: онъ идетъ противъ всего, что̀ я считаю истиннымъ и справедливымъ. Когда меня не станетъ, онъ разрушитъ дѣло моей жизни, какъ карточный домъ. Богатство, которое я оставлю ему, послужитъ оружіемъ въ рукахъ тѣхъ, кого я считаю нашими злѣйшими врагами. А вы хотите, чтобы я смотрѣлъ на это спокойно? Видать, что вы—не отецъ. Мы попробовали дѣйствовать на него убѣжденіемъ, и потерпѣли неудачу. Къ счастью, послѣднее слово еще за нами. До сихъ поръ никто не рѣшался противиться мнѣ. Не думаете ли вы, что я это позволю моему собственному сыну?..

„Кто знаетъ?“—подумалъ Валентинъ.

II.

На конвертѣ съ парижскою маркою Валентинъ узналъ почеркъ Урбэна Луртье. Онъ удивился, такъ какъ не ждалъ своего друга такъ скоро, и невольно вздрогнулъ, предчувствуя что-то недоброе.

„Мой милый мальчикъ.

„Я покончилъ съ вѣчнымъ городомъ, съ палаццо Фарнезе,

съ архивами Ватикана, съ аббатами, съ интернаціональными баронессами. Положительно, Римъ не въ моемъ вкусѣ, я смелъ бы съ лица земли всю эту рухлядь. Долой древніе и средніе вѣка! Да здравствуетъ будущее! Вмѣсто церквей—фабрики. Торжество демократіи, царство труда, справедливости...

„Итакъ, я очень счастливъ, что вернулся въ Парижъ, гдѣ меня коробитъ лишь видъ Notre-Dame. И какъ я уже предсказывалъ тебѣ во время нашей прогулки въ Нэми—я женюсь. Ты не угадываешь, кто невѣста? Ну, конечно—моя маленькая кузина“...

Валентинъ весь затрепеталъ,—ему показалось, что земля остановилась, солнце потухло. Лишь черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ въ состояніи продолжать чтеніе.

„Давно уже я подумывалъ объ этомъ, но только никому не говорилъ; даже ты, дружище, ничего не подозрѣвалъ. Но еще въ то время, какъ она ходила въ короткихъ платьяхъ, я говорилъ себѣ: она будетъ моею женою. Ты знаешь мои принципы: заложить солидный фундаментъ, а затѣмъ уже не трудно будетъ подняться вверхъ. Теперь я имѣю: во-первыхъ,—университетскій дипломъ; во-вторыхъ,—результаты нѣсколькихъ работъ и путешествій; въ-третьихъ,—достаточный запасъ житейскаго опыта для того, чтобы предохранить меня отъ глупостей въ будущемъ; въ-четвертыхъ,—миленькую жену, простую, вѣрную, неглупую, достаточно хорошенькую для того, чтобы долго нравиться. Она очень похорошѣла съ прошлаго года, и потомъ—она меня обожаетъ. Оказывается, что она думала обо мнѣ: мнѣ сказала это ея мать. Свадьба—въ сентябрѣ; мы вѣнчаемся гражданскимъ бракомъ, конечно. Будущая теща всплакнула: ей хотѣлось церковнаго. Ты долженъ быть на свадьбѣ, и вообще—своимъ человѣкомъ въ домѣ.

„Теперь, милый мой, остается пунктъ № 5-й: мнѣ надо составить себѣ положеніе. Ты слышалъ о крахѣ „Равенства“? Банкиръ Годебергъ, главный пайщикъ газеты, прекратилъ платежи, и она едва не пошла съ молотка. Подумай только: „Равенство“—въ рукахъ реакціонеровъ! Къ счастью, твой дядя успѣлъ создать акціонерную компанію; я пріобрѣлъ нѣкоторое количество акцій, такъ какъ безгранично ему вѣрю, притомъ это—ради „дѣла“. Покуда я буду помѣщать въ газетѣ отчеты о засѣданіяхъ палатъ. Съ другой стороны, мой рефератъ о Марсиліи Падуанскомъ надѣлалъ больше шума, чѣмъ вообще производятъ подобныя работы. Итакъ, я, какъ видишь, иду бодрымъ шагомъ впередъ. Скоро, если понадобится, я буду въ

состоянiи подсобить тебѣ подъ условiемъ, что ты измѣнишь кое въ чемъ твои воззрѣнiя: ты знаешь, „дѣло“ — прежде всего. Намъ не нужно анархистовъ.

„Кузиночка шлетъ тебѣ привѣтъ; она очень любитъ тебя и говоритъ, что ты — добрый товарищъ. Крѣпко жму руку. Твой старый другъ — У. Луртье“.

Все было ясно и опредѣленно. Урбэнъ женится на Паулѣ, это — бракъ по любви, она любила его съ дѣтства. Что же означала эта постыдная комедiя?

Убiйственное письмо еще дрожало въ рукѣ Валентина, когда позвонили къ завтраку. Онъ сошелъ внизъ, стараясь придать лицу спокойное выраженiе, но былъ такъ блѣденъ, что m-me Оберглаттъ спросила: не боленъ ли онъ? — а Луиза прибавила взволнованно, съ дрожью въ голосѣ:

— Какъ вы блѣдны!

Выраженiе глазъ обѣихъ женщинъ говорило о ихъ сочувствiи. Валентинъ ощутилъ двойное искушенiе, открывавшее два исхода его отчаянiю: онъ могъ выбирать между прiятной легкой связью, которая, при его молодости, скоро излечила бы его отъ перваго разочарованiя любви, и неожиданнымъ богатствомъ, сорваннымъ на ходу, какъ въ сказкахъ срываютъ волшебный цвѣтокъ, дающiй кладъ. Онъ сдѣлалъ этотъ двойной разсчетъ въ одну секунду, но онъ былъ ему ни по душѣ, ни по годамъ. Гордость его проснулась, и онъ сухо отвѣтилъ Луизѣ:

— Нѣтъ, mademoiselle, я совсѣмъ не блѣденъ.

И обращаясь къ m-me Оберглаттъ, проговорилъ тѣмъ же тономъ:

— Благодарю васъ, я здоровъ.

Обѣ женщины, словно повинуясь внутреннему внушенiю, переглянулись и опустили глаза.

Вошелъ Фрюмзель. Онъ ни о чемъ не говорилъ теперь, кромѣ празднества „свободной мысли“, и осыпалъ градомъ насмѣшекъ все, что было дорого Дезире; конечно, никто ему не возражалъ, но въ домѣ чувствовалось приближенiе бури. Сегодня онъ сразу заговорилъ о Романешѣ, объ ожидающемъ его восторженномъ прiемѣ со стороны лучшей части общества. Прочелъ ли Валентинъ его чудную рѣчь о клерикалахъ? Вотъ страница изъ евангелiя будущаго.

Валентинъ сумрачно отвѣтилъ, что онъ не всегда читаетъ газеты.

— Напрасно. Прочтите сегодняшнiй № „Равенства“. Оно

выпустило свою новую програму. Теперь дѣло пойдетъ на чистоту,—деньги чистыя! Не придется болѣе поддерживать, денегъ ради, сомнительныхъ спекулянтовъ вродѣ Годеберга! Я уже писалъ вашему дядѣ относительно акцій.

— *Ихъ* программы всегда великолѣпны, — съ горечью сказалъ Валентинъ, — но когда *они* займутъ мѣсто буржуазныхъ классовъ, *они* повторятъ тѣ же ошибки, тѣ же несправедливости, такъ какъ у *нихъ*—тѣ же самые инстинкты. Получится новый видъ притѣснителей—вотъ и все.

Еще впервые онъ шелъ такъ явно въ разрѣзъ съ реформаторскимъ оптимизмомъ Фрюмзеля.

— Послушайте, но вѣдь это—пессимизмъ, мертворожденная доктрина. Если мы перестанемъ вѣрить въ прогрессъ, мы придемъ къ анархіи...

— Ну, такъ что же? Мы начали съ анархіи,—ею мы и кончимъ. Каждый былъ себѣ господиномъ и судьей. Возвращеніе къ праву сильнаго... Но, въ сущности, оно царило всегда, прикрываясь разными переодѣваніями, подъ тѣмъ или инымъ видомъ. Оно все даетъ имущимъ и все отнимаетъ у неимущаго. Будемъ же исповѣдывать его открыто.

— Это—парадоксы,—строго прервалъ Фрюмзель,—займемся покуда необходимымъ, не углубляясь въ дебри философіи. Пора покончить разъ навсегда съ клерикальнымъ фанатизмомъ.

Дезире не принималъ участія въ спорѣ, но въ умѣ у него зрѣло рѣшеніе. До сихъ поръ, изъ чувства сыновняго послушанія, а также изъ-за недостатка мужества, онъ присутствовалъ ежегодно на празднествѣ свободомыслящихъ, но въ теченіе послѣднихъ недѣль мысль его окрѣпла, и онъ почувствовалъ, что дальнѣйшая уступка была бы дѣломъ, недостойнымъ его.

Когда послѣ завтрака они прошли въ садъ, гдѣ былъ сервированъ кофе, Дезире, стоявшій за стуломъ Луизы, собрался съ духомъ и, подойдя къ отцу, ходившему съ сигарою въ зубахъ по дорожкѣ, коснулся его руки, быстро проговоривъ:

— У меня просьба къ тебѣ, папа... Позволь мнѣ не присутствовать завтра на праздникѣ.

Фрюмзель сразу остановился.

— Не присутствовать на праздникѣ? Почему?

Дезире уже нѣсколько недѣль готовился къ этому разговору, и вотъ въ рѣшительную минуту всѣ его слова и доводы куда-то исчезли,—у него не хватало голоса. Онъ прошепталъ тономъ любви:

— Я придерживаюсь совсѣмъ другихъ взглядовъ. Мнѣ будетъ больно это видѣть.

Дрожащій голосъ, неувѣренность осанки—ввели Фрюмзеля въ заблужденіе; думая, что рѣчь идетъ о несерьезномъ сопротивленіи, онъ такъ къ этому и отнесся.

— Что это тебѣ вздумалось?.. Ты всегда бывалъ на нашемъ празднествѣ, и вдругъ теперь, когда я лично пригласилъ одного изъ лучшихъ нашихъ государственныхъ людей, дядю твоего наставника, ты задумалъ устроить свою манифестацію! Подожди хотя до тѣхъ поръ, покуда у тебя выростетъ борода.

Молодой человѣкъ возразилъ болѣе твердымъ тономъ:

— Во всякомъ случаѣ я сталъ старше,—я лучше отдаю себѣ отчетъ въ моихъ убѣжденіяхъ, и я сознаю, что мнѣ не мѣсто на этомъ праздникѣ, отецъ.

Видя, что они разговариваютъ стоя, Луиза подошла къ отцу, чтобы подать ему чашку кофе, но Фрюмзель сердито отказался и подозвалъ Валентина.

— Г. Делемонъ, знаете ли вы, что мнѣ сообщилъ вашъ ученикъ, покуда вы спокойно попиваете кофе? Онъ не желаетъ быть завтра на нашемъ праздникѣ! У него свои воззрѣнія, онъ— умнѣе отца... Ну-съ, милый другъ, ты спрячешь ихъ въ карманъ—теперь и на будущее время.

Дезире молча покачалъ головою; Фрюмзель вспылилъ.

— Нѣтъ? Вотъ какъ! Это уже не упрямство, это—мятежъ! Ну, если такъ—я приказываю тебѣ.

— Я не могу повиноваться, папа.

Съ тою молніеносной быстротою, которая ускоряетъ давно уже подготовлявшійся разрывъ, эти любящіе отецъ съ сыномъ вдругъ оказались стоящими лицомъ къ лицу, подобно врагамъ, принужденнымъ схватиться на узкомъ пространствѣ. Отступить некуда: это значило бы поступиться своею совѣстью, своими идеалами, а ни тотъ, ни другой не могли на это согласиться. Луиза и m-me Оберглаттъ съ ужасомъ прислушивались къ долетавшимъ до нихъ отголоскамъ бури.

Фрюмзель принялся убѣждать сына отказаться отъ такой публичной демонстраціи. Не достаточно ли и внутренней розни? Неужели необходимо обнаружить ее передъ цѣлымъ свѣтомъ?

Дезире отвѣтилъ грустно и твердо, что все это правда, но рѣчь идетъ именно о демонстраціи. Онъ раздѣляетъ убѣжденіе гонимыхъ и не можетъ стоять за побѣдителей.

— Эти побѣдители долго были гонимыми.

— Зато какъ жестоко они мстятъ!

— Слова, слова, слова! — воскликнулъ Фрюмзель, который, видя, что на Дезире нельзя подѣйствовать добромъ, снова началъ

раздражаться:—Я устраиваю этотъ праздникъ, и не позволю тебѣ срамить меня. Ты будешь на немъ.

— Нѣтъ, отецъ, не могу.

— Я хочу, чтобы ты былъ!

— Нѣтъ.

Отецъ и сынъ почти съ ненавистью глядѣли другъ на друга; одно неосторожное слово могло разъединить ихъ навсегда. Фрюмзель испугался этой мысли; онъ бросилъ свою потухшую сигару на траву, и гнѣвъ его внезапно обратился на безмолвнаго Валентина.

— Все это, быть можетъ, произошло по вашей винѣ, г. Делемонъ! Вашими парадоксами вы окончательно сбили его съ толку. Не возражайте. Вы всегда кричите о свободѣ. Но, чортъ возьми, это—не свобода, если сынъ отказывается отъ повиновенія отцу! Предупреждаю васъ, что если этотъ мальчикъ, воспитаніе котораго я довѣрилъ вамъ, не образумится, вы мнѣ отвѣтите за него.

Фрюмзель нашелъ исходъ, смягчавшій для него ударъ, нанесенный его отцовской любви и авторитету, но онъ самъ чувствовалъ его несостоятельность, и поспѣшно удалился. Валентинъ, истинно возмущенный, хотѣлъ пойти за нимъ, но m-me Оберглаттъ его удержала, а съ губъ Луизы сорвались слова:—Возмутительная несправедливость!

— Это фанатизмъ,—сказалъ Валентинъ;—откуда бы онъ ни исходилъ, онъ всегда зловреденъ.

III.

Въ веселое солнечное воскресенье весь штабъ реймскихъ свободомыслящихъ—съ мэромъ, нѣкоторыми муниципалами и делегатами рабочихъ союзовъ во главѣ—ожидалъ Романеша на вокзалѣ. Тутъ встрѣтились четыре главныхъ общественныхъ группы: крупные, мелкіе буржуа, пролетаріи и слуги, но между ними не замѣчалось той классовой вражды, о которой долженъ былъ говорить пріѣзжій ораторъ.

Онъ вышелъ изъ вагона—сѣрый и сухой, замкнутый и сумрачный, страдая отъ жары въ своемъ неизмѣнномъ черномъ пальто, и горячность пріема не оказала на него вліянія. Онъ молча пожималъ руки и выслушивалъ привѣтствія, словно подчиняясь печальной необходимости. Но когда Фрюмзель предложилъ ему сѣсть въ автомобиль, онъ рѣзко отказался, проговоривъ во всеуслышаніе:

— Нѣтъ, благодарю васъ. Я пойду пѣшкомъ. Я пріѣхалъ на народный праздникъ, и не желаю пользоваться удобствами, которыхъ народъ лишенъ.

Среди рабочихъ послышался шопотъ одобренія, но устроители нѣсколько смутились. Фрюмзель замѣтилъ, что придется пройти черезъ весь городъ.

— Развѣ у васъ нѣтъ трамвая?

Пришлось натискаться толпою въ общественную карету, между тѣмъ какъ элегантные экипажи отъѣзжали порожнякомъ среди шуточекъ собравшагося народа. Мелкіе буржуа переглядывались въ смущеніи, повторяя:

— Да, этотъ шутить не любитъ!

Онъ, дѣйствительно, былъ далекъ отъ шутокъ—и въ трамваѣ, гдѣ, опираясь руками на набалдашникъ палки, онъ, сурово сжавъ губы, выслушивалъ привѣтствія своихъ вѣрноподданныхъ,—и въ погребахъ Фрюмзеля, убранныхъ въ его честь цвѣтами и флагами. Фрюмзель надѣялся ослѣпить его цвѣтущимъ положеніемъ своего заведенія, здоровымъ видомъ служащихъ, довольныхъ условіями труда; ему уже слышались фразы вродѣ: „еслибы всѣ слѣдовали вашему примѣру, гражданинъ Фрюмзель, дѣла могли бы уладиться". Ему уже приходилось слышать подобныя слова изъ устъ министровъ и даже двухъ президентовъ республики. Но Романешъ заговорилъ въ другомъ духѣ, обращаясь непосредственно къ рабочимъ:

— Ваше производство процвѣтаетъ, такъ какъ здѣсь меньше конкурренціи,—сказалъ онъ въ заключеніе, послѣ неизбѣжныхъ цитатъ изъ Маркса о взаимныхъ отношеніяхъ труда и капитала,—но вспомните о положеніи вашихъ братьевъ, хотя бы тѣхъ же ткачей. Отъ всякаго промышленнаго кризиса страдаютъ одни рабочіе, а выгодами пользуются только хозяева. Вы не должны имѣть въ виду улучшеніе одного лишь вашего положенія,—этого вы легко добьетесь у вашего хозяина...

Онъ подчеркнулъ эту сомнительную похвалу взглядомъ по адресу Фрюмзеля, который поклонился.

— Вамъ необходимо думать всегда и прежде всего о радикальномъ преобразованіи всего капиталистическаго строя, о выполненіи во всей ея полнотѣ программы пролетаріата, то-есть соціализаціи земли и орудій производства. Скажите себѣ, что эта программа осуществима лишь подъ условіемъ объединенія пролетаріевъ всѣхъ странъ и всѣхъ національностей, какъ это указано манифестомъ 1847 года, не утратившимъ и донынѣ своей силы.

Рабочіе Фрюмзеля, народъ добродушный и обезпеченный, слушали оратора скорѣе со страхомъ, чѣмъ съ удовольствіемъ, испуганные перспективами переворота и наступленіемъ того времени, когда исчезновеніе капитала лишитъ ихъ возможности копить деньги, а ключъ равенства навсегда закроетъ для нихъ двери буржуазнаго рая. Хозяева совсѣмъ поникли головою, мысленно подсчитывая свои убытки. Фрюмзель сердито кусалъ губы; управляющій огорченно шепнулъ ему:

— Онъ собьетъ ихъ съ толку.

Собравшіеся здѣсь люди впервые ощутили истинное дыханіе революціи, столь же далекое отъ ихъ мирнаго соціализма и флирта съ демагогіей, какъ поднявшійся безъ балласта воздушный шаръ — отъ земли. Но Романешъ, заложивъ руки въ карманъ пальто, продолжалъ свою рѣчь спокойнымъ тономъ человѣка, излагающаго непреложную истину. Онъ угадывалъ настроеніе слушателей, но, въ качествѣ миссіонера, не смущался имъ, надѣясь обратить хотя кого-нибудь изъ предстоящихъ. Конечно, сами они находятся въ такихъ счастливыхъ условіяхъ, что не могутъ отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ его словамъ, но имъ нужно хорошенько подумать и отрѣшиться отъ свойственнаго человѣку эгоизма. Необходимо понять, что борьба носитъ теперь не частичный характеръ; она завязалась между двумя классами—буржуазіей и пролетаріатомъ—и съ побѣдою послѣдняго наступитъ для человѣчества новая эра—всеобщаго счастья и справедливости.

Видя, что Романешъ больше интересуется своими словами, нежели тѣмъ, что ему показываютъ, Фрюмзель сократилъ церемонію и пригласилъ всѣхъ къ завтраку, но и тутъ его ожидало разочарованіе. Покрытая пылью и паутиной, бутылка драгоцѣннаго вина, единственная случайно сохранившаяся съ 1814 г.— остальныя были роспиты королемъ, министрами, президентами, комитетомъ всемірной выставки—ожидала Романеша, но онъ равнодушно отвѣдалъ рѣдкаго напитка, проговоривъ:—Вино хорошее!

Всѣ вздохнули съ облегченіемъ, когда онъ отбылъ въ отель, гдѣ другимъ людямъ предстояло выслушать отъ него тѣ же рѣчи. Гости оживились. Валентинъ разсказалъ не безъ юмора исторію прибытія Романеша и посѣщенія погребовъ, и шепнулъ Дезире:

— Быть можетъ, теперь вашъ отецъ уже не въ такомъ восторгѣ отъ праздника. А кстати, чѣмъ вы рѣшили? Будете вы на немъ?

Луиза вмѣшалась въ разговоръ, и голосъ ея дрогнулъ:

— Мы говорили съ нимъ. Онъ рѣшилъ уступить—на этотъ разъ.

— Все хорошо, что хорошо кончается, — проговорилъ нѣсколько холодно Валентинъ, почувствовавъ, что Дезире понизился въ его уваженіи, но тотъ, словно угадывая его мысль, сказалъ:

— Я уступилъ ради васъ, г. Делемонъ. Отецъ мой дѣлаетъ васъ отвѣтственнымъ за меня. Это несправедливо.

— Вы не должны были принимать меня въ разсчетъ. Я васъ объ этомъ не просилъ.

— Именно потому я это и сдѣлалъ.

— Мы всѣ желаемъ, чтобы вы остались у насъ, г. Делемонъ, — набравшись храбрости, сказала Луиза, которую поддержала m-me Оберглаттъ. Затѣмъ всѣ четверо направились въ залу торжества, гдѣ для нихъ были заранѣе отведены мѣста.

Празднества подобнаго рода въ Реймсѣ не отличаются особенною торжественностью, въ виду недавняго ихъ установленія. Шарфы, кокарды, депутаціи отъ общества пожарныхъ и гимнастовъ, масса дѣтей. По случаю воскресенья, народъ валилъ толпою въ громадное многоугольное зданіе, надъ главнымъ входомъ котораго красовался девизъ города, пріобрѣтавшій теперь ироническое значеніе: *„Господь—моя ограда“*. Въ назначенный часъ на эстрадѣ появились устроители торжества; ихъ привѣтствовали вначалѣ сдержанными, а затѣмъ и болѣе горячими возгласами: мэръ, Фрюмзель, еще кое-кто изъ промышленниковъ и, наконецъ, Романешъ, популярность котораго, послѣ исторіи съ автомобилемъ, утроилась. Его встрѣтили цѣлою бурею рукоплесканій. Этотъ сухой, съ выступающей впередъ челюстью и впалыми висками человѣкъ олицетворялъ въ глазахъ народа то будущее, то разрѣшеніе проклятыхъ вопросовъ, которыми всѣ трибуны, утописты, ораторы и демагоги, со временъ Гракховъ и Клеоновъ, обнадеживаютъ довѣрчиво внимающій имъ народъ. Рѣчь Романеша распадалась на двѣ части; въ первой онъ развивалъ старинный гегеліанскій тезисъ о несовмѣстимости демократическаго принципа съ католицизмомъ, иллюстрируя его коекакими историческими примѣрами. Онъ сопровождалъ свою методическую, ясную аргументацію двумя привычными жестами: правая рука его или разсѣкала воздухъ сверху внизъ, словно онъ что-то рубилъ, или онъ поднималъ ее надъ головою, словно кому-то грозя указательнымъ пальцемъ.

Во второй части Романешъ сталъ доказывать, что всякія религіи, „въ особенности такъ-называемая христіанская“, были созданы правящими классами для устраненія жалобъ со стороны обездоленныхъ, которыхъ онѣ заманиваютъ обѣщаніемъ небесныхъ благъ. Онъ приводилъ ѣдкія цитаты изъ Энгельса, называлъ

имена современныхъ дѣятелей, и оживившаяся публика отзывалась на нихъ криками: „браво!“ или „долой!“ Заключеніе рѣчи было таково, что прежде всего надлежитъ покончить съ древними, исконными врагами демократіи, мѣшающими ея росту; надо ихъ вырвать съ корнемъ, какъ вырываютъ изъ виноградниковъ сорную траву съ длинными, цѣпкими, зловредными корнями. Приведя это чисто мѣстное сравненіе, Романешъ впервые сдѣлалъ новый жестъ: онъ сжалъ руку и опустилъ ее, словно вытаскивая что-то изъ глубины земли, а затѣмъ разжалъ пальцы, дѣлая видъ, что далеко отбрасываетъ отъ себя послѣдніе побѣги чужеяднаго растенія...

Тогда восторгъ перешелъ всѣ границы, словно ораторъ, дѣйствительно, совершилъ то чудо, на которое указывалъ его символическій жестъ. Восклицанія, крики „ура!“—гремѣли въ залѣ, напоминая побѣдный кличъ дружины, сокрушившей послѣдній вражескій оплотъ. Но вотъ, среди бури рукоплесканій, вдругъ раздался неожиданный, дерзкій и рѣзкій свистокъ, такой рѣзкій, что всѣ услышали его, и послѣ двухъ секундъ мертваго молчанія всѣ головы обратились въ ту сторону, откуда онъ раздался; вся толпа поднялась, какъ море, когда надъ нимъ проносится шквалъ.

Фрюмзель тоже взглянулъ въ ту сторону, и ему показалось, что его ударили прямо въ грудь. Среди разъяренной толпы онъ увидѣлъ своего сына, стоявшаго со сложенными на груди руками. Валентинъ обхватилъ его за талію, готовясь его защищать. Луиза также прижималась къ брату. Затѣмъ толпа, подобно волнѣ, увлекла всѣхъ троихъ въ своемъ теченіи.

IV.

Пораженный въ своей гордости и отцовской любви, Фрюмзель долженъ былъ сдѣлать неимовѣрное усиліе надъ собою, чтобы остаться до конца церемоніи, представлявшейся ему какимъ-то тяжелымъ сномъ.

Извиненія муниципальныхъ совѣтниковъ, раздача наградъ школьникамъ, пѣніе марсельезы—тянулись безъ конца. Къ счастью, присланный m-me Оберглаттъ слуга успѣлъ шепнуть ему, что всѣ трое благополучно вернулись домой, и, успокоившись насчетъ Дезире, Фрюмзель весь отдался горькому чувству. Его популярность погибнетъ отъ этого свистка; уже теперь болѣе „крайніе“ косо поглядывали на него. По дорогѣ къ вокзалу и

на платформѣ онъ оказался одинокимъ въ толпѣ, окружавшей Романеша. Замѣтивъ это, депутатъ демонстративно подошелъ къ нему и, пожимая ему руку, сказалъ во всеуслышаніе:

— Кстати, я еще не отвѣтилъ на ваше письмо по поводу „Равенства". Я оставилъ вамъ сотню акцій. Хорошо?

Фрюмзель поблагодарилъ почти униженно; онъ съ радостью взялъ бы ихъ всѣ.

Онъ ворвался, какъ буря, въ комнату, гдѣ сидѣли его домашніе, и подошелъ вплотную къ Дезире.

— Дрянной мальчишка! Да, дрянной, дрянной мальчишка — и ничего болѣе! Ты велъ себя по-мальчишески. Ты хотѣлъ произвести эффектъ? Напрасно! Твоего свистка никто и не замѣтилъ...

Дезире выдержалъ взглядъ отца; губы его дрожали,—онъ съ трудомъ удерживался отъ отвѣта.

— Ты молчишь — и хорошо дѣлаешь... Что̀ могъ бы онъ сказать въ свое оправданіе, m-me Обергляттъ? Ничего!

Фрюмзель зашагалъ по комнатѣ, заложивъ руки за спину. Затѣмъ онъ остановился передъ сыномъ.

— Но есть человѣкъ, который не забудетъ твоего свистка. Это—я. Если ты хотѣлъ удивить міръ,—ты ошибся въ разсчетѣ. Но мнѣ ты, дѣйствительно, далъ пощечину, поразилъ меня въ больное мѣсто—преднамѣренно, быть можетъ?

— Увѣряю тебя, отецъ, что нѣтъ. Я пошелъ туда для того, чтобы г. Делемонъ не пострадалъ безвинно изъ-за меня. Но когда они стали попирать ногами все, что̀ такъ дорого мнѣ,—я не удержался. Ты самъ принудилъ меня пойти...

— Принудилъ? Слышите! Можно подумать, что я тиранилъ, билъ его! Будьте свидѣтелями вы, m-me Обергляттъ, вы, г. Делемонъ... Принуждалъ ли я его?

Гувернантка всплеснула руками, а Валентинъ отвѣтилъ прямо:

— Нѣтъ, вы не били его, не угрожали ему, но вы ему *приказали* быть на праздникѣ.

— Кто же его заставилъ повиноваться? Не вы ли?

— Нѣтъ, вашего приказанія было достаточно.

— Да развѣ я приказывалъ ему вести себя такимъ образомъ? Не станете ли вы утверждать?..

Рѣзкій тонъ Фрюмзеля вывелъ Валентина изъ себя.

— Я ничего не утверждаю. Я просто напоминаю вамъ ваши собственныя слова.

— Неужели я похожъ на человѣка, забывающаго сегодня то̀, что̀ онъ сказалъ вчера? За кого же вы меня принимаете, г. Делемонъ? Берегитесь, наконецъ!

Рѣзкій тонъ еще болѣе подчеркивалъ угрозу. Валентинъ шагнулъ къ Фрюмзелю, глядя ему прямо въ глаза.

— Вы уже вторично грозите мнѣ... Что я могу сдѣлать, если вы насилуете совѣсть вашего сына?

— Теперь вы открыто берете его сторону противъ меня? Вы полагаете, что я пригласилъ васъ для этого?

— Вы меня пригласили, чтобы заниматься съ нимъ, но я остался свободнымъ человѣкомъ.

— Нѣтъ—покуда вы находитесь у меня въ домѣ и я плачу́ вамъ деньги.

— Оставьте у себя ваши деньги,—я желаю сохранить свою свободу.

— И хорошо дѣлаете.

Они мѣрили другъ друга взглядомъ: одинъ—маленькій, тщедушный, съ поблѣднѣвшимъ отъ негодованія нервнымъ лицомъ; другой—сильный, надменный, со вздувшимися жилами на лбу. Испуганная Луиза прижалась къ m-me Оберглаттъ, но Фрюмзель вышелъ, захлопнувъ за собою дверь. Дезире схватилъ Валентина за руку.

— Вы снова страдаете за меня, г. Делемонъ! Снова я вижу васъ такимъ, какъ въ тотъ день—мужественнымъ и великодушнымъ... Благодарю.

— Г. Фрюмзель—человѣкъ порыва,—сказала m-me Оберглаттъ,—но онъ очень добръ... Завтра онъ пожалѣетъ о своихъ словахъ...

— Слишкомъ поздно. Я не могу подвергнуться риску вторично выслушать ихъ.

Луиза подошла къ нему; глаза ея блестѣли, волненіе дѣлало ее почти хорошенькой; она прижала руки къ груди.

— Мой братъ будетъ очень огорченъ вашимъ отъѣздомъ, г. Делемонъ... И я тоже... буду очень огорчена...

Увидѣвъ ее такою смущенною, Валентинъ понялъ, что̀ означали эти слова, этотъ взглядъ, и снова имъ овладѣло искушеніе—болѣе сильное на этотъ разъ, такъ какъ онъ зналъ, что подобный случай уже никогда не повторится. Спокойствіе цѣлой жизни, благосостояніе, богатство, будущность—все было здѣсь, у этого домашняго очага, потрясеннаго промчавшеюся бурей, и которому завтра же онъ могъ вернуть успокоеніе. Ему стоило лишь протянуть за всѣмъ этимъ руку, какъ мы протягиваемъ ее за цвѣткомъ. Никогда онъ не увидитъ вблизи даже тѣни подобнаго счастья. Миражъ роскоши и величія, соблазняющій душу бѣдняка, предсталъ его душѣ. Но гордость его бодрствовала, и,

отвѣчая скорѣе на мысль, чѣмъ на слова молодой дѣвушки, онъ проговорилъ мягко и грустно:

— Нѣтъ, mademoiselle, я презиралъ бы самого себя.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

I.

Принужденный покинуть Реймсъ въ началѣ лѣта и будучи не въ состояніи готовиться къ осеннему экзамену, Валентинъ провелъ шесть недѣль въ путешествіяхъ; онъ посѣтилъ Эльзасъ, берега Рейна, Голландію, повсюду чувствовалъ себя болѣе одинокимъ, нежели десять лѣтъ тому назадъ, когда онъ слѣдовалъ за гробомъ своей матери, держась за руку дяди Альсида. Онъ перечитывалъ книгу „Вокругъ жизни“ Кропоткина, бывшую для него евангеліемъ, и которую онъ всюду возилъ съ собою. Валентинъ перестала вѣрить возвышеннымъ утопіямъ этого апостола свободы, мечтавшаго о новыхъ соціальныхъ группахъ, свободно и добровольно соединившихся по взаимному соглашенію для общаго дѣла, и не имѣющихъ нужды въ правительствѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ, какъ и всѣ мы, любилъ уноситься мечтою въ ту землю Ханаанскую, предѣловъ которой намъ не суждено увидѣть. Но въ кошелькѣ у него все пустѣло, и пришлось подумать о возвращеніи. Валентина привлекала мысль сдѣлаться журналистомъ; ему казалось, что онъ обладаетъ неистощимымъ запасомъ чувствъ и мыслей; одно слово Романеша могло осуществить его мечтанія, и хотя дядя въ первый разъ дурно отнесся къ его просьбѣ, онъ рѣшился на вторую попытку.

Депутатъ проводилъ каждое лѣто въ деревнѣ Кошерель, гдѣ онъ пріобрѣлъ теперь домикъ и садъ съ видомъ на рѣку, но это „убогое жилище“, которымъ онъ нѣсколько тщеславился, все же было далеко отъ первоначальнаго убожества его обстановки. Отдыхать ему приходилось нынче немного: изъ Парижа постоянно наѣзжали дѣловые посѣтители; громадная переписка и газетныя статьи также отнимали у него много времени.

Выходя на платформу, Валентинъ встрѣтился съ Урбэномъ, ѣхавшимъ въ другомъ вагонѣ, и тотъ съ сіяющимъ лицомъ подошелъ къ нему.

— Мы вмѣстѣ ѣхали, а я и не подозрѣвалъ! Откуда ты? Давно ли въ Парижѣ? Развѣ ты не получилъ письма съ извѣщеніемъ о моей свадьбѣ? И не отвѣтилъ мнѣ ни единымъ словомъ!

Валентинъ чувствовалъ, что поступилъ непростительно, но поздравленія застрѣвали у него въ горлѣ, хотя гордость требовала, чтобы онъ не выдалъ себя.

— Прости... У меня было много непріятностей. Поздравляю тебя... отъ всего сердца.

Луртье, взявъ его подъ-руку, принялся разсказывать ему о своихъ успѣхахъ. Онъ уже дебютировалъ въ „Равенствѣ“ „Письмами изъ Рима“; одинъ изъ членовъ Института согласился представить туда его монографію, хотя и находилъ, что она имѣетъ скорѣе характеръ памфлета; пресса, конечно, подхватитъ это, и получится „съ ногъ-сшибательная реклама“.

Они уже подходили къ деревнѣ, сѣрыя кровли которой поднимались надъ долиной. Урбэнъ весело подмигнулъ Валентину.

— А я къ твоему дядѣ не только по редакціонному, но и по личному дѣлу. Хочу звать его на свадьбу. Онъ—мой редакторъ, пожалуй и не откажетъ, а это произвело бы очень выгодное впечатлѣніе.

Они остановились у домика, совершенно деревенскаго по типу. Г-жа Романешъ встрѣтила ихъ и послала Урбэна въ кабинетъ къ мужу, у котораго уже сидѣлъ одинъ изъ сотрудниковъ „Равенства“. Приготовляя на кухнѣ сливочный сыръ, она спокойно разсказала племяннику о несчастіи, постигшемъ ея брата, Альсида Делемона. Заводъ его закрылся, и онъ самъ пропалъ безъ вѣсти. Ходятъ слухи, что онъ покончилъ съ собою, но Максъ увѣряетъ, что онъ еще выплыветъ.

За завтракомъ Валентинъ любовался самоувѣренностью своего друга, который въ разговорѣ съ сотоварищемъ по редакціи такъ категорически разрѣшалъ всѣ вопросы, словно политика была самымъ легкимъ дѣломъ на свѣтѣ. Романешъ слушалъ ихъ съ видомъ превосходства, и послѣ завтрака позвалъ Валентина въ садъ къ рѣкѣ. Разбирая рыболовныя принадлежности, онъ строго сказалъ ему:

— Я знаю, какъ ты оставилъ Фрюмзеля, и долженъ тебѣ сказать, что это былъ очень плохой дебютъ.

— Фрюмзель, вѣроятно, не все вамъ разсказалъ, дядя. Онъ велъ себя возмутительно; онъ—фанатикъ и дуракъ.

Романешъ, уже закинувшій удочку, строго поглядѣлъ на него сбоку.

— Нѣтъ, Фрюмзель—умный человѣкъ; его положеніе и взгляды доказываютъ это. Фанатиками я скорѣе назвалъ бы людей, доведшихъ твоего питомца до такой грубой выходки...

Онъ ничего не забывалъ, и его землистое лицо вспыхнуло.

— Не думаете ли вы, что я толкнулъ его на это?—воскликнулъ Валентинъ.

— Одно изъ двухъ: или ты сбилъ его съ толку твоими парадоксами, или за восемь мѣсяцевъ занятій ты не пріобрѣлъ надъ нимъ никакого вліянія. На что же ты годенъ въ такомъ случаѣ? Если за что-нибудь берешься, надо оказаться на высотѣ задачи.

Видя, что онъ заранѣе осужденъ, Валентинъ не попытался оправдываться. Дѣло въ томъ, что преподаваніе ему не по душѣ.

— Еслибы мы дѣлали только то, что намъ по душѣ, жизнь была бы черезчуръ легка. Я самъ тянулъ учительскую лямку двадцать-четыре года. Поговоримъ серьезно. Ты держишь экзаменъ?

Валентину пришлось сознаться, что онъ не подготовился.

— Какъ? Даже этого ты не сдѣлалъ,—и ты еще позволяешь себѣ судить людей, уже проложившихъ себѣ дорогу! Чѣмъ же ты былъ занятъ все это время?

Валентинъ опустилъ голову и сознался, что онъ путешествовалъ. Романешъ еще сильнѣе нахмурился; голосъ его принялъ еще болѣе жесткій тонъ:

— Путешествовалъ! Какъ туристъ! Какъ милліонеръ! Развѣ *я* путешествую? Развѣ у *меня* есть для этого время и деньги? А для чего ты ѣздилъ, я спрашиваю?

Доводы, которые могъ привести Валентинъ, окончательно погубили бы его въ глазахъ дяди, и потому онъ предпочелъ молчать. Романешъ торжествовалъ. Старая сказка: „ты все пѣла, это дѣло, такъ поди-ка, попляши!“ Что же онъ думаетъ, однако, предпринять? Денегъ у него, конечно, уже нѣтъ?

— Я хотѣлъ бы писать.

Романешъ негодующе воздѣлъ руки и поразилъ его молніеноснымъ взоромъ. Писать? Недурная мысль. Но развѣ онъ не помнитъ, что было ему сказано въ прошлый разъ?

Валентинъ поспѣшно заговорилъ, боясь, что ему не дадутъ высказаться. Онъ помнитъ, но вѣдь это дѣло—единственное, на какое онъ способенъ. А теперь, когда у дяди есть собственная газета, быть можетъ, онъ дастъ ему работу—все равно какую?

— Все равно какую!—подхватилъ Романешъ,—вотъ она, твоя формула. Кто говоритъ о какой бы то ни было работѣ, тотъ неспособенъ ни на какую. Притомъ въ „Равенствѣ“ всѣ отдѣлы заняты. Луртье? Луртье—другое дѣло, онъ—работникъ, онъ добылъ въ Римѣ драгоцѣнные матеріалы. Затѣмъ онъ—человѣкъ убѣжденный, преданный „дѣлу“ тѣломъ и душою. Онъ въ тяжелое время сталъ пайщикомъ нашей газеты.

Итакъ, даже въ органѣ пролетаріевъ и реформаторовъ, возвѣщавшемъ близкое паденіе капитализма и справедливое распредѣленіе благъ земныхъ, даже здѣсь деньги сохраняли свое преимущество, торжествуя надъ умственнымъ богатствомъ и работоспособностью. Не смущаясь этимъ противорѣчіемъ, Романешъ продолжалъ:

— Если ты хочешь быть современемъ однимъ изъ нашихъ — будь достойнымъ насъ. Ты плохо дебютировалъ въ жизни, но это еще поправимо: дерево цѣнится по плодамъ. Мы бьемся за великое дѣло и не можемъ допускать въ свои ряды неудачниковъ, лѣнтяевъ, недовольныхъ. Фрюмзель зоветъ тебя анархистомъ...

— Не безпокойтесь, я никуда не собираюсь бросать бомбъ, даже въ Palais-Bourbon.

— Къ покушеніямъ безумцевъ мы равнодушны, — съ увѣреннымъ и презрительнымъ жестомъ проговорилъ Романешъ, — но мы страшимся ихъ идей. Иногда мы поддерживаемъ ихъ, такъ какъ они вносятъ тревогу въ буржуазію; но когда мы покончимъ съ реакціонерами, мы примемся за нихъ. Что же тебѣ дѣлать среди насъ? Стрекоза среди муравьевъ! Мы — воистину муравьи, мы не дѣлаемъ запасовъ, и въ этомъ разнимся отъ буржуа, но цѣль наша ясна: мы пересоздаемъ законы, мы сильны единеніемъ, дисциплиною нашей партіи и прессы. Дай намъ доказательство того, что ты измѣнился, и тогда — приходи. Теперь же, когда ты не воспользовался даннымъ мною тебѣ орудіемъ, я ничего не могу больше сдѣлать для тебя. Вотъ то, что я хотѣлъ тебѣ сказать, мой другъ. Подумай о моихъ словахъ.

Убѣдившись, что рыба совсѣмъ не клюетъ, онъ поднялся и пошелъ къ дому. На грядкѣ съ саладомъ онъ замѣтилъ случайно распустившій тамъ свои шафрановые лепестки ноготокъ, и, нагнувшись къ нему, онъ съ корнемъ вырвалъ его, тѣмъ же движеніемъ, которымъ онъ заключилъ свою рѣчь въ Реймсѣ.

Валентинъ понялъ сокровенный смыслъ этого движенія: какъ въ буржуазномъ ульѣ, такъ и въ соціалистическомъ муравейникѣ для него не было мѣста. Онъ вспомнилъ своего скворца, улетѣвшаго отъ воробьевъ лишь для того, чтобы попасться въ лапы коту. Вырванный изъ земли цвѣтокъ погибнетъ на скупой почвѣ, и трупъ его послужитъ для нея удобреніемъ.

II.

Друзья вмѣстѣ выѣхали изъ Кошереля съ вечернимъ поѣздомъ, и сіяющій Урбэнъ поспѣшилъ сообщить Валентину, что Романешъ сразу согласился. Онъ оказываетъ ему этимъ громадную услугу, такъ какъ не только будущая теща, но и тесть, несмотря на весь свой атеизмъ, оба стоятъ за церковный обрядъ. Ужъ эти буржуа съ ихъ предразсудками! Теперь, когда Романешъ далъ свое согласіе, они больше не заикнутся о попахъ.

— Рѣчь, которую онъ произнесетъ—стоитъ мессы,—сказалъ Валентинъ;—но что думаетъ объ этомъ невѣста?

— Паула-Андреа? Она—совсѣмъ ребенокъ, притомъ она обожаетъ меня.

— Она обожаетъ тебя? Чудесно! Настоящая идиллія! А ты также ее обожаешь?

— Я очень люблю ее, она добрая дѣвушка; конечно, придется перевоспитать ее... И къ тебѣ она очень расположена. Ты скоро побываешь у нихъ? Свадьба—10-го октября въ мэріи моего округа.

Урбэнъ—вплоть до пересадки въ Мантѣ—продолжалъ изливаться. Они совершатъ свадебную поѣздку въ Біаррицъ; къ сожалѣнію, Романешъ даетъ ему отпускъ всего на недѣлю. Конечно, онъ правъ: даже во время медоваго мѣсяца нельзя терять времени даромъ. Наконецъ, замѣтивъ нервное состояніе Валентина, Урбэнъ спросилъ его:

— А что твои дѣла?

Валентинъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ и щелкнулъ пальцами. Урбэнъ понялъ, но онъ сразу нашелъ выходъ. Почему бы Валентину также не попытать счастья въ журналистикѣ?

— Нужна газета...

— А „Равенство“? Тебѣ стоитъ сказать дядѣ одно слово...

— Я говорилъ съ нимъ,—онъ не желаетъ. Я вѣдь не могу быть пайщикомъ; но есть и другія причины. Вы всѣ—муравьи, я—стрекоза. А съ пустыми руками нечего соваться.

Глаза Валентина лихорадочно блестѣли; они были вдвоемъ въ купэ и могли говорить безъ стѣсненія.

— У каждаго изъ насъ есть добрая воля,—сказалъ Урбэнъ.

— Нѣтъ у меня доброй воли,—возразилъ, разгорячаясь, Валентинъ.—Я не вѣрю въ ваши чудные планы и не желаю ихъ поддерживать. Вы организуете новый обманъ для бѣднаго люда.

Вы обѣщаете имъ блага, которыхъ не можетъ дать и не дали бы, еслибы даже они имѣлись въ вашемъ распоряженіи. Вы сулите имъ дворецъ, который окажется тюрьмою, и когда они войдутъ туда, вы задвинете засовы и превратитесь въ властителей. Вы—не пролетаріи, вы—буржуа, самые ужасающіе буржуа, сохранившіе всѣ страсти и всѣ пороки вашей касты: вы—эгоисты, тираны, жадные, жестокіе, пошлые... Нѣтъ, не вамъ суждено обновить міръ.

— Если ты такъ думаешь,—конечно, твой дядя не могъ взять тебя,—сказалъ Урбэнъ, хмурясь.

— Конечно, не могъ. Настоящимъ обездоленнымъ, настоящимъ пасынкамъ судьбы, не имѣющимъ ни отца, ни законнаго имени, ни гроша за душою, ни семьи—имъ нечего ждать отъ васъ помощи. Мой дядя правъ: съ моей стороны было низостью предлагать ему мои услуги изъ-за куска хлѣба. Я предложу ихъ другимъ; я сражусь съ вами, слышите ли вы? Когда вы возведете ваше зданіе будущаго, которое окажется хуже настоящаго, мы возстанемъ передъ вами: я и подобные мнѣ—непокорные, непримиримые, число которыхъ вы сами увеличиваете вашими поступками.

— Есть люди, думающіе такимъ образомъ,—отвѣтилъ Урбэнъ безъ гнѣва, со спокойною увѣренностью:—придется покончить съ ними,—тѣмъ хуже для нихъ. У тебя это все—мимолетное, оно пройдетъ.

Валентинъ стукнулъ кулакомъ о скамейку.

— Нѣтъ, до сихъ поръ я былъ глиной, но теперь, вслѣдствіе всего, мною пережитаго, я вылился въ опредѣленную форму, прошедшую черезъ огонь. Чтобы измѣнить ее—пришлось бы разбить сосудъ. Иди съ моимъ дядею и ему подобными. Будь депутатомъ, министромъ, капиталистомъ. Я останусь одинокимъ. Я—микробъ, который уничтожитъ ваше общество, какъ вы уничтожаете нынѣшнее. Торжествуйте побѣду надъ міромъ, царствуйте: ничто не измѣнится, за исключеніемъ именъ и числа притѣснителей!

Вмѣсто того, чтобы разсердиться, Луртье все болѣе омрачался. Быть можетъ, въ этомъ потокѣ словъ онъ ловилъ голосъ истины; въ этой единичной жалобѣ пострадавшаго ему слышались несмолкаемые вопли вѣчно страждущихъ. Быть можетъ, также давнишняя привязанность къ Валентину пробудила въ немъ чувство жалости, и горе друга словно набрасывало тѣнь на его собственное счастье.

Покуда тотъ, дрожа отъ возбужденія, откинулся въ уголъ, Урбэнъ сдержанно заговорилъ:

— Мы стараемся внести нѣкоторую справедливость въ этотъ старый міръ, но мы не властны уничтожить всякую несправедливость, всякое страданіе. Ты хочешь измѣнить самую природу людей,—мы стремимся къ возвышенію класса, наиболѣе угнетеннаго. Какъ намъ понять другъ друга?

— Я знаю, что мы никогда другъ друга не поймемъ!—воскликнулъ Валентинъ.

— Все равно, мы останемся друзьями,—не такъ ли? Приходи потолковать со мною, когда успокоишься.

До прибытія въ Парижъ, они молчали, но, пожимая на прощанье руку Валентину, Луртье повторилъ свою просьбу.

Валентинъ рѣшилъ, что ему необходимо побывать въ улицѣ Tâcherie, а также—присутствовать на свадьбѣ. Долго онъ не могъ собраться съ духомъ, но наконецъ отправился, утѣшаясь надеждою на отсутствіе дамъ. Однако, упованія его не сбылись; въ магазинѣ оказались солидные покупатели, а съ антресоля доносились звуки знакомой Шопеновской прелюдіи. Сердце его забилось.

При видѣ Валентина Паула-Андреа покраснѣла и захлопнула крышку фортепіано. Она быстро оправилась и поздоровалась съ нимъ, какъ съ добрымъ старымъ другомъ, никогда не поднимавшимъ на нее глазъ. Это умѣнье владѣть собою взорвало Валентина, и онъ проговорилъ тономъ злобной ироніи:

— Я пришелъ поздравить васъ, mademoiselle. Да, я поздравляю васъ.

Паула-Андреа тихо и просто отвѣтила:

— Благодарю васъ, monsieur Валентинъ.

Она снова сѣла на табуретъ передъ піанино и опустила голову, избѣгая взгляда молодого человѣка. Тысячи дорогихъ воспоминаній охватили Валентина въ этой знакомой обстановкѣ, и у него невольно вырвалась жалоба:

— Возможно ли, чтобы вы ни о чемъ не сожалѣли, все позабыли? Все, все?.. Ваши слова, обѣщанія? Вы не думали, что я вернусь? Вы оттолкнули мое сердце, какъ отталкиваютъ ногою придорожный камень, и не почувствовали, какое страданіе вы мнѣ наносите.

Она чуть слышно прошептала:

— Нѣтъ, чувствовала... Мнѣ тоже было больно... Очень... Я много плакала. Еслибы я могла выбирать...

Валентинъ подумалъ, что она лжетъ—изъ трусости или коварства, и рѣзко прервалъ ее:

— Что вы сочиняете? Вы любили Урбэна! Онъ самъ говорилъ и писалъ мнѣ: „она меня обожаетъ“.

— Онъ написалъ намъ изъ Рима, затѣмъ пріѣхалъ... Что̀ мнѣ было дѣлать?

— Бороться... ждать!

Паула-Андреа грустно улыбнулась, и затѣмъ принялась доказывать ему всю тщетность такихъ надеждъ.

— Ждать? Чего? Сколько времени? Молодая дѣвушка должна подумать о будущемъ. Вы знаете, я никогда не была здѣсь счастлива... Мои родители добры, я люблю ихъ отъ всего сердца, но... у меня другіе вкусы... Я побоялась упустить случай... Нужно много мужества для того, чтобы ждать. Васъ не было,—я не знала, куда вамъ писать.... Да я и не рѣшилась бы... Мы ничѣмъ не были связаны. Отецъ очень желалъ этого брака. Я знаю *его* уже много лѣтъ, я вѣрю *ему*... Вотъ какъ все это случилось...

Валентинъ слушалъ ее, пораженный. Итакъ, онъ былъ обязанъ своимъ несчастіемъ не женскому, казнимому поэтами непостоянству, но простому житейскому разсчету, классовому предразсудку, внушавшему молодой дѣвушкѣ презрѣніе къ родительской лавкѣ. Честолюбіе толкало ее на болѣе высокую ступень общественной лѣстницы, и, по странной ироніи судьбы, она шла для этого въ станъ „возмутившихся“.

— Вы прекрасно умѣете разсчитывать!—воскликнулъ онъ:— Урбэнъ составилъ себѣ отличное положеніе, у него есть деньги, а что̀ еще будетъ, когда онъ станетъ торговать статьями! Это— повыгоднѣе продажи попугаевъ и канареекъ. И этимъ соображеніямъ вы пожертвовали нашей любовью?

— Нѣтъ, требованіямъ жизни.

— Неправда! Жизнь—великая вещь. Жизнь—поле, на которомъ можно сѣять и собирать жатву, если только имѣешь частицу любви, счастья, надежды. Вы сдѣлали изъ моей жизни пустыню, а на что̀ бы я не рѣшился ради васъ!

Злое слово вертѣлось на языкѣ у дѣвушки. Она удерживала его, не желая оскорбить Валентина, но, задѣтая его ироніей, проговорила:

— А можетъ быть, вы даже не подготовились къ экзамену на баккалавра?

Ударъ попалъ въ цѣль; Валентинъ смутился. Онъ хотѣлъ отвѣчать, но вошелъ сіяющій Луртье, довольный состоявшимся торгомъ.

— Удачный выдался сегодня денекъ! Жаль ликвидировать торговлю, monsieur Валентинъ, когда дѣла̀ такъ хорошо идутъ!

III.

Церемонія въ мэріи, которую Романешъ назвалъ въ своей рѣчи „прекраснымъ примѣромъ и возвышеннымъ нравственнымъ урокомъ для нѣкоторой части общества, еще погрязшей въ религіозныхъ предразсудкахъ“, только-что окончилась, и Валентинъ, поздравивъ новобрачныхъ, направился къ лѣвому берегу Сены.

Въ ушахъ его еще звучало исполненное оркестромъ „свадебное шествіе“ изъ „Лоэнгрина“, заглушившее жалобы г-жи Луртье-матери, которая, не будучи въ состояніи примириться съ отсутствіемъ церковнаго обряда, утирая глаза, повторяла:

— Что мы сдѣлали? Что мы сдѣлали?

Печальныя мысли осаждали Валентина; старый врагъ его— одиночество, вконецъ восторжествовалъ надъ нимъ, и онъ бродилъ по городу, какъ въ пустынѣ. Проходя по бульвару Сенъ-Мишель, онъ увидѣлъ Клода, шедшаго по другой сторонѣ троттуара. Бреванъ шелъ легкимъ шагомъ счастливаго, вѣрящаго въ свое дѣло человѣка. Свѣтлыя воспоминанія о ихъ дружбѣ воскресли въ душѣ Валентина; симпатичная доброта и отзывчивость Клода, его искренняя любовь къ ближнему—часто дѣйствовали на него успокоительно, и со времени ихъ размолвки онъ ощущалъ особенную пустоту въ сердцѣ и въ жизни. Валентинъ перешелъ дорогу, разсчитывая встрѣтиться съ Клодомъ, но тотъ, разсѣянный, какъ всегда, свернулъ въ аллею, никого и ничего не замѣчая. Какой-то мальчикъ бросилъ ему подъ ноги обручъ; Клодъ споткнулся и растянулся на пескѣ, но сейчасъ же поднялся. Валентинъ стоялъ передъ нимъ.

— Клодъ, ты ушибся?

— Нѣтъ, милый, пустяки. Ты узналъ меня по моей неловкости? Очень мило съ твоей стороны, что ты подобралъ меня...

Онъ сталъ отряхивать пыль; Валентинъ помогалъ ему. Неожиданность встрѣчи изгладила изъ ихъ памяти сцену въ Нэми. Клодъ началъ разспрашивать друга. Безпокойный взглядъ, неопредѣленное движеніе—были ему отвѣтомъ. Дѣла плохи? Что случилось?

Бреванъ усадилъ его на скамью. Наступленіе вечера разгоняло гуляющихъ. Листья каштановъ осыпались съ грустнымъ шелестомъ. Между полуобнаженными вѣтвями деревьевъ можно было различить силуэты статуй, золоченный кіоскъ.

— Тебѣ не холодно?—спросилъ Клодъ.

Дружескій вопросъ согрѣлъ сердце Валентина; Бреванъ обладалъ даромъ вызывать довѣріе: въ немъ чувствовался неистощимый запасъ симпатіи. Онъ воскликнулъ со своимъ задушевнымъ, почти дѣтскимъ смѣхомъ:

— Еслибы ты зналъ, какъ я доволенъ, что встрѣтилъ тебя, милый!

— А я! Только-что сейчасъ я думалъ о тебѣ на свадьбѣ Урбэна.

— Урбэнъ женился? Я ничего не знаю; онъ меня не увѣдомилъ.

— Купи завтрашній нумеръ „Равенства", если желаешь знать подробности. Это была не свадьба, а манифестація.

— На комъ онъ женился?

— На своей кузинѣ.

Предупреждая вопросы, Валентинъ поспѣшилъ разсказать все, что съ нимъ случилось за это время. Онъ ничего не сдѣлалъ, не знаетъ, что съ нимъ будетъ? Онъ погибъ.

Клодъ крѣпко сжалъ его руку. Погибъ? Что за вздоръ! Передъ нимъ цѣлая жизнь. Найдутся интересы, уроки, занятія. Онъ будетъ заработывать хлѣбъ не хуже другихъ.

— Еслибы дѣло было въ одномъ хлѣбѣ! Мнѣ такъ мало нужно! Но кто мнѣ вернетъ мужество, надежду, любовь къ жизни?

— Ты не все мнѣ говоришь, — сказалъ Клодъ, заглянувъ ему въ глаза.

— Все, что могу.

— Твои тайны касаются, конечно, тебя одного. Но то, чего ты желаешь, мой бѣдный другъ, мы находимъ лишь въ самихъ себѣ. Ты—на дурномъ пути, вотъ въ чемъ горе.

Валентинъ почти вырвалъ свою руку у Клода.

— Я не самъ выбралъ свой путь. Вы этого не знаете, у васъ есть сéмьи. Вы не были одиноки съ дѣтства... Отъ этого— все зло. Я былъ одинокимъ,—одинокимъ я и останусь навсегда.

— Пойдемъ съ нами,—сказалъ Клодъ, снова взявъ его пылавшую руку,—почему ты не хочешь? Ты сознался, что во многомъ ошибся. Вотъ въ чемъ твоя ошибка: ты ищешь спасенія въ мятежѣ, въ насиліи. Среди насъ ты найдешь дружбу, которая исцѣлитъ тебя отъ горечи одиночества; у насъ всѣ люди любятъ другъ друга, какъ братья, не разбирая: черныя или бѣлыя у нихъ руки.

— Коллективная дружба? Благодарю. Я желаю, чтобы мой другъ былъ только моимъ другомъ.

— Кто мѣшаетъ тебѣ избрать друга по душѣ? Нужно только полюбить себя въ другихъ. Быть однимъ изъ камней зданія.

— Каплей воды въ рѣчкѣ?

— Ну, что-жъ? Капля испаряется, но рѣка орошаетъ поля, она — могучій двигатель. Мы предлагаемъ тебѣ не только дружбу, но и опредѣленную цѣль — *дѣйствіе*, въ которомъ суть жизни...

— Я узнаю тебя, Клодъ, въ твоихъ благородныхъ порывахъ! — прервалъ его Валентинъ: — но для того, чтобы дѣйствовать, нужно *вѣрить*, а этой вѣры у меня нѣтъ, и взять ее не откуда. Я не могу подчинить свою мысль; она смѣла, она не знаетъ страха и компромиссовъ, — я не властенъ поставить ее въ извѣстныя границы, — она переступитъ ихъ. Такою сдѣлали ее два вѣка изысканій, критики, неутомимыхъ стремленій къ свободѣ, два вѣка прогресса... Ходъ исторіи нельзя измѣнить, какъ бы ни трудились надъ этимъ твои друзья...

— Но вѣдь ты видишь, что вашъ разумъ признаётъ себя безсильнымъ? Ты говоришь объ одержанныхъ въ теченіе двухъ вѣковъ побѣдахъ, — я указываю на принесенное ими разрушеніе. Мы хотимъ спасти оставшееся...

— Алтарь и кошелекъ?

— Любовь и вѣру, — опору, которую ищетъ твое сердце и отталкиваетъ умъ.

— Нѣтъ, я хочу полной свободы, полной истины, а вы предлагаете ярмо или самообманъ. Вспомни сына Агари, Измаила. О немъ сказано было, что онъ разобьетъ свои шатры въ пустынѣ; я — изъ его потомства. Духъ мятежа служитъ намъ замѣною счастья, — наше мужество равно вашимъ добродѣтелямъ. Ты мнѣ говоришь: вѣруй въ Бога и въ рай, въ этомъ — спасеніе. Удачники, подобные Урбэну, говорятъ: вѣрь въ человѣчество, утѣшайся въ страданіяхъ, думая о его прогрессѣ, разсчитывай на его разумъ, который улучшитъ судьбу грядущихъ поколѣній. Обманъ, заблужденіе съ обѣихъ сторонъ! Если небеса пусты, ты становишься сообщникомъ невѣроятнаго метафизическаго мошенничества; если люди не способны стать лучшими, — что подтверждаетъ исторія, — зданіе будущаго — такой же миражъ, какъ и твой рай. Мѣняется — сообразно съ аппетитомъ рыбокъ — только приманка на удочкѣ. Чего же ждать отъ неба и земли?

Грустное впечатлѣніе производилъ молодой голосъ, произносившій эти слова отчаянія. Они замирали въ шумѣ осенняго вѣтра, разносившаго ихъ какъ зерна. Со сжавшимся сердцемъ, Клодъ отвѣтилъ:

— Прежде чѣмъ знать, мыслить и судить,—нужно жить. А среди этого хаоса что дастъ тебѣ силу жить?

— Надежда высказать современемъ горькую истину, поднять бурю, отъ которой разлетятся ваши раскинутые на пескѣ шатры... Я уже далеко ушелъ съ прошлаго года, и я пойду еще дальше. Ступай, паси свое стадо,—я буду съ волками.

Гуляющіе расходились. Порывы рѣзкаго вѣтра срывали съ деревьевъ листву, усыпавшую дорожки; влажныя тѣни сгущались подъ каштанами. Клодомъ на мигъ овладѣло отчаяніе живого человѣка, въ котораго вцѣпился утопающій и тащитъ его съ собою ко дну. Но, поборовъ себя, онъ твердо сказалъ:

— Дѣло сильнѣе мысли, дружба выше разсужденій. Мы спасемъ тебя—вопреки тебѣ.

Валентинъ почти крикнулъ:

— Нѣтъ, вы меня не спасете!

— Что тебѣ сказать на это? — грустно и кротко отвѣтилъ Клодъ. — Вотъ это уже не слово, но фактъ: если моя помощь тебѣ понадобится, я—твой всегда и во всемъ.

— Добрый самаритянинъ!—усмѣхнулся Валентинъ.—Благодарю тебя, я не нуждаюсь въ состраданіи.

— Я не говорю о состраданіи; я предлагаю тебѣ мою дружбу. Хочешь ты этого, или нѣтъ—я всегда останусь твоимъ другомъ. До свиданія, милый.

— Быть можетъ—прощай.

Руки ихъ разъединились, они разошлись въ разныя стороны: Клодъ, потрясенный, словно онъ видѣлъ утопавшаго брата, котораго невозможно спасти, Валентинъ—болѣе одинокій, чѣмъ до встрѣчи съ нимъ. Вѣрѣ перваго былъ нанесенъ ударъ, такъ какъ она оказалась несостоятельной,—второй еще болѣе укрѣпилъ въ себѣ духъ мятежа. Одинъ, желая спасти, призывалъ къ себѣ на помощь всю силу любви, другой—изъ гордости отталкивалъ мысль о спасеніи.

А передъ ними—словно обширный, невѣдомый край, словно поле, границы котораго теряются за горизонтомъ—открывалась жизнь съ ея неожиданностями и западнями.

Съ франц. О. Ч.

ИЗЪ

ВИКТОРА ГЮГО

„Chants de crépuscule".

1830 г.

1.

Сіяетъ ратуша, отъ верху и до низу
Заискрились огни гирляндой по карнизу,
И пиръ въ ночную тьму бросаетъ яркій свѣтъ,
Какъ вдохновенья лучъ — божественный поэтъ.
Но пиръ — не мысли лучъ; не въ праздникахъ веселыхъ
Нуждается страна въ годину бѣдъ тяжелыхъ.
И менѣе всего нуждается въ балахъ
Скопленье нищеты, ютящейся въ углахъ.

Не лучше ль предпринять той язвы исцѣленье,
Что въ мудрыхъ вызвала со страхомъ изумленье?
Ступени укрѣпить, что снизу вверхъ идутъ,
Разрушить эшафотъ и обезпечить трудъ,
Малютокъ накормить, просящихъ корку хлѣба!
Не лучше ль — возвратить невѣрующимъ небо,
Чѣмъ люстру зажигать затѣмъ лишь, что непрочь
При шумѣ музыки глупцы не спать всю ночь?

2.

Коль скоро Францію Ты осѣнилъ крыломъ —
Даруй побѣду ей надъ всемогущимъ зломъ;
Не потерпи, Господь, раздоровъ вѣковѣчныхъ,
Печальной повѣсти свободъ недолговѣчныхъ,

Потока думъ, страстей, что словно грозный валъ
Плотину всѣхъ началъ общественныхъ прорвалъ;
Не потерпи борьбу оружія — съ глаголомъ,
Бумажной хартіи — съ гранитнымъ произволомъ,
Волны съ волною споръ, что тянется вѣка:
Пусть знатный презирать не смѣетъ бѣдняка!
Не потерпи войны ожесточенно-злобной,
Всѣхъ партій и властей войны междоусобной,
Сумятицы и жертвъ и воплей безъ числа,
Рѣшеній сумрачныхъ, что порождаетъ мгла!
Они убійственною ненавистью дышатъ,
Глумясь надъ совѣстью, свободой и добромъ,
И часто потому со страхомъ люди слышатъ
На улицахъ въ ночи орудій тяжкихъ громъ.

О. Чюмина.

АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ

Письмо изъ деревни.

9-го января нынѣшняго года, у насъ, въ г. Мокшанѣ, открылось экстренное уѣздное земское собраніе, созванное по вопросу о посредничествѣ земства въ надѣленіи малоземельныхъ крестьянъ землей прямо крестьянскимъ банкомъ или при участіи его. Послѣ ознакомленія собранія съ предложеніями министерства финансовъ, крестьянскаго банка и мѣстнаго его отдѣленія, сразу завязались горячія пренія. Первымъ гласнымъ, который говорилъ, было указано, что уже въ настоящее время, собственно въ Европейской Россіи, нѣтъ ненадѣльной земли, чтобы ею достаточно надѣлить малоземельныхъ крестьянъ, и она распредѣлена очень часто не тамъ, гдѣ въ ней крестьяне наиболѣе нуждаются. Очевидно, одно переселеніе можетъ, уже въ данное время, разрѣшить удовлетворительно вопросъ о надѣленіи малоземельныхъ крестьянъ необходимой для нихъ землей, но и тутъ является серьезное затрудненіе: какъ понимать,—кто малоземельный крестьянинъ? Въ сущности, все крестьянство не имѣетъ достаточно земли, чтобы жить ею одной безбѣдно и самостоятельно, какимъ бы надѣломъ оно ни пользовалось: дарственнымъ, малымъ, среднимъ или высшимъ. Во всякомъ крестьянскомъ поселкѣ,—вполнѣ независимо отъ количества земли, какимъ онъ пользуется,—населеніе разнородно: есть богатые, средніе и обѣднѣвшіе крестьяне. Вѣрныхъ данныхъ о послѣднихъ не имѣется, и потому невозможно правильно судить о размѣрѣ дѣйствительной нужды въ землѣ.

Слѣдующій говорившій гласный посмотрѣлъ на вопросъ совершенно съ другой стороны и обратилъ вниманіе собранія на неправильность оцѣнки крестьянскимъ банкомъ земли. Онъ указалъ на западную Европу, въ которой, несмотря на несоразмѣрно болѣе, чѣмъ у насъ, высокую производительность земли, а также несмотря на

лучшія климатическія и экономическія условія, чистая доходность земли опредѣляется около *двухъ процентовъ* ея стоимости; тогда какъ крестьянскій банкъ капитализируетъ чистую доходность изъ пяти и чуть ли не болѣе процентовъ. Несомнѣнно, мы бѣднѣе средствами, чѣмъ западно-европейскія государства, и у насъ всякаго рода капиталъ долженъ приносить болѣе высокій процентъ, но одинаковый. Было бы справедливѣе капитализировать чистую доходность земли на основаніи того же процента, который приноситъ государственная рента, т.-е. изъ четырехъ, за исключеніемъ пятипроцентнаго налога. Это было бы одинаково выгодно какъ для продавцовъ, такъ и для покупателей: первые получили бы болѣе правильную оцѣнку за свою землю, а вторые относительно меньше платили бы ежегодно за полученную ссуду.

Необходимо пояснить, что во всѣхъ правительственныхъ сообщеніяхъ, доложенныхъ вначалѣ собранію, указывалось на важное значеніе земства и его представителей при опредѣленіи чистой доходности земли совокупно съ органами крестьянскаго банка. Дѣйствительно, при оцѣнкѣ земли среднія ея цѣны, выработанныя вполнѣ правильно, на основаніи точныхъ статистическихъ данныхъ, всего менѣе примѣнимы. Такія цѣны, безспорно, даютъ понятіе о производительности земли, тѣмъ болѣе вѣрное, чѣмъ ближе пользованіе ими къ произведенной оцѣнкѣ. Доходность же земли зависитъ не отъ одной только ея производительности, но и отъ сбыта производимаго ею. Сошлюсь, напримѣръ, на проведеніе пензо-рузаевской вѣтви московско-казанской желѣзной дороги, прошедшей болѣе 60-ти верстъ по мокшанскому уѣзду. Оно сразу подняло доходность земли на рубль и гораздо болѣе съ пахотной десятины, смотря по разстоянію отъ станціи сбыта. Это крупный и, такъ сказать, видимый, наглядный примѣръ; не менѣе убѣдительны болѣе мелкіе примѣры, какъ устройство крупной торговой мельницы или завода для повышенія доходности окружающей ихъ земли. Во всякомъ случаѣ, участіе мѣстныхъ жителей въ оцѣнкахъ крестьянскаго банка представляетъ вѣрное ручательство ихъ правильности.

Указаніе говорившаго гласнаго на облегченіе срочныхъ платежей крестьянствомъ за полученную ссуду при правильной капитализаціи доходности земли сосредоточило, такъ сказать, пренія на этихъ платежахъ. Пренія оживились и все болѣе касались подробностей и мѣстныхъ особенностей. Передать ихъ всецѣло—врядъ ли интересно. Остановлюсь только на болѣе выдающихся положеніяхъ, выяснившихся во время преній. Было высказано, что если крестьянство всюду накопило на себѣ крупную недоимку выкупного платежа, въ сущности весьма необременительнаго, — что же будетъ съ платежами крестьянскому

банку, которые несомнѣнно будутъ выше выкупныхъ? По мокшанскому уѣзду за высшій надѣлъ, состоящій изъ трехъ съ одной-третью десятинъ, выкупной платежъ опредѣленъ въ шесть рублей 20 копѣекъ въ годъ, а крестьянскому банку, пожалуй, придется платить то же самое за одну десятину. Степень непосильности такого платежа горячо обсуждалась гласными-крестьянами. Единогласно они пришли къ заключенію, что высшій годовой платежъ банку за десятину, возможный для рядового крестьянина, это—4 руб. 60 коп. Еще было выяснено, что именно въ этомъ платежѣ и желательна помощь правительства. Крестьянинъ платилъ бы за десятину только 4 руб. 60 коп., а остальное, т.-е. необходимая доплата недостающаго для процента ссуды и ея погашенія, вносилось бы ежегодно государственнымъ казначействомъ. Такая разсроченная на года помощь крестьянству врядъ ли была бы обременительна для правительства. Въ глазахъ гласныхъ-крестьянъ помощь правительства крестьянству въ срочныхъ его платежахъ банку легче для самого правительства, чѣмъ какая-нибудь единовременная въ цѣнѣ покупаемой имъ земли. Пренія коснулись также, но вскользь, размѣра надѣла, при которомъ крестьянская семья можетъ жить безбѣдно. Одинъ изъ гласныхъ-землевладѣльцевъ заявилъ, что такимъ надѣломъ должна быть одна [1]) сороковая десятина на каждую душу обоего пола, достигшую рабочаго возраста. Гласные-крестьяне не возражали, но и не поддержали этого заявленія, хотя отнеслись къ нему одобрительно. Очевидно, по ихъ убѣжденію, размѣръ срочнаго платежа крестьянскому банку имѣлъ первенствующее значеніе. Нѣкоторыми изъ гласныхъ-крестьянъ было заявлено, что при высокомъ срочномъ платежѣ земля будетъ слишкомъ дорога, и такой имъ не надо. Остальными изъ нихъ это замѣчаніе не опровергалось.

Пренія по общему вопросу все болѣе затягивались, хотя для меня, какъ предсѣдателя, уже выяснились тѣ положенія, на которыхъ они могутъ быть сосредоточены и, затѣмъ, рѣшены голосованіемъ, — но неожиданно эти пренія прекратились. Однимъ изъ гласныхъ-землевладѣльцевъ было высказано, что обсужденіе способа надѣленія малоземельныхъ крестьянъ землей нашимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ не имѣетъ серьезнаго значенія. Если мы даже что и постановимъ, разумѣется, въ видѣ ходатайства, это пойдетъ своимъ порядкомъ и врядъ ли будетъ имѣть какое-либо послѣдствіе. Этотъ способъ указанъ правительствомъ, и согласно указанному дѣло уже идетъ бойко. Очень можетъ быть, что само дѣло докажетъ необходимость въ измѣненіи его постановки. Тогда, да очень вѣроятно во всякомъ случаѣ,

---

[1]) Сороковая десятина въ нашей мѣстности ($40 \times 80 = 3.200$ кв. саж.) представляетъ одну казенную десятину ($30 \times 80 = 2.400$ кв. саж.) съ третью.

вопросъ о надѣленіи крестьянъ землей не минуетъ Государственной Думы; мы же созваны для весьма существеннаго дѣла, для избранія представителей земства, которые примутъ участіе, вмѣстѣ съ органами крестьянскаго банка, въ оцѣнкѣ земли, покупаемой крестьянами прямо отъ землевладѣльцевъ или отъ самого банка. Останемтесь же на законной почвѣ и приступимъ къ надлежащимъ выборамъ. Предложеніе было принято единогласно.

Дѣленіе мокшанскаго уѣзда на четыре земскихъ участка на дѣлѣ оказалось удачнымъ и практическимъ по группировкѣ мѣстныхъ интересовъ и особенностей; вслѣдствіе сего было установлено выбрать въ предполагаемую коммиссію изъ живущихъ въ каждомъ участкѣ по одному землевладѣльцу и по одному крестьянину. Составъ посреднической коммиссіи былъ опредѣленъ изъ управы, служащей постояннымъ бюро коммиссіи, и восьми членовъ, т.-е. четырехъ землевладѣльцевъ и четырехъ крестьянъ; на случай отсутствія или невозможности принять участіе въ занятіяхъ коммиссіи избранныхъ членовъ, назначены были восемь кандидатовъ тѣмъ же порядкомъ. Опредѣленные выборы были немедленно проведены закрытой баллотировкой. Тѣмъ же порядкомъ были избраны два представителя для принятія участія какъ въ мѣстномъ отдѣленіи, такъ и въ петербургскомъ совѣтѣ крестьянскаго банка; тѣмъ и окончилось разрѣшеніе вопроса объ участіи уѣзднаго земства въ надѣленіи малоземельныхъ крестьянъ землей, и собраніе перешло къ дальнѣйшимъ своимъ занятіямъ.

Нельзя не упомянуть объ одномъ изъ затрудненій надѣленія малоземельныхъ крестьянъ землей, которое выяснилось въ собраніи, но которое не подверглось всестороннему обсужденію, а оно весьма существенно. Было указано, что общее, лучше сказать—въ большихъ размѣрахъ,—надѣленіе крестьянства землей не обойдется безъ переселенія; было также упомянуто, что съ 1-го января 1907 г. всякій надѣлъ, освободившись отъ бывшихъ на немъ обязательствъ, вмѣстѣ съ усадьбой, представитъ собою возможность получить долгосрочную ссуду, которою облегчится не только пріобрѣтеніе земли, но и всякое переселеніе. Это вѣрно и возможно. Дѣйствительно также, что безъ переселенія и разселенія не обойдется. Не говоримъ о быстромъ ростѣ сельскихъ поселеній, но случаи конкурренціи нѣсколькихъ сельскихъ обществъ на одну и ту же землю встрѣчаются уже теперь, и, несомнѣнно, ихъ будетъ еще болѣе; но, тѣмъ не менѣе, залогъ существующихъ свободныхъ надѣловъ врядъ ли желателенъ.

Въ мокшанскомъ уѣздѣ, да и не въ немъ одномъ, денежная аренда крестьянствомъ землевладѣльческой земли почти не существуетъ, и если она встрѣчается, то со стороны богатыхъ крестьянъ преимущественно подъ бахчи. Нуждающіеся же въ землѣ крестьяне, т.-е. гро-

мадное ихъ большинство, нанимаютъ частную землевладѣльческую землю изъ части производимаго ею. Отчего, почему установилось такъ называемое натуральное хозяйство—нѣтъ надобности выяснять, но разъ оно существуетъ — съ нимъ приходится считаться. Съ другой стороны, врядъ ли возможно стѣснять крестьянина въ распоряженіи имъ его собственностью. Всякое такое, пожалуй весьма благонамѣренное, стѣсненіе будетъ повтореніемъ той же опеки, которая до сихъ поръ ничего существенно хорошаго крестьянству не дала и ни отъ чего дурного его не охранила. Всюду всѣ мелкіе землевладѣльцы мечтаютъ только объ увеличеніи своей земельной собственности и, при малѣйшей возможности къ тому, не остававливаются ни передъ какими жертвами, особенно если онѣ не вполнѣ опредѣленно рисуются въ будущемъ.

Надѣленіе малоземельныхъ крестьянъ землей потребуетъ со стороны государства несомнѣнно громадныхъ денежныхъ затратъ, въ какомъ бы видѣ онѣ ни были осуществлены. Также несомнѣнно, что эти затраты лягутъ тяжелымъ бременемъ на экономическое положеніе всего государства и на развитіе такого положенія въ будущемъ. Необходимо имѣть въ виду, что одновременно является неотложная необходимость ликвидировать расходы только-что окончившейся войны, а также покрыть государственные расходы, вызванные бывшими забастовками и безпорядками. Все вмѣстѣ создаетъ для насъ весьма неблагопріятное положеніе на денежномъ рынкѣ, и, вполнѣ естественно, необходимыя средства будутъ пріобрѣтены по дорогой цѣнѣ, что также вполнѣ естественно затруднитъ необходимѣйшіе производительные государственные расходы и въ настоящемъ, и въ будущемъ. Предположимъ, что скоро настанетъ прочное успокоеніе въ нашемъ обширномъ отечествѣ; условія кредита улучшатся и всякія техническія финансовыя затрудненія будутъ успѣшно устранены. Государственный долгъ увеличится, такъ сказать, нормально,—все же онъ увеличится и очень значительно. Спрашивается: надѣленіе малоземельныхъ крестьянъ землей, т.-е. полное удовлетвореніе, такъ называемаго, земельнаго голода улучшитъ ли кореннымъ образомъ и прочно неудовлетворительное, безспорно, положеніе многомилліоннаго русскаго крестьянскаго населенія?

Бѣдственное положеніе значительной части русскаго крестьянства — несомнѣнно. Оно сказывается въ двухъ видахъ: постояннымъ, хотя въ разнообразныхъ формахъ и остромъ, также разнообразномъ, размѣрѣ, пропорціонально неурожаю, постигшему данную мѣстность. При громадной сплошной земельной площади, занимаемой Россійской имперіей, можно смѣло сказать, что общій урожай является исключеніемъ; каждогодно гдѣ-нибудь или неурожай, или недородъ. Чуть не постоянно правительство, т.-е. государство, вынуждено

тратить болѣе или менѣе значительныя средства на помощь крестьянству. Такое положеніе давно обратило на себя вниманіе общественнаго мнѣнія, которое также давно пришло къ заключенію, что какъ постоянное недоѣданіе, такъ и періодическія голодовки крестьянскія зависятъ отъ недостаточнаго количества земли, находящейся въ пользованіи крестьянства. Такое заключеніе опять-таки давно было усвоено правительствомъ, и былъ основанъ крестьянскій банкъ для снабженія этой землей на льготныхъ условіяхъ нуждающагося въ ней крестьянства.

Вотъ краткая исторія этого снабженія, оказавшагося недостаточнымъ. Нельзя не замѣтить, что идея надѣленія малоземельныхъ крестьянъ землей вполнѣ логична. Дѣйствительно, существующій надѣлъ недостаточенъ для удовлетворенія всѣхъ нуждъ средней крестьянской семьи,—очевидно, надо его увеличить. Рождается, однако, вопросъ, въ одномъ ли только размѣрѣ земельной площади заключается причина бѣдственнаго положенія русскаго крестьянства? Мы видимъ, что общій уровень всей русской сельско-хозяйственной промышленности весьма низокъ, и, за ничтожными исключеніями, древнее трехполье одинаково нынѣ царствуетъ и на крестьянскихъ, и на владѣльческихъ земляхъ. Прежде, когда частное землевладѣніе было дворянскимъ, это объяснялось неумѣньемъ дворянства обойтись безъ утраченнаго имъ дарового труда. Дворянское землевладѣніе постоянно уменьшается и нынѣ значительно уменьшилось. Замѣчательно, что крестьянское землевладѣніе такъ же значительно увеличилось, и особенно въ послѣднее время, съ помощью крестьянскаго банка, покупкою земли товариществами, составленными изъ состоятельныхъ крестьянъ. Постараемся выяснить общее положеніе всего русскаго землевладѣнія.

Для успѣшнаго положенія сельско-хозяйственной промышленности, какъ и для всякой другой, прежде всего и болѣе всего требуется ея вѣрная выгодность. Для обезпеченія этой выгодности во всѣхъ культурныхъ странахъ принимается рядъ мѣръ положительнаго и отрицательнаго характера на пользу земледѣлія, т.-е. правительства стараются устранить причины, препятствующія успѣшному развитію земледѣлія, и вмѣстѣ съ тѣмъ стараются сдѣлать доступными землевладѣнію всякаго рода улучшенія его дѣятельности. Не касаясь послѣднихъ, достаточно указать, что главные европейскіе потребители нашего зерна путемъ высокихъ пошлинъ оградили свою сельско-хозяйственную промышленность отъ конкурренціи русскаго дешеваго зерна, прибавимъ— всякаго, не одного только русскаго. Общественное мнѣніе убѣждено, что только наше крестьянское землевладѣніе бѣдствуетъ, а частное благоденствуетъ. Въ доказательство сего указывается, что урожай на частновладѣльческой землѣ всегда выше, чѣмъ на крестьянской. Это

невѣрно. Крестьянская обработка полей въ послѣднее время значительно улучшилась; прежнее „кое-какъ“ уже не существуетъ. Нельзя не замѣтить, что не характеръ русскаго народа создалъ настоящія условія земледѣльческаго труда, а эти условія вліяли и вліяютъ на народъ, отличительная черта котораго—умѣнье приспособляться къ дѣйствительности.

Предположимъ, однако, что безусловно правы тѣ, которые утверждаютъ, что русское землевладѣніе страдаетъ отъ темноты, невѣжества, некультурности въ обработкѣ полей. Предположимъ также, что плужная пашня наивѣрнѣйшимъ образомъ спасаетъ отъ засухи; но неурожаи у насъ не зависятъ только отъ климатическихъ условій. Въ 1905 году въ мокшанскомъ уѣздѣ озимый червь произвелъ громадныя опустошенія, настолько, что для посѣва ржи пришлось покупать сѣмена, какъ сельскимъ обществамъ, такъ и частнымъ землевладѣльцамъ. Вообще насѣкомыя-вредители полей приносятъ весьма значительные убытки на всякой землѣ, кому бы она ни принадлежала. Въ семидесятыхъ годахъ прошлаго XIX столѣтія, въ нашемъ уѣздѣ какъ землевладѣльцы, такъ и крестьяне получали изрядные барыши отъ посѣва сурѣпки; появился маленькій черный червячокъ, и въ 4—5 дней пропадалъ весь урожай. Явленіе повторилось, и теперь сурѣпки не видать на мокшанскихъ поляхъ. Въ восьмидесятыхъ годахъ того же столѣтія очень выгоденъ былъ посѣвъ гороха „Викторія“, которымъ увлекалось и крестьянство; появилась гороховая тля—и опять убытки, прекратившіе только-что расширившіеся посѣвы этого растенія. Я бы могъ еще упомянуть о мелкой мушкѣ, съѣдающей только-что показавшіеся всходы чечевицы и конопли, но, полагаю, сказаннаго довольно, чтобы доказать, что урожай не зависитъ только отъ обработки земли. Борьба съ насѣкомыми-вредителями полей непосильна не только для очень крупнаго землевладѣльца, но и для земскихъ группъ. Требуется тщательное изученіе жизни такихъ вредителей со стороны ученаго спеціалиста, производство однообразныхъ многочисленныхъ опытовъ въ разныхъ мѣстахъ, и только тогда можно надѣяться, что найдется вѣрный и доступный способъ борьбы съ этими насѣкомыми. Такой лабораторный и опытный трудъ можетъ успѣшно исполнить только центральное учрежденіе. Удовлетвореніе общихъ потребностей лежитъ на обязанности правительства, располагающаго общими средствами. Не въ однихъ только энтомологическихъ трудахъ и изысканіяхъ нуждается захудалая русская сельско-хозяйственная промышленность. Укажу еще только на улучшеніе скотоводства, столь необходимое для всего землевладѣнія, а особенно для крестьянскаго. Несомнѣнно, бывшій министръ земледѣлія, при его знаніи и энергіи, много сдѣлалъ по этой части; но это многое относительно къ тѣмъ сред-

ствамъ, которыми онъ располагалъ; крупнаго же вліянія на общее скотоводство всей Россіи оно не имѣло и не могло имѣть. Какъ указанныя мною мѣры, такъ и почти всѣ виды помощи сельскому хозяйству требуютъ много и очень много времени, чтобы принести видимую, такъ сказать осязательную общую пользу. Между тѣмъ, самый крупный землевладѣлецъ въ Россійской имперіи, т.-е. крестьянство, нуждается въ выгодномъ сбытѣ своихъ произведеній.

Русское дешевое зерно на европейскомъ хлѣбномъ рынкѣ конкуррируетъ съ таковымъ же другихъ странъ. Если мы постоянно и постепенно бѣднѣемъ отъ невыгоднаго сбыта нашихъ произведеній, то, казалось бы, такой же участи должны подвергаться и наши конкурренты; однако, мы этого не видимъ. Напротивъ, наши конкурренты благоденствуютъ и богатѣютъ. Старинный и самый серьезный нашъ конкуррентъ, Сѣверо-Американскіе Штаты, благодаря увеличенію своего населенія и развитію своей промышленности, дѣлается все болѣе потребителемъ собственнаго зерна, а не экспортеромъ его. Главная причина разницы вліянія одного и того же экономическаго явленія заключается въ дешевизнѣ и удобствѣ сбыта произведеній нашихъ конкуррентовъ. Наша желѣзнодорожная сѣть въ послѣднее время значительно увеличилась, но она еще далеко не достигла до того положенія, въ которомъ находятся желѣзнодорожныя сообщенія въ культурныхъ странахъ. Впрочемъ, Европейская Россія нынѣ страдаетъ не отъ недостатка желѣзныхъ дорогъ, а отъ ихъ неудовлетворительности. Грустная исторія желѣзнодорожныхъ хлѣбныхъ залежей съ полной ясностью доказала, что это явленіе—постоянное, которое, подъ вліяніемъ случайныхъ условій, можетъ только или обостряться, или облегчаться. При такомъ постоянствѣ тотъ или другой размѣръ обрабатываемой земли не можетъ имѣть рѣшающаго значенія на производительность земледѣльческаго труда и способы его примѣненія. Все землевладѣніе должно бѣднѣть, и оно бѣднѣетъ. Въ какой бы полнотѣ ни было осуществлено надѣленіе землей малоземельныхъ крестьянъ, оно не достигнетъ своей цѣли, если не будутъ устранены существующія постоянныя препятствія сбыта произведеній земли, кореннымъ образомъ задерживающія естественное развитіе нашего отечественнаго сельскаго хозяйства.

Европейскій хлѣбный рынокъ снабжается русскимъ зерномъ почти исключительно изъ Европейской Россіи. Говоря о конкурренціи этого зерна съ таковымъ же иностраннымъ, необходимо упомянуть, что зерну русскаго центра на мѣстѣ приходится выдерживать конкурренцію съ сибирскимъ, т.-е. все же русскимъ и еще болѣе дешевымъ зерномъ. Несомнѣнно нынѣ, въ такъ сказать медовый мѣсяцъ снабженія малоземельныхъ крестьянъ землей, переселеніе въ Сибирь пріостановится,

но не прекратится. Туда пойдутъ люди, вполнѣ подготовленные къ новой жизни, и тѣмъ на востокѣ создадутся прочныя основы колонизаціи, что въ свою очередь привлечетъ и, пожалуй, усилитъ переселеніе, нѣсколько измѣнивъ его. Не земельная тѣснота, не земельный голодъ вынудятъ искать счастья на новыхъ мѣстахъ, а предпріимчивость, въ недостаткѣ которой нельзя обвинить русскій народъ. Что бы ни было, но для зерна русскаго центра нѣтъ ни малѣйшаго основанія ожидать прекращенія конкурренціи съ сибирскимъ. Европейской Россіи вполнѣ возможно оградить себя отъ такой конкурренціи таможней, пошлинами; но такая радикальная мѣра принесетъ только вредъ какъ восточной, такъ и западной Россіи. Несравненно полезнѣе было бы общее развитіе удовлетворительныхъ путей сообщенія. Желѣзныя дороги не только облегчаютъ сбытъ всякаго рода, но онѣ открываютъ новые пункты для сбыта и создаютъ новыя условія экономической дѣятельности.

Русское сельское хозяйство, старались мы доказать, не можетъ естественно развиваться подъ гнетомъ тяжкихъ условій, въ которыхъ оно находится. Однако встрѣчаются образцовыя доходныя хозяйства. Ничего нѣтъ удивительнаго, что въ такомъ-то крупномъ имѣніи съ выгодой разводится племенное чистокровное скотоводство, или введено многопольное полеводство съ посѣвомъ корнеплодовъ, которые тутъ же переработываются въ сахаръ или спиртъ. Сѣменныя и племенныя хозяйства всюду существуютъ, но они отнюдь не могутъ служить указателями общаго уровня сельскаго хозяйства и его доходности въ данной мѣстности. Еще менѣе могутъ быть такими указателями имѣнія, въ которыхъ главная статья доходности получается отъ обработывающей промышленности. Дѣйствительно, встрѣтить — при настоящихъ общихъ экономическихъ условіяхъ — доходное крестьянское хозяйство—удивительно. Я могу указать на подобное въ нашемъ мокшанскомъ уѣздѣ, и позволю себѣ сдѣлать это нѣсколько подробно.

Только осенью прошлаго 1905 года мнѣ наконецъ удалось закрыть коммиссію по отчужденію земель, отошедшихъ подъ пензо-рузаевскую вѣтвь московско-казанской жел. дороги. Полное движеніе на этой вѣтви производится уже нѣсколько лѣтъ, а дѣла по отчужденію затянулись не столько по самой оцѣнкѣ земли, сколько по неисполненію обязательствъ, обѣщанныхъ агентомъ дороги, и разнымъ недоразумѣніямъ, препятствовавшимъ окончанію дѣлъ. Съ перваго взгляда многія требованія сельскихъ обществъ казались чрезмѣрными. Наиболѣе яркій примѣръ такихъ требованій представило крупное село мокшанскаго уѣзда, Вазерки, состоящее изъ двухъ приходовъ, Устъ-Вазерки и Покровскія-Вазерки, и такихъ же двухъ сель-

скихъ обществъ. Крестьяне обоихъ обществъ искони занимаются разведенiемъ капусты, которую сбываютъ въ г. Пензу и дальнiя мѣста. Желѣзная дорога заняла около *семнадцати* десятинъ сплошныхъ, такъ называемыхъ, капустниковъ этихъ обществъ. Въ виду невозможности привести обѣ стороны къ соглашенiю, мокшанская коммиссiя по отчужденiю отправилась въ полномъ своемъ составѣ на мѣсто и въ присутствiи сторонъ и вызванныхъ ими экспертовъ произвела оцѣнку отчуждаемой земли. Принявъ за основанiе своей оцѣнки производимое на одной квадратной сажени, стоимость этого производимаго по средней цѣнѣ за истекшiя пять лѣтъ, также всѣ расходы производства, даже въ усиленномъ размѣрѣ, коммиссiя вынуждена была признать, что чистая доходность одной квадратной сажени капустника опредѣлится въ *пять копѣекъ*. Въ казенной десятинѣ 2.400 кв. саж., а слѣдовательно, чистый ея доходъ—*сто-двадцать* рублей. На основанiи 6-го пункта 584 ст. X тома св. зак., капитализируя эту доходность изъ пяти процентовъ, пришлось опредѣлить цѣнность десятины капустника въ *двѣ тысячи четыреста* рублей. Объявленiе такого рѣшенiя произвело съ начала удручающее впечатлѣнiе на представителя общества московско-казанской желѣзной дороги, но потомъ онъ подбодрился. Помню, я этимъ воспользовался и посовѣтовалъ ему предложить крестьянамъ за десятину немедля полторы тысячи рублей, даже нѣсколько менѣе; они навѣрное согласятся,—иначе придется заплатить всѣ 2.400 руб., такъ какъ разсчетъ, принятый коммиссiей въ основанiе рѣшенiя, безусловно вѣренъ и документально, и математически. Представитель желѣзной дороги заявилъ съ нѣкоторой улыбкой, что никакой разсчетъ не можетъ оправдать оцѣнки, превышающей въ десять разъ высшую цѣну пахотной земли въ мокшанскомъ уѣздѣ. Онъ ошибся. Необходимо пояснить, что, согласно 588 ст. X т. св. зак., окончательное рѣшенiе коммиссiи по отчужденiю, черезъ губернатора, идетъ далѣе и утверждается, или не утверждается, въ суммѣ до трехъ тысячъ рублей министромъ путей сообщенiя, свыше ея—государственнымъ совѣтомъ. Высочайше утвержденнымъ 23-го марта 1903 г. мнѣнiемъ государственнаго совѣта оцѣнка мокшанской коммиссiи по отчужденiю вазерскихъ капустниковъ была утверждена, но обществу московско-казанской желѣзной дороги пришлось заплатить за эти капустники гораздо дороже оцѣнки. Въ 589 ст. того же X тома сказано: „Желѣзная дорога выдаетъ владѣльцу не только деньги, опредѣленныя ему за имущество, но, сверхъ того, проценты по шести на сто въ годъ со дня занятiя имущества по день уплаты". На основанiи этой статьи обществу московско-курской жел. дороги пришлось уплатить крестьянамъ Покровскихъ-Вазерокъ за 12 десятинъ 1470 кв. саж. 30.270 р. и процентовъ 15.094 р. 64 к., а по Устъ-Вазеркамъ за 4 дес. 1.258 саж.

10.858 р. и процентовъ 5.405 руб. 63 коп., въ общемъ безъ малаго 3.600 р., — *три тысячи шестьсотъ* рублей за десятину капустника!

Такой же случай былъ и въ сосѣднемъ съ Вазерками крупномъ селѣ, Безсоновкѣ, крестьяне котораго искони занимаются полевымъ посѣвомъ лука и картофеля: первый вывозится желѣзной дорогой въ дальнія губерніи, а второй сами крестьяне развозятъ на винокуренные заводы, болѣе или менѣе отдаленные. Безсоновка находится въ пензенскомъ уѣздѣ, и объ ея отношеніяхъ съ обществомъ московско-казанской жел. дороги я не имѣю точныхъ цифровыхъ свѣдѣній. Я нисколько не намѣренъ, на основаніи приведенныхъ примѣровъ, доказывать высокую цѣнность земли въ мокшанскомъ и пензенскомъ уѣздахъ. Случаи такого рода рѣдки и весьма рѣдки, но, тѣмъ не менѣе, они, полагаю, вполнѣ убѣдительно доказываютъ умѣнье русскаго крестьянства пользоваться благопріятными условіями для развитія своей дѣятельности. Естественно напрашивается свѣтлое представленіе о томъ, что могло бы сдѣлать наше темное крестьянство, еслибы оно имѣло во всякое время вѣрный сбытъ для своихъ произведеній. Несомнѣнно, привести наши желѣзныя дороги въ такое состояніе, при которомъ онѣ бы вполнѣ могли исполнить свое назначеніе, потребуетъ значительныхъ затратъ. Несомнѣнно, что теперь не время для такихъ затратъ, но эти затраты производительны и онѣ скоро и даже весьма скоро окупятся. Не одно только землевладѣніе будетъ въ выгодѣ, хотя бы только отъ прекращенія тѣхъ убытковъ, которые оно несетъ отъ однѣхъ только хлѣбныхъ залежей на желѣзнодорожныхъ станціяхъ. Наконецъ, чѣмъ оживленнѣе дѣятельность желѣзныхъ дорогъ, тѣмъ также оживленнѣе идетъ и экономическая жизнь той мѣстности, черезъ которую эти дороги пролегаютъ. Удовлетворительность желѣзныхъ дорогъ—общегосударственная потребность. Надо надѣяться, что она будетъ признана и удовлетворена. Общія экономическія условія, несомнѣнно, тогда улучшатся, а вслѣдствіе сего и надѣленіе малоземельныхъ крестьянъ землей принесетъ дѣйствительную пользу нашему нынѣ захудалому крестьянству.

Кн. Дм. Друцкой-Сокольнинскій.

с. Знаменское.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1906.

Начало выборовъ въ Государственную Думу.—Историческая параллель.—Характерные выборы. — Неунывающій административный произволъ.—Временныя правила объ охранѣ выборовъ и о публичныхъ собраніяхъ. Манифестъ 20-го февраля и „чрезвычайныя обстоятельства". — Отвѣтственность министровъ и право запроса.

Въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки, до открытія губернскихъ избирательныхъ собраній первой очереди, т.-е. до начала непосредственныхъ выборовъ въ Государственную Думу, остается немногимъ болѣе недѣли. Обстановка, при которой наступаетъ этотъ важнѣйшій моментъ русской государственной жизни, по прежнему до крайности неблагопріятна. Изъ напечатанной въ „Правѣ" (№ 10) таблицы мѣстностей, находящихся въ „исключительныхъ условіяхъ", видно, что въ 41 губерніяхъ и областяхъ, на всемъ ихъ пространствѣ или въ какихъ-либо ихъ частяхъ, объявлено и до сихъ поръ не снято военное положеніе; въ 27 губерніяхъ (съ тою же оговоркой) дѣйствуетъ усиленная, въ 15—чрезвычайная охрана. Въ какой степени это способствуетъ свободѣ и правильности выборовъ—понятно и безъ объясненій. Стѣсняя мирныхъ гражданъ, затрудняя сношенія и соглашенія ихъ между собою, исключительныя мѣры отнюдь не обезпечиваютъ спокойствія и порядка, не предупреждаютъ посягательствъ на личность и имущество. Особенно часто покушенія на убійство полицейскихъ чиновъ повторяются въ царствѣ польскомъ, которое все цѣликомъ находится во власти военнаго положенія. Колоссальный грабежъ совершенъ на дняхъ въ Москвѣ, несмотря на чрезвычайную охрану. Достигающими цѣли всѣ безчисленныя изъятія изъ закона, всѣ явныя его нарушенія—въ родѣ разстрѣловъ безъ суда и другихъ возмутительныхъ экзекуцій—можно признать только въ такомъ случаѣ, если свести эту цѣль къ временному устраненію

или „обезвреживанію“ политическихъ противниковъ: къ арестованію и высылкѣ дѣятельныхъ представителей оппозиціонныхъ группъ, къ пріостановкѣ или прекращенію наиболѣе „опасныхъ“ періодическихъ изданій...

Въ исторіи западно-европейскихъ конституціонныхъ государствъ мы знаемъ только одинъ эпизодъ, напоминающій, отчасти, то что происходитъ теперь передъ нашими глазами: это—плебисцитъ, непосредственно послѣдовавшій во Франціи за государственнымъ переворотомъ 2-го декабря 1851-го года и подтвердившій созданное въ этотъ день всевластіе Людовика-Наполеона. Парижскіе бульвары были обагрены кровью безоружной толпы, тюрьмы переполнены ни въ чемъ неповинными гражданами, провинціи наводнены чрезвычайными судами, сотни такъ называемыхъ подозрительныхъ или опасныхъ людей предназначены къ ссылкѣ въ Кайенну, не даромъ прозванную „сухой гильотиной“. При такой же, приблизительно, обстановкѣ состоялись, въ началѣ 1852-го года, и первые выборы въ законодательный корпусъ, окончившіеся полнѣйшимъ торжествомъ „оффиціальныхъ кандидатовъ“. Рядомъ со сходствомъ нетрудно замѣтить, однако, и громадное различіе. Французскимъ обществомъ овладѣли, послѣ ужасныхъ декабрьскихъ дней, два настроенія, противоположныя одно другому, но одинаково выгодныя для новаго правительства: съ одной стороны—жажда тишины и покоя, съ другой—безнадежность, близкая къ отчаянію. Оба настроенія были тѣсно связаны со всѣмъ пережитымъ Франціею послѣ февральской революціи, главнымъ образомъ—съ іюньскими днями 1848-го года, въ однихъ—породившими паническій страхъ передъ надвигающимся пролетаріатомъ, въ другихъ—возбудившими ненависть и недовѣріе къ буржуазіи. Не то мы видимъ въ настоящее время у насъ въ Россіи. Несмотря на реакціонный терроръ, ни въ обществѣ, ни въ народныхъ массахъ не видно признаковъ унынія и апатіи. И это вполнѣ понятно: въ нашемъ ближайшемъ прошломъ нѣтъ такихъ разочарованій, какія испытала Франція полвѣка тому назадъ. Вѣра въ лучшее будущее у насъ не поколеблена: отъ него Россія ждетъ конца тѣхъ золъ, которыя такъ долго надъ нею тяготѣли. Особенно велика разница между французскими крестьянами пятидесятыхъ годовъ и нашей современной крестьянской массой. Французскіе крестьяне, мелкіе собственники, страшно боялись раздѣла земель, которымъ ихъ усиленно пугали вызыватели „краснаго призрака“ (le spectre rouge); русскіе крестьяне-общинники, въ средѣ которыхъ никогда не угасала мысль о дополнительной прирѣзкѣ земли, сами ставятъ аграрный вопросъ. Французскіе рабочіе, въ декабрѣ 1851-го года, были либо неорганизованы, либо дезорганизованы. О большинствѣ современныхъ рус-

скихъ рабочихъ нельзя сказать ни того, ни другого. Въ ихъ средѣ широко распространена, къ сожалѣнію, идея „бойкота“; но когда она потеряетъ свое обаяніе, между рабочимъ классомъ и другими прогрессивными слоями общества не окажется, мы этому вѣримъ, непреодолимой преграды.

О составѣ Государственной Думы, а слѣдовательно, и о направленіи, которое она съ самаго начала приметъ, возможны, пока, лишь мало обоснованныя догадки. Съ нѣкоторой увѣренностью можно сказать только одно: она будетъ далеко не однородной и прогрессивные элементы будутъ представлены въ ней не очень слабо. Указаніе на это мы видимъ особенно въ образѣ дѣйствій крестьянъ—какъ тѣхъ, которые принимаютъ участіе въ съѣздахъ мелкихъ, а затѣмъ и крупныхъ землевладѣльцевъ, такъ и тѣхъ, которые выбираютъ уполномоченныхъ на волостныхъ сходахъ. И тамъ, и тутъ, несмотря на разнаго рода преграды, выборъ падаетъ нерѣдко на крестьянъ, настроенныхъ не по оффиціальному или оффиціозному камертону. Вотъ что мы узнаёмъ, напримѣръ, изъ письма бѣжецкаго (тверской губерніи) корреспондента „Страны“. На уѣздномъ избирательномъ съѣздѣ, происходившемъ въ Бѣжецкѣ 10-го марта, участвовало 122 лица, въ томъ числѣ 81—уполномоченныхъ отъ мелкихъ землевладѣльцевъ (преимущественно крестьяне) и 41 — крупныхъ землевладѣльцевъ. Въ день выборовъ оказалось, что, вслѣдствіе обусловленнаго запретительными мѣрами отсутствія предвыборныхъ собраній, крестьяне, явившіеся на съѣздъ изъ разныхъ угловъ огромнаго уѣзда, другъ друга совершенно не знаютъ. Послѣ совѣщаній, происходившихъ на дворѣ и на улицѣ, крестьяне остановились на мысли избрать выборщиковъ исключительно изъ своей среды, но пожелали предварительно переговорить съ другими избирателями. Образовалось предвыборное собраніе, избравшее предсѣдателемъ В. Д. Кузьмина-Караваева. Крестьяне заявили, что ихъ больше всего интересуетъ земельный вопросъ. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ объяснилъ имъ, что еслибы даже всю землю раздѣлить сейчасъ между крестьянами, то черезъ двадцать лѣтъ ея опять не хватитъ; но для облегченія малоземельныхъ необходимо прирѣзать имъ теперь же изъ казенныхъ и частновладѣльческихъ земель—прирѣзать за плату, а не даромъ, что было бы обидно для купившихъ землю. Дальше В. Д. Кузьминъ-Караваевъ указалъ на тяжелое политическое и гражданское положеніе крестьянъ и подчеркнулъ необходимость бороться съ бюрократіей, гнетущей какъ крестьянъ, такъ и всѣ другія сословія. Крестьяне, выслушавъ эти объясненія, опять ушли совѣщаться и, какъ показалъ результатъ выборовъ, рѣшили дать свои голоса не только представителямъ крестьянства, но и двумъ дворянамъ. Съ большимъ

блескомъ прошелъ В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, получившій 111 голосовъ изъ 122; кромѣ него выбраны М. П. Глѣбовъ (предсѣдатель спб. столичнаго мирового съѣзда), 67 голосами, и четверо крестьянъ (77, 64, 64 и 63 гол.). Предводитель дворянства (бывшій предсѣдатель по назначенію тверской губернской управы) и земскій начальникъ отказались отъ баллотировки; забаллотированъ мѣстный благочинный, выступившій отъ имени партіи правового порядка.

Въ этой корреспонденціи все характерно. Она бросаетъ, прежде всего, яркій свѣтъ на значеніе предвыборнаго періода. Еслибы не „запретительныя мѣры", крестьяне-уполномоченные отъ мелкихъ землевладѣльцевъ не явились бы на избирательный съѣздъ совершенно незнакомыми другъ съ другомъ, совершенно неподготовленными къ предстоявшей имъ задачѣ. Изъ бесѣды съ другими, лучше освѣдомленными избирателями, они вынесли бы убѣжденіе, что защита крестьянскихъ интересовъ передъ Государственной Думой не можетъ быть успѣшно ведена одними крестьянами. Хорошо, что въ послѣднюю минуту имъ была дана возможность наверстать потерянное; но вѣдь для этого нужна была совокупность условій, встрѣчающихся далеко не вездѣ, нужна была власть, не слишкомъ настаивающая на предупрежденіи и пресѣченіи „разговоровъ"; нужны были вліятельные члены съѣзда, которымъ нельзя было отказать въ правѣ отвѣтить на вопросы крестьянъ. Предоставленные самимъ себѣ, крестьяне въ лучшемъ случаѣ забаллотировали бы всѣхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, не различая друзей отъ враговъ или индифферентовъ, а въ худшемъ—подчинились бы давленію власть имущихъ... Замѣчательно, дальше, что бѣжецкіе избиратели-крестьяне дали всѣ или почти всѣ свои голоса лицу, въ словахъ котораго не было ничего похожаго на подлаживанье къ крайнимъ взглядамъ: В. Д. Кузьминъ-Караваевъ прямо высказался противъ перехода къ крестьянамъ *всей* частновладѣльческой земли и за *возмездность* принудительнаго отчужденія. Избранію В. Д. Кузьмина-Караваева много помогла, безъ сомнѣнія, прежняя его извѣстность, какъ мѣстнаго земскаго дѣятеля; но она одна едва ли доставила бы ему большинство голосовъ, да еще такое громадное, еслибы объясненія, имъ данныя, не пришлись по сердцу избирателей-крестьянъ. Выборы, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ рисковавшіе остаться „слѣпыми", сдѣлались „зрячими", какъ только произошло общеніе между участниками избирательнаго съѣзда.

Тѣ сравнительно немногія данныя, которыми мы пока располагаемъ, убѣждаютъ насъ въ томъ, что на избирателей вліяютъ не только имена, раньше имъ извѣстныя и симпатичныя, но и партійныя программы, пропагандируемыя путемъ печати и собраній. Иначе нельзя объяснить успѣхъ, во многихъ мѣстахъ достающійся на долю консти-

туціонно-демократической партіи. Въ широкихъ общественныхъ слояхъ она пользуется довѣріемъ, пріобрѣтеннымъ отчасти благодаря проводимымъ ею идеямъ, отчасти благодаря даровитости ея руководителей и усердію ея рядовыхъ членовъ. Если припомнить, какое сильное противодѣйствіе она испытала со стороны властей, какимъ ожесточеннымъ нападеніямъ подверглась со стороны защитниковъ бойкота, то достигнутые ею результаты нельзя не признать весьма значительными. Особенно характерно то, что ея взгляды успѣли проникнуть въ крестьянскую массу. Крестьянству, повидимому, суждено сыграть большую роль въ Государственной Думѣ. Помимо членовъ Думы, обязательно избираемыхъ крестьянами изъ среды крестьянъ, къ той же средѣ, судя по извѣстнымъ уже теперь фактамъ, будутъ принадлежать и многіе другіе, свободно избранные губернскими избирательными собраніями. Трудно предугадать, подъ какое знамя станутъ представители крестьянства; предположить, съ большою вѣроятностью, можно только одно—что они не примкнутъ всецѣло къ партіямъ застоя или регресса. Ручательствомъ въ этомъ служитъ въ нашихъ глазахъ аграрный вопросъ, для крестьянъ, безспорно, самый важный изъ всѣхъ ожидающихъ рѣшенія Государственной Думы. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что крестьяне будутъ требовать постановки его на первую очередь — и постановки, притомъ, въ такихъ размѣрахъ и въ такой формѣ, о какихъ не захотятъ и слышать ретроградныя и консервативныя группы. Съ другой стороны, именно на почвѣ аграрнаго вопроса всего легче можетъ произойти сближеніе между крестьянами и лѣвыми партіями. И это далеко не единственная точка соприкосновенія между ними. Для тѣхъ и другихъ одинаково цѣнно равенство передъ закономъ, т.-е. паденіе перегородокъ, отдѣляющихъ крестьянство отъ другихъ сословій и дѣлающихъ его объектомъ ничѣмъ не оправдываемой опеки; для тѣхъ и другихъ одинаково дорого широкое распространеніе народнаго образованія; и тѣ, и другіе одинаково заинтересованы въ болѣе справедливомъ распредѣленіи податного бремени, въ сокращеніи непроизводительныхъ расходовъ, въ расширеніи правъ и средствъ мѣстнаго самоуправленія. Взаимное пониманіе—вотъ все, что нужно для соглашенія между крестьянами и прогрессивными элементами Думы. Наоборотъ, только недоразумѣніе могло бы привести крестьянъ къ союзу съ правыми группами—а недоразумѣніе, при сколько-нибудь нормальномъ ходѣ политической жизни, продолжительнымъ никогда не бываетъ.

Что общая картина выборовъ, несмотря на отмѣченные нами свѣтлые уголки, представляетъ много печальнаго—въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Началу избирательнаго періода предшествовалъ длинный рядъ систематическихъ правонарушеній, не прекратившихся и

понынѣ. Въ газетахъ появляются сообщенія объ арестѣ крестьянъ, только что выбранныхъ въ уполномоченные волостныхъ сходовъ. Это—уже не „предохранительныя мѣры“, принимаемыя съ цѣлью заблаговременнаго „оздоровленія“ выборной атмосферы: это—прямая борьба съ избирателями, прямое отрицаніе ихъ права и игнорированіе ихъ воли. На каждомъ шагу чувствуются, далѣе, вопіющіе недостатки избирательной системы. Какъ характерна, напримѣръ, малочисленность большинства съѣздовъ мелкихъ землевладѣльцевъ, какъ ярко она иллюстрируетъ несостоятельность трехстепенныхъ выборовъ! Зная, что имъ предстоитъ только выбрать уполномоченныхъ на уѣздный съѣздъ, который, въ свою очередь, посылаетъ только выборщиковъ въ губернское избирательное собраніе, мелкіе землевладѣльцы цѣлыми массами уклонялись отъ пользованія своимъ правомъ, въ особенности тамъ, гдѣ для нихъ въ цѣломъ уѣздѣ назначался только одинъ съѣздъ, т.-е. какъ бы намѣренно затруднялось прибытіе на выборы. При небольшомъ составѣ съѣзда побѣда безъ труда доставалась на долю наиболѣе сплоченной группы избирателей, какою нерѣдко являлось приходское духовенство. Есть уѣзды (напр. спасскій, въ тамбовской губерніи), гдѣ въ уполномоченные попали почти одни священники... Когда число съѣхавшихся на съѣздъ было, въ видѣ исключенія, значительно, на сцену выступали неудобства другого рода: выборы затягивались до поздней ночи, въ тѣсныхъ, биткомъ набитыхъ помѣщеніяхъ. На такихъ съѣздахъ, по сообщенію „Русскихъ Вѣдомостей“, „получались иногда картины, не виданныя въ другихъ странахъ: многіе избиратели, въ ожиданіи своей очереди, укладывались спать тутъ же, въ помѣщеніи съѣзда, и когда доходилъ до нихъ чередъ, ихъ будили, чтобы они положили свои шары. Каковъ бывалъ результатъ баллотировки при такихъ условіяхъ, представить себѣ нетрудно“. Еще сильнѣе мѣшало сознательности выборовъ полное, сплошь и рядомъ, незнакомство избирателей между собою, обусловленное отсутствіемъ предвыборныхъ собраній: мы видѣли выше, что въ Бѣжецкѣ оно только вслѣдствіе счастливой случайности не извратило результата выборовъ. Роль собраній могла бы, до извѣстной степени, выполнить повременная печать; но въ провинціи положеніе ея очень часто оказывалось безправнымъ, такимъ же безправнымъ, какимъ оно было „въ доброе старое время“. Ограничимся однимъ примѣромъ, достаточно краснорѣчивымъ. 4-го марта въ Костромѣ долженъ былъ выйти въ свѣтъ первый нумеръ „Костромской Земской Недѣли“. Наканунѣ этого дня предсѣдатель губернской земской управы И. В. Щулепниковъ получилъ, въ качествѣ отвѣтственнаго редактора этой газеты, слѣдующее сообщеніе отъ губернатора: „при просмотрѣ мною матеріала, предназначеннаго для № 1-го „Костромской Земской Газеты“, оказалось, что

многія статьи, въ случаѣ ихъ напечатанія, поведутъ за собою къ конфискаціи означеннаго нумера газеты. Поэтому, во избѣжаніе сего, прошу ваше высокородіе сдѣлать въ этомъ нумерѣ соотвѣтствующія исключенія и исправленія". Г. Щулепниковъ отвѣтилъ губернатору, что желаетъ напечатать нумеръ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ набранъ, и предполагаемую конфискацію нумера заранѣе считаетъ лишенной законнаго основанія. По полученіи такого отвѣта, губернаторъ прислалъ въ управу съ подчеркнутыми и перечеркнутыми гранками одного изъ служащихъ въ губернской типографіи. Послѣдній, представляя гранки г. Щулепникову, заявилъ: „Отъ имени ихъ превосходительства честь имѣю сообщить, что если вы не выкинете того, что тутъ зачеркнуто, и не исправите подчеркнутыхъ выраженій, то газета не можетъ быть напечатана. Вообще ихъ превосходительство велѣли сказать, что *весь нумеръ никуда не годится*"... Подчеркнутыми оказались выраженія: „Россія—конституціонное государство", „ничѣмъ не стѣсняемый административный произволъ" и т. п. Зачеркнуты статьи: „Манифестъ 20-го февраля" и „Государственный Совѣтъ". Управа рѣшила пріостановить изданіе газеты до экстреннаго губернскаго земскаго собранія [1])... Прежде губернаторская цензура дѣйствовала на законномъ основаніи, теперь она дѣйствуетъ въ явное нарушеніе закона: вотъ къ чему сводится въ костромской губерніи—и, конечно, не въ ней одной—перемѣна въ положеніи печати. Любопытно было бы знать, какимъ путемъ костромской губернаторъ ознакомился съ „матеріаломъ", приготовленнымъ для 1-го нумера „Костромской Земской Газеты"? Вѣдь не былъ же онъ присланъ самой редакціей на предварительное разсмотрѣніе начальства? Откуда, далѣе, костромской губернаторъ почерпнулъ цензорскія полномочія? Вѣдь въ костромской губерніи не объявлено ни военнаго положенія, ни чрезвычайной, ни даже усиленной охраны. Зачеркивать или исправлять статьи, еще не появившіяся въ свѣтъ, задерживать выходъ газеты, печатаемой съ соблюденіемъ установленнаго порядка, никто не въ правѣ. Ни для кого не обязательно мнѣніе губернатора о томъ, что годится или не годится для печати. Что Россія—конституціонное государство, этого факта, послѣ манифестовъ 17-го октября и 20-го февраля, нельзя ни замолчать, ни уничтожить... Рядомъ со многими другими проявленіями „ничѣмъ не стѣсняемаго административнаго произвола" образъ дѣйствій костромского губернатора по отношенію къ мѣстной газетѣ можетъ показаться сравнительно невиннымъ; но не слѣдуетъ забывать, что изъ непрерывныхъ угрозъ и стѣсненій, хотя бы и мелкихъ, слагается, мало-по-малу, тяжелая цѣпь, связывающая движеніе и останавливающая всякую живую общественную иниціативу.

[1]) См. № 71 „Русскихъ Вѣдомостей".

До чего можетъ доходить въ административныхъ сферахъ непониманіе новыхъ условій государственное жизни—объ этомъ даетъ понятіе слѣдующій фактъ, оглашенный на дняхъ въ польской печати. Виленскій генералъ-губернаторъ, „ближе ознакомившись съ осуществленіемъ въ разныхъ мѣстностяхъ программы конституціонно-католической партіи“ (основанной католическимъ епископомъ барономъ Роппомъ), нашелъ, что „обнаруживаемая ею дѣятельность не отвѣчаетъ правительственной политикѣ въ краѣ“, и далъ „соотвѣтственныя указанія губернаторамъ, чтобы они не допускали впредь собраній этой партіи“. Итакъ, допустимы только тѣ партіи, дѣятельность которыхъ, по мнѣнію мѣстнаго администратора, отвѣчаетъ „правительственной политикѣ“? Къ чему же, въ такомъ случаѣ, выборы, къ чему Дума, къ чему вообще участіе населенія въ политической жизни? Администраторы, сформировавшіеся при дѣйствіи стараго режима, никакъ не могутъ понять различія между гражданиномъ и слугою власти, между дѣятельностью свободной и подневольной, между партіей и присутственнымъ мѣстомъ. Ихъ девизомъ остается старая формула: „не разсуждать—повиноваться“!

Тѣ же типичныя черты, съ которыми мы встрѣчаемся въ области управленія, свойственны и новѣйшимъ законодательнымъ актамъ. Временныя правила 8-го марта грозятъ тюремнымъ заключеніемъ за возбужденіе къ массовому воздержанію отъ участія въ выборахъ въ Государственный Совѣтъ или въ Государственную Думу. *Возбужденіе*, въ сферѣ уголовнаго права—все равно что *подстрекательство*; подстрекать можно только къ тому, что само по себѣ воспрещено закономъ подъ страхомъ наказанія; воздержаніе отъ выборовъ ничего противозаконнаго въ себѣ не заключаетъ; не должно быть, слѣдовательно, наказуемымъ и возбужденіе къ такому воздержанію. Сила этого разсужденія не уменьшается тѣмъ, что рѣчь идетъ о *массовомъ* воздержаніи; если законно единичное дѣйствіе—или бездѣйствіе,—то оно не можетъ сдѣлаться противозаконнымъ только потому, что повторено въ одно и то же время многими лицами. Несостоятельный юридически, способъ борьбы противъ „бойкота“, созданный правилами 8-го марта, съ практической точки зрѣнія представляется явно нецѣлесообразнымъ: обращая „бойкотистовъ“ въ нарушителей закона, онъ затрудняетъ, тѣмъ самымъ, опроверженіе ихъ взглядовъ въ собраніяхъ и въ печати. Честный споръ возможенъ только тогда, когда одинаково свободны обѣ спорящія стороны... Другая статья тѣхъ же правилъ предусматриваетъ воспрепятствованіе избирателю или выборщику, угрозою, насиліемъ надъ личностью, злоупотребленіемъ вла-

стью или *отлученіемъ отъ общенія,* свободно осуществлять право выборовъ въ Государственный Совѣтъ или Государственную Думу. Въ качествѣ уголовно-наказуемаго дѣянія „отлученіе отъ общенія" появилось у насъ впервые въ правилахъ 29-го ноября 1905-го года, направленныхъ противъ забастовокъ. Мы указали уже тогда, что слишкомъ растяжимо это понятіе, слишкомъ неуловимы его признаки. Отлученіе отъ общенія можетъ быть выражено взглядомъ, жестомъ, словомъ, ни къ кому спеціально не обращеннымъ. Трудно опредѣлить, поэтому, степень произведеннаго имъ впечатлѣнія и установить причинную связь между страхомъ, именно имъ внушеннымъ, и рѣшимостью подчиниться чужой волѣ. Не составляя, само по себѣ, преступленія, „отлученіе отъ общенія" не можетъ быть приравниваемо къ угрозѣ, насилію, злоупотребленію властью, преступнымъ и наказуемымъ помимо ихъ спеціальной цѣли... Ошибочными, наконецъ, кажутся намъ надежды, возлагаемыя составителями правилъ 8-го марта на строгость наказаній. Напрасно они доводятъ максимальный срокъ содержанія въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ до пяти и шести лѣтъ, т.-е. до такой продолжительности, какой, по общему правилу [1]), этотъ видъ лишенія свободы вовсе не имѣетъ. Меньше чѣмъ гдѣ-либо устрашеніе умѣстно именно въ дѣлахъ политическаго свойства.

Столь же мало соотвѣтствуютъ требованіямъ времени и условіямъ конституціонной жизни правила 4-го марта о публичныхъ собраніяхъ, изданныя въ замѣнъ правилъ 12-го октября 1905-го года, но не устранившія ни одного изъ ихъ недостатковъ. Только „по видимости явочнымъ" былъ, какъ мы замѣтили въ свое время, порядокъ, установленный за нѣсколько дней до манифеста 17-го октября; только по видимости явочнымъ можетъ считаться и порядокъ, установляемый теперь, послѣ манифеста, обѣщавшаго населенію „незыблемыя основы гражданской свободы". „Велика ли"—спрашивали мы пять мѣсяцевъ тому назадъ,—„велика ли разница между необходимостью предварительнаго разрѣшенія собранія и возможностью его воспрещенія, предоставляемаго усмотрѣнію администраціи? Не сводится ли она лишь къ нѣкоторому ускоренію процедуры, предшествующей открытію собранія? Дискреціонное право запретить совершенно равносильно праву отказать, не разрѣшить... Неопредѣленны, въ статьѣ о причинахъ запрещенія собраній, выраженія: *цѣль или предметъ занятій, противные закону*; еще болѣе неопредѣленно и широко понятіе объ *угрозѣ общественному спокойствію и безопасности*. Собранію, съ точки зрѣнія администраціи нежелательному, она всегда можетъ противопоставить

[1]) По ст. 31-й Улож. о Наказ. наибольшій срокъ содержанія въ исправ. арест. отдѣленіи—четыре года.

ссылку на доступныя только ей одной и никакой провѣркѣ не подлежащія свѣдѣнія о тревожномъ настроеніи умовъ или о готовящемся нарушеніи порядка. Дѣйствительно явочною представляется только такая система устройства публичныхъ собраній, при которой ни одно изъ нихъ запрещенію, основанному на догадкахъ, подлежать не можетъ". Всѣ эти соображенія вполнѣ примѣнимы къ правиламъ 4-го марта, опредѣляющимъ права и полномочія полиціи почти буквально такъ, какъ опредѣляли ихъ правила 12-го октября; прибавленъ только новый поводъ воспрещенія—несогласіе цѣли или предмета собранія съ общественной нравственностью,—еще больше расширяющій дискреціонную власть полиціи. Удержанъ, въ правилахъ 4-го марта, и длинный перечень обстоятельствъ, влекущихъ за собою закрытіе собраній; сохранены долгіе промежутки времени между заявленіемъ о собраніи и его открытіемъ; по отношенію къ съѣздамъ сохранено и даже обострено требованіе предварительнаго разрѣшенія. Понятіе о публичности собраній значительно расширено принятіемъ въ разсчетъ не только состава, но и мѣста собранія. Число помѣщеній, въ которыхъ могутъ быть устраиваемы публичныя собранія, ограничено такими условіями, о которыхъ не было рѣчи въ правилахъ 12-го октября. Ничѣмъ, въ сущности, не гарантированною осталась правильность пользованія громадною властью, которою облечена полиція. Жалобы на ея дѣйствія приносятся „въ общеустановленномъ порядкѣ". Это значитъ, что сенату можно жаловаться лишь на нарушеніе закона, а не на фактически неправильное его примѣненіе: судить о послѣднемъ предоставляется одному начальству, отъ котораго трудно ожидать безпристрастнаго отношенія къ подчиненнымъ, хотя бы и черезчуръ усерднымъ. Въ дѣлахъ о собраніяхъ, притомъ, особенно необходима быстрота; отмѣна запрещенія, состоявшаяся по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, можетъ оказаться совершенно ненужной, за минованіемъ обстоятельствъ, въ виду которыхъ предполагалось устроить собраніе. Правила 4-го марта назначаютъ срокъ для представленія жалобъ, но относительно разсмотрѣнія ихъ ограничиваются требованіемъ, чтобы оно производилось „безъ всякаго промедленія". Это требованіе слишкомъ неопредѣленно, чтобы можно было признать за нимъ серьезное значеніе... Еслибы, впрочемъ, правила 4-го марта и были болѣе удовлетворительны, достаточной охраной свободы собраній они не могли бы служить до тѣхъ поръ, пока у насъ нѣтъ настоящей отвѣтственности должностныхъ лицъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить, что установляемая правилами 4-го марта обязанность увѣдомлять о причинѣ воспрещенія собранія существовала, на бумагѣ, и въ силу правилъ 12-го октя-

бря—но сплошь и рядомъ не исполнялась чинами полиціи на самомъ дѣлѣ.

Одновременно съ правилами о собраніяхъ утверждены правила объ обществахъ и союзахъ. Ожиданій, возбужденныхъ манифестомъ 17-го октября, они точно также не оправдываютъ. Обсужденіе ихъ мы отлагаемъ до другого раза.

Со времени обнародованія государственныхъ актовъ 20-го февраля прошло уже болѣе мѣсяца. Подробный ихъ разборъ былъ бы теперь слишкомъ запоздалымъ. Мы остановимся только на нѣкоторыхъ вопросахъ, заслуживающихъ особеннаго вниманія.

Манифестъ 20-го февраля „постановляетъ общимъ правиломъ, что со времени созыва Государственнаго Совѣта и Государственной Думы законъ не можетъ воспріять силы безъ одобренія Думы и Совѣта“. Это—повтореніе обѣщанія, даннаго манифестомъ 17-го октября и, въ то же время, косвенный отвѣтъ всѣмъ усиливавшимся доказать, что образъ правленія у насъ остается прежній. О неограниченности власти монарха не можетъ болѣе быть рѣчи, разъ что для изданія новаго закона — а слѣдовательно, и для измѣненія, дополненія или отмѣны закона дѣйствующаго — необходимо согласіе народнаго представительства. Сомнѣніе можетъ возникнуть только одно: не парализуется ли дѣйствіе правила, установляющаго раздѣленіе законодательной власти, тѣми словами манифеста, въ силу которыхъ „совѣтъ министровъ, при наличности чрезвычайныхъ обстоятельствъ, вызывающихъ, во время прекращенія занятій Государственной Думы, необходимость въ мѣрѣ, требующей обсужденія въ законодательномъ порядкѣ, имѣетъ право представить о ней непосредственно Государю“. Мѣра эта—читаемъ мы дальше въ манифестѣ — „не можетъ, однако, вносить измѣненій ни въ основные государственные законы, ни въ учрежденія Государственнаго Совѣта или Государственной Думы, ни въ постановленія о выборахъ въ Совѣтъ или Думу. Дѣйствіе такой мѣры прекращается, если подлежащимъ министромъ или главноуправляющимъ отдѣльною частью не будетъ внесенъ въ Государственную Думу, въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ послѣ возобновленія занятій Думы, соотвѣтствующій принятой мѣрѣ законопроектъ, или его не примутъ Государственная Дума или Государственный Совѣтъ“.

Аналогичныя постановленія существовали и существуютъ во многихъ другихъ западно-европейскихъ конституціяхъ. Статья 14-я французской хартіи 1814-го года предоставляла королю право издавать регламенты и ордонансы, необходимые для исполненія законовъ и безопасности государства. Задумавшимся надъ этой статьей русскій

посолъ Поццо-ди-Борго нашелъ однажды, въ началѣ 1830-го года, короля Карла X-го, незадолго передъ тѣмъ призвавшаго къ власти реакціонное министерство Полиньяка. Здѣсь, казалось, былъ выходъ изъ борьбы, разгоравшейся все больше и больше между королемъ и палатой депутатовъ. Напрасно предостерегали короля Поццо-ди-Борго, императоръ Николай І-й, князь Меттернихъ, болѣе благоразумные французскіе роялисты въ родѣ Виллеля: онъ издалъ, основываясь на злополучной статьѣ, знаменитые іюльскіе ордонансы, повлекшіе за собою паденіе его престола.

Въ прусской конституціи есть статья 63-я, по которой „въ томъ случаѣ, если этого настоятельно требуетъ сохраненіе общественной безопасности или устраненіе чрезвычайнаго бѣдствія, подъ отвѣтственностью всего министерства, если палаты не въ сборѣ, могутъ быть изданы не противорѣчащія конституціи распоряженія, обладающія силою закона. Такія распоряженія должны быть представлены въ ближайшую сессію на утвержденіе палатъ“. 1-го іюня 1863-го года, въ самый разгаръ конфликта между Бисмаркомъ и палатой депутатовъ, появился, вслѣдъ за распущеніемъ палаты, королевскій указъ, подчинявшій періодическую печать системѣ административныхъ предостереженій. Этотъ указъ, явно противорѣчившій конституціи [1]), остался безъ всякаго вліянія на ходъ событій и потерялъ силу, какъ только собрались палаты. Съ тѣхъ поръ, если мы не ошибаемся, случаевъ пользованія статьею 63-й, какъ орудіемъ политической борьбы, не было вовсе.

Въ австрійской конституціи къ занимающему насъ вопросу относится статья 14-ая, слѣдующаго содержанія: „если въ виду крайнихъ обстоятельствъ, въ промежуткѣ между сессіями, окажется необходимой такая мѣра, которая требуетъ, согласно конституціи, созыва парламента, то она можетъ быть установлена подъ коллективною отвѣтственностью всего министерства, императорскимъ указомъ, на томъ условіи, однако, чтобы она не имѣла цѣлью измѣненія основного закона и не приводила ни къ продолжительному обремененію государственнаго казначейства, ни къ отчужденію государственнаго имущества. Такіе указы временно имѣютъ силу закона, если они подписаны всѣми министрами. Они теряютъ силу закона, если правительство не признаетъ нужнымъ представить ихъ на одобреніе перваго собравшагося послѣ обнародованія ихъ рейхс-

---

[1]) По ст. 27-й прусской конституціи всякій пруссакъ имѣетъ право свободно выражать свое мнѣніе путемъ печати. Цензура не можетъ быть введена; всякое другое ограниченіе свободы печати можетъ быть установлено только законодательнымъ путемъ.

рата, и прежде всего палаты депутатовъ, въ теченіе первыхъ четырехъ недѣль послѣ начала засѣданій, или если одна изъ двухъ палатъ откажетъ имъ въ одобреніи. Министерство въ его цѣломъ отвѣчаетъ за то, чтобы такіе указы, какъ только они потеряютъ силу закона, сейчасъ же переставали дѣйствовать". Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ эта статья примѣняется весьма часто; подъ ея прикрытіемъ нѣсколько разъ безъ утвержденія парламента былъ проведенъ бюджетъ, дважды продолжено соглашеніе съ Венгріей.

Весьма вѣроятно, что въ моментъ редактированія приведенныхъ нами постановленій никто не предусматривалъ возможность распространительнаго ихъ толкованія. Чрезвычайныя полномочія создавались именно и только на случай наступленія чрезвычайныхъ, исключительныхъ условій. На практикѣ, однако, пользованіе дверью, ведущею изъ царства закона въ область произвола, нерѣдко выходило далеко за намѣченные для того предѣлы. Необыкновенная власть примѣнялась къ обыкновеннымъ обстоятельствамъ. Франція, въ моментъ изданія іюльскихъ ордонансовъ, была совершенно спокойна; недовѣріе къ министерству выражалось законными средствами и путями, порядокъ нигдѣ нарушенъ не былъ. То же самое можно сказать и о Пруссіи 1863-го года. Даже въ Австріи, несмотря на повторяющіяся парламентскія обструкціи, несмотря на обостренную племенную вражду, положеніе дѣлъ не можетъ быть названо чрезвычайнымъ, уже потому, что оно длится цѣлые годы. Въ правѣ не стѣсняться закономъ, какими бы оговорками оно ни было обставлено, есть, очевидно, нѣчто манящее, влекущее въ сторону отъ прямой дороги. Нѣтъ такихъ оборотовъ рѣчи, нѣтъ такихъ словесныхъ гарантій, которыми можно было бы предупредить злоупотребленіе этимъ правомъ. Не совсѣмъ безразлична, однако, его формулировка; чѣмъ она опредѣленнѣе и точнѣе, тѣмъ труднѣе вложить въ нее слишкомъ широкое содержаніе. Попробуемъ сравнить, съ этой точки зрѣнія, слова манифеста 20-го февраля съ приведенными нами статьями западно-европейскихъ конституцій.

Принятіе, внѣ законодательнаго порядка, мѣръ, равносильныхъ закону, обусловливается, въ манифестѣ 20-го февраля, наличностью *чрезвычайныхъ обстоятельствъ*, безъ всякаго дальнѣйшаго указанія на то, что слѣдуетъ понимать подъ этимъ выраженіемъ. Столь же неясны и соотвѣтствующія слова австрійской конституціи. Болѣе удовлетворительно изложеніе прусской конституціи, говорящей не о *чрезвычайныхъ* или *крайнихъ* обстоятельствахъ вообще, а о чрезвычайномъ *бѣдствіи*, для *устраненія* котораго — или для сохраненія общественной безопасности — *настоятельно* требуется данная мѣра. Эта мѣра должна быть, слѣдовательно, совершенно неотложна и *прямо* напра-

влена къ одной изъ двухъ намѣченныхъ закономъ цѣлей. Какъ въ Пруссіи, такъ и въ Австріи чрезвычайная мѣра не должна противорѣчить конституціи [1]); у насъ она не должна противорѣчить основнымъ государственнымъ законамъ и законоположеніямъ о Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ. Между тѣмъ, въ нашихъ основныхъ законахъ ничего не говорится о правахъ гражданъ; они не ограждены, слѣдовательно, отъ нарушенія путемъ чрезвычайной мѣры... Въ Австріи указъ, издаваемый въ силу 14-ой статьи, не долженъ, кромѣ того, имѣть послѣдствіемъ ни продолжительное обремененіе государственнаго казначейства, ни отчужденіе государственнаго имущества; манифестъ 20-го февраля не установляетъ ничего подобнаго. Въ Австріи чрезвычайная мѣра теряетъ силу, если одна изъ палатъ откажетъ ей въ одобреніи; такой отказъ, по смыслу ст. 14-ой, можетъ воспослѣдовать немедленно по открытіи сессіи рейхсрата. У насъ Государственная Дума можетъ отклонить законопроектъ, подтверждающій чрезвычайную мѣру — но для его представленія совѣту министровъ дается двухмѣсячный срокъ, къ которому нужно еще прибавить время, необходимое для разсмотрѣнія проекта... И въ Пруссіи, и въ Австріи чрезвычайная мѣра можетъ быть принята не иначе, какъ *подъ отвѣтственностью всего министерства*, т.-е. при единогласномъ одобреніи ея всѣми министрами; въ манифестѣ 20-го февраля такой оговорки не сдѣлано и, слѣдовательно, вопросъ можетъ быть рѣшенъ въ совѣтѣ министровъ простымъ большинствомъ голосовъ. Настоящей отвѣтственности министровъ нѣтъ, правда, ни въ Пруссіи, ни въ Австріи; но нѣкоторую реальность она тамъ все же имѣетъ, благодаря навыкамъ и взглядамъ, выработаннымъ долгою политическою жизнью. Не то мы видимъ у насъ, гдѣ все, въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ, укрѣпляло мысль о безотвѣтственности представителей власти. Чего нѣтъ въ нравахъ, то могло бы быть, хотя отчасти, дано закономъ, еслибы онъ устранилъ возможность произвольнаго принятія чрезвычайныхъ мѣръ или обставилъ его точными, опредѣленными условіями. Разъ что этого нѣтъ, не можетъ считаться прочнымъ провозглашенное, въ принципѣ, раздѣленіе законодательной власти.

Отсутствіе отвѣтственности министровъ составляетъ, вообще, одну изъ самыхъ слабыхъ сторонъ положеній 20-го февраля. Государственному Совѣту и Государственной Думѣ предоставляется обращаться къ министрамъ „съ запросами по поводу такихъ, послѣдовавшихъ съ ихъ

---

[1]) Въ Австріи основными, т.-е. конституціонными, признаются пять законовъ, обнародованныхъ 21-го декабря 1867-го года: объ имперскомъ представительствѣ, о правахъ гражданъ, объ имперскомъ судѣ, о судебной власти, объ осуществленіи правительственной и исполнительной власти.

стороны или подвѣдомственныхъ имъ лицъ и установленій, дѣйствій, кои представляются *незакономѣрными*". Незакономѣрность административныхъ распоряженій—не единственная, можетъ быть даже не главная опасность, о предотвращеніи которой должна заботиться Государственная Дума. Въ мирное, нормальное время прямыхъ, явныхъ нарушеній закона будетъ сравнительно немного, и противъ нихъ будетъ существовать судебная защита—защита, нужно полагать, болѣе дѣйствительная, чѣмъ въ настоящее время. Въ этой сферѣ контроль народнаго представительства долженъ только дополнять и укрѣплять собою контроль частныхъ лицъ, обществъ и учрежденій, осуществляемый при посредствѣ суда. Совсѣмъ инымъ является его значеніе тогда, когда онъ касается *цѣлесообразности*, внутренней правильности административныхъ распоряженій. Здѣсь никто (кромѣ верховной власти) не можетъ конкуррировать съ народнымъ представительствомъ; только оно можетъ потребовать отъ министровъ отчета о томъ, почему они, въ данномъ случаѣ, поступили такъ, а не иначе, почему не воспользовались или воспользовались не такъ какъ слѣдуетъ своими полномочіями, почему не приняли надлежащихъ мѣръ къ огражденію того или другого государственнаго или общественнаго интереса—почему, напримѣръ, не пришли своевременно на помощь бѣдствующему населенію. Запросы этого рода служатъ для народнаго представительства источникомъ вліянія на общій ходъ управленія—вліянія законнаго и необходимаго, обезпечивающаго согласіе между органами законодательной и исполнительной власти, предупреждающаго ошибки и столкновенія, бросающаго яркій свѣтъ не только на прошедшее, но и на будущее.

Пріурочивъ право запроса къ однимъ лишь „незакономѣрнымъ" дѣйствіямъ администраціи, законодатель до крайности затруднилъ осуществленіе даже и этого скромнаго права. Оба учрежденія Государственной Думы—6-го августа и 20-го февраля—въ этомъ отношеніи совершенно сходны между собою. Что заявленіе о запросѣ должно быть подписано по меньшей мѣрѣ тридцатью членами Думы—это еще не бѣда: такое число подписей, по сколько-нибудь серьезному дѣлу, всегда можно будетъ собрать даже въ Думѣ, мало расположенной къ широкому пользованію своими правами. Дальше идутъ постановленія совершенно другого рода. Для сообщенія запроса министру требуется согласіе большинства Думы. Къ чему? Вѣдь до отвѣта министра трудно, иногда невозможно составить себѣ понятіе о степени важности и основательности запроса. Послѣ принятія запроса министру дается мѣсячный срокъ (слишкомъ продолжительный, по крайней мѣрѣ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о дѣйствіяхъ самого министра), въ продолженіе котораго онъ либо сообщаетъ Думѣ „надлежащія свѣ-

дѣнія и разъясненія", „либо извѣщаетъ Думу о причинахъ, не позволяющихъ ему сообщить требуемыя свѣдѣнія и разъясненія". Что это за причины — законъ не опредѣляетъ; при желаніи, слѣдовательно, министръ всегда можетъ уклониться отъ отвѣта. Если Государственная Дума, большинствомъ двухъ третей голосовъ, не признаетъ возможнымъ удовлетвориться сообщеніемъ министра, дѣло представляется предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта на Высочайшее благовоззрѣніе. Почему даже для такого, въ сущности ничего не предрѣшающаго исхода требуется большинство двухъ третей голосовъ? Почему рѣшеніе Думы представляется Государю предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, а не предсѣдателемъ Государственной Думы, котораго другая статья учрежденія уполномочиваетъ „повергать на Высочайшее благовоззрѣніе о занятіяхъ Думы"? Не ясно ли, что составители учрежденія были озабочены не столько охраной интересовъ, нарушаемыхъ бездѣйствіемъ, ошибками и злоупотребленіями администраціи, сколько огражденіемъ спокойствія и благоденствія гг. министровъ?.. Весьма возможно, впрочемъ, что эта забота не приведетъ къ желанной цѣли. Каковъ бы ни былъ формальный результатъ запроса, отъ Думы будетъ зависѣть мотивировать свое рѣшеніе—мотивировать его такъ, чтобы истинный характеръ осуждаемыхъ дѣйствій выступалъ на видъ въ надлежащемъ свѣтѣ. Правда, учрежденіе Думы предоставляетъ министрамъ заявлять о негласномъ слушаніи дѣлъ, когда этого требуютъ „соображенія государственнаго порядка"; но для предсѣдателя Думы, по смыслу ст. 44-ой, такія заявленія необязательны, и во всякомъ случаѣ слишкомъ часто они повторяться не могутъ. Закрытіемъ дверей засѣданія нельзя предупредить огласку состоявшихся рѣшеній; наоборотъ, молва будетъ разносить о нихъ преувеличенныя вѣсти, и въ концѣ концовъ правильный ходъ политической жизни положитъ конецъ попыткамъ охранять тайну, выгодную только для немногихъ отдѣльныхъ лицъ,

Не устоитъ противъ напора событій и другое ограниченіе, установленное государственными актами 20-го февраля. Государственному Совѣту и Государственной Думѣ предоставлено возбуждать предположенія объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующихъ и изданіи новыхъ законовъ, за исключеніемъ основныхъ государственныхъ законовъ, починъ пересмотра которыхъ верховная власть оставляетъ за собою. Основными законами, въ техническомъ смыслѣ слова, могутъ считаться только тѣ, которые помѣщены подъ такимъ именемъ въ Сводѣ законовъ (т. I ч. 1). Не подходятъ подъ это понятіе, слѣдовательно, ни учрежденія Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, ни другія временныя правила, изданныя послѣ 17-го октября и могущія еще быть изданными до созыва Государственной Думы. Въ манифестѣ

17-го октября прямо оговорено, что дальнѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго права предоставляется вновь установленному законодательному порядку; это даетъ Думѣ несомнѣнное право взять на себя починъ новаго избирательнаго закона. Не можетъ обойтись безъ участія Думы и кодификація измѣненій, внесенныхъ въ основные законы манифестами 17-го октября и 20-го февраля. Что касается до остальныхъ основныхъ законовъ, этими государственными актами прямо не затронутыхъ, то удержать за ними особое положеніе едва ли окажется возможнымъ, когда начнется у насъ настоящая политическая жизнь. Слишкомъ трудно будетъ ограничить, фактически, область постановленій Государственной Думы — постановленій, отъ которыхъ только одинъ шагъ до соотвѣтственныхъ законопроектовъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1906.

I.

— Великій Князь Николай Михаиловичъ. Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи по донесеніямъ пословъ Императоровъ Александра и Наполеона 1808—1812. Т. I—III. Спб. 1906.

Новый трудъ неутомимаго изслѣдователя Александровской эпохи заслуживаетъ самаго глубокаго вниманія. Спеціалисты встрѣтятъ въ немъ огромное количество неизвѣстнаго прежде и таившагося въ малодоступныхъ хранилищахъ матеріала, который послужитъ основой для новыхъ и важныхъ построеній въ области научнаго изученія эпохи отечественной войны. Обнимая собой небольшой, по времени, періодъ, документальное изображеніе дипломатическихъ сношеній Россіи и Франціи превосходно вводитъ читателя въ міръ политическихъ отношеній государствъ Европы и открываетъ перспективу самыхъ широкихъ обобщеній на почвѣ изученія Наполеона, съ точки зрѣнія его мірового значенія, и Александра I-го, съ точки зрѣнія вліянія человѣческой личности вообще на ходъ историческихъ событій. Эти два дѣятеля, можно сказать, были Гордіями своей эпохи: начавъ вѣкъ столь же блестящими, сколь и тревожными предзнаменованіями, они, въ результатѣ своей дѣятельности, наполненной кружевной работой политическаго лицемѣрія и глубокаго обворожительнаго хитроумія, связали народы Европы въ такой узелъ внѣшней сплоченности и внутренняго недовѣрія, который закрѣпилъ ея, какъ бы неизмѣнную, форму на весь девятнадцатый вѣкъ; видомъ сравнительно рѣдко нарушаемаго наружнаго спокойствія онъ создалъ представленіе объ ея необычайной политической мощи, распространившей свое обаяніе на всѣ страны міра. Съ тѣхъ поръ, пока не

явится Александръ Македонскій подъ флагомъ соціальной революціи, система европейскаго равновѣсія представляется прочной, границы ея странъ терпятъ въ общемъ незначительныя измѣненія, но объясненіе всѣхъ связанныхъ съ этимъ процессовъ внутренняго политическаго развитія и объединенія историкъ неизмѣнно будетъ связывать съ исходнымъ пунктомъ въ томъ пониманіи задачъ міровой политики, которая явилась въ итогѣ трагической борьбы двухъ замѣчательнѣйшихъ властелиновъ Европы.

Авторъ настоящаго труда наглядно доказываетъ свое положеніе, что избранная имъ эпоха, несмотря на замѣчательные труды историковъ (Вандаль, Соррель, Татищевъ, Шильдеръ и др.) далеко не можетъ считаться разработанной и уясненной, и настоящее изданіе его является по отношенію къ нимъ, въ однихъ случаяхъ, документальной иллюстраціей, въ другихъ—источникомъ новаго освѣщенія и поправокъ. Отдавая должное работамъ предыдущихъ историковъ, и не принимая на себя (можно надѣяться—пока) задачи всесторонняго изображенія избраннаго періода, великій князь Николай Михаиловичъ не ограничивается однимъ научнымъ изданіемъ цѣннаго историческаго матеріала, но даетъ глубоко продуманный и мастерски сдѣланный очеркъ политическаго единоборства Александра I и Наполеона, въ которыхъ фигуры обоихъ соперниковъ выростаютъ передъ читателемъ въ мѣткихъ и сильныхъ чертахъ, притомъ въ возможной простотѣ изложенія и видимомъ стремленіи къ безпристрастію. Рельефно рисуются и фигуры ближайшихъ лицъ, служившихъ непосредственными выполнителями предначертаній и плановъ своихъ государей; на нихъ возлагается трудная задача быть и вдохновенными истолкователями намѣреній своихъ монарховъ, и столь же истинными, но лишь по внѣшности друзьями своихъ соперниковъ, отъ нихъ требуется подкупающая искренность двусмысленной рѣчи, проницательность, умѣнье читать скрытое не только въ мысляхъ, но и подъ замкомъ; ими прикрываются въ случаяхъ отступленія и на нихъ сваливаютъ отвѣтственность въ случаяхъ неудачи; наконецъ, довѣрчивость и прямота служатъ явнымъ ущербомъ въ оцѣнкѣ ихъ способностей, тогда какъ, наоборотъ, учтивое соглядатайство и замаскированная льстивость въ ихъ характерѣ даютъ имъ право на исключительное вниманіе и довѣріе. Таковы дипломаты,—изъ нихъ особенно любопытно очерчены въ настоящей книгѣ де-Коленкуръ и кн. А. Б. Куракинъ.

Авторъ начинаетъ свое изложеніе съ момента тильзитскаго событія и представляетъ ходъ дѣйствій слѣдующимъ образомъ, въ смыслѣ разъясненія отношеній между обоими императорами и тѣхъ цѣлей, которыя они преслѣдовали. Положеніе Россіи было очень за-

труднительное. Необходимо было поддержать заключенное соглашеніе. Съ этого момента начинаются дѣйствія обоихъ государей, опредѣлившія ихъ взаимныя положенія и ихъ характеръ. „Насколько поддаются перу намѣренія Наполеона, настолько сложны и останутся спорными побужденія Александра“,—говоритъ авторъ. Разбираясь во впечатлѣніи, какое могло быть произведено на Александра личностью Наполеона, авторъ отказывается вѣрить, что только одно обаяніе этой личности заставило его заключить этотъ союзъ вопреки общественному мнѣнію Россіи и чувствъ Императрицы-матери и своихъ прежнихъ союзниковъ. Увлеченіе не могло быть настолько сильнымъ, чтобы Александръ могъ забыть все прошлое—Аустерлицъ и Фридландъ—и не опасаться все возраставшаго могущества Наполеона. Въ своемъ объясненіи великій князь Николай Михаиловичъ раздѣляетъ мнѣніе, высказанное Сорелемъ, что „намѣренія Александра клонились къ принципу заключенія союза, замедленію добытыхъ результатовъ, приведшихъ сперва къ соперничеству, потомъ къ войнѣ. Такова была мысль Императора еще до свиданія, эта задняя мысль и не покидала ума Александра, одного изъ самыхъ послѣдовательныхъ людей своего времени“... И авторъ считаетъ Александра въ высшей степени выдержаннымъ дипломатомъ и тонкимъ политикомъ. „Тотчасъ же послѣ Тильзита началась эпоха изліяній, такъ упорно продолжавшихся при всѣхъ удобныхъ и неудобныхъ случаяхъ до самаго разрыва. Эта черта Императора Александра наиболѣе характерна, она ему заслужила рядъ успѣховъ на почвѣ политики, пока не обнаружилась и слабая сторона этихъ пріемовъ, примѣнявшихся слишкомъ часто. Если еще въ Тильзитѣ Александръ замѣтилъ нѣкоторыя особенности характера Наполеона и писалъ Императрицѣ-матери: „Къ счастію, у Бонапарта при его геніальности есть Ахиллесова пята—это тщеславіе, и я рѣшился пожертвовать моимъ самолюбіемъ на благо государства“, то и Наполеонъ въ скоромъ времени угадалъ, что скрывалось подъ личиной врожденной обворожительности его союзника. Но у Наполеона глаза открылись только послѣ Эрфурта. Переписка Коленкура съ Наполеономъ и Шампаньи даетъ намъ цѣннѣйшій матеріалъ для изученія политической программы Александра, намѣченной твердой рукой, при виртуозности исполненія. Вернувшись въ Петербургъ, русскій Императоръ далъ новый курсъ политикѣ, не побоявшись итти противъ общественнаго мнѣнія Россіи и порвавъ связи съ сотрудниками первыхъ годовъ царствованія. Нужна была воля, хладнокровная выдержка, извѣстная смѣлость въ дѣйствіяхъ—всѣ эти качества были присущи Александру. Выборъ сотрудниковъ для новой политики былъ менѣе удаченъ, и это объясняется желаніемъ Государя лично вести переговоры съ Наполеономъ,

безъ посторонняго посредничества. И въ Тильзитѣ и въ Эрфуртѣ Александръ самъ беретъ на себя починъ сложной работы заключенія условія соглашенія съ Наполеономъ. Результаты продолжительныхъ бесѣдъ двухъ монарховъ только скрѣплялись разными Будбергами, Румянцевыми и Куракиными. Александръ какъ бы нарочно пренебрегалъ талантами и пользовался лишь посредственностями, слѣпыми орудіями его предначертаній".

Выяснивъ значеніе дѣятельности различныхъ сотрудниковъ на той и другой сторонѣ, авторъ продолжаетъ: „Поѣздка въ Эрфуртъ для болѣе тѣснаго сближенія съ Наполеономъ исполнена мастерски. Цѣль вторичной встрѣчи, такъ наглядно изложенная въ письмѣ къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, была еще однимъ смѣлымъ шахматнымъ ходомъ. Послѣдующія мнимыя колебанія въ активной поддержкѣ императора французовъ въ борьбѣ съ Австріей, безпрестанныя посылки флигель-адъютантовъ въ главную квартиру французской арміи, пріемъ въ Петербургѣ князя Шварценберга и намеки на заслуженный урокъ Австріи за 1806 годъ, выраженные въ письмѣ къ Наполеону, суть блестящія страницы тонкой политики Государя. Программа намѣчена и разыграна безупречно. Послѣ кампаніи 1809 года положеніе стало труднѣе, такъ какъ Наполеонъ, наконецъ, понялъ свои промахи; но исправить ихъ было поздно. Александръ умѣло и своевременно парировалъ всѣ удары. Его невмѣшательство въ мирные переговоры на берегахъ Дуная подвергалось строгой критикѣ. Но и тутъ прозорливость не обманула Александра. Наполеонъ возобновилъ польскій вопросъ, на которомъ можно было отыграться въ любую минуту. Всѣ подставленныя шпильки не уязвили нашего Государя. Онъ энергично произнесъ свое veto на возстановленіе польскаго королевства, и Наполеонъ не рискнулъ итти на проломъ, а искалъ обойти вопросъ, усложняя его подробностями. Когда понадобилось Наполеону упроченіе союза, въ виду неудачнаго оборота испанскихъ дѣлъ и непопулярности кампаніи 1809 года въ предѣлахъ Франціи, Александръ выразилъ готовность выслушать его предложенія. Поднялся брачный вопросъ, польстившій самолюбію Александра, но приведшій все-таки къ отказу. Съ этого момента начинаются безсмысленныя пререканія по поводу ратификаціи договора о Польшѣ, о тарифѣ, о континентальной системѣ и, наконецъ, о герцогствѣ Ольденбургскомъ, которыя заняли 1810 и 1811 года. Струны натянуты, но Александръ не теряетъ присутствія духа и готовится къ разрыву, принявъ на себя откровенную роль человѣка, на котораго нападаютъ. Пора недомолвокъ разомъ прекращается, исчезаетъ неопредѣленность, и Александръ громогласно заявляетъ, что будетъ только обороняться, что онъ никогда войны не желалъ, и что не-

ограниченное властолюбіе Наполеона—причина разрыва. Метаморфоза полная и вполнѣ своевременная. Александру Павловичу ясно подсказываетъ чутье, что наступаетъ историческій моментъ, когда народныя массы Россіи должны рѣшить не только судьбу его династіи, но и участь самого Наполеона. Императоръ всероссійскій становится во главѣ оскорбленнаго народа въ виду нашествія иноплеменниковъ и клянется, что не сдастъ оружія, пока послѣдній изъ враговъ не будетъ выброшенъ изъ предѣловъ Россіи. Не Фули, не Штейны сокрушили могущество корсиканца, такъ же, какъ не таланты Кутузова и Барклая, и не двусмысленныя рѣчи Александра въ періодъ союза. Владычество Наполеона было сломлено исключительно мощью русскаго народа и суровымъ климатомъ Россіи".

Нужно отдать полную справедливость великому князю Николаю Михаиловичу въ его умѣньи воспользоваться огромнымъ матеріаломъ въ цѣляхъ историческаго анализа и принципіальнаго уясненія. Къ сожалѣнію, другія стороны государственной дѣятельности императора Александра I не выяснены еще настолько, чтобы личность императора поднялась надъ ними въ той кристальной отчетливости и ясности, въ какой она рисуется автору настоящаго труда. Внутренняя политика Александра представляется безпристрастному взору, свободному отъ весьма понятнаго увлеченія многихъ историковъ его царствованія, наполненной столь глубокихъ и непримиримыхъ противорѣчій и колебаній, которыя устраняютъ всякую мысль о тонко задуманномъ и искусно проведенномъ планѣ и говорятъ, напротивъ, о той внутренней борьбѣ чувствъ и настроеній, въ которой логическому началу далеко не всегда принадлежала первенствующая роль. Между Александромъ въ теоріи, въ его рѣчахъ и письмахъ, въ историческихъ отраженіяхъ, и Александромъ на практикѣ, у рычага государственной машины, лежитъ бездна, которую долго еще придется относить на долю загадочности его натуры, дуализма владѣвшихъ имъ началъ. И авторъ настоящей работы, останавливаясь на событіяхъ 1812 года, считаетъ, повидимому, этотъ пунктъ годомъ кризиса, совершившагося и въ душѣ Александра: „Переворотъ, произведенный 1812 годомъ даже въ Императорѣ Александрѣ I, до настоящаго времени еще не опредѣленъ, несмотря на многіе труды, посвященные этому вопросу. Характеръ его сталъ еще болѣе загадочнымъ, идеалы молодости были забыты, либеральныя стремленія исчезли безповоротно, а мистицизмъ его души заглушилъ всѣ благія начинанія". Такимъ образомъ, авторъ допускаетъ, что тотъ строй духовныхъ способностей, который дѣлалъ Александра, въ первую половину его царствованія, „наиболѣе послѣдовательнымъ человѣкомъ своего времени", нарушился и далъ воз-

можность инымъ, болѣе смутнымъ сторонамъ духа проникнуть въ сознаніе и взять верхъ надъ элементами разсудочности и воли.

Второй и третій тома сопровождаются предисловіями, имѣющими въ виду облегчить читателю пользованіе ими. Съ внѣшней стороны изданіе превосходно, такъ же какъ и выполненіе приложенныхъ къ нему портретовъ: при первомъ томѣ—императора Александра I, при второмъ—Наполеона (работы Апіани) и при третьемъ — Коленкура (съ миніатюры Изабе).

Пожелаемъ, чтобы дальнѣйшія изысканія автора не ограничивались превосходнымъ объясненіемъ любопытнѣйшихъ документовъ излюбленной имъ эпохи, но и привели его къ работамъ широкаго обобщающаго свойства, для чего у автора имѣются всѣ необходимыя данныя—глубина и мѣткость историческаго анализа, любовь къ истинѣ и возможность доступа въ сокровеннѣйшія хранилища историческихъ документовъ.

II.

— Алексѣй Веселовскій. Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. Третье переработанное изданіе. М. 1906.

Третье изданіе извѣстной книги московскаго профессора А. Н. Веселовскаго въ достаточной мѣрѣ свидѣтельствуетъ, насколько она соотвѣтствуетъ интересамъ обширнаго круга читателей. Ея историко-литературное значеніе давно уже выяснено критикой, которая въ свое время оцѣнила и научный методъ изслѣдованія, и увлекательную форму изложенія. Но кромѣ отвѣта на чисто научные запросы, книга А. Н. Веселовскаго предназначалась служить и опредѣленнымъ цѣлямъ общественнаго развитія. Авторъ ея занялъ извѣстную позицію въ періодъ борьбы съ „шишковистами“ новѣйшаго типа, и въ этомъ смыслѣ его книга сыграла видную роль въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда еще громко раздавались голоса въ защиту національной исключительности, отвергавшей общность международныхъ культурныхъ связей и возможность идти рука объ руку въ цѣляхъ мирнаго культурнаго развитія. „Съ тѣхъ поръ прошло немало времени—говорилъ авторъ въ предисловіи еще ко второму изданію 1896 г.—Въ пятнадцать лѣтъ (съ появленія статей) многое измѣнилось. Борьба утратила острый характеръ; многихъ бойцовъ нѣтъ уже въ живыхъ; убѣжденное, принципіальное противодѣйствіе ихъ досталось по большей части въ удѣлъ лицамъ, чье рвеніе не имѣетъ ничего общаго съ литературой. Уваженіе или хоть приличное отношеніе къ европейской культурѣ понемногу возстановилось. Къ тому же и жизнь научила новѣйшихъ

шишковистовъ кое-чему. Не такъ давно можно было не безъ любопытства созерцать, какъ они братались съ „великой дружественной республикой“ и ратовали за франко-русскій союзъ. Когда же настала пора для русскаго вліянія не только на политику, но и на словесность Запада, и Европа, а за нею Америка поддались обаянію русскаго художественнаго творчества, это возвратное вліяніе, это отдариваніе нашихъ прежнихъ учителей, представлявшееся рано ли, поздно ли неизбѣжнымъ, естественнымъ для тѣхъ, кто стоялъ на почвѣ общечеловѣческаго обмѣна идей, наполнило удовольствіемъ и непримиримыхъ противниковъ западничества“.

Разрослась и литература спеціальныхъ изученій, которая заставила автора переработать свой трудъ. „Для летучихъ листковъ“ восьмидесятыхъ годовъ настала третья редакція; почти удвоенная размѣромъ, по большей части вновь написанная, съ обширнымъ вступленіемъ о древней литературѣ, замѣнившимъ прежнее бѣглое введеніе, книга ратуетъ за ту же неизмѣнную идею, но, свободная отъ обязанностей полемики, добыла себѣ больше простора для выполненія своей задачи. Изучая по существу одинъ изъ любопытнѣйшихъ сравнительно-историческихъ вопросовъ, она имѣетъ цѣлью изложить сущность его не только спеціалисту, но и среднему читателю, потому что возмужалъ тѣмъ временемъ этотъ читатель, что не легко успокоить его старыми росказнями, полными лести и самообольщенія, что точный разсказъ о томъ, какъ предки его продвигались изъ мрака къ свѣту и изъ учениковъ сами становились мастерами, можетъ только возбудить въ немъ энергію къ дальнѣйшему труду для народнаго блага“.

Прошло десять лѣтъ и со второго изданія. Параллельно съ ростомъ спеціальныхъ изученій измѣнялись медленно, но неустанно и цензурныя условія, открывшія, наконецъ, широкій просторъ для свободнаго выраженія мыслей, прикрывавшихся прежде условностями эзоповскаго иносказанія и вынужденныхъ недомолвокъ. Явилось, наконецъ, возможнымъ говорить о Радищевѣ и статьѣ, еще недавно запрещавшейся цензоромъ, о Полежаевѣ, этомъ „поэтѣ-студентѣ, за стихотворную (даже не политическую) шалость наказанномъ отдачей въ солдаты, въ московскихъ казармахъ и кавказской боевой службѣ отданномъ на жертву произволу, обезволенномъ, затуманенномъ виномъ,—великомъ укорѣ отеческому режиму“, о Герценѣ, Бакунинѣ, о революціи 1848 г. и даже,—о чемъ и думать было не безопасно, — о Чернышевскомъ. „Снова переработанная сообразно съ научными разысканіями за послѣднее десятилѣтіе, — говоритъ авторъ,—расширенная и въ обзорѣ литературныхъ явленій, и въ объясненіи ихъ, настоящая книга появляется въ третьемъ изданіи среди великаго подъема общественной

мысли и освободительнаго движенія. Пусть же послужитъ она подспорьемъ для изученія и оцѣнки той важной подготовительной роли, которую выполняла въ теченіи вѣковъ передовая литература, опираясь на культурное вліяніе европейскаго Запада!"

Отмѣтимъ маленькую неточность въ заглавіи Адиссоновой пьесы: „Каронъ", а не „Смерть Карона", какъ сказано у автора.

III.

— Сватиковъ, С. Г. Общественное движеніе въ Россіи (1700—1895). Изд. Н. Парамонова „Донская Рѣчь" въ Ростовѣ-на-Дону. 1905.

Содержаніе настоящей книги значительно скромнѣе, чѣмъ ея заглавіе. Исходя изъ того положенія, что „въ настоящій моментъ вопросъ о народномъ представительствѣ въ Россіи рѣшенъ окончательно и безповоротно", но остается нерѣшеннымъ, „въ какія именно формы" должно вылиться это „представительство", г. Сватиковъ ставитъ своей задачей познакомить читателя съ исторіей вопроса о народномъ представительствѣ. „Настоящая работа имѣетъ цѣлью,—говоритъ авторъ,— сдѣлать общую сводку всего матеріала по вопросу о проектахъ и попыткахъ измѣненія государственнаго строя въ Россіи. Несомнѣнно, что только глубокій анализъ экономическихъ и общественно-политическихъ условій русской исторической жизни дастъ возможность точно объяснить и правильно понять возникновеніе тѣхъ, а не иныхъ проектовъ политическаго переустройства Россіи. Тѣмъ не менѣе, намъ казалось, что даже простое изложеніе политическихъ проектовъ и программъ за послѣднія 200 лѣтъ (1700—1895) дастъ читателю возможность прослѣдить возникновеніе и развитіе на русской почвѣ современныхъ политическихъ программъ. Напримѣръ, теченія монархически-конституціонное и республиканское, централистское и федералистское, требованія двухпалатной и однопалатной системъ, развитіе требованія учредительнаго собранія и всеобщаго избирательнаго права — все это легко можетъ быть прослѣжено по предлагаемой работѣ".

Авторъ указываетъ далѣе, что изъ требованій измѣненія государственнаго строя не упомянуто требованіе свободы слова, заявленное И. С. Аксаковымъ въ 1862 году въ газетѣ „День", затѣмъ письмо Цебриковой къ имп. Александру III—за отсутствіемъ матеріаловъ; по той же причинѣ не изложены конституціонные проекты кн. Васильчикова и анонимнаго „общества конституціоналистовъ" начала девяностыхъ годовъ. Изъ всѣхъ проектовъ и программъ авторъ извлекаетъ

лишь часть, касающуюся *политическаго* переустройства Россіи, исключая все, имѣющее, по мнѣнію автора, отношеніе къ соціальнымъ требованіямъ и теоріямъ. При этомъ, замѣтимъ вскользь, авторъ не даетъ точнаго разграниченія (что во многихъ случаяхъ и невозможно) понятій политическаго и соціальнаго переустройства и, останавливаясь на требованіяхъ чисто соціалистическаго характера, вноситъ непослѣдовательность въ эту сторону своей задачи. И далѣе, авторъ съ трогательной откровенностью отмѣчаетъ недостатки своей работы: она написана спѣшно и, „по независящимъ отъ автора обстоятельствамъ, въ провинціи, гдѣ не было возможности пользоваться сносной исторической библіотекой, и изложена на основаніи отрывочныхъ записей, сдѣланныхъ во время работъ (по другому вопросу) въ Британскомъ музеѣ. Отсюда—недостаточно полное изложеніе проектовъ, пропуски, умолчаніе и нѣкоторая несоразмѣрность частей“. Авторъ утѣшаетъ читателя, что все это будетъ по возможности исправлено во второмъ изданіи. Къ чему же, однако, такая поспѣшность? Какъ видно изъ благосклонной цензурной помѣты, книга была написана авторомъ еще въ маѣ прошлаго года, когда мы были еще гораздо дальше отъ конституціи, чѣмъ теперь, и еслибы авторъ далъ себѣ время выяснить болѣе опредѣленно свою задачу, онъ, несомнѣнно, пришелъ бы къ сознательному выбору одного изъ двухъ рѣшеній: или дать лишенное всякаго прагматизма фактическое изложеніе хотя бы главнѣйшихъ программъ и плановъ государственнаго переустройства, или же взять на себя отвѣтственный и нелегкій трудъ представить послѣдовательное развитіе роста политическаго самосознанія въ Россіи, въ связи съ измѣненіемъ бытовыхъ и экономическихъ условій и анализа господствовавшихъ умственныхъ теченій. Въ настоящемъ же своемъ видѣ сочиненіе автора представляетъ собою этюдъ, колеблющійся на границѣ между историческими матеріалами и научнымъ изслѣдованіемъ, характеризуемымъ рѣзкими скачками изъ одной эпохи въ другую и краткими и подчасъ произвольными обобщеніями. Укажемъ образчикъ односторонняго объясненія: „Ходъ историческихъ событій опредѣляется соотношеніемъ реальныхъ общественныхъ силъ. Одной изъ главныхъ силъ въ XVIII вѣкѣ является дворянство, и исторія попытокъ ограничить верховную власть тѣсно связана въ XVIII вѣкѣ, да и въ значительной части XIX вѣка съ исторіей дворянства, которое, слѣдуя преимущественно узко-эгоистической сословной политикѣ (съ классовымъ оттѣнкомъ, въ виду отношенія его къ крестьянству, какъ рабочей силѣ) стремится создать себѣ привилегированное положеніе за счетъ народной массы“.

Остается, такимъ образомъ, необъясненнымъ, почему эти попытки ограничить верховную власть идутъ, однако, именно изъ среды дво-

рянства, помимо стремленія „обезпечить себѣ правомѣрное и постоянное вліяніе на государственную власть въ сферѣ законодательства и управленія". Не вполнѣ обоснованнымъ представляется намъ и обвиненіе либеральной части общества въ „большой незрѣлости своей политической мысли и неорганизованности", въ то время, какъ „крайняя партія продолжала указывать на необходимость исполнить ея коренное требованіе—созывъ народныхъ представителей". Дѣло не только въ политической незрѣлости, но въ самыхъ условіяхъ политической борьбы, крайне затруднявшихъ вопросъ о выборѣ средствъ, причемъ „крайняя партія" была лишь сравнительно небольшимъ кружкомъ, весьма изолированнымъ въ сферѣ своего вліянія. Это общій недостатокъ автора—смѣшеніе политическихъ требованій, предъявлявшихся къ правительству различными общественными группами и даже отдѣльными лицами, съ фактами распространенія конституціонныхъ идей вширь и вглубь Россіи.

При всѣхъ своихъ многочисленныхъ недостаткахъ этюдъ г. Сватикова заслуживаетъ вниманія читателя. Онъ представляетъ собой результатъ обширной и не всегда благодарной работы и знакомитъ читателя со многими матеріалами, напечатанными въ рѣдкихъ изданіяхъ или заграницей. Проникнутый опредѣленнымъ общественнымъ настроеніемъ, какъ бы согрѣтый горячимъ сочувствіемъ освободительнымъ стремленіямъ во имя торжества конституціонной идеи, этюдъ г. Сватикова можетъ вызвать въ среднемъ читателѣ несомнѣнный интересъ къ изученію политической исторіи своей родины и, въ качествѣ политическаго памфлета, можетъ послужить дѣлу распространенія конституціонныхъ идей. Обстоятельнѣе другихъ представлена эпоха Александра I, для которой авторъ нашелъ немало подготовительныхъ работъ, хотя матеріалами о декабристахъ воспользовался недостаточно; что касается эпохи имп. Александра II, то здѣсь нельзя не отмѣтить его работы, какъ одного изъ первыхъ опытовъ оріентироваться въ огромной массѣ еще сырого матеріала, причемъ, къ сожалѣнію, ему не были доступны, по условіямъ его работы, заграничныя изданія, характеризующія дѣятельность соціалистическихъ партій въ Россіи въ 60-хъ и 70-хъ годахъ.

IV.

— Розановъ, В. Около церковныхъ стѣнъ. Томъ первый. Спб. 1906.

Странная книга, неровная, расплывчатая, необобщенная—по формѣ фельетоны, легкіе публицистическіе эскизы. Но въ нихъ читатель

встрѣчаетъ то тутъ, то тамъ, и часто неожиданно для себя, глубокія мысли, остроумные парадоксы, оригинальные примѣры; изложеніе ведется хитроумно, эластичной спиралью, то замыкаясь въ мѣткія и категорическія опредѣленія, то растягиваясь прозрачнымъ узоромъ соображеній, доводовъ, софизмовъ. Согрѣтыя чувствомъ теплаго, участливаго отношенія и къ предмету, о которомъ идетъ рѣчь, и къ читателю, статьи г. Розанова невольно подкупаютъ послѣдняго и создаютъ атмосферу интимной бесѣды, безъ видимаго намѣренія со стороны автора подавить собесѣдника превосходствомъ своихъ сужденій, свѣдѣній, опыта, глубиной наблюденій.

Во многихъ статьяхъ замѣчается даже обратное явленіе: бесѣда принимаетъ у автора подчасъ тотъ своеобразно интимный характеръ, при которомъ собесѣдники какъ бы сознаютъ, что наступило время отбросить излишнія церемоніи и повести бесѣду ради самой бесѣды— „о томъ, о семъ, а чаще ни о чемъ"... Въ такіе моменты разнѣженный слухъ ловитъ не слова и мысли, но чувства и настроенія, и когда бесѣда прерывается, о ней остается одно лишь тающее воспоминаніе. Читатель же, не склонный предаваться переживаніямъ, какъ теперь принято выражаться, подобныхъ настроеній, не остановитъ пристальнаго вниманія на доброй половинѣ предлагаемаго сборника. Перелистывая страницу за страницей прекрасной матовой бумаги, покрытой красивой, крупной печатью, онъ скользнетъ бѣглымъ взглядомъ по „введенію", по статьямъ въ родѣ „Религія—какъ свѣтъ и радость", „На черномъ и желтомъ материкахъ", затѣмъ—„Наши возлюбленные усопшіе" и др., но остановится съ большимъ интересомъ на статьяхъ г. Розанова, имѣющихъ отношеніе къ школѣ, на борьбу съ которой, въ ея современной казенной формѣ, авторъ выступилъ нѣсколько лѣтъ назадъ въ извѣстной книгѣ „Сумерки просвѣщенія".

И въ настоящей своей книгѣ г. Розановъ ставитъ на очередь давно уже назрѣвшій и настоятельно важный вопросъ о „словѣ Божіемъ въ нашемъ ученіи". Съ поразительной мѣткостью характеризуетъ онъ печальное положеніе преподаванія закона Божія, которое, при другихъ условіяхъ, могло бы быть источникомъ плодотворнѣйшаго нравственнаго воздѣйствія на молодыя души. Мертвые люди изгнали изъ него, между тѣмъ, живой духъ и превратили въ мертвую букву, въ еле терпимое необходимое зло. „Крайняя невліятельность въ нашихъ училищахъ,—говоритъ г. Розановъ,—такъ называемаго „Закона Божія"—вещь общеизвѣстная. Между тѣмъ, причины таковой невліятельности далеко не ясны. Два недѣльныхъ урока, отведенные на преподаваніе его отъ перваго до восьмого класса, достаточны для очень большого усвоенія. Если прибавить сюда два или три часа, проводимые еженедѣльно учениками на церковной праздничной и пред-

праздничной службахъ, то мы получимъ сумму впечатлѣній и длительность дѣйствія очень значительную. Однако, ни для кого не секретъ, какъ мало религіознаго приносятъ съ собою русскіе юноши въ университетъ, гдѣ краткія лекціи на первыхъ двухъ семестрахъ по курсу богословія мало что̀ прибавляютъ къ легкой ношѣ гимназіи. Между тѣмъ, солидное религіозное воспитаніе юношества есть и останется всегда одной изъ капитальныхъ задачъ школы, и особенно таковой она остается у насъ, какъ отвѣтъ на запросъ вообще очень религіозно настроеннаго населенія. Ветхозавѣтная и новозавѣтная часть этого курса отнесена къ самому дѣтскому возрасту учениковъ, къ первому и второму классамъ гимназіи. Два коротенькіе учебничка, Рудакова или Соколова, разучиваются: одинъ въ первомъ классѣ—это Священная исторія Ветхаго Завѣта и одинъ во второмъ классѣ—это Священная исторія Новаго Завѣта. Повидимому, такое распредѣленіе вытекло не изъ самаго матеріала преподаванія, а скорѣе изъ времени преподаванія. Одинъ годъ, еще одинъ годъ; и въ два года повѣствовательная часть предмета кончена. Начиная съ третьяго класса, вплоть до восьмого, т.-е. шесть лѣтъ, и притомъ самыхъ важныхъ для духовнаго склада ученика лѣтъ, удѣляется догматическому мышленію и литургическимъ подробностямъ, включая въ составъ перваго и исторію христіанской церкви. При первомъ же взглядѣ нельзя не быть пораженнымъ, что только одинъ второй классъ гимназіи посвященъ Священной исторіи Новаго Завѣта, и это есть часть, конечно безслѣдно тонущая среди другихъ частей курса, и болѣе солидно поставленныхъ, и проходимыхъ въ болѣе солидные годы ученика".

Далѣе г. Розановъ указываетъ на необходимость выдвинуть священную исторію Новаго Завѣта на передній фасадъ всей восьмилѣтней программы и проходить ее не по пересказамъ Рудакова или Соколова, но въ „подлинномъ словѣ Божіемъ", т.-е. по Евангелію. Все это безусловно справедливо, какъ и дальнѣйшія замѣчанія автора объ изученіи Ветхаго Завѣта и Катехизиса. Но какъ произвести этотъ закоренной переворотъ безъ измѣненія всего строя нашей школы, зараженнаго мертвечиной формализма и фальшью? Г. Розановъ говоритъ о „реформируемой теперь школѣ". Если онъ имѣлъ въ виду невинныя мечтанія, царившія на этотъ счетъ въ подлежащихъ бюрократическихъ сферахъ за послѣдніе два-три года, то теперь эти слова звучатъ невольной ироніей. Реформа школы идетъ не сверху, а снизу, изъ нѣдръ самого общества, рождается въ мучительной борьбѣ за общую выработку началъ свободной и сознательной жизни, и неизвѣстно, какъ выразится эта реформа; пока же она совершается— нѣтъ ничего удивительнаго, что на всѣхъ оффиціальныхъ потугахъ улучшить школьное дѣло сказывается блѣдная немочь бюрократиче-

скаго безсилія и недомыслія, и это не можетъ быть иначе, пока вѣдомство народнаго просвѣщенія является вѣтвью уже отжившаго дерева и пока управленіе имъ будетъ находиться въ рукахъ безжизненныхъ и чуждыхъ интересамъ просвѣщенія людей. То, что говоритъ г. Розановъ примѣнительно къ Закону Божію, можетъ быть отнесено почти къ каждому предмету „реформируемой теперь школы“: „Та же сухая программа и здѣсь, какъ на урокахъ алгебры или нѣмецкаго языка; та же отвѣтственность преподавателя и ученика къ экзамену; тотъ же наскоро составленный и сжатый до послѣдней степени учебникъ; то же унылое „отъ сихъ до сихъ“ на завтра; и имена праотцевъ, патріарховъ, пророковъ, святыхъ, запоминаемыя съ такимъ же чувствомъ, какъ рѣки Австраліи или плоскогорія Азіи. Между тѣмъ кто же станетъ спорить, что задачи преподаванія здѣсь совершенно другія, что Евангеліе или Ветхій Завѣтъ и, наконецъ, исторія христіанства—не „сухой матеріалъ“, практически необходимый для путешественника, торговца и для читателя газетъ? „Практично необходимое“ въ Законѣ Божіемъ именно—воздѣйствіе на душу ученика; воздѣйствіе на его воображеніе живыхъ фигуръ мучениковъ, апостоловъ, пророковъ; картина событій исторіи, самой потрясающей; и, наконецъ, размышленіе надъ нравственными законами, надъ заповѣданіями совѣсти человѣческой, какіе оставилъ міру и человѣку Христосъ. Гдѣ это все? Въ пожеланіи—это у каждаго; въ осуществленіи—ни у кого“.

Г. Розановъ приводитъ два письма къ нему законоучителей, написанныхъ по поводу его статьи о постановкѣ Закона Божія въ нашей школѣ. Какъ и слѣдовало ожидать, въ числѣ причинъ неудовлетворительной постановки оказался, по мнѣнію законоучителей, не общій строй всего преподаванія, а недостаточное число часовъ въ недѣлю („жалованья мало“—по подстрочному переводу г. Розанова), назначенныхъ на преподаваніе „христіанства“, сравнительно съ тѣмъ, сколько отведено для изученія языческихъ классиковъ. Г. Розановъ замѣчаетъ, что сущность дѣла заключается не въ количественномъ, а въ качественномъ преподаваніи, и что вся бѣда въ томъ, „что оно даетъ его въ какомъ-то исковерканномъ видѣ или въ страшно ослабленномъ“.

Около Закона Божія, *около* христіанства, *около* монастырскихъ и церковныхъ стѣнъ, *около* чего-то нужнаго и важнаго для жизни, съ яркими вспышками приближенія къ нему,—таковъ общій характеръ этой книги г. Розанова, и, право, не такъ уже самъ далеко отошелъ онъ, въ качествѣ изслѣдователя духовныхъ основъ жизни, отъ тѣхъ представителей современной критики, которымъ онъ посвящаетъ нѣсколько неутѣшительныхъ строкъ. „Критика наша, — говоритъ онъ, — болѣе любитъ бродить „около“, говорить „по поводу“ и вообще излагать

себя, нежели собственно проводить въ систему, подчеркивать, обрабатывать и освѣщать содержаніе разбираемаго писателя. Критика болѣе занимается собою, нежели литературою, и, кажется, болѣе тщеславна, нежели проницательна". Послѣднее, конечно, не вполнѣ подходитъ къ г. Розанову, а иногда не подходитъ и вовсе, когда онъ говоритъ, не мудря, о жизни человѣческой съ удивительной по временамъ простотой, оригинально-талантливо, не думая объ этомъ, глубоко проницательно—не о томъ, чего не вѣдаетъ никто, но что видятъ и знаютъ всѣ, только съ поверхностной обыденно мѣщанской стороны. Но, бродя „вокругъ" да „около" въ этой книгѣ, г. Розановъ говоритъ всяческое: то нѣсколько долго останавливаетъ читателя на нѣкоторыхъ подробностяхъ своей біографіи, то приглашаетъ его къ благоговѣйному созерцанію „скептическаго ума" г. Побѣдоносцева, то заводитъ въ дебри вопросовъ о бѣломъ и черномъ духовенствѣ, то нѣкій казанскій торговецъ даетъ ему поводъ высказаться и о „таинствахъ" вообще, и объ отрицаніи ихъ у Толстого, то, наконецъ, останавливается на Достоевскомъ и рисуетъ творческій обликъ его кратко, образно, ярко. Достоевскій у г. Розанова — „весь въ движеніи сейчасъ бѣгущихъ идей. Ничто въ немъ не постарѣло; ничто не умерло. Онъ такъ же раздражаетъ однихъ; умиляетъ другихъ. Всѣ прощаютъ великіе недостатки собственно *живописи* у него; точнѣе—гармоніи въ живописи, которая лишь въ отдѣльныхъ вершинахъ несетъ на себѣ краски точно какого-то иного міра, а на сплошномъ полотнѣ своемъ являетъ рытвины, пустыни, обвалы и пустыри. Всѣ это забываютъ: ибо слишкомъ ясно, что центръ личности его—не въ эстетикѣ, а въ мышленіи, однако въ мышленіи при помощи картинъ и образовъ, то зовущихъ и соблазняющихъ, то мучащихъ и наконецъ отталкивающихъ. Ему надъ могилою не приходится сказать: „прощай, да будетъ тебѣ земля легка!" но—„живи! броди между живыми и буди ихъ отъ преходящихъ сновъ къ сновидѣніямъ вѣчнымъ". И оттого г. Розановъ такъ понялъ Достоевскаго, что и въ немъ самомъ, страшно индивидуальномъ, со всѣми блестками, мазками, со всей утонченностью и неотдѣланностью своей впечатлительной мысли, есть тотъ бродильный сокъ, который, если и не потрясетъ самые „устои психологическаго и метафизическаго существованія Европы", то не въ одномъ обыденномъ человѣческомъ сердцѣ вызоветъ протестъ противъ мѣщанскихъ формъ быта и разбудитъ критическую мысль на исканіе болѣе возвышенныхъ цѣлей жизни, чѣмъ тѣ, которымъ это сердце служило прежде. И въ этомъ по преимуществу—индивидуальное значеніе г. Розанова, какъ писателя.

V.

— Валерій Брюсовъ. Stefanos. Вѣнокъ. Стихи. 1903—1905. Москва, 1906. Книгоиздательство „Скорпіонъ".

Съ особымъ удовольствіемъ мы обращаемся къ разбору этой книги, такъ не похожей на прежнюю книгу автора—„Urbi et orbi", вымученную, крикливую и претенціозную. Два года назадъ, когда, въ страшное время реакціи и мертваго застоя, въ русской литературѣ назойливо раздавались по преимуществу голоса эстетовъ различнаго толка, намъ просто не хотѣлось останавливаться на болѣе подробномъ разборѣ художественныхъ достоинствъ прежняго сборника стиховъ г. Брюсова, и мы ограничились лишь немногими замѣчаніями въ этомъ отношеніи. Достоинства эти были несомнѣнны, но терялись въ хаосѣ реторическаго словоизліянія, неестественной демоничности и всякаго ненужнаго грома и треска. Если трудно иногда человѣку любой профессіи опредѣлить свое призваніе, тѣмъ труднѣе познать самого себя поэту, и настоящая книжка—яркое тому доказательство. И въ ней г. Брюсовъ не совсѣмъ еще освободился отъ нѣкоего холоднаго и враждебнаго его истинному творчеству духа, который сажаетъ поэта на чуждыхъ ему пегасовъ и увлекаетъ въ міръ искусственныхъ настроеній и не родныхъ его душѣ образовъ. Ему невнятно въ себѣ, то, что онъ ясно видитъ въ другихъ. Лишь постепеннымъ и, какъ намъ кажется, упорнымъ трудомъ доходящій до своего поэтическаго самопознанія, г. Брюсовъ—тонкій и вдумчивый цѣнитель искусства и поэзіи, что видно, между прочимъ, изъ его журнальныхъ критическихъ статей, вообще заслуживающихъ бо̀льшаго вниманія, чѣмъ то, какое имъ оказывалось до сихъ поръ. Конечно, особенно любопытными являются его сужденія о недавнихъ собратьяхъ по тому теченію новѣйшей литературы, которое, еще годъ тому назадъ, издали представлялось чѣмъ-то болѣе или менѣе однороднымъ, а теперь тоненькими струйками разбѣжалось въ разныя стороны, то рассыпаясь мыльными пузырями мистико-религіозныхъ „откровеній", то впадая въ бурные ручьи злободневной жизни, съ ея борьбой, копотью фабричныхъ трубъ, запахомъ пота и крови, скрежетомъ, шумомъ и стономъ совершающейся на нашихъ глазахъ политической борьбы... И вотъ что̀, между прочимъ, говоритъ г. Брюсовъ объ авторѣ „Будемъ какъ солнце": въ новыхъ произведеніяхъ г. Бальмонта—„нѣтъ напряженнаго тона вымученныхъ стихійныхъ гимновъ, нѣтъ безсильныхъ, ненужныхъ переложеній въ стихи ведійскихъ, теософскихъ и иныхъ заповѣдей... Въ своей новой книгѣ, отрекшись отъ претензій,

которыя его поэзія выполнить не въ силахъ, Бальмонтъ позволилъ себѣ снова быть самимъ собой—

вновь быть кроткимъ и нѣжнымъ,
Быть снова ребенкомъ, хотя бы въ другомъ...

Родникъ его творчества... бьетъ здѣсь струей ясной, хрустальной, напѣвной".

Мы нашли бы гораздо болѣе естественнымъ, если бы все это, mutatis mutandis, сказалъ г. Бальмонтъ о г. Брюсовѣ, такъ какъ у г. Брюсова, въ новой его книгѣ, если еще и встрѣчаются холодныя упоенія вымученнымъ, головнымъ оргіазмомъ, „безсильныя, ненужныя переложенія въ стихи" безстрастно придуманныхъ схемъ, то они тонутъ въ нѣжныхъ и кроткихъ созерцаніяхъ, въ застѣнчивыхъ и стыдливо-недоговоренныхъ настроеніяхъ. Новыя пѣсни его льются струей „холодной, ясной, хрустальной, напѣвной"... Именно напѣвной, съ прозрачнымъ паденіемъ ритма, съ легкими образами въ мягкихъ полутонахъ, съ законченной музыкой созвучій. Въ этихъ пѣсняхъ г. Брюсовъ болѣе всего непосредственно выражаетъ себя, и отсюда та особая душевная гармоничность, та согласованность напѣва и мысли, формы и содержанія, которыми проникнуты эти тихія, созерцательныя мелодіи.

Ливень весенній
Смолкъ. Безъ движеній
Первыя тѣни
Въ тихой дали.
Часъ примиреній
Съ миромъ земли!

Музыка предвечерняго мира слышится въ этихъ стихахъ. Вы чувствуете, что здѣсь нельзя перемѣнить ни одного слова, ни одного звука. Но чуть только поэтъ измѣняетъ себѣ, чуть онъ отклоняется отъ „великаго разума" своего вдохновенія къ „малому разуму" своихъ теорій, какъ онъ вступаетъ въ сферу ледяныхъ восторговъ, и правда жизни и поэзія этой правды тотчасъ же оставляютъ его:

Взоры уклоняя,
Шепчешь ты проклятья
Общему пути,—
Зная! зная! зная!
Что тѣснѣй объятья
Мы должны сплести!

Какъ это мертво, какъ это безсильно!.. Сколько бы восклицательныхъ знаковъ ни ставилъ г. Брюсовъ послѣ своихъ кабинетныхъ порывовъ, читатель остается къ нимъ равнодушенъ. Подобное же впечатлѣніе вызываютъ стихотворенія: „Адамъ и Ева", „Въ застѣнкѣ",

„Жрицы луны", „Орфей и Евридика" и т. п. Отъ нихъ хочется скорѣе уйти, забыть ихъ и отдохнуть на „Вечеровыхъ пѣсняхъ".

Ранняя осень любви умирающей!
Тайно люблю золотые цвѣта
Осени ранней, любви умирающей!
Вѣтви прозрачны, аллея пуста,
Въ сини блѣднѣющей, вѣющей, тающей
Странная тишь, красота, чистота...

Здравствуйте, дни, голубые, осенніе,
Золото липъ и осинъ багрянецъ!
Здравствуйте, дни предъ разлукой, осенніе,
Блѣдный—надъ яркими днями—вѣнецъ!
Дни недосказанныхъ словъ и мгновенія
Въ кроткой покорности слитыхъ сердецъ!

Затаенность, робкая стыдливость чувства, нѣжные переливы свѣтотѣни, легкій сумракъ, западающій въ душу читателя вмѣстѣ съ этими печальными, пѣвучими строфами — все это легко, и мило, и грустно, и вмѣстѣ съ тѣмъ просто, какъ это бываетъ въ истинной поэзіи. Душа поэта слилась съ природой въ одномъ печальномъ и свѣтлобезнадежномъ умираніи и нашла для своего выраженія простыя и трогательныя слова.

Страсти сны намъ только снятся, но душа проснется вновь,
Вѣчнымъ свѣтомъ загорятся лишь влюбленность! лишь любовь!

Въ этихъ словахъ чувствуется безсознательное отреченіе самого поэта отъ своего недавняго прошлаго — отъ „блѣдныхъ ногъ", отъ „сладострастныхъ козъ", отъ „выпуклыхъ, вѣчно несытыхъ грудей". Теперь его влечетъ все непосредственно простое, онъ невольно признается:

Какъ люблю я, какъ любилъ я эти милыя слова,—
Ихъ *напѣвъ не позабылъ я*, ихъ душа *во мнѣ жива*—

такъ жива, что даже въ моментъ своихъ безсильныхъ оргіастическихъ порывовъ у него противъ воли вырывается желаніе, которое, при другихъ условіяхъ, могло бы показаться немножко страннымъ: „Хотѣлъ бы я не быть Валерій Брюсовъ"...—стремленіе, конечно, несбыточное, но мы отъ души желаемъ, чтобы оно являлось у поэта каждый разъ, когда коварный демонъ начнетъ соблазнять его вулканами страсти, чужими горящими зданіями, экскурсами въ область библейскихъ мотивовъ на гривуазныя темы, къ которымъ такъ не идетъ строгая торжественность трезваго стиха. Муза его точно отдѣлилась отъ полотна Ботичелли—она менѣе всего вакханка, даже въ моменты раскаянія и раздумья. Она—величавая, пластичная, она привела поэта къ воплощеніямъ античнаго міра—спокойнымъ, яснымъ, часто прекраснымъ, какъ этотъ самый міръ въ воображеніи поэта.

Тѣсно во мглѣ мы сидимъ,
Люди, надъ ярусомъ ярусъ.
Зыблются вѣтромъ живымъ
Гдѣ-то и стяги, и парусъ!

Въ узкія окна закатъ
Краснаго золота бросилъ.
Выступилъ сумрачный рядъ
Тѣлъ, наклоненныхъ у веселъ.

Цѣпи жестоки. Навѣкъ
Къ мѣсту прикованы всѣ мы.
Гдѣ теперь радостный бѣгъ
Нами влекомой триремы?

(„Гребцы триремы".)

Отошелъ, какъ намъ кажется, г. Брюсовъ отъ прежнихъ декадентовъ и отвоевалъ у нихъ свое особое, никѣмъ не занятое мѣсто поэта спокойныхъ вдумчивыхъ созерцаній, вдохновеній, внушаемыхъ женственной любовью къ красотѣ, кропотливымъ изученіемъ художниковъ и поэтовъ. Онъ менѣе всего огонь, порывъ, трепетъ. Въ „Urbi et orbi" есть у него отдѣлъ „Исканія". Тамъ, по его собственному признанію, онъ старался *усвоить* русской литературѣ нѣкоторыя особенности „свободнаго стиха", „vers libre", выработаннаго во Франціи Э. Верхарномъ и Ф. Вьеле-Гриффиномъ и удачно примѣненнаго въ Германіи Р. Дэмелемъ и Р. Рильке. Поэтъ ищетъ *усваивая* и *примѣняя*—пріемъ весьма характерный для Брюсова. Пусть же онъ будетъ самъ собой и такимъ войдетъ въ немногочисленную семью истинныхъ поэтовъ, чутко отдающихся обаянію дивнаго и вѣщаго русскаго слова,— войдетъ простой, искренній, вдохновенно-размѣренный, умно-мечтательный, сдержанно-свободный.—Евг. Л.

VI.

— Библіографическій обзоръ земской статистической и оцѣночной литературы со времени учрежденія земствъ. 1864—1903 г. Составилъ В. Ф. Караваевъ. Спб., 1906. Стр. VII + 426. Ц. 2 р.

Земскія экономическія изслѣдованія заключаютъ незамѣнимый матеріалъ для познанія того, что совершается въ самыхъ глубинахъ народной хозяйственной жизни. Такое значеніе земскихъ изслѣдованій вытекаетъ изъ того, что эти изслѣдованія основаны на всестороннемъ изученіи тѣхъ элементарныхъ единицъ производительныхъ, мѣновыхъ и потребительныхъ функцій, сочетаніемъ коихъ и создается разнообразіе видимыхъ явленій хозяйственной жизни страны; единицы эти: земледѣльческая или промышленная семья или хозяйство, помѣщичья

экономія, фабрика и т. д. Всестороннее изслѣдованіе экономическаго быта народа на основаніи собираемаго земствами матеріала затрудняется, однако, тѣмъ, что для всякаго возникающаго вопроса приходится производить новую группировку этого матеріала (заключающагося въ подворныхъ и поселенныхъ карточкахъ), что представляется невозможнымъ и по недоступности рукописнаго матеріала, хранящагося въ земскихъ архивахъ, и по количеству того труда, который требуется для этихъ операцій. По этимъ причинамъ, изслѣдователямъ поневолѣ приходится довольствоваться тѣми сводками и группировками первоначальныхъ данныхъ подворныхъ переписей, которыя заключаются въ печатныхъ изданіяхъ такъ-называемой земской статистики. Эти же изданія представляютъ огромное разнообразіе. Разнообразны земскіе статистическіе сборники и въ отношеніи ихъ содержанія,—такъ какъ различныя земства производили изслѣдованіе крестьянскаго хозяйства по программамъ съ различнымъ числомъ вопросовъ и неодинаково полно использовали тщательный матеріалъ мѣстнаго изслѣдованія,—и по способамъ группировки табличнаго матеріала, и по пріемамъ текстовой обработки послѣдняго. По этимъ причинамъ всякому, пользующемуся земскимъ изданіемъ, предстоитъ потратить много времени на ознакомленіе съ ними только для того, чтобы отобрать тѣ томы, въ которыхъ заключаются интересующія его данныя.

Изъ сказаннаго читатель можетъ усмотрѣть, насколько важнымъ дѣломъ было бы составленіе подробнаго библіографическаго указателя земской статистической литературы, и названный въ заголовкѣ этой замѣтки трудъ В. Ф. Караваева представляетъ первый шагъ къ выполненію этого дѣла. Трудъ г. Караваева даетъ даже болѣе, чѣмъ библіографическій указатель къ земско-статистической литературѣ. Для каждой губерніи авторъ излагаетъ вкратцѣ исторію земскихъ статистическихъ изслѣдованій и указываетъ тѣ доклады земскихъ управъ и журналы собраній, предшествовавшихъ учрежденію спеціальныхъ статистическихъ бюро, въ которыхъ заключаются какія-либо данныя статистическаго характера. Выполненіе этой задачи потребовало, конечно, массы времени для пересмотра земскихъ докладовъ и журналовъ. За указанной исторической справкой въ главѣ, посвященной данной губерніи, слѣдуетъ перечень изданій такъ-называемой основной, текущей статистики и разныхъ другихъ изданій, съ указаніемъ времени даннаго изслѣдованія, лицъ, въ немъ участвовавшихъ, и съ краткимъ перечнемъ предметовъ, которыхъ оно касается. Этотъ перечень сдѣланъ главнымъ образомъ на основаніи оглавленій, имѣющихся въ соотвѣтствующихъ изданіяхъ, но частью и путемъ просмотра самыхъ изданій. Перечень изданій сопровождается ссылками на журнальныя статьи, посвященныя земской статистикѣ. Въ заголовкѣ книги пе-

ріодъ, обозрѣваемый авторомъ, ограниченъ 1903-мъ годомъ; но для московской, напримѣръ, губерніи указываются изданія, вышедшія въ 1905 г., между тѣмъ какъ для вятской и воронежской губерній новѣйшія земскія изслѣдованія не попали въ указатель. Объясняется это обстоятельство, вѣроятно, тѣмъ, что трудъ г. Караваева составляетъ оттискъ изъ „Трудовъ Вольно-Экономическаго Общества", и во время печатанія первыхъ его главъ новѣйшія изслѣдованія соотвѣтствующихъ земствъ не были еще изданы. Пока издана только первая часть труда г. Караваева, посвященная двѣнадцати губерніямъ, но и она уже обняла 800 томовъ земскихъ изданій. Въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ будетъ помѣщенъ статистическій перечень земскихъ изданій, что̀, конечно, значительно облегчитъ лицъ, обращающихся къ этому матеріалу.

Нельзя не поблагодарить В. Ф. Караваева за громадный трудъ, исполненный въ интересахъ русской науки; этотъ трудъ не останется, конечно, безъ вліянія на оживленіе дѣла разработки богатаго матеріала земской статистики. Тѣмъ не менѣе, мы должны повторить, что предпріятіе г. Караваева есть только первый шагъ на пути составленія библіографическаго указателя земской статистической литературы. Дѣло въ томъ, что если меня интересуютъ такія крупныя явленія, какъ крестьянское или владѣльческое хозяйство, кустарные промыслы и т. п., то для пользованія земской статистикой достаточно тѣхъ указаній, какія имѣются въ книгѣ г. Караваева. Если же я желаю собрать фактическія данныя относительно одного изъ частныхъ явленій крестьянскаго, владѣльческаго хозяйства, кустарныхъ промысловъ и т. п.—вродѣ, напримѣръ, вопроса объ условіяхъ крестьянскихъ займовъ, о зимней наемкѣ на лѣтнія работы, о примѣненіи кооперации въ крестьянскомъ хозяйствѣ или въ кустарномъ промыслѣ, то мнѣ придется перелистывать сотни книгъ по земской статистикѣ и, быть можетъ, только въ десятой ихъ части найти нужныя мнѣ свѣдѣнія. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что земская статистика нуждается въ предметномъ указателѣ, подобномъ тому, какой прилагается къ нѣкоторымъ научнымъ сочиненіямъ, и только послѣ осуществленія этой задачи можно будетъ сказать, что сдѣлано все возможное для облегченія пользованія драгоцѣннымъ матеріаломъ земской статистики. Осуществленіемъ этого дѣла, повидимому, задалось-было министерство финансовъ. По крайней мѣрѣ, оно издало нѣсколько выпусковъ (каждый выпускъ посвященъ отдѣльной губерніи) „Библіографическаго указателя земской оцѣночной литературы". Но это незаконченное предпріятіе выполняетъ только часть, и притомъ менѣе важную, того, что̀ долженъ заключать предметный указатель; оно знакомитъ насъ съ рубриками таблицъ земско-статистической литературы, между тѣмъ

какъ главное затрудненіе при пользованіи земскими изданіями заключается въ неизвѣстности всего содержанія текста. Вопросъ о составленіи предметнаго указателя представляется, поэтому, совершенно открытымъ. Намъ кажется, что наиболѣе легкимъ способомъ разрѣшить этотъ вопросъ было бы составленіе указателя земскими статистическими бюро соотвѣтствующихъ губерній. Бюро хорошо знаютъ свои изданія, нерѣдко, вѣроятно, пользуются ими для цѣлей мѣстнаго земства и могли бы составлять предметные указатели въ свободные промежутки между другими работами. А ихъ отдѣльныя изданія могли бы быть затѣмъ сведены воедино. Во всякомъ случаѣ, было бы желательно, чтобы предметные указатели прилагались къ новымъ изданіямъ по земской статистикѣ. Возвращаясь къ прямому предмету нашей замѣтки, мы считаемъ нелишнимъ указать, что 50% выручки за книгу В. Ф. Караваева предназначаются въ пользу столовыхъ въ неурожайныхъ мѣстностяхъ и для безработныхъ г. Петербурга.

VII.

— П. Н. Соковнинъ. Культурный уровень крестьянскаго полеводства на надѣльной землѣ и его значеніе въ аграрномъ вопросѣ. Изданіе Департамента Земледѣлія. СПб. 1906. Ц. 50 коп.

Аграрныя движенія крестьянъ весной и осенью прошлаго года вызвали огромную литературу — газетную, журнальную, брошюрную и книжную—посвященную соображеніямъ и разсчетамъ того, какимъ образомъ возможно отвѣтить на грозно возникшій аграрный вопросъ. Къ числу книгъ, касающихся аграрнаго вопроса, принадлежитъ и названный въ заголовкѣ этой замѣтки трудъ П. Н. Соковнина; но отличіе его отъ другихъ литературныхъ произведеній даннаго рода заключается въ томъ, что его статистическіе разсчеты не касаются непосредственно вопроса о дополнительномъ надѣленіи землею крестьянъ. Авторъ дѣлаетъ попытку поставить вопросъ о малоземельѣ крестьянъ разныхъ губерній на почву сравнительной доходности крестьянскаго хозяйства и приводитъ рядъ разсчетовъ, выясняющихъ эту послѣднюю. Доходность крестьянской надѣльной земли онъ измѣряетъ итогами крестьянскаго полеводства, о которыхъ онъ судитъ на основаніи данныхъ о посѣвахъ и сборахъ зерна съ крестьянскихъ полей. Другіе источники доходовъ крестьянскаго хозяйства не принимаются авторомъ во вниманіе въ виду отсутствія массовыхъ о нихъ свѣдѣній. Г. Соковнинъ оперируетъ надъ среднимъ пахотнымъ надѣломъ крестьянской семьи разныхъ губерній, къ которому и относитъ всѣ свои разсчеты. Элементами же разсчета являются у него—площадь посѣва

средняго двора, сборъ зерна съ десятины посѣва и оцѣнка урожая по мѣстнымъ цѣнамъ хлѣбовъ. Опредѣливъ доходность десятины посѣва, десятины всего пахотнаго участка и общій валовой доходъ средняго крестьянскаго двора каждой губерніи, авторъ сравниваетъ полученныя данныя съ цѣнами арендной земли, съ одной стороны, и съ исчисленіями крестьянскихъ бюджетовъ—съ другой, и приходитъ къ неновому, конечно, заключенію, что высота арендныхъ цѣнъ земли мало сообразуется съ ея доходностью, и что полевое хозяйство на надѣльной землѣ покрываетъ только часть—и въ большинствѣ губерній даже меньшую—крестьянскихъ расходовъ. Это служитъ яркой иллюстраціей крестьянскаго малоземелья, и послѣ того самъ собою возникаетъ вопросъ: гдѣ же крестьянину искать выхода изъ такого ненормальнаго положенія? Общественное мнѣніе указываетъ, какъ на такой, на дополнительное надѣленіе крестьянъ, и, слѣдуя этому указанію, г. Соковнинъ приходитъ къ измѣренію запаса земель, могущихъ служить этой цѣли. Основываясь на данныхъ поземельнаго изслѣдованія 1887 г., авторъ разсматриваетъ земельные запасы всѣхъ категорій землевладѣнія въ различныхъ губерніяхъ, выдѣляя особо лѣсную площадь и неудобныя земли и опредѣляя такимъ образомъ тотъ запасъ земли, который можетъ быть теперь же употребленъ на сельско-хозяйственныя цѣли. Онъ дѣлитъ эту площадь на число крестьянскихъ дворовъ въ каждой губерніи и затѣмъ вычисляетъ, насколько былъ бы увеличенъ доходъ средняго двора, еслибы вся эта земля перешла въ руки крестьянъ, причемъ оказалось, что и при такомъ условіи доходы крестьянскаго полеводства не достигли бы и половины расходовъ крестьянской семьи. Этотъ результатъ приводитъ г. Соковнина къ заключенію, что на почвѣ исключительно аграрныхъ реформъ нельзя достигнуть упроченія крестьянскаго благосостоянія, что вмѣстѣ съ этимъ долженъ идти и процессъ увеличенія производительности земледѣльческаго труда. Земельный же фондъ долженъ быть употребленъ не на увеличеніе площади средняго крестьянскаго участка, а на дополненіе надѣловъ малоземельной части населенія. По всѣмъ разсматриваемымъ вопросамъ авторъ не ограничивается приведеніемъ абсолютныхъ данныхъ для средняго крестьянскаго двора каждой губерніи. Онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, даетъ таблицы сравнительнаго положенія всѣхъ губерній, принимая данныя одной изъ нихъ (кіевской) за единицу. Эти таблицы наглядно показываютъ, какое количество пахотной земли въ каждой губерніи, по хозяйственному значенію, соотвѣтствуетъ одной десятинѣ крестьянскаго надѣла въ кіевской губерніи. Факторъ доходности крестьянскаго надѣла не можетъ, конечно, не имѣть извѣстнаго значенія при оцѣнкѣ степени малоземелья крестьянъ и настоятельности аграрныхъ реформъ въ различныхъ районахъ Россіи.

Переходя отъ изложенія плана работы г. Соковнина къ его выполненію, мы не можемъ не обратить вниманія на слѣдующіе недостатки, значительно обезцѣнивающіе его. Для средняго крестьянскаго надѣла авторъ беретъ *пахотную* часть послѣдняго, какъ она опредѣлилась, по свѣдѣніямъ центральнаго статистическаго комитета въ 1893 г., а для оцѣнки результатовъ гипотетическаго дополненія крестьянскихъ надѣловъ онъ прикладываетъ къ ней ту долю *всѣхъ* сельскохозяйственныхъ угодій, какая падаетъ на крестьянскій дворъ въ предположеніи раздѣла между крестьянами всѣхъ остальныхъ земель, и полученную такимъ образомъ величину неопредѣленнаго значенія называетъ то пахотнымъ, то полнымъ участкомъ крестьянскаго двора. Затѣмъ, авторъ слишкомъ довѣрчиво отнесся къ свѣдѣніямъ центральнаго статистическаго комитета о площади крестьянской пахотной земли въ 1893 г., несмотря на предупрежденіе редакціи изданія, что во многихъ случаяхъ сельскія власти вмѣсто площади пахотной земли сообщали свѣдѣнія о всей площади крестьянскаго надѣла. Сравненіе площади этой якобы пахотной земли съ площадью всѣхъ сельскохозяйственныхъ угодій крестьянскаго надѣла (по даннымъ 1887 г.) показало бы автору, что такое смѣшеніе происходило очень часто и притомъ неравномѣрно, и оттого, во-первыхъ, площадь исчисленнаго авторомъ пахотнаго крестьянскаго участка для многихъ губерній значительно преувеличена; во-вторыхъ, сравненіе по этому признаку отдѣльныхъ губерній приведетъ къ ошибочнымъ заключеніямъ. Принявъ преувеличенныя данныя 1893 г. за истинную площадь пахотнаго надѣла крестьянина—для выдѣленія изъ нея части, отводимой подъ посѣвы, г. Соковнинъ пользовался не свѣдѣніями (сравнительно правильными) того же источника, а процентнымъ отношеніемъ посѣвной площади къ общей площади пахотной земли, установленной болѣе точно въ 1887 г., и согласно этому отношенію опредѣлялъ абсолютную величину площади, отводимой будто бы подъ посѣвы изъ участка пахотной земли, установленнаго изслѣдованіемъ 1893 г. А такъ какъ данныя этого изслѣдованія, какъ мы видѣли, преувеличены, сравнительно съ дѣйствительностью, то преувеличенными же и притомъ неравномѣрно для разныхъ губерній — должны оказаться и исчисленныя г. Соковнинымъ площади крестьянскихъ посѣвовъ, и основанныя на нихъ вычисленія; а пригодность этихъ вычисленій для сравнительныхъ выводовъ подвергается большому сомнѣнію. Еслибы не этотъ недостатокъ разсматриваемаго изданія, то трудъ г. Соковнина, помимо его собственныхъ выводовъ, представлялъ бы немалый интересъ и въ смыслѣ свода статистическихъ данныхъ и кропотливыхъ вычисленій относительно состава посѣвной площади средняго крестьянскаго двора каждой губерніи, урожая и дохода, получаемаго этимъ

дворомъ отъ различныхъ культивируемыхъ имъ на поляхъ растеній. Будемъ надѣяться, что указываемые нами недостатки будутъ исправлены во второмъ выпускѣ интереснаго изслѣдованія П. Н. Соковнина, посвященномъ учету поуѣздныхъ данныхъ о крестьянскомъ полеводствѣ.—В. В.

VIII.

— Отечественная война 1812 года. Историческое изслѣдованіе Александра Николаевича Попова. Т. I. Сношенія Россіи съ иностранными державами передъ войной 1812 года. Москва 1905, in 4⁰, I — VI + 1 — 503. Съ портрет. автора. Ц. 4 руб.

Только-что вышедшая книга, касающаяся Отечественной войны, написана очень давно, болѣе четверти вѣка тому назадъ; тѣмъ не менѣе, новое появленіе ея въ печати нельзя считать излишнимъ даже въ наше время. Авторомъ изложены весьма подробно и обстоятельно сношенія Россіи съ иностранными державами непосредственно передъ разрывомъ съ Франціей въ 1812 году. Книга состоитъ изъ семи главъ: I—Сношенія съ Франціей въ 1811 г.; II—Сношенія съ Франціей въ концѣ 1811 г. и въ началѣ 1812 г.; III — Сношенія съ Швеціей; IV—Окончаніе войны съ Турціей и Бухарестскій миръ; V—Переговоры съ Турціей; VI — Сношенія съ Пруссіей, и VII—Сношенія съ Австріей.

А. Н. Поповъ, какъ видно изъ примѣчаній, могъ пользоваться документами изъ архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ, сочиненіями Богдановича и иностранными историками Тьеромъ и Бильономъ. Но архивными свѣдѣніями, хранящимися въ Парижѣ въ „Archives Nationales“, Поповъ, очевидно, пользоваться не могъ, а также не имѣлъ въ рукахъ писемъ гр. Нессельрода къ Сперанскому, сохранившихся въ нашемъ государственномъ архивѣ. Поэтому въ трудѣ его замѣтны пробѣлы и недомолвки, что нѣсколько уменьшаетъ цѣну настоящаго изданія. Въ первыхъ двухъ главахъ А. Н. Поповъ даетъ выдержки изъ донесеній князя Александра Борисовича Куракина и флигель-адъютанта А. И. Чернышева, которыя одинаково свидѣтельствуютъ, что императоръ Наполеонъ уже непреклонно рѣшилъ воевать съ Россіей. Разсматриваются также вопросы о возможности для насъ союза съ Пруссіей и Австріей и желательности скорѣйшаго заключенія мира съ Турціей. Переданы подробно бесѣды Наполеона съ Чернышевымъ, а также министровъ иностранныхъ дѣлъ сперва Шампаньи (Champagny duc de Cadore), а потомъ Маре (Maret duc de Bassano) съ посломъ кн. Куракинымъ, гдѣ императоръ фран-

цузовъ высказалъ русскому послу всѣ тѣ причины недовольства на наше правительство, которыя должны привести къ разрыву между недавними союзниками. Причины эти извѣстны. Главныхъ двѣ: новый русскій тарифъ, невыгодный для Франціи, и дѣло о герцогствѣ Ольденбургскомъ. Все это разобрано очень подробно и толково, но, какъ мы уже замѣтили, съ пробѣлами вслѣдствіе неполноты матеріаловъ, бывшихъ въ распоряженіи автора. Сужденіе автора о князѣ А. Б. Куракинѣ, по нашему мнѣнію, пристрастнѣе и едва ли сходно съ истиной. Даже князь Куракинъ,—говоритъ авторъ,— сочувствовавшій Наполеону и его семейству, желавшій поддержать союзъ Россіи съ Франціей"... и т. д. Но князь Куракинъ никогда не сочувствовалъ ни Наполеону, ни его семейству, а тѣмъ менѣе союзу съ нимъ. Онъ противъ своего желанія былъ назначенъ посломъ въ Парижъ въ 1808 г.; князь вовсе не желалъ покидать Вѣны, но автору были неизвѣстны письма Куракина къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, откуда онъ могъ бы почерпнуть противоположныя свѣдѣнія. Куракинъ постоянно сѣтовалъ на переводъ его въ Парижъ и предупреждалъ императрицу объ истинныхъ замыслахъ Наполеона и о шаткости союза съ нимъ. Въ главѣ III-й наши отношенія къ Швеціи изложены вполнѣ ясно и правильно. То же можно сказать и о послѣдующихъ главахъ, гдѣ авторъ интересно повѣствуетъ объ окончаніи войны съ Турціей и о заключеніи мира въ Бухарестѣ. Равно и сношенія наши съ Пруссіей и Австріей освѣщены вполнѣ правильно. Такимъ образомъ, говоря вообще, можно сказать, что трудъ А. Н. Попова заслуживаетъ и нынѣ вниманія, несмотря на то, что авторъ писалъ задолго до появленія новѣйшихъ изслѣдованій французскихъ историковъ Альбера Вандаля, А. Сореля и нашихъ знатоковъ той эпохи: Н. К. Шильдера и Дубровина. Тѣмъ не менѣе, книга читается съ интересомъ, и можно только пожалѣть, что авторъ не успѣлъ докончить своего труда и преждевременно сошелъ въ могилу.—Н. М.

Въ мартѣ мѣсяцѣ, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Борыкинъ, В.—Паратифозныя заболѣванія въ Маньчжуріи. Спб. 906.

Бѣлинскій, В. Г.—Письмо къ Гоголю. Съ предисловіемъ С. А. Венгерова. Спб. 905. Книгоиздат. „Свѣточъ". Стр. 22. Ц. 10 к.

Венгеровъ, С. А.—Эпоха Бѣлинскаго. Спб. 905. Книгоиздат. „Свѣточъ". Стр. 47. Ц. 20 к.

Вирховъ, Руд.—Жизнь и болѣзнь. Перев. Ю. Гольдендаха. М. Ц. 40 к.

Вульфіусъ, А. Г.—Конспектъ по феодализму. Спб. 906. Стр. 37. Ц. 25 к.

Гессенъ, Ю. И.—Евреи въ Россіи. Очерки общественной, правовой и экономической жизни русскихъ евреевъ. Спб. 906. Ц. 1 р. 50 к.

Давыдовъ, І.—Историческій матеріализмъ и критическая философія. Сборникъ статей. Спб. 905. Ц. 1 р. 25 к.

Дѣль, Эм.—Судьба всѣхъ утопій, въ особенности соціаль-демократической, и Дюрингова эмансипація личности. Съ нѣм. Д. Ройтманъ. Спб. 906. Ц. 15 к.

Демченко, Я.—Правда объ украинофильствѣ. Кіевъ. 906. Ц. 20 к.

Еллинекъ, Г.—Права меньшинства. Перев. Г. Троповскаго, п. р. М. Гершензона. М. 906. Ц. 20 к.

Житковъ, Б., и *Бутурлинъ*, С.—Матеріалы для орнито-фауны Симбирской губерніи. Спб. 906.

Жукъ, В. Н. — Мать и дитя. Гигіена въ общедоступномъ изложеніи. Спб. 906. Ц. 3 р.

Загряцковъ, М. — Соціальная дѣятельность городского самоуправленія на Западѣ. Вып. I: Проблемы муниципализаціи. Кіевъ. 906. Ц. 30 к.

Заринскій, А. Е. — Поземельный вопросъ въ Нижегородской губерніи. Н.-Н—дъ. 906.

Зиновьевъ, Э. М.—Нормальный рабочій день, какъ право. Спб. 906. Ц. 25 к.

Изгоевъ, А. С.—Общинное право.—Спб. 906. Ц. 50 к.

Кабанессъ, и *Нассъ*, Л.—Революціонный неврозъ. Перев. съ фр. подъ ред. Д. Ф. Коморскаго. Спб. 906. Стр. 393. Ц. 2 р. съ пер.

Кей, Элленъ.—Вѣкъ дитяти. Перев. Н. Ю. Юрасовъ. М. 906. Ц. 1 р.

Клингенъ, К. — Кормовыя растенія и польза отъ нихъ. Руководство для отдѣльныхъ арендаторовъ. Ч. I: съ 107 рис. въ текстѣ и 3 табл. Спб. 906. Цѣна 40 к.

Книповичъ, Н. М. — Основы гидрологіи европейскаго Ледовитаго океана. Съ 10-ью таблицами картъ и чертежей. Спб. 906. Стр. 1510.

Котельманъ, Л.—Основы школьной гигіены. Съ нѣм. Д. Корольковъ, п. р. д-ра В. Игнатьева. М. 906. Ц. 1 р. 75 к.

Ламанскій, В. В. — Древнѣйшіе слои силурійскихъ отложеній Россіи. Съ черт. и рис. Спб. 905.

Линскій, Б. — Политическій словарь. Книгоиздат. О. Іодко. Спб. 906. 16°. Стр. 320. Ц. 60 к.

Лиссагарэ.—Исторія коммуны 1871 года. Съ франц. Спб. 906.

М. и *Ю.*—Дѣтскій театръ. Музей восковыхъ фигуръ. Ком. въ 3 д. Спб. 905. Ц. 30 к.

Мазенинъ, Евг.—Волостной писарь, разсказъ. Кадниковъ, 905. Ц. 25 к.

Масарикъ, проф. Ѳ. О. — Начала соціалистическаго общества. Главные вопросы марксистской политики. I: Революція или эволюція? II: Марксизмъ и парламентаризмъ. Перев. п. р. Н. Ястребова. Спб. 906. Ц. 60 к.

Менгеръ, проф. Ант.—Новое ученіе о нравственности. Съ нѣм. п. р. Ю. Филиппова. Спб. 906. Ц. 25 к.

Миличъ, Ел.—На досугѣ. Очерки и разсказы. Берл. 906. Ц. 1 р. 50 к.

——— Осенніе вечера. Стихотворенія. Берл. 906. Ц. 1 р.

——— На жизненномъ пути. Наброски перомъ. Берл. 906. Ц. 55 к.

Изъ міра души. Стихотворенія. Берл. Ц. 2 р.

Мокржецкій, С. А. — Вредныя насѣкомыя по наблюденіямъ 1905 года, съ указаніемъ мѣръ борьбы. Симфероп. 905.

Монинъ, Д. М., д-ръ. — Беременность и роды. Популярное изложеніе физіологіи и діэтетики беременныхъ, роженицъ, родильницъ и новорожденныхъ. Спб. и М. 905. Ц. 90 к.

Мушкетовъ, И. В. — Туркестанъ. Геологическое и орографическое опи-

саніе по даннымъ, собраннымъ во время путешествій, съ 1874 г. по 1880 г. Т. II, съ прилож. 11 табл., 106 рис. и картой Заравшанскаго ледника. Спб. 906.

Покровскій, Н.—Чеховъ, А. П., въ значеніи русскаго писателя-художника. Изъ критической литературы о Чеховѣ. М. 906. Ц. 1 р.

Пѣтуховъ, Е. В. — Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій университетъ, въ послѣдній періодъ своего столѣтняго существованія (1865 — 1902). Спб. 906. Ц. 1 р. 50 к.

Родіоновъ, И. В. — На пасху. Сборникъ произведеній сибирскаго писателя. Спб. 906. Ц. 50 к.

Розановъ, В.—Около церковныхъ стѣнъ. Въ 2 том. Т. II. Спб. 905. Ц. 2 р.

Рукавишниковъ, Г. П. — Сила жизни (отъ разума къ чувству). Спб. 906. Стр. 72. Ц. 30 к.

Святловскій, В. В.—Положеніе вопроса о рабочихъ организаціяхъ въ иностранныхъ государствахъ. Вып. I. Профессіональные рабочіе союзы. 2-ое изд., дополн. и испр. Спб. 906. Стр. 214. Ц. 60 к.

Сенкевичъ, Генрикъ. — На полѣ славы (Na polu chwały). Историч. романъ изъ временъ короля Яна Собѣскаго. Съ польск. Л. П. Даниловъ. Ч. I. М. 906. Ц. 1 р. 20 к.

Серебряковъ, Е.—Очеркъ по исторіи „Земля и Воля". Спб. 906. Ц. 20 к.

Соковнинъ, П. Н.—Культурный уровень крестьянскаго полеводства на надѣльной землѣ и его значеніе въ аграрномъ вопросѣ. Спб. 906. Ц. 50 к.

Соколовъ, А. — Краткій учебникъ географіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Курсъ внѣевропейскихъ частей свѣта: Австралія, Азія, Африка и Америка. Изд. 2-е. Съ 6-ью картами. Спб. 906. Ц. 60 к.

Тенеромо, И. — Воспоминанія о Л. Н. Толстомъ и его письма. Спб. 905. Цѣна 60 к.

Толстой, Л. Н.—О жизни. Новое жизнепониманіе. М. 906. Ц. 30 к.

Тургеневъ, И. С.—Порогъ (Не вошедшее въ Собраніе Сочиненій „Стихотвореніе въ прозѣ"). Библіотека „Свѣточа" подъ ред. С. А. Венгерова. Стр. 8. Цѣна 3 коп.

Успенскій, А.—Записныя Книги и Бумаги старинныхъ дворцовыхъ приказовъ. Документы XVIII — XIX в.в. бывшаго Архива Оружейной Палаты. М. 906.

Фенникусъ, Цивисъ. — Опроверженіе книги М. М. Бородкина: „С. К. Михайловъ, Юридическое положеніе Финляндіи. Замѣтка по поводу отзыва сейма 1899 г. Спб." Стокгольмъ, 903. Ц. 1 м. 10 пенни.

Харузинъ, Н.—Этнографія. Лекція, читанная въ имп. московскомъ университетѣ. IV: Вѣрованія. Спб. 905. Ц. 2 р. 50 к.

Хлопинъ, проф. Г. В.—Самоубійства, покушенія на самоубійства и несчастные случаи среди учащихся русскихъ учебныхъ заведеній. Спб. 906.

Чермакъ, Л. К.—Матеріалы по статистико-экономическому описанію района проектируемой желѣзной дороги Царевонстантиновка—Скадовскъ. Изд. С. Б. Скадовскаго. Спб. 906. Стр. 83+77. 4°. Съ двумя картами.

Чернышевскій, Н. Г.—Полное собраніе сочиненій въ 10 том., съ 4 портр. Т. VIII: „Современникъ", 1861. Критика и библіографія. Статьи экономическія. Отдѣлъ „Политика". Спб. 906. По подп. 15 руб.

Шигони, дьякъ.—Уставшій царь. Пьеса въ 4-хъ актахъ. Спб. 906. Ц. 1 р.

Notowitch, N. — La Russie et l'Alliance anglaise. Étude historique et politique. Par. 906.

— Библіотека для самообразованія, т. XXIX: Г. Тардъ, Преступникъ и преступленіе. Перев. Е. Выставкиной, п. р. М. Гернета, и съ предисл. Н. Полянскаго. М. 906. Ц. 1 р. 25 к.

— Библіотека философовъ. III: Ж.-Ж. Руссо и его философія, проф. Г. Геффдинга. Съ нѣм. Л. Давыдова. Съ портретомъ Ж.-Ж. Р. 2-е изд. Спб. 905. Ц. 50 к.

— Ежегодникъ Императорскихъ театровъ. Вып. XIII: Сезонъ 1902—1903 г.г. Изд. Дирекціи Имп. театровъ, п. р. Л. А. Гельмерсена. Съ тремя приложеніями.

— Журналы Тверского очередного Губернскаго Земскаго Собранія сессіи 1904 года. Тв. 905.

— Наставленіе для обученія носильщиковъ въ войскахъ. 1893 г. Спб. 906. Цѣна 30 к.

— Образовательная Библіотека: 1) Т. Рибо, Логика чувствъ. Ц. 40 коп. 2) Антонъ Менгеръ, Новое ученіе о нравственности. Ц. 25 к. Спб. 906.

— О положеніи начальнаго народнаго образованія въ Прибалтійскомъ краѣ. По поводу журнала Комитета Министровъ 10 мая 1905 г. Рига, 906.

— Первая помощь въ С.-Петербургѣ за 1904 г. Спб. 906.

— Положеніе о препровожденіи нештатныхъ командъ. 1889 г. Спб. 906. Цѣна 25 коп.

— Самодержавіе и печать въ Россіи. (Предисловіе. — Всеподданнѣйшее прошеніе 114 русскихъ писателей.—Записка о нуждахъ русской печати.—Мартирологія русской печати). Спб. 905. Библіотека „Свѣточа", подъ ред. С. А. Венгерова. Стр. 80. Ц. 25 к.

— Сельско-хозяйственный сборникъ Удѣльнаго Вѣдомства. Выпускъ I. Спб. 905.

— Студенческій „Кружокъ политической экономіи" при Спб. университетѣ. Вып. I. Рефераты и работы. 1902 — 1904 г.г. Подъ ред. В. В. Святловскаго. Спб. 905. Стр. 407. Ц. 1 р. 75 к.

СРЕДИ НОВЫХЪ КНИГЪ.

Замѣтки.

„Грядущій хамъ“, Д. С. Мережковскаго.—„Вѣсти ниоткуда“, В. Морриса.—Фихте въ его книгѣ: „О назначеніи человѣка“.

I.

Какъ кажется, русское общество никогда еще не испытывало такой жажды вѣры въ возможность иной, лучшей жизни, чѣмъ та, какою живемъ мы среди мрака, отчаянія, разочарованія, стоновъ и крови. Словно темныя тучи все ниже опускаются на землю, и по ней поползло что-то безнадежное, злобно-шипящее, несущее смерть и проклятіе. Оно прокатилось изъ края въ край и отозвалось въ литературѣ хаосомъ звуковъ—больнымъ истерическимъ смѣхомъ, криками борьбы, отчаянія, муки, мольбой о пощадѣ. И нервы, и мозгъ истерзались въ попыткахъ разобраться въ невѣроятномъ лабиринтѣ событій, и наряду съ боевыми призывами, обрывисто раздающимися въ сгущенной мглѣ, слышатся голоса, предвѣщающіе конецъ всему, чѣмъ красовалась жизнь, разносящіе тревогу крушенія идеаловъ и гибели культуры. Тревогой, ужасомъ грознаго предвидѣнія и воплемъ о спасеніи полна одна изъ статей Д. С. Мережковскаго—„Грядущій хамъ“, первая изъ статей сборника, носящаго это названіе.

Европа гибнетъ, захваченная позитивизмомъ, который опредѣляетъ г. Мережковскій, какъ „утвержденіе безконечнаго и безначальнаго продолженія міра въ явленіяхъ, безконечной и безначальной, непроницаемой для человѣка середины, посредственности, той абсолютной, совершенно плотной, какъ китайская стѣна, „сплоченной посредственности“, conglomerated mediocrity, того абсолютнаго мѣщанства, о которыхъ говорятъ Милль и Герценъ, сами не разумѣя послѣдней метафизической глубины того, что говорятъ“. Но позитивизмъ европейскій поверхностный, такъ сказать, „накожный“: настоящіе позитивисты, „позитивисты до мозга костей“—желтолицыя дѣти сѣдого Востока. Позитивизмъ—ихъ существо, ихъ вторая натура, ихъ физіологія,—имъ они сильны, и имъ грозятъ побѣдить міръ. Въ этомъ заключена громадная опасность, которой не сознаетъ Европа, сама опустившаяся до послѣдней степени въ своемъ мѣщанствѣ, сама превратившаяся въ сплошную ярмарку жалкихъ торгашескихъ интересовъ и филистерскаго благополучія.

Стремительна рѣчь г. Мережковскаго, много въ ней мучительнаго порыва освободить философскую мысль отъ оковъ земли, помочь ей, какъ птицѣ, запутавшейся въ лабиринтѣ тенетъ, прорваться на свободу и унестись въ голубыя небеса, много страданія за попираемые идеалы лучезарно-одухотворенной жизни и красоты. Они, эти идеалы, должны были бы изъ глубины таинственныхъ небесъ свѣтить яркими лучами божественныхъ звѣздъ въ самыя нѣдра человѣческой души, освобождая ее изъ плѣна земныхъ заботъ и низменныхъ стремленій и изощряя духовный взоръ въ чтеніи великой книги судебъ, таящей въ себѣ неисчислимыя, начертанныя рукой Промысла, божественныя тайны вселенной. А между тѣмъ, эти идеалы, эти величайшія откровенія, служащія связью видимаго и невидимаго, слышимыя инстинктомъ молитвенно настроенной души, влачатся по землѣ, топчутся, смѣшиваются съ пескомъ и иломъ, и рѣдкій глазъ умѣетъ отыскать ихъ въ грязи и, сдѣлавъ ихъ сокровищемъ души, отдать за нихъ всѣ блага міра. И только немногіе могутъ сдѣлать служеніе имъ исчерпывающей цѣлью своей жизни и освѣтить въ себѣ тотъ внутренній обликъ духовнаго человѣка, который вотъ уже тысячи лѣтъ ищетъ внѣ себя, съ Діогеновымъ фонаремъ, растерянное человѣчество.

Лучшіе умы древнихъ и новыхъ вѣковъ, проповѣдники, художники, поэты, философы, произвели въ общей сложности гигантскую работу, потраченную на постиженіе высшихъ началъ жизни, на различеніе пшеницы отъ плевелъ и перловъ отъ грязи, и человѣчество шло за ними безконечной тернистой стезей энтузіазма и отрицанія, вѣры и отчаянія, надеждъ и разочарованій. Въ мукахъ рождалась каждая новая мысль и въ мукахъ же умирала ея новизна, уступая мѣсто другой, возрождавшейся какъ фениксъ изъ пепла. Вѣрой въ откровеніе, казалось, потрясали люди мрачную стѣну, отдѣлявшую ихъ отъ потусторонняго міра, и гибли у ея подножія жаждущіе мира и протестующіе, озлобленные во имя недостижимой вселенской любви и, какъ звѣри, тѣсня и истребляя другъ друга. Онѣ нужны, эти попытки гордыхъ и смѣлыхъ умовъ, эти искупительныя жертвы борьбы человѣка со звѣремъ прошлаго и неизвѣстностью будущаго, но—о, еслибы можно было изъ солнечныхъ лучей, разсыпавшихся миріадами блестокъ въ океанахъ, на куполахъ церквей и болотныхъ трясинахъ, можно было собрать великое животворное, радующееся міру солнце, о, еслибы можно было собрать изъ блестокъ вѣчнаго идеала, разсыпанныхъ въ суетѣ преходящаго, единое, неизмѣняемое, спасительное солнце любви и гармоніи, которое лучами своими освѣтило бы міръ съ его вершинами и низами, съ его экстазами блаженства и юдолями скорби и плача!

Этого не сдѣлалъ даже Христосъ. И Онъ спустился на землю, къ

ничтожнѣйшимъ изъ сыновъ ея и прошелъ по грани двухъ міровъ, благословляя свѣтъ и проклиная тьму; и Онъ не зажигалъ въ безграничной высотѣ свѣтила, которое равнодушно освѣщало бы все разнообразіе человѣческой жизни, но Онъ говорилъ: „ищите и обрящете" и призывалъ къ исканію правды, затерявшейся въ прахѣ и помутнѣвшей,—правды, которая доступна, по Его ученію, всѣмъ, кто имѣетъ уши и открываетъ сердце внушеніямъ тяготѣющей надъ нимъ вѣчности. Онъ училъ искать не блаженства въ безпредѣльной и неизъяснимо прекрасной лазури неба, но его отраженій на землѣ, благословенной и проклятой, животворной и губительной, исполненной противорѣчій, невѣдѣнія и борьбы, гдѣ, можетъ быть, по слову поэта,— „красота — лишь символъ безконечный того, что намъ постигнуть не дано"... Онъ заповѣдалъ людямъ духовное строительство идеала, такую же разгадку его сущности, какъ та, которую производятъ ученые, доходящіе по лучамъ спектра до строенія солнца, по исчисленію безконечно-малыхъ величинъ до движенія міровъ вселенной. Но куда бы ни были направлены исканія непостижимаго, въ нихъ Предвѣчный заключилъ высшій разумъ человѣческаго существованія, ими предопредѣлилъ высшую цѣль и истинную цѣнность жизни. И передъ человѣчествомъ, какъ встарь, такъ и нынѣ, стоитъ одинъ роковой вопросъ: куда направить исканія и гдѣ гарантія, что когда-нибудь они увѣнчаются торжествомъ?

II.

Г. Мережковскій поднимаетъ вопросъ на значительную высоту надъ землей, такъ высоко, что она едва виднѣется въ безпредѣльныхъ пространствахъ метафизическаго умозрѣнія. И кажется ему, что темная, безнадежная полоса мѣщанства, давнымъ-давно протянувшаяся надъ Востокомъ, уже почти заволокла Европу и уже надвигается на Россію, мерцающую, борющуюся, охватываемую мутными волнами туманнаго безразличія. О, еслибы это было утро, которое принесетъ свободу и, вмѣстѣ съ горячими лучами солнца, разгонитъ туманъ! Это солнце—христіанство,—говоритъ г. Мережковскій,—только оно можетъ спасти Россію, а черезъ нее—міръ. Старая плѣнительная легенда о мессіанистскомъ предопредѣленіи Россіи принимаетъ здѣсь новую форму. Россія одна еще открываетъ собой поприще для творческой дѣятельности высшихъ духовныхъ силъ. Западъ, если не сгнилъ, какъ это проповѣдывали славянофилы, то превратился въ одинъ прилавокъ, сплошную фабрику мѣщанскаго благополучія, и если на насъ не идетъ еще застоявшійся Китай, то лишь потому, что мы сами идемъ въ Китай, въ мѣщанскія формы неподвижности и застоя. „Вотъ

гдѣ главная „желтая опасность"—не извнѣ, а внутри, не въ томъ, что Китай идетъ въ Европу, а въ томъ, что Европа идетъ въ Китай". Дѣйствительно, если облекать то, что надвигается на Россію, въ художественные образы, порожденные предчувствіемъ чего-то страшнаго и неотвратимаго, то едва ли найдется мѣсто даже умѣренному оптимизму. Мрачная неизвѣстность справа и слѣва, а снизу, изъ непостигнутыхъ народныхъ массъ, надвигается роковой девятый валъ, который можетъ смести и развѣять все, что добыто, на плечахъ того же народа, усиліями тѣхъ немногихъ избранниковъ таланта, знанія и ума, которые были культурными знаменіями своей эпохи, которые вписали имя создавшей ихъ націи на страницы міровой исторіи. Это несправедливо, это ужасно, но вѣдь исторія никогда еще не стремилась получить похвальный листъ за доброе поведеніе. Да, это ужасно, настолько ужасно, что мы не можемъ себѣ и представить, какъ, по прекрасному призыву г. Мережковскаго, то, что онъ разумѣетъ подъ именемъ христіанства, можетъ спасти нашу родину, несчастья которой столь же велики, какъ и ея пространство.

Однако, если съ безпредѣльной высоты опуститься на землю, положеніе вещей окажется, можетъ быть, не такъ ужасно. Измѣненіе перспективы въ сторону приближенія сохраняетъ свое значеніе и при разсмотрѣніи предметовъ неосязаемаго свойства. Ближайшее знакомство въ отношеніи къ историческому процессу, о которомъ говоритъ г. Мережковскій, сводится къ методу познаванія. Г. Мережковскій постигаетъ этотъ процессъ инстинктомъ художественно-работающей философской мысли, а презираемые имъ позитивисты подходятъ къ нему съ логариѳмическими таблицами и скальпелемъ въ рукѣ, причемъ обѣ стороны сходятся на томъ, что въ итогѣ столкновенія народовъ наступитъ всеобщій миръ, но что полагаетъ непроходимую бездну между ними, — это конечная цѣль и вмѣстѣ съ тѣмъ исходная точка ихъ стремленій: у г. Мережковскаго — страхъ за возможность перерыва преемственности въ передачѣ, въ лицѣ своихъ избранниковъ, высшихъ завѣтовъ христіанской, какъ онъ ее понимаетъ, культуры, поднимающихся какъ острова надъ моремъ мѣщанства; у позитивистовъ—по терминологіи автора — пріобщеніе этихъ массъ къ культурѣ во имя высшихъ запросовъ и любви къ человѣку, ближнему или дальнему— это безразлично, это — софизмъ.

Г. Мережковскій останавливаетъ свое вниманіе только на избранникахъ и ненавидитъ массу, какъ носительницу мѣщанства. „Со времени Герцена и Милля,—говоритъ онъ,—мѣщанство сдѣлало въ Европѣ страшные успѣхи. Все благородство культуры, уйдя изъ области общественной, сосредоточилось въ уединенныхъ личностяхъ, въ такихъ великихъ отшельникахъ, какъ Ницше, Ибсенъ, Флоберъ и все еще са-

мый юный изъ юныхъ—старецъ Гёте". За нихъ нужно держаться, у нихъ искать спасенія отъ надвигающейся волны, ибо „воцарившееся мѣщанство есть хамство", и оно близко. Нужно бѣжать отъ него, нужно уберечь душу отъ пошлыхъ и жалкихъ впечатлѣній дѣйствительности, нужно поднять ее высоко надъ землей, очистивъ, окрыливъ ее духовнымъ пареніемъ, озаривъ свѣтомъ христіанства, ниспадающимъ съ высоты. А масса, которой недоступны ни духовное пареніе, ни сны золотые вдохновенныхъ безумцевъ, пусть гибнетъ, въ клубящемся туманѣ безславія и пошлой обыденщины. Procul, profani...

Да, я понимаю, мѣщанство можно и должно ненавидѣть, ненавидѣть всѣми фибрами своей души, всѣми инстинктами своего организма, всѣми изгибами мысли и чувствъ. Тамъ, гдѣ мѣщанство—тамъ застой и гніеніе, тамъ душевный мракъ и нѣтъ радости бытія. Съ мѣщанствомъ нужно бороться, какъ борются съ преступностью и болѣзнью, но и въ этой борьбѣ строго различаютъ понятія преступности и преступника, болѣзнь и больного; безпощадно относясь къ первымъ, участливо и осторожно относятся ко вторымъ, потому что и больной, и преступникъ — не отвлеченныя начала въ непосредственномъ общеніи, а живые и притомъ страждущіе люди. И, безповоротно осуждая мѣщанство, доходящее въ своихъ крайнихъ проявленіяхъ до того, что г. Мережковскій называетъ непривлекательнымъ терминомъ „хамство", было бы справедливо и болѣе согласно съ ученіемъ Христа о любви къ ближнему, умѣрить степень безпощадности въ отношеніи „мѣщанъ", т.-е. тѣхъ, кто является носителемъ мѣщанскихъ традицій, кто цѣпко хватается за остовъ своего благополучія и задерживаетъ теченіе разумной и красивой жизни. Темны и необъятны народныя массы, и никто не скажетъ, какъ отслоятся онѣ на разныхъ ступеняхъ культурно-историческаго процесса, и какія развѣтвленія пустятъ онѣ по всѣмъ направленіямъ культурнаго творчества, или же соберутся онѣ въ одинъ страшный и мутный потокъ мѣщанской косности и зальютъ храмы человѣческой мудрости, пышные сады поэзіи и искусства. Художникъ - индивидуалистъ до мозга костей, г. Мережковскій не вѣритъ въ возрожденіе иной, болѣе совершенной культуры, которую принесетъ съ собой новый демократическій строй, и въ отчаяніи онъ хватается за послѣдній оплотъ культурныхъ традицій—за русскую интеллигенцію, посвящая ей чудныя строки удивленія и восторга, какъ вѣрно подмѣченная имъ связь между зарожденіемъ интеллигенціи, на рубежѣ двухъ эпохъ, съ творческимъ духомъ Петра,—этого „перваго русскаго интеллигента",—какъ оригинально и смѣло выражена г. Мережковскимъ мысль, что „единственные законные наслѣдники, дѣти Петровы — всѣ мы, русскіе интеллигенты. Онъ въ насъ, мы въ немъ. Кто любитъ Петра, тотъ и насъ

любитъ; кто его ненавидитъ, тотъ ненавидитъ и насъ". Но если не вѣритъ въ могучіе и кристальные родники глубинъ народнаго творчества на поприщѣ свободной культуры и свободнаго развитія своихъ силъ, то что значитъ вся эта интеллигенція передъ напоромъ мутной волны мѣщанства? Отъ нея не останется ничего кромѣ воспоминанія, что, слѣдуя завѣту Христа, она душу свою полагала за други своя, принося безконечныя жертвы на алтарь любви къ родинѣ и народу, забывая себя и посвящая ему свои завѣтнѣйшія чувства и думы...

Великіе поэты не бываютъ безнадежными пессимистами: изъ бездны отчаянія и отрицанія прорывается и у нихъ свѣтлый лучъ примиренія и надежды. Поэтъ, которому жизнь представлялась пустою и глупою шуткой, мечталъ о золотомъ вѣкѣ человѣчества, когда люди сольются въ одинъ братскій союзъ труда и наслажденія:

Не будутъ проклинать они,
Межъ нихъ ни злата, ни честей
Не будетъ. Будутъ течь ихъ дни
Счастливые, какъ дни дѣтей...

„Нашъ прахъ лишь землю умягчитъ другимъ чистѣйшимъ существамъ"... нашъ трудъ, усилія и борьба не пропадутъ безслѣдно,—въ это вѣрилъ и другой нашъ великій прозорливецъ, когда искалъ примиренія со смертью въ вѣчномъ обновленіи человѣческой жизни:

И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть...

Истинный идеализмъ неминуемо долженъ быть основанъ на вѣрѣ въ эту возможность. Вѣра эта не должна быть только инстинктивною и слѣпою, когда она рискуетъ обратиться въ суевѣріе, но кристально-ясною, логически-непогрѣшимою, такою же, какъ увѣренность въ томъ, что послѣ зимы наступитъ весна, что послѣ грозы выглянетъ солнце. Этотъ идеализмъ долженъ полагать начало всякой сознательной религіи, въ содержаніе которой входитъ понятіе жизни въ себѣ, изъ него же должны исходить и всѣ постулаты категорическаго императива. Имъ опредѣляется схема вѣрованій, морали, общественныхъ и частныхъ отношеній. Онъ создаетъ міросозерцаніе, и его отсутствіе въ сознательномъ, не-мѣщанскомъ отношеніи къ жизни ведетъ къ нравственной смерти, къ печальному существованію слѣпыхъ кротовъ, выглянувшихъ на солнце.

Христіанство — первый и неотъемлемый признакъ истиннаго идеализма, основаннаго на вѣрѣ въ будущее и на уваженіи къ прошлому, которое есть для него лишь старый завѣтъ, отмѣняемый каждой ступенью новаго міропониманія, но каково отношеніе христіанства къ настоящему, какъ осуществляется оно въ немъ и какъ слѣдуетъ осуществлять его каждому, для котораго слова Христа не мертвая буква?

Христіанство есть истина; но ничто такъ не различно между собою, какъ пониманіе истины, въ ея высшемъ значеніи, у двухъ даже близкихъ людей. Человѣчество видѣло многихъ проповѣдниковъ послѣ Христа, и всѣ они учили истинному разумѣнію Его ученія. Большинство ихъ призывало любить Бога паче жены и родителей своихъ, вѣрить въ Троицу и совершать обряды въ Его воспоминаніе. Благодѣтельствуя народамъ, одни вторгались въ языческіе предѣлы и, во имя Бога любви, огнемъ и мечомъ обращали въ христіанство. Другіе призывали благословеніе на всякій трудъ, съ котораго шла десятина, и освящали авторитетъ власти, державшей въ повиновеніи народы. И тѣ и другіе указывали на христіанство, какъ на нѣкое свѣтило, посылавшее свои кроткіе, любящіе лучи на землю, гдѣ пасомая ими разноязычная паства, въ блескѣ этихъ лучей, продолжала, не хуже, чѣмъ въ языческую пору, истреблять и ненавидѣть другъ друга. Это—христіанство богослововъ, христіанство людей, ищущихъ Бога внѣ своего жизнеощущенія, вѣрящихъ въ чудеса и въ то, что, по силѣ божественнаго велѣнія, природа можетъ мѣнять свои законы. Это—христіанство фарисеевъ и щедрыхъ строителей храмовъ, наивно вѣрующихъ, что въ ихъ власти заключить Господа въ устроенномъ для него роскошномъ помѣщеніи и изъять Его присутствіе изъ всѣхъ прочихъ моментовъ круговращенія жизни. Имя Бога у нихъ всегда на устахъ, они взываютъ къ нему при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, но реально не вѣрятъ въ необходимость Его участія въ томъ, что составляетъ существенную заботу ихъ дня. Молитвенными обращеніями они откупаются отъ Бога, какъ и щедрыми дарами, вѣра не переходитъ у нихъ въ дѣло ихъ рукъ и потому никого не трогаетъ, никого не подвизаетъ на творчество жизни, согрѣтое любовью, всецѣло оправдывая евангельское слово, что вѣра безъ дѣлъ мертва, и потому имъ такъ часто кажется, что гласъ ихъ, взывающій къ Богу, есть гласъ вопіющаго въ пустынѣ... Но есть христіанство другое, безъ Бога на устахъ и часто отрицающее и Бога и Христа такими, какъ ихъ изображаютъ книжники. Что можно сдѣлать съ человѣкомъ, который не только не признаетъ, но проклинаетъ Бога, помогающаго, по его мнѣнію, богатымъ и знатнымъ, глухого къ слезамъ страданія и скорби, нѣмого на всѣ мольбы? Убѣдить его? Онъ не повѣритъ, онъ слишкомъ привыкъ къ идеѣ матеріальнаго бога, бога промышленниковъ и воителей. Назвать его безбожникомъ и презрѣть, какъ жалкое существо, безъ высшихъ руководящихъ началъ? Но если онъ въ то же время добровольный и честный труженикъ, если онъ любящій отецъ семейства, заботливый другъ, самоотверженный гражданинъ, руки у него въ мозоляхъ, а голова его полна тяжелыхъ, пусть даже — будничныхъ думъ? Если въ общемъ строительствѣ того, что мы называемъ

культурой, онъ полезный работникъ, неужели мы скажемъ, что культура, имъ создаваемая, есть мѣщанская культура, основанная на принципѣ полезности, что она отвергаетъ тѣмъ самымъ возможность осуществленія высшихъ завѣтовъ божественнаго Промысла, что это культура нехристіанская, и въ ней нѣтъ Бога?

Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ: истинная культура можетъ быть только одна, та, которая слагается изъ цѣлесообразнаго труда, знанія и таланта. Она служитъ на благо людямъ, и тѣ, которые отрицаютъ въ ней Бога, не думаютъ отказываться отъ ея услугъ; и если эта культура направлена на облегченіе человѣческой борьбы, на поддержаніе жизни противъ смерти, она жизненна, т.-е. божественна по самому существу своему, потому что Богъ есть жизнь и отрицаніе смерти. И всѣ люди, напрягающіе волю и умъ въ усиліяхъ этой культурной работы дѣлаютъ божеское, т.-е. христіанское дѣло, хотя бы они вовсе не знали книжнаго Бога или олицетворяли его въ грубой формѣ. Изображая Европу въ видѣ безконечнаго прилавка съ товарами, въ pendant къ которой можно себѣ представить Россію житницей, г. Мережковскій завѣсой мѣщанства скрываетъ отъ себя несмѣтное море головъ, изможденныхъ заботой о томъ, чтобы прилавки были полны товаровъ, а житницы хлѣбомъ, и, какъ бы опровергая его утвержденіе, что во всей этой культурѣ нѣтъ Бога, поднимается изъ-подъ этой завѣсы сила, великая своей духовной мощью, несущая по всему міру именно завѣты Христовы—идеи свободы, равенства и братства.

Имя этой великой силѣ — соціализмъ, а Богъ ея — богъ не милосердія, не войны, не кары за грѣхи, но Богъ труда, Богъ высшаго разума, направленнаго на великое строительство будущей просвѣтленной и счастливой жизни. Движимый имъ, человѣкъ не станетъ произвольно оставлять въ небреженіи свою долю труда и будничныхъ дѣлъ и искать Бога лишь въ молитвенномъ созерцаніи, лишь въ религіозной мечтательности, удаляясь отъ суеты міра и настраивая душу на религіозные помыслы. Онъ будетъ видѣть Бога во всемъ, что образуетъ міръ, и не станетъ дѣлать различія между человѣческими и божескими дѣлами. Какъ бы ни было ничтожно творимое имъ дѣло, если оно даетъ ему нравственное удовлетвореніе сознаніемъ необходимости для грядущихъ поколѣній, онъ ощутитъ въ немъ тотъ цѣлебный источникъ жизненной радости, изъ котораго, въ свободныя отъ труда минуты, ключомъ забьетъ не униженная мольба, не покаянный канонъ, но свѣтлая струя сознательной радости жизни, и она сообщитъ душѣ ощущеніе Божества.

III.

Мѣщанство мы должны ненавидѣть, сказалъ я выше, но мѣщанъ истинный христіанинъ ненавидѣть не станетъ. Мы здѣсь не споримъ съ г. Мережковскимъ, и его ненависть сосредоточена, главнымъ образомъ, на мѣщанствѣ, но ему кажется, что искать спасенія отъ мѣщанства можно лишь обращеніемъ кверху, къ вѣнцу золотыхъ лучей, исходящихъ отъ божественнаго лика Спасителя; я же думаю, что человѣчество никогда не увидитъ этихъ лучей, и что за спасеніемъ нужно обращаться книзу, что Христосъ тамъ,—не у страждущихъ и умирающихъ, но у ведущихъ огромную работу, которой держится міръ, которой опредѣляются отношенія людей и цѣлыхъ народовъ. Какія бы крѣпости ни сооружали на границахъ, какія бы полчища ни держали для охраны европейскихъ прилавковъ, братство труда, которое скоро станетъ свободнымъ, смѣется надъ ними и расширяетъ все дальше и дальше ту братскую связь, которая роднитъ между собою желтолицаго китайца съ суровымъ лицомъ англійскаго ткача, которая опровергнетъ всѣ кабинетныя измышленія дипломатовъ, наивно вѣрящихъ своей роли вершителей международныхъ судебъ. Въ этомъ отношеніи Россіи угрожаетъ великая опасность, на которой такъ настаивалъ покойный Вл. С. Соловьевъ. Востокъ пойдетъ на насъ, какъ давно уже идетъ Западъ, но не съ пулеметами и оружіемъ въ рукахъ, а съ тысячелѣтними навыками къ труду, съ терпѣніемъ, выдержкой, съ любовью къ жизни и презрѣніемъ къ смерти. Чѣмъ же мы можемъ встрѣтить этихъ неминуемыхъ пришельцевъ. За свой трудъ они возьмутъ богатства страны, своимъ культомъ разума развѣютъ темную стихійную безформенность нашей, такъ называемой, духовной мощи, изъ которой мы не сдѣлали религіи труда, растративъ ее на расколъ, на мертвую обрядность, на секты и толки. Началами мудрой государственной организаціи они положатъ конецъ анархіи и смутѣ, порожденнымъ борьбой тирановъ и рабовъ. И на обширныхъ равнинахъ нѣкогда великой Россіи встрѣтятся народы Запада и Востока, чтобы заключить братскій союзъ, чтобы сомкнуть міровое кольцо знанія и труда, на которомъ выростетъ новая міровая великая и въ существѣ своемъ христіанская культура. Станетъ возможнымъ повѣрить свѣтлой мечтѣ поэта:

И не будетъ на свѣтѣ ни слезъ, ни вражды,
Ни безкрестныхъ могилъ, ни рабовъ,
Ни нужды, безпросвѣтной, мертвящей нужды,
Ни меча, ни позорныхъ столбовъ.

Кто вѣритъ въ возможность проникновенія для Россіи культурными началами будущаго, кто видитъ необходимость для нея борьбы, во имя этихъ началъ, при посредствѣ которыхъ она вступитъ въ братскій международный союзъ, кто, наконецъ, не хочетъ допустить и мысли, что благородной славянской крови суждено раствориться въ чуждыхъ ей элементахъ желтой и англосаксонской расы, тотъ не можетъ сложить съ себя, въ періодъ острой революціонной борьбы, трудной и скорбной обязанности русскаго интеллигента къ своему народу. И въ то время, какъ индивидуализмъ, какъ бы замыкаясь въ себя, будетъ бѣжать отъ толпы на вершины горделиваго одиночества и бережно уносить съ собой искры божественнаго огня, свѣтившаго людямъ въ ихъ поискахъ во мракѣ тернистаго прошлаго, сотни и тысячи рукъ примутся за черную и неблагодарную работу расчистки пути къ великому счастью наслажденія и труда. Тогда отъ сохраненныхъ искръ зажгутся безчисленные огни культурнаго обновленія, великаго праздника человѣческаго счастья. Сознавать эту высокую цѣль, вѣрить въ нее и не приложить рукъ къ общей работѣ—вотъ истинное мѣщанство, съ которымъ придется всѣми силами неустанно бороться. Но при этой борьбѣ не станемъ презирать тѣхъ, кто ощупью бредетъ, не зная дороги, и называть ихъ слѣпыми за то лишь, что они еще не прозрѣли.

Я такъ понимаю скорбь г. Мережковскаго при видѣ погибающей, какъ ему кажется, культуры, но мнѣ хочется не только сказать, но до боли крикнуть ему: „Это не гибель, это тяжелыя ночныя тучи расходятся надъ землею и изъ-за нихъ выглянетъ свѣтлое, утреннее солнце!“

IV.

Когда соціализмъ создастъ тѣ условія, при которыхъ осуществлять завѣты Христа будетъ не результатомъ тяжелыхъ усилій воли, не подвигомъ самоуничтоженія, но естественнымъ влеченіемъ къ наиболѣе полному осуществленію своего „я“ въ жизни, роль его окончится, и онъ исчезнетъ безслѣдно, съ послѣднимъ пережиткомъ старины, съ послѣднимъ разсѣяннымъ суевѣріемъ мрачнаго средневѣковья.

Какъ же сложится тогда жизнь?

Однажды молодой англичанинъ, послѣ продолжительнаго разговора съ своими друзьями о томъ, что будетъ послѣ революціи, вернулся въ свой домъ на берегу Темзы и уснулъ. Проснувшись рано утромъ, онъ отправился по обыкновенію купаться въ холодныхъ струяхъ рѣки, и здѣсь былъ пораженъ той удивительной перемѣной, которая произошла въ столь хорошо знакомой ему обстановкѣ окрестныхъ мѣстъ. Вмѣсто

мыловаренъ съ изрыгающими дымъ трубами и машинныхъ фабрикъ съ ихъ стукомъ и громомъ, онъ увидѣлъ прехорошенькіе небольшіе домики, привлекавшіе своей уютностью, утопавшіе въ зелени садовъ и цвѣтниковъ, доходившихъ до самой рѣки. Но что всего удивительнѣе—вчерашній неуклюжій мостъ, мозолившій глаза, замѣнился, точно по волшебству, новымъ, массивнымъ, оригинальнымъ, съ красивыми постройками на парапетѣ. На вопросъ, обращенный къ лодочнику, удивленный джентльменъ получилъ отвѣтъ, что этотъ мостъ еще не слишкомъ старъ: онъ былъ выстроенъ, или, вѣрнѣе, открытъ въ 2003 году...

Этотъ счастливецъ увидѣлъ то, что суждено увидѣть, быть можетъ, нашимъ правнукамъ или даже немногимъ внукамъ. О томъ, что именно онъ увидѣлъ, читатель можетъ узнать изъ любопытной книги Вильяма Морриса, скромно выглянувшей на свѣтъ въ русскомъ переводѣ. Это не сказка, это не фантастическая поэма, даже не утопія, хотя авторъ даетъ ей это названіе, во слѣдъ великому прозорливцу Томасу Мору. Это—блестящая гипотеза, предложенная, какъ одно изъ вѣроятныхъ рѣшеній соціальной міровой проблемы. Авторъ ея слишкомъ солидный и практичный человѣкъ, чтобы отдавать себя въ жертву праздной игрѣ воображенія. Конечно, онъ не такой раціоналистъ, какъ Уэллсъ, въ „A Modern Utopia", съ его культомъ постепенно оздоровляющагося потомства и карательнымъ кодексомъ за пороки и проступки. Заключая въ себѣ рядъ возможныхъ рѣшеній соціальной проблемы, книга Морриса очень привлекательна благородствомъ своего изложенія, теплотой тона, даже своими увлеченіями, которыя очень наивны и милы. Художникъ по натурѣ и основатель мастерскихъ декоративныхъ искусствъ, гдѣ всѣ произведенія создавались ручнымъ трудомъ, Моррисъ посвятилъ себя вначалѣ демократизаціи искусства. Его горячее стремленіе возродить человѣчество „религіей красоты", которая не искала бы избранниковъ, но проникала бы собой всю жизнь трудовой народной массы, неизбѣжно привело его къ соціальнымъ вопросамъ, рѣшенію которыхъ онъ посвятилъ вторую половину своей жизни. Исходя изъ глубокаго убѣжденія, что истинное искусство, какъ и истинныя свобода и нравственность, невозможно при современномъ капиталистическомъ строѣ, оставляющемъ въ темной нищетѣ народную массу, Моррисъ выступилъ на борьбу съ этимъ строемъ, засорившимъ жизнь безконечной сѣтью предразсудковъ и лжи. Соціалистическое ученіе дало наиболѣе полное удовлетвореніе его чувству справедливости и красоты. Сначала онъ примкнулъ къ основанной въ 1881 году въ Лондонѣ „Демократической Федераціи", но въ 1885 году онъ, вмѣстѣ со своими единомышленниками, отдѣлился отъ нея и образовалъ „Соціалистическую Лигу", центромъ которой сталъ его домъ въ Гаммер-

смитѣ. Наблюдательный и трезвый отъ природы, онъ не увлекался мечтой произвести соціальный переворотъ въ самомъ близкомъ будущемъ, какъ и въ быстрое перерожденіе человѣческой природы. Онъ говорилъ: „Если фабрикантъ отдастъ рабочимъ свои барыши, они сейчасъ же, путемъ сбереженій, постараются сдѣлаться сначала маленькими капиталистами, а потомъ и большими. И такимъ образомъ это повело бы только къ размноженію класса капиталистовъ". Насильственный переворотъ, даже въ случаѣ своего успѣха, ничего не внесетъ въ жизнь, кромѣ смуты: смута уляжется, наступятъ разочарованіе и недовольство, и неизмѣненный изнутри укладъ жизни вернется на старый путь. Необходимо работать надъ воспитаніемъ, образованіемъ и организаціей всего рабочаго класса, чтобы весь этотъ классъ проникся сознаніемъ цѣлей и задачъ соціализма. Своей обязанностью Моррисъ считалъ вести всѣхъ людей труда къ уясненію ихъ соціальныхъ задачъ, избѣгая по возможности смутъ и излишнихъ страданій. Въ цѣляхъ распространенія своихъ идей Моррисъ читалъ лекціи, принималъ участіе въ газетѣ партіи, издавалъ книги, независимо отъ сборниковъ своихъ поэтическихъ произведеній, которыя доставили ему широкую литературную извѣстность.

Въ своей „Утопіи" Моррисъ не создавалъ ни воздушныхъ замковъ, ни волшебныхъ кораблей, ни безпечальнаго существованія райскихъ затворниковъ. Онъ только упростилъ жизнь, не возвращая людей къ первобытной жизни, но, напротивъ, сдѣлавъ культуру необходимѣйшимъ средствомъ достойнаго человѣческаго существованія. Въ самомъ дѣлѣ, спросимъ мы, еслибы греку временъ Платона задали вопросъ: чего человѣчество достигнетъ скорѣе — установленія ли равенства между людьми, или способа передачи мысли съ одного конца міра на другой, который доступенъ намъ при помощи телеграфа, грекъ, при всей трудности представить государство безъ рабовъ, безъ сомнѣнія назвалъ бы первое и посмѣялся надъ вторымъ. Однако, позднѣйшіе вѣка принесли обратное, и надо было Христу плѣнить воображеніе мечтой о спасеніи рода людского черезъ перевоплощеніе въ христіанствѣ, чтобы поддержать въ людяхъ то гаснущую, то вспыхивающую вѣру въ грядущее торжество Его ученія. Неравенство людей создано людьми, и Моррисъ отнимаетъ у нихъ всякую возможность поддерживать искусственный и вредный порядокъ тѣхъ междучеловѣческихъ отношеній, въ которыхъ мы продолжаемъ жить въ настоящее время. Въ его „Утопіи" всѣ идеально равны. Всѣ свободны, какъ въ выборѣ дѣятельности, такъ и въ образѣ жизни, всѣ служатъ сами себѣ и другъ другу: общественная мораль опредѣляется стремленіемъ быть полезнымъ своимъ сосѣдямъ. При отсутствіи частной собственности, люди Моррисовой „Утопіи" не знаютъ ни бѣд-

ности, ни тяжебъ, ни ссоръ; нѣтъ понятія и уголовныхъ преступленій, такъ какъ преступники уже въ достаточной степени несутъ наказаніе въ угрызеніяхъ своей совѣсти, а при повторяющихся случаяхъ разсматриваются какъ больные. Авторъ заставилъ молодого человѣка, проснувшагося черезъ двѣсти лѣтъ, искать объясненія новаго порядка вещей у древняго, столѣтняго старца, изучившаго исторію девятнадцатаго вѣка, и вотъ что тотъ сообщилъ ему по вопросу о преступленіяхъ: „Въ вашемъ смыслѣ слова, — говорилъ старецъ, — у насъ уголовныхъ законовъ не существуетъ. Вглядимся повнимательнѣе въ этотъ вопросъ и посмотримъ, что служило поводомъ для преступленій противъ личности. Они были, большей частью, слѣдствіемъ правилъ о частной собственности, разрѣшавшихъ удовлетвореніе законнѣйшихъ желаній только немногимъ привилегированнымъ людямъ и подчинявшихъ всѣхъ вынужденной наружной сдержанности. Эта причина преступленій противъ личности исчезла. Подобныя преступленія происходили еще отъ искусственнаго искаженія половой страсти, вызывавшей себялюбивую ревность и тому подобныя недостойныя чувства. Теперь, если вы внимательнѣе присмотритесь ко всему этому, то увидите, что въ основѣ большею частью лежало убѣжденіе (созданное закономъ), что женщина есть собственность мужчины, будь то мужъ, отецъ, братъ или еще кто. Это убѣжденіе исчезло, какъ и многія другія странныя представленія, напримѣръ „паденіе" женщины, если она слѣдовала своимъ естественнымъ желаніямъ: условныя понятія, созданныя, несомнѣнно, законами о частной собственности".

Какъ же управляются люди этой „Утопіи"? Опять-таки очень просто, оттого что въ обществѣ нѣтъ сословій, нѣтъ дѣленія на знатныхъ и незнатныхъ, нѣтъ богатыхъ и бѣдныхъ. Отсутствіе зависти и вражды, порождаемыхъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, искусственно поддерживаемымъ неравенствомъ людей, устраняетъ необходимость централизаціи, передающей въ руки одного или немногихъ лицъ страшную власть надъ судьбой милліоновъ. Здѣсь управленіе состоитъ въ полномъ народовластіи; всякій свободно высказываетъ свое мнѣніе и, такимъ образомъ, можетъ вліять на рѣшенія своей общины, а при ея посредствѣ и всей страны. Все построено на томъ убѣжденіи, что „человѣкъ не нуждается въ опредѣленной формѣ правленія съ арміей, флотомъ, полиціей для того, чтобы заставлять его подчиняться волѣ большинства *равныхъ* ему людей, какъ не нуждается въ немъ для того, чтобы понять, что головой нельзя прошибить каменную стѣну". Говоря о парламентѣ девятнадцатаго вѣка, старецъ спрашиваетъ въ той же бесѣдѣ, не служилъ ли парламентъ, съ одной стороны, сторожевымъ пунктомъ для охраненія интересовъ высшихъ классовъ, а съ другой стороны — для отвода глазъ народу, который

старались держать въ обманчивомъ заблужденіи, что онъ тоже принимаетъ участіе въ управленіи своими дѣлами.

Изложеніе новаго порядка жизни не пестритъ у Морриса ссылками на ученіе Христа, но своей естественной, непринужденной кротостью, своей независимостью отъ всего искусственнаго и условнаго нашей жизни, оно ближе всего подходитъ къ тому идеалу, который заповѣдалъ Христосъ. Сбудется ли все такъ, какъ изображаетъ Моррисъ, этого не скажетъ никто, какъ никто не скажетъ того, дойдетъ ли каждый изъ насъ до той цѣли, къ которой направлены наши личныя усилія и мечты; но если есть у насъ всепоглощающая жизненная цѣль, мы должны не темнымъ, стихійнымъ чувствомъ, но разумомъ вѣрить въ нее, но сознательно стремиться къ ней, чтобы лучше пасть въ страстномъ исканіи истины, чѣмъ затеряться въ лабиринтѣ жизненныхъ путей, ожидая откровеній съ высоты прекраснаго, но тупого въ своемъ равнодушіи неба.

V.

А теперь я остановлю вниманіе читателя на одной цитатѣ изъ старой книги, недавно вышедшей въ новомъ русскомъ переводѣ. „Назначеніе нашего рода—въ томъ, чтобы объединиться въ единое, вполнѣ извѣстное себѣ во всѣхъ своихъ частяхъ и одинаково построенное тѣло. Къ этой цѣли съ самаго начала вели природа и даже страсти и пороки людей: значительная часть пути къ ней уже осталась назади, и можно съ увѣренностью разсчитывать на то, что эта цѣль, условіе дальнѣйшихъ успѣховъ, будетъ въ свое время достигнута. Пусть не спрашиваютъ, однако, исторію о томъ, стали ли люди, въ общемъ, нравственнѣе. Они развили громадную, многообъемлющую и сильную произвольную дѣятельность, но ихъ положеніе почти необходимо приводило ихъ къ тому, что они употребляли эту дѣятельность почти исключительно во зло. Пусть не спрашиваютъ исторію и о томъ, не превзошелъ ли древній міръ своими искусствомъ и разсудочной культурой, сосредоточенными въ немногихъ пунктахъ, искусство и разсудочную культуру новаго міра. Возможно, что отвѣтъ былъ бы постыднымъ для насъ, и что въ этомъ отношеніи человѣческій родъ, повидимому, не пошелъ впередъ, а спустился. Но спросите исторію о томъ, въ какой періодъ болѣе всего было распространено и раздѣлено между наибольшимъ количествомъ людей наличное образованіе; и вы безъ сомнѣнія найдете, что съ начала исторіи до нашихъ дней немногіе свѣтлые пункты культуры все болѣе расширялись изъ своихъ центровъ, захватывая человѣка за человѣкомъ и народъ за народомъ, и что это распространеніе образованія въ ширь

продолжается и на нашихъ глазахъ. И это было первою цѣлью человѣчества на его безконечномъ пути. Пока эта цѣль не достигнута, пока наличное въ каждый вѣкъ образованіе не распространилось по всему населенному земному шару, и нашъ родъ не сталъ способнымъ на свободнѣйшія сношенія своихъ частей другъ съ другомъ, одна нація должна ожидать на общемъ пути другую, одна часть міра—другую, и каждый народъ долженъ приносить свои столѣтія мнимой остановки или регресса въ жертву всеобщему союзу, ради котораго только онъ и существуетъ. Когда достигнута будетъ эта первая цѣль, когда все полезное, что̀ найдено въ одномъ концѣ земли, тотчасъ будетъ становиться извѣстнымъ и сообщаться всѣмъ людямъ, человѣчество безъ остановокъ и регресса, общими силами и въ непрерывномъ единомъ шествіи станетъ возвышаться до образованія, превышающаго наши понятія".

Это говоритъ Фихте, котораго никто не обвинитъ ни въ позитивизмѣ, ни въ пылкости философскаго воображенія. Книга его „о назначеніи человѣка" должна быть прочитана всѣми, кого интересуетъ не только философія и мораль, но и вопросы историческіе и общественные. Она хранитъ своеобразный отпечатокъ эпохи, изъ которой вышла, и взглядовъ, которые уже давно получили историческую оцѣнку, но въ ней есть нѣчто, не поддающееся обычному учету, есть нѣкій духъ вѣчности, который оставляетъ далеко позади всѣ особенности его историческаго міровоззрѣнія. Это—безшумное и нѣжное пареніе къ истинѣ, возвышенный полетъ мечты о судьбахъ грядущаго, которое станетъ свѣтло и радостно, какъ только человѣкъ не въ небесахъ, но въ своемъ сердцѣ ощутитъ Бога, побѣдившаго добромъ зло. Увлекая читателей въ сверхчувственный міръ, Фихте, однако, приковываетъ его вниманіе къ высшимъ интересамъ земли и многими сторонами своего ученія поразительно совпадаетъ съ тѣми представленіями о грядущемъ, которыя выросли на идеологіи соціалистическаго строя. Нѣтъ ничего удивительнаго, если Моррисъ удѣляетъ не меньшее вниманіе удобствамъ и всеобщей *полезности*, чѣмъ красотѣ и моральной цѣлесообразности изображаемой имъ жизни. Но гораздо болѣе достойно примѣчанія, что и метафизикъ Фихте далеко не отвергаетъ въ своихъ построеніяхъ принципа утилитаризма. „Нѣтъ человѣка, который любилъ бы зло потому, что оно зло,—говоритъ онъ;—онъ любитъ въ немъ только выгоды и наслажденія, которыя оно ему обѣщаетъ и которыя оно дѣйствительно доставляетъ ему въ большинствѣ случаевъ при современномъ положеніи человѣчества. Пока продолжается это положеніе, пока пороку воздается награда, едва ли можно надѣяться на коренное улучшеніе человѣка въ массѣ. Но въ такомъ гражданскомъ строѣ, какимъ онъ долженъ быть, какого

требуетъ разумъ, какой легко описываетъ мыслитель, хотя и не видѣвшій его нигдѣ до сихъ поръ, и какой необходимо образуется у перваго народа, который дѣйствительно освободитъ себя,—въ такомъ строѣ зло не даетъ никакихъ преимуществъ, а скорѣе несомнѣнно приноситъ вредъ, такъ что простое себялюбіе само по себѣ подавляетъ проявленіе себялюбія въ несправедливыхъ поступкахъ". Не менѣе любопытно сопоставить взгляды Фихте и Морриса на зависимость, которая существуетъ между установленіемъ внутренняго порядка въ государствѣ на началахъ равенства и прекращеніемъ войнъ между народами. Когда всѣ станутъ равны и одинаково станутъ работать на общее благо, войны прекратятся сами собой потому, что исчезнетъ ихъ главная причина—необходимость въ накопленіи богатствъ и поддержаніе власти немногихъ въ ущербъ всѣмъ. По глубокому замѣчанію Фихте, свободное государство никогда не потерпитъ съ собою рядомъ такія государства, предводители которыхъ изъ порабощенія сосѣднихъ народовъ извлекаютъ лишь свою выгоду, постоянно угрожая тѣмъ самымъ спокойствію сосѣдей: „забота о своей собственной безопасности заставляетъ всѣ свободныя государства преобразовывать и все вокругъ себя въ свободныя государства и распространять, такимъ образомъ, въ собственныхъ интересахъ царство культуры на дикарей, царство свободы—на рабскіе народы". Надъ соперничествомъ между націями смѣются и въ „Утопіи" Морриса, какъ надъ возможностью расовой нетерпимости при всеобщемъ равенствѣ людей. Искусственно поддерживаемое наслѣдіе дикихъ вѣковъ, расовая вражда была необходима, съ точки зрѣнія людей „Утопіи", чтобы являть собой, въ числѣ многихъ другихъ предразсудковъ, наглядное доказательство необходимости правительства, которое, по словамъ Гаммонда, „въ дѣйствительности существовало только для разрушенія народнаго благосостоянія". Въ то время, какъ Фихте—весь въ отвлеченности, въ широкихъ перспективахъ будущаго, охватывающихъ людскія дѣла съ неизмѣримой высоты, Моррисъ, своими противоположеніями, рисуетъ мрачную картину современнаго буржуазнаго строя. Онъ затрудняется, между прочимъ, перечислить всѣ абсурды, до которыхъ доходила реакція въ своихъ пріемахъ угнетенія людей. Ему слышалась „страшная трагедія сквозь слезы" въ священномъ лозунгѣ реакціонеровъ: „Надо подавить ненасытную алчность низшихъ классовъ"... „Надо проучить народъ". Моррисъ скромно называетъ эти „лозунги"—„довольно зловѣщими словами"...

Это писалъ представитель страны, почитаемой нами просвѣщеннѣйшей и свободной, куда, время отъ времени, спасаемся мы, русскіе, чтобы не задохнуться въ чаду отечественнаго мракобѣсія и ужаса. Что же написалъ бы онъ, исходя изъ русской дѣйствительности, или

вообще русскій писатель съ большой дозой оптимизма и соціальнаго прозрѣнія? Какою бы ни представилась ему Русь черезъ двѣсти лѣтъ, но еслибы имъ руководила мысль, что тогда будетъ лучше, чѣмъ теперь, ему, вмѣсто предисловія, пришлось бы начать съ духовнаго завѣщанія: за такія рѣчи, не давъ докончить золотого сна о грядущемъ счастіи Россіи, ему свернули бы голову, чтобы онъ не будилъ спящихъ людей и не звалъ зарю раньше времени...

А Фихте и Моррисъ благополучно умерли своей смертью у себя на родинѣ: первый въ 1814, а второй недавно—лѣтъ десять назадъ.

Евг. Ляцкій.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1906 г.

Министерскій кризисъ во Франціи. — Парламентскія пренія по поводу „катастрофы въ Бешепѣ".—Инциденты при примѣненіи закона о церковныхъ имуществахъ.—Печальныя параллели.—Программа новаго французскаго кабинета.—Марокксая конференція.—Отголоски русско-японской войны.

Перемѣна министерства во Франціи не имѣетъ вообще большого значенія съ тѣхъ поръ какъ прочно установилось господство республиканской партіи: смѣняются лица, но не система, и только оттѣнки различныхъ парламентскихъ группъ отражаются въ программахъ того или другого кабинета. Можно было предвидѣть, что кабинетъ Рувье не удержится долго при новомъ президентѣ республики; но кризисъ произошелъ довольно неожиданно и сопровождался любопытными инцидентами, представляющими нѣкоторый общій интересъ.

Въ засѣданіи палаты депутатовъ, 7-го марта (нов. ст.), предъявлено было три запроса министру внутреннихъ дѣлъ: Плишонъ, Анри Кошенъ, аббатъ Лемиръ и Гіейссъ требовали объясненій отъ правительства по поводу „катастрофы въ Бешепѣ". Въ чемъ же заключалась эта катастрофа, взволновавшая общественное мнѣніе и приведшая къ паденію министерства? Въ мѣстечкѣ Бешепъ, близъ бельгійской границы, при производствѣ описи церковнаго имущества, толпа католиковъ ворвалась въ церковь, напала на правительственныхъ агентовъ и избила сборщика податей до того, что жизнь его подвергалась опасности; его топтали ногами, и сынъ его, послѣ тщетныхъ просьбъ о пощадѣ, выстрѣлилъ изъ револьвера въ одного изъ нападавшихъ: какой-то человѣкъ былъ убитъ. Въ этомъ несчастномъ происшествіи всего менѣе виноваты были полицейскіе чины; убійство совершено не полиціею и не войсками, а частнымъ лицомъ, при нападеніи толпы на исполнителей закона. Тѣмъ не менѣе, правительство было призвано къ отвѣту, такъ какъ оно обязано предупреждать самую возможность столкновеній и кровопролитій. „Человѣкъ убитъ,—восклицалъ депутатъ Плишонъ:—говорили, что законъ объ отдѣленіи церкви отъ государства есть законъ свободы и умиротворенія; но до сихъ поръ это законъ убійства". Ораторъ крайней лѣвой, Гіейссъ, напомнилъ, что принципъ описи церковныхъ имуществъ внесенъ въ законъ по предложенію правой, и что противодѣйствіе вѣрующихъ католиковъ является результатомъ искусственной и недобросовѣстной агитаціи со стороны клерикаловъ;

„правительство республики—по его словамъ—не можетъ подчиниться иностранному повелителю, предписывающему французамъ свою волю изъ Рима; оно должно обезпечить безусловное уваженіе къ закону".

На ту же тему произнесъ горячую рѣчь докладчикъ и главный составитель закона, Бріанъ. „Консерваторы и клерикалы,—говорилъ онъ,—сами настаивали на введеніи правила объ инвентаряхъ, а потомъ они увѣряли поселянъ, что дѣло идетъ о посягательствѣ на религію и на собственность; населеніе было возбуждено фанатизмомъ: оно думаетъ защищать свою вѣру, и оно заслуживаетъ полнаго сочувствія по своей искренности; нужно желать, чтобы эти люди не сдѣлались жертвами своего заблужденія; истинными виновниками слѣдуетъ признать тѣхъ, которые изо дня въ день распространяютъ ложь: религія служитъ здѣсь только прикрытіемъ для политики". По требованію значительной части большинства, палата постановила отпечатать и расклеить рѣчь Бріана во всѣхъ общинахъ страны. Депутатъ Лази, отъ имени оппозиціи, высказалъ нѣсколько комплиментовъ по адресу Бріана, но отмѣтилъ непослѣдовательность его разсужденій. „Большинство, вотировавшее законъ, должно быть счастливо, что имѣетъ такого оратора, какъ Бріанъ; принятіе закона есть главнымъ образомъ его заслуга; благодаря ему, законъ оказался возможнымъ и допустимымъ для населенія; а между тѣмъ теперь тотъ же талантъ Бріана пускается въ ходъ для того, чтобы оправдать позоръ совершившихся фактовъ,—ибо нѣтъ ничего позорнѣе, какъ проливать французскую кровь ради примѣненія закона. Правительство должно было бы дѣйствовать съ большимъ тактомъ и съ большею умѣренностью".

Аббатъ Лемиръ остановился на вопросѣ объ отвѣтственности; онъ тоже полагалъ, что производство описей было лишь мѣрой охраны, что оно не имѣло другой цѣли, кромѣ обезпеченія правильной передачи имуществъ вѣроисповѣднымъ ассоціаціямъ. „Извѣстно уже,—говорилъ далѣе аббатъ Лемиръ,—при какихъ обстоятельствахъ произошли событія въ Бешепѣ. Министръ, безъ сомнѣнія, произведетъ надлежащее разслѣдованіе; я самъ вчера вечеромъ, въ его кабинетѣ, былъ свидѣтелемъ того, какъ искренно онъ былъ взволнованъ. Да, волненіе министра было вполнѣ реально; и найдется ли человѣкъ, который не испытывалъ бы волненія при мысли о человѣческомъ трупѣ? Я увѣренъ, что если здѣсь кто-нибудь взволнованъ, то именно и прежде всего министръ внутреннихъ дѣлъ. Почему же онъ вводитъ эти описи съ такою торопливостью и почему допускаетъ употребленіе насилія? Правительство, достойное этого имени, приняло бы необходимыя мѣры предосторожности. Было ошибкою создавать возбужденіе въ Бешепѣ;—всякое возбужденіе представляетъ общественную опасность. Протесты жителей имѣли въ виду только защиту ихъ религіи;

тотъ, кто палъ жертвой, не былъ клерикаломъ, не былъ также агитаторомъ по профессіи; онъ былъ просто вѣрующимъ католикомъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, предсѣдатель совѣта министровъ,—не найдутъ ли они способовъ положить конецъ этимъ печальнымъ конфликтамъ? Религіозныя распри никому не желательны. Мы хотимъ защищать республику, уважать конституцію и власть; мы подчиняемся законамъ, хотя знаемъ, что нѣкоторые изъ нихъ освящаютъ несправедливость. Но мы требуемъ отъ правительства, чтобы оно уважало нашу совѣсть—совѣсть всѣхъ вообще".

Министру внутреннихъ дѣлъ, Дюбье, не трудно было оправдаться передъ палатою, при такомъ ея настроеніи. „Правительство,—сказалъ онъ,—было глубоко взволновано случившимся въ Бешенѣ. Ничто не давало повода предвидѣть столкновенія; опись была уже окончена, когда ворвались двѣсти человѣкъ и набросились на сборщика податей; раздались выстрѣлы, и слѣдствіе должно установить, кто именно убилъ жертву. Для избѣжанія волненій и насилій были приняты разныя мѣры; но являлись подстрекатели какъ въ печати, такъ и въ публичныхъ собраніяхъ, и даже съ церковныхъ каѳедръ. Можно ли было допустить, чтобы законъ склонился передъ возмутившимся? Нѣтъ, этого допустить нельзя. Мы удвоимъ свою осторожность и сдержанность; но законъ будетъ приведенъ въ исполненіе, и никакая передача церковныхъ имуществъ не состоится безъ предварительнаго составленія инвентарей". Лучшій ораторъ центра, Рибо, отвѣтилъ министру нѣсколькими вѣскими соображеніями и указаніями. Система описей, предложенная имъ при обсужденіи закона, примѣняется въ такомъ духѣ, что она уже не является охранительною мѣрою въ глазахъ народа. „Люди не могутъ признать, что имъ дѣлаютъ подарокъ или льготу, взламывая двери церквей и выставляя вооруженную силу; имъ кажется, что если около нихъ вертятся жандармы и полиція, если насильственно вскрываютъ церковныя хранилища, то это значитъ, что имъ не желаютъ добра; потому и понятно ихъ недовѣріе и отвращеніе къ инвентарямъ. Политическія партіи стараются возстановлять католиковъ противъ республики, но искусство правительства заключалось бы въ томъ, чтобы не играть въ руку этой агитаціи; надо было заблаговременно издать подробныя правила и инструкціи для предупрежденія ложныхъ комментаріевъ, а пока пріостановить производство описи повсюду, гдѣ ожидалось или готовилось сопротивленіе. Никто не сомнѣвался, что правительство могло насильно открыть церкви при помощи отрядовъ полиціи; но это было безполезно. Не слѣдовало поднимать всю французскую армію ради церковныхъ инвентарей, и никто не упрекалъ бы администрацію за то, что она отступила передъ опасностью кровопролитія. Законъ самъ собою не оправдываетъ вызванныхъ имъ про-

тестовъ; онъ позволяетъ французскому духовенству свободно обсуждать интересы церкви и признаетъ за папой право назначать епископовъ; съ этимъ закономъ церковь можетъ жить и занять подобающее мѣсто въ нравственной области, войдя въ соприкосновеніе съ оживляющими силами свободы. Законъ долженъ быть исполненъ; но успокоеніе тѣмъ болѣе необходимо, что мы окружены опасностями. Не надо насилія ни съ той, ни съ другой стороны".

Рѣчь Рибо произвела такое впечатлѣніе, что и ее палата рѣшила опубликовать и расклеить во всѣхъ общинахъ; то же самое постановлено затѣмъ относительно предшествовавшихъ рѣчей Дюбье и аббата Лемира, по требованію радикаловъ. Такимъ образомъ, палатой одинаково были одобрены и рекомендованы населенію четыре рѣчи, весьма различныя по духу, — двѣ правительственныя и двѣ оппозиціонно-клерикальныя,—причемъ, очевидно, имѣлось въ виду одинаково одобрительное по существу отношеніе ораторовъ къ самому закону и къ принципу инвентарей; но министръ-президентъ Рувье сдѣлалъ изъ этого выводъ, что всѣ согласны съ правительствомъ и одобряютъ его объясненія. Правительство огорчено прискорбными сценами изъ-за описи церковныхъ имуществъ; оно будетъ примѣнять законъ безъ слабости, но съ благоразуміемъ и тактомъ, необходимымъ для сохраненія общественнаго спокойствія; въ этомъ отношеніи то, что заявлялъ министръ внутреннихъ дѣлъ, вполнѣ отвѣчаетъ будто бы содержанію и тону всѣхъ другихъ рѣчей — и Бріана, и Рибо, и Лемира, а потому палатѣ предлагалось принять формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, выражающую простое одобреніе правительству. Рувье думалъ удовлетворить всѣхъ своею примирительною тактикою, опираясь въ одно и то же время на радикаловъ-соціалистовъ и на умѣренныхъ клерикаловъ; но ни тѣ, ни другіе не были довольны его неопредѣленными и отчасти двусмысленными разсужденіями. Радикалы рѣшительно протестовали противъ словъ министра-президента о согласіи съ Рибо и Лемиромъ, которые совѣтовали вступить вновь въ переговоры съ Ватиканомъ; Рибо и Лемиръ требовали болѣе точныхъ и ясныхъ заявленій относительно будущаго; соціалистъ Самба жаловался на то, что къ волненіямъ клерикаловъ правительство относится гораздо болѣе снисходительно, чѣмъ къ стачкамъ рабочихъ; Массэ настойчиво добивался отъ Рувье признанія, въ какихъ именно пунктахъ онъ согласенъ съ клерикалами; Гіейссъ выражалъ опасеніе, что правительство отступитъ передъ духовенствомъ и что эти парламентскіе споры составятъ первое начало капитуляціи. Рувье раздражается; онъ говоритъ: „если кабинетъ не пользуется вашимъ довѣріемъ, заявите это прямо и открыто, образуйте другое министерство". Депутатъ Девилль предлагаетъ формулу, въ которой содержится съ одной стороны

косвенное осужденіе дѣйствій правительства, а съ другой — указаніе практическихъ мѣръ для мирнаго разрѣшенія кризиса, путемъ прекращенія всякихъ денежныхъ выдачъ духовенству тѣхъ приходовъ, гдѣ не будутъ составлены инвентари. При голосованіи первенство признается не за этой формулою, а за формулой Перэ, принятою министерствомъ; но послѣдняя отвергается большинствомъ 267 голосовъ противъ 234. Рувье заявляетъ тогда, что дальнѣйшія пренія уже безразличны для правительства, и онъ удаляется вмѣстѣ съ своими коллегами; палата отсрочила свои засѣданія на нѣсколько дней, и публика безъ особеннаго огорченія узнала объ отставкѣ министерства.

„Прискорбное событіе" въ Бешепѣ, стоившее жизни одному изъ мѣстныхъ поселянъ, признавалось катастрофой не только ораторами оппозиціи, но и министрами; по свидѣтельству аббата Лемира, министръ внутреннихъ дѣлъ Дюбье, получивъ извѣстіе о случившемся, не могъ скрыть своего искренняго волненія,—ибо „кто же не будетъ волноваться при мысли объ убійствѣ"! Все, высказанное по этому поводу въ палатѣ депутатовъ, прекрасно характеризуетъ общій типъ современнаго французскаго управленія. Мы видимъ, что жизнь послѣдняго изъ обывателей цѣнится чрезвычайно дорого во Франціи, и что малѣйшее, хотя бы косвенное и невольное участіе агентовъ власти въ гибели человѣка способно взволновать министровъ, парламентъ, и даетъ матеріалъ для внимательнаго публичнаго обсужденія. Между тѣмъ у насъ въ разныхъ мѣстахъ страны почти ежедневно совершаются систематическія массовыя убійства, проливаются потоки крови, гибнутъ десятки и сотни человѣческихъ существъ, и никто изъ министровъ не обнаруживаетъ волненія; напротивъ, органы власти какъ будто торжествуютъ, въ сознаніи исполненнаго долга, и измѣряютъ свой престижъ количествомъ жертвъ; они даже заранѣе угрожаютъ извѣстной части населенія кровавыми погромами, подъ предлогомъ возмездія за оппозицію или поступки отдѣльныхъ лицъ, и никто не останавливаетъ этого преступнаго извращенія основныхъ понятій объ обязанностяхъ правительственныхъ агентовъ, никто не призываетъ распорядителей къ отвѣту, и непрерывный газетный шумъ, въ которомъ слышится мучительное негодованіе, остается лишь гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Мы какъ будто привыкли уже жить въ атмосферѣ ужасовъ, о которыхъ современные культурные народы не имѣютъ и отдаленнаго понятія; всего менѣе способны понимать наше положеніе французы, выросшіе при условіяхъ полной гражданской свободы и дѣйствительной неприкосновенности личности; оттого они и не могутъ искренно сочувствовать русскому обществу и народу, ибо не въ состояніи реально представить себѣ общую картину нашего политическаго существованія. Французскіе республиканцы настолько избало-

ваны своими конституціонными вольностями, что могутъ позволить себѣ роскошь волненій и министерскихъ кризисовъ изъ-за одного случайно погибшаго „мятежника“ или нѣсколькихъ раненыхъ; у насъ даже сотни и тысячи погибшихъ въ Одессѣ, Москвѣ и въ другихъ городахъ не расшевелили представителей власти, не разбудили спящаго правосудія, не тронули совѣсти людей, проповѣдующихъ репрессію для репрессіи. Нѣкоторая часть французской печати проявляетъ интересъ къ русскимъ народнымъ дѣламъ и бѣдствіямъ; отдѣльные журналисты печатаютъ краснорѣчивыя статьи о непонятныхъ имъ событіяхъ и вопросахъ, но Франція находится съ нами въ оффиціальномъ союзѣ и дѣлаетъ видъ, что нашъ внутренній политическій кризисъ вовсе ея не касается. Въ свою очередь и русская дипломатія дѣлаетъ видъ, что ея международное значеніе нисколько не измѣнилось со времени японской войны; она продолжаетъ играть свою обычную роль въ вопросахъ европейской политики, хотя встрѣчаетъ иногда ироническое пренебреженіе со стороны великихъ державъ. Какъ бы то ни было, Франція дорожитъ нашимъ союзомъ, который все-таки сохраняетъ извѣстную долю важности по отношенію къ Германіи; и эта вѣрность союзу въ чисто международной сферѣ переходитъ какъ бы по наслѣдству отъ одного министерства къ другому.

Послѣ обычныхъ совѣщаній президента республики съ президентами палаты и сената и съ наиболѣе выдающимися парламентскими дѣятелями, образовался новый кабинетъ, окончательный составъ котораго объявленъ въ „Journal officiel“ отъ 14 марта. Двумя декретами президента, контрасигнированными Морисомъ Рувье, депутатъ Сарріенъ назначенъ министромъ юстиціи и предсѣдателемъ совѣта министровъ; остальные декреты имѣютъ уже подпись Сарріена, какъ министра-президента. Первое министерство президента Фаллiера можетъ быть названо блестящимъ по своему составу; оно заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя изъ самыхъ громкихъ именъ французской республики,—громкихъ не по титуламъ или общественному положенію, а по дарованіямъ и заслугамъ; мы встрѣчаемъ здѣсь людей, которые стояли уже во главѣ правительства или считались кандидатами въ министры-президенты и даже въ президенты республики. Сенаторъ Леонъ Буржуа, не пожелавшій сдѣлаться главою кабинета, занялъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ; знаменитый сокрушитель министерствъ, одинъ изъ лучшихъ французскихъ ораторовъ и журналистовъ, сенаторъ Клемансо, назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ; сенаторъ Раймондъ Пуэнкаре—министромъ финансовъ; депутатъ Бріанъ, вдохновитель и докладчикъ церковнаго законопроекта — министромъ народнаго просвѣщенія, искусствъ и вѣроисповѣданій; депутатъ Луи Барту—министромъ публичныхъ работъ, почтъ и телеграфовъ; депутатъ Гастонъ

Думергъ, извѣстный экономистъ, — министромъ торговли, промышленности и труда; депутатъ Рюо—министромъ земледѣлія; Жоржъ Лейгъ—министромъ колоній; наконецъ, депутаты Этьеннъ и Томсонъ сохранили портфели министровъ военнаго и морского. Три министра—Сарріенъ, Буржуа и Рюо — принадлежатъ къ радикальной лѣвой; пять министровъ—къ демократическому союзу; двое—Клемансо и Думергъ—радикалы-соціалисты, и одинъ—Бріанъ—соціалистъ. Особенный интересъ возбуждаетъ Клемансо въ совершенно новой для него роли министра внутреннихъ дѣлъ; старый республиканецъ-радикалъ, убѣжденный и энергическій демократъ, какъ руководитель администраціи и полиціи великаго государства,—явленіе крайне оригинальное и любопытное. Всѣ ждутъ отъ него серьезныхъ перемѣнъ и преобразованій въ его вѣдомствѣ, но французскій правительственный аппаратъ установился крѣпко, и съ его бюрократической рутиной тщетно пытались бороться многочисленные реформаторы, начиная съ конца сороковыхъ годовъ; немного сдѣлаетъ въ этомъ отношеніи и Клемансо. Впрочемъ, будучи лишь исполнительнымъ орудіемъ правительственной власти, зависящей отъ парламента, французская бюрократія давно утратила свои старинныя зловредныя черты и перестала давать благодарную пищу для смѣлыхъ реформаторскихъ проектовъ.

Въ министерской декларація, прочитанной Сарріеномъ и Леономъ Буржуа въ тотъ же день, 14-го марта, въ обѣихъ палатахъ, высказано немало здравыхъ истинъ и хорошихъ пожеланій, относящихся къ вопросамъ текущей политики. „Нѣтъ никого между нами, — говорится въ этомъ документѣ,—кто желалъ бы какимъ бы то ни было способомъ нарушить свободу религіозныхъ убѣжденій и обрядовъ. Законъ будетъ примѣняться въ томъ же либеральномъ духѣ, въ какомъ онъ вотировался въ парламентѣ, и присутствіе въ составѣ министерства докладчика этой реформы является вѣрною гарантіею нашихъ намѣреній. Но на насъ лежитъ также обязанность обезпечить исполненіе всѣхъ законовъ на всемъ пространствѣ территоріи. При республиканскомъ правительствѣ, законъ есть высшее выраженіе національнаго верховенства: онъ долженъ быть повсемѣстно уважаемъ и повсюду соблюдаемъ. Настоящее правительство предполагаетъ, со всею необходимою осмотрительностью, но съ непреклонною твердостью, примѣнять новое законодательство, смыслъ котораго тщетно стараются извратить извѣстные элементы оппозиціи. Правительство во всякомъ случаѣ выяснитъ происхожденіе и отвѣтственность этой политической агитаціи, и, чтобы положить конецъ этой агитаціи, оно употребитъ въ дѣло всѣ средства, какія законъ даетъ въ его распоряженіе. Мы твердо рѣшили дать чиновникамъ всѣ необходимыя гарантіи противъ произвола и фаворитизма. Правительство не допуститъ призывовъ къ не-

повиновенію, обращенныхъ къ войскамъ; оно будетъ требовать отъ всѣхъ, офицеровъ и солдатъ, одинаковаго уваженія къ военнымъ уставамъ и къ законамъ республиканскимъ... Во внѣшнихъ дѣлахъ, особенно въ вопросахъ, касающихся нашего положенія въ сѣверной Африкѣ, мы имѣемъ въ виду продолжать политику нашихъ предмѣстниковъ, недавно еще одобренную парламентомъ. Вполнѣ сознавая жизненные интересы и права, защита которыхъ лежитъ на обязанности нашей дипломатіи, мы убѣждены, что примѣненіе этихъ правъ и нормальное развитіе этихъ интересовъ могутъ быть обезпечены безъ ущерба для интересовъ какой-либо другой державы; какъ и наши предмѣстники, которымъ мы считаемъ долгомъ публично отдать справедливость, мы питаемъ надежду, что прямота и достоинство этого способа дѣйствій облегчатъ скорое и окончательное урегулированіе текущихъ затрудненій. Вѣрная союзу, благодѣтельное вліяніе котораго одинаково чувствуется обѣими сторонами, и дружескимъ отношеніямъ, которыхъ прочность и цѣну мы имѣли случай провѣрить, Франція усиливаетъ свое положеніе въ мірѣ тѣмъ духомъ справедливости и мира, съ которымъ она относится къ различнымъ задачамъ, выдвигаемымъ силою вещей передъ народами. Въ томъ же духѣ мы и впредь будемъ съ довѣріемъ слѣдовать политикѣ, которая въ нашихъ глазахъ одинаково служитъ интересамъ нашего отечества, какъ и интересамъ всеобщаго мира".

При чтеніи фразы о вѣрности русскому союзу сдѣланъ былъ нѣкоторыми депутатами шумный перерывъ; раздались возгласы: „И это сказалъ Клемансо!"—„Васъ собралось четырнадцать человѣкъ, чтобы сказать это!" Клемансо считался непримиримымъ врагомъ оффиціальной Россіи и безусловнымъ сторонникомъ русскаго освободительнаго движенія; поэтому онъ не могъ стоять за близкія связи съ русскою бюрократіею,—но внѣшніе союзы не входятъ въ его компетенцію, и сохраненіе ихъ по мотивамъ международной дипломатіи вовсе не предполагаетъ дѣйствительной дружбы съ даннымъ правительствомъ. Истинныя чувства, симпатіи и антипатіи Клемансо должны обнаружиться въ его отношеніяхъ къ международной и особенно русской политической полиціи, имѣющей одинъ изъ своихъ постоянныхъ заграничныхъ центровъ въ Парижѣ; въ этой области онъ, кажется, принялъ уже нѣкоторыя ограничительныя мѣры, насколько можно судить по краткимъ газетнымъ свѣдѣніямъ. Какъ министръ радикальнаго направленія съ соціалистическимъ оттѣнкомъ, Клемансо получаетъ возможность проводить на практикѣ свои идеи по рабочему вопросу; между прочимъ, въ Лансѣ, гдѣ возникла забастовка рабочихъ, онъ отправился въ народный домъ и произнесъ рѣчь, которая очень понравилась публикѣ простотою и задушевностью тона. „Я прибылъ къ вамъ просто какъ

представитель правительства республики,—говорилъ онъ,—чтобы сказать вамъ, что вы имѣете право устраивать стачки, и что это право не можетъ быть оспариваемо у васъ. Мы должны слѣдить за тѣмъ, чтобы законъ соблюдался всѣми, какъ президентомъ республики, такъ и послѣднимъ обывателемъ. Мы не желаемъ вмѣшиваться въ ваши требованія и домогательства, но хотѣлось бы только предостеречь васъ отъ всякихъ излишествъ. Вы можете устраивать забастовку, но вы обязаны также уважать тѣхъ, которые думаютъ иначе, чѣмъ вы, и особенно уважать собственность, ибо еслибы вы разрушили самыя копи, то что сталось бы съ вами, рабочими? Будьте спокойны, вы не увидите солдатъ на улицѣ. Но умоляю васъ, уважайте свободу другихъ, берегите копи. Если не хотите имѣть у себя солдатъ, избѣгайте волненій. Покажите, что вы достойны свободы, и что вы стремитесь къ тому режиму соціальной правды, который мы всѣ лелѣемъ въ своемъ сердцѣ". Рабочіе восторженно рукоплескали министру и провожали его шумною толпою до отъѣзда его изъ Ланса. Рабочіе видѣли, что имѣютъ предъ собою не представителя враждебной или чуждой власти, не министра прежняго типа, поглощеннаго заботою о своемъ личномъ положеніи и авторитетѣ, о внушеніи спасительнаго страха подчиненнымъ и вообще обывателямъ, а культурнаго, близкаго и доступнаго всѣмъ государственнаго человѣка, дѣйствительно думающаго и способнаго думать объ общихъ интересахъ страны и народа. Какъ далекъ этотъ современный западно-европейскій типъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ невѣжественныхъ, своекорыстныхъ и злобныхъ правительственныхъ дѣятелей, процвѣтающихъ еще въ нѣкоторой части восточной Европы и Азіи! Министръ внутреннихъ дѣлъ, по существу своихъ административно-полицейскихъ задачъ, рѣдко можетъ разсчитывать на симпатіи населенія; но Клемансо сразу завоевалъ себѣ успѣхъ среди французскихъ рабочихъ.

Долго ли будетъ продолжаться эта популярность Клемансо между рабочими—покажетъ ближайшее будущее; но если трудящіяся массы разсчитываютъ на коренныя реформы или улучшенія своего быта, то они неизбѣжно должны разочароваться,—тѣмъ болѣе, что правительство не можетъ теперь ничего предпринять въ виду скораго истеченія срока полномочій настоящей палаты. Въ маѣ предстоятъ всеобщіе парламентскіе выборы, и общій результатъ ихъ долженъ опредѣлить направленіе и характеръ внутренней политики во Франціи на слѣдующее четырехлѣтіе. Составъ новаго министерства, вѣроятно, не останется безъ вліянія на выборы: соединеніе выдающихся и талантливыхъ людей во главѣ правительства должно вызвать соотвѣтственный подъемъ въ обществѣ и народѣ.

Марокксая конференція существуетъ, кажется, спеціально для того, чтобы наглядно показывать Европѣ ненормальность международнаго положенія, зависящаго отъ личной воли или прихоти такихъ безотвѣтственныхъ правителей, какъ Вильгельмъ II. Занятія конференціи въ Алжесирасѣ постоянно и систематически усложнялись разными новыми проектами и притязаніями германскихъ уполномоченныхъ, придирчивою полемикою нѣмецкой оффиціозной печати и страннымъ, иногда прямо угрожающимъ тономъ высшихъ военныхъ сферъ Берлина; настроеніе какъ будто смягчилось къ началу марта (нов. ст.), но вновь обострилось подъ вліяніемъ французскаго министерскаго кризиса, которымъ нѣмецкая дипломатія старалась воспользоваться для своихъ цѣлей. Но разсчетъ на упадокъ энергіи и силы сопротивленія французскихъ представителей въ періодъ кабинетнаго междуцарствія оказался ошибочнымъ; бывшій министръ-президентъ и министръ иностранныхъ дѣлъ, Рувье, при всемъ своемъ миролюбіи, успѣлъ точно опредѣлить тѣ границы, далѣе которыхъ не пойдетъ уступчивость Франціи, и далъ соотвѣтственныя инструкціи ея уполномоченнымъ въ Алжесирасѣ, такъ что послѣдніе могли держаться твердо и послѣ отставки кабинета; а новый министръ иностранныхъ дѣлъ, Леонъ Буржуа, не принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые позволятъ себя смутить или запугать надменною требовательностью, не имѣющею подъ собою достаточныхъ реальныхъ основаній. Продолжительные и упорные споры вызваны были вопросомъ объ организаціи полиціи въ Марокко: Франція настаивала на томъ, чтобы завѣдываніе мѣстными полицейскими силами было поручено французскимъ и испанскимъ офицерамъ, но затѣмъ сдѣлала существенную уступку, согласившись подчинить этихъ офицеровъ международному контролю въ лицѣ назначаемаго державами инспектора полиціи; Германія, съ своей стороны, домогалась передачи всего дѣла въ руки нейтральныхъ державъ и въ видѣ компромисса выдвинула австрійскій проектъ, по которому международный инспекторъ полиціи долженъ былъ бы, сверхъ контроля надъ дѣятельностью франко-испанскихъ офицеровъ, имѣть въ своемъ самостоятельномъ распоряженіи полицію въ важномъ портѣ Казабланка, чѣмъ, конечно, подорвано было бы все значеніе преимуществъ Франціи и Испаніи, какъ сосѣднихъ съ Марокко державъ. Австро-германскій проектъ, несмотря на категорическія и весьма убѣдительныя возраженія французскихъ делегатовъ, соблазнилъ нѣкоторыхъ иностранныхъ уполномоченныхъ въ Алжесирасѣ и считался подходящимъ и пріемлемымъ для тѣхъ нейтральныхъ дипломатовъ, которые раньше поддерживали французскую точку зрѣнія; на этомъ основаніи нѣмецкія оффиціозныя газеты утверждали, что Франція очутилась въ полномъ одиночествѣ, и что даже Англія и Россія совѣтовали ей при-

нять австрійскій проектъ въ видахъ желательнаго соглашенія. По этому поводу парижскій „Temps“ напечаталъ текстъ краткой инструкціи, сообщенной по телеграфу 15-го марта британскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, сэромъ Эдуардомъ Греемъ, представителю Англіи въ Алжесирасѣ, сэру Артуру Никольсону: „1) Въ видѣ общаго правила,—оказывать Франціи въ будущемъ, какъ и въ прошломъ, безусловную поддержку, безъ всякихъ оговорокъ, по всѣмъ вопросамъ, ожидающимъ еще своего разрѣшенія; 2) спеціально энергически поддержать Францію въ ея отказѣ допустить, чтобы инспекторъ полиціи получилъ въ свое завѣдываніе портъ Казабланка или какой бы то ни было другой портъ, который такимъ образомъ былъ бы изъятъ изъ подчиненія франко-испанской полиціи“. Нѣсколько дней спустя, „Temps“ обнародовалъ также депешу, посланную графомъ Ламздорфомъ русскому уполномоченному, графу Кассини, уже не въ формѣ инструкціи, а въ видѣ прямого опроверженія слуховъ, распространяемыхъ нѣмецкою печатью: „Совершенно ложно, что русское правительство будто бы совѣтовало Франціи принять австрійскія предложенія относительно организаціи полиціи; равнымъ образомъ ложно, будто императорское правительство полагаетъ, что Франція можетъ согласиться на предоставленіе организаціи полиціи въ Казабланкѣ посторонней нейтральной державѣ. Императорское правительство никогда не переставало и не перестанетъ поступать относительно Франціи какъ вѣрный союзникъ, предполагая такимъ образомъ въ наилучшей мѣрѣ содѣйствовать успѣху примирительнаго соглашенія, котораго оно желаетъ. Въ виду важности вопроса и съ цѣлью разсѣять всякія недоразумѣнія, сообщите эту телеграмму французскому уполномоченному и передайте ея содержаніе представителямъ другихъ державъ въ Алжесирасѣ. Будутъ также увѣдомлены объ этомъ кабинеты, представленные на конференціи“. Широкая огласка, которую получили нѣмецкія закулисныя интриги вслѣдствіе рѣзкаго оффиціальнаго и притомъ почти публичнаго русскаго заявленія, была крайне непріятна германскому правительству и послужила матеріаломъ для ядовитыхъ газетныхъ нападеній на Россію и на полицейскую услуживость по отношенію къ ней со стороны Германіи; но въ данномъ случаѣ—независимо отъ формы, которая могла бы быть болѣе дипломатическою—наше вѣдомство иностранныхъ дѣлъ послѣдовало лишь примѣру лондонскаго кабинета и не могло поступить иначе, какъ формально опровергнуть ложныя извѣстія объ оставленіи Франціи безъ поддержки не только Англіи, но и Россіи, въ одномъ изъ самыхъ жизненныхъ и щекотливыхъ вопросовъ мароккской политики. Патріотическое „Новое Время“ сочло почему-то нужнымъ напасть по этому поводу на русскую дипломатію и заступиться за Германію и ея усердныхъ оффиціозовъ; но давно уже

извѣстно, что публицисты „Новаго Времени" являются смѣлыми и сознательными россійскими патріотами только по отношенію къ врагамъ внутреннимъ: они замѣчательно отзывчивы и воспріимчивы только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о злобной травлѣ противъ финляндцевъ, поляковъ, армянъ, или о поощреніи и оправданіи гнусныхъ избіеній евреевъ и ихъ семействъ; въ этой анти-христіанской—можно сказать, преступной—атмосферѣ, они обнаруживаютъ свой подлинный патріотизмъ во всей его наготѣ, предоставляя другимъ волноваться по поводу грозныхъ внѣшнихъ ударовъ и внутреннихъ потрясеній, подготовленныхъ вѣрными единомышленниками и покровителями „Новаго Времени".

Наши несчастныя манчжурскія войска возвращаются на родину, и ихъ болѣе счастливые полководцы, генералы Куропаткинъ и Линевичъ, въ своихъ прощальныхъ печатныхъ воззваніяхъ или приказахъ, вспоминаютъ „славные" дни, и отчасти даютъ отчетъ въ томъ поучительномъ матеріалѣ, который они извлекли изъ опыта войны. Впрочемъ, генералъ Линевичъ ограничивается лишь краткимъ указаніемъ на „недавнее прошлое *славное время*, когда въ упорныхъ бояхъ подъ Портъ-Артуромъ, Тюренченомъ, Вафангоу, Дашичао, Хайченомъ, Ляндянсяномъ, въ сѣверной Кореѣ, въ Японскомъ и Желтомъ моряхъ вы (войска) проявили искони свойственныя русскимъ войскамъ и морякамъ мужество и стойкость"; а вернувшись домой, къ своимъ семьямъ, они разскажутъ имъ, какъ русскій солдатъ „славно умиралъ на поляхъ далекой Манчжуріи". Зато генералъ Куропаткинъ очень пространно доказываетъ офицерамъ первой манчжурской арміи, что если онъ не успѣлъ одержать ни одной побѣды надъ японцами въ теченіе полутора года, то изъ этого съ непреложною очевидностью слѣдуетъ заключить, что онъ непремѣнно разбилъ бы японцевъ нѣсколькими мѣсяцами или годами позже, и что только Портсмутскій миръ помѣшалъ ему въ этомъ „радостномъ" предположеніи. Обширное разсужденіе бывшаго главнокомандующаго въ Манчжуріи столь замѣчательно, что мы считаемъ нелишнимъ привести изъ него нѣкоторыя наиболѣе характерныя мѣста, подчеркнувъ въ нихъ только отдѣльныя фразы и слова, достойныя особеннаго вниманія:

„Бои подъ Тюренченомъ, Вафангоу, Ташичао, Янзелиномъ, Ляньдянсянемъ и затѣмъ многодневныя сраженія подъ Ляояномъ, Шахэ и Мукденомъ выпали на долю войскъ 1-й арміи и заслужили имъ почетъ среди войскъ другихъ армій". Потери были весьма значительны; „при среднемъ боевомъ составѣ въ 100 тыс. штыковъ при 2.200 офицерахъ, первая армія по 1-е марта 1905 г. потеряла: офицеровъ убитыми 395, ранеными—1.733; нижнихъ чиновъ убито 10.435, ранено—

56.350, что составляетъ убыль въ бояхъ убитыми и ранеными офицеровъ—91% и нижнихъ чиновъ—67% средняго боевого состава. И все же, несмотря на такія жертвы, несмотря на геройскія усилія, мы не достигли побѣды надъ врагомъ. Но мы крѣпли въ неудачахъ, пріобрѣтали боевой опытъ, усиливались подходомъ подкрѣпленій и, наконецъ, лѣтомъ прошлаго года достигли такой силы матеріальной и духовной, что побѣда, казалось, уже была намъ обезпечена... Не вполнѣ еще готовыя къ наступленію, войска уже съ мая прошлаго года *радостно привѣтствовали бы* переходъ въ наступленіе противника. Но японцы, потрясенные потерями подъ Мукденомъ, полгода оставались на мѣстѣ, ожидая нашего перехода въ наступленіе". (А мы должны были поневолѣ ожидать распоряженій маршала Оямы и наступленія болѣе благопріятныхъ для него обстоятельствъ!)

„При недостаткѣ укомплектованій, еслибы мы дали развиться въ арміи болѣзненности, у насъ остались бы для боя только слабые кадры. Поэтому настоятельно было необходимо, не жалѣя силъ и средствъ, бороться, дабы сохранить для строя здоровымъ каждаго человѣка. И *я счастливъ признать*, что наши общія усилія дали рѣдкій результатъ: наши потери заболѣвшими были меньше, чѣмъ убитыми и ранеными. Матеріальная часть арміи находилась къ августу въ полномъ порядкѣ. Обмундированіе, снабженіе всѣми видами довольствія было обезпечено. Техническія средства возросли. Никогда наша армія не представляла такой грозной силы въ матеріальномъ и духовномъ отношеніи, какъ лѣтомъ 1905 года, когда *неожиданно* для дѣйствующихъ войскъ, кои увѣрены были въ неудачѣ переговоровъ въ Портсмутѣ и *горячо желали этой неудачи*, былъ заключенъ миръ, необходимый для внутреннихъ дѣлъ Россіи, но тягостный *для арміи*. Съ глубокимъ уваженіемъ къ чинамъ арміи вспоминаю, съ какой горестью была встрѣчена всѣми чинами вѣсть о мирѣ. Биваки войскъ какъ бы вымерли. У всѣхъ отъ мала до велика была одна тяжелая мысль: война кончена ранѣе достиженія побѣды надъ врагомъ.—Оглядываясь назадъ на недавнее боевое испытаніе, мы найдемъ утѣшеніе въ сознаніи исполненнаго долга передъ Государемъ и родиной въ мѣрѣ силъ нашихъ. Но въ срокъ, который былъ данъ намъ, этихъ силъ по разнымъ сложнымъ причинамъ оказалось *недостаточно*. Надо безбоязненно отдать себѣ отчетъ: какія же главныя причины, кромѣ недостаточной численности, препятствовали намъ быть побѣдителями ранѣе заключенія мира. *Прежде всего виновенъ въ этомъ я*, вашъ старшій начальникъ, ибо *мнѣ не удалось исправить въ періоды боевъ наши недочеты* духовные и матеріальные и не удалось еще шире воспользоваться несравненными сильными сторонами нашихъ войскъ. Матеріальные недочеты всѣмъ извѣстны: малое число штыковъ въ ротахъ (вслѣдствіе

отчасти малой заботливости о сохраненіи для боя возможно большаго числа рядовъ со стороны всѣхъ начальствующихъ лицъ), недостатокъ въ первое время горной артиллеріи, недостатокъ снарядовъ съ сильнымъ разрывнымъ дѣйствіемъ, недостатокъ пулеметовъ, недостатокъ техническихъ средствъ, средствъ передвиженія грузовъ и пр. Въ августѣ прошлаго года большая часть этихъ недочетовъ чрезвычайными усиліями военнаго министерства уже была пополнена. Недостаточное выясненіе положенія противника передъ боемъ и потому недостаточно сознательное, особенно при наступленіи, веденіе боя, и главное, недостатокъ инцiативы (у маршала Оямы,—см. выше) недостатокъ самостоятельности у частныхъ начальниковъ (напр. у ген. Грипенберга!) недостатокъ боевого одушевленія у офицеровъ и нижнихъ чиновъ, малое стремленіе къ подвигу, недостаточная взаимная выручка сосѣдей, недостатокъ непреклонной воли отъ нижняго чина до старшаго начальника, дабы доводить начатое дѣло до конца, несмотря ни на какія жертвы. Слишкомъ *быстрый отказъ*, послѣ неудачи иногда только передовыхъ войскъ, *отъ стремленія къ побѣдѣ* и вмѣсто повторенія атаки и подачи личнаго примѣра отходъ назадъ. Этотъ отходъ назадъ во многихъ случаяхъ, вмѣсто того, чтобы вызывать у сосѣдей увеличеніе усилій къ возстановленію боя, служилъ сигналомъ для отступленія и сосѣднихъ частей, даже не атакованныхъ. Въ общемъ среди младшихъ и старшихъ чиновъ не находилось достаточнаго числа лицъ съ крупнымъ военнымъ характеромъ, съ желѣзными, несмотря ни на какую обстановку, нервами, способными выдерживать безъ ослабленія почти непрерывный бой въ теченіе многихъ дней. Очевидно, ни школа, ни жизнь не способствовали подготовкѣ въ Великой России за послѣднія 40—50 лѣтъ сильныхъ, самостоятельныхъ характеровъ,—иначе они были бы въ значительно большемъ числѣ и въ арміи, чѣмъ то оказалось въ дѣйствительности. Нынѣ, непреклонною волею нашего Державнаго Вождя, Россіи даруются блага свободы. Съ народа снимается бюрократическая опека и ему предоставляется возможность свободнаго развитія и примѣненія своихъ сихъ на пользу нашей родинѣ. Будемъ вѣрить, что эти блага свободы, при хорошо поставленной школѣ, скоро отразятся благотворно на подъемѣ матеріальныхъ и духовныхъ силъ русскаго народа и дадутъ на Руси во всѣхъ сферахъ дѣятельности людей самостоятельныхъ, предпріимчивыхъ, обладающихъ широкою инициативою, крѣпкихъ тѣломъ и духомъ. Тогда обогатится этими силами и армія".

Въ обращеніи къ нижнимъ чинамъ основная мысль выражена гораздо короче: „Съ начала войны вы первые сдерживали напоръ превосходныхъ силъ противника, умирали, но не оставляли ввѣренныхъ вашей оборонѣ позицій, пока не получали приказа отсту-

пать... Не суждено намъ было довести войну до побѣднаго конца: когда мы возросли въ числѣ, укрѣпившись и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, армія съ горестью, но и съ глубокою покорностью приняла вѣсть о заключеніи мира. Разставаясь съ вами, я скорблю, что мнѣ не пришлось видѣть васъ побѣдителями въ тотъ срокъ (почти двухлѣтній!), который намъ былъ удѣленъ для борьбы съ храброю, высоко патріотичною, многочисленною націею. Мы можемъ съ чувствомъ уваженія вспомнить нашего храбраго врага. Увѣренъ, что и японцы отдадутъ должное храбрости, упорству и выносливости войскъ 1-й манчжурской арміи. Они *не могли не сознавать*, что продолжайся еще война—имъ пришлось бы перемѣниться съ нами ролями и начать отступать".

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Eugène Gilbert. France et Belgique. Etudes littéraires. стр. 400 (Paris, Plon-Nourrit).

Жильберъ извѣстенъ какъ авторъ очень обстоятельнаго историко-литературнаго труда, „Le Roman en France pendant XIX siècle“, и его новая книга, „France et Belgique“, является, по словамъ автора въ предисловіи, продолженіемъ и дополненіемъ первой книги. Замыселъ книги придаетъ ей интересъ, въ виду тѣснаго единенія между французской и бельгійской литературой за послѣдніе годы. Почти все, чѣмъ французская литература вліяла въ новѣйшее время на остальную Европу, почти всѣ самые видные представители новыхъ настроеній и формъ въ поэзіи, новыхъ формулъ въ философіи—уроженцы Бельгіи, продолжатели фламандскихъ и валлонскихъ традицій. Метерлинкъ, Верхарнъ, Роденбахъ и много другихъ опредѣляютъ своимъ творчествомъ основной характеръ новѣйшихъ литературныхъ теченій, то, что они внесли новаго въ идейную и эстетическую жизнь современности, и наиболѣе чуткіе таланты во Франціи идутъ далѣе по пути, указанному этими бельгійцами. Такимъ образомъ, говорить теперь о литературныхъ отношеніяхъ между Франціей и Бельгіей значитъ, казалось бы, отмѣчать роль Бельгіи въ передовой французской литературѣ.

Жильберъ, однако, подступаетъ къ своему сюжету съ совершенно другой стороны. Онъ устанавливаетъ духовную близость между двумя сторонами какъ-разъ въ томъ, что противоположно смѣлости и разрушительному духу новѣйшихъ поэтовъ и мыслителей. Онъ разбираетъ произведенія писателей, французскихъ и бельгійскихъ, въ которыхъ сильны традиціи, связь съ прошлымъ, и превозноситъ ихъ. Характеристики его при этомъ тенденціозны и ни съ одной изъ нихъ нельзя согласиться, въ виду ихъ отсталости. Но интересно прослѣдить ходъ мыслей писателя, представляющаго мнѣнія средней массы читателей, средняго французскаго общества. Книга Жильбера имѣетъ документальный интересъ уже въ виду того, что въ своемъ обзорѣ литературныхъ произведеній онъ отмѣчаетъ всѣ выдающіяся произведенія въ области беллетристики и литературной критики за послѣдніе годы. Это имѣетъ значеніе главнымъ образомъ по отношенію къ Бель-

гіи, такъ какъ многіе бельгійскіе романисты, заслуживающіе несомнѣннаго вниманія, неизвѣстны за предѣлами своей родины. Книга Жильбера знакомитъ съ ними довольно обстоятельно.

Самый крупный очеркъ въ „France et Belgique" посвященъ Полю Бурже, и даже не всему его творчеству, а двумъ послѣднимъ его романамъ, „L'Etape" и „Le Divorce", въ которыхъ съ наибольшей рѣзкостью сказался поворотъ романиста къ традиціонному католичеству, также какъ и его политическій консерватизмъ. Книгѣ Жильбера предпослано введеніе Поля Бурже, въ видѣ письма къ автору. Такимъ образомъ получается любопытный матеріалъ для характеристики этого романиста. Прежде онъ считался однимъ изъ самыхъ талантливыхъ и чуткихъ психологовъ среди поколѣнія, выросшаго на вліяніи Стендаля и Флобера, а теперь литературная критика почти совсѣмъ перестала интересоваться его нехудожественными, тенденціозными романами, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время они приняли консервативно-католическій характеръ.

Введеніе Бурже къ книгѣ Жильбера заключаетъ въ себѣ изложеніе его міросозерцанія и—что еще болѣе любопытно—попытку согласовать замыслы его первыхъ романовъ, имѣвшихъ въ свое время чисто литературную цѣнность, какъ „Disciple", „Mensonges", „Cruelle Enigme", съ его теперешними романами. Его автохарактеристика, однако, едва ли сможетъ вернуть ему прежнія симпатіи, окружавшія автора изысканныхъ, чуткихъ и художественныхъ „Essais sur la psychologie contemporaine" и первыхъ психологическихъ романовъ. Напротивъ того, она подчеркиваетъ идейный антагонизмъ Бурже съ духомъ современной свободы во всѣхъ областяхъ мысли. Любопытно только то, что во Франціи возможна столь убѣжденная защита консервативныхъ идей со стороны писателя, занимавшаго видное мѣсто въ художественной литературѣ.

Бурже доказываетъ, что идеи его не измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ писать, и по настоящее время. Въ первой серіи своихъ романовъ онъ только изучалъ духовную жизнь своихъ современниковъ, т.-е. былъ, по его собственному опредѣленію, трезвымъ и послѣдовательнымъ позитивистомъ и съ научной точностью наблюдалъ жизнь общества. Теперь же наступилъ моментъ выводовъ изъ прежнихъ наблюденій,—и оказалось, что систематическій позитивизмъ привелъ его къ традиціонализму, къ отстаиванію національныхъ традицій. Онъ отрицаетъ свое „обращеніе" въ католичество, приближающее его къ нео-католику Брюнетьеру, и устанавливаетъ единство своего міросозерцанія.

Любопытно то, что Бурже говоритъ о соединеніи позитивизма съ традиціонностью, какъ о характерной чертѣ современнаго мышленія

во Франціи. „Основная идея (idée maitresse) XVIII вѣка, наиболѣе произвольная, какъ и наиболѣе распространенная, заключалась въ признаніи непримиримаго антагонизма между разумомъ и традиціей. Основная мысль большинства тѣхъ, которые самостоятельны въ своемъ мышленіи въ настоящее время, заключается, напротивъ того, въ признаніи полнаго совпаденія между истинами, открытыми путемъ наблюденія, и принципами, которые исповѣдывались нашими предками въ силу преклоненія передъ авторитетами".

Этотъ взглядъ на современность едва ли даже требуетъ опроверженія,—до того очевидно, что Бурже глубоко ошибается, требуя, во имя позитивной науки, поворота назадъ, къ традиціонному католичеству и обскурантизму, отрицающему свободу мысли. Вмѣстѣ съ возвратомъ къ догматическому католицизму, Бурже возвращается и ко всѣмъ переживаніямъ условной морали. Онъ становится убѣжденнымъ и гнѣвнымъ проповѣдникомъ всѣхъ буржуазныхъ устоевъ, противъ которыхъ борется освобожденное сознаніе современнаго человѣчества. Изъ художника, подмѣчавшаго съ любовью всѣ болѣе тонкія движенія душъ, создающихъ для себя самихъ особую мораль, идущую въ разрѣзъ съ общепринятыми правилами жизни, Бурже сдѣлался оплотомъ шаблонной морали и клерикализма, основаннаго на слѣпомъ подчиненіи авторитету церкви. Онъ старается доказать въ предисловіи къ книгѣ Жильбера, что это не идетъ въ разрѣзъ съ научностью и позитивизмомъ,—но разсужденія его не убѣдительны. Въ нихъ онъ только подчеркиваетъ свою приверженность къ буржуазнымъ идеаламъ, свою рознь съ передовыми элементами въ литературѣ. Не онъ одинъ говоритъ о воскресающихъ религіозныхъ интересахъ;—но поэты и мыслители, далеко опередившіе Бурже и его буржуазныхъ единомышленниковъ, понимаютъ это въ смыслѣ обновленнаго мистицизма, исканія истины въ самоуглубленіи,—но никакъ не въ смыслѣ поддержки клерикализма съ его очень земными стремленіями. О высшей морали, о совершенствованіи жизненныхъ цѣлей говоритъ и Метерлинкъ въ „Сокровищѣ смиренныхъ", и многіе другіе;—но для Бурже мораль сводится къ поддержкѣ устоевъ современнаго общества—и какъ моралистъ, также какъ и въ своей защитѣ католическихъ догматовъ и традицій, Бурже остается теоретикомъ и глашатаемъ буржуазіи съ ея эгоистической условной философіей и этикой.

Идеи Бурже не представляютъ поэтому интереса. Учиться у него нечему. Опровергать его не стоитъ труда:—современная жизнь опровергаетъ его и его единомышленниковъ сама, создавая новыя нормы индивидуалистической морали. Но все же Бурже интересенъ исторически, какъ носитель идей, которыми живетъ еще значительная часть французскаго общества. Французская буржуазія еще вѣритъ въ себя,—

объ этомъ можно судить именно по такимъ увѣреннымъ идейнымъ защитникамъ ея, какъ Бурже. Вотъ почему такіе романы, какъ „Etape" и „Divorce", разсмотрѣнные въ книгѣ Жильбера, представляютъ несомнѣнный интересъ при всей ихъ тенденціозности и связанной съ этимъ нехудожественности.

Жильберъ—единомышленникъ Бурже и ставитъ очень высоко его новѣйшіе романы именно въ виду того, что въ нихъ ярко выступаетъ католическая тенденція автора. Онъ тоже говоритъ не о внезапномъ обращеніи Бурже въ католичество, а объ исполненіи ожиданій, вызванныхъ въ свое время лучшимъ изъ раннихъ романовъ Бурже, „Disciple". Въ немъ уже Бурже предостерегалъ молодое поколѣніе отъ чрезмѣрной интеллектуальности и призывалъ къ культу души, къ развитію двухъ основныхъ душевныхъ качествъ, силы любви и воли, и къ преклоненію передъ тайной непознаваемаго, простирающагося за предѣлы всякаго знанія. Въ этомъ воззваніи къ молодежи нельзя было, однако, предугадать будущаго защитника католической церкви и ея традицій. Это былъ призывъ въ духѣ всей современной литературы, устрашенной долгимъ господствомъ матеріализма и обращавшей умы на путь идеализма, исканія высшихъ нормъ нравственности и идеаловъ духовнаго совершенствованія. Но въ дальнѣйшихъ произведеніяхъ Бурже все яснѣе намѣчается путь къ утилитарнымъ цѣлямъ религіи. Жильберъ приводитъ слова Бурже, сказанныя имъ послѣ появленія „Cosmopolis" какому-то американцу: Бурже повторяетъ въ нихъ общія мѣста о томъ, что религія—въ смыслѣ слѣдованія велѣніямъ церкви — ограждаетъ отъ нравственныхъ паденій, описанныхъ имъ въ его романахъ. Паденія же эти онъ считаетъ неминуемыми, когда человѣкъ уступаетъ вліянію своихъ страстей и слабостей. Въ этомъ взглядѣ на роль церкви все совершенно условно. Вмѣсто убѣжденія въ истинѣ католическаго ученія—только оно и могло бы оправдать пропаганду церковнаго культа со стороны художника и мыслящаго писателя—Бурже довольствуется сознаніемъ практической пользы католичества. Кромѣ того, условное пониманіе добродѣтели и нравственнаго паденія, какъ слѣдованія голосу страстей, тоже характерно для буржуазнаго міросозерцанія Бурже.

Дополняя характеристику Бурже, его эволюціи въ сторону католичества и его теперешняго конечнаго сліянія съ католической церковью, Жильберъ приводитъ опять вполнѣ опредѣленное profession de foi романиста. Бурже изложилъ его въ бесѣдѣ съ А. Бриссономъ, написавшимъ послѣ бесѣды съ нимъ статью „о новой душѣ Поля Бурже". И въ этомъ позднѣйшемъ изложеніи своихъ взглядовъ, какъ и въ болѣе раннемъ, Бурже стоитъ на практической точкѣ зрѣнія; онъ доказываетъ, что вездѣ, гдѣ процвѣтаетъ католичество, возростаетъ чи-

стота нравовъ, а гдѣ католичество въ упадкѣ, нравы тоже падаютъ. Католичество, по его словамъ,—дерево, на которомъ цвѣтутъ добродѣтели, необходимыя для процвѣтанія общества. Это холодно-разсудочное отношеніе къ католичеству не имѣетъ ничего общаго съ искренней религіозностью художниковъ, воодушевленныхъ исканіемъ истины за предѣлами достижимыхъ знаній.

Взгляды Бурже опредѣляютъ его, какъ теоретика буржуазнаго строя, и два романа его, разобранные въ книгѣ Жильбера, проводятъ его теоріи въ изображеніи дѣйствительности. „Etape"—романъ на общественную тему. Католическая тенденція романа несомнѣнна: основой всѣхъ катастрофъ, обрушивающихся на изображенную авторомъ семью, является отсутствіе вѣры, равнодушіе къ церкви. У дѣтей атеиста, честнаго и добраго человѣка по природѣ, нѣтъ нравственной опоры, потому что отецъ не внушилъ имъ никакихъ опредѣленныхъ твердыхъ принциповъ вѣры, и они беззащитны среди жизненнаго вихря, среди страданій, окружающихъ обездоленныхъ въ жизни. На продолженіи всего романа Бурже часто возвращается къ нападкамъ на безвѣріе: оно уничтожаетъ то, что составляетъ пользу всякаго страданія, духовное просвѣтленіе, которое оно приноситъ, когда оно освящено религіознымъ чувствомъ. Польза страданія съ точки зрѣнія христіанской морали—одинъ изъ главныхъ догматовъ, исповѣдуемыхъ Бурже въ его романѣ, и наряду съ нимъ Бурже постоянно возвращается къ изображенію нравственной безпочвенности и душевнаго одиночества людей, лишенныхъ вѣры и безпомощныхъ въ часы испытаній. Вся жизнь героя романа Жана Монерона служитъ примѣромъ, доказывающимъ истину этихъ теоретическихъ положеній. Онъ—сынъ свободомыслящаго профессора, воспитавшаго дѣтей внѣ религіозныхъ принциповъ,—и видитъ пагубность безвѣрія на своихъ братьяхъ и сестрѣ. Послѣднюю соблазняетъ бездушный свѣтскій фатъ,—у нея нѣтъ религіозныхъ и связанныхъ съ ними нравственныхъ принциповъ, чтобы бороться противъ соблазна,—бросаетъ ее и доводитъ до отчаянія и преступленія. Два брата идутъ по дурной дорогѣ, становятся игроками и ворами подъ вліяніемъ своихъ инстинктовъ, своей жажды наслажденій. Ихъ судьба, вмѣстѣ съ любовью къ католичкѣ, дочери ученаго профессора, одного изъ вождей католической партіи, совершаетъ „чудо обращенія" въ душѣ Жана Монерона. Католичество торжествуетъ побѣду, привлекаетъ на свою сторону человѣка, выдающагося по уму и душевнымъ качествамъ,—и побѣда увѣнчана полнымъ банкротствомъ семьи атеиста. Удрученный бѣдствіями и позоромъ, постигшимъ почти всѣхъ его дѣтей, старикъ Монеронъ самъ идетъ просить у своего коллеги, католика, профессора Ферана, руку его дочери Бригитты для своего сына Жана—единственнаго, сохранившаго не-

запятнанную душу и честное имя, благодаря своей близости къ вѣрующимъ католикамъ и своей эволюціи въ сторону католицизма.

Помимо прославленія католичества и католической морали, Бурже проводитъ въ „Etape“ теорію общественнаго развитія—опредѣленно консервативную, идущую въ разрѣзъ съ индивидуалистическими и демократическими идеями современнаго передового человѣчества. Все несчастіе семьи Монероновъ Бурже объясняетъ—устами профессора католика Ферана, выразителя мыслей автора—чрезмѣрно быстрымъ и непослѣдовательнымъ развитіемъ демократизма. Монероны по происхожденію—крестьяне и, по его мнѣнію, не должны были сразу подняться на слишкомъ большую, для нихъ, культурную высоту. Основная мысль Бурже вполнѣ ясно и опредѣленно выражена въ словахъ профессора Ферана, объясняющаго Жану Монерону причину гибели его семьи: „Ни вашъ отецъ, ни вы,—говоритъ онъ,—не виновны въ этихъ бѣдствіяхъ. Несчастіе въ томъ, что ваша семья не развивалась естественнымъ образомъ. Вы оба—жертвы чрезмѣрнаго демократизма, принимающаго за общественную единицу индивидуальную личность. Вашему отцу и даже вамъ слишкомъ быстро привили высшую культуру. Вамъ недостаетъ выдержанности, постепеннаго духовнаго назрѣванія, безъ котораго переходъ изъ низшаго въ высшій классъ опасенъ. Вы сдѣлали слишкомъ большой скачокъ (vous avez brulé une étape) и платитесь теперь за главнѣйшую ошибку французской общественной жизни—за неподчиненіе основнымъ законамъ семьи“... Вотъ теорія, которую Бурже противопоставляетъ побѣдѣ демократизма во Франціи, обличая его пагубныя послѣдствія и повторяя на множество ладовъ, что внезапные переходы изъ низшихъ общественныхъ классовъ въ высшіе недопустимы, что въ каждый данный историческій моментъ есть опредѣленные классы, есть нормальныя семьи, есть общество,—а для того, чтобы семьи развивались и крѣпли въ своихъ основахъ, нужно время. Скачки пагубны. Для подкрѣпленія своей основной мысли Бурже рисуетъ типы выскочекъ изъ низшихъ классовъ, съ ихъ слѣпой любовью къ современному общественному строю, открывшему имъ пути къ жизненнымъ успѣхамъ, съ ихъ безразличіемъ къ язвамъ демократической французской республики, къ панамизму и другимъ позорнымъ явленіямъ. Нарушенъ законъ послѣдовательной эволюціи—и въ этомъ для Бурже причина бѣдствій современной Франціи.

Нужно отдать справедливость Бурже: его романъ написанъ сильно и нападки на идеи великой революціи, на современный демократизмъ, устанавливающій идеи равенства, продуманы и смѣлы. Такъ какъ, дѣйствительно, буржуазно-демократическій строй Франціи представляетъ достаточно матеріала для нападокъ, то Бурже этимъ искусно пользуется для своихъ цѣлей, для прославленія католическихъ традицій и прин-

циповъ условно-буржуазной морали. Вся положительная сторона его теорій, всѣ его нравственные и общественные догматы не убѣдительны и слишкомъ банальны, чтобы оказать какое-либо вліяніе,—но въ его критикѣ нравовъ демократической Франціи есть сила. Неправъ онъ только въ главномъ. Деморализація Франціи происходитъ не отъ чрезмѣрной свободы, не отъ равенства, а отъ искаженія этихъ понятій въ буржуазномъ строѣ.

Бурже, конечно, любопытенъ, главнымъ образомъ, не самъ по себѣ, а какъ представитель еще очень крѣпко засѣвшихъ въ французскомъ обществѣ понятій. Нельзя говорить о побѣдѣ свободомыслія, демократизма, объ освобожденіи отъ старыхъ переживаній и предразсудковъ въ области морали, пока появляются такіе романы, какъ „Etape“. Второй изъ новѣйшихъ романовъ Бурже, „Le Divorce“—въ томъ же родѣ, только болѣе слабый по исполненію: опять защита католической семьи и нападки на гражданскіе законы о разводѣ.

Книга Жильбера интересна, главнымъ образомъ, пространнымъ очеркомъ о Бурже, съ обстоятельной характеристикой его міросозерцанія. Жильберъ—тоже защитникъ традицій и относится къ Бурже съ величайшимъ почитаніемъ. Не раздѣляя этихъ симпатій къ автору „Etape“, интересно, однако, ознакомиться съ однимъ изъ самыхъ авторитетныхъ представителей анти-демократическаго теченія въ французскомъ обществѣ.

Изъ другихъ французскихъ романистовъ Жильберъ выдѣляетъ преимущественно тоже защитниковъ семейныхъ традицій и буржуазной морали. Онъ высоко ставитъ Рене Базена, автора романовъ, художественныхъ по языку и описаніямъ деревни; но его подкупаютъ не чисто литературныя качества романовъ Базена, а его вѣрность традиціямъ семейственности. Жильберъ останавливается поэтому съ любовью на романѣ Базена „La Donatienne“, гдѣ разсказана судьба крестьянки, оторванной отъ семьи (она нанимается кормилицей въ Парижъ) и изображена сила материнскаго инстинкта. Эдуардъ Родъ, моралистъ par excellence, конечно, тоже пользуется всѣми симпатіями критика, и изъ произведеній молодого моралиста, Андрэ Лихтенберже, онъ отмѣчаетъ главнымъ образомъ его философско-скептическую повѣсть „Monsieur de Migurac“, потому что въ немъ противопоставляются увлеченію идеями равенства и всѣми завоеваніями революціи ужасы террора. Романы двухъ знаменитыхъ французскихъ писательницъ, Марсели Тинэйръ и графини де-Ноайль, вызываютъ у критика много возраженій противъ чрезмѣрной свободы страстей, которую онѣ проповѣдуютъ.

Интересны въ книгѣ Жильбера характеристики нѣкоторыхъ бельгійскихъ романтиковъ, въ особенности Камилла Лемонье, соединяю-

щаго смѣлый реализмъ съ идеалистическими и религіозными настроеніями. Романъ Лемонье, разобранный въ книгѣ Жильбера, „Le Petit Homme de Dieu“, очень характеренъ въ этомъ отношеніи. Въ немъ изображена своеобразная жизнь въ фламандской деревушкѣ, гдѣ ежегодно устраивается процессія, изображающая всѣхъ дѣйствующихъ лицъ Новаго Завѣта. Все остальное время тихіе, задумчивые поселяне живутъ воспоминаніемъ о своихъ роляхъ въ процессіи, и жалкая реальная жизнь переплетается у нихъ съ пламенной жизнью воображенія, съ желаніемъ не выходить изъ священныхъ высокихъ настроеній и въ дѣйствительной жизни. Эти контрасты представлены Лемонье съ большимъ художественнымъ мастерствомъ.

Изъ другихъ, менѣе извѣстныхъ за предѣлами своей родины бельгійскихъ романистовъ Жильберъ отмѣчаетъ въ своей книгѣ Эд. ванъ-Зиппе, Э. Демольдера, графа Эмерика и другихъ. Рядъ очерковъ въ его книгѣ посвященъ также французскимъ и бельгійскимъ юмористамъ, затѣмъ бытописателямъ провинціальныхъ нравовъ, а также литературнымъ критикамъ, — такъ что въ общемъ получается очень обстоятельный обзоръ литературной жизни въ обѣихъ странахъ. Освѣщеніе Жильбера, какъ мы уже сказали, въ большинствѣ случаевъ тенденціозно въ виду его католическихъ и консервативныхъ воззрѣній, но это не мѣшаетъ документальному интересу книги.

Русскіе читатели прочтутъ съ интересомъ главу, посвященную Владиміру Каренину, автору русской біографіи Жоржъ-Сандъ. Книга В. Каренина (Варв. Дм. К—вой) появилась въ свое время по-французски, и Жильберъ отмѣчаетъ съ большимъ сочувствіемъ эрудицію и вѣрныя сужденія русскаго критика,—споря съ нимъ только въ вопросахъ объ отношеніи Жоржъ-Сандъ къ католичеству.

II.

Johannes Schlaf. Maeterlinck (Die Literatur, Band 22). Berlin, 1906, Bard u. Marquardt Verlag.

Въ серіи литературныхъ монографій, выходящихъ подъ редакціей Георга Брандеса (общее заглавіе серіи: „Die Literatur“), появился теперь томикъ, который представляетъ особый интересъ. Іоаннесъ Шлафъ—одинъ изъ главарей нѣмецкаго натурализма, авторъ книжки о Метерлинкѣ, пророкъ символизма и мистицизма въ новѣйшей литературѣ. І. Шлафъ—очень видный писатель. Драма, которую онъ написалъ въ сотрудничествѣ съ Арно Гольцемъ, „Familie Selicke“, и его собственная драма, „Meister Oelze“, положили начало натуралисти-

ческому діалогу на сценѣ, передачѣ жизненной атмосферы и будничной рѣчи, за которой чувствуется скрытый трагизмъ. Впослѣдствіи Шлафъ разошелся съ своимъ товарищемъ Гольцемъ; по общему мнѣнію, въ этомъ союзѣ вдохновляющая роль принадлежала Шлафу,—и его послѣдующія самостоятельныя произведенія обнаруживаютъ дѣйствительно большую изобразительность и серьезное пониманіе дѣйствительности, умѣнье вкладывать идейное содержаніе въ передачу жизненныхъ явленій, людей и будничныхъ событій.

Шлафъ до сихъ поръ остался убѣжденнымъ натуралистомъ;—противъ Зола, напримѣръ, онъ имѣетъ не его чрезмѣрно позитивное отношеніе къ смыслу жизни, а его романтизмъ, преувеличенность его обобщающихъ, почти аллегорическихъ образовъ. Тѣмъ любопытнѣе поэтому узнать, что онъ можетъ сказать о Метерлинкѣ, какъ онъ можетъ отнестись къ нему, толковать его драмы и его философію, не становясь на опредѣленно отрицательную точку зрѣнія.

Очеркъ Шлафа представляетъ, дѣйствительно, своеобразный интересъ. Это не обстоятельный историко-литературный этюдъ, — напротивъ того, за свѣдѣніями о Метерлинкѣ и безпристрастнымъ изложеніемъ и обсужденіемъ всѣхъ его произведеній въ отдѣльности, Шлафъ отсылаетъ читателя къ другимъ авторитетнымъ книгамъ о Метерлинкѣ. Его же интересуетъ, главнымъ образомъ, формулировка творчества Метерлинка въ цѣломъ, опредѣленіе его философскаго значенія для современности. Благодаря этому, очеркъ Шлафа является интересной попыткой установить соотношенія натурализма съ идеализмомъ, воплощеннымъ, быть можетъ, ярче всего въ драмахъ Метерлинка перваго періода и въ нѣсколькихъ его философскихъ книгахъ.

Самое оригинальное въ книжкѣ Шлафа—то, что онъ приводитъ въ связь Метерлинка съ натурализмомъ. На этомъ онъ строитъ признаваемое имъ высокое значеніе Метерлинка — именно въ созданномъ имъ новомъ искусствѣ, не имѣющемъ уже ничего общаго съ натурализмомъ. Связь эту Шлафъ устанавливаетъ очень опредѣленно: Метерлинкъ, какъ и Зола, чувствуетъ тяготѣніе къ Шекспиру, сильнѣе всего воспринимая въ немъ его глубокую скорбь о безсиліи человѣка передъ властью судьбы. Этотъ шекспировскій романтизмъ привелъ Зола къ научно-экспериментальному методу, къ изученію человѣка во власти, или, вѣрнѣе, въ рабствѣ наслѣдственности и другихъ роковыхъ законовъ природы. Отсюда—понятіе о „homme machinal" (автоматичности человѣка), проходящее черезъ все творчество Зола. Дальнѣйшимъ развитіемъ этого понятія, діалектики „homme machinal", доведенной до крайней своей точки, Шлафъ считаетъ творчество Метерлинка и устанавливаетъ такимъ образомъ тѣсную связь между натурализмомъ и новой романтикой настроеній. Творчество Метер-

линка—завершеніе діалектики homme machinal, опредѣляющей эволюцію натурализма, начиная съ Флобера. Дойдя до предѣловъ отчаянія, погрузившись въ глубину автоматичности человѣческой воли, Метерлинкъ пришелъ къ „метафизикѣ автоматичности" и открылъ на днѣ безсилія передъ событіями, передъ феноменальнымъ міромъ—понятіе свободы въ метафизическомъ, мистическомъ смыслѣ. Онъ открылъ на глубинѣ пассивности свободное самодовлѣющее индивидуальное самосознаніе, — и все его творчество заключается въ защитѣ его правъ, въ откровеніяхъ мудрости, скрытой въ „безмолвіи души".

Натуралистъ Шлафъ признаетъ логичность и органическую необходимость пути отъ натурализма и крайностей пессимизма къ мистическому идеализму. Въ творчествѣ Метерлинка эволюція натурализма, естественно, привела къ реакціи противъ него, къ его мистицизму, выросшему опять-таки вполнѣ органически на родинѣ средневѣковой мистики, въ Бельгіи, соединяющей романскіе и германскіе, фламандскіе и валлонскіе элементы. Начало движенія, достигшаго высшей точки развитія въ Метерлинкѣ, Шлафъ ведетъ отъ Лемонье, отца новѣйшей бельгійской литературы, реалиста съ мощнымъ темпераментомъ, изобразителя стихійныхъ силъ въ человѣкѣ и въ природѣ. Онъ подготовилъ путь двумъ писателямъ, которые обогатили европейскую культуру сознаніемъ скрытыхъ познавательныхъ и эмоціональныхъ силъ въ душѣ человѣческой. Этими писателями Шлафъ считаетъ Эмиля Верхарна, величайшаго французскаго лирика со времени Виктора Гюго—и Мориса Метерлинка. Въ Метерлинкѣ Шлафъ видитъ наиболѣе полное выясненіе и завершеніе „новыхъ путей" („die Moderne"—по теперешней нѣмецкой терминологіи) даже по сравненію съ другими наиболѣе видными представителями современной литературы, съ Ибсеномъ и Стриндбергомъ. Они не могутъ высвободиться изъ-подъ гнета пессимизма и скептическаго натурализма, а у Метерлинка намѣчаются съ самыхъ первыхъ его произведеній зачатки примирительнаго свѣтлаго міропониманія—и въ дальнѣйшемъ его творчествѣ его идеалистическій оптимизмъ крѣпнетъ, переходя въ послѣднее время въ полный позитивизмъ. На этомъ послѣднемъ, уже чисто позитивномъ періодѣ въ творчествѣ Метерлинка Шлафъ почти не останавливается, — онъ беретъ только то, что составляетъ характерныя черты Метерлинка, какъ мыслителя и какъ духовной личности. Анализируя ихъ, онъ опредѣляетъ Метерлинка какъ творца новаго культурнаго типа, какъ идеалъ „европейца", о которомъ говоритъ Ницше—т.-е. представителя новой общественности на основѣ индивидуализма, углубленнаго до мистики. Такое освѣщеніе придаетъ большую оригинальность сужденіямъ Шлафа и поднимаетъ идейное

значеніе его очерка. Важно, что онъ, убѣжденный и яркій представитель натурализма, доказываетъ истинность нео-идеализма и объясняетъ, что мистическія драмы Метерлинка и его философія не оторваны отъ жизни, а напротивъ того, обогащаютъ дѣйствительность углубленнымъ пониманіемъ ея цѣлей.

Въ лирикѣ Метерлинка, въ его „Serres chaudes“ Шлафъ видитъ еще непосредственное переживаніе натурализма, мрачность настроеній, вызванныхъ созерцаніемъ современныхъ культурныхъ центровъ съ ихъ безотрадной борьбой за существованіе; вся тоска безпочвеннаго и безцѣльнаго матеріализма городской жизни вылилась, по мнѣнію Шлафа, въ душно-напряженной лирикѣ „Serres chaudes“, въ которой только изрѣдка прорывается лучъ „новой надежды“, предчувствіе душевнаго кризиса, который укрѣпитъ современнаго человѣка въ его духовномъ самосознаніи. Съ такимъ толкованіемъ „Serres chaudes“ едва ли, однако, можно согласиться. Не пессимизмъ натуралистическаго міросозерцанія чувствуется въ этихъ странныхъ—и по своей гипнотизирующей мелодіи, и по волнующимъ образамъ — стихахъ,—а жажда разбить оковы условной культурности, вырваться въ стихію свободы, гдѣ душа можетъ обрѣсти свои права. Кромѣ того, нельзя отдѣлить „Serres chaudes“, признавъ этотъ сборникъ отзвуками стараго натурализма, отъ дальнѣйшаго творчества Метерлинка. Вся символика мистическихъ драмъ Метерлинка, всѣ образы, разсыпанные въ позднѣйшихъ его художественныхъ произведеніяхъ, собраны въ „Serres chaudes“, такъ что этотъ сборникъ составляетъ до нѣкоторой степени ключъ ко всему художественному творчеству Метерлинка.

Наиболѣе интересна въ очеркѣ Шлафа попытка установить связь Метерлинка съ новымъ идеаломъ общественности. Въ эпоху матеріализма царилъ безцвѣтный космополитизмъ, въ которомъ исчезали національные оттѣнки чувствованій. Метерлинкъ углубилъ и расширилъ понятіе европейской культуры, внеся въ него свое національно-фламандское мистическое чутье. Въ этомъ—его главное значеніе. Въ своихъ драмахъ онъ выясняетъ внутренній міръ человѣческой души, отдѣленный отъ всѣхъ жизненныхъ наслоеній, показываетъ душу въ быстро мелькающіе моменты полнаго самосознанія — и такимъ образомъ создаетъ исключительную въ своемъ родѣ драму душевныхъ событій, происходящихъ въ сферѣ „до-сознательнаго“. Трагизмъ, открытый имъ въ переживаніяхъ „типичной человѣческой души“ на той глубинѣ, гдѣ исчезаетъ жизненная дифференціація характеровъ и судьбы, приближаетъ его къ мистикамъ старыхъ временъ. Разница только та, что они были эпиками, повѣствователями о таинственномъ мірѣ „просвѣтленнаго сознанія“, а Метерлинкъ внесъ элементъ активнаго трагизма въ изображеніе тайнъ безсозна-

тельной жизни души. Эти свойства творчества Метерлинка, Шлафъ провѣряетъ на всѣхъ его драмахъ—и особенно ясно видитъ ихъ воплощеніе въ наиболѣе понятной изъ раннихъ пьесъ Метерлинка, въ „Intérieur“ (Тамъ внутри). Это—первый и исключительный примѣръ „драмы четвертаго измѣренія“, написанной такъ, что она становится вполнѣ возможной на сценѣ, производящей глубокое, вполнѣ ясное впечатлѣніе. Въ этой драмѣ и во всѣхъ другихъ чисто-символическихъ пьесахъ Метерлинка — до „Пелеаса и Мелизанды“—человѣкъ представленъ все болѣе и болѣе освобожденнымъ отъ индивидуальныхъ, дифференцирующихъ чертъ. Человѣкъ сведенъ къ „типичной душѣ“, какъ бы къ „духовной протоплазмѣ“, по выраженію Шлафа. И тогда, на глубинѣ освобожденнаго такимъ образомъ сознанія Метерлинкъ находитъ источникъ мудрости; она можетъ привести человѣка къ культурѣ, основанной на свободномъ и радостномъ исканіи справедливости безъ страха передъ судьбой, передъ событіями. Это созидательное творчество Метерлинка Шлафъ наблюдаетъ, начиная отъ „Пелеаса и Мелизанды“, въ особенности въ „Аглавенѣ и Селиземѣ“, гдѣ идеалъ активной любви ставится выше пассивной эстетической силы, культа красоты, и въ послѣдующихъ пьесахъ. Блѣдныя „маріонетки“, символы души, погруженной въ бездѣйствіе и созерцаніе, смѣняются жизненными характерами, сильно очерченными индивидуальностями. Это не реальные типы современной дѣйствительности, но это герои будущей культуры, будущей общественности, основанной на любви, на взаимномъ довѣріи, на единеніи и согласномъ исканіи свѣта. Тѣ же идеи Метерлинкъ проводитъ и въ своихъ философскихъ книгахъ, въ особенности въ „Сокровищѣ смиренныхъ“.

Таковъ цѣльный образъ поэта и философа Метерлинка, обрисованный въ очеркѣ Шлафа. Въ общемъ онъ—несомнѣнно вѣрный и цѣнный. Нельзя только согласиться съ оцѣнкой новѣйшихъ произведеній Метерлинка. Шлафъ видитъ въ нихъ подтвержденіе нео-идеализма Метерлинка и его высокихъ представленій о грядущемъ просвѣтленіи человѣчества. Намъ же они кажутся поворотомъ назадъ, къ современной французской позитивной наукѣ жизни. Но важны не отклоненія Метерлинка отъ своей цѣли, а положительные результаты его творчества, — а они прекрасно охарактеризованы въ очеркѣ Шлафа.—З. В.

НОВАЯ „ИСТОРІЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ" ЗА-ГРАНИЦЕЙ.

— Dr. A. Brückner. Geschichte der russischen Litteratur. Leipzig, 1905.

Живой интересъ, вызываемый за предѣлами Россіи ея новою и новѣйшею литературой, породилъ уже въ наукѣ Запада немало монографій, посвященныхъ выдающимся дѣятелямъ, завоевавшимъ себѣ европейское имя. Гоголь (которому въ годъ юбилея пришлось подвергнуться спеціальному изученію во французской диссертаціи), Тургеневъ, Достоевскій, Левъ Толстой, затѣмъ (изъ писателей послѣдней поры) Чеховъ и М. Горькій нашли себѣ біографовъ, критиковъ, комментаторовъ. Но, въ противоположность этой детальной, разрозненной разработкѣ частныхъ вопросовъ, необыкновенно скудно было число общихъ историческихъ обзоровъ, которые могли бы раскрыть передъ непосвященною, большою публикой (для строго научнаго труда, повидимому, не скоро настанетъ время) ходъ развитія творческой самодѣятельности русскаго народа, приведшій къ современному литературному движенію; опредѣлить основныя данныя, культурныя вліянія, успѣхи народнаго самосознанія, связи литературы съ ростомъ общественности, образованіе школъ и направленій, эволюцію литературныхъ родовъ, соотношеніе народнаго и личнаго элементовъ; ввести писателей въ подлинную обстановку ихъ поры и развернуть передъ читателемъ живую, связную и одухотворенную лѣтопись многовѣковой жизни. Въ циклѣ работъ этого рода могли пріобрѣтать значеніе такіе популярные обзоры, какъ книга Александра Рейнгольда, работа ревностнаго, преданнаго дѣлу и очень начитаннаго дилеттанта; являлись тутъ и спѣшныя обобщенія К. Валишевскаго; изъ курса въ восемь публичныхъ лекцій, прочитанныхъ въ 1901 году въ Lowell Institute (въ Бостонѣ), составилась вышедшая въ началѣ 1905 года книга П. А. Кропоткина „Ideals and realities in russian literature", бѣгло знакомящая съ древностью и даже съ восемнадцатымъ вѣкомъ, чтобы сосредоточиться на девятнадцатомъ столѣтіи и въ характеристикѣ отдѣльныхъ писателей (наприм. Тургенева, Толстого) дать много вѣрныхъ и глубокихъ оцѣнокъ и замѣчаній. Въ кругъ подобныхъ трудовъ вступаетъ теперь новѣйшій выпускъ лейпцигской серіи „Die Litteraturen des Ostens in Einzeldarstellungen". Научный авторитетъ слависта, взявшаго на себя выполненіе задачи; естественныя ожиданія, что въ разработкѣ русскихъ историко-литературныхъ вопросовъ проявлены будутъ тѣ же свойства, которыя отличаютъ другой

трудъ того же автора въ названной серіи: „Исторію польской словесности"; спеціальное изученіе предмета, независимость и широта взглядовъ въ связи съ блескомъ и выразительностью изложенія,— все это отводило книгѣ проф. Брюкнера почетное положеніе въ небогатой на Западѣ литературѣ предмета. Научное безпристрастіе, чуждое національныхъ счетовъ и предубѣжденій, было обезпечено, и въ самомъ фактѣ, что первая ученая и въ то же время общедоступная исторія русской словесности введена будетъ въ книжный обиходъ Европы именно *польскимъ* ученымъ, была своеобразная привлекательность.

I.

Съ первыхъ же словъ вступленія къ книгѣ, опредѣляющихъ великое культурное, воспитательное значеніе литературы для русскаго народа, намѣчается вдумчивое сочувствіе автора къ ней. Это впечатлѣніе усиливается по мѣрѣ роста и развитія самостоятельнаго національнаго творчества; когда же, въ началѣ двадцатаго вѣка, онъ характеризуетъ упроченное наконецъ значеніе русской литературной стихіи въ міровой культурѣ, сочувствіе проявляется заключительнымъ, торжествующимъ аккордомъ, — тѣмъ заявленіемъ, которое заканчиваетъ книгу: „die Welt kann ihrer nicht mehr entbehren", т.-е. „міръ не можетъ болѣе обойтись безъ нея"—безъ русской литературы. Въ гармоніи съ такимъ отношеніемъ къ дѣлу находится и большая ширь предпринятаго обзора, который отъ первыхъ литературныхъ памятниковъ доходитъ до явленій вчерашняго дня,—не только до Чехова, но даже и до М. Горькаго и Леонида Андреева,—и интересъ ко всѣмъ выдающимся проявленіямъ общественныхъ силъ, и осужденіе губительнаго вліянія самовластія, произвола, гнета. Авторъ желаетъ возстановить психическую исторію выдающихся писателей и нерѣдко создаетъ художественные портреты. Онъ анализируетъ, пересказываетъ много произведеній. За его очерками и картинами чудится немалая эрудиція, много настойчиваго труда. Такъ можетъ писать не равнодушный, безучастный лѣтописецъ чуждаго ему народнаго дѣла, но другъ и сочувственникъ его.

Таково общее впечатлѣніе, пока оно ограничивается контурами или главными, магистральными линіями. Оно влечетъ, манитъ вглубь обширнаго и богатаго фактами повѣствованія, побуждаетъ пройти шагъ за шагомъ вмѣстѣ съ обозрѣвателемъ весь путь его, раздѣлить съ нимъ трудъ добыванія выводовъ, опредѣленій, характеристикъ. Но, по мѣрѣ того, какъ двигается впередъ, вызванный сочувствіемъ, анализъ того, что такъ стройно, выразительно и колоритно высилось

передъ читателемъ, начинаютъ выступать неровности, пробѣлы, спорныя утвержденія,—и все очевиднѣе становится трудность достигнуть исчерпывающаго обладанія предметомъ и безусловной точности изложенія при отдаленіи отъ источниковъ и пособій, наконецъ отъ самой страны, среди которой возникла и развилась обозрѣваемая литература.

Планъ работы проф. Брюкнера, очевидно, обусловленъ былъ необходимостью принести извѣстныя жертвы общедоступности, избѣгать излишней спеціализаціи; онъ не допускалъ равенства и гармоніи между очерками отдѣльныхъ эпохъ, чтобы приберечь наибольшую полноту для новѣйшаго, современнаго періода, самаго важнаго въ глазахъ европейскаго читателя; придавалъ исторіи до-Петровской, даже позднѣйшей словесности значеніе введенія къ этому главному отдѣлу, и предрѣшилъ извѣстныя неудобства и недочеты. Сжатость и краткость въ особенности сказались въ обзорѣ судебъ литературы до XVIII-го вѣка. Авторъ, впрочемъ, предупреждаетъ, что изъ старины возьметъ лишь наиболѣе выдающіяся черты—„springende Momente“. Становясь на эту точку зрѣнія, можно ожидать, что имъ сдѣланъ будетъ тонкій выборъ фактовъ, основныхъ темъ и направленій словесности и мысли, наглядныхъ признаковъ ихъ роста въ до-Петровскую пору. Но обзоръ поспѣшенъ и скупъ. Задерживаясь по пути для того, чтобы высказать, напримѣръ, рѣшительное осужденіе дѣлу Меѳодія и Кирилла, или чтобы бѣгло отмѣтить „врожденный анархизмъ русскаго народа и его неспособность создать крѣпкій государственный строй“, онъ проходитъ мимо крупныхъ явленій или бѣгло очерчиваетъ ихъ.

Народная поэзія, конечно, заслуживала иной характеристики, чѣмъ та, которая, минуя обрядныя игры, духовные стихи, историческія пѣсни, бытъ скомороховъ и каликъ, богатства бытовой сказки, останавливается на былинахъ и притомъ даетъ о нихъ лишь общія свѣдѣнія, до такой степени избѣгающія назрѣвшихъ въ наукѣ воззрѣній, что, вопреки работамъ объ исторической основѣ богатырства, они утверждаютъ, что главныя лица эпоса неизвѣстны исторіи, а передъ лицомъ двухъ обильныхъ результатами школъ, раскрывшихъ внѣшнее, —восточное и европейское,—вліяніе на былину, выдвигаютъ предположеніе, что въ данномъ случаѣ былъ „vielleicht fremder Einfluss“. Но и для выдающихся произведеній ранней письменности не сдѣлано исключенія изъ суровой сжатости обзора. Моленіе Даніила Заточника не упомянуто вовсе, а Слову о Полку Игоревѣ отведена такая бѣглая характеристика, въ которой не выступаетъ въ истинномъ свѣтѣ ни художественное, ни бытовое, ни политическое, ни смѣло обличительное значеніе его. Во всякомъ случаѣ уже для тѣхъ мѣткихъ и

живыхъ очерковъ, которые авторъ впослѣдствіи посвящаетъ связямъ общественнаго движенія съ литературой, было бы цѣнно указать такія предвѣстія въ отдаленной древности. Проявленіе независимой религіозной мысли также недостаточно отмѣчено. Возникновеніе сектъ отодвинуто къ концу XV вѣка и связано съ ученіемъ „жидовствующихъ“; ихъ предшественники, стригольники XIV вѣка, развившіе свое религіозно-общественное ученіе среди республиканскаго быта Новгорода, вовсе не появляются передъ читателемъ. Вообще областной новгородскій вкладъ, такъ своеобразно выдѣляющійся на фонѣ древней словесности, наложившій свою печать на все, что ни сложилось въ предѣлахъ „народоправства“, на пѣсню, лѣтопись, повѣсть, религіозное движеніе, остался въ тѣни, и заявивъ, что „новгородская доля, по крайней мѣрѣ въ литературѣ, была очень скромныхъ размѣровъ“ (sehr bescheiden), историкъ не отступилъ потомъ отъ этого приговора.

Шестнадцатое столѣтіе, какъ пора перелома, привлекло уже больше вниманія автора, и ему удалась первая цѣльная характеристика— образъ Максима Грека, но рядомъ съ нею ни однимъ штрихомъ не вспомянута полная идеализма, свойственнаго апостоламъ типографскаго искусства, самоотверженная личность первопечатника Ивана Ѳедорова. Съ другой стороны, несмотря на необходимость обособлять среди начавшагося броженія охранительный оттѣнокъ мнѣній, Домострою приписано значеніе нравственнаго кодекса цѣлой эпохи, всего общества; самый же памятникъ, присвоиваемый обыкновенно Сильвестру, связывается здѣсь съ именемъ Адашева... Еще шагъ впередъ, и въ семнадцатомъ вѣкѣ передъ авторомъ встаетъ существенная для его плана задача прослѣдить подготовленіе Петровской реформы, ростъ сближенія съ Европой. Фактическая сторона, начиная съ этого отдѣла, становится богаче; сходство все еще бѣглаго снимка съ дѣйствительнымъ содержаніемъ эпохи замѣтно возрастаетъ, но попутно разбросаны по прежнему пропуски и недомолвки. Одни изъ нихъ касаются частныхъ вопросовъ и менѣе существенны. Такъ, изъ Боккачьо переводили въ ту пору не однѣ только шуточныя повѣсти (Schwänke); — прототипъ Шекспировскаго „Цимбелина“, повѣсть о генуэзскомъ купцѣ Бернабо, или новелла о Гисмондѣ и Гвискардѣ, съ ихъ сильно драматическимъ содержаніемъ, совсѣмъ не подходятъ подъ это опредѣленіе. Не упомянутъ вовсе любопытный фактъ переговоровъ перваго посольства въ Германію за театромъ и актерами съ такимъ выдающимся дѣятелемъ, задумывавшимъ реформу нѣмецкой сцены, какъ Фельтенъ. Въ замѣчательной повѣсти о „Фролѣ Скабѣевѣ“ эпизодъ, который кажется автору „донъ-Жуановскимъ“, не „перенесенъ въ Москву“, а разыгрывается въ дальней, новгородской

области. Высказанное по поводу маскарада Лжедмитрія въ Москвѣ мнѣніе о враждѣ народа къ переряживанію и маскированію совершенно преувеличено: — слѣдовало вспомнить о широкомъ раздольи святочныхъ и масленичныхъ игръ, и въ особенности о знаменитыхъ новгородскихъ окрутникахъ и ихъ процессіяхъ и поѣздахъ по улицамъ на „корабляхъ", уставленныхъ ряжеными. Важнѣе тѣ пробѣлы или неровности, отъ которыхъ тускнѣетъ идейная основа описываемаго періода. Значеніе проповѣдниковъ обновленія, выступающихъ впереди оживляющейся общественной мысли, слишкомъ очевидно связано съ позднѣйшими фактами того же рода, и проф. Брюкнеръ коснулся двухъ главныхъ дѣятелей. Но въ то время, какъ онъ снимаетъ съ типической личности Котошихина довольно схожій силуэтъ, причемъ называетъ дьяка-эмигранта предшественникомъ Герцена, —двадцать съ чѣмъ-то строкъ, посвященныхъ Юрію Крижаничу и бѣгло упоминающихъ о его панславизмѣ, приверженности къ наукѣ и реформаторскихъ идеяхъ, даютъ поверхностное понятіе объ одной изъ примѣчательнѣйшихъ личностей стараго славянства, съ ея сложнымъ духовнымъ богатствомъ, принесеннымъ въ даръ русскому народу, и достаточно, казалось бы, раскрытымъ новѣйшими изслѣдованіями. Къ Крижаничу авторъ могъ бы приложить пріемъ, удавшійся ему въ характеристикѣ Максима Грека (съ которымъ онъ же и сравниваетъ его). Если Котошихинъ сталъ у него предшественникомъ Герцена, то (помимо иныхъ правъ Крижанича на вниманіе) въ дѣятельности хорватскаго апостола русскаго просвѣщенія онъ могъ бы указать первое предвѣстіе идей славянофильства.

Вѣрною оцѣнкой Петровскаго преобразованія, какъ результата предшествовавшаго движенія на встрѣчу культурѣ Запада, заканчивается отдѣлъ, посвященный старой литературѣ. Тѣ „springende Momente", на которыхъ авторъ хотѣлъ остановиться въ ней, не помогли ему воспроизвести въ сжатыхъ, можетъ быть, но ярко освѣщенныхъ переходахъ творческое и идейное развитіе на пространствѣ вѣковъ. Онъ двигался впередъ, спѣшилъ, и во время этого форсированнаго похода многое осталось въ тѣни.

II.

Картина литературнаго движенія въ XVIII-мъ вѣкѣ уже стала полнѣе и обстоятельнѣе. Лица, произведенія, направленія изучаются и оцѣниваются по существу. Темпъ изложенія замедленъ, стали отчетливѣе фонъ и выдающіяся изъ него лица. Но спорнаго или неточнаго все еще немало. Къ самобытной, сложной личности Ивана Посошкова, у

котораго охранительныя заботы національнаго и религіознаго свойства соединялись съ искренней преданностью просвѣщенію и реформѣ, совершенно не можетъ подойти названіе „представителя доброй старины“ (ein Mann der guten alten Zeit). Его смѣтливыя общественно-экономическія воззрѣнія, привлекательная сторона которыхъ заключается въ томъ, что онъ видитъ благосостояніе страны не въ одномъ лишь накопленіи богатствъ, но въ довольствѣ всего народа, въ культурныхъ благахъ, правильномъ и справедливомъ строѣ, гуманномъ законодательствѣ, сведены исключительно къ заботамъ капиталистическаго характера. Трагическая же развязка судьбы мечтателя-прожектёра, чья рукопись „Книги о скудости и богатствѣ“, съ обличеніями лживыхъ и вредныхъ сотрудниковъ Петра, очутилась, послѣ смерти царя, въ рукахъ враговъ автора и вызвала арестъ его, заключеніе и смерть въ крѣпости, изложена такъ неопредѣленно, что легко можетъ быть понята, какъ неблагодарная отплата самого преобразователя усерднѣйшему его приверженцу. Личность другого, столь же типическаго, представителя народной энергіи, основателя правильнаго театра, Ѳедора Волкова, очерчена бѣгло и блѣдно, а примѣчательный, воспитывающій вкусъ неопытныхъ зрителей репертуаръ, который онъ привилъ молодой сценѣ,—лучшія драмы и комедіи Мольера, Гольберга, Вольтера, Дидро и др.,—не подходитъ подъ суровое опредѣленіе „alte Stücke“. Если въ оцѣнкѣ культурнаго значенія Екатерины борются такія противоположности, какъ недовѣріе къ искренности ея служенія прогрессу, и заявленіе, что она „была выше всей своей среды“ (не придворной же! этого нечего было бы доказывать,—стало быть, она вознесена надъ такими нравственно цѣльными, глубоко убѣжденными людьми, какъ Радищевъ или Новиковъ...),—то въ сужденіяхъ о ея главныхъ современникахъ мы встрѣчаемъ неменьшія колебанія.

„Врагу рабства“ Радищеву нельзя приписывать „Respect vor der Autocratie“ и утверждать, будто въ этомъ именно свойствѣ лежитъ причина его самоубійства,—тогда какъ изъ ссылки онъ вернулся неисправимымъ вольнодумцемъ, поражалъ радикализмомъ сочленовъ по коммиссіи преобразованій, и наложилъ на себя руки подъ вліяніемъ приступа ипохондріи, захваченной въ Сибири. Его многострадальную книгу,—цѣлую программу гуманно-либеральныхъ реформъ, освобожденія крестьянъ, свободы печати,—потрясавшую самыя основы самовластія, нельзя называть „совершенно невинной книгой“ (ein ganz unschuldiges Buch), но нѣсколькими страницами дальше все же утверждать, что имя Радищева „останется безсмертнымъ“. Представителю противоположнаго направленія, идеализировавшаго старину, Щербатову, отведена также несвойственная ему роль,—и притомъ

вмѣстѣ съ такою сторонницей европейской культуры, какъ кн. Дашкова, другъ западныхъ философовъ, руководительница академіи, дѣятельная сотрудница журналовъ. Оба они призваны олицетворять — два яркихъ Фонвизинскихъ образа круглаго невѣжества (sie spielten die *Prostakov* und *Skotinin*, das heisst die biedere Moral der vorpetrinischen Zeit).

Но и самому Фонвизину не посчастливилось. Екатерининская сатира, въ рядахъ которой онъ, конечно, занимаетъ не послѣднее мѣсто, просто „била лежачаго“,—такъ что мрачныя картины крѣпостничества въ „Недорослѣ“, знаменитыя деревенскія письма въ „Живописцѣ“, рѣзко сатирическія страницы у Радищева получаютъ значеніе безобиднаго упражненія надъ противникомъ, давно осужденнымъ и безсильнымъ. При этомъ бытовыя картины Фонвизина сливаются въ глазахъ нашего историка въ односторонній насмѣшливый колоритъ, такъ какъ у автора „Недоросля“ „отцы такъ же мало стоютъ, какъ и дѣти“,—весь смыслъ столь важнаго у комика противоположенія новаго, испорченнаго поколѣнія старшимъ предшественникамъ, типа Стародума, Правдина, Нельстецова, потерялся.

Еще нѣсколько неточностей (десятокъ-другой комедій Сумарокова превратился въ „Hunderte von Komödien“; „Энеида на изнанку“ Котляревскаго была написана не „im Volksdialect“, т.-е. какъ будто на народномъ великорусскомъ нарѣчіи, а явилась первымъ памятникомъ новой, самостоятельной *малорусской* литературы; вліяніе Стерна на Карамзина нельзя подвергать сомнѣнію, — оно засвидѣтельствовано имъ и въ „Письмахъ русскаго путешественника“, и въ повѣстяхъ),— и отдѣлъ о XVIII-мъ вѣкѣ приходитъ къ концу, представивъ, наряду съ указанными недочетами, вѣрныя и мѣткія сужденія и характеристики, напр. въ очеркѣ русскаго масонства, въ сравненіи братскаго опрощенія у Ивана Лопухина съ идеями Льва Толстого и т. д.

III.

Литературѣ XIX-го столѣтія, прологу къ новѣйшей словесности, отведено, конечно, еще болѣе почетное положеніе, чѣмъ фактамъ просвѣтительнаго періода. Съ этого отдѣла какъ будто начинается существенная часть книги, вступаетъ въ свои права психологія и политическая исторія, бѣглыя біографическія данныя превращаются въ цѣлые этюды (напр. о Гоголѣ, Достоевскомъ), набрасывается картина умственнаго движенія эпохъ, поколѣній; приняты во вниманіе новыя работы. Вниманіе критики останавливаютъ на себѣ детали; ихъ нельзя не указать, хотя бы списокъ ихъ и вышелъ весьма немалочисленнымъ.

Пламенный поэтъ-гражданинъ, человѣкъ энергическаго дѣла, Рылѣевъ характеризованъ какъ пессимистъ, — но, дѣйствуя на „изнѣженное племя переродившихся славянъ“, онъ вливалъ въ нихъ не скорбь и отчаяніе, а гражданское мужество. Большая часть жизни Грибоѣдова, проведенная на дипломатической службѣ въ Персіи или на Кавказѣ, получила характеръ повременныхъ „порученій“, съ которыми его посылали „на Кавказъ, въ Тифлисъ, Тегеранъ“. Планъ „Горя отъ ума“ зародился не въ 1816 г., а въ университетскіе годы, стало быть, до 1808 года. Чацкій по пьесѣ не племянникъ Фамусова, а только сынъ его друга. Грибоѣдова никогда никто не обвинялъ въ доносѣ на декабристовъ. Пушкина не ссылали въ Одессу, и не тамъ онъ встрѣтился съ Раевскими. Екатеринославъ, поѣздка на Кавказъ, въ Крымъ, жизнь въ Бессарабіи предшествовали переходу въ Одессу. Совершенно противорѣчатъ дѣйствительности утвержденія, будто Пушкинъ считалъ для себя „незаслуженнымъ оскорбленіемъ“ названіе русскаго писателя, что онъ всѣмъ сердцемъ стремился къ титулу *камергера* (heissersehnter Kammerherrntitel), что наконецъ онъ былъ... поклонникомъ кнута и цензуры! Ни Баратынскій, ни чувствительный лирикъ Нелединскій-Мелецкій не были князьями. Лермонтова не исключили изъ университета, „Казначейша“ не основана на происшествіи изъ его „гарнизонной стоянки въ Тамбовѣ“, потому что онъ никогда и нигдѣ не стоялъ съ полкомъ въ великорусской провинціи. Убійца поэта Мартыновъ не былъ его другомъ, но служилъ постоянною мишенью его нападокъ и насмѣшекъ.

Въ біографической канвѣ о Гоголѣ особенно много неточностей. Неудачи Гоголя въ Петербургѣ происходили не „вопреки всевозможному поощренію со стороны друзей и покровителей“, а *до* этихъ заботъ, во время борьбы за существованіе; послѣ же сближенія съ Пушкинымъ и Жуковскимъ судьба его сказочно измѣнилась. Происшествіе съ Пушкинымъ, — одинъ изъ источниковъ „Ревизора“, — имѣло мѣсто не въ Новгородѣ, а въ пору заволжской поѣздки за матеріалами для исторіи Пугачева. Тяжелое впечатлѣніе перваго представленія „Ревизора“ на Гоголя вызвано было не тѣмъ, что публика не поняла цѣли комедіи и неудержимо хохотала, а тѣмъ, что она слишкомъ хорошо поняла эту цѣль и озлобилась на автора. „Женитьба“ — не актъ изъ уничтоженной комедіи, а самостоятельное произведеніе. Гоголь уѣхалъ изъ Россіи не прямо въ Италію; тому предшествовали поѣздка по Рейну, жизнь въ Швейцаріи, гдѣ онъ возобновилъ работу надъ „Мертвыми Душами“, и зима, проведенная въ Парижѣ. Онъ прибылъ въ Римъ почти годъ спустя послѣ выѣзда изъ Россіи. Пушкинъ не выдумалъ покупку мертвыхъ душъ, какъ канву для романа, а передалъ Гоголю случайно слышанный разговоръ двухъ

дѣльцовъ. Наконецъ мучительно-болѣзненное состояніе Гоголя въ послѣдніе годы и подтвержденная множествомъ его показаній затрудненность его работы надъ вторымъ томомъ „Мертвыхъ Душъ" не даютъ возможности утверждать, что смерть Гоголя „вырвала его, казалось, изъ оживленнѣйшаго творческаго труда". Съ подобными недочетами, какъ-то случайно сгустившимися вокругъ гоголевскаго вопроса, нельзя не сопоставить другихъ, встрѣчающихся въ иныхъ позднѣйшихъ отдѣлахъ новой литературы. Таково, напр., мнѣніе, что Бѣлинскій покинулъ литературную дѣятельность и дружескій философскій кружокъ въ Москвѣ для Петербурга „съ радостью", тогда какъ этотъ переходъ связанъ былъ съ душевнымъ переломомъ; — что славянофилы напоминаютъ собой Чичикова во 2-мъ томѣ „Мертвыхъ Душъ" (?);—что нигилизмъ зародился въ аристократическихъ и оффиціальныхъ салонахъ послѣ 1840 года; что Базаровъ и Рудинъ—Zeitgenossen, и что въ 1852 г. *были* уже Базаровы, тогда какъ демократическій характеръ протеста не подлежитъ сомнѣнію, а идейная основа нигилизма—распространеніе новаго естествознанія и соціальныхъ ученій—прямо связана съ порубежной порой между пятидесятыми и шестидесятыми годами; — что Ив. С. Тургеневъ явился „пѣвцомъ (Sänger) старой, до-эманципаціонной Россіи" (приговоръ, опровергаемый далѣе самимъ же авторомъ); — что Герценъ, удалившись въ Англію, навсегда излечился отъ либеральныхъ иллюзій; — что университетская молодежь нѣкогда возносила до небесъ Каткова и т. д.

Колебанія и неровности въ выполненіи плана вредятъ порою ясности впечатлѣній, устойчивости сужденій. Такъ, изучая творчество Пушкина въ связи съ фактами его жизни, авторъ прямо переходитъ отъ юношескихъ поэмъ къ произведеніямъ зрѣлаго періода, не указавъ на такой рѣшающій моментъ, какъ примиреніе съ оффиціальнымъ строемъ, преобладаніе объективности, служеніе чистому искусству; затѣмъ, когда, слившись въ одну массу, разновременныя творенія обнаружили различіе въ направленіи и складѣ, дѣлается поворотъ назадъ, къ порѣ компромисса; возстановленъ біографическій пропускъ, избѣжавъ котораго, можно было бы наглядно прослѣдить художественную и идейную эволюцію поэта. Въ иномъ отношеніи вредитъ разногласіе выводовъ съ попутными приговорами о дѣятельности того или другого писателя. Отъ этого пострадала цѣльность образа Радищева, не могла не пострадать и характеристика Пушкина, приводящая, послѣ суровыхъ осужденій его личныхъ свойствъ, идейной отсталости, даже нравственныхъ недостатковъ, къ итогу, который отводитъ ему высокое мѣсто въ литературѣ; пострадала и оцѣнка Тургенева, въ которой, послѣ титула пѣвца дореформенной Россіи, обличенія малодушія (Kleinmuth), высказаннаго имъ въ 1876—

1877 г.г., признанія за нимъ неспособности понять требованія времени, и очень умѣреннаго отзыва даже о „Стихотвореніяхъ въ прозѣ", съ ихъ несомнѣннымъ отзвукомъ на эти требованія,—выносится заключительный вердиктъ, напоминающій признаніе заслугъ Пушкина. Но среди подобныхъ неровностей, пробѣловъ или недосмотровъ выдѣляются, какъ отдѣльные эпизоды, искусно выполненныя и психологически тонкія характеристики писателей и произведеній, очерки различныхъ моментовъ въ жизни общества, служащихъ фономъ литературнаго движенія. Таковы этюды о Лермонтовѣ, о внутренней исторіи Гоголя, о Герценѣ, Чернышевскомъ и его „Что дѣлать", о Добролюбовѣ и, въ особенности, о Салтыковѣ и его времени; неблагодарность къ великому сатирику со стороны ближайшихъ къ нему поколѣній выставлена съ большою горячностью и силой.

Чуткость автора къ идейному, общественному и художественному движенію, возрастая по мѣрѣ приближенія историческаго разсказа къ современной порѣ, дѣлаетъ послѣдній отдѣлъ его книги лучшимъ по полнотѣ, вѣрности тона, мѣткости оцѣнокъ. Короленко, Чеховъ, Горькій, Л. Андреевъ проходятъ передъ читателемъ въ ихъ значеніи для современности; въ Горькомъ авторъ ставитъ подвижника идеи выше художника, на Андреевѣ сосредоточиваетъ великія надежды. Живая характеристика самостоятельнаго проявленія народныхъ силъ въ новѣйшей литературѣ безконечно далеко отошла отъ парадоксально прозвучавшаго еще въ началѣ книги заявленія, будто въ Россіи „всякая литературная революція совершается свыше, по приказу" (von Oben, auf Befehl kommt),—заявленія, которое автору трудно было бы поддержать фактами (пришлось бы доказывать, что романтическое движеніе, байронизмъ, развитіе натуральной школы, побѣдное шествіе реализма, соціально-политическое направленіе шестидесятыхъ годовъ исходили отъ чьего бы то ни было предписанія). Въ краткій промежутокъ между окончаніемъ своего труда и выходомъ его въ свѣтъ (въ ноябрѣ) авторъ, сочувствующій освободительному движенію, успѣлъ даже отстать отъ быстро понесшихся событій, и на внушенный опытомъ прошлаго сомнѣвающійся вопросъ, не ослабѣетъ ли послѣ временнаго напряженія общественная энергія, не разобьются ли, не затеряются ли снова въ пескѣ волны движенія, жизнь дала отвѣтъ, превзошедшій ожиданія, разсѣявшій сомнѣнія. Но оживленная литературная лѣтопись доводитъ во всякомъ случаѣ читателя до послѣдняго, рѣшающаго момента, давая возможность оріентироваться среди сложныхъ явленій и теченій современности. На такомъ животрепещущемъ разсказѣ мы разстаемся съ литературнымъ начинаніемъ, задавшимся двойственной цѣлью научной зрѣлости и общедоступности, потребовавшимъ разысканій, обусловленнымъ не-

малыми трудностями и облеченнымъ въ прекрасную форму (напоминающую лучшія стороны удивительнаго изложенія у Вильгельма Шерера). Задача не могла, очевидно, быть выполнена сразу. Недостатки и пробѣлы были, при починѣ, быть можетъ, неизбѣжны. Но, перестроенная въ духѣ бо̀льшаго соотвѣтствія между изученіемъ старины, новизны и современности, послѣдовательно, органически слѣдящая за главными фазисами литературной и общественной эволюціи, избавленная отъ случайныхъ, наносныхъ ошибокъ, книга проф. Брюкнера въ слѣдующихъ своихъ изданіяхъ призвана, конечно, занять видное мѣсто въ европейской литературѣ популярной славистики.

Москва. Алексѣй Веселовскій.

М. С. ДРИНОВЪ.

Некрологъ.

28-го февраля скончался заслуженный профессоръ харьковскаго университета Маринъ Степановичъ Дриновъ, на 68-мъ году жизни. Смерть его произвела глубокое впечатлѣніе въ ученыхъ и университетскихъ кругахъ России, и особенно на родинѣ покойнаго въ Болгаріи. Князь Фердинандъ прислалъ прочувствованную телеграмму и своего представителя въ Харьковъ. Отъ болгарскаго правительства пріѣзжалъ на похороны министръ народнаго просвѣщенія Шишмановъ съ депутаціей. Всѣ славянскія академіи, въ которыхъ Дриновъ былъ членомъ, прислали харьковскому университету выраженія соболѣзнованія.

Покойный былъ весьма выдающимся славистомъ и много потрудившимся для блага своей родины патріотомъ. Такимъ образомъ, дѣятельность М. С. Дринова имѣетъ двѣ стороны: спеціально-ученую теоретическую и политическую практическую.

Какъ ученый, Дриновъ еще въ концѣ 70-хъ годовъ пріобрѣлъ солидный авторитетъ. А. Н. Пыпинъ называетъ его въ своей исторіи славянской литературы „важнѣйшимъ и уже вполнѣ по-европейски ученымъ историкомъ болгарскимъ“. Труды М. С. Дринова преимущественно по исторіи Болгаріи („Заселеніе Балканскаго полуострова“, „Южные славяне и Византія въ X вѣкѣ“, „О происхожденіи болгарскаго народа“, „Очеркъ исторіи болгарской церкви“ и мн. др.) высоко цѣнятся спеціалистами.

Изслѣдованія М. С. Дринова по болгарскому языку являются лучшими въ этой области. Неудивительно, что всѣ славянскія академіи и многочисленныя ученыя общества признали безспорныя ученыя заслуги покойнаго профессора.

Какъ преподаватель, М. С. Дриновъ оставилъ послѣ себя лучшую память. Онъ живо интересовался научнымъ интересомъ своихъ слушателей, охотно давалъ свои всегда цѣнныя указанія и умѣло руководилъ ихъ занятіями. Особенно полезны были совѣты Дринова молодымъ ученымъ, не только славистамъ, но и представителямъ другихъ спеціальностей: здѣсь опытъ, глубокія знанія и трезвость сужденій маститаго ученаго приносили несомнѣнную пользу.

Отказываясь отъ почетныхъ приглашеній (министромъ въ Болгарію, на каѳедру Дювернуа въ Москву), М. С. Дриновъ болѣе 30-ти

лѣтъ служилъ харьковскому университету. Въ коллегіальныхъ отношеніяхъ покойный держалъ себя безукоризненно и при уставѣ 1863 года принадлежалъ къ партіи, такъ называемой, либеральной, къ которой принадлежали лучшіе профессора харьковскаго университета (Потебня, Каченовскій, Цѣхановецкій и др.).

Чрезвычайно доброжелательное, тактичное и деликатное отношеніе къ членамъ коллегіи создало покойному немало друзей и окружило его атмосферой истиннаго уваженія.

Есть въ жизни М. С. Дринова періодъ въ высокой степени знаменательный. Теоретикъ, отвлеченный ученый волею судьбы привлекается къ практической, созидательной дѣятельности.

Объ этомъ періодѣ М. С., человѣкъ очень скромный, говорилъ рѣдко съ ближайшими друзьями. 1877 и 1878 годы онъ провелъ въ Болгаріи, куда отправился вмѣстѣ съ кн. Дундуковымъ-Корсаковымъ. На него была возложена задача организаціи народнаго образованія въ Болгаріи, и съ этой задачей Дриновъ справился превосходно. Его неусыпные труды признаны всей его родиной. М. С. былъ однимъ изъ творцовъ болгарской конституціи и виновникомъ избранія Софіи столицей Болгаріи, такъ какъ въ географическомъ и въ политическомъ и стратегическомъ отношеніяхъ этотъ городъ подходилъ гораздо больше Тырнова (предполагаемой столицы) къ роли политическаго центра страны.

М. С. Дриновъ горячо любилъ свою родину, сильно скорбѣлъ о ея судьбахъ, но не менѣе любилъ онъ и названную свою родину—Россію. Одаренный большимъ государственнымъ умомъ, тонкій знатокъ политики, М. С. прекрасно понималъ слабыя стороны нашей политики по отношенію къ славянамъ, но всегда упорно стоялъ за необходимость для Болгаріи добраго согласія и единенія со своей освободительницей.

Въ лицѣ М. С. Дринова сошелъ въ могилу не только видный ученый, образцовый историкъ и филологъ,—мы хоронимъ рѣдкій типъ мудраго, уравновѣшеннаго слависта-патріота, никогда не грѣшившаго тенденціозностью или исключительностью. Слѣдуетъ лишь пожелать, чтобы уравновѣшенное міросозерцаніе покойнаго, его всеобъемлющая любовь къ славянству пережили покойнаго въ родственной ему средѣ на много вѣковъ.

Л. Шепелевичъ.

Харьковъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 апрѣля 1906

Первая стадія выборовъ въ Думу.—Впечатлѣнія избирателя. — Общій тонъ отношенія крестьянъ къ „начальству" и къ „господамъ". — Выборы въ Государственный Совѣтъ и земство.—Казнь Шмидта.—Дѣло Спиридоновой.—Судебные процессы редакторовъ „Руси", „Нашей Жизни", „Начала" и др. — Безпримѣрная репрессія. — В. А. Крыловъ; В. И. Лихачевъ †.

Когда настоящая хроника появится въ печати,—въ двадцати-восьми губерніяхъ первой очереди, въ которыхъ днемъ губернскихъ избирательныхъ собраній назначено 26-е марта, уже окончательно опредѣлятся результаты выборовъ въ Государственную Думу. А теперь опредѣлился пока только составъ выборщиковъ. Еслибы дѣло происходило въ Англіи, то и теперь можно было бы съ большой точностью заключить о политической физіономіи Думы. Но у насъ, и послѣ завершенія второй выборной стадіи, нельзя будетъ съ вѣроятностью гадать не только о судьбѣ министерства 17-го октября, но рѣшительно ни о чемъ. Теперь же можно сказать одно: всѣ сужденія о предстоящей побѣдѣ или о предстоящемъ пораженіи той или другой изъ образовавшихся политическихъ партій—абсолютно произвольны. Высказанное нами въ прошломъ мѣсяцѣ предположеніе оправдалось: какъ крестьяне, такъ и землевладѣльцы, выбирали, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, не представителей партій, а *людей.* Мы видѣли списки выборщиковъ отъ городовъ, землевладѣльцевъ и отъ крестьянъ той губерніи, въ которой лично принимали участіе въ выборахъ. Только у первыхъ, дающихъ наименьшее число выборщиковъ, преобладали имена болѣе или менѣе политически-опредѣленныя. У вторыхъ—такихъ именъ была небольшая часть, а у третьихъ — мы не нашли почти ни одного.

Въ среду избирателей, баллотировавшихъ въ губернскихъ и даже въ уѣздныхъ городахъ, политическая агитація проникла—это фактъ, если не общій, то значительно распространенный. Объясняется онъ, конечно, прежде всего, тѣмъ, что законъ 11-го декабря влилъ въ съѣзды городскихъ избирателей чуть не поголовно всю уѣздную интеллигенцію, какъ живущую въ городѣ, такъ и живущую въ деревнѣ. Затѣмъ, въ городахъ, хотя и съ большими затрудненіями, все-таки устраивались предвыборныя собранія. Немалую роль, наконецъ, сыграли газеты.

Въ среду же избирателей, баллотировавшихъ въ съѣздахъ земле-

владѣльцевъ и уполномоченныхъ отъ волостей, агитація не проникла вовсе, или проникла въ видѣ рѣдкаго исключенія. Избраніе выборщиковъ прошло въ темную. Хорошо еще, если гдѣ были мѣстныя популярныя имена—популярныя, какъ имена земцевъ или просто хорошихъ людей. Тамъ хоть нѣсколько наблюдалось сосредоточеніе голосовъ. Гдѣ такихъ именъ не было, или было меньше, чѣмъ вакансій выборщиковъ, баллотировка по много разъ повторялась, и избраніе опредѣлялось такими факторами, какъ утомленіе избирателей, желаніе наконецъ покончить докучную выборную процедуру и т. п.

Не одни, думаемъ, внѣшнія препятствія помѣшали агитаціи выйти изъ городовъ. Думаемъ также, что и не одна сѣрость и малограмотность народныхъ массъ. Агитація потому не могла проникнуть въ деревню, что она не имѣла тамъ для себя конкретно опредѣленнаго объекта. Задаваться воздѣйствіемъ на всѣхъ крестьянъ и на всѣхъ мелкихъ собственниковъ уѣзда—объ этомъ не могъ мечтать, само собою разумѣется, ни одинъ самый прямолинейный агитаторъ. А кто попадетъ въ уполномоченные, стало извѣстно либо наканунѣ, либо въ самый день избранія выборщиковъ.

Въ газетѣ „Страна" ежедневно печатается таблица движенія выборовъ, въ которой даются цифры лицъ, подлежавшихъ избранію и избранныхъ, съ подраздѣленіемъ послѣднихъ на четыре категоріи: лѣвыхъ партій, центра, правыхъ партій и безпартійныхъ [1]). Возьмемъ таблицу, составленную на основаніи свѣдѣній по 16-е марта (№ 23) и остановимся на тѣхъ губерніяхъ, гдѣ уже избранъ полный комплектъ выборщиковъ. Въ могилевской губерніи, изъ 139 выборщиковъ 14 отнесено къ лѣвымъ партіямъ, 3—къ центру и 14—къ безпартійнымъ. Въ самарской, изъ 180-ти, 18—къ лѣвымъ, 5—къ центру, 15—къ правымъ, 5—къ безпартійнымъ. Въ тамбовской, изъ 180-ти, 18—къ лѣвымъ, 15—къ центру, 2—къ правымъ, 7—къ безпартійнымъ. Въ тверской, изъ 124-хъ, отнесено къ соотвѣтственнымъ четыремъ категоріямъ: 34, 23, 2 и 4. Въ уфимской, изъ 154-хъ—къ первымъ тремъ: 21, 6 и 1. Только въ московской, изъ 109-ти, разнесено по группамъ партій 100, и остались внѣ распредѣленія 9. Всего, изъ 2.578 выборщиковъ данныя о политическомъ міровоззрѣніи приведены о 708-ми (въ томъ числѣ 118 безпартійныхъ), а 1.870 — остаются полными „иксами".

---

[1]) Къ лѣвымъ партіямъ газета причисляетъ соціалъ-демократовъ, конституціоналистовъ-демократовъ, партію демократическихъ реформъ, партію свободомыслящихъ и вообще выборщиковъ „прогрессивнаго направленія"; къ центру — партію 17-го октября, торгово-промышленную и т. п., и вообще выборщиковъ „умѣренныхъ"; къ правымъ—партію правового порядка, монархистовъ и т. д.

Несмотря на такія неблагопріятныя условія, выборы, все-таки, кое-въ-чемъ обнаружили тонъ настроенія деревенскаго населенія. Самое крупное по значенію изъ непосредственно наблюдавшихся нами явленій—это рѣзко отрицательное отношеніе ко всякаго рода „начальству". Крестьяне, какъ давно извѣстно, не особенно точно различаютъ административное начальство отъ органовъ самоуправленія. Въ ихъ глазахъ и предводитель дворянства, и земскій начальникъ, и членъ или предсѣдатель земской управы, и становой приставъ, охватываются всеобъемлющимъ понятіемъ „начальства". „Довольно поначальствовали",—говорили на выборахъ нѣкоторые изъ нихъ, наименѣе сдержанные на языкъ. Большинство ничего не говорило, но систематично „прокатывало" начальниковъ. Въ цѣлой губерніи изъ тринадцати предводителей дворянства въ выборщики прошелъ одинъ; изъ многихъ десятковъ земскихъ начальниковъ—тоже одинъ; изъ состава уѣздныхъ земскихъ управъ—ни одного. Особенно намъ показались характерными слѣдующіе факты. Въ уѣздѣ, близко намъ извѣстномъ, въ числѣ членовъ мѣстной управы имѣется два крестьянина—люди самаго противоположнаго направленія, но одинаково популярные въ своихъ волостяхъ. Оба на выборахъ въ земскіе гласные обыкновенно проходили очень успѣшно. И оба дважды забаллотированы: на выборахъ уполномоченныхъ отъ волостныхъ сходовъ и на выборахъ отъ мелкихъ землевладѣльцевъ. Въ другомъ уѣздѣ забаллотированы: губернскій предводитель дворянства—крайній реакціонеръ, и мѣстный уѣздный—конституціоналистъ-демократъ.

Не рискованно ли обобщать это наблюденіе? Не случайно ли оно? Мы думаемъ, что нѣтъ. Мы склонны скорѣе считать обусловленными случайными обстоятельствами обратные примѣры—быть можетъ, давленіемъ, быть можетъ личными качествами того или другого должностного лица. Знающіе деревню уже давно замѣчали, что престижъ власти среди крестьянства неудержимо падаетъ. Только близорукость могла относить всецѣло на счетъ страсти сутяжничества и на счетъ происковъ „аблакатовъ" безконечное хожденіе крестьянъ по административнымъ и судебнымъ инстанціямъ и не видѣть въ этомъ другого показателя, болѣе глубокаго: отсутствія уваженія къ представителямъ власти, къ ихъ знаніямъ и правомѣрности. Создатель института земскихъ начальниковъ, графъ Д. А. Толстой, полагалъ, что возможно въ дѣлѣ устроенія мѣстной жизни оперировать исключительно на чувствѣ страха, и что развитіе страха передъ начальствомъ само собою приведетъ къ уваженію власти. Его преемники послѣдовательно проводили то же начало политическаго воспитанія гражданъ. Сколько трудовыхъ крестьянскихъ грошей ушло на штрафы за неснятіе шапокъ! Сколько оставлялось безъ отмѣны явно незаконныхъ рѣшеній, приго-

воровъ и постановленій! Сколько людей выслано въ Сибирь за неуважительное отношеніе къ чиновникамъ! Чего только не приносилось въ жертву развитію спасительнаго страха! Казалось бы, если отправная точка была правильна, крестьяне за пятнадцать лѣтъ должны были насквозь проникнуться безусловнымъ уваженіемъ къ авторитету судьи-администратора и властнаго попечителя ихъ быта и еще бо̀льшимъ—къ полномочному представителю мѣстнаго дворянства. Что̀ же получилось? Въ первый разъ довелось крестьянству сказать свое слово, и оно объединилось на лозунгѣ: „Довольно поначальствовали“... Дорогой цѣной досталась Россіи побѣда надъ основнымъ принципомъ реакціи восьмидесятыхъ годовъ. Но зато едва ли опять найдутся неразумные, которые снова станутъ повторять присказку о „властной рукѣ“? Миражъ, надѣемся, разсѣется безповоротно...

Въ связи съ отрицательнымъ отношеніемъ къ „начальству“, мы наблюдали такое же отношеніе къ „господамъ“ и отчасти къ духовенству. Особенно это замѣтно было на выборахъ уполномоченныхъ отъ мелкихъ землевладѣльцевъ. Гдѣ на предварительныхъ съѣздахъ крестьяне были въ большинствѣ, они систематично проваливали мелкихъ дворянъ-помѣщиковъ, внѣ всякаго соотношенія съ политической окраской баллотировавшихся. И это наблюдалось даже на такихъ съѣздахъ, на которыхъ нѣкоторые избиратели поражали, вообще, пассивностью и малымъ пониманіемъ важности момента. Ни о какомъ предшествующемъ сговорѣ или подговорѣ не пропускать „господъ“ на предварительныхъ съѣздахъ не можетъ быть и рѣчи. Собиравшіеся по повѣсткамъ, полученнымъ за три-четыре дня, крестьяне-собственники, не знающіе другъ друга и во всемъ другомъ напоминавшіе стадо овецъ, въ этомъ, наоборотъ, обнаруживали рѣдкое единодушіе.

Въ уѣздѣ, который мы имѣемъ въ виду, было образовано восемь предварительныхъ съѣздовъ. Собственники, явившіеся на съѣзды, представили въ совокупности 94 полныхъ ценза и выбрали уполномоченными: десять священниковъ и діаконовъ, двухъ мѣщанъ, одного дворянина и 81 крестьянина — преимущественно изъ владѣльцевъ одной, двухъ и до десяти десятинъ, т.-е., въ сущности, крестьянъ-общинниковъ, живущихъ на надѣльной землѣ и имѣющихъ, какъ подспорье, небольшой клочокъ земли купленной. Чуткое къ обидѣ духовенство въ нѣскольких случаяхъ, послѣ забаллотированія перваго священника, поголовно уходило со съѣздовъ, снимая свои цензы. Менѣе, чѣмъ на съѣздахъ мелкихъ землевладѣльцевъ, но все-таки та же рознь между „господами“ и крестьянами чувствовалась и на съѣздѣ уѣздномъ, т.-е. при избраніи выборщиковъ. Изъ крестьянъ уполномоченныхъ не явилось только девять. Крупныхъ собственниковъ прибыло изъ 73—около сорока. При такомъ соотно-

шеніи силъ, перевѣсъ былъ явно на сторонѣ крестьянъ. Въ виду того, что предварительные съѣзды были закончены лишь за два дня до уѣзднаго съѣзда, и попытка устроить наканунѣ предвыборное совѣщаніе не удалась, за невозможностью своевременно разослать уполномоченнымъ приглашенія, нѣсколько лицъ изъ крупныхъ собственниковъ рѣшили использовать для выясненія кандидатуръ хоть два часа, назначенные на запись явившихся. Едва, однако, всѣ собрались, крестьяне стали по одиночкѣ уходить, сначала въ корридоръ, затѣмъ на дворъ, и тамъ образовали свое совѣщаніе. Вернулись они съ готовымъ рѣшеніемъ: избрать одно опредѣленное лицо изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, а на всѣ остальныя вакансіи—непремѣнно крестьянъ. Затѣмъ они обратились къ намѣченному ими лицу съ просьбою объяснить значеніе Государственной Думы и „какъ будетъ насчетъ земли". Такимъ образомъ, вмѣсто предвыборнаго собранія, вышло нѣчто вродѣ лекціи. Всѣ старанія вызвать на разговоръ самихъ уполномоченныхъ были тщетны.

Послѣдующая подача записокъ и баллотировка шарами показали, между тѣмъ, всю необходимость не односторонней лекціи и совѣщанія на дворѣ, а именно предвыборнаго собранія—общаго, съ публичнымъ обмѣномъ мнѣній и съ взаимными опроверженіями однихъ взглядовъ другими. Когда пришлось писать записки, передъ всѣми—и крупными собственниками, и мелкими — сталъ неразрѣшимый вопросъ: кого писать? Для первыхъ писать имена только изъ своей среды было явно безцѣльно; а на чьихъ остановиться именахъ изъ уполномоченныхъ—неизвѣстно. Для вторыхъ имена желательныхъ и подходящихъ выборщиковъ были столь же неизвѣстны. Въ результатѣ абсолютное большинство голосовъ по запискамъ получилъ только одинъ кандидатъ. Началась баллотировка. Ящиковъ оказалось всего два, а число лицъ, предложенныхъ въ выборщики—64. Первый кандидатъ, имѣвшій 109 записокъ, конечно, прошелъ. За нимъ получилъ 77 шаровъ крестьянинъ, за котораго было подано 59 записокъ. Слѣдующій кандидатъ, при 46 запискахъ, получилъ 67 избирательныхъ шаровъ и 54 неизбирательныхъ. Потомъ выбранъ былъ еще одинъ 64 шарами противъ 57. Далѣе послѣдовательно были забаллотированы всѣ, получившіе отъ 12 до 38 записокъ. Время стало клониться къ вечеру и въ избирателяхъ почувствовалась усталость. Начались разговоры о томъ, что пора выборы кончить. Поставлены были на баллотировку два крестьянина, предложенные каждый восемью записками, и оба оказались избранными. Случайность ихъ избранія, полагаемъ, несомнѣнна. Еслибы они баллотировались ранѣе, то едва ли получили бы болѣе, чѣмъ по десятку шаровъ. А такъ какъ къ моменту ихъ баллотировки всѣ кандидаты съ двадцатью и

тридцатью записками уже стояли за конкурсомъ, и у избирателей остыла энергія для того, чтобы, пройдя весь списокъ предложенныхъ лицъ, вернуться къ потерпѣвшимъ неудачу при первомъ баллотированіи, то они и получили абсолютное большинство шаровъ. Очевидно, этимъ счастливцамъ помогла неравномѣрность шансовъ, всегда неизбѣжная, когда не всѣ предложенныя лица баллотируются одновременно. При каждой баллотировкѣ шарами должно обязательно сразу ставить столько ящиковъ, сколько предложено къ баллотировкѣ кандидатовъ. Только при этомъ условіи для всѣхъ получается равенство шансовъ.

На съѣздѣ уполномоченныхъ отъ волостей въ томъ же уѣздѣ случайность избранія была ничуть не меньшею. Въ тиши петербургскихъ канцелярій привыкли считать крестьянъ уѣзда и даже цѣлой губерніи чѣмъ-то единымъ, компактнымъ, слагающимся не изъ индивидуумовъ, а изъ сѣрой, безцвѣтной массы. Кого эта масса изъ себя выдѣлитъ и какъ она найдетъ въ своей средѣ истинныхъ выразителей ея идеаловъ—этимъ канцеляріи не интересуются. Только такимъ воззрѣніемъ можно объяснить распоряженіе о производствѣ выборовъ уполномоченныхъ, буквально, за сутки до дня съѣзда. Въ уѣздѣ—30 волостей, и собралось 60 уполномоченныхъ для избранія девяти выборщиковъ. Давно они между собой судили и рядили и пришли къ заключенію, что самое лучшее бросить жребій—по крайней мѣрѣ, никому не будетъ обидно. Отъ жеребьевки ихъ кое-какъ удалось отговорить. Но, отговаривая, приходилось выслушивать чрезвычайно вѣское возраженіе: „а кого выбирать, когда мы другъ друга не знаемъ?“ На запискахъ многіе написали по одной или по двѣ всего фамиліи—надо думать каждый писалъ себя и лично знакомыхъ. Голоса, конечно, раздробились. Баллотировать пришлось всѣхъ поголовно, и лишь по второму разу кое-какъ набралось нужное число выборщиковъ.

Что именно заставляетъ крестьянъ стремиться пройти въ Думу самимъ и забаллотировывать „господъ“? Справедливость требуетъ сказать, что немалую роль играютъ въ этомъ десять рублей суточныхъ, полагающихся членамъ Думы. Среди крестьянъ суточныя въ такомъ, съ ихъ точки зрѣнія, колоссальномъ размѣрѣ еще съ осени были предметомъ самыхъ оживленныхъ толковъ. Слухи о нихъ росли и доросли до того, что будто бы по десяти рублей полагается и за дни выборовъ. Намъ доводилось видѣть не одного выборщика, спрашивавшаго по окончаніи баллотировки слѣдуемые ему десять рублей и уходившаго, послѣ отказа, искренно разочарованнымъ. Но, само собою разумѣется, было бы большой ошибкой объяснять явленіе цѣликомъ денежной приманкой. Корни его—въ сорокалѣтнемъ прошломъ. 19-ое февраля 1861 г. не могло сразу, вдругъ, заполнить пропасть

между рабовладѣльцами и рабами. Для ея заполненія нужны были многіе годы и многія реформы. Первые шаги на этомъ пути были, правда, сдѣланы — реформами судебной и земской. Но за первыми шагами не только не послѣдовали вторые, а, напротивъ, началось сплошное движеніе назадъ, если не въ смыслѣ возсозданія крѣпостной зависимости, то въ смыслѣ поддержанія сословныхъ различій и сословной розни. Откуда же могло явиться у крестьянъ довѣріе къ „господамъ"? Въ ихъ глазахъ всѣ люди, не занимающіеся физическимъ трудомъ, органически, такъ сказать, имъ чужды. Сами, по отсутствію умственнаго развитія и вслѣдствіе вѣчной борьбы съ нуждой, далекіе отъ всего отвлеченно-идейнаго, кромѣ области религіозной, они и въ другихъ всегда готовы заподозрить стремленіе къ торжеству классовыхъ интересовъ. Не даромъ послѣ 17 октября крестьяне говорили: „господа для себя получили конституцію, а почему же намъ ничего не дано"?..

Долго еще придется считаться съ роковыми ошибками эпохи реакціи! Много еще времени пройдетъ, прежде чѣмъ исчезнутъ „господа" и „мужики", и народится единый русскій свободный гражданинъ!.. Весьма печально будетъ, если и на окончательныхъ выборахъ крестьяне станутъ держаться той же политики. Дума, сплошь крестьянская, будетъ, въ лучшемъ случаѣ, собраніемъ живыхъ свидѣтелей того тупика, въ который уперлась деревня, и въ которомъ она безсильно бьется, ища выхода. Не только ей не удастся реализовать средства и способы разрѣшенія всѣхъ нашихъ бѣдъ въ формѣ законодательныхъ актовъ, но даже намѣтить эти средства ей будетъ не по силамъ. У деревни еще меньше готовыхъ политическихъ идеаловъ, чѣмъ у города. Съ другой стороны, хотя отрицательное отношеніе къ органамъ власти заложено въ крестьянахъ столь же прочно и глубоко, какъ и недовѣріе къ „господамъ", правительство, все-таки, при желаніи, всегда найдетъ множество способовъ сдѣлать крестьянскую Думу декоративнымъ украшеніемъ. Послѣ первыхъ результатовъ выборной кампаніи сановные администраторы уже стали усиленно поговаривать, что Россія царство мужицкое, и что чѣмъ больше пройдетъ въ Думу крестьянъ, тѣмъ будетъ правильнѣе и лучше...

Одновременно съ выборами въ Государственную Думу идутъ выборы въ Государственный Совѣтъ. Мы держимся того мнѣнія, что двухпалатная система представительства предпочтительнѣе однопалатной, но мы отнюдь не можемъ себя причислить къ сторонникамъ той искусственной комбинаціи идеи народнаго представительства, выражаемой Думой, и бюрократическаго начала, выражаемаго Совѣтомъ,

которую создалъ законъ 20 февраля. Это—не система, а сочетаніе несочетаемаго, ибо основной элементъ состава Совѣта суть члены по назначенію. Имъ, внѣ сомнѣнія, будетъ принадлежать руководящая роль, и они, столь же внѣ сомнѣнія, принесутъ въ новое учрежденіе традиціи того „высшаго въ государствѣ сословія", которое рѣдко когда грѣшило стойкостью убѣжденій и привыкло къ вершенію дѣлъ „вопреки" принятому имъ „мнѣнію".

Любопытна мелкая чёрточка, характеризующая отношеніе составителей закона о выборахъ въ Государственный Совѣтъ къ земству. Всѣ учрежденія—дворянскія общества, академія наукъ, совѣты университетовъ и совѣты торговли и мануфактуръ—производятъ избраніе выборщиковъ изъ своей среды, т.-е. каждый участникъ дворянскаго собранія, каждый академикъ и ординарный профессоръ университета или членъ совѣта торговли и мануфактуръ и т. п. можетъ пройти въ выборщики и за симъ въ члены Государственнаго Совѣта, если только онъ соотвѣтствуетъ общимъ условіямъ подданства, возрастнаго и образовательнаго ценза и неопороченности по суду. Для земскихъ же учрежденій установлено еще особое ограниченіе. „Каждое губернское земское собраніе,—говоритъ законъ,—выбираетъ по одному члену Государственнаго Совѣта изъ числа: а) лицъ, владѣющихъ въ губерніи, на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія, а въ отношеніи горнозаводскихъ дачъ также и на поссесіонномъ правѣ, не менѣе трехъ лѣтъ, пространствомъ обложенной сборомъ на земскія повинности земли, въ три раза превышающимъ количество земли, дающее право на непосредственное участіе въ земскихъ избирательныхъ собраніяхъ; и б) лицъ, владѣющихъ въ губерніи, на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія, а въ отношеніи горнозаводскихъ дачъ также и на поссесіонномъ правѣ, не менѣе того же трехлѣтняго срока, пространствомъ обложенной сборомъ на земскія повинности земли, дающимъ право на непосредственное участіе въ земскихъ избирательныхъ собраніяхъ, если лица сіи прослужили не менѣе двухъ выборныхъ сроковъ, въ должности губернскаго или уѣзднаго предводителя дворянства, предсѣдателя губернской или уѣздной земской управы, городского головы или почетнаго по выборамъ мирового судьи".

Такимъ образомъ, съ одной стороны, права земскихъ собраній нѣсколько шире: они могутъ избирать не только изъ своей среды. Но вмѣстѣ съ тѣмъ права ихъ и уже: изъ своей среды имъ предоставляется избирать лишь нѣкоторыхъ привилегированныхъ гласныхъ. Несовпаденіе по объему пассивнаго и активнаго избирательнаго права имѣло примѣры въ исторіи и, если намъ не измѣняетъ память, допускается нѣкоторыми изъ современныхъ конституцій. Поэтому

установленіе подобнаго порядка въ неземскихъ губерніяхъ, гдѣ избраніе производится не органами мѣстнаго самоуправленія, а спеціально образуемыми только для выборовъ съѣздами, еще не встрѣчаетъ неустранимыхъ возраженій. Порядокъ этотъ не встрѣтилъ бы такихъ возраженій даже въ приложеніи къ дворянскимъ собраніямъ, такъ какъ въ ихъ составъ входятъ дворяне губерніи не по уполномочію, а по личному праву. Въ приложеніи же къ губернскимъ земскимъ собраніямъ онъ не можетъ быть рѣшительно ничѣмъ оправданъ. Земское собраніе—постоянный органъ мѣстнаго самоуправленія, въ которомъ всѣ гласные одинаково полноправны и равноправны. Образуютъ собраніе не всѣ владѣльцы имущественнаго ценза; его образуютъ лица, прошедшія черезъ избраніе, и для участія въ собраніи губернскомъ—черезъ двойное. При такихъ условіяхъ, дѣленіе баллотирующихъ на привилегированныхъ и безправныхъ глубоко нарушаетъ достоинство баллотирующаго учрежденія. Намъ скажутъ, пожалуй, что подобнымъ образомъ производились по положенію 1864 г. выборы участковыхъ мировыхъ судей и теперь производятся выборы—почетныхъ. Но развѣ это оправданіе? Можно ли одной неправильностью, къ тому же меньшаго значенія, оправдывать другую, значенія неизмѣримо большаго?

Еще одна чёрточка изъ закона 20-го февраля. Суточныя деньги для членовъ Государственнаго Совѣта опредѣлены въ размѣрѣ двадцати-пяти рублей. Зачѣмъ понадобилось увеличивать въ два съ половиной раза размѣръ, установленный для членовъ Думы? Неужели для того, чтобы у лицъ состоятельныхъ классовъ усилить жажду попасть въ Совѣтъ? Или, быть можетъ, этимъ думали поднять рангъ членовъ Совѣта надъ членами Думы?.. При избраніи выборщиковъ въ дворянскомъ собраніи намъ довелось слышать подробный разсчетъ разорившагося дворянина, не скрывавшаго мечты о двадцати-пятирублевыхъ суточныхъ, сколько изъ нихъ сложится тысячъ въ годъ...

Въ извѣстной рѣчи покойнаго Вл. С. Соловьева, которую онъ говорилъ въ тотъ моментъ, когда судьи по дѣлу 1-го марта 1881 г., закончивъ судебное слѣдствіе, совѣщались о приговорѣ, имъ была произнесена такая фраза: „смертная казнь претитъ духу русскаго народа". Затѣмъ, при гробовомъ молчаніи публики, наполнявшей залъ Кредитнаго Общества, Соловьевъ сказалъ: „судъ вынесетъ смертный приговоръ: судъ обязанъ это сдѣлать и не можетъ ничего сдѣлать другого... Но нашъ царь, носитель и выразитель идей русскаго народа—онъ долженъ даровать жизнь преступникамъ!.." Да, смертная казнь претитъ духу русскаго народа! Спеціальная и общая литера-

тура даетъ блестящее тому подтвержденіе. Въ то время, какъ на Западѣ и до сихъ поръ нѣтъ-нѣтъ и вдругъ раздастся голосъ теоретика въ оправданіе наказанія смертью, у насъ нельзя назвать ни одного сколько-нибудь замѣтнаго криминалиста, который бы не пытался вложить и свою лепту въ пользу скорѣйшаго уничтоженія этого жестокаго и ненужнаго наслѣдія варварства. А общая литература! Безчисленное множество разъ въ ней трактовался вопросъ о смертной казни и всегда въ одномъ направленіи... Въ устахъ Соловьева—принципіальнаго защитника царскаго абсолютизма — слова, обращенныя къ царю, имѣли глубокое внутреннее значеніе. Онъ не просилъ, не убѣждалъ; онъ говорилъ: „царь долженъ". Ибо все оправданіе абсолютизма, по Соловьеву — въ вѣрности олицетворенія царемъ народнаго духа. Положительный законъ, пока онъ существуетъ и не отмѣненъ, неподвиженъ и мертвъ. Самодержавный царь—и въ этомъ Соловьевъ видѣлъ значеніе идеи абсолютизма — стоитъ надъ закономъ, дабы творить живую правду...

Едва ли когда раньше вопросъ о смертной казни такъ волновалъ все русское общество, какъ въ теченіе первой половины минувшаго марта. Сначала общество съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдило за ходомъ очаковскаго процесса о лейтенантѣ Шмидтѣ. Затѣмъ, послѣ вердикта суда, оно уже не напряжено было—оно трепетало. „Повѣсятъ, или не повѣсятъ?"—стояло неотступнымъ мучительнымъ вопросомъ. Страстное желаніе, чтобы не повѣсили, заставляло надѣяться... Пришло извѣстіе: повѣшеніе замѣнено разстрѣляніемъ... И все-таки надежда продолжала копошиться... Телеграфъ оповѣстилъ: въ четыре часа утра, на островѣ Березани, Шмидтъ и три матроса разстрѣляны... Не будемъ спрашивать: за что? Не будемъ говорить, велико или нѣтъ совершенное Шмидтомъ преступленіе. Спросимъ: зачѣмъ? Какая цѣль достигнута лишеніемъ его жизни? Неужели за крѣпкими стѣнами и замками очаковскаго каземата онъ былъ опасенъ государству? Неужели государство настолько утратило силу, что не могло сдѣлать его безвреднымъ? Или, быть можетъ, онъ разстрѣлянъ для устрашенія возможныхъ будущихъ преступниковъ? Такъ вѣдь имя Шмидта отнынѣ окружено ореоломъ геройства и мученичества за свободу... Его посмертная слава развѣ можетъ устрашить? Развѣ она не манитъ къ себѣ?..

Въ смертной казни всего ужаснѣе ея безповоротность. Всего противнѣе—кровожадная мстительность могущественнаго государства тому, кто лишенъ уже возможности вредить...

Кромѣ дѣла Шмидта, приковывали къ себѣ вниманіе смертные приговоры за газетныя статьи въ Читѣ и дѣло несчастной Спиридоновой. Она тоже присуждена къ смерти, но военный судъ постано-

вилъ ходатайствовать о смягченіи наказанія. Спиридонову защищали защитникъ по назначенію—эсаулъ Филимоновъ и присяжный повѣренный Н. В. Тесленко. Первый закончилъ свою рѣчь слѣдующимъ обращеніемъ къ суду. „Гг. судьи, я такъ же, какъ и вы, выросъ въ военной средѣ, посвящающей всю свою жизнь военному дѣлу. Мы всѣ воспитаны въ сознаніи необходимости прямо и смѣло смотрѣть въ глаза смерти, а въ случаѣ необходимости причинять ее и другимъ. Но я такъ же, какъ и вы, твердо знаю, что рука честнаго воина даже въ пылу брани, въ самомъ горячемъ бою не опускается на голову женщины. Мы знаемъ, что военные люди женщинъ не убиваютъ. Вотъ почему я съ безпокойствомъ и трепетомъ смотрю на ваши лица, чтобы прочесть въ нихъ ваши намѣренія... Я хочу вѣрить и вѣрю, что ваши руки, предназначенныя для удара въ открытомъ честномъ бою, не подпишутъ смертнаго приговора этой несчастной дѣвушкѣ. Я вѣрю, что вы найдете законный исходъ изъ вашего тяжелаго, безотраднаго положенія. Исходъ этотъ подскажетъ вамъ ваша совѣсть, указаніе на него даетъ вамъ и законъ. Я же позволю себѣ обратиться къ вамъ, моимъ собратьямъ по оружію, съ горячей мольбой: не забывайте, подписывая приговоръ, что военные люди не убиваютъ женщинъ"... „Вы выслушали—сказалъ, между прочимъ, другой защитникъ—потрясающую повѣсть подсудимой о нечеловѣческихъ мученіяхъ, которымъ ее подвергали. Вы не усомнились въ правдивости ни одного ея слова. Да и нельзя сомнѣваться. Каждую пытку, каждый ударъ мучители занесли въ протоколъ, написанный на ея тѣлѣ и здѣсь на судѣ прочитанный врачомъ. Истязанія длились двѣнадцать часовъ. Обнаженную, ее держали въ холодной камерѣ, ногами перебрасывали изъ угла въ уголъ, топтали сапогами грудь, ступни ногъ, били нагайками, били по лицу, отрывали по волосу, отдирали кожу, разсѣченную нагайкой, гасили на тѣлѣ папиросы, приставали съ дикими, животными ласками. И она не назвала никого, ни разу не крикнула. Чтобы оцѣнить все безчеловѣчіе, весь ужасъ этихъ пытокъ, надо идти дальше застѣнковъ Ивана Грознаго и испанской инквизиціи, надо спуститься ко временамъ гунновъ и Тамерлана" [1]. Отъ себя добавимъ: у Спиридоновой отбиты легкія и, по свидѣтельству врача, ея организмъ уже охваченъ неизлечимымъ легочнымъ недугомъ...

Двѣнадцать часовъ истязаній и мученій!.. Въ Харбинѣ китайцевъ судятъ въ китайскомъ судѣ, по китайскимъ законамъ. Русскія власти не вмѣшиваются ни въ порядокъ производства суда, ни въ юридическую квалификацію дѣяній. Но пытки въ Харбинѣ не допускаются. Китайцамъ говорятъ: гдѣ, хотя фактически, владычествуютъ русскіе,

---

[1]) Заимствуемъ изъ корреспонденціи г. Владимірова, „Русь", № 60.

тамъ не можетъ быть пытокъ... Такъ говорятъ власти въ Харбинѣ. А что ихъ агенты безнаказанно дѣлаютъ въ Россіи?!..

Въ газетахъ промелькнула какъ-то любопытная замѣтка: „среди владѣльцевъ петербургскихъ типографій обсуждается проектъ петиціи на Высочайшее имя о возстановленіи предварительной цензуры". Вполнѣ допускаемъ, что эта замѣтка—плодъ фантазіи иронизирующаго репортера. Но если бы и въ дѣйствительности среди типографщиковъ курсировала мысль о возвратѣ къ предварительной цензурѣ—въ этомъ не было бы ничего необычайнаго. У сколькихъ изъ нихъ типографіи по недѣлямъ стояли запечатанными! Сколько ихъ разорено! Не будетъ ничего невѣроятнаго, если черезъ нѣсколько времени прочтемъ, что и редакторы газетъ просятъ вернуть цензуру.

Въ одной пьесѣ Островскаго есть такая сцена: къ городничему приведенъ обыватель. „Какъ тебя судить,—спрашиваетъ городничій,—по закону"? Обыватель замялся... „По закону?—такъ тащите законы", кричитъ городничій. Увидя принесенное страшилище въ образѣ груды толстыхъ книгъ, обыватель взмолился, чтобы его судили не по закону... Съ печатью всегда расправлялись не по закону—она была жалкая, ничтожная, но, все-таки, была. Вдругъ стали расправляться по закону—и черезъ четыре мѣсяца уже провидится ея исчезновеніе.

Жизнь „по закону" возможна лишь тогда, когда законъ соотвѣтствуетъ жизни. Иначе—она хуже беззаконнаго прозябанія по милости начальства. Допустимъ, что, наконецъ, правительство внемлетъ голосу всего общества, вспомнитъ обѣщаніе, данное 17-го октября, и отмѣнитъ правила усиленной и чрезвычайной охраны и военнаго положенія, но, дабы неповадно было совершать преступленія, издастъ краткій законъ: всѣмъ и за все полагается смертная казнь, или, во вниманіе къ уменьшающимъ вину обстоятельствамъ, какъ милость—каторга. Судебная расправа бьетъ нескоро, и, пока она не начнетъ бить, обыватели станутъ ликовать: мы—граждане, у насъ все по закону, безъ закона и суда ни урядникъ, ни губернаторъ, ни министръ, пальцемъ никого не могутъ тронуть... Повѣситъ судъ десятокъ гражданъ и сошлетъ въ каторгу сотню—всѣ взмолятся: подайте назадъ военное положеніе и охраны!..

Когда составлялось уголовное уложеніе, печать находилась подъ бдительнымъ надзоромъ цензуры, циркуляровъ и административныхъ распоряженій, и объ отношеніи къ ней карательныхъ опредѣленій новаго кодекса—мало кто думалъ. Прошло почти незамѣченнымъ, что единство и стройная красота юридической конструкціи превозмогли всѣ практическія соображенія, вслѣдствіе чего, напр., въ ст. 129,

оказались не различенными способы совершенія предусматриваемаго ею „возбужденія". Еще менѣе интересовались тогда авторы и редакторы тѣмъ, что, по мотивамъ закона, для признанія лица виновнымъ въ возбужденіи и для отправленія его въ ссылку или въ исправительный домъ съ лишеніемъ правъ (въ первомъ случаѣ правъ супружескихъ, родительскихъ и наслѣдственныхъ, не говоря уже о политическихъ) вовсе не требуется доказаннаго намѣренія возбудить другихъ къ совершенію бунтовщическихъ и т. п. дѣйствій, а достаточно сознательности поступка вообще. Все это упало на печать, какъ снѣгъ на голову. Петербургская судебная палата признала, что по дѣлу А. А. Суворина „не имѣется данныхъ, свидѣтельствующихъ, чтобы онъ помѣстилъ въ своей газетѣ („Русь") вышеуказанныя воззванія (резолюціи, заявленія и пр. союза союзовъ, совѣта рабочихъ депутатовъ и другихъ организацій) къ бунтовщическимъ дѣяніямъ съ прямою цѣлью возбуждать читателей къ вооруженному возстанію или къ сверженію существующей въ Россіи формы правленія", и, все-таки, вопреки точнаго смысла 129 ст., выраженнаго не въ мотивахъ, а въ ея текстѣ, подвела его дѣянія подъ это опредѣленіе. Только, въ видѣ особаго снисхожденія, А. А. Суворинъ, вмѣсто ссылки, приговоренъ на годъ въ крѣпость. Сенатъ оставилъ кассаціонную жалобу безъ послѣдствій, и приговоръ приведенъ въ исполненіе.

Тамъ же палата въ аналогичномъ дѣлѣ Л. В. Ходскаго усмотрѣла отсутствіе состава 129 ст., ибо признала доказаннымъ, что судившійся не только не имѣлъ намѣренія способствовать возбужденію читателей въ извѣстномъ направленіи, но, напротивъ, желалъ одновременно помѣстить опровергающую воззваніе статью, чего не сдѣлалъ лишь по обстоятельствамъ, отъ него независѣвшимъ. Но сенатъ, по протесту прокуратуры, приговоръ отмѣнилъ. Очевидно, что и Л. В. Ходскому, вслѣдъ за А. А. Суворинымъ, О. К. Нотовичемъ и г. Герценштейномъ, предстоитъ, по крайней мѣрѣ, годичное заключеніе въ крѣпости. Одинаковая участь ожидаетъ В. Г. Короленко, П. Н. Милюкова, І. В. Гессена и всѣхъ, уже привлеченныхъ. А затѣмъ начнется привлеченіе по 129 ст. за напечатаніе судебныхъ отчетовъ по политическимъ дѣламъ и т. д. Если сенатъ будетъ послѣдователенъ, то, пожалуй, предстоятъ процессы, по которымъ окажутся на скамьѣ подсудимыхъ оберъ-прокуроръ и оберъ-секретарь уголовнаго кассаціоннаго департамента. Вполнѣ сознательно они печатаютъ и распространяютъ рѣшенія не только по дѣламъ о возбужденіи къ бунту и измѣнѣ, но и о совершенныхъ бунтовщическихъ дѣйствіяхъ. А кто знаетъ, можетъ быть найдется такой чудакъ, который въ рѣшеніи не замѣтитъ вовсе кары, назначенной виновному, а прочтетъ одни инкриминированныя слова или описаніе совершенныхъ дѣйствій, и на котораго эти слова или

описаніе произведутъ такое впечатлѣніе, что онъ пойдетъ и станетъ бросать бомбы?..

Чрезвычайно мѣтко и сильно охарактеризовалъ нынѣшнее положеніе повременной печати г. Герценштейнъ въ послѣднемъ словѣ, сказанномъ имъ при разсмотрѣніи его дѣла въ палатѣ („Русь", № 46): „Я ничего не понимаю. Объясните мнѣ, какимъ образомъ я виноватъ въ томъ, что серьезно отнесся къ докладу гр. Витте, къ резолюціи на немъ и къ категорическимъ словамъ манифеста! Объясните, почему я на скамьѣ подсудимыхъ? Объясните мнѣ, какое дѣло до этого, до меня и газеты охранному отдѣленію? Ко мнѣ приходятъ ночью, обыскиваютъ, перерываютъ весь домъ, арестуютъ—за что? Какое дѣло до меня и газеты жандармскому управленію?! Судъ не автоматическій аппаратъ для сѣченія, о которомъ мечтали нѣкоторые администраторы, и не гильотина, ножъ которой падаетъ на того, кого ей подложатъ. Судъ своими рѣшеніями толкуетъ и разъясняетъ законъ, практически его примѣняетъ, и я вправѣ ждать разъясненія: какимъ образомъ я могу быть виновенъ въ пользованіи свободой слова, если манифестъ 17 октября и резолюція Государя на упомянутомъ докладѣ не отмѣнены?! Нельзя же въ самомъ дѣлѣ понимать свободу слова, какъ понимала свободу критики одна красивая барышня, говорившая, что допускаетъ свободу критики въ предѣлахъ комплимента. Нѣтъ того деспотическаго правительства, которое не допускало бы свободы въ предѣлахъ комплимента, но, очевидно, не о такой свободѣ шла рѣчь и не за нее мы боролись"...

Заслуживаетъ особеннаго вниманія еще одно мѣсто изъ той же рѣчи. Ораторъ остановился на „стремленіи втягивать главу государства въ литературные процессы, которые буквально никакого, даже отдаленнѣйшаго отношенія къ этой власти не имѣютъ. Почему реакція отождествляется съ главой государства — мнѣ непонятно"... „Я долженъ сказать, что при всей рѣзкости борьбы, которую вело „Начало", какъ я, такъ и всѣ сотрудники, строжайшимъ образомъ соблюдали парламентскій принципъ - оставлять главу государства внѣ партійной борьбы и полемики. Я не хотѣлъ бы, гг. судьи, чтобы вы меня заподозрили въ желаніи смягчить свою участь выставленіемъ на показъ своей лояльности. Поэтому я приведу вамъ раціональныя тому основанія. Разъ у главы государства отрицается право все дѣлать, то, eo ipso, онъ не можетъ отвѣчать за все, и—наоборотъ—если онъ за все отвѣчаетъ, то, разумѣется, онъ долженъ имѣть право все дѣлать, всѣмъ распоряжаться. А этого мы, конечно, не желали. И я смѣло могу сказать, что мы, дѣятели „Начала", можемъ гордиться строгимъ и неуклоннымъ проведеніемъ этого принципа, и лишь незнакомствомъ еще нашей прокуратуры съ парламентарнымъ режимомъ я объясняю

столь легкое отношеніе къ этому принципу въ различныхъ процессахъ".

Приводимъ извѣщеніе, полученное подъ росписку о прочтеніи родителями учениковъ кронштадтской гимназіи и подписанное 10-мъ марта 1906 года: „По распоряженію г. коменданта кронштадтской крѣпости симъ доводится до свѣдѣнія родителей учениковъ кронштадтской гимназіи, что въ случаѣ кто-либо изъ учениковъ гимназіи позволитъ себѣ осуждать, порицать или оказывать неповиновеніе власти, какъ гимназической, такъ и всякой другой, какъ въ зданіи гимназіи, такъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ, то тотъ классъ гимназіи, въ которомъ таковой ученикъ числится, будетъ немедленно закрытъ, и ученики будутъ лишены права держать экзамены, родители же виновнаго ученика будутъ подлежать административной отвѣтственности.—Директоръ гимназіи N."

Значитъ, если ученикъ кронштадтской гимназіи, на улицѣ, окажетъ неповиновеніе околоточному надзирателю, то всѣ его товарищи по классу будутъ лишены права учиться; если ученикъ въ классѣ не послушается учителя, родители ученика будутъ подлежать тремъ мѣсяцамъ ареста, или тремъ тысячамъ рублей штрафа, или высылкѣ изъ города... „Документъ" этотъ былъ напечатанъ 16 марта въ „Руси" (№ 58). Мы не рискнули бы его воспроизвести, если бы потомъ не видѣли собственными глазами подлиннаго экземпляра...

Въ текущемъ мѣсяцѣ скончался извѣстный драматургъ, подарившій немало пьесъ нашей сценѣ и пользовавшійся большою популярностью—В. А. Крыловъ; онъ подписывался обыкновенно однимъ именемъ и отчествомъ, что составляло для него псевдонимъ: „Викторъ Александровъ". Онъ родился въ Москвѣ въ 1837 году и готовился къ службѣ по инженерной части, но скоро оставилъ ее и отдался весь литературному труду. Первая же его пьеса, драма изъ крѣпостного быта, „Противъ теченія" (1865 г.)—обратила на В. А. Крылова всеобщее вниманіе и открыла собою длинный рядъ (болѣе тридцати) пьесъ для сцены. Въ нашемъ журналѣ были помѣщены слѣдующія комедіи и драмы покойнаго: „Земцы", ком. (1868 г.); „Въ духѣ времени" (1877 г.); „Горе-злосчастье" (1872); „Не ко двору" (1883 г.); „Семья пришельцевъ" (1886 г.) и др. У насъ же былъ помѣщенъ, около сорока лѣтъ тому назадъ, въ 1868 году, его замѣчательный трудъ, превосходно выполненный,—это „Натанъ Мудрый", Лессинга, стихотворный переводъ. Упомянемъ также объ одной изъ его журнальныхъ статей, помѣщенной у насъ (1881 г.): „Драма страстей Господнихъ", ежегодно разыгрываемая въ Оберъ-Аммергау.

24-го марта, скончался Владимiръ Ивановичъ Лихачевъ (род. въ 1837 г.)—извѣстный въ свое время дѣятель городского самоуправленiя въ Петербургѣ. Еще молодымъ человѣкомъ онъ вступилъ гласнымъ въ спб. городскую Думу, при дѣйствiи перваго городового Положенiя 1846 года, и быстро выдвинулся впередъ своею дѣловитостью и ораторскимъ талантомъ. Гласнымъ онъ оставался и въ Думѣ, реформированной новымъ городовымъ Положенiемъ 1870 года, введеннымъ въ Петербургѣ въ 1873 году. Съ тѣхъ поръ В. И. принимаетъ дѣятельное участiе въ городскихъ исполнительныхъ коммиссiяхъ, то въ званiи члена, то предсѣдателя; особенно много потрудился онъ, какъ предсѣдатель коммиссiи общественнаго здравiя; при немъ же поступили въ вѣдѣнiе города больницы, и началось ихъ улучшенiе. Съ 1885 г. и по 1892 г., онъ былъ городскимъ головой. Значительную часть своей дѣятельности В. И. отдавалъ и судейской работѣ въ качествѣ члена и товарища предсѣдателя окружного суда, предсѣдателя столичнаго мирового съѣзда и, наконецъ, сенатора. Близкiй другъ М. Е. Салтыкова, В. И. посвящалъ себя и литературнымъ трудамъ, въ качествѣ изслѣдователя и публициста, принималъ близкое участiе, какъ сотрудникъ, въ „Спб. Вѣдомостяхъ" подъ редакцiей В. Ѳ. Корша; тридцать лѣтъ тому назадъ, въ 1876 г., онъ прiобрѣлъ, вмѣстѣ съ А. С. Суворинымъ, газету „Новое Время", но черезъ два года, въ 1878 г., отказался отъ участiя въ ней. Въ „Вѣстникѣ Европы" В. И. сотрудничалъ еще въ самые первые годы этого изданiя; такъ, въ первый же годъ изданiя нашего журнала, въ 1866 г., онъ помѣстилъ статью, подготовлявшую его къ будущей городской дѣятельности: „О городскомъ общественномъ управленiи" (1866, III, 96, за подписью L.); въ 1867 г., I, 29 (L.): „Городское хозяйство и общественное управленiе г. Петербурга"; въ 1871 г., сент., статья: „Швейцарскiя исправительныя колонiи". Въ 1873 г., когда началась реакцiя въ нашей судебной реформѣ, В. И. помѣстилъ у насъ критическую статью (iюль, 264 стр., за подписью: —ъ.), озаглавивъ ее: „Передѣлка судебныхъ уставовъ"; по поводу этой статьи, журналъ получилъ второе предостереженiе (авг., 432 стр.). Послѣднею его статьею въ журналѣ былъ некрологъ весьма извѣстнаго городского дѣятеля А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго (1882 г., февр., 876).

ИЗВѢЩЕНІЯ

I. — Отъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія.

Воззваніе Соединенной Организаціи С.-Петербургскихъ Обществъ для помощи голодающимъ отъ неурожая.

Къ пережитымъ нашею родиною бѣдствіямъ присоединилось новое: *неурожай*, отъ котораго пострадало слишкомъ 138 уѣздовъ въ 23 губерніяхъ съ населеніемъ около 25 милліоновъ, на пространствѣ въ 600 тысячъ квадратныхъ верстъ. Отъ лѣтней жары высохли хлѣба и травы въ центральной черноземной полосѣ, отъ чрезмѣрныхъ дождей вымокли поля во многихъ мѣстностяхъ сѣвера. Недоборъ въ 12 наиболѣе пострадавшихъ губерніяхъ превышаетъ полъ-милліарда пудовъ хлѣба. Населеніе этого района не можетъ покрыть свою нужду даже при содѣйствіи земства и правительства.

Въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ населеніе дошло уже до такой грани, гдѣ кончается голодная жизнь и начинается голодная смерть. *Нѣтъ пищи, нѣтъ корма для скота, нѣтъ соломы на топливо.* Ожидаются цынга, голодный тифъ, холера, надвигается грозный призракъ чумы.

Вспомнимъ 1892 годъ, въ теченіе котораго отъ болѣзней, спутниковъ голода 1891 года, только въ губерніяхъ Европейской Россіи смертность противъ трехлѣтней средней увеличилась на 600.000 человѣкъ. *Нужна неотложная общественная помощь.* Только при сочувствіи общества народной нуждѣ могутъ быть собраны средства, необходимыя для изголодавшагося населенія.

Уже возникло съ этою цѣлью нѣсколько общественныхъ организацій. Но бѣдствіе такъ велико, что необходимо создавать новые и новые кружки, собирать новыя силы и средства.

Русское Общество охраненія народнаго здравія сочло своимъ долгомъ помочь голодающимъ и объединило для этой цѣли многія С.-Петербургскія Общества.

Въ твердой надеждѣ на общее сочувствіе *Соединенная Организація С.-Петербургскихъ Обществъ* обращается ко всѣмъ, въ комъ живо, въ комъ теплится чувство любви къ страждущему ближнему, *съ просьбою оказать посильную помощь*—и малая лепта отъ многихъ доброжелателей можетъ спасти голодающихъ.

Всѣ накладные расходы будутъ выполнены на средства Русскаго Общества охраненія народнаго здравія, а потому *каждая пожертвованная копѣйка найдетъ себѣ производительное употребленіе исключительно на нужды голодающихъ отъ неурожая.* Спѣшите помогать, ибо опасность —въ промедленіи.

Списки пожертвованій и отчеты будутъ публиковаться въ газетахъ и журналѣ Общества охраненія народнаго здравія; дѣятельность орга-

низаціи будетъ доступна самой широкой гласности и общественному контролю.

Для завѣдыванія всѣми дѣлами Соединенная Организація избрала *Исполнительный Комитетъ*: предсѣдатель прив.-доц. В. Ѳ. Губертъ, секретари: гражд. инж. С. В. Покровскій и д-ръ мед. Г. И. Дембо, казначей д-ръ Б. И. Хабловскій; члены—д-ръ мед. А. А. Владиміровъ, женщ.-врачъ З. Я. Ельцина, гражд. инж. В. В. Старостинъ и Вас. Ив. Покровскій.

Пожертвованія въ фондъ Соединенной Организаціи С.-Петербургскихъ Обществъ для помощи голодающимъ отъ неурожая принимаются:

а) въ Обществѣ охраненія народнаго здравія (Мойка, 85, у Синяго моста);

б) во всѣхъ соединенныхъ съ нимъ Обществахъ, а именно: 1) въ „Обществѣ архитекторовъ" (Мойка, 83); 2) въ „Обществѣ архитекторовъ-художниковъ" (Императорская Академія Художествъ); 3) въ „Обществѣ борьбы съ заразными болѣзнями" (Театральная ул., 3); 4) въ „Россійскомъ Ветеринарномъ Обществѣ" (Театральная ул., 1—3); 5) въ „С.-Петер. Врачебномъ Обществѣ взаимной помощи" (9 Рожд., № 18); 6) въ „Географическомъ Обществѣ" (Чернышевская площ., 2); 7) въ „Обществѣ гражданскихъ инженеровъ" (Серпуховская ул., 10); 8) въ „Обществѣ инженеръ-электротехниковъ" (Песочная ул., 5); 9) въ „Медицинскомъ Обществѣ" (Инженерная ул., 9); 10) въ „Обществѣ морскихъ врачей" (зданіе Адмиралтейства); 11) въ „Обществѣ нѣмецкихъ врачей" (Моховая, 38); 12) въ „Политехническомъ Обществѣ" (Мойка, 83); 13) въ „Обществѣ русскихъ врачей" (Б. Сампсоніевскій пр., 2); 14) въ „Собраніи экономистовъ" (Адмиралтейская наб., 4); 15) въ „Обществѣ содѣйствія русской промышленности и торговли" (Мойка, 83); 16) въ „Обществѣ С.-Петербургскихъ врачей" (Б. Конюшенная, 10); 17) въ „Обществѣ технологовъ" (Англійскій пр., 45).

II.—Отъ Общества вспомоществованія студентамъ Имп. Университета св. Владиміра.

Общество вспомоществованія студентамъ Университета св. Владиміра, вступая въ 24-й годъ своей дѣятельности, крайне озабочено недостаточностью денежныхъ средствъ и связанной съ этимъ печальной необходимостью сократить до минимума размѣры выдаваемыхъ студентамъ пособій.

Сокращеніе средствъ Общества послѣдовало главнымъ образомъ вслѣдствіе непонятнаго отношенія къ нему бывшихъ воспитанниковъ кіевскаго университета св. Владиміра, воспользовавшихся въ свое время матеріальной поддержкой Общества.

Къ сожалѣнію, очень многіе изъ этихъ лицъ, будучи уже вполнѣ матеріально обезпеченными, совершенно позабыли о своемъ долгѣ и тѣмъ заставляютъ Общество, въ настоящее, экономически тяжелое время, отказывать въ поддержкѣ ихъ младшимъ товарищамъ—питомцамъ родного имъ университета.

Состоящая при Обществѣ долговая коммиссія вполнѣ увѣрена, что

должники Общества, прочтя настоящее письмо, откликнутся на этотъ товарищескій призывъ, если не немедленнымъ возвратомъ своихъ долговъ полностью, то въ крайнемъ случаѣ сообщеніемъ своихъ адресовъ и заявленіями о своемъ желаніи разсчитаться съ Обществомъ путемъ разсрочки платежа; но если бы эта надежда не осуществилась, то долговая коммиссія считаетъ своей обязанностью предупредить, что тогда она вынуждена будетъ прибѣгнуть къ крайнему средству моральнаго воздѣйствія, именно—*оглашенію въ печати соотвѣтствующихъ именъ съ полнымъ, по возможности, указаніемъ адресовъ и общественнаго положенія.*

Серьезность испытываемаго Обществомъ, вслѣдствіе неисправности его должниковъ, матеріальнаго затрудненія лучше всего доказывается слѣдующими цифрами:

По книгамъ Общества числится невозвращенныхъ долговъ на сумму около ста-семидесяти тысячъ (170.000) рублей, при чемъ около пятидесяти-семи тысячъ (57.000) рублей числится за лицами, адреса которыхъ остаются для Общества неизвѣстными, несмотря на всѣ его поиски.

Лицъ, интересующихся спискомъ неразысканныхъ пока должниковъ, просятъ письменно обращаться въ канцелярію Общества, для полученія соотвѣтственной книжки.

Деньги и письма на имя Общества вспомоществованія студентамъ университета св. Владиміра слѣдуетъ адресовать: *Кіевъ, Гимназическая, д. № 3.*

ПОПРАВКИ.

Въ мартовской книгѣ необходимо сдѣлать слѣдующія исправленія:

Стр. 263, св. 7 строка: напечатано—уступить; слѣдуетъ—*упустить.*
" " сн. 22 строка: Радищевъ—вмѣсто: *Радецкій.*
" 268, сн. 19 " : темно—вмѣсто: *томно.*
" 273, св. 8 " : о другихъ лицахъ—вмѣсто: *и другимъ лицамъ.*

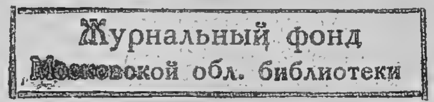
Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. СТАСЮЛЕВИЧЪ.

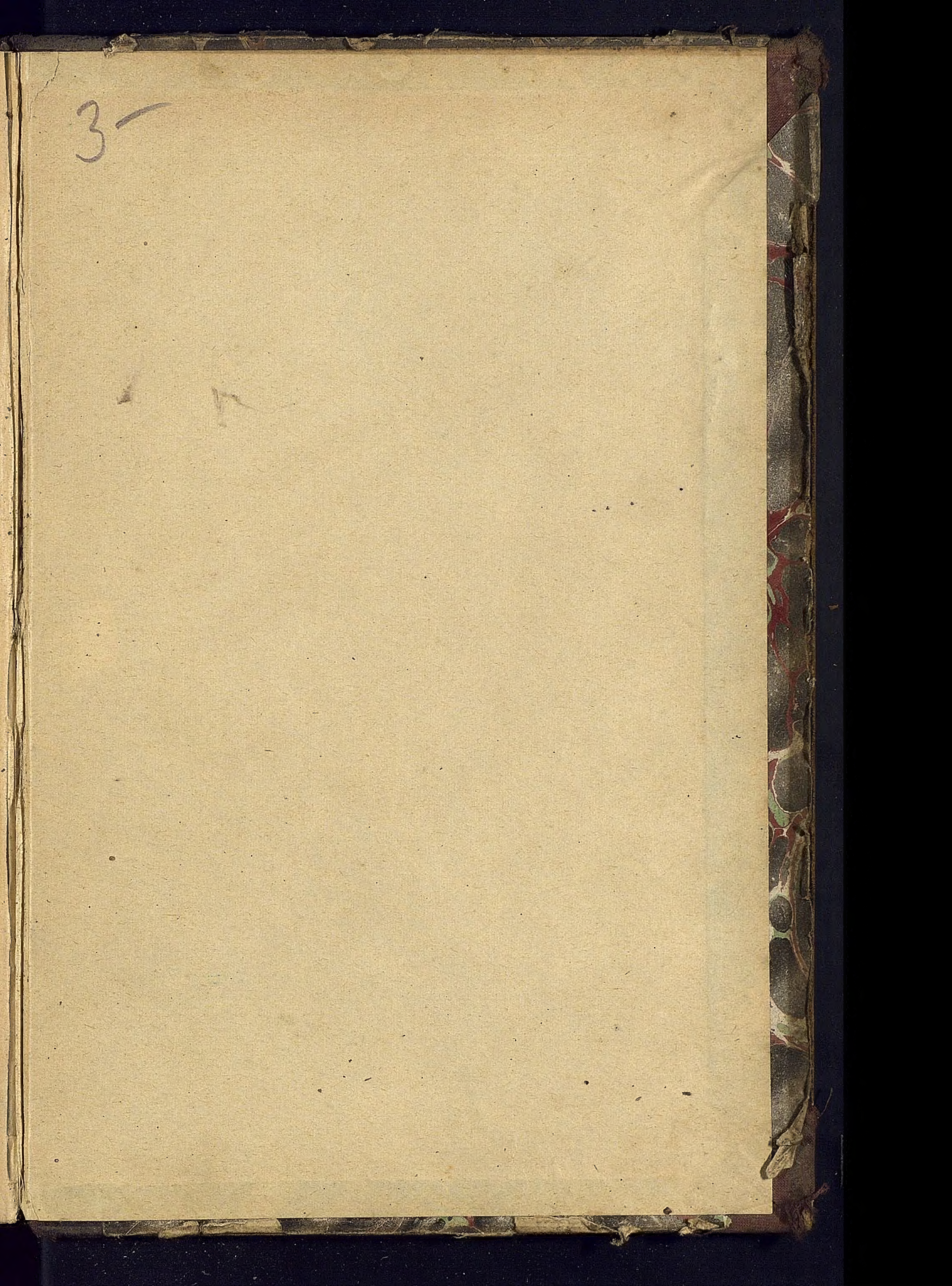
СОДЕРЖАНІЕ
ВТОРОГО ТОМА

Мартъ—Апрѣль, 1906.

Книга третья. — Мартъ.

Книга четвертая. — Апрѣль. стр.

3–

